Весь

САЙМАК

ИГРУШКА СУДЬБЫ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

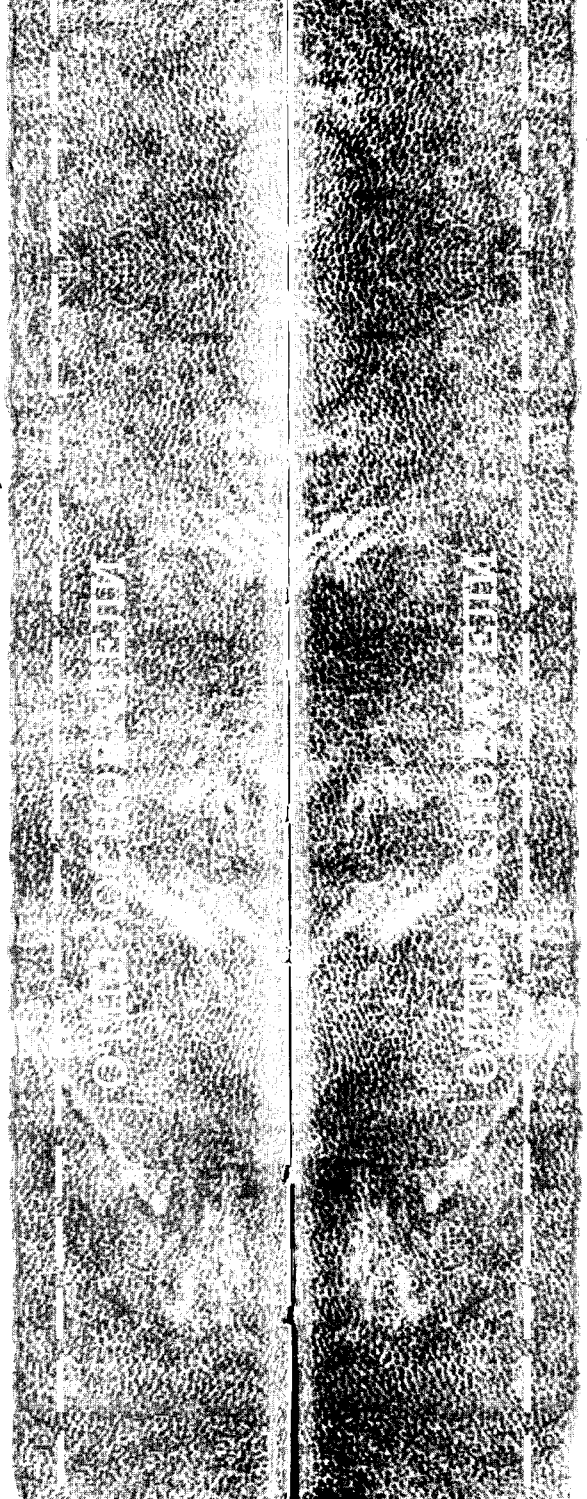
Весь

САЙМАК

Весь

САЙМАК

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ
ПОЧТИ КАК ЛЮДИ
ИГРУШКА СУДЬБЫ

Клиффорд

САЙМАК

ИГРУШКА СУДЬБЫ

Москва
Эксмо
Санкт-Петербург
ДОМИНО
2005

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)
С 12

Clifford D. SIMAK

CEMETERY WORLD
© 1973 by Clifford D. Simak

DESTINY DOLL
© 1971 by Clifford D. Simak

SHAKESPEARE'S PLANET
© 1976 by Clifford D. Simak

PROJECT POPE
© 1981 by Clifford D. Simak

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Саймак К.

С 12 Игрушка судьбы: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 816 с. — (Отцы-основатели. Весь Саймак).

ISBN 5-699-08489-4

Человек во вселенной... Кто он? Песчинка? Игрушка в руках предопределенной высшими силами судьбы? Или полноправный хозяин Времени и Пространства? Что ждет его в будущем — Вечность или Забвение? Сумеет ли он найти общий язык с обитателями иных миров и что поможет ему в этом — знание или вера? Вопросы, вопросы, вопросы... Они волнуют всех мыслящих обитателей Земли. Возможно, ответы на них помогут отыскать давно ставшие мировой классикой романы признанного Мастера фантастики Клиффорда Саймака.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7 США)

© Перевод. О. Битов, А. Козловский, К. Королев, Н. Сосновская, 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

ISBN 5-699-08489-4

МОГИЛЬНИК

Глава 1

Впервые я увидел Кладбище при свете дня. От его красоты захватывало дух. Сверкающие надгробные памятники рядами тянулись по долине и покрывали склоны близлежащих холмов. Аккуратно подстриженная, нигде не вытоптанная трава изумрудным ковром устилала землю. Величественные сосны, которые отделяли одну аллею могил от другой, тихо и заунывно шелестели.

— Прямо за душу берет,— проговорил капитан звездолета похоронной службы.

Он постучал себя по груди, очевидно, показывая мне, где у него находится душа. У меня сложилось впечатление, что человек он не очень далекий.

— Сколько бы ты ни шатался по космосу, сколько бы планет ни перевидал, Мать-Земля тебя не отпускает,— продолжал он.— Ты всегда помнишь о ней. Но стоит лишь приземлиться здесь и выйти из корабля, как обнаруживаешь, что подзабылось-то, оказывается, куда как много. Мать-Земля слишком велика и прекрасна, чтобы ее можно было удержать в памяти целиком.

Корпус звездолета, разогревшийся при посадке, теперь, потрескивая, отдавал тепло. Экипаж, не дожидаясь, пока корабль остынет окончательно, приступил к разгрузке. Распахнулись черные бортовые люки; оттуда, позвякивая и лязгая цепями, высунулись стрелы кранов. От длинного приземистого здания, которое, судя по всему, исполняло роль этапного ангара, к звездолету устремились автомобили.

Капитана, похоже, все это нисколько не заботило. Он по-прежнему зачарованно разглядывал Кладбище! Вдруг он величаво повел рукой.

— Какие просторы! — сказал он.— А ведь сейчас мы видим только крохотный его кусочек. Оно давно переросло Северную Америку.

Он не сообщил мне ничего нового. Я прочитал гору книг о Земле, просмотрел и прослушал сотни кинопленок и магнитных лент. Я бредил Землей с детства. Наконец-то сбылась моя мечта, а этот придурок капитан вещает с таким видом, будто планета принадлежит ему одному. Хотя, быть может, тому есть основания: ведь он работает на Кладбище.

Он ничуть не преувеличивал, говоря о крохотном кусочке. Ряды памятников, бархатное покрывало травы, величественные сосны — подобная картина являлась, пожалуй, неотъемлемой частью пейзажа как в Северной Америке, так и на древнем острове Британия, на европейском континенте, в Северной Африке и в Китае.

— И каждый его дюйм,— не унимался капитан,— так же тих, покоен, торжествен и содержится в таком же порядке, что и уголок, который мы видим перед собой.

— А остальное? — спросил я.

Капитан обернулся ко мне.

— Что остальное? — раздраженно бросил он.

— Остальная территория планеты. Как с ней? Насколько мне известно, Кладбище владеет не всей Землей.

— Помнится,— заметил капитан ядовито,— вы меня об этом уже спрашивали. И что вам неймется? Поймите, кроме Кладбища, тут нет ничего, заслуживающего внимания.

Так оно, в общем-то, и было. Во всех современных, то есть менее чем тысячелетней давности книгах о свободной от захоронений территории едва упоминалось. Земля была Кладбищем, если не считать немногих мест, которые представляли интерес с точки зрения истории или культуры. Эти места широко рекламировались, для их посещения организовывались специальные паломничества. Однако у тех, кто побывал там, неизбежно возникало впечатление, что существуют они лишь до поры до времени — пока Кладбищу не надоест ломать комедию. Так вот, по книгам выходило, что, помимо тех мест, Земля представляет собой всего лишь площадку для захоронений, на которой так давно ничего не строилось, что всякая память о былых днях успела улетучиться.

Капитан, по-видимому, не собирался сменить гнев на милость.

— Мы выгрузим ваши вещи и переправим их в ангар,— сказал он.— Там вы без труда их найдете. Я прикажу ребятам быть повнимательнее и не перепутать с гробами ваши ящики.

— Вы очень добры,— отозвался я.

Он утомил меня до последней степени. Уже на третий день полета я не чаял, как от него избавиться. Я как мог избегал его — без особого, впрочем, успеха, ибо, летя пассажиром на корабле похоронной службы, я тем самым становился на время перелета гостем капитана. Надо сказать, эта привилегия обошлась мне недешево.

— Надеюсь,— в его голосе все еще слышались раздраженные нотки,— ваш груз не содержит ничего запрещенного к ввозу.

— А я и не подозревал, что фирма «Мать-Земля, Инк.» опасается крамолы.

— Вы напросились ко мне в пассажиры, и я взял вас потому, что вы показались мне благородным человеком.

— О благородстве у нас не было и речи,— напомнил я ему.— Разговор шел только о деньгах.

Быть может, подумалось мне, не стоило упоминать о свободных пространствах Земли. Мы с капитаном не раз касались этой темы, и, как я мог заметить, он всегда реагировал на нее весьма болезненно. Мне следовало бы получше помнить прочитанное и держать рот на замке. Однако я не в силах был смириться с мыслью, что старушка Земля за десять тысяч лет превратилась в совершенно безликую планету. Во мне жила уверенность, что, если поискать, можно обнаружить старые шрамы и извлечь из-под пыли веков запечатленную в камне летопись былых времен.

Капитан повернулся, чтобы уйти, но я остановил его вопросом:

— Тот человек, к которому я должен обратиться, управляющий. Где я могу с ним встретиться?

— Его зовут Максуэлл Питер Белл,— бросил капитан.— Вы найдете его вон там, в административном корпусе.

Он показал на высокое серебристое здание в дальнем конце космодрома, к которому бежала дорога. Прикинув на глаз расстояние, я решил, что путь мне предстоит неблизкий. Никаких средств передвижения видно не было, если не считать выстроившихся в ряд у грузового люка корабля автомобилей-катафалков. Ну и ладно, прогуляемся по свежему воздуху.

— В соседнем здании,— продолжал капитан,— располагается гостиница, где останавливаются те, кто совершает паломничество. Возможно, вам повезет получить там номер.

Выполнив свои обязательства по отношению ко мне до конца, капитан развернулся и пошел прочь.

До гостиницы, приземистого сооружения в три этажа высотой, было гораздо дальше, чем до административного корпуса. Космодром выглядел чуть ли не заброшенным. На поле не было ни одного звездолета, помимо того, на котором я сюда прибыл, и, если забыть про катафалки, ни одного автомобиля.

Я направился к административному корпусу, думая о том, как хорошо размять мышцы, как хорошо снова чувствовать под ногами твердый грунт и дышать свежим воздухом. Как хорошо очутиться на Земле, особенно после того, как неоднократно отчаивался сюда попасть.

Элмер, должно быть, бесится в своем ящике, гадая, почему я не распаковал его сразу после посадки. Это было бы разумное решение, ибо за то время, которое уйдет у меня на посещение Белла, он мог бы привести в порядок Бронко. Но тогда пришлось бы дожидаться, пока мои вещи выгрузят и переправят в ангар, а мне не терпелось сделать ну хоть что-нибудь.

Откровенно говоря, меня заинтриговало, с какой стати я должен отмечаться у этого самого Максуэлла Питера Белла? Капитан выразился в том смысле, что того, мол, требует простая вежливость, но я ему не поверил. Его поведение в полете, на который ушли без остатка все сбережения Элмера, отнюдь нельзя было назвать образцом любезности. Походило на то, что Кладбище считает себя чем-то вроде правительства и ожидает соответствующего уважения со стороны гостей планеты. На деле же оно было не чем иным, как преуспевающей фирмой, которую мало интересовали моральные проблемы. За годы, посвященные изучению Земли, у меня выработалось весьма определенное мнение о компании «Мать-Земля, Инк.».

Глава 2

Максуэлл Питер Белл, управляющий североамериканским отделением фирмы «Мать-Земля, Инк.», оказался пухленьким коротышкой с претензиями на роль всеобщего любимца. Когда я вошел в его офис, занимающий особняк на крыше административного корпуса, он встретил меня, восседая в громоздком зачехленном кресле за большим сверкающим столом. Потерев

руки, он приветливо, если не сказать нежно, улыбнулся мне. Начни его карие глаза таять и сбегать ручейками по щекам, оставляя на них следы, как от шоколада, я бы ничуть не удивился.

— Вы довольны перелетом? — спросил он.— У вас нет претензий к капитану Андерсону?

Я покачал головой:

— Никаких. Я ему очень признателен. Мне не хватило бы денег, чтобы заплатить за место на корабле для паломников.

— Ну что вы, что вы,— проговорил он.— Это мы должны быть вам признательны. В наши дни мало кто из людей искусства проявляет интерес к Матери-Земле.

Тут он, разыгрывая из себя радушного хозяина, пожалуй, слегка переборщил. Мне было известно, что Земля вовсе не обделена вниманием, как он выразился, «людей искусства»; причем любой из них, прилетев сюда, незамедлительно попадал под «материнское» крылышко фирмы. Об опеке со стороны компании мог не догадаться разве что полный недотепа. Потому-то многое из того, что было здесь написано или снято, выглядело как состряпанная высокооплачиваемыми мастерами своего дела кладбищенская реклама.

— У вас тут хорошо,— сказал я лишь для того, чтобы поддержать разговор.

Получилось так, что я сам напросился на лекцию. Белл завозился, поудобнее устраиваясь в кресле,— точь-в-точь наседка, распускающая перья над гнездом с яйцами.

— Вы, разумеется, слышали сосны,— начал он.— Они поют. Даже отсюда, если распахнуть окно, можно услышать их пение. Я слушаю их вот уже тридцать лет и никак не наслушаюсь. Они поют о вечном покое, который нельзя обрести нигде, кроме как на Земле. Порой мне кажется, что это песня не только сосен и ветра, но разбросанного по космосу человечества, которое наконец возвращается домой.

— Ничего такого я не слышал,— признался я.— Наверное, прошло слишком мало времени. Но вообще-то я для того и прилетел, чтобы слушать.

С тем же успехом я мог бы не раскрывать рта. Он меня не слышал. Он не желал меня слышать. Он был поглощен исполнением давным-давно заученного монолога.

— Тридцать с лишним лет,— вещал он,— я забочусь об Окончательно Вернувшихся. За такую работу берутся, лишь хорошенько все взвесив. У меня было много предшественников; в этом кресле сиживали многие управляющие, и все они были людьми благородными и возвышенными. И моя обязанность — продолжать их дело. Еще я считаю своим долгом поддерживать великие традиции, которые зародились в далеком прошлом Матери-Земли.

Он откинулся на спинку кресла. В уголках его карих глаз выступила влага.

— Временами,— сообщил он,— мне приходится нелегко. Сами понимаете, обстоятельства бывают разные. Порочащие измышления, всякие слухи, обвинения, которые никогда не высказываются открыто. Полагаю, вам они известны.

— Да, я кое-что слышал.

— Вы верите им?

— Не всем.

— Давайте не будем ходить вокруг да около,— предложил он, пожалуй, чуть резковато.— Давайте поговорим начистоту. Во-первых, фирма «Мать-Земля Инкорпорейтед» есть ассоциация похоронных услуг, а Земля — кладбище. Далее, наша компания — отнюдь не мыльный пузырь, созданный ради легкой наживы, не ловушка для простаков и не какая-нибудь там посредническая контора, которая распродает за бешеные деньги лакомые кусочки бесценных угодий. Разумеется, мы в своей работе пользуемся существующими деловыми каналами. А как же иначе? Только этим путем мы можем предложить свои услуги населенной людьми Галактике. Отсюда возникает необходимость создания организации настолько крупной, что подобное трудно себе вообразить. Но у каждой медали есть оборотная сторона. В силу грандиозности предприятия практически невозможно говорить об осуществлении надлежащего контроля за ходом всей деятельности организации. Другими словами, вполне вероятно, что мы, руководители, зачастую остаемся в неведении относительно событий, которым, знай мы о них, вряд ли позволили бы произойти. Мы нанимаем бесчисленных специалистов по рекламе. Мы вынуждены рекламировать свои товары в самых отдаленных уголках обжитого космоса. Мы с готовностью признаем, что на всех планетах, колонизованных людьми, находятся наши торговые агенты.

Для делового мира все это в порядке вещей. Учтите также, что, навязывая свои услуги, мы тем самым проявляем заботу о благе человека. В нашей деятельности можно выделить по меньшей мере два аспекта.

— Два? — переспросил я ошарашенно. Меня поразила не столько та лавина сведений, которую обрушил мне на голову Белл, сколько личность моего собеседника.— Я думал...

— Первый из них — индивидуальный подход,— перебил он.— О нем-то вы, без сомнения, и подумали. Разумеется, мы ставим индивида во главу угла. Поверьте мне: зная, что твои усопшие родственники покоятся в священной землице материнской планеты, ощущаешь в душе радость и умиротворение. И как приятно сознавать, что, окончив все счеты с жизнью, ты тоже окажешься тут — на планете, которая была колыбелью человечества!

Я повел плечами. Мне стало за него стыдно. Он поставил меня в неловкое положение, и потому я слегка рассердился. Должно быть, подумалось мне, он считает меня круглым дураком, если рассчитывает сладкими речами успокоить мои подозрения насчет истинного лица фирмы «Мать-Земля, Инк.» и обратить меня в свою веру.

— Второй аспект,— продолжал он,— является, пожалуй, еще более значимым. Мы, то есть наша фирма, сохраняем человечество как единое целое. Позабыв о Матери-Земле, человек превратился бы в перекати-поле. Он потерял бы всякую память и всякие связи с этим относительно небольшим кусочком материи, который кружит вокруг ничем не примечательной звезды. А так — пускай связь неимоверно хрупка, но она объединяет людей. Земля — вот то, что принадлежит всем нам без исключения. Лишившись ее, человек обратится в бродягу, не помнящего родства.

Белл сделал паузу и поглядел на меня. Мне показалось, он ожидает с моей стороны одобрительного замечания. Если так оно и было на самом деле, то ему пришлось разочароваться.

— Итак, Земля представляет собой огромное галактическое кладбище,— произнес он, сообразив, видно, что я не намерен раскрывать рот.— Однако это отнюдь не просто могильник. Она — памятник, она — нить, которая связывает человечество воедино. Без нас люди бы давным-давно предали Землю забвению. Сложись обстоятельства иначе, и планета, которая дала

жизнь человеку, вполне вероятно, превратилась бы в предмет академического интереса и пустых споров. Изредка в поисках туманных свидетельств о временах юности галактической расы сюда заглядывали бы археологические экспедиции — и все.

Он подался вперед и оперся локтями на стол.

— Я утомил вас, мистер Карсон?

— Нисколько,— отозвался я, ничуть не покривив душой. Он вовсе меня не утомил, скорее, зачаровал. Неужели он и вправду верит всему тому, что наговорил мне?

— Мистер Карсон,— повторил он.— А имя? Боюсь, я его запамятовал.

— Флетчер,— подсказал я.

— Ну конечно! Флетчер Карсон. Значит, вы слышали все эти россказни. Что мы дерем с клиентов три шкуры, что мы облапошиваем их, что мы...

— Слышал, но не все,— заметил я.

— И принимаете их за чистую монету, не так ли?

— Послушайте, мистер Белл,— сказал я,— мне непонятно...

Он перебил меня.

— Надо признать, некоторые наши представители излишне усердны,— проговорил он.— А рекламщики, преисполнясь творческого пыла, забывают порой о хорошем вкусе. Но в общем и целом мы прилагаем немалые усилия, чтобы поддержать лицо фирмы, которая взялась за такое, прямо скажем, нелегкое дело. Любой из паломников, побывавших на Матери-Земле, подтвердит, что на планете не найти ничего краше участков, к которым мы приложили руку. Благоустроенные, обсаженные вечнозеленым кустарником и тисом... трава бархатистая и аккуратно подстрижена... великолепные цветочные клумбы... да ведь вы видели все своими глазами, мистер Карсон.

— Лишь мельком,— сказал я.

— Что касается проблем, с которыми мы сталкиваемся, позвольте привести вам маленький пример,— он словно вдруг проникся доверием ко мне.— Несколько лет назад одному нашему агенту в дальнем секторе Галактики вздумалось распустить слух, что на Земле почти не осталось места и что тем семьям, которые хотели бы похоронить там своих покойников, настоятельно рекомендуется заблаговременно приобрести пока еще свободные территории.

— Разумеется, это была «утка»,— закончил я.— Не так ли, мистер Белл?

Мой вопрос был чисто риторическим. Просто мне захотелось подколоть Белла. Однако он если и уловил насмешку в моем голосе, то не подал вида.

Он вздохнул.

— Естественно. Приведись мне услышать такое, я бы, откровенно говоря, не поверил. Я бы пожал плечами и посмеялся в лицо тому, кто мне это рассказал. Но многие поверили и побежали жаловаться, а власти затеяли расследование. Короче, нам пришлось несладко во всех отношениях. Хуже всего то, что слух не умер, что к нему до сих пор некоторые относятся вполне серьезно. Мы стараемся искоренить его. Мы тратим на борьбу с ним силы и деньги. Мы опубликовали не одно опровержение, но пока безрезультатно.

— Мне кажется, этот слух в какой-то степени вам на пользу,— заметил я.— На вашем месте я бы не особенно боролся с ним.

Белл надул пухлые щеки.

— Вы не понимаете,— сказал он.— Наши отношения с клиентами всегда строились на основе честности и взаимного доверия. Именно поэтому мы считаем, что фирма не должна нести ответственность за опрометчивый поступок одного из агентов. Если принять во внимание грандиозный масштаб нашей деятельности и трудности поддержания связи, то неудивительно, что такое иногда может произойти.

— Не могли бы вы рассказать мне об остальной Земле,— попросил я,— о той ее части, которая не является Кладбищем. Было бы весьма...

Взмахом пухленькой ручки Белл отмел мой вопрос и остальную Землю вместе с ним.

— Ничего там нет,— ответил он.— Дикая природа. Совершенно дикая. Интерес на планете представляет лишь Кладбище. С практической точки зрения, Земля — это могильник и ничего больше.

— Тем не менее,— не отступался я,— мне бы...

Не дав мне договорить, он возобновил свою лекцию:

— Нам никуда не деться от вопроса о наших доходах. Почему-то считается, что они у нас колоссальные. Но давайте прикинем с вами издержки. Во-первых, затраты на обес-

печение существования фирмы — от них одних волосы дыбом встают. Прибавьте сюда расходы на содержание флота похоронной службы: ведь наши корабли привозят на Землю покойников со всей Галактики. Приплюсуйте еще деньги, которые тратятся на приведение в порядок участков на планете, и вы получите сумму, по сравнению с которой расценки на наши услуги покажутся мизерными.

Немногие из родственников соглашаются сопровождать умерших на борту корабля похоронной службы. А потом, мы сами зачастую не разрешаем им этого. Вы провели несколько месяцев на одном из кораблей и знаете теперь, что до комфорта туристских лайнеров нашим звездолетам далеко. Зафрахтовать корабль могут позволить себе лишь те, у кого денег куры не клюют, а прибытие звездолетов с паломниками, путешествие на которых, кстати сказать, тоже обходится недешево, как правило, не совпадает по времени с посадкой кораблей похоронной службы. Таким образом, поскольку родственники обычно не в состоянии наблюдать за преданием усопшего земле, на нашу долю выпадает позаботиться о соблюдении традиций. Невозможно представить себе, чтобы человека погребли в священной почве Матери-Земли, не проронив над ним ни слезинки! Поэтому мы содержим большой штат плакальщиц и тех, кто несет гробы до могилы. Кого у нас только нет: цветочницы и могильщики, скульпторы и садовники, не говоря уже о священниках. Со священниками вопрос особый. Их у нас видимо-невидимо. Вера в божественное, которую люди понесли с собой к звездам, неоднократно видоизменялась, и на сегодняшний день мы имеем тысячи культов и сект. Однако наша фирма по праву гордится тем, что тело опускается в могилу лишь после того, как над ним прочитают заупокойную молитву, которая предписывается его вероисповеданием. Отсюда — невообразимое количество священников, причем коекому из них приходится отправлять свои обязанности не чаще, чем раз или два в год. Но, чтобы они всегда были под рукой, мы платим им жалованье круглогодично.

Разумеется, мы смогли бы сэкономить известные средства, воспользовавшись, к примеру, механическими экскаваторами для рытья могил. Но мы не хотим нарушать традиции, и потому у нас служит не одна тысяча могильщиков. Другой при-

мер: значительно дешевле было бы устанавливать на могилах металлические таблички. Но опять-таки — традиция есть традиция. Все надгробные памятники на кладбищах вырезаны вручную из камней Матери-Земли.

Кроме того, существует еще вот какая проблема. Наступит день — не завтра, но тем не менее,— когда на Земле не останется свободного места. Источник нашего дохода иссякнет, но кому-то ведь надо будет заботиться о захоронениях и тратить деньги на их содержание. По этой причине мы ежегодно отчисляем определенную сумму в страховой фонд, гарантируя клиентам, что, пока Земля кружит по своей орбите, могилам их близких ничто не угрожает.

— Очень интересно,— сказал я.— Спасибо за доставленное удовольствие. Однако не откажите в любезности объяснить, зачем вы все это мне рассказали.

— Как зачем? — удивился Белл.— Чтобы прояснить ситуацию. Чтобы не допустить извращения истины. Чтобы вы осознали, с какими трудностями мы сталкиваемся.

— И чтобы я заметил вдобавок, как развито у вас чувство долга и насколько вы преданы делу.

— А почему бы и нет? — спросил он, ничуть не смутившись.— Мы хотим показать вам все, что тут есть интересного. Прелестные деревушки, где живут наши рабочие, удивительно красивые часовни, мастерские, в которых изготавливают памятники.

— Мистер Белл,— сказал я,— мне не нужны экскурсоводы. Я прибыл сюда не как паломник.

— Но ведь вы не откажетесь от нашей помощи, которую мы вам с удовольствием предоставим?

Я покачал головой, надеясь, что Белл не обидится.

— Извините, но это не входит в мои планы. Нам надо работать — мне, Элмеру и Бронко.

— Вам, Элмеру и кому?

— Бронко.

— Бронко? Что-то я вас не пойму.

— Мистер Белл,— сказал я,— чтобы как следует понять меня, вам придется изучить историю Земли и познакомиться кое с какими древними легендами.

— А при чем здесь Бронко?

— Так раньше на Земле называли лошадей. Не всех, правда, а особой породы*.

— Значит, ваш Бронко — лошадь?

— Нет,— ответил я.

— Мистер Карсон, я не уверен, что понимаю, кто вы такой и что намереваетесь делать на Земле.

— Я специалист по композиции, мистер Белл. Я собираюсь сочинить композицию о планете Земля.

Он величественно кивнул, избавившись, как видно, от всяческих подозрений на мой счет.

— Вот оно что. И как я сразу не догадался! Ведь в вас с первого взгляда чувствуется что-то этакое... Вы сделали великолепный выбор. Мать-Земля подарит вам вдохновение. Ей присуще какое-то неуловимое очарование. Музыка переполняет ее...

— Дело не в музыке,— перебил я.— Вернее, не только в музыке.

— Вы хотите сказать, что музыка не имеет ничего общего с композицией?

— Конечно нет. Просто музыка — лишь часть композиции. Композиция есть абсолютная форма искусства. Она включает в себя музыку, письмо и устную речь, скульптуру, живопись и пение.

— И вы все это умеете делать?

Я покачал головой:

— По правде сказать, я мало что умею. А вот Бронко — да.

Он хлопнул в ладоши.

— Боюсь, я слегка запутался.

— Бронко — композитор,— объяснил я.— Он впитывает в себя настроение, внешние впечатления, малозаметные нюансы, звуки, формы и очертания. Он поглощает все это и выдает полуфабрикат — пленки и рисунки. Тогда наступает моя очередь. На время я как бы становлюсь придатком Бронко. Он подбирает материал, а я располагаю его в гармоническом порядке, но не весь, а только часть. Остальное доделывает тоже Бронко. Похоже, я ничего не сумел объяснить.

Белл покачал головой:

* Бронко *(амер.)* — полудикая лошадь американских прерий. *(Здесь и далее примеч. переводчика.)*

— Никогда ни о чем таком не слышал. Ну и дела!

— Теория композиции возникла на планете Олден лишь пару столетий назад,— сказал я,— и с тех пор ее непрерывно развивают. Двух одинаковых инструментов для композиции просто не существует. Как бы ни был хорош тот или иной экземпляр, всегда найдется какая-нибудь деталька, которая требует доработки. Поэтому, когда садишься конструировать композитор (неудачное название, но лучшего пока не придумали), трудно сказать заранее, что получится.

— Вы назвали свой аппарат Бронко. Наверное, на то была какая-то причина?

— Понимаете,— ответил я,— композитор — штука довольно громоздкая. У него сложный механизм со множеством хрупких деталей, для защиты которых от повреждений требуется прочный корпус. Иными словами, на себе его не потаскаешь. Следовательно, он должен двигаться самостоятельно. Вдобавок мы приделали к нему седло для тех, кто захочет на нем прокатиться.

— Если мне не изменяет память, вы упомянули Элмера. Почему вы пришли без него?

— Элмер находится в ящике, потому что он — робот,— пояснил я.— Он совершил перелет до Земли в качестве груза.

Белл беспокойно зашевелился.

— Мистер Карсон,— заявил он,— вам наверняка известно, что роботам запрещено ступать на Землю. Боюсь, нам придется...

— У вас ничего не выйдет,— сказал я.— Вы не вправе прогнать его с планеты. Он — коренной житель Земли, на что мы с вами явно не в силах претендовать.

— Коренной житель? Невероятно! Должно быть, вы шутите, мистер Карсон?

— Ни в коей мере. Его изготовили здесь в дни Решающей Войны. Он участвовал в создании последней из огромных боевых машин. С наступлением мирных дней он стал свободным роботом и, согласно галактическому закону, за очень небольшим исключением обладает теми же правами, что и любой человек.

Белл снова покачал головой.

— Не знаю,— протянул он,— не знаю...

— Знать тут нечего,— сказал я.— Между прочим, я внимательно изучил свод галактических законов. Из них следует, что Элмер, ко всему прочему, считается уроженцем Земли. Не изготовленным на Земле, а рожденным на ней. Я прихватил с собой копию документа, который все это подтверждает. Сам документ остался на Олдене. Копию предъявить меня не попросили. По существу,— заключил я,— Элмер все равно что человек.

— Но капитан должен был поинтересоваться...

— Капитану было все равно,— ответил я.— Его вполне устроила взятка, которую я ему дал. А на случай, если вам окажется мало законных оснований, учтите: в Элмере восемь футов роста, и нрав у него далеко не покладистый. А еще он весьма чувствителен. Когда я запаковывал его в ящик, он запретил мне выключать себя. Скажу вам откровенно, мне не хочется думать о том, что может случиться, если его ящик открою не я, а кто-то другой.

Глазки Белла сонно сощурились, но взгляд у него был настороженный.

— Почему вы такого плохого мнения о нас, мистер Карсон? — поинтересовался он.— Мы рады вашему приезду, рады, что вы решили навестить старушку Землю. Стоит вам только попросить, и мы тут же придем вам на помощь. Если у вас возникнут трудности с финансами...

— Уже возникли. Но никакой помощи мне не надо.

— Бывали случаи,— гнул свое Белл,— когда мы субсидировали людей искусства. Писатели, художники...

— Я и так и этак старался дать вам понять, что мы не хотим связываться ни с вашей фирмой, ни с Кладбищем. Однако вы упорно не желаете ничего замечать. Нужно ли мне сказать об этом напрямик?

— Думаю, ни к чему,— отозвался он.— У вас сложилось в корне ошибочное представление, будто на Земле есть что-то еще, кроме Кладбища. Поверьте мне, милейший, ничего на ней больше нет. Земля — никудышная планета. Десять тысяч лет назад люди изгадили ее и бежали в космос, и если бы не мы, кто бы сейчас про нее помнил? Поразмыслите хорошенько. Мы можем договориться к взаимному удовольствию. Меня заинтересовала та новая форма искусства, о которой вы говорили.

— Послушайте,— сказал я,— давайте заканчивать. Я не собираюсь пахать на Кладбище. И должность штатного писаки в вашей фирме меня не устраивает. Я вам ничего не должен. Более того, я заплатил вашему драгоценному капитану пять тысяч кредиток, чтобы он доставил нас сюда...

— А на звездолете паломников,— перебил Белл раздраженно,— вам пришлось бы заплатить куда больше. Да и груз ваш сократили бы вполовину.

— По-моему,— бросил я,— заплачено было достаточно.

Я повернулся и вышел не попрощавшись. Спускаясь по ступенькам крыльца, я увидел автомобиль красного цвета, припаркованный у подъезда административного корпуса, на отведенном для стоянки месте. Сидевшая в нем женщина глядела прямо на меня с таким видом, как будто мы с ней были знакомы.

Цвет машины неожиданно напомнил мне об Олдене, где все и началось.

Глава 3

Дело было под вечер. Я сидел в саду, разглядывая пурпурное облако на розовом горизонте (небеса Олдена розового цвета) и слушая пение птиц, которое доносилось из небольшой рощицы у подножия садового холма. Я наслаждался их песнями, и тут на пыльной дороге, что бежала через песчаную равнину, показалось это чудище восьми футов ростом. Двигалось оно неуклюжей походкой пьяного бегемота. Наблюдая за ним, я мысленно умолял его пройти мимо и оставить меня наедине с чудесным вечером и пением птиц. Я пребывал в глубокой депрессии и больше всего на свете хотел остаться один, рассчитывая найти в одиночестве исцеление. Ибо в тот день я столкнулся лицом к лицу с жестокой реальностью и вынужден был признать, что у меня нет ни малейшей возможности попасть на Землю, пока я не раздобуду где-нибудь еще денег. А раздобыть их мне было негде. Что-то я наскреб сам, что-то одолжил, но сумма оказалась крохотной. Будь у меня надежда на успех, я бы, наверное, отправился воровать. Будущее виделось мне окутанным беспросветным мраком. Я твердил себе, что хватит предаваться бесплодным мечтаниям, ведь по-

строить такого композитора, как мне хочется, я все равно не в состоянии.

Сидя в саду, я наблюдал за восьмифутовым чудищем и желал всей душой, чтобы оно прошло мимо. Но надеяться на это было бессмысленно, поскольку, кроме моего сада, вокруг ничего не было.

Судя по всему, чудище было рабочим роботом, быть может, роботом-строителем. Хотя что делать роботу-строителю на Олдене? Никакого активного строительства тут не ведется.

Подковыляв к калитке, робот остановился.

— С вашего разрешения, сэр,— сказал он.

— Добро пожаловать,— проговорил я сквозь зубы.

Он отодвинул щеколду, прошел в калитку и аккуратно запер ее снова. Приблизившись ко мне, он медленно опустился на землю и прошипел что-то вежливое. Вы слышали, как шипит трехтонный робот? Уверяю вас, впечатление остается жуткое.

— Хорошо поют птички,— произнесла гора металла, сидя на корточках рядом со мной.

— Да, неплохо,— согласился я.

— Позвольте представиться,— сказал робот.

— Прошу,— ответил я.

— Меня зовут Элмер,— сказал робот.— Я свободный робот. Меня отпустили на свободу много веков назад, и с тех пор я принадлежу самому себе.

— Поздравляю,— хмыкнул я.— И как жизнь?

— Неплохо,— ответил Элмер.— Брожу, знаете, туда-сюда.

Я кивнул. Мне доводилось встречать свободных роботов-бродяг. После многих лет рабства закон наконец уравнял их в правах с людьми.

— Я слышал,— продолжал Элмер,— что вы собираетесь вернуться на Землю.

Именно так он и сказал: «вернуться на Землю». Минуло десять тысячелетий, и какой-то робот надумал вернуться на Землю. Как будто человечество покинуло ее только вчера!

— Тебя неправильно информировали,— сказал я.

— Но у вас есть композитор...

— Всего лишь каркас, с которым придется немало повозиться, прежде чем он окажется на что-либо способным. Такой хлам на Землю тащить не стоит.

— Плохо,— вздохнул Элмер.— Где же еще сочинять композиции, как не на Земле! Правда, тут есть одно «но»...

Неизвестно почему, он замялся. Я терпеливо ждал, не желая смущать его вопросами.

— Я вот что хочу сказать, сэр... не знаю, имею ли я право так говорить... в общем, не дайте Кладбищу поймать себя на удочку. Кладбище — чужое. Оно присосалось к Земле. Присосалось, понимаете ли, как пиявка.

Услышав такие слова, я навострил уши. Гляди-ка, сказал я себе с изрядной долей удивления, не ты один не доверяешь Кладбищу.

Я внимательнее пригляделся к роботу. Ничего особенного в нем не было. Тело его, по крайней мере по олденским меркам, было старомодным и топорно сработанным, но сильным и крепким. Что касается головы, то изготовителям Элмера, как видно, некогда было думать о такой чепухе, как приятное выражение лица. Выглядел он довольно неряшливо, но по манере говорить никак не напоминал устаревшего неповоротливого рабочего робота.

— Нечасто встретишь робота, который интересуется искусством,— промолвил я,— да еще таким трудным для понимания. Ты порадовал меня.

— Я пытался стать человеком,— объяснил Элмер.— Я ведь им никогда не был. Вот почему, наверное, я так старался. Сначала я получил документы об освобождении, а потом вышел закон о правах роботов; ну и я решил, что мой долг — попробовать стать человеком. Конечно, это невозможно. Во мне до сих пор много чего от машины...

— Однако вернемся ко мне,— сказал я.— Откуда ты узнал, что я собираю композитор?

— Понимаете, я механик,— ответил Элмер.— Я был механиком всю жизнь. Я так устроен, что достаточно мне поглядеть на прибор, и я уже знаю, как он работает и что в нем сломалось. Скажите мне, какая вам нужна машина, и я построю ее для вас. А что до композитора, он — чрезвычайно сложный аппарат, и разработка его далека от завершения. Я вижу, вы смотрите на мои руки. Наверняка вы думаете, как такие лапы могут управляться с композитором. А ответ простой: у меня много рук. Когда требуется, я отворачиваю свои,

так сказать, повседневные руки и привинчиваю вместо них другие. Вы, конечно, о таком слышали?

Я кивнул:

— Да. И глаз, надо полагать, у тебя тоже не одна пара?

— Разумеется,— отозвался Элмер.

— Так что, композитор бросил вызов твоим способностям механика?

— Какой там вызов,— отмахнулся Элмер.— Предурацкое словечко! Мне нравится работать со сложными механизмами. Я словно оживаю и начинаю чувствовать себя на что-то годным. Вы спрашивали, откуда я узнал про вас. По-моему, кто-то обронил невзначай, что вы строите композитор и хотите вернуться на Землю. Я услышал, навел о вас справки, узнал, что вы учились в университете, сходил туда и поговорил с народом. Один профессор сказал мне, что верит в вас. Он сказал, что вы рождены для больших дел, что у вас талант от природы. Кажется, его зовут Адамс.

— Доктор Адамс,— поправил я.— Он всегда был добр ко мне, а теперь постарел и стал очень рассеянным.

Я хихикнул, представив себе, как огромный Элмер заявляется в университет, расхаживает по исполненным академического духа коридорам моей альма-матер и пристает к профессорам с глупыми вопросами о бывшем студенте, которого многие из них, несомненно, давным-давно забыли.

— Там был еще один профессор,— продолжал Элмер,— который произвел на меня сильное впечатление. Мы долго с ним разговаривали. Он профессор не гуманитарных наук, а археологии. По его словам, он близко знаком с вами.

— Должно быть, Торндайк. Он мой старый и верный друг.

— Именно так его и звали,— сказал Элмер.

Я слегка развеселился и в то же время ощутил нарастающее раздражение. С какой стати этот детина сует нос в мои дела?

— Теперь ты убедился, что мне по силам построить композитор? — спросил я.

— Совершенно верно,— отозвался он.

— Если ты пришел наниматься ко мне в помощники, то только зря потерял время,— сказал я.— Помощник мне нужен, да и парень ты вроде ничего, но вот денег у меня нет.

— Понимаете, сэр,— пробормотал Элмер,— конечно, я был бы рад работать с вами. Но пришел я к вам по другой

причине. Я хочу вернуться на Землю. Я родился на ней. Меня там изготовили.

— Что? — воскликнул я.

— Меня создали на Земле,— сказал Элмер.— Я уроженец Земли. Мне хотелось бы снова увидеть родную планету. И я подумал, что раз вы летите...

— Еще раз,— попросил я,— и помедленнее. Ты что, в самом деле с Земли?

— Я видел последние дни Земли,— ответил Элмер.— Я работал над последней боевой машиной и был руководителем проекта.

— Как же ты до сих пор не рассыпался? — удивился я.— Разумеется, роботы — машины долговечные, однако...

— Я был ценным работником,— заметил Элмер.— Когда люди собрались улетать к звездам, для меня нашли место на корабле. Я был не просто роботом. Я был механиком, инженером. Людям нужны были роботы вроде меня, чтобы обжиться на далеких планетах. Они заботились обо мне, меняли детали, которые изнашивались, и вообще следили за мной. А получив свободу, я стал заботиться о себе сам. Мне и в голову никогда не приходило поменять тело. Я не давал ему ржаветь да время от времени плакировал, но о замене не помышлял. Главное то, что внутри, а не то, что снаружи. И потом, сегодня туловище так запросто не поменяешь. Их нет в наличии. Значит, надо оформлять специальный заказ.

Похоже, он если и привирал, то совсем чуть-чуть. Когда люди бежали с Земли — ибо их уже ничто не удерживало на разрушенной и поруганной планете,— они действительно могли захватить с собой роботов типа Элмера. Да и вид у него был внушающий доверие.

Вот он сидит рядом со мной, и, если я его попрошу, он расскажет мне о Земле. Он помнит ее, помнит все, что видел, слышал и знал, ибо роботы, в отличие от живых существ, никогда и ничего не забывают. Воспоминания о древней Земле хранятся в его памяти, отчетливые и незамутненные, как будто он приобрел их лишь накануне.

Я понял, что дрожу — не физически, а внутренне. Многие годы я изучал историю Земли; по правде сказать, изучать было почти нечего. Записи и книги сохранились в лучшем случае в виде фрагментов и обрывков. Убегая с Земли, люди слишком торопились, чтобы задумываться о сохранении наследия пла-

неты. И где оно теперь? Разбросано по тысячам планет, позабытое и потому сохраненное, спрятано в самых невообразимых местах. Чтобы разыскать его, никакой жизни не хватит. Причем наверняка большая часть его не заслуживает внимания исследователя.

А тут нате вам, пожалуйста,— робот, который видел Землю и может рассказать о ней; быть может, не так полно, как хотелось бы, поскольку находился он там в тяжелое время, когда многое из былой красоты Земли уже исчезло.

Я попытался сформулировать вопрос, но не смог придумать ничего такого, на что, как мне казалось, мог бы ответить Элмер. Я отвергал вопросы один за другим, потому что они не годились для робота, который строил боевые машины.

И вдруг он сказал такое, от чего я в первый момент обомлел.

— Я бродяжничал не один год,— проговорил он,— поменял не одну работу, и платили мне всюду прилично. Деньги я откладывал про запас, потому как, сами понимаете, на что роботу их тратить? Но, кажется, я наконец-то дождался подходящего случая. Если вы, сэр, не обидитесь...

— На что? — спросил я, не вполне уловив, куда он клонит.

— Да я хотел предложить вам истратить их на композитор,— ответил он.— По-моему, их должно хватить на то, чтобы закончить его.

Наверное, мне следовало ошалеть от радости, встать на голову и заболтать в воздухе ногами. А я сидел, боясь пошевелиться, боясь неосторожным движением согнать улыбку с лица фортуны.

— Я бы не советовал тебе этого,— выдавил я из себя, с трудом разжав губы.— Невыгодно.

В его голосе послышались просительные нотки:

— Ну пожалуйста, сэр! Деньги — дело десятое. Я ведь хороший механик. Вдвоем с вами мы сможем построить аппарат, какого свет еще не видывал.

Глава 4

Когда я спустился с крыльца, женщина, сидевшая за рулем красного автомобиля, обратилась ко мне:

— Вас зовут Флетчер Карсон, не так ли?

— Да,— ответил я озадаченно,— но откуда вы узнали о том, что я здесь? Я вроде бы никому об этом не сообщал.

— Я поджидала вас,— сказала она.— Я знала, что вы прилетите на корабле похоронной службы, но немного запоздала: слишком далеко ехать. Меня зовут Синтия Лансинг, и мне надо с вами поговорить.

— У меня мало времени,— сказал я.— Давайте в другой раз.

Красавицей ее никто бы не назвал, однако в ней было что-то такое, что притягивало взгляд. Приятное кругловатое лицо, черные волосы до плеч, невозмутимый взор. Когда она улыбалась, впечатление было такое, словно вам дарит улыбку каждая черточка ее лица.

— Вы направляетесь в ангар распаковывать Бронко с Элмером,— проговорила она.— Могу вас подбросить.

— Похоже, вам известно обо мне больше моего,— съязвил я.

Она улыбнулась:

— Я знала, что сразу после посадки вы отправитесь наносить визит Максуэллу Питеру Беллу. Как он, кстати, прошел?

— Максуэлл Питер записал меня в отщепенцы.

— Значит, заарканить ему вас не удалось?

Я покачал головой, решив из осторожности промолчать. Откуда, черт побери, она все это узнала? Должно быть, тоже побывала в олденском университете. Да, хорошие ребята мои друзья, но нельзя же настолько распускать языки!

— Садитесь,— пригласила она.— Мы можем продолжить разговор по дороге. Мне очень хочется увидеть вашего чудесного Элмера.

Я забрался в машину. На коленях у женщины лежал конверт. Она протянула его мне.

— Для вас,— сказала она.

На лицевой стороне конверта было накорябано мое имя. Я знал только одного человека с таким безобразным почерком. «Торни,— сказал я себе.— Что общего может быть у Торни с Синтией Лансинг, которая пристала ко мне как репей в первый же час моего пребывания на Земле?»

Синтия выжала сцепление; автомобиль тронулся с места. Я разорвал конверт. Внутри оказался официальный бланк олденского университета. В левом верхнем углу было напеча-

тано: «Уильям Дж. Торндайк, доктор философии, археологический факультет».

Письмо было написано тем же самым почерком, что и адрес на конверте. Оно гласило:

Дорогой Флетч!

Ты должен верить всему, что расскажет тебе податель сего письма, мисс Синтия Лансинг. Я проверил факты и готов поручиться за их достоверность собственной репутацией. Она желает сопровождать тебя; если ты примиришься с этим, то окажешь мне большую услугу. Она отправится на Землю кораблем для паломников и будет встречать тебя на космодроме. Я предоставил в ее распоряжение определенную сумму из средств факультета; если тебе понадобятся деньги, можешь ими воспользоваться. Что касается мисс Синтии, у нее на Земле есть дело, связанное с тем, о чем мы с тобой говорили в последний раз, когда ты заглянул ко мне попрощаться перед отлетом.

Сжимая письмо в руке, я закрыл глаза и представил себе Торндайка — такого, каким я видел его в последний раз. Мы были в захламленной комнате, которую он именовал кабинетом. Книжные полки до потолка, невзрачного вида мебель; в камине, перед которым на коврике клубком свернулся пес, горел огонь; неподалеку возлежала на своей подушечке кошка. Сидя на пуфике, Торндайк перекатывал в ладонях стакан с бренди. «Флетч,— сказал он,— я уверен, что моя теория верна. Те мои коллеги, которые считают анахрониан галактическими торговцами, серьезно заблуждаются. Они — наблюдатели, разведчики, если хочешь. И это вовсе не безумное предположение. Допустим, что существует некая великая цивилизация, которая уже проторила дорогу к звездам. Допустим, что они обнаружили планету, на которой ожидается всплеск интеллектуальной культуры. Они посылают туда наблюдателя с заданием сообщать обо всем, что может представлять маломальский интерес. Как тебе известно, двух одинаковых культур не бывает. Возьми, к примеру, колонии, основанные покинувшими Землю людьми. Потребовалось совсем немного времени, чтобы выявились значительные отличия. А что уж говорить о тех мирах, культуры которых по сути своей являются чуждыми человечеству? Разумные существа двух разных

видов никогда не повторяют друг друга в развитии. Они могут добиться одинаковых или похожих результатов, но воспользуются ими по-разному, и у каждого вида со временем проявится какая-нибудь отличительная особенность. Таков путь развития любой галактической цивилизации, малой или великой; поэтому многое остается незамеченным или пропускается. Раз так, даже великим цивилизациям стоило бы заняться изучением достижений других культур — достижений, которые они сами упустили из виду. Быть может, полезным окажется лишь одно из десятка этих достижений, но что, если именно оно откроет новые горизонты познания? Предположим, любопытства ради, что до колеса додумались только на Земле. Все великие цивилизации прошли мимо колеса, сделав упор на иной принцип движения. Но так ли невероятно, что, узнав о колесе, они заинтересуются им? Ведь колесо — штука весьма и весьма полезная».

Я открыл глаза. Письмо по-прежнему было зажато у меня в руке. Мы приближались к ангару. Звездолет одиноко возвышался над посадочной площадкой; никаких автомобилей рядом не было. Должно быть, разгрузка закончилась.

— Если верить Торни, вы собираетесь присоединиться к нам,— сказал я Синтии Лансинг.— Не уверен, стоит ли. Мы будем жить походной жизнью.

— Ну и что? Походная жизнь меня не пугает.

Я покачал головой.

— Послушайте,— заявила она,— я отдала все, что имела, чтобы встретиться с вами. Я кое-как наскребла денег на билет на звездолет для паломников...

— Да, Торни упомянул о какой-то субсидии.

— Мне не хватало на билет,— призналась она,— поэтому пришлось воспользоваться любезностью Торндайка. Поджидая вас, я сняла номер в гостинице для паломников, что тоже обошлось в кругленькую сумму. Короче говоря, денег осталось кот наплакал...

— Плохо,— сказал я.— Но вы, похоже, знали, на что шли. Не думали же вы, в самом деле...

— Думала,— перебила она.— Мы с вами — два сапога пара.

— То есть?

— Когда вы закончите свою композицию, вам не на что будет возвращаться на Олден, правильно?

— Правильно,— согласился я,— но если композиция...

— Денег нет,— пробормотала она,— и у «Матери-Земли» вы не в фаворе.

— Ну да, однако я не понимаю, при чем тут вы...

— Тогда выслушайте меня. Наверное, вы посмеетесь...

Она замолчала и посмотрела на меня. Улыбка сошла с ее лица.

— Черт возьми,— воскликнула она,— вы что, в рот воды набрали? Помогите же мне. Спросите меня, что я хочу вам рассказать.

— Ладно. Что вы хотите мне рассказать?

— Я знаю, где лежит клад.

— Святое небо! Какой клад?

— Анахронианский.

— Торни убежден, что анахрониане побывали на Земле,— сказал я.— Он просил меня поискать следы их пребывания. Судя по его словам, игра не стоит свеч. Археологи сомневаются, существовал ли такой народ вообще. Планету их обнаружить не удалось. Всего и доказательств, что фрагменты надписей, найденные в нескольких мирах. Отсюда заключили, что некогда представители этой таинственной расы жили на многих планетах. Большинство археологов считает их торговцами. По мнению Торни, они были наблюдателями, а может быть, ни теми и ни другими. Он мог рассуждать о них часами, однако ни о каком кладе не упоминал.

— Но клад тем не менее существует,— возразила она.— Его перевезли из Греции в Америку в дни Решающей Войны. Я узнала про него, а профессор Торндайк...

— Давайте разберемся,— остановил я ее.— Если Торни прав, они прилетали сюда не за сокровищами. Они наблюдали, собирали данные...

— Разумеется,— согласилась она.— Наблюдатель должен был быть профессионалом, не правда ли? Историком, даже больше, чем просто историком. Он мог оценить культурное значение известных артефактов — скажем, церемониального ручного топора доисторической эпохи, греческой вазы, египетских украшений...

Сунув письмо в карман куртки, я выбрался из машины.

— Пора заниматься делом,— объявил я.— Надо выпустить Элмера и распаковать Бронко.

— Вы берете меня с собой?

— Посмотрим.

Интересно, как я могу ее не взять? У нее рекомендация от Торни; она кое-что знает об анахронианах, да и клады на дороге не валяются. И потом, она окончательно разорится, если останется в гостинице для паломников, а другого жилья тут нет. Вообще-то мне она ни к чему. Наверняка будет мешаться под ногами. Я вовсе не охотник за кладами. Я прилетел на Землю, чтобы сочинить композицию. Я надеялся уловить очарование Земли — той Земли, которая избежала пока щупалец Кладбища. На кой мне сдались анахронианские сокровища? Мы с Торни ни о чем подобном не договаривались.

Я направился к раскрытой двери ангара. Синтия шагала за мной по пятам. Внутри ангара было темно, и я остановился, давая глазам привыкнуть к темноте. Что-то шевельнулось во мраке, и я различил троих мужчин. Судя по одежде, это были рабочие.

— Тут должны быть мои ящики,— сказал я.

Ящиков в ангаре было много, поскольку сюда свезли весь груз звездолета.

— Вон они, мистер Карсон,— ответил один из рабочих, махнув рукой. Присмотревшись, я разглядел большой ящик, в котором томился Элмер, и четыре ящика поменьше — в них помещался разобранный Бронко.

— Спасибо, что поставили их в сторону,— поблагодарил я.— Я, правда, просил капитана, но...

— Надо бы уладить один вопросик, мистер Карсон,— сказал тот же рабочий.— Как насчет транспортировки и хранения?

— В смысле? Что-то я вас не пойму.

— В смысле оплаты. Мои ребята работают не за просто так.

— Вы бригадир?

— Точно. Фамилия Рейли.

— И сколько с меня?

Рейли залез в задний карман комбинезона и вытащил листок бумаги. Он внимательно просмотрел его, как будто проверяя правильность подсчетов.

— Получается четыреста двадцать семь кредиток,— сказал он,— но, пожалуй, хватит и четырехсот.

— Вы, наверное, ошиблись,— проговорил я, стараясь сдержать гнев.— Вы всего-то и сделали, что сгрузили ящики с

корабля и доставили их сюда, а хранятся они здесь не больше часа.

Рейли печально покачал головой:

— Извините, но у нас такие расценки. Если вы не заплатите, мы не выдадим вам груз. Никуда не денешься, правила.

— Что за чушь! — воскликнул я.— Ну и шуточки у вас!

— Мистер,— сказал бригадир,— а шутить никто и не собирался.

Четырехсот кредиток у меня не было, да если бы и были, я бы все равно не стал их выкладывать. Однако с бригадиром и двумя дюжими грузчиками мне явно было не справиться.

— Разберемся,— пробормотал я, пытаясь сохранить лицо и не имея ни малейшего представления о том, как мне быть. Они приперли меня к стенке, вернее, не они, а Максуэлл Питер Белл.

— Так что давайте-ка, мистер,— заключил Рейли,— гоните монету.

Конечно, можно было бы потребовать разъяснений от Белла, но он наверняка именно на это и рассчитывал. Он ожидал, что я приду к нему, и если я покаюсь, приму предложенные деньги и соглашусь работать на Кладбище, то все моментально будет улажено. Однако ничего подобного я делать не собирался.

За моей спиной раздался голос Синтии:

— Флетчер, они вот-вот кинутся на вас!

Повернув голову, я увидел в дверном проеме новые фигуры в комбинезонах.

— Ничуть не бывало,— возразил Рейли.— Хотя вашего приятеля надо бы проучить: в другой раз поостережется указывать землянам, что им делать.

Внезапно послышался слабый, приглушенный звук. Похоже, из всех присутствующих один лишь я понял, что он означал,— это заскрежетал выдираемый из дерева гвоздь.

Рейли и его подручные обернулись.

— А ну, Элмер! — завопил я.— Задай им жару!

Большой ящик словно взорвался. Верхняя крышка разлетелась в щепы, и из ящика, выпрямляясь во весь рост, поднялся Элмер.

Он перемахнул через борт, и надо отметить, вышло у него это довольно грациозно.

— Что случилось, Флетч?

— Разберись с ними, Элмер,— приказал я.— Но не убивай, а так, изувечь немножко.

Робот сделал шаг вперед. Рейли с грузчиками отшатнулись.

— Я их не трону,— пообещал Элмер.— Просто выгоню, и все. А кто это с тобой, Флетч?

— Синтия,— ответил я.— Она составит нам компанию.

— Правда? — спросила Синтия.

— Эй, Карсон,— крикнул Рейли,— не стоит нам угрожать...

— Марш отсюда! — бросил Элмер, делая шаг по направлению к нему и отводя руку для замаха.

Грузчики мигом выскочили за дверь.

— Ну нет! — воскликнул Элмер и рванулся следом.

Дверь уже готова была захлопнуться, но он просунул руку в щель, напрягся, и дверь снова оказалась открытой. Потом он ударил в нее плечом. Дверь сорвалась с петель.

— Так-то лучше,— проговорил Элмер.— Теперь дверь не закроется. Они ведь хотели нас тут запереть. Будь добр, Флетч, объясни, что происходит?

— Мы пришлись не по нраву Максуэллу Питеру Беллу,— сказал я.— Давай займемся Бронко. Чем скорее мы отсюда уберемся...

— Мне нужно добраться до машины,— проговорила Синтия.— Там припасы и моя одежда.

— Припасы? — переспросил я.

— Еда и кое-что другое, что может нам пригодиться. Вы же прилетели налегке, правильно? Вот, кстати, одна из причин, почему я истратила столько денег.

— Идите к машине,— сказал Элмер,— а я постою на страже. Они не посмеют к вам привязаться.

— Вы все предусмотрели,— заметил я.— Значит, вы были уверены...

Но Синтия, не дослушав, выбежала из ангара. Запрыгнув в машину, она запустила двигатель и загнала автомобиль внутрь. Рейли и его людей нигде не было видно.

Элмер подошел к куче ящиков и постучал по самому маленькому из них.

— Бронко? — позвал он.— Ты тут?

— Да,— ответил глухой голос.— Это ты, Элмер? Мы долетели до Земли?

— Я и не знала, что Бронко может разговаривать и чувствовать,— сказала Синтия.— Профессор Торндайк меня не предупредил.

— Он чувствует все, но интеллект у него слабоват,— отозвался Элмер.— Гигантом мысли его не назовешь. Ты в порядке? — спросил он у Бронко.

— В полном,— откликнулся тот.

— Чтобы открыть ящики, нам понадобится лом,— сказал я.

— Зачем? — удивился Элмер и с размаху стукнул кулаком по одному из углов ящика.

Дерево хрустнуло. Робот просунул в образовавшуюся дыру пальцы и оторвал доску.

— Все очень просто,— пробормотал он.— Со мной было хуже. Мне было тесно и не за что было ухватиться. Но когда я услышал, что творится снаружи...

— А Флетч здесь? — спросил Бронко.

— Флетч у нас парень не промах,— ответил Элмер.— Он тут и уже подцепил себе девчонку.

Доски отлетали от ящика одна за другой.

— За дело,— сказал Элмер.

И мы с ним принялись за работу.

Собрать Бронко играючи было невозможно. В его конструкции было неимоверное количество деталей, каждую из которых надлежало так подогнать к соседней, чтобы зазор между ними был минимальным. Но мы возились с Бронко на протяжении двух лет и потому знали его как облупленного. На первых порах мы пользовались инструкцией, но теперь необходимость в ней отпала. Мы выкинули инструкцию, когда она совершенно истрепалась, а Бронко, собранный по винтику заново, превратился в аппарат, который ничем не напоминал модель, описанную в инструкции. Мы знали Бронко наизусть. Мы могли настраивать его с завязанными глазами. Никаких лишних движений, никаких затруднений. Действуя как два автомата, мы с Элмером собрали Бронко за час.

В собранном виде он являл собой нелепое и потешное зрелище. У него было восемь суставчатых ног, которые могли изгибаться практически под любым углом и придавали ему насекомоподобный вид. На ногах, для удобства захвата, имелись мощные когти. Бронко мог передвигаться по любой местности. Он мог чуть ли не залезать на отвесные стены. Его

бочкообразный, увенчанный седлом корпус хорошо защищал хрупкие приборы внутри. На спине Бронко располагался ряд колец, за которые можно было закрепить груз. Еще у него был выдвижной хвост, в котором насчитывалось до сотни различных датчиков. Голову его венчало причудливое сенсорное устройство.

— Ладно,— сказал он.— Когда отправляемся?

Синтия выгружала из автомобиля припасы.

— Туристское снаряжение,— бормотала она.— Пищевые концентраты. Одеяла, дождевики и тому подобное. Ничего лишнего. На лишнее у меня не было денег.

Элмер принялся навьючивать Бронко.

— Как, усидите на нем? — спросил я Синтию, показывая на Бронко.

— Конечно. А вы?

— Он поедет на мне,— ответил Элмер.

— Ну нет,— возразил я.

— Не будь дураком,— оборвал меня Элмер.— А если нам придется улепетывать? Вдруг они нас поджидают?

Синтия подошла к двери и выглянула наружу.

— Никого не видно,— сказала она.

— Куда направляемся? — поинтересовался Элмер.— Как быстрее всего выбраться с Кладбища?

— По дороге на запад,— сказала Синтия.— Мимо административного корпуса. Кладбище заканчивается миль через двадцать пять.

Закончив утрамбовывать груз на спине Бронко, Элмер огляделся.

— По-моему, все,— сказал он.— Забирайтесь.

Он подсадил Синтию на Бронко.

— Держитесь крепче,— предостерег он,— а то в два счета вылетите из седла. Бронко у нас такой.

— Ладно,— пообещала она. В глазах ее мелькнул испуг.

— Теперь ты,— Элмер повернулся ко мне.

Я хотел было запротестовать, но передумал, поняв, что слушать меня не станут. И потом, оседлать Элмера было весьма толковой идеей. Он бегает раз в десять быстрее моего. Его длинные металлические ноги буквально пожирают расстояния.

Он поднял меня и усадил себе на плечи.

— Держись за мою голову,— сказал он,— а я возьму тебя за ноги. Не бойся, не упадешь.

Я грустно кивнул, чувствуя себя выставленным на всеобщее посмешище.

Бежать нам не пришлось. Если не считать одинокой фигуры путника вдалеке, на глаза нам никто не попался. Однако за нами следили; я всей кожей ощущал обращенные на нас взгляды. Синтия среди тюков и ящиков на спине у насекомоподобного Бронко и я, вознесенный над землей на могучих плечах Элмера,— должно быть, вид у нас был еще тот.

Мы продвигались не спеша, но и даром времени тоже не теряли. Бронко с Элмером были хорошими ходоками. Даже когда они шли обычным шагом, человек с трудом мог поспеть за ними.

Мы выбрались на дорогу, миновали административный корпус, и вскоре перед нами во всей своей красе раскинулось Кладбище. Дорога была пустынной, а пейзаж — мирным. Изредка мелькали вдали укрывшиеся в распадках деревеньки, устремленный в небо шпиль церкви да яркие пятна крыш. Наверное, в этих деревеньках живут те, кто работает на Кладбище.

Раскачиваясь и подпрыгивая в лад размашистой походке Элмера, я глядел по сторонам, и мне показалось, что Кладбище, при всей его хваленой живописности, на самом деле гнетущее и зловещее место. В его ухоженности таилось однообразие; над ним витал дух смерти и бесповоротности.

Раньше мне беспокоиться было некогда, а теперь я ощутил нарастающую тревогу. Сильнее всего меня беспокоило то, что Кладбище, как ни странно, по сути не попыталось остановить нас. Хотя, поправил я себя, не выберись Элмер из ящика, Рейли с подручными навили бы из меня веревок. Но все равно складывалось такое впечатление, что Белл сознательно дал нам уйти, зная, что в любой момент сможет нас отыскать. Да, насчет Максуэлла Питера Белла иллюзий я не питал.

Попробуют ли они задержать нас? Пока что не похоже; вполне возможно, что Беллу с Кладбищем давным-давно не до нас. Они махнули на нас рукой, и мы можем отправляться, куда захотим. Ведь куда бы мы ни пошли и что бы мы ни сделали, нам не покинуть Землю без содействия Кладбища.

Ну, подумалось мне, и натворил же я дел. Самоуверенно посмеявшись над напыщенностью Белла, я лишил себя возможности какого-либо сотрудничества с ним или с Кладбищем. Правда, от моего поведения вряд ли что зависело. Я должен был понимать, что на Земле без Кладбища — никуда. Вся моя затея была изначально обречена на провал.

Мне почудилось, что прошло совсем немного времени: я с головой ушел в свои мысли и не замечал ничего вокруг. Дорога взбежала на холм и оборвалась, а вместе с ней закончилось и Кладбище.

Моему восхищенному взгляду открылись долина внизу и уходящие вдаль гряды холмов. Местность была лесистой, и листва многих деревьев под лучами полуденного солнца была странного багряного цвета — оттенка тлеющих угольев.

— Осень,— проговорил Элмер.— Я успел забыть, что на Земле бывает осень. А там, сзади, все зеленое.

— Осень? — переспросил я.

— Время года,— пояснил Элмер.— В эту пору леса меняют цвет. И как я мог забыть?

Он повернул голову и поглядел на меня в упор. Если бы я не знал, что роботы не умеют плакать, я бы подумал, что заметил в его глазах слезы.

— Сколько мы забываем...— проронил он.

Глава 5

Это был прекрасный мир. Но красота его была зловещей и вызывающей и ничуть не напоминала нежную, почти хрупкую красоту моего родного Олдена. От нее исходило впечатление силы, она была торжественной и подавляющей, и в ней сплелись воедино изумление и страх.

Я сидел на мшистом валуне на берегу журчащего бурого потока и следил за тем, как течение уносит прочь волшебные ало-золотистые лодочки опавших листьев. Если прислушаться, то можно было на фоне клекота бурой воды различить приглушенный шелест, с каким слетали на землю все новые и новые листья. Но несмотря на буйство красок, чудилось, что в воздухе разлита печаль былых лет. Я сидел и слушал журчание воды и шелест листвы и поглядывал на деревья. У них

были мощные стволы, которые, вероятно, перевидали на своем веку немало, и они словно обещали безопасность, покой и домашний уют. Здесь было все: цвет, настроение и звук, образ и структура и ткань — все, что можно постигнуть рассудком.

Солнце садилось. Над водой и над деревьями повисла сумеречная дымка. Стало прохладно. Самое время возвращаться в лагерь. Однако мне не хотелось уходить. У меня возникло странное ощущение, что такие вот места нельзя увидеть дважды. Уйдя и вернувшись, я обнаружу, что все переменилось; и сколько бы я ни уходил и ни возвращался, чувство ни за что не повторится: что-то прибавится, что-то исчезнет, но воссоздать этот восхитительный момент в точности не удастся никому и никогда.

За моей спиной послышались шаги. Обернувшись, я увидел Элмера. Молча он подошел ко мне и опустился на корточки. Говорить было нечего и незачем. Я припомнил, сколько раз бывало так, когда мы сидели с Элмером вдвоем, понимая друг друга без слов. Сумерки сгущались; издалека донеслось чье-то уханье, а следом — приглушенный расстоянием лай. В темноте неумолчно журчала речка.

— Я развел костер,— сказал наконец Элмер.— Я развел бы его, даже если бы нам не нужно было готовить еду. Земля просит огня. Они неразделимы. Благодаря огню человек перестал быть дикарем и потому постоянно поддерживал его в очаге.

— Запомнилось? — спросил я.

Он покачал головой.

— Нет, не запомнилось. Что-то подсказывает мне, что все было именно так, хотя я не помню ни деревьев, ни речушек вроде этой. Но стоит мне увидеть дерево, листва которого пламенеет в свете осеннего солнца, как я представляю себе рощу таких деревьев. Стоит мне приблизиться к речке, вода в которой побурела от грязи, и я вижу ее чистой и светлой.

От вновь раздавшегося в сумерках лая у меня по коже побежали мурашки.

— Собаки,— проговорил Элмер,— верно, кого-нибудь гонят. Или волки.

— Ты был здесь в дни Решающей Войны,— сказал я,— тогда все было иначе, правда?

— Да,— подтвердил Элмер.— Земля умирала. Но иногда попадались места, где притаилась жизнь. Лощины, куда не проникли ни отрава, ни радиация, укромные местечки, которые оказались лишь вскользь затронутыми ударной волной. Они сохранили первоначальное обличье Земли. Люди в большинстве своем жили под землей, а я работал на поверхности. Я строил боевую машину — вероятно, последнюю из их числа. Если бы не назначение этой машины, ее можно было бы назвать изумительным творением. Внешне она ничем не отличалась от других боевых машин. Однако ее наделили интеллектом. Ее искусственный мозг находился в контакте с сознанием нескольких людей. Их имен я не знал. Кому-то они, без сомнения, были известны, но не мне. Понимаешь, войну можно было вести только так, устранив человека с поля боя. За людей сражались машины — их слуги и помощники. Я часто задавался вопросом, почему они не бросят это дело,— ведь все, из-за чего стоило бы сражаться, было давным-давно уничтожено.

Оборвав рассказ, он поднялся.

— Пошли в лагерь,— сказал он.— Ты, должно быть, голоден, как и молодая леди. Извини, конечно, Флетч, но я никак не пойму, чего ради она за нами увязалась.

— Хочет отыскать клад.

— Какой еще клад?

— По правде говоря, не знаю. Ей некогда было объясниться.

С того места, где мы стояли, пламя костра было видно очень хорошо. Мы двинулись на огонь.

Синтия, стоя на коленях, держала над углями котелок и помешивала ложкой его содержимое.

— Надеюсь, похлебка из тушенки получилась,— сказала она.

— Вам вовсе не надо было этим заниматься,— проговорил Элмер, слегка, как мне показалось, обиженный.— Когда требуется, я прекрасно готовлю.

— Я тоже,— парировала Синтия.

— Завтра,— заявил Элмер,— я раздобуду вам мясо. Мне уже попадались на глаза белки и пара кроликов.

— А с чем ты собираешься охотиться? — спросил я.— Мы же не захватили с собой ружей.

— Можно сделать лук,— предложила Синтия.

— Не нужно мне ни ружья, ни лука,— отмахнулся Элмер.— Обойдусь камнями. Вот наберу голышей...

— Кто же охотится с голышами? — удивилась Синтия.— Все равно что палить из пушки по воробьям.

— Я робот,— возразил Элмер.— Поэтому ни человеческие мышцы, ни человеческий глазомер, пускай он и чудо природы...

— Где Бронко? — перебил я.

Элмер ткнул пальцем во мрак:

— Он в трансе.

Чтобы рассмотреть Бронко, мне понадобилось обойти костер. Дело обстояло именно так, как сказал Элмер. Бронко стоял, накренившись на один бок и выставив все свои сенсоры. Он впитывал в себя окружающее.

— Лучшего композитора еще не было,— заметил Элмер с гордостью.— Чувствителен до невозможности.

Синтия положила похлебку в две тарелки и протянула одну мне.

— Горячее, не обожгитесь,— предупредила она.

Я сел рядом с девушкой, зачерпнул из тарелки и с опаской поднес ложку ко рту. Похлебка оказалась довольно вкусной, но жутко горячей, так что, перед тем как отправить ложку в рот, мне приходилось всякий раз на нее дуть.

Снова послышался лай — теперь значительно ближе.

— Точно собаки,— сказал Элмер.— Гонят дичь. Наверное, и люди с ними.

— Может, дикая стая,— предположил я.

Синтия покачала головой.

— Нет. Живя в гостинице, я кое-что узнала. Тут, как выражаются на Кладбище, в захолустье, есть люди. О них мало что известно, вернее, их существование предпочитают обходить молчанием, как будто они и не люди вовсе. В общем, обычное отношение Кладбища и паломников. Насколько я понимаю, Флетчер, вы испытали подобное отношение на себе во время разговора с Максуэллом Питером Беллом. Кстати, вы так и не сказали мне, что у вас с ним произошло.

— Он попытался завербовать меня. Я был настолько нелюбезен, что отшил его. Я знаю, что должен был вести себя повежливее, но он меня достал.

— Вы бы ничего не выгадали,— заметила Синтия.— Кладбище не привыкло к отказам — даже к вежливым.

— Чего тебя к нему понесло? — осведомился Элмер.

— Так принято,— ответил я.— Капитан просветил меня насчет здешних обычаев. Визит вежливости, словно Белл король, или премьер-министр, или какой-нибудь удельный князь. А раболепствовать я не умею.

— Поймите меня правильно,— сказал Элмер, обращаясь к Синтии,— я ничуть не против вашего присутствия в нашей компании. Но каким образом вы оказались замешаны в это дело?

Синтия поглядела на меня.

— Разве Флетчер тебе не сказал?

— Он упомянул про какой-то клад...

— Пожалуй,— проговорила Синтия,— будет лучше, если я расскажу все с самого начала. Я не хочу, чтобы вы считали меня искательницей приключений. В этом есть что-то не то. Вы согласны меня выслушать?

— Почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил Элмер.

Синтия помолчала, прежде чем продолжить. Чувствовалось, что она собирается с мыслями, так сказать, настраивается, словно ей предстоит решать трудную задачу и она намерена с честью выйти из положения.

— Я родилась на Олдене,— начала она.— Мои предки входили в число первых колонистов. История семейства — легендарная история, поскольку она не задокументирована — восходит к моменту их прибытия на Олден. Однако вы не отыщете имени Лансингов в перечне Первых Семейств — с большой буквы. Первые Семейства — это те, кому удалось разбогатеть. А мы не разбогатели. Я не знаю, что тому причиной — неумение вести дела, леность, отсутствие амбиций или простое невезение, но мои предки были беднее церковных мышей. В сельской местности, правда, есть местечко под названием Лансингова Глушь; вот единственный след, оставленный моим семейством в истории Олдена. Мои родичи были фермерами, лавочниками, рабочими, совершенно не интересовались политикой и не породили ни одной гениальной личности. Они довольствовались малым: выполняли свою работу, а вечера проводили, сидя на крылечке, попивая пиво и болтая с сосе-

дями или любуясь в одиночестве знаменитыми олденскими закатами. Они были обычными людьми. Некоторые — мне кажется, таких было много — с годами покидали планету и отправлялись в космос на поиски счастья, которое, по-моему, никому из них так и не улыбнулось. Ведь если бы случилось иначе, оставшиеся на Олдене Лансинги непременно узнали бы об этом; однако в семейных преданиях ни о чем подобном не сообщается. Я думаю, те, кто остался, попросту не испытывали тяги к перемене мест: не то чтобы их что-то удерживало, но сам по себе Олден — прелестная планета.

— Да,— согласился я.— Я прилетел туда поступать в университет, да так и застрял. До сих пор у меня не хватало решимости покинуть его.

— Откуда вы прилетели, Флетчер?

— С Гремучей Змеи,— ответил я.— Слышали?

Она покачала головой.

— Считайте, что вам повезло,— заключил я.— Не спрашивайте почему и, пожалуйста, продолжайте.

— Расскажу немного о себе,— сказала она.— Мне всегда хотелось чего-то добиться в жизни. Наверное, о том же мечтало не одно поколение Лансингов, но мечты их оказались бесплодными. Быть может, и я не избегну общей участи, ведь на Лансингов ныне никто не ставит. Я была совсем маленькой, когда умер мой отец. Принадлежавшая ему ферма давала приличный доход; то есть после необходимых расходов у нас еще оставалась на руках энная сумма. Мать, к которой перешло владение фермой, сумела набрать денег и отправить меня в университет. Я интересовалась историей. В мечтах я видела себя профессором истории, который проводит глубокие исследования и выдвигает ошеломляющие гипотезы. Училась я хорошо, ибо отступать мне было некуда. Я посвящала учебе все свое время и потому пропустила многое другое из того, что может дать человеку университет. Теперь я это понимаю, но тем не менее не жалею. Ничто не могло оторвать меня от занятий историей. Я буквально упивалась ею. По ночам, лежа в постели, я воображала, будто у меня есть машина времени, и путешествовала на ней в далекое прошлое. Я воображала, что лежу не в кровати, а в машине времени и что снаружи моего аппарата происходят события, которые вошли в историю человечества, что там живут, дышат и двигаются люди, о которых я читала. Когда настало время выбора какой-то узкой специализации, я обнаружила, что меня неудержимо влечет к себе древняя Земля. Мой консультант отговаривал меня от этой темы. Он говорил, что тема слишком узкая, а исходного материала крайне мало. Я знала, что он прав, и старалась переубедить себя, но безуспешно. Я была одержима Землей.

Моя одержимость, я уверена, частично объяснялась любовью к прошлому, стремлением отыскать начало начал. Ферма моего отца, как утверждали легенды, находилась всего лишь в нескольких милях от того места, где высадились на Олден первые Лансинги. В неглубоком скалистом ущелье, там, где оно выходило в некогда плодородную долину, стоял старый каменный дом — вернее, то, что от него осталось. Незначительные колебания почвы, которые сказываются только по истечении долгого времени, разрушили его. Никаких преданий о привидениях, которые бы его населяли, я не слышала. Он был слишком старым даже для того, чтобы в нем обитали привидения. Он просто стоял, где стоял, превратившись со временем в неотъемлемую часть пейзажа. Его не замечали. Он был слишком старым и неприметным, чтобы люди обращали на него внимание, хотя, как я обнаружила, заглянув туда однажды, в нем поселилось множество диких зверушек. Почва, на которой он стоял, была истощенной и никому не нужной, так что он счастливо избежал доли других старинных домов: его не снесли и не сровняли с землей. Местность эта, погубленная веками хищнического землепользования, ни на что не годилась, и люди редко показывались там. Если верить одной весьма, кстати сказать, неправдоподобной легенде, когда-то в том доме жили первые Лансинги.

Я зашла в него, как мне кажется, потому, что от него исходил дух былого. Мне было все равно, чей он,— Лансингов или нет; меня привлекала его древность. Я не предполагала что-либо в нем найти. Я забрела туда из праздного любопытства, чтобы не пропал впустую выходной. Разумеется, мне было известно о его существовании, но я, как и все остальные, относилась к нему совершенно равнодушно. Многие люди воспринимали его как деталь ландшафта, словно он ничем не отличался от дерева или от валуна. В нем не было ничего примечательного. Наверное, если бы не мое все возраставшее

стремление познать прошлое, я бы никогда не заглянула в него. Вам не трудно следить за моим лепетом?

— Напротив,— сказал я,— я понимаю вас гораздо лучше, чем вы думаете. Симптомы мне знакомы, сам переболел.

— Я пошла туда,— продолжала Синтия.— Я гладила древние, грубо отесанные камни и думала о руках давно умерших людей, которые придавали им форму и водружали один на другой, чтобы построить на чужой планете убежище от непогоды и мрака. Поставив себя на место древних каменщиков, я поняла, почему они решили строить дом именно здесь. Стены ущелья защищали от ветра, неподалеку из скалы бил родник; стоило только переступить порог, чтобы оказаться в широкой плодородной долине,— правда, теперь она вовсе не такая. И потом, участок, на котором стоял дом, был красив тихой и неброской красотой. Я чувствовала то, что когда-то переживали они. И не имело никакого значения, были ли они Лансингами или кем-то еще. Они были людьми, они принадлежали к человеческой расе. Если бы я сразу ушла оттуда, то и тогда я ушла бы с ощущением, что не зря потратила время. Прикосновения к древним камням и чувства близости к прошлому было вполне достаточно, однако я зашла в дом...

Она помолчала немного, словно собираясь с силами для того, чтобы закончить рассказ.

— Я зашла в дом, не сознавая, что поступаю опрометчиво: ведь стены грозили обрушиться в любой момент. Впечатление было такое, что дом ходит ходуном. Но, помнится, тогда я об этом не думала. Я ступала осторожно не потому, что боялась обвала, но потому, что опасалась осквернить святыню. Я испытывала странные, противоречивые чувства. Я ощущала себя посторонним человеком, у которого нет права тут находиться. Я посягала на древние воспоминания, на призраки эмоций, которые следовало оставить в покое, которые заслужили, чтобы их оставили в покое. Я вошла в довольно большую комнату, служившую, судя по ее размерам, гостиной. На полу толстым слоем лежала пыль, в которой отпечатались следы мелких животных. В комнате витали запахи существ, обитавших в ней на протяжении тысячелетия. По углам поблескивала паутина; некоторые паучьи сети были такими же пыльными, как пол. Я остановилась на пороге, и со мной случилось нечто неожиданное: я почувствовала, что имею право быть здесь, что

это мой дом, что я вернулась после долгого отсутствия туда, где мне рады. Тут некогда жили те, для кого я — плоть от плоти и кровь от крови, а право плоти и крови неподвластно времени. В углу я заметила очаг. Дымоход давным-давно рухнул вместе с трубой, но очаг сохранился. Я приблизилась к нему, опустилась на колени и коснулась пальцами камней. Я видела черную дыру дымохода, опаленную пламенем очага. Там была сажа, и на какой-то миг мне почудилось, что в очаге потрескивает огонь. И тогда я сказала — не знаю, вслух или про себя,— я сказала: «Все в порядке. Я вернулась, чтобы ты узнал: Лансинги живы». Если бы меня спросили, кому я это говорю, я бы затруднилась с ответом. Я не ждала, что кто-нибудь отзовется. Отзываться было некому. Но я чувствовала себя так, словно исполнила свой долг.

Синтия поглядела на меня, во взгляде ее мелькнул испуг.

— Зачем я вам это рассказываю? — пробормотала она.— Я ведь не собиралась говорить ничего такого. Вам незачем знать о моих ощущениях. Факты я могла бы раскрыть в нескольких предложениях, но мне почему-то кажется, что голыми фактами нам не обойтись.

Я погладил ее по руке.

— Бывают случаи, когда голые факты ничего не объясняют,— сказал я.— Вы чудесно рассказываете.

— Вам не скучно?

— Ни капельки,— ответил за меня Элмер.— Мне очень интересно.

— Осталось чуть-чуть,— проговорила она.— В другом конце гостиной была дверь, самая настоящая, и открывалась она, как я обнаружила, в полуразрушенное помещение, которое в незапамятные времена было кухней. В доме имелся второй этаж, и он был частично цел, несмотря на то что крыша обрушилась и погребла под собой большинство комнат. Но над кухней второго этажа не было. По всей видимости, сразу над кухонным потолком располагалась крыша. Рядом с тем, что когда-то было наружной стеной кухни, были навалены обломки — скорее всего, обломки карниза. Не знаю, как я ухитрилась заметить это, но часть обломков лежала как-то слишком правильно. В их правильности было что-то не то, они не выглядели обломками. Как и все в доме, они были покрыты пылью. Догадаться, что там находится предмет из металла, было

невозможно. Думается, меня заинтриговала его прямоугольная форма. Я вытащила предмет из-под обломков. Это был изъеденный ржавчиной ящичек; если не считать ржавчины, абсолютно неповрежденный. Я села и задумалась, как он мог тут оказаться. Я решила, что, должно быть, его в свое время засунули под карниз, а потом забыли. Когда карниз обрушился, он упал вниз, пробив потолок кухни, если, конечно, потолок к тому времени еще был цел.

— Значит, вот оно что,— подытожил я.— Ящичек с запиской о кладе...

— В общем, да,— подтвердила Синтия,— но не совсем так. Я не смогла его открыть и потому захватила с собой. Вернувшись домой, я взломала его с помощью инструментов. Внутри лежали грамота на владение кусочком земли, долговая расписка с отметкой об уплате, пара пустых конвертов, один или два опротестованных чека и документ о передаче семейных архивов отделу рукописей университета. Вернее, не о передаче, а о предоставлении во временное пользование. На следующее утро я отправилась в отдел рукописей. Вам наверняка известно, как они там работают...

— Да уж,— согласился я.

— Пришлось попереживать, но в конце концов то, что я — студентка-дипломница со специализацией по истории Земли, и то, что бумаги принадлежат моей семье, сыграло свою роль. Они думали, что я хочу лишь просмотреть документы, но к тому времени, когда мне их выдали,— должно быть, они хранились не там, куда помещал их каталог,— я была сыта по горло всей этой волокитой, а потому заполнила требование о возвращении бумаг и вышла на улицу уже вместе с ними. Вот вам и тихоня-отличница, не правда ли? В отделе мне угрожали судебным преследованием, и, если бы они выполнили свою угрозу, я не знаю, чем бы все закончилось. Но что-то им помешало. Быть может, они решили, что бумаги не представляют никакой ценности, хотя с чего — не смею догадываться. Все документы уместились в один конверт. Очевидно, к ним никто не прикасался, поскольку они не были ни рассортированы, ни проштампованы, и даже печать на конверте не имела следов повреждений. Наверное, их зарегистрировали под одним номером и благополучно про них забыли.

Синтия прервалась и пристально поглядела на меня. Я промолчал. Потихоньку она доберется до сути дела. Как знать, вдруг у нее есть причины рассказывать именно так и никак иначе? Быть может, она хочет перепроверить себя и убедиться (снова, в который раз), что не совершила ошибки, что поступила правильно? Я не собирался подгонять ее, хотя, видит Бог, она могла бы и не тянуть кота за хвост.

— Документов было немного,— заговорила Синтия, выдержав паузу.— Подборка писем, которые проливали свет на историю колонизации Олдена землянами,— характерные образчики эпистолярного жанра той эпохи. Они не содержали ни единого неизвестного прежде факта. Несколько стихотворений, явно сочиненных молоденькой девицей. Счета-фактуры какой-то фирмы, которые, пожалуй, могли бы заинтересовать историка-экономиста, а еще — памятная записка, в каковой пожилой человек в довольно-таки вычурных выражениях излагал историю, услышанную им от деда, причем дед его был одним из первых колонистов на Олдене.

— И что же это за записка?

— В ней говорилось о невероятных событиях,— ответила Синтия.— Я отнесла ее профессору Торндайку, рассказала ему то, что вы только что слышали, и попросила прочесть. Окончив чтение, он уселся, устремив взгляд в никуда, а потом произнес одно-единственное слово: «Анахрон».

— Что такое Анахрон? — спросил Элмер.

— Мифическая планета,— отозвался я,— мир, которого на самом деле не существовало. Предмет мечтаний археологов, вызванный ими из небытия...

— Придуманный мир,— проговорила Синтия.— Я не спрашивала об этом профессора Торндайка, но мне кажется, что название его образовано от слова «анахронизм», то есть что-либо сильно устаревшее. Понимаете, археологи многократно наталкивались на следы, оставленные неведомой расой. Как ни странно, анахронианские надписи находили только на артефактах аборигенов той или иной планеты и никогда — отдельно.

— Как будто они, то бишь анахрониане, случайно заглянули на огонек,— присовокупил я,— а уходя, оставили хозяевам в знак благодарности пару безделушек. Они могли побывать

на многих планетах, а их безделушки обнаруживаются лишь на некоторых, да и то по воле случая.

— Так что там с памятной запиской? — спросил Элмер.

— Она при мне,— ответила Синтия, доставая из внутреннего кармана куртки объемистое портмоне и извлекая оттуда пачку сложенных пополам бумаг.— Это копия. Оригинал был слишком хрупким и не выдержал бы подобного обращения.

Она протянула бумаги Элмеру. Тот развернул их, просмотрел и передал мне.

— Я подброшу дров, чтобы было посветлее,— сказал он.— А ты читай вслух.

Записка была написана корявым почерком пожилого и немощного человека. Местами попадались кляксы, но они не мешали уловить смысл. Наверху первой страницы была цифра — 2305.

Синтия следила за мной.

— Должно быть, год,— заметила она.— Тут у нас с профессором Торндайком не было разногласий. Если ее написал именно тот человек, на которого я думаю, то в дате нет ничего удивительного.

Элмер подбросил в костер хвороста, и пламя весело загудело.

— Порядок, Флетч,— сказал робот.— Чего ты ждешь, начинай.

И я начал.

Глава 6

«2305

Моему внуку Говарду Лансингу

В мою бытность юношей мой дед рассказал мне о том, что ему довелось пережить, когда он был молодым человеком примерно моего возраста, а теперь, когда мне столько же лет, сколько было ему в момент нашего разговора, или даже больше, я передаю услышанное тебе; но поскольку ты еще зеленый юнец, я решил доверить эту историю бумаге, чтобы ты, став старше, смог прочитать ее и понять, в чем тут дело.

Беседуя со мной, мой дед пребывал в твердом уме и здравом рассудке, который не повредили многочисленные стар-

ческие немощи. Ты можешь счесть историю неправдоподобной, однако, как мне всегда казалось, в ней есть своя логика, из-за которой она обретает истинность.

Мой дед, как тебе, без сомнения, известно, родился на Земле, а на Олден прилетел уже далеко не юношей. Он родился в начальную пору Решающей Войны, когда народы Земли, разбившись на два блока, терзали и опустошали планету. В дни своей юности он участвовал в боях, если я вправе так выразиться, ибо то была война не людей, а машин, которые сражались друг с другом с бессмысленной яростью, позаимствованной у тех, кто их создал. Поскольку все члены его семьи и большинство друзей то ли погибли, то ли пропали без вести (по-моему, он сам не знал, что вернее), он с легким сердцем присоединился к группе людей, крохотной частице некогда громадного населения Земли, которые вошли в космические корабли и покинули Землю, дабы основать колонии на других планетах.

Но история, которую он мне поведал, относится не к войне и не к бегству с Земли. Она связана с происшествием, которое случилось неизвестно когда и, как говорил дед, почти неизвестно где. Мне кажется, что это событие произошло, когда он был молод, хотя я не помню, почему я так решил. Я с готовностью признаю, что многие подробности его истории успели подзабыться, но основную канву событий я помню отчетливо.

Благодаря какому-то стечению обстоятельств (какому именно, я забыл, если он вообще о том упоминал) мой дед очутился в безопасной, как он ее именовал, зоне: на небольшой территории, где в силу ее местоположения, а также топографических и метеорологических особенностей почва была менее ядовитой, чем в иных местах, и где человек мог жить в сравнительной безопасности, не пользуясь или почти не пользуясь средствами защиты. Он не помнил в точности, где находится то место, но уверял, что неподалеку от него текущая с севера речушка впадает в Огайо.

У меня сложилось впечатление (хотя он не говорил мне ничего подобного, а я его об этом не расспрашивал), что мой дед, будучи свободным от каких-либо обязанностей по службе и волею судеб оказавшись в том месте, попросту ре-

шил остаться там, чтобы насладиться сравнительной безопасностью, которую оно предлагало. Решение его, принимая во внимание тогдашнюю ситуацию, было чрезвычайно разумным.

Я не знаю ни того, сколько он там пробыл, ни когда произошло то самое событие, ни того, почему он в конце концов оттуда ушел. Впрочем, все это не имеет никакого отношения к тому, что с ним случилось.

Однажды он увидел, что поблизости совершил посадку корабль. В то время еще существовали корабли для перелетов по воздуху; правда, многие из них были уничтожены, а те, что остались, совершенно не годились для ведения военных действий. Но такого корабля дед никогда не видел. Он рассказал мне, чем именно тот корабль отличался от остальных, однако я помню подробности весьма смутно и, если начну излагать, наверняка что-нибудь напутаю.

Из осторожности — без нее тогда было не выжить — дед спрятался в укрытие и принялся внимательно следить за происходящим.

Корабль приземлился на вершине одного из холмов над рекой. Едва он сел, из него вышли пять роботов и с ними существо, похожее на человека, но деду показалось, что сходство здесь чисто внешнее. Когда я спросил его, почему он так подумал, он затруднился с ответом. Дело заключалось не в том, как существо ходило, двигалось или говорило, а в подсознательном ощущении чужеродности, которое подсказало деду, что это существо — не робот и не человек.

Два робота, отойдя от корабля на несколько шагов, остановились. Должно быть, их назначили часовыми, потому что они то и дело поворачивались в разные стороны, словно кого-то высматривая. Остальные принялись сгружать на землю ящики и оборудование.

Дед был уверен, что спрятался надежно. Он укрылся в зарослях на берегу речушки и лег на живот, чтобы ветки загородили его от часовых. Помимо всего прочего, стояло лето, и можно было уповать на то, что листва сделает его незаметным.

Однако в скором времени один из роботов, трудившихся на разгрузке, бросил работу и направился туда, где прятался

мой дед. Поначалу дед решил, что робот пройдет мимо, а потому замер и затаил дыхание.

Но у робота, очевидно, были четкие инструкции. Дед считал, что, скорее всего, кто-то из часовых засек его по тепловому излучению и сообщил своему хозяину о том, что за ними наблюдают.

Приблизившись к зарослям, робот наклонился, схватил деда за руку, извлек из кустарника и потащил на холм.

По словам деда, все, что было дальше, он помнит довольно смутно. Хотя хронологическая последовательность воспоминаний не нарушена, в них случаются пробелы, объяснить которые он не в силах. Он был уверен в том, что, прежде чем его отпустили или ему удалось бежать (правда, как он признавался, у него не возникало ощущения, что его удерживают насильно), была предпринята попытка стереть в его мозгу память о происшедшем. На какое-то время эта мера подействовала; лишь с прибытием деда на Олден память начала потихоньку возвращаться, словно воспоминаниям был поставлен заслон, который они сумели преодолеть только с течением лет.

Дед помнил, что разговаривал с человеком, который человеком не был. Ему запомнилось, что существо говорило с ним по-доброму, но вот о чем шла речь, он позабыл начисто, если не считать нескольких фраз. Существо сообщило деду, что прибыло из Греции (на Земле когда-то существовала такая страна), где жило долгие времена. Дед ясно запомнил это выражение — "долгие времена" — и подивился, как можно так коверкать язык. Существо сказало также, что искало место, где ничто не угрожало бы его жизни, и после ряда измерений, сути которых дед не понял, остановило свой выбор на площадке, где приземлился его корабль.

Дед припомнил еще, что роботы использовали часть сгруженного с корабля оборудования для того, чтобы пробить в скале глубокий колодец и вырезать под землей обширную пещеру. Покончив с этим, они воздвигли над колодцем деревянную хижину самого затрапезного вида снаружи, но прекрасно обставленную внутри. Вырубленные в стенах колодца ступени уводили к подземной пещере, а отверстие ствола закрывалось крышкой, причем, когда она находилась на месте, заподозрить, что за ней начинается туннель, было невозможно.

Ящики, которые сгрузили с корабля, снесли в подземелье. На поверхности остались лишь те из них, в которых была мебель для хижины.

Один из роботов, спускаясь под землю, уронил свой ящик. Дед, который неизвестно почему очутился внизу, увидел, что тот летит прямо на него, и поспешно отпрыгнул в сторону. Уже пересчитывая ступеньки, ящик начал разваливаться, а достигнув дна колодца, разлетелся на мелкие кусочки, так что все его содержимое раскатилось по полу пещеры.

Как утверждал дед, ящик был битком набит сокровищами: там были подвески, браслеты и кольца с драгоценными камнями, золотые обручи со странными узорами на них (дед уверял, что обручи были золотые, однако я не понимаю, как ему удалось распознать золото на глаз), выкованные из драгоценных металлов и отделанные самоцветами статуэтки животных и птиц, с полдюжины королевских венцов, сумки с монетами и многое другое, в том числе — две или три вазы. Вазы, естественно, разбились.

Тут же примчались роботы и принялись подбирать сокровища, а следом спустился их хозяин. Ступив на пол пещеры, он, не удостоив взглядом драгоценности, наклонился и подобрал обломки одной из ваз и попробовал соединить их заново, но у него ничего не получилось, потому что ваза раскололась на множество мелких кусочков. Однако, посмотрев на обломки, которые незнакомцу удалось-таки собрать вместе, дед увидел, что на вазе имелись покрытые глазурью рисунки, которые изображали странного вида людей в момент охоты на еще более странных зверей. Странность рисунков заключалась в их неумелости, в полном отсутствии у художника представления о перспективе и каких-либо познаний в анатомии.

Существо поникло головой над обломками вазы. Лицо его было печальным, а по щеке скатилась слеза. Моему деду показалось нелепым проливать слезы над разбитой вазой.

К тому времени роботы сложили рассыпавшиеся сокровища в кучу. Потом один из них принес корзину, и они ссыпали туда драгоценности и отволокли корзину к ящикам в глубине пещеры.

Но они были не слишком внимательны. Дед заметил на полу монетку. Он спрятал ее в карман и вынес из пещеры, а впоследствии передал мне, и теперь я кладу ее в этот конверт...»

Глава 7

Я прервал чтение и взглянул на Синтию Лансинг.

— Монета?

Девушка кивнула.

— Да. Она была завернута в фольгу. Такой фольгой не пользуются давным-давно. Я отдала монету на сохранение профессору Торндайку...

— Но он сказал вам, что она собой представляет?

— Он колебался и потому обратился за советом к эксперту по монетным системам Земли. Тот утверждает, что это неходовая афинская монета с изображением совы, которую отчеканили, скорее всего, спустя несколько лет после битвы у местечка под названием Марафон.

— Неходовая? — переспросил Элмер.

— Которая не была в обращении. Металл ходовой монеты гладкий и тусклый оттого, что она перебывала во многих руках. А наша монетка выглядела новехонькой.

— И никаких сомнений? — справился я.

— Профессор Торндайк говорит, что нет.

Из-за гребня холма, у подножия которого мы разбили лагерь, вновь послышался собачий лай. Он звучал тоскливо и страшно. Я вздрогнул и придвинулся поближе к костру.

— Кого-то ловят,— сказал Элмер.— Наверное, енота или опоссума. Охотники идут следом, ориентируясь на лай.

— Но зачем они охотятся? — спросила Синтия.— Я про людей, не про собак.

— Чтобы добыть мясо и поразвлечься,— ответил Элмер.

Синтия моргнула.

— Мы не на Олдене,— продолжал Элмер.— Здесь не приходится рассчитывать на мягкость нравов розовой планеты. Люди, которые обитают вон в тех лесах, вполне могут оказаться полудикарями.

Мы сидели и слушали, и нам показалось, что лай отдаляется.

— Что касается клада,— нарушил молчание Элмер.— Давайте прикинем, что нам известно. Где-то на территории этой страны, к западу от того места, где мы сейчас находимся, некто, прилетев из Греции, припрятал добрый десяток ящиков, предположительно с сокровищами. Мы знаем, что в од-

ном из них сокровища были на самом деле, и заключаем отсюда о содержимом остальных. Но местоположение клада определить будет нелегко. Нет четких ориентиров. Река, которая течет с севера и впадает в старушку Огайо. Да таких рек не перечесть...

— Хижина,— напомнила ему Синтия.

— Ее построили десять тысяч лет назад, так что она давно уже развалилась. Нам придется искать колодец, а его могло засыпать.

— А с какой стати,— вмешался я,— Торни решил, что тот странный тип из Греции — анахронианин?

— Я спросила его об этом,— ответила Синтия,— и он сказал, что инопланетный наблюдатель, вероятнее всего, должен был поселиться где-то в том районе. Ведь на земле бывшей Турции обитали первые оседлые человеческие племена. Наблюдатель вряд ли стал бы обосновываться в непосредственной близости от объектов наблюдения. И Греция тут, по мнению профессора Торндайка, подходит со всех точек зрения. У такого наблюдателя наверняка имелись средства скоростного передвижения, поэтому расстояние между Грецией и Турцией не было для него помехой.

— Не вижу логики,— заявил Элмер упрямо.— Почему именно Греция, а не Синайский полуостров, не Каспийское побережье и не дюжина других мест?

— Торни доверяет интуиции ничуть не меньше, чем фактам или логике,— сказал я.— Интуиция у него великолепная, и зачастую он оказывается прав. Если он говорит «Греция», значит, так оно и есть, хотя, как мне кажется, этот наш гипотетический наблюдатель мог время от времени менять место проживания.

— Вовсе нет,— возразил Элмер,— в особенности если он только и делал, что рыскал вокруг в поисках добычи. Она наверняка оттягивала ему карманы. Переместить такую гору добра — это тебе не раз плюнуть. Судя по рассказу, он укрыл на Огайо несколько тонн поживы.

— Да нет же, не поживы! — воскликнула Синтия.— Ну как ты не поймешь! Ему нужны были не деньги и не предметы роскоши. Он собирал артефакты.

— Какой, однако, разборчивый,— хмыкнул Элмер.— Все артефакты из золота да из самоцветов.

— Не преувеличивай,— осадил я Элмера.— Золото и самоцветы могли быть лишь в том ящике, который разбился, а в других хранились, скажем, наконечники стрел и копий, образцы древних тканей, ступки и пестики...

— Доктор Торндайк считает,— сказала Синтия,— что ящики, которые довелось увидеть моему предку, содержали в себе лишь незначительную часть того, что удалось собрать наблюдателю. Быть может, в них он упаковал самые ценные предметы. А в других пещерах, где-нибудь в Греции, может находиться в сотни раз больше ящиков.

— Как бы то ни было,— заключил Элмер,— клад есть клад. Люди гоняются за любыми артефактами, а то, что они с Земли, я думаю, набавляет им цену. Артефакты распродают направо и налево. Многие богачи — ибо нужно быть богатым, чтобы платить такие деньги,— коллекционируют их. И потом, в парочке артефактов на каминной полке или на журнальном столике в кабинете есть свой шик.

Я кивнул, вспомнив, как Торни расхаживал по комнате, ударяя кулаком по ладони и метая громы и молнии. «Дошло до того,— восклицал он,— что археологи остались не у дел! Ты знаешь, сколько ограбленных городов мы обнаружили за последнюю сотню лет? Их раскопали и ограбили прежде, чем там появились мы! Различные археологические общества при поддержке некоторых правительств проводили одно расследование за другим — и ничего. Неизвестно ни кто совершал набеги, ни куда подевались артефакты. Их где-то складируют, а потом перепродают коллекционерам. Дело это прибыльное и потому хорошо организованное. Мы пытались добиться принятия закона о запрещении частного владения артефактами, но остались с носом. В правительстве слишком много таких, у кого рыльце в пушку, кто и сам коллекционирует. Кроме того, кто-то финансирует их противодействие принятию такого закона. В итоге мы попросту остались с носом. А из-за разгула вандализма теряем единственную возможность понять, как развивались те или иные галактические культуры».

Собачий лай сменился вдруг восторженным тявканьем.

— Загнали,— констатировал Элмер.— Загнали жертву на дерево.

Я дотянулся до кучки хвороста, принесенного Элмером, подбросил сучьев в огонь и помешал палкой угли. Язычки го-

лубого пламени из разворошенных угольев потянулись к сучьям, вспыхнула, разбрасывая искры, сухая кора. Пламя словно обрело второе дыхание.

— Хорошая штука костер,— проговорила Синтия.

— Возможно ли, чтобы столь хилое пламя согревало даже таких, как я? — спросил Элмер.— Сидя рядом с ним, я ощущаю тепло, клянусь.

— Почему бы и нет? — ответил я.— Ты постепенно превращаешься в человека.

— Я человек,— сказал Элмер.— По крайней мере по закону. А если по закону, значит, и во всем остальном.

— Как там Бронко? — подумал я вслух.— Надо бы его позвать.

— Он занят делом,— сказал Элмер.— Создает лесную фантазию из темных теней деревьев, шороха ночного ветра в листве, бормотания воды, мерцания звезд и трех черных фигур у костра. Картина, ноктюрн, стихотворение, быть может, скульптура — он творит все это одновременно.

— Бедняжка,— вздохнула Синтия,— он не знает отдыха.

— Бронко живет работой,— сказал Элмер.— Он мастер своего дела.

В темноте послышался сухой треск. Через несколько секунд звук повторился. Собаки, которые было замолчали, снова разразились лаем.

— Охотник выстрелил в того, кто спасался на дереве от собак,— пояснил Элмер.

Над лагерем воцарилось молчание. Мы сидели, представляя себе — я, во всяком случае, представлял — сцену в ночном лесу: собаки, скачущие вокруг дерева, наведенное ружье, вырвавшееся из ствола пламя и — темный силуэт, который падает к ногам охотника.

Внезапно мне показалось, что я слышу иной звук. Издалека донесся слабый хруст. Налетевший ветерок промчался по лощине и увлек звук за собой, но вскоре он возвратился, став громче и назойливее.

Элмер вскочил на ноги. Блики пламени засверкали на его металлическом теле.

— Что это? — спросила Синтия.

Элмер не ответил. Звук приближался. Он надвигался на нас, нарастая с каждым мигом.

— Бронко! — крикнул Элмер.— Скорее сюда. К костру!

Бронко тут же примчался, по-паучьи перебирая ногами.

— Мисс Синтия,— приказал Элмер,— забирайтесь.

— Что?

— Забирайтесь на Бронко и держитесь крепче. Если он побежит, пригибайтесь пониже, чтобы не удариться о сук.

— Что происходит? — спросил Бронко.— Что за шум?

— Не знаю,— отозвался Элмер.

— Рассказывай сказки,— проворчал я, но он не услышал, а если и услышал, то не подал вида.

Звук приближался. Он не шел ни в какое сравнение со всем слышанным мною до сих пор. Впечатление было такое, словно кто-то разрывает лес на кусочки: рев, скрежет, визг раздираемой древесины. Земля задрожала у меня под ногами, будто по ней колотили увесистым молотом.

Я огляделся. Бронко с Синтией на спине отступал от костра в темноту, готовый в любой момент припустить бегом.

Оглушительный и душераздирающий шум обрушился на нас. Я отпрыгнул в сторону и побежал бы, если бы знал куда; и тут я различил на гребне холма нечто громадное, заслонившее от меня звезды. Деревья задрожали мелкой дрожью; черная махина слетела с холма, сокрушая все на своем пути, едва не разнесла лагерь и устремилась дальше по лощине. Шум быстро затихал. Деревья на холме тихонько постанывали.

Я стоял, прислушиваясь к удаляющемуся шуму, который вскоре пропал, словно его и не было вовсе. Я стоял, загипнотизированный тем, что произошло; не понимая, что произошло; гадая, что произошло. Элмер, судя по его позе, пребывал не в лучшем состоянии.

Я плюхнулся на землю рядом с костром; Элмер оглянулся и направился ко мне. Синтия соскочила с Бронко.

— Элмер,— выдохнул я.

Он замотал головой.

— Не может быть,— пробормотал он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне.— Не может быть. Сколько лет прошло...

— Боевая машина? — спросил я.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Такого не бывает, Флетч,— сказал он.

Я подбросил в огонь хвороста. Я не жалел дров, я отчаянно нуждался в огне. Пламя вспыхнуло с новой силой.

Синтия подсела ко мне.

— Боевые машины,— продолжал разговаривать сам с собой Элмер,— строились для того, чтобы нападать на людей, брать города, сражаться с другими машинами. Они дрались до конца, до тех пор, пока в них оставалась хоть крупица энергии. Их не предназначали для выживания. И они, и мы, те, кто создавал их, знали это. Их единственным заданием было — уничтожить. Мы готовили их к смерти и посылали их на смерть...

Его голос был голосом далекого прошлого; он вещал о древней морали, о старинной вражде, о первобытной ненависти.

— Те, кто был в них, не имели желания жить. Они были все равно что мертвы. Они умирали, но согласились потерпеть...

— Элмер, Элмер,— перебила Синтия.— Те, кто был в них? А кто был в них? Я не знала, что в них кто-то был. В них же не было экипажей. Они...

— Мисс,— сказал Элмер,— они были не до конца машинами. По крайней мере, это можно сказать про нашу модель. У нее был искусственный мозг, который находился в контакте с мозгом человека. В мозг машины, которую создавал я, было заключено сознание нескольких людей. Я не знаю ни кто они, ни сколько их было, хотя всем на стройплощадке было известно, что они — быть может, самые крупные военные специалисты, пожелавшие продлить себе жизнь для того, чтобы нанести врагу последний удар. Искусственный мозг в союзе с человеческим мозгом...

— В нечестивом союзе,— бросила Синтия.

Элмер метнул на нее быстрый взгляд и опять уставился на костер.

— Пожалуй, вы правы, мисс. Однако вы не представляете, что такое война. Война — возвышенное безумие, греховная ненависть, которая рождает неоправданное чувство собственной правоты...

— Давайте не будем об этом,— предложил я.— В конце концов, это могла быть не боевая машина, а что-нибудь еще.

— Что, например? — поинтересовалась Синтия.

— Не знаю, но ведь прошло десять тысяч лет.

— Да,— протянула она,— за такой срок мало ли что может случиться.

Элмер промолчал.

На гребне холма раздался крик. Мы вскочили. Наверху мелькал огонек; слышно было, как кто-то пробирается через поваленные деревья.

Крик повторился.

— Эй, у костра!

— Эй, там! — отозвался Элмер.

Огонек мелькал по-прежнему.

— Фонарь,— сказал Элмер.— Должно быть, те люди, которые охотились с собаками.

Мы следили за фонарем. Окликать нас больше не окликали. Наконец огонек перестал мелькать и поплыл вниз по склону холма.

Людей оказалось трое: высокие, одетые в тряпье мужчины с ружьями за плечами. Один из них тащил что-то на закорках. Они улыбались, и зубы их сверкали в бликах пламени костра. Вокруг них прыгали собаки.

Остановившись на краю освещенного круга, они бесцеремонно вытаращились на нас.

— Вы кто? — подал голос один из охотников.

— Путники,— ответил Элмер.— Путешественники.

— А ты? Ты ведь не человек,— последнее слово он произнес как «чолвик».

— Я робот,— сказал Элмер.— Я уроженец Земли. Меня изготовили на ней.

— Ну и дела,— заметил другой охотник.— Прямо ночь больших дел.

— Вы знаете, что это было? — спросил Элмер.

— Разорительница,— отозвался первый.— Про нее много чего толкуют. Моему прадедушке еще его папаша о ней рассказывал.

— Коль она вам показалась,— вступил в разговор третий,— можно перед ней не дрожать. Никому пока не удавалось повстречать ее дважды. Она возвращается только через много лет.

— И вам неизвестно, что она такое?

— Разорительница. (Как будто это слово все объясняло.)

— Мы углядели ваш костер,— сказал первый охотник,— ну и решили перекинуться словцом.

— Присаживайтесь,— пригласил Элмер.

Они уселись на корточки у костра, уперев приклады ружей в землю, а стволы выставив в воздух. Тот из них, который тащил что-то на спине, сбросил свою ношу с плеч.

— Енот,— сказал Элмер.— Хорошая добыча.

Собаки, тяжело дыша, улеглись у ног хозяев, время от времени принимаясь вилять хвостами.

Охотники ухмыльнулись, и один из них проговорил:

— Меня зовут Лютер, это Зик, а это Том.

— Очень приятно,— ответил Элмер вежливо.— Меня зовут Элмер, молодую леди — Синтия, а джентльмена — Флетчер.

Они кивнули в знак приветствия.

— А что у вас за животное? — спросил Том.

— Его зовут Бронко,— сказал Элмер.— Он механический.

— Рад познакомиться с вами,— сообщил Бронко.

Они уставились на него во все глаза.

— Наверное, мы кажемся вам странноватыми,— хмыкнул Элмер.— Мы прилетели с другой планеты.

— Да нам, в общем-то, без разницы,— сказал Зик.— Мы увидели ваш костер и решили заглянуть на огонек.

Лютер сунул руку в задний карман брюк и вытащил оттуда бутылку. Он помахал ею, предлагая выпить.

Элмер покачал головой.

— Не пью,— объяснил он.

Я сделал шаг вперед и взял у Лютера бутылку. Пришло время выйти на сцену и мне; до сих пор в разговоре с нашей стороны участвовал только Элмер.

— Шикарная штука,— подмигнул Зик.— Старик Тимоти муры не гонит.

Вышибив пробку, я поднес бутылку к губам и отхлебнул. Я чуть не задохнулся и с трудом удержался от кашля. Самогонка обожгла мне внутренности. Ноги мои стали ватными.

Охотники, ухмыляясь во весь рот, внимательно наблюдали за мной.

— Знатная вещь,— похвалил я, сделал еще глоток и вернул бутылку хозяину.

— Леди? — осведомился Зик.

— Для нее будет слишком крепко,— сказал я.

Тогда они принялись за дело сами. Я не спускал с них глаз. Они снова протянули бутылку мне, и я не стал отказываться.

В голове у меня зашумело, но я твердил себе, что страдаю на благо общества. Ведь кому-то же из нас надо перенять язык охотников.

— Повторим? — спросил Том.

— Попозже,— сказал я.— Попозже. Мне не хочется оставить вас без «горючего».

— Оно у нас не последнее,— усмехнулся Лютер, похлопав себя по карману.

Зик отцепил от пояса нож и пододвинул поближе тушку енота.

— Лютер,— распорядился он,— набери-ка прутьев для жаркого. Мясо у нас есть, выпивка тоже, и костерок славный. Гуляем, ребята!

Я искоса поглядел на Синтию. Побледнев, она широко раскрытыми от ужаса глазами следила за тем, как нож Зика вспарывает белое брюшко енота.

— Эй,— окликнул я ее,— не берите в голову.

Она одарила меня вымученной улыбкой.

— А утречком,— проговорил Том,— потопаем домой. Чего зазря в темноте ноги ломать? Завтра у нас большой праздник. Вам обрадуются, вот увидите. Ведь вы идете с нами, верно?

— Конечно,— сказала Синтия.

Я посмотрел на Бронко. Он застыл в напряженной позе, выставив напоказ все свои сенсоры.

Глава 8

Он провел меня по полям, где пригибались к земле колосья и золотились на солнце тыквы; он продемонстрировал мне сад с немногими необобранными еще плодовыми деревьями, готовую к работе коптильню, сарай, в котором хранили всякого рода металлический утиль, курятник, помещение для инструментов, кузницу и амбары; я увидел жирных свиней, которых откармливали лесными желудями на убой; я полюбовался на коров и овец, что паслись на высокой луговой траве; вдосталь нагулявшись, мы уселись на верхнюю перекладину шаткой изгороди.

— Сколько вы тут живете? — спросил я.— Не лично вы, а люди вообще.

Он повернулся ко мне. Морщинистое лицо, кроткие голубые глаза, благообразная седая борода до груди — ни дать ни взять деревенский патриарх.

— Глупости спрашиваете,— сказал он.— Мы тут всегда жили. По всей долине люди селились с незапамятных времен. Живем мы вместе, семьями. Иногда попадаются бирюки, но таких раз-два и обчелся. Кое-кто уходит — от добра добра искать. Нас немного, но так оно и было искони. То женки не рожают, то детишки не выживают. Говорят, кровь у нас дурная. Не знаю: слухов ходит без числа, досужие языки чего только не болтают, а вот как правду от лжи отличить?

Он уперся пятками в нижнюю перекладину изгороди и обхватил руками колени. Пальцы у него были по-стариковски скрюченные, острые костяшки, казалось, вот-вот прорвут кожу. На тыльных сторонах ладоней отчетливо проступали синие вены.

— А с Кладбищем вы уживаетесь? — поинтересовался я.

Он ответил не сразу; он с первых слов произвел на меня впечатление человека, который сначала думает, а потом говорит.

— Да вроде бы,— отозвался он наконец.— Они, черти, все ближе подбираются. Ходил я туда пару раз, толковал с этим... ну как его...

Он нетерпеливо прищелкнул пальцами.

— С Беллом,— подсказал я.— Его зовут Максуэлл Питер Белл.

— Точно, с ним самым. Толковал я с ним, да ни до чего мы не договорились. Он скользкий как угорь. Улыбается, а чего — кто его разберет? Он хозяин, а мы — так, мелкота. Я ему говорю: вы наседаете на нас, сгоняете с насиженных мест, а в округе полным-полно заброшенных земель. А он мне: мол, своей землей вы тоже не пользуетесь. Ну, я отвечаю, что, дескать, пускай мы не пашем, но жить-то нам надо; к тесноте мы непривычные, нам простор подавай. А он меня спрашивает, есть ли у нас право на землю. Я говорю: какое такое право? Вы мне ваше право докажите. Мекал он, мекал, да так ничего путевого и не сказал. Вот вы, мистер, вы человек пришлый; может, вам известно, есть ли у него право на нашу землицу?

— Сильно сомневаюсь,— фыркнул я.

— Уживаться мы с ними уживаемся,— продолжал он.— Некоторые наши подрабатывают у них: ну там, копают могилы, траву подстригают, деревья с кустами подрезают. Они порой зовут нас, когда не могут обойтись своими силами. Сами понимаете, могильник требует ухода. Если б мы того захотели, мы могли бы делать куда больше, да какой от работы прок? У нас есть все, что нам нужно, и им попросту нечего нам предложить. Одежда? Овцы дают нам довольно шерсти, чтобы прикрыть срам и не замерзнуть в холода. Выпивка? Мы гоним самогон, и кладбищенскому пойлу до него, пожалуй, далеко. Если самогон настоящий, после него и нектар отравой покажется. Что еще? Кастрюли со сковородками? Да много ли их надо?

Мы вовсе не лентяи, мистер. Мы трудимся как пчелки: рыбачим, охотимся, роемся в земле, раскапываем железо. В окрестностях хватает холмов с железом внутри; правда, путь до них неблизкий. Из железа мы делаем инструменты и ружья. К нам частенько заглядывают торговцы с запада и с юга. Мы выменяваем у них порох и свинец за продукты, шерсть и самогон — конечно, не только это, но в основном порох и свинец.

Он оборвал рассказ. Мы сидели рядышком на верхней перекладине изгороди и нежились на солнышке. Деревья представлялись мне застывшими в неподвижности кострами; рыжевато-коричневые поля пестрели золотистыми тыквами. У подножия холма, в кузнице, размеренно стучал молот; из трубы тянулся к небу дымок, догоняя клубы дыма из труб стоящих по соседству домов. Хлопнула дверь, и я увидел Синтию. Она была в фартуке и держала в руке сковородку. Выйдя во двор, она вывалила содержимое сковородки в пузатый бочонок. Я помахал ей; она махнула мне в ответ и скрылась в доме.

Старик заметил, что я разглядываю бочонок.

— Помойный,— сказал он.— Мы бросаем в него картофельные очистки, капустные листья и прочую дрянь, сливаем молоко, если оно скисло, и отдаем свиньям. Вы что, никогда в жизни не видели помойного бака?

— Честно говоря, нет,— признался я.

— Что-то я запамятовал, откуда вы прибыли и чем там занимались,— буркнул он.

Я рассказал ему про Олден и постарался объяснить, что мы задумали. Кажется, он меня не понял.

Он мотнул головой в сторону амбара, около которого с самого утра пристроился Бронко.

— Значит, вон та штуковина работает на вас?

— Изо всех сил,— ответил я,— и куда как толково. Он очень восприимчивый. Он впитывает в себя образы амбара и сеновала, голубей на крыше, телят в стойлах, лошадей, что пасутся на лугу. Потом из этого возникнет музыка и...

— Музыка? Как если играют на скрипке, что ли?

— Можно и на скрипке,— сказал я.

Он недоверчиво и вместе с тем ошарашенно покрутил головой.

— Я вот о чем хотел вас спросить,— переменил я тему разговора.— Что это за штука — Разорительница?

— Точно не знаю,— сказал он.— Ее называют так, а почему — непонятно. Мне не доводилось слышать, чтобы она кого-нибудь разорила. Опасно только оказаться у нее на дороге. Она — редкая гостья в наших краях. Мы не видим ее десятилетиями. Прошлой ночью она впервые прокатилась так близко от нас. По-моему, никому не взбрело в голову попробовать выследить ее. Она из тех, кого лучше не трогать.

Я видел, что он что-то скрывает, и потому решил на него надавить, не рассчитывая, впрочем, на удачу.

— А что говорит молва? Разве о Разорительнице не сложено никаких легенд? Вы не слышали, чтобы ее называли боевой машиной?

Он со страхом посмотрел на меня.

— Какой машиной? — переспросил он.— Да с кем ей биться-то?

— Вы хотите сказать, что вам ничего не известно о войне, которая чуть было не уничтожила Землю? О войне, после которой люди покинули планету?

По его ответу я понял, что он не лукавит,— просто время стерло воспоминания о тяжелой године.

— Народ болтает всякое,— проговорил он.— Коль ты парень с головой, то особо слухам доверять не станешь. Есть тут у нас переписчик душ — ну, тот, кто знается с призраками; мы зовем его Душелюбом. Я в него не верил до тех пор, пока нос

к носу не столкнулся. А есть еще бессмертный человек, но его я ни разу не встречал, хотя если кое-кого послушать, так он — их лучший друг. На свете существуют и магия, и колдовство, однако в нашей округе ничего такого не замечалось, да оно и славно. Мы — люди тихие, живем скромно и к сплетням не прислушиваемся.

— А книги? — воскликнул я.

— Были, да сплыли,— ответил он.— Я про них слышал, но ни одной в глаза не видел, да и другие тоже, кого ни спроси. Тут у нас книг нет и, верно, никогда и не было. К слову, мистер, что такое книга?

Я попытался объяснить. Вряд ли он понял меня как следует, но вид у него был ошеломленный. Он ловко перевел разговор на другую тему, чтобы, как мне показалось, скрыть замешательство.

— Ваш аппарат придет на праздник? — спросил он.— И будет смотреть и слушать?

— Да,— сказал я.— Спасибо вам, кстати, за гостеприимство.

— Народ начнет подходить, лишь солнце сядет. Будут музыка и танцы, а на улицу выставят столы с угощением. У вас на вашем Олдене бывают такие гулянки?

— Отчего же нет,— сказал я,— только гулянками их не называют.

Не сговариваясь, мы замолчали. Мне подумалось, что день вроде бы выдался неплохой. Мы прошлись по полям, и старик с гордостью показал мне, какое у них уродилось зерно; мы заглянули в свинарник и понаблюдали, как поросята с хрюканьем роются в отбросах; мы полюбовались на работу кузнеца, который при нас докрасна раскалил лемех плуга, ухватил его щипцами, бросил на наковальню и пошел стучать по нему молотом так, что во все стороны полетели искры; мы насладились прохладой амбара и воркованием голубей на сеновале; беседа наша была неторопливой, потому что нам некуда было спешить. Да, денек выдался хоть куда.

В одном из домов распахнулась дверь, и наружу выглянула женщина.

— Генри! — позвала она.— Где ты, Генри?

Старик медленно слез с изгороди.

— Это они меня ищут,— проворчал он.— Нет чтобы объяснить, что случилось. Решили, видно, что я сижу без дела. Пойду узнаю, чего им надо.

Я смотрел, как он лениво спускается по склону холма. Солнышко согревало мне спину. Пойти, что ли, поискать чем заняться? Должно быть, выгляжу я как петух на насесте; и потом, неудобно бездельничать, когда кругом все работают. Однако я испытывал странное нежелание что-либо делать. Впервые в жизни мне не нужно было ни над чем ломать голову. И я не без стыда признался самому себе, что такое положение вещей меня вполне устраивает.

Бронко по-прежнему стоял у амбара, а Синтии не было видно с тех пор, как она выплеснула что-то в помойный бак. Интересно, где это целый день пропадает Элмер?

Он словно подслушал мои мысли: вышел из-за амбара и направился прямиком ко мне. Он не проронил ни слова, пока не приблизился вплотную. Я заметил, что ему явно не по себе.

— Я ходил посмотреть на следы,— сказал он негромко.— Сомневаться не приходится: прошлой ночью мы видели боевую машину. Я обнаружил отпечатки протекторов: такие могла оставить только она. Я прошелся по колее: она умчалась на запад. В горах найдется немало таких уголков, где она сможет укрыться.

— От кого ей прятаться?

— Не знаю,— ответил Элмер.— Поведение боевой машины непредсказуемо. Десять тысяч лет она была предоставлена самой себе. Скажи мне, Флетч, чего можно ожидать от ее комбинированного интеллекта после стольких лет одиночества?

— Либо ничего, либо всего сразу,— хмыкнул я.— Во что превратилась боевая машина, которая уцелела в чудовищной бойне? Что побуждает ее к жизни? Как воспринимает она окружающее, столь отличное от того, для которого ее изготавливали? И вот что странно, Элмер: похоже, люди совершенно не боятся ее. Она для них — нечто непостижимое, а, как я успел убедиться, постигнуть они не в силах очень и очень многого.

— Чудные они какие-то,— проговорил Элмер.— Мне здесь не нравится. Я чувствую себя не в своей тарелке. Сомневаюсь, чтобы та троица с енотом заявилась к нашему костру без причины. Ведь им по пути надо было преодолеть колею боевой машины.

— Ими двигало любопытство,— сказал я.— У них тут тишь да гладь, поэтому, когда что-нибудь происходит, их разбирает любознательность. Так было и с нами.

— Естественно,— согласился Элмер.— И все же...

— Факты?

— Да нет, ничего конкретного. Но что-то меня тревожит. Давай сматывать удочки, Флетч.

— Я хочу, чтобы Бронко записал праздник. Едва он закончит, мы сразу уйдем.

Глава 9

Как и предрекал старик Генри, люди начали собираться вскоре после захода солнца. Они приходили поодиночке, парами и троицами, а иногда — целыми компаниями. Все толпились во дворе, у столов с едой. Кто-то пока отсиживался в доме; часть мужчин удалилась в амбар, и оттуда послышался звон посуды.

Столы вытащили во двор ближе к вечеру. Парни приволокли из плотницкой козлы, на которые положили доски,— так получились лавочки и платформа для музыкантов. Последние уже расселись по местам и теперь настраивали инструменты: с платформы доносилось пиликанье скрипок и треньканье гитар.

Луна еще не взошла, но небо на востоке отливало серебром, и черные стволы деревьев отчетливо выделялись на фоне светлой полоски в небесах. Собака подвернулась кому-то под ноги и с воем исчезла во мраке. Мужчины, что стояли у одного из столов, вдруг громко расхохотались, очевидно, над отпущенной кем-то шуткой. Костер, в который то и дело подбрасывали хворост, стрелял искрами; пламя жадно лизало сухие ветки.

Бронко расположился на опушке леса, и его металлический корпус мерцал в бликах костра. Элмер, присоединившись к какой-то компании у столов, судя по всему, оказался втянутым в оживленную дискуссию. Я поискал глазами Синтию, но ее нигде не было.

Кто-то тронул меня за руку. Обернувшись, я увидел рядом с собой старика Генри. Зазвучала музыка, по двору закружились пары.

— Не скучно одному? — спросил старик. Легкий ветерок шевелил его бакенбарды.

— Хочется спокойно понаблюдать,— ответил я.— Никогда не присутствовал на таких сборищах.

Я не кривил душой. В этом празднике было что-то от первобытной дикости и варварства; его необузданное веселье возвращало память к юности человечества. Как будто ожили древние обычаи и обряды — настолько древние, что на ум почему-то приходили кремневые топоры и обглоданные бедренные кости.

— Оставайтесь с нами,— пригласил старик.— Вы же знаете, наши все обрадуются. Оставайтесь; никто не помешает вам заниматься вашей работой.

Я покачал головой.

— Надо поговорить с другими, что скажут они. Но все равно спасибо.

На платформе надрывался певец; музыканты наяривали что-то немыслимое, однако движения танцоров были плавными и даже изящными.

Старик хихикнул.

— Это называется танцем престарелых. Слыхали?

— Нет,— признался я.

— Хлопну еще стаканчик,— проговорил он,— чтобы косточки *не скрипели, да тоже пойду попляшу. К слову...*

Он извлек из кармана бутылку, вышиб пробку и протянул мне. Бутылка приятно холодила руку; я поднес ее к губам и сделал глоток. Против моих ожиданий в бутылке оказалось неплохое виски. Оно ни капельки не напоминало ту отраву, которой меня угощали накануне.

Я вернул бутылку старику, но он оттолкнул мою руку.

— Мало,— сказал он.— Добавьте-ка.

Я снова приложился к бутылке. Мне стало хорошо и радостно.

Старик последовал моему примеру.

— Кладбищенское виски,— сказал он.— Малость повкуснее нашего будет. Ребята смотались нынче утром на Кладбище и выменяли у них пару ящиков.

Не успел закончиться первый танец, как музыканты тут же заиграли следующий. Я заметил среди танцующих Синтию. Меня поразила грациозность ее движений, хотя с чего я взял, будто она не умеет танцевать, честно говоря, не знаю.

Луна наконец поднялась над лесом. Мне было безумно хорошо.

— Еще,— предложил старик, вручая мне бутылку.

Теплая ночь, веселая компания, темный лес, яркое пламя костра. Я посматривал на Синтию, и мне вдруг отчаянно захотелось потанцевать с ней.

Музыка смолкла, и я сделал шаг вперед, намереваясь подойти к Синтии и пригласить ее на очередной танец. Однако меня опередил Элмер. Встав посреди двора, он неожиданно пустился отплясывать джигу; какой-то скрипач вскочил с места и принялся аккомпанировать ему, и вскоре к Элмеру присоединились все остальные.

Я не верил своим глазам. Элмер, который всегда казался мне тяжеловесным и неповоротливым роботом, теперь чуть ли не порхал над землей, извиваясь всем телом. Люди образовали вокруг него хоровод; они подбадривали его громкими криками и хлопаньем в ладоши. Бронко покинул свой пост на опушке и приблизился к танцорам. Кто-то увидел его; хоровод разомкнулся, пропуская Бронко внутрь. Он остановился перед Элмером, а потом запрыгал и завертелся, одновременно притопывая всеми восемью ногами.

Музыканты убыстряли и убыстряли темп, но Бронко с Элмером это было нипочем. Ноги Бронко летали вверх-вниз, точно помешавшиеся поршни, а между ними вихлялось набитое приборами тело. Земля гудела от дружного топота, и мне почудилось, что я ощущаю ее дрожь. Люди вопили и улюлюкали. Танец двух машин никого не оставил равнодушным.

Я скосил глаза на старика Генри. Он вертелся юлой, седые волосы его растрепались, борода трепыхалась в лад заковыристым коленцам.

— Танцуй! — гаркнул он, тяжело дыша.— Чего не танцуешь?

Не переставая дергаться, он выудил из кармана бутылку и протянул ее мне. Я схватил ее и пустился в пляс. Я запрокинул голову, и горлышко бутылки застучало по моим зубам; немного виски пролилось мне на лицо, но большая его часть

попала туда, куда следовало. Я танцевал, размахивал бутылкой; по-моему, я издавал какие-то звуки — просто так, радуясь жизни.

Должно быть, все мы слегка ошалели — ошалели от ночи, от костра, от музыки. Мы отплясывали, не думая ни о чем. Мы плясали потому, что все кругом делали то же самое, равно люди и машины, потому, что мы были живы и знали в глубине души, что жизнь не бесконечна.

Луна перемещалась по небу; дым от костра белым столбом уходил в поднебесье. Визгливые скрипки и гнусавые гитары стонали, рыдали и пели.

Внезапно, словно по приказу, музыка смолкла. Увидев, что все остановились, застыл на месте и я — с бутылкой в поднятой руке.

Кто-то дернул меня за локоть.

— Бутылка, приятель. Давай ее сюда.

Это был старик Генри. Я отдал ему бутылку. Он ткнул ею куда-то в сторону, а потом поднес к губам. В бутылке забулькало; кадык на шее старика гулял, отмечая каждый новый глоток.

Поглядев туда, куда показал Генри, я различил в полумраке человека в черной робе до пят. Лицо его смутно белело в тени капюшона.

Старик поперхнулся и оторвался от бутылки.

— Душелюб,— сказал он, указывая на пришельца.

Люди медленно отступали от Душелюба. Музыканты отдыхали, вытирая лица рукавами рубашек.

Постояв немного, провожаемый изумленными взглядами, Душелюб поплыл — не пошел, а именно поплыл — внутрь хоровода. Послышались звуки свирели — это заиграл один из музыкантов. Сначала пение дудочки походило на шелест ветра в луговой траве, но постепенно делалось громче. Вдруг свирель испустила руладу, которая словно повисла в воздухе. Тихонько вступили скрипки, как будто вдалеке прозвучал гитарный перебор; скрипки зарыдали, свирель точно обезумела, гитары неистово загремели.

Душелюб танцевал. Ног его не было видно из-под длинной робы, но он раскачивался всем телом, и движения его были настолько необычными и неуклюжими, что казалось, мы наблюдаем танец марионетки.

Он был не один. Вокруг него кружились какие-то тени, которые возникли неизвестно откуда. Сквозь призрачное мерцание их нематериальных тел можно было разглядеть пламя костра. Сперва они были просто безликими тенями, но, приглядевшись, я с изумлением заметил, что они начинают обретать форму, не становясь при этом, правда, материальнее. В них по-прежнему ощущалось нечто призрачное, но они были уже не тени, а люди. Я ужаснулся, рассмотрев, как они одеты. На них были традиционные одежды многих народностей Галактики. Один из них нарядился в килт и шапочку разбойника с далекой планеты под любопытным названием Конец Пустоты, другой — в величественную тогу купца с веселой планеты Денежка, а между ними, не обращая ни на что внимания, отплясывала девица в лохмотьях, но с ниткой самоцветов на шее; судя по ее виду, она явилась сюда с планеты развлечений Вегас.

Она не дотрагивалась до меня, и как она подошла, я не слышал, но что-то подсказало мне, что Синтия стоит рядом со мной. Я взглянул в ее глаза и прочел в них испуг и изумление. Губы ее шевелились, но из-за громыхания музыки я не разобрал ни словечка.

— Что вы говорите? — крикнул я, однако ответить она не успела: нечто обрушилось на меня, и я рухнул как подкошенный, ударившись о землю с такой силой, что у меня перехватило дыхание. Перекатившись на спину, я страшно удивился: по воздуху, гротескно растопырив ноги, летел Бронко, окруженный пламенеющими бревнами и ветками. Клубы дыма на мгновение заслонили луну.

Я попытался вздохнуть — и не смог. Меня охватила паника: а что, если я разучился дышать? Но дыхание вернулось ко мне. Я жадно глотал воздух, и каждый глоток отдавался в легких чудовищной болью, но я никак не мог остановиться.

Брошенным на землю оказался не я один. Кое-кто поднимался, кое-кто силился подняться, а некоторые, и таких было много, лежали не шевелясь.

С немалым трудом я встал на четвереньки и, увидев, что рядом беспомощно ворочается Синтия, помог ей принять сидячее положение. Бронко отчаянно елозил по земле. Наконец ему удалось перевернуться и встать, но с двумя его ногами,

причем на одной и той же стороне, что-то случилось, и он неуверенно покачивался на оставшихся шести.

Элмер вихрем пронесся мимо меня, подскочил к Бронко и поддержал его. Я поднялся и поставил на ноги Синтию. Элмер с Бронко ковыляли к нам.

— Прочь отсюда! — крикнул робот.— На холм, бегом!

Мы повернулись и побежали. Дорогу нам преградила изгородь, на которой днем мы сидели со стариком Генри. Поврежденному Бронко было через нее не перебраться. Я ухватился обеими руками за столб и попробовал повалить его. Он заходил ходуном, но выдернуть его у меня не получилось.

— Пусти,— бросил Элмер. Ударом ноги он опрокинул столб. Фигурка Синтии мелькала далеко впереди. Я устремился за ней.

На бегу я обернулся: поблизости от амбара полыхал сеновал, в который, должно быть, угодила одна из веток, подброшенных к небу взрывом, повредившим Бронко. У сеновала бестолково суетились люди.

Забыв, что надо смотреть вперед, а не назад, я споткнулся обо что-то в темноте и кубарем покатился по земле.

Кое-как поднявшись, я различил силуэты Элмера и Бронко на гребне освещенного луной холма. Я рванулся следом. Мое лицо и руки после неудачного приземления покрылись болезненными ссадинами; проведя ладонью по щеке, я почувствовал на пальцах липкую влагу.

Преодолев гребень холма, я заметил внизу, почти на опушке леса, белое пятно — куртку Синтии. Бронко с Элмером не отставали от девушки. Бронко освоился с поддержкой Элмера и двигался теперь довольно быстро.

Набившиеся за пазуху сухие стебли трав царапали мне кожу. Из селения доносились невнятные вопли.

Я добежал до изгороди, что отделяла поле от леса, и увидел, что Элмер проломил в ней проход. Промчавшись сквозь него, я очутился в лесу, и мне пришлось сбавить прыть, чтобы сослепу не налететь на какое-нибудь дерево.

Кто-то шепотом окликнул меня. Замерев, я огляделся. Все трое моих спутников укрылись под сенью разлапистого дуба. Бронко в целом выглядел неплохо. Элмер спустился с дерева, держа в руке какие-то узелки.

— Я припрятал их тут с наступлением темноты,— сказал он.— Меня не отпускало ощущение, что что-нибудь обязательно произойдет.

— Тебе известно, что случилось?

— Кто-то бросил на двор гранату,— ответил робот.

— Кладбище,— проговорил я.— Вот на что выменяли виски.

— Расплатились, значит,— сказал Элмер.

— Похоже. А я все гадал, с какой стати они расщедрились.

— А призраки, если они, конечно, призраки? — спросила Синтия.

— Отвлекающий маневр,— предположил Элмер.

Я покачал головой:

— Слишком сложно. Не думаю, чтобы в этом были замешаны все без исключения.

— Ты недооцениваешь наших друзей,— возразил Элмер.— Что ты наговорил Беллу?

— Да ничего такого. Я лишь отказался работать на них.

Элмер фыркнул.

— Все ясно. Lèse-majesté*.

— Что же нам теперь делать? — спросила Синтия.

— Ты без меня пока обойдешься? — поинтересовался Элмер у Бронко.

— Если не спешить, да.

— Флетч будет сопровождать тебя. Поддержки от него не жди, но, если ты свалишься, он поможет тебе встать. А мне надо раздобыть инструменты.

— Тебе что, своих мало? — сказал я. Ведь у него в специальном отделении груди хранились запасные руки и многое-многое другое.

— Мне понадобится молоток и кое-что еще. Ноги Бронко просто так не починишь. Я знаю, где у них в деревне сарай с инструментом. Он, правда, заперт, но это ерунда.

— Мне казалось, мы торопимся унести ноги, а ты хочешь вернуться...

— Им будет не до меня: того и гляди, загорится амбар. Никто меня и не заметит.

— Возвращайся скорей,— попросила Синтия.

* Оскорбление величества *(фр.)*.

Он кивнул.

— Постараюсь. Вы никуда не сворачивайте, пока не доберетесь до долины, а там поверните направо и двигайтесь вниз по течению реки. Бери мешок, Флетч, а Синтия возьмет тот, что поменьше. Остальное я захвачу на обратном пути. Бронко сейчас не в состоянии ничего тащить.

— Один момент,— сказал я.

— Ну?

— Почему мы должны поворачивать направо и идти вниз по течению?

— Потому что, пока ты трепался со своим лохматым приятелем, а Синтия чистила картошку для праздника, я пробежался по окрестностям. Жизнь научила меня не пренебрегать осмотром местности.

— Но куда мы направляемся? — справилась Синтия.

— Подальше от Кладбища,— ответил Элмер.— Как можно дальше.

Глава 10

Бронко еле держался на ногах. Склон холма был крутым и неровным, и Бронко трижды падал, прежде чем мы спустились в долину. Всякий раз я ухитрялся его поднять, но при этом едва не падал сам.

Позади нас какое-то время в небе мерцали багряные отблески. Должно быть, занялся амбар, ибо сеновал гореть так долго попросту не мог. Однако, когда мы достигли долины, зарево погасло. То ли амбар выгорел полностью, то ли пламя удалось потушить.

Идти по долине было значительно легче. Земля была удивительно ровной, хотя иногда попадались неглубокие рытвины. Лес поредел, и луна худо-бедно освещала нам путь. Слева по ходу нашего движения журчала река. Близко мы к ней не подходили, но то и дело слышали плеск воды у каменистых перекатов.

Нас окружала серебристая дымка; порой издалека доносилось конское ржание или иные звуки. Раз над нами, неслышно взмахивая крыльями, пролетела большая птица. Покружившись, она скрылась из глаз.

— Если бы ноги у меня были сломаны с разных сторон,— проговорил Бронко,— я бы ничего не заметил. А так — остается две с одной стороны, четыре — с другой; вот и приходится ковылять.

— Все хорошо,— утешила его Синтия.— Не болит?

— Нет,— ответил Бронко.— Я не способен испытывать боль.

— По-вашему, в случившемся виновато Кладбище,— повернулась ко мне Синтия.— Элмер согласен с вами и я, пожалуй, тоже. Но ведь мы не представляем для них угрозы...

— Любой человек, если он не гнет перед Кладбищем спину, воспринимается ими как угроза,— сказал я.— Они обосновались на Земле давным-давно и потому не терпят ни малейшего вмешательства в свои дела.

— Но мы же ни во что не вмешиваемся!

— Можем. Исполнив то, за чем мы сюда прилетели, и вернувшись на Олден, мы можем все им испортить. Мы расскажем о Земле без Кладбища. А вдруг наша работа получит признание у зрителей? Люди перестанут считать Землю всего лишь галактическим могильником.

— Но им от этого не станет хуже,— недоумевала Синтия.— Ничего же не изменится. Никто не покушается на их способ зарабатывать деньги.

— Вы забываете о самолюбии,— заметил я.

— При чем здесь оно? И потом, чье самолюбие окажется ущемленным? Максуэлла Питера Белла и других князьков вроде него. Но не самолюбие Кладбища — это гигантская корпорация, которую интересуют доходы, объем ежегодного прироста прибыли, себестоимость услуг и тому подобное. В ее гроссбухах нет места самолюбию. Дело не в нем, Флетч. Должна быть иная причина.

Может, она и права, сказал я себе. Может, дело действительно не только в самолюбии. Но в чем тогда?

— Они привыкли править,— буркнул я.— Они могут купить все, что им взбредет в голову. Они наняли кого-то швырнуть гранату в Бронко. Их не остановило даже то, что при взрыве могут пострадать другие. Им наплевать, понимаете? Им наплевать, потому что они привыкли добиваться того, чего им хочется. И, кстати сказать, задешево. Они тут хозяева, поэтому с ними никто не осмеливается торговаться. Мы знаем, чем они расплатились за гранату — ящиком виски. Смехотворно

низкая плата! Мне думается, чтобы поддержать свою репутацию, им приходится сурово наказывать тех, кто ускользает из их объятий.

— Вы все время говорите «они»,— перебила Синтия.— Но вы же знаете, что нет ни «их», ни «Кладбища». А есть один-единственный человек.

— Верно,— согласился я,— и вот почему я упомянул о самолюбии. Уязвлено не самолюбие Кладбища, а собственное достоинство Максуэлла Питера Белла.

Долина раскинулась перед нами во всей красе — огромный луг, окруженный лесистыми холмами, оживляемый лишь редкими группками деревьев. Река бежала где-то слева от нас, но журчания воды не было слышно уже давненько. Земля была ровной, и Бронко двигался без особого напряжения, хотя при взгляде на него у меня сердце обливалось кровью. Но в общем он держался молодцом.

Об Элмере не было ни слуху ни духу. Поднеся руку к глазам, я посмотрел на часы. Почти два часа. Я не имел ни малейшего понятия о том, сколько было времени, когда мы обратились в бегство, но почему-то в глубине души был уверен, что взрыв произошел около десяти вечера, а это означало, что мы находимся в пути уже четыре часа. Может, с ним что случилось? Разумеется, он должен был подобрать мешки, что остались на том месте, где мы расстались, однако вряд ли они задержат его надолго.

Если он не нагонит нас к утру, надо будет выбрать местечко поукромнее и дождаться его. Я не сомкнул глаз с тех самых пор, как распрощался с капитаном Андерсоном, а что касается Синтии, она буквально валилась с ног от усталости. Спрячемся понадежнее и немножко вздремнем, а Бронко, который не нуждается в сне, поручим нести дозор.

— Флетчер,— проговорила Синтия, остановившись столь внезапно, что я налетел на нее. Бронко застыл как вкопанный.

— Дым,— сказала она.— Я чувствую запах дыма.

Я принюхался.

— Почудилось,— буркнул я.— Кому тут быть?

В долине ничто не напоминало о людях. Лунный свет на траве, деревья и холмы, свежий ночной воздух, черные тени птиц — и ни намека на людей.

И вдруг я уловил запах дыма. Он пощекотал мне ноздри и почти мгновенно улетучился.

— Вы правы,— сказал я.— Где-то неподалеку жгут костер.

— Раз костер, значит, люди,— заметил Бронко.

— Людьми я сыта по горло,— бросила Синтия.— Не хочу никого видеть в ближайшие пару дней.

— Я тоже,— поддержал ее Бронко.

Горьковатый запах дыма словно растворился в ночи.

— Может, и не костер,— сказал я.— Может, несколько дней назад в дерево ударила молния и оно все тлеет и тлеет. Или костер, но давнишний: все ушли, а его залить не потрудились.

— Пойдемте отсюда,— проговорила Синтия.— Мы стоим тут у всех на виду.

— Слева от нас рощица,— подал голос Бронко.— До нее мы доберемся без труда.

Мы повернули влево и крадучись направились к рощице. Утром, подумалось мне, мы посмеемся над своими страхами. Вполне возможно, что напугавший нас дым принес издалека ночной ветерок. Вполне возможно, в конце концов, что мы совершенно напрасно опасаемся тех, кто развел в ночи костер.

На опушке рощицы мы остановились и прислушались. Впереди журчала вода. Вот и славно, подумал я, будет чем утолить жажду. Рощица, похоже, поднялась на берегу реки, что бежит через долину.

Мы двинулись дальше. Переход от яркого лунного света к глубоким теням под деревьями был настолько резким, что я на какое-то время полуослеп. Неожиданно одна из теней метнулась мне навстречу и ударом дубинки повергла меня на землю.

Глава 11

Я упал в озеро и сразу, в третий и последний раз, пошел ко дну. Вода заливала мне уши и нос, и я не в силах был сделать вдох. Я дернулся и судорожно глотнул, и струйки воды с мокрых волос потекли по моему лицу.

Тут я обнаружил, что нахожусь вовсе не в озере, что подо мной — твердая земля; при свете горевшего неподалеку костра

я разглядел темную мужскую фигуру, которая держала в руках деревянное ведро. Я понял, что из этого ведра мне только что плеснули в лицо водой.

Мужчина стоял спиной к огню, поэтому его черты я толком не разглядел; лишь сверкнули белизной зубы, когда он сердито крикнул что-то, чего я не разобрал.

По правую руку от меня послышались вопли и проклятия. Повернув голову, я увидел лежащего на спине Бронко, вокруг которого, норовя подобраться поближе, толпились люди. Им приходилось туго: Бронко отбивался от них шестью неповрежденными ногами.

Я поискал взглядом Синтию. Она сидела у костра в довольно неестественной позе, зачем-то подняв над головой руку. И тут я заметил рядом с ней верзилу, который сжимал кисть девушки в своих лапищах. Когда Синтия попыталась встать, он заломил ей руку, и она вынуждена была опуститься обратно.

Я приподнялся, и человек с ведром кинулся ко мне с таким видом, словно намеревался раскроить мне череп. Увидев летящее мне в голову ведро, я перекатился на бок и резко выбросил руку. Ведро просвистело в сантиметре от моего виска, а его владелец споткнулся о мою руку и повалился на меня. Я принял его на плечо; он перекувырнулся через меня и с размаху грохнулся оземь. Я не стал дожидаться, пока он поднимется, если поднимется вообще. Прыжком я преодолел расстояние, которое отделяло меня от верзилы, что держал за руку Синтию.

Он разгадал мой замысел и потянулся было за ножом, но действовал слишком медленно, и я успел нанести ему сокрушительный удар в челюсть. Клянусь, его подбросило в воздух на добрый фут! Я помог Синтии подняться, хотя, похоже, помощи ей не требовалось.

За моей спиной раздался вопль. Обернувшись, я увидел, что те, кто сражался с Бронко, решили поживиться более легкой добычей.

С того момента, когда ведро воды привело меня в чувство после удара по голове, и до сих пор мне было некогда оценить ситуацию, в которой мы оказались. Но теперь, используя короткую передышку, я присмотрелся к нападавшим. Иначе как сбродом назвать их было нельзя: грязные, нечесаные, в лох-

мотьях из оленьих шкур и меховых шапках. У некоторых из них были ружья, у большинства, без сомнения,— ножи. Короче говоря, шансов уцелеть у меня было ничтожно мало.

— Уходите,— проговорил я, обращаясь к Синтии.— Постарайтесь где-нибудь спрятаться.

Она не ответила. Я оглянулся, чтобы узнать, почему она молчит, и увидел, что она шарит руками по земле. Когда она выпрямилась, в руках у нее были дубинки — длинные палки, которые она, должно быть, отломила от приготовленных для костра дров. Кинув одну дубинку мне, она сжала другую в кулаке и встала плечом к плечу со мной.

Вооружившись дубинками, мы ожидали нападения. Сторонний наблюдатель, вероятно, восхитился бы нашим мужеством, но я знал, что долго нам не выстоять.

Заметив дубинки, оборванцы остановились. Впрочем, даже так им ничего не стоило справиться с нами. Одному-двоим, быть может, и достанется, но они попросту задавят нас числом.

Здоровенный детина, стоявший чуть впереди остальных, сказал:

— Что стряслось? Зачем вам дубинки?

— Чтобы вы на нас не набросились,— ответил я.

— Нечего было подсматривать за нами.

— Мы почувствовали запах дыма,— проговорила Синтия,— и ни за кем подсматривать не собирались.

Среди деревьев слева послышалось фырканье. Очевидно, там паслись какие-то животные.

— Вы подсматривали,— гнул свое детина.— Вы и ваша зверюга.

Пока он занимал нас беседой, его дружки потихоньку начали обходить нас с флангов.

— Давайте не будем горячиться,— сказал я.— Мы путники. Мы не подозревали о вашем присутствии...

Они рванулись было к нам, и тут из леса донесся заунывный вопль — дикий и воинственный боевой клич, от которого встали дыбом волосы и застыла в жилах кровь. Из-за деревьев показалась массивная металлическая фигура; завидев ее, оборванцы пустились наутек.

— Элмер! — воскликнула Синтия.

Робот не обратил на нас внимания. Один из беглецов споткнулся и упал; Элмер подхватил его, раскрутил и швырнул в темноту. Раздался выстрел; пуля глухо звякнула, стукнувшись о металлическое тело Элмера. Больше выстрелов не было. Элмер загнал оборванцев в лес. Судя по плеску воды, они перебрались на другой берег реки. Вскоре их испуганные крики затихли в отдалении.

Синтия подбежала к трепыхающемуся Бронко. Я поспешил ей на подмогу. Вдвоем мы поставили Бронко на ноги.

— Вот вам и Элмер,— сказал он.— Задай им жару, дружище! Они удрали не все. В лесу привязаны те, в ком нет зла.

— Лошади,— догадалась Синтия.— Их должно быть много. Наверное, мы повстречались с торговцами.

— Вы можете рассказать мне в точности, как все произошло? — спросил я.— Мы вошли в лес, в котором было темным-темно. А потом этот тип плеснул мне водой в лицо.

— Они оглушили вас,— ответила Синтия,— схватили меня и поволокли нас к костру. Они тащили вас за ноги, и вид у вас был препотешный.

— Ну разумеется, вы помирали со смеху.

— Нет,— возразила она,— я не смеялась, но выглядели вы шикарно.

— А ты что скажешь, Бронко?

— Я поскакал к вам на выручку,— проговорил Бронко,— но оступился и упал. Но я показал им, с кем они имеют дело, верно, Флетч? Пока они вокруг меня крутились, мне удалось кое-кому как следует врезать.

— Они появились неожиданно,— сказала Синтия.— Похоже, они заметили нас издалека и устроили засаду. Костер мы увидеть не могли, потому что они развели его в глубокой лощине...

— Они наверняка выставили часовых,— буркнул я.— В общем, нам повезло, что все закончилось так, а не как-нибудь иначе.

Мы вернулись к костру. Он почти погас, но мы не стали разжигать его заново. Нам почему-то казалось, что в темноте безопаснее. У костра в беспорядке валялись всякие ящики и тюки; чуть поодаль возвышалась куча хвороста. По всей стоянке были разбросаны тарелки, чашки, ложки, оружие и одеяла. Нечто с громким плеском пересекло реку и двинулось напролом через кусты. Я нагнулся было за ружьем, но Бронко сказал:

— Это Элмер.

Я выпрямился. Сам не знаю, отчего я потянулся за ружьем: ведь я совершенно не представляю, как с ним обращаться.

Элмер вывалился из кустов на лужайку.

— Удрали,— сообщил он.— Я хотел поймать одного и послушать, что у него найдется нам сказать, но они улепетывали так, что только пятки сверкали.

— Испугались,— фыркнул Бронко.

— Как наши дела? — спросил Элмер.— Вы в порядке, мисс?

— Мы все в порядке,— ответила Синтия.— Флетчера, правда, огрели дубинкой, но, по-моему, он уже оправился.

— Будет шишка,— проговорил я,— и голова, если честно, слегка побаливает. Но это пустяки.

— Флетч,— укорил Элмер,— почему ты не разводишь костер? Вам с мисс Синтией не мешало бы перекусить и вздремнуть часок-другой. А я пойду за вещами, которые бросил в лесу.

— А не лучше ли нам убраться отсюда, и поскорее? — поинтересовался я.

— Они не вернутся,— успокоил меня Элмер.— Точнее, вернутся, но не при дневном свете. Солнце-то вот-вот встанет. Они вернутся завтрашней ночью, однако мы к тому времени будем далеко.

— В лесу привязаны их животные,— сказал Бронко.— Судя по всем этим тюкам, животные должны быть вьючными. Они могут нам пригодиться.

— Заберем их с собой,— решил Элмер,— пусть наши друзья потопают ножками. И кроме того, мне не терпится заглянуть хотя бы в один из мешков. Быть может, их содержимое объяснит негостеприимность хозяев.

— А может, и нет,— возразил Бронко.— Вдруг они набиты под завязку всякой дрянью?

Глава 12

Однако он ошибался.

У встреченных нами головорезов были все основания опасаться за свою поклажу.

В первом мешке, который мы развязали, находились металлические пластины, вырубленные, по всей видимости, долотом из цельного листа.

Элмер подобрал две пластины и с силой стукнул друг о друга, так что они загудели.

— Сталь, покрытая бронзой,— определил он.— Интересно, где они ее раздобыли?

Похоже, он догадался об этом, еще не закончив фразы. Взглянув на меня, он понял, что мне в голову пришла та же мысль, и констатировал:

— То, из чего изготавливают гробы. Правильно, Флетч?

Мы сгрудились вокруг мешка. Бронко переминался с ноги на ногу за нашими спинами. Элмер уронил пластины, которые держал в руках.

— Сейчас принесу инструменты,— сказал он,— и мы займемся тобой, Бронко. У нас в запасе меньше времени, чем я предполагал.

Мы взялись за дело, пользуясь инструментами, которые Элмер позаимствовал в деревне. С одной ногой мы управились быстро: выпрямили ее, простучали, так что она стала как новенькая, и поставили на место. А вот со второй пришлось повозиться.

— Как долго, по-твоему, это продолжается? — спросил я Элмера.— Неужели Кладбище не подозревает о том, что его грабят?

— Даже если и знают, что они могут поделать? — откликнулся робот.— И вообще, какая им разница? Подумаешь, пару-тройку могил раскопали.

— Но их обязательно заметят! Ведь за Кладбищем ухаживают и...

— Заметят, если они на виду,— перебил Элмер.— Я готов побиться об заклад, что на Кладбище есть уголки, за которыми никто не следит и посетителей туда не пускают.

— Но если мне нужна конкретная могила?

— Они узнают о подобных вещах заранее. Они заблаговременно знакомятся со списком пассажиров очередного звездолета для паломников и, если требуется, быстренько приводят в порядок тот или иной сектор Кладбища. Или и того не делают, а просто меняют таблички на могилах, и вся недолга.

Синтия бросила готовку и подошла к нам.

— Можно взять? — справилась она, берясь за лом.

— Конечно,— ответил Элмер,— нам он ни к чему. Старина Бронко в полном порядке. А зачем он вам понадобился?

— Хочу открыть какой-нибудь ящик.

— Стоит ли? Там наверняка такие же пластины.

— Все равно,— сказала Синтия.— Хочется мне.

Понемногу светлело. Солнце позолотило небо на востоке и скоро должно было взойти. Среди деревьев порхали птицы, которые запели, едва начала отступать ночная тьма. Большая синяя птица с хохолком на голове кружилась над нами, возбужденно крича.

— Голубая сойка,— проговорил Элмер.— Шумливая птаха. Ее помню и кое-кого еще, вот только названия подзабылись. Вон малиновка, а вон дрозд — если мне не изменяет память, краснокрылый. Нахал, каких мало.

— Флетчер,— позвала Синтия сдавленным голосом.

Я сидел на корточках, наблюдая, как Элмер вправляет Бронко сустав.

— Да,— сказал я, не оборачиваясь,— чего?

— Можно вас на минуточку?

Я встал. Она ухитрилась оторвать край одной из досок крышки ящика. На меня она не глядела. Ее взгляд был устремлен внутрь ящика. Она стояла неподвижно, словно загипнотизированная тем, что увидела.

Ее вид заставил меня насторожиться. Сделав три быстрых шага, я очутился рядом с ней.

Первое, что я заметил, был изысканно украшенный сосуд — маленький, изящной формы, изготовленный, похоже, из яшмы. Нет, вряд ли это яшма: на сосуде цвета незрелого яблока черной, золотистой и темно-зеленой красками были изображены грациозные фигуры, а ни одно здравомыслящее существо яшму расписывать не будет. Рядом с сосудом лежала, если я ничего не перепутал, фарфоровая чашка ало-голубой раскраски, а дальше — причудливая скульптура, грубо вырезанная из камня кремового цвета. Из-под скульптуры виднелся кувшин с вычурным узором на боку.

Неслышно подошедший Элмер забрал у Синтии лом и двумя сильными ударами сбил с ящика крышку. Нашим глазам предстало поразительное зрелище: ящик оказался доверху набитым кувшинами, сосудами, статуэтками, фарфоровой по-

судой, искусной работы металлическими вещицами, поясами и браслетами с драгоценными камнями, самоцветными ожерельями и брошами, предметами культа (ничем иным они быть просто не могли), шкатулками из дерева и из металла и многим-многим другим.

Я взял в руки отшлифованный камень со множеством граней, на каждой из которых были выгравированы таинственные, наполовину стершиеся символы. Я повертел его в ладонях, недоумевая, почему он такой тяжелый, будто внутри у него не тот же камень, а металл. И тут меня словно осенило: мне ведь доводилось уже видеть нечто подобное — на каминной полке в кабинете Торни. Однажды он продемонстрировал мне, для чего этот булыжник предназначался. Его бросали как игральную кость, чтобы узнать, как поступить в том или ином случае. Божественный камень, очень древний и чрезвычайно ценный,— один из немногих артефактов, которые с уверенностью можно было отнести к творениям загадочной расы с далекой планеты — планеты, обитатели которой исчезли в никуда задолго до того, как люди натолкнулись на их мир.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил Элмер.

— Да вроде бы,— отозвался я.— Старинная штучка. У Торни есть похожая. Он называл мне планету, на которой их делали, но я, признаться, подзабыл.

— Послушайте, почему бы вам не продолжить разговор за едой? — вмешалась Синтия.— Все того и гляди остынет.

Я понял вдруг, что зверски голоден. Со вчерашнего дня у меня во рту не было и маковой росинки.

Синтия разлила по тарелкам густой, наваристый суп из тушенки с овощами. Торопясь попробовать, я первой же ложкой обжег себе небо.

Элмер примостился рядышком, подобрал палку и принялся ворошить угли.

— Мне кажется,— сказал он,— обнаруженные нами предметы имеют отношение к тому, о чем, по твоим словам, частенько говаривал профессор Торндайк. Сокровища, которые похитили с мест археологических раскопок и припрятали, с тем чтобы позже за бешеные деньги продать коллекционерам.

— Думается, ты прав,— ответил я,— и теперь нам известно, где хранится хотя бы часть их.

— На Кладбище,— сказала Синтия.

— Совершенно верно,— согласился я.— В гробу можно спрятать все, что угодно. Кому придет в голову раскапывать могилу? Да никому, за исключением шайки пришлых добытчиков металла, которые, очевидно, решили, что куда выгоднее извлечь из земли парочку гробов, чем без толку рыскать по округе.

— Они разрывали могилы ради металла,— вступила в разговор Синтия,— а как-то раз нашли гроб, в котором вместо скелета лежала груда сокровищ. Быть может, такие могилы особым образом помечены. Быть может, на памятник или на указатель ставится какой-нибудь значок, который, если не знать, куда смотреть, ни за что не заметишь.

— Вряд ли они ориентируются по значкам,— возразил Элмер.— Прикиньте, сколько уйдет времени на поиски по крайней мере одного из них.

— Я думаю, времени у них было достаточно,— парировала Синтия.— Скорее всего, промышлять воровством они начали не вчера, а несколько столетий назад.

— Однако наличие меток ничем не доказано,— сказал я.

— Как это ничем? — воскликнула Синтия.— Откуда же им тогда известно, где копать?

— Вполне возможно, что у них на Кладбище есть свой человек, который наводит их на могилы.

— Вы оба вот о чем забываете,— вмешался Элмер.— Что, если наших ночных знакомцев все эти безделушки в ящиках интересуют постольку-поскольку?

— Но они прихватили их с собой,— проговорила Синтия.

— Да, прихватили. Сообразили, должно быть, что за них можно выручить кое-какие деньги. Но нужен им был, я уверен, в первую очередь металл. Сегодня с металлом на Земле туговато. Когда-то его собирали в городах, но на открытом воздухе он быстро ржавел, и потому пришлось искать его под землей. А на Кладбище он не такой старый и гораздо лучшего качества. Артефакты, которые попались грабителям в одной-двух могилах, имеют ценность для нас, поскольку профессор Торндайк просветил нас на их счет, однако мне сомнительно, чтобы кладбищенские воришки разбирались в предметах искусства. Им нужен металл, а все остальное — так, игрушки детям, побрякушки женщинам.

— Как бы то ни было,— сказал я,— теперь понятно, почему Кладбище норовит присмотреть за всеми, кто прилетает на Землю. Им вовсе ни к чему, чтобы кто-нибудь узнал про артефакты.

— В этом нет ничего противозаконного,— заметила Синтия.

— Увы, да. Археологи много лет пытаются пробить закон, который запретил бы торговлю артефактами, но пока безуспешно.

— Грязное это дело,— буркнул Элмер,— неблаговидное. Если правда выплывет наружу, она здорово подпортит Кладбищу фасад.

— И все же они позволили нам уйти,— проговорила Синтия.

— Они просто оказались не готовы,— объяснил я.— Им нечем было остановить нас.

— Потом они попробовали отыграться,— прибавил Элмер.— На Бронко.

— Они полагали, что, уничтожив Бронко, сумеют нас запугать,— подумала Синтия вслух.

— Скорее всего,— согласился я.— Хотя, быть может, они ко взрыву и не причастны.

— Ну да,— фыркнул Элмер.

— Вот что меня настораживает,— сказал я.— Не прилагая к тому усилий, мы умудрились нажить себе кучу врагов. Во-первых, Кладбище, во-вторых, шайка грабителей, а в-третьих, мне кажется, жители деревни. Едва ли они вспоминают нас добрым словом. Из-за нас у них сгорели сеновал и амбар; наверняка кто-то из них пострадал при взрыве. Поэтому...

— Сами виноваты,— перебил Элмер.

— Иди и скажи им это.

— Не пойду.

— Думаю, нам пора трогаться в путь,— закончил я.

— Вам с мисс Синтией надо поспать.

Я посмотрел на девушку:

— Пару часов мы как-нибудь выдержим, верно?

Она уныло кивнула.

— Возьмем лошадей,— предложил Элмер.— Погрузим на них мешки...

— Зачем? — спросил я.— Оставь все здесь. К чему нам лишняя поклажа?

— И как я сам не додумался? — воскликнул Элмер.— Когда они вернутся, кому-то из них придется остаться тут, чтобы караулить добро, а значит, нам будет легче.

— Они погонятся за нами,— проговорила Синтия.— Без лошадей они как без рук.

— Разумеется,— ответил Элмер,— но когда они в конце концов обнаружат лошадей, нас уже и след простынет.

— Ты забываешь людей,— неожиданно подал голос Бронко.— Они не способны обходиться без сна и не могут шагать сутки напролет.

— Что-нибудь придумаем,— отмахнулся Элмер.— Давайте собираться.

— А как быть с Душелюбом и его призраками? — спросила Синтия без всякого, как мне показалось, повода.

— Пусть они вас не волнуют,— сказал я.

Она спрашивала о них не в первый раз. Все-таки женщина есть женщина: человек в затруднительном положении, а она пристает к нему с дурацкими вопросами!

Глава 13

Я проснулся посреди ночи и растерялся было, но тут же вспомнил, где мы и что с нами произошло. Сев и оглядевшись, я различил в темноте крепко спящую Синтию. Скоро уже должны вернуться Бронко с Элмером, и тогда мы продолжим наш путь. Все-таки, сказал я себе, мы поступили по-глупому; нам не следовало разлучаться. Да, конечно, я был в полусонном состоянии, и первая в жизни прогулка верхом порядком меня утомила, а Синтия вообще выдохлась окончательно, однако мы могли бы пересадить ее на Бронко и привязать к седлу, чтобы она не свалилась во сне. Но Элмер настоял на том, чтобы мы оставались здесь, пока они с Бронко отгонят лошадей в маячившие на горизонте горы.

— Не беспокойся,— убеждал он.— Пещера эта удобная и хорошо замаскирована, а к тому времени, как вы проснетесь, мы вернемся.

Зачем мы его послушались, корил я себя. Зачем? Нам надо было держаться вместе; что бы ни случилось, нам надо было держаться вместе.

У входа в пещеру промелькнула тень. Послышался тихий голос:

— Друг, будь добр, не шуми. Тебе нечего опасаться.

Я вскочил, чувствуя, как волосы на моей голове встают дыбом.

— Кто там, черт побери?

— Тише, тише,— попросил меня голос.— Поблизости ходят те, кому слышать нас вовсе не обязательно.

Синтия взвизгнула.

— Замолчите! — прикрикнул я на нее.

— Не волнуйтесь,— произнес некто.— Вы не узнали меня, но мы виделись на празднике.

Синтия, подавив крик, судорожно сглотнула.

— Это Душелюб,— выдавила она.— Что ему нужно?

— Я пришел к вам, красавица,— ответил Душелюб,— чтобы предупредить вас о большой опасности.

— Выкладывай,— сказал я негромко, поддавшись на его уговоры не повышать голоса.

— Волки,— объяснил он.— По вашему следу пустили механических волков.

— И что же нам делать?

— Сидеть тихо,— ответил Душелюб,— и надеяться, что они пробегут мимо.

— А где твои приятели? — поинтересовался я.

— Где-то тут. Они частенько сопровождают меня, но прячутся, впервые встречаясь с людьми. Они слегка робеют, но, если вы им понравитесь, они объявятся.

— Прошлой ночью они ничуть не робели,— заметила Синтия.

— Они были среди старых друзей, с которыми знакомы не один год.

— Ты говорил про волков,— перебил я.— Если я не ослышался, про механических волков.

— Подобравшись к входу, вы, наверное, сможете их разглядеть. Только, пожалуйста, старайтесь не шуметь.

Я протянул Синтии руку, и она крепко вцепилась в нее.

— Механические волки,— проговорила она.

— Должно быть, роботы,— сказал я.

Не знаю почему, но я оставался абсолютно спокойным. За последние два дня нам столько привелось увидеть, что механические волки отнюдь не воспринимались как нечто из ряда вон выходящее. Подумаешь, эка невидаль!

Снаружи пещеры ярко светила луна. Деревья были видны как на ладони, крохотные лужайки, валуны — дикий, неприветливый, суровый край. Я невольно вздрогнул.

Мы притаились у самого входа в пещеру. Взгляд различал лишь деревья, лужайки, валуны и темные очертания холмов вдалеке.

— Я не...— начала было Синтия, но Душелюб цыкнул на нее, и она замолчала.

Мы лежали бок о бок, с каждой секундой все острее ощущая нелепость своего положения. Ничто не нарушало ночного покоя; в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка.

Внезапно в тени дерева что-то шевельнулось. Мгновение спустя на открытом месте показалась отвратительная тварь. Она поблескивала в лунном свете и производила впечатление чудовищной силы и злобы. Расстояние и неверный свет луны скрадывали ее размеры, однако ростом она была явно не ниже теленка. Движения ее были быстрыми, ловкими и, я бы даже сказал, немного нервными; но мощь, заключенную в ее металлическом теле, можно было угадать за несколько сотен миль. Тварь кружила по поляне, будто к чему-то принюхиваясь, а потом вдруг замерла и уставилась прямо на нас. Застыв в напряженной позе, она рвалась к нам — словно кто-то удерживал ее на поводке.

Так же неожиданно она отвернулась и возвратилась к прежнему занятию, и тут я заметил, что их уже трое. Обследовав поляну, они устремились в лес.

Один из волков на бегу оскалил пасть — вернее, то, что называется пастью у живых существ,— продемонстрировав сдвоенный ряд металлических клыков. Зубы его клацнули, и нас бросило в дрожь.

Синтия прижалась ко мне. Высвободив руку, я обнял девушку; в тот момент я думал о ней не как о женщине, но как о человеке, в плоть которого могут вонзиться металлические клыки. Прильнув друг к другу, мы наблюдали, как волки

рыщут среди деревьев, настороженно поводя носами и — не знаю, может, мне померещилось? — пуская слюну. Постепенно я проникался уверенностью, что им известно наше местонахождение.

И вдруг они исчезли, пропали без следа, так что мы даже не успели ничего разглядеть. Их исчезновение ошеломило нас; мы лежали у входа в пещеру, боясь открыть рот, боясь пошевелиться. Сколько продолжалось наше оцепенение, я не знаю.

Кто-то постучал по моему плечу.

— Они ушли,— сказал Душелюб.

Признаться, я совершенно позабыл о его присутствии.

— Они растерялись,— сказал он.— Их сбил с толку лошадиный запах. Что ж, пускай побегают.

Синтия поперхнулась, будучи, видно, не в силах произнести ни слова. Я сочувствовал ей: мое горло пересохло до такой степени, что непонятно было, обрету ли я когда-нибудь дар речи.

— Я думала, они искали нас,— запинаясь выговорила Синтия.— По-моему, они догадывались, что мы где-то рядом.

— Все может быть,— ответил Душелюб,— однако непосредственная опасность миновала. Почему бы нам не вернуться в пещеру?

Я поднялся на ноги и помог встать Синтии. Мышцы мои после долгого пребывания в неподвижности затекли, и я потянулся всем телом. В пещере было темно, хоть глаз выколи, но, ощупывая рукой стену, я с грехом пополам добрался до сложенных в кучу мешков и сел, прислонившись к ним. Синтия последовала моему примеру.

Душелюб расположился перед нами. Его черная роба сливалась с мраком пещеры, и потому мы видели только белое пятно его лица — размытое пятно, лишенное каких бы то ни было черт.

— Наверное,— сказал я,— нам нужно поблагодарить тебя.

Он передернул плечами.

— Друзья нынче встречаются редко,— сказал он.— Поэтому их надо всячески оберегать.

В пещере засеребрились тени. То ли они появились всего лишь мгновение назад, то ли я попросту не замечал их раньше, но теперь они окружали нас со всех сторон.

— Ты созвал своих? — спросила Синтия, и по напряженности ее голоса я понял, каких усилий стоило девушке совладать с испугом.

— Они были здесь все время,— объяснил Душелюб.— Они возникают медленно, чтобы никого не перепугать.

— Тут не захочешь, а испугаешься,— возразила Синтия.— Я ужасно боюсь призраков. Или ты называешь их по-другому?

— Лучше будет,— ответил Душелюб,— называть их тенями.

— Почему? — справился я.

— Семантика причины,— заявил Душелюб,— требует для объяснения вечерних сумерек. Честно говоря, я сам в некотором затруднении. Но они предпочитают именоваться так.

— А ты? — спросил я.— Что ты такое?

— Не понимаю,— ответил Душелюб.

— Ну как же? Мы люди. Твои спутники — тени. Существа, за которыми мы следили, были роботами — механическими волками. А к кому отнести тебя?

— Ах вот ты про что,— догадался Душелюб.— Ну, это несложно. Я переписчик душ.

— Что касается волков,— вмешалась Синтия.— Они, должно быть, кладбищенские?

— Да,— подтвердил Душелюб.— Теперь их почти не используют, не то что прежде. В былые дни у них было много работы.

— Какой же? — удивился я.

— Чудовища,— ответил Душелюб, и я заметил, что ему не хочется развивать эту тему.

Беспрерывное колыхание теней прекратилось. Друг за дружкой они опускались на пол пещеры, постепенно приобретая все более четкие очертания.

— Вы им нравитесь,— сказал Душелюб.— Они знают, что вы на их стороне.

— Мы ни на чьей стороне,— запротестовал я.— Наоборот, мы бежим сломя голову, чтобы нас не сцапали. Едва мы очутились на Земле, как нас тут же попытались взять в оборот.

Одна из теней подсела к Душелюбу. Мне показалось, она утратила часть своей облакоподобной субстанции и не то чтобы затвердела, но стала плотнее. Она осталась прозрачной, но размытость формы исчезла; силуэт приобрел завершенность. Тень напоминала сейчас рисунок мелком на грифельной доске.

— Если вы не возражаете,— заявил рисунок,— я хотел бы представиться. Мое имя в далеком прошлом на планете Прерия наводило ужас на ее обитателей. Странное название для планеты, не правда ли? Однако объясняется оно очень просто: это была огромная планета, пожалуй даже больше Земли, территория суши на которой намного превосходила площадь океана. На суше не было ни гор, ни возвышенностей, и на все четыре стороны простиралась прерия. Там не было зимы, потому что тепло звезды, вокруг которой обращалась планета, ветры распределяли равномерно по всей поверхности. Так что мы, обитатели Прерии, наслаждались вечным летом. Разумеется, мы были людьми. Наши предки покинули Землю с третьей волной эмиграции. В поисках наилучшего места жительства они перелетали от планеты к планете, пока не очутились на Прерии. Вероятно, наш образ жизни покажется вам необычным. Мы не строили городов. Причину тому я, быть может, открою вам позднее, ибо рассказывать придется долго. Мы стали бродячими пастухами, и, на мой взгляд, это занятие куда достойнее любого другого. На Прерии кроме нас обитали аборигены — гнусные, злобные проныры. Они отказывались от всякого сотрудничества с нами и то и дело вставляли нам палки в колеса. Помнится, я начал с того, что просил позволения представиться, но забыл назвать свое имя. Это доброе земное имечко, ибо мое семейство и весь мой клан бережно хранили наследие Земли, и...

— Его зовут,— перебил Душелюб,— Рамсей О'Гилликадди. Откровенно говоря, имя в самом деле неплохое. Я вмешался потому, что он наверняка не скоро бы добрался до сути.

— А теперь,— сообщила тень Рамсея О'Гилликадди,— поскольку меня любезно представили, я поведаю вам историю своей жизни.

— Не стоит,— возразил Душелюб.— У нас нет времени. Нам многое нужно обсудить.

— Тогда историю моей смерти.

— Хорошо,— уступил Душелюб,— но только покороче.

— Они поймали меня,— начала тень Рамсея О'Гилликадди,— и посадили под замок. Грязные, мерзкие аборигенишки! Я не буду описывать обстоятельства, которые привели к столь плачевному для меня исходу, ибо иначе мне придется излагать все в подробностях, на что, по словам Душелюба, времени

нет. Так вот, они поймали меня и в моем присутствии завели спор о том, как им лучше меня прикончить. Сами понимаете, с каким настроением я все это слушал. И способы, надо отметить, предлагались самые кровожадные. Отнюдь не удар по голове и не перерезание горла, но долгие, выматывающие, замысловатые процедуры. В конце концов после многих часов обсуждения, в течение которых они не раз интересовались моим мнением насчет очередного способа, решено было содрать с меня живьем кожу. Они объяснили мне, что не хотят меня убивать, и что поэтому мне не следует держать на них зла, и что, если, лишившись кожи, я все-таки выживу, они с радостью меня отпустят. Что касается моей кожи, сказали они, то они высушат ее и изготовят из нее там-там, грохот которого известит мой клан о позоре их родича.

— Учитывая, что среди нас леди...— произнес я, но он не обратил на меня внимания.

— Обнаружив мой труп,— продолжал он,— мои родичи решились на немыслимое дело. До тех пор мы погребали своих мертвецов в прерии, не ставя над могилами никаких памятников, потому что человек должен довольствоваться тем, что стал единым целым с землей, по которой ходил. Несколько лет назад нам довелось услышать о земном Кладбище; тогда мы пропустили эти сведения мимо ушей, ибо они нам были ни к чему. Но после моей смерти на совете клана было решено удостоить меня чести быть похороненным в почве Матери-Земли. Мои бренные останки, погруженные в спирт и запаянные в большой бочонок, доставили в захудалый космопорт — единственный на планете. Там бочонок хранился многие месяцы, ожидая прибытия звездолета, на котором его доставили в ближайший порт, где регулярно совершали посадки корабли похоронной службы.

— Вы вряд ли понимаете,— прибавил Душелюб,— чего это стоило его клану. Все богатство обитателей Прерии заключается в их стадах. Им потребовался не один год, чтобы вырастить поголовье, стоимость которого равнялась бы стоимости услуг Кладбища. Они пожертвовали всем, и жаль, что их старания пошли насмарку. Рамсей, как вы, видимо, догадываетесь, остается пока одним-единственным обитателем Прерии, чей прах погребен на Кладбище; точнее сказать, он не то чтобы погребен там, то есть погребен, но не так, как предполагалось. Дав-

ным-давно чиновникам Кладбища потребовался гроб, чтобы кое-что в нем припрятать...

— Артефакты,— перебил я.

— Вам про это известно? — спросил Душелюб.

— Мы это подозревали.

— Вы были правы в своих подозрениях,— сказал Душелюб.— Наш бедный друг оказался одной из жертв их жадности и подлости. Его гроб использовали под артефакты, а останки Рамсея выкинули в глубокий овраг на окраине Кладбища. С тех пор его тень, как и тени его товарищей по несчастью, бродит по Земле, не зная приюта.

— Хорошо сказано,— заметил О'Гилликадди,— и все чистая правда.

— Давайте на этом остановимся,— попросила Синтия.— Вы нас вполне убедили.

— У нас больше нет времени на разговоры,— ответил Душелюб.— Вам предстоит решить, что делать дальше. Едва волки нагонят ваших друзей, они сообразят, что вас с ними нет; поскольку же Кладбищу наплевать на роботов, то...

— Волки вернутся за нами,— с дрожью в голосе докончила Синтия.

При мысли о преследующих нас металлических тварях мне тоже стало не по себе.

— Как они нас найдут? — спросил я.

— Они обладают нюхом,— сказал Душелюб.— Их нюх устроен иначе, чем у людей: они различают химические компоненты запаха. А еще у них острое зрение. Если вы будете держаться скалистых возвышенностей, где запах быстро выветривается и где на камнях не остается следов, у вас появится шанс ускользнуть. Я боялся, что они почуют вас в пещере, но вы находились над ними, а благожелательный воздушный поток, должно быть, отнес ваш запах в сторону.

— Они пойдут по лошадиному следу,— проговорил я.— Он свежий, а они бегут быстро. Им понадобится немного времени, чтобы обнаружить наше отсутствие.

— Время у вас есть,— успокоил Душелюб.— Вы не можете трогаться в путь, пока не рассветет, а до рассвета еще несколько часов. Вам придется поспешать, поэтому идите налегке.

— Мы возьмем с собой еду,— сказала Синтия,— и одеяла...

— Много еды не берите,— предупредил Душелюб.— Только то, что необходимо. Вы найдете ее по дороге. У вас ведь есть рыболовные снасти?

— Да,— ответила Синтия,— я купила их целую упаковку. Причем в последний момент — меня словно что-то подтолкнуло. Но мы не можем питаться только рыбой.

— А коренья? А ягоды?

— Но мы в них не разбираемся.

— А вам и не нужно,— возразил Душелюб.— Хватит того, что в них разбираюсь я.

— Ты идешь с нами?

— Мы идем с вами,— сказал Душелюб.

— Конечно! — воскликнул О'Гилликадди.— Все как один! Правда, пользы от нас маловато, но кое-что мы умеем. Мы будем высматривать погоню...

— Однако призраки...— пробормотал я.

— Тени,— поправил О'Гилликадди.

— Однако тени не путешествуют при свете дня.

— Человеческий предрассудок,— заявил О'Гилликадди.— Нас нельзя увидеть днем, это факт, но и ночью тоже, если мы того не захотим.

Остальные тени одобрительно загудели.

— Соберем рюкзаки,— предложила Синтия,— а мешки оставим тут. Элмер с Бронко будут нас разыскивать. Напишем им записку и приколем к какому-нибудь мешку. Они наверняка ее заметят.

— Надо сообщить им, куда мы направляемся,— добавил я.— У кого какие мысли насчет конечного пункта?

— Мы пойдем в горы,— сказал Душелюб.

— Вы знаете реку под названием Огайо? — спросила Синтия.

— Знаю, и очень хорошо,— ответил Душелюб.— Вы хотите отправиться туда?

— Послушайте,— сказал я,— нам некогда рыскать...

— Почему? — удивилась Синтия.— Нам же все равно, куда идти, правда?

— Я думал, что мы договорились...

— Знаю,— сказала Синтия.— Вы высказались весьма недвусмысленно. Первым делом ваша композиция; но ведь вам безразлично, где ее сочинять, верно?

— Верно-то верно...

— Вот и отлично,— заключила Синтия.— Значит, идем на Огайо. Если, разумеется, вы не возражаете,— прибавила она, обращаясь к Душелюбу.

— Ничуть,— сказал тот.— Чтобы добраться до реки, нам придется перевалить через горы. Надеюсь, мы собьем волков со следа. Но если позволите...

— Долгая история,— отрезал я.— Мы расскажем вам все потом.

— А вам не доводилось слышать,— поинтересовалась Синтия,— о бессмертном человеке, который ведет жизнь отшельника?

— По-моему, доводилось,— ответил Душелюб.— Много лет назад. Мне он представляется мифом. На Земле существовало столько мифов!

— Они все в прошлом,— сказал я.

Он печально покачал головой:

— Увы. Мифы Земли мертвы.

Глава 14

На небе собрались облака. Ветер, изменив направление на северное, стал холодным и пронизывающим. В воздухе ощущался странный сыроватый запах. Сосны, что росли на холме, раскачивались и постанывали.

Мои часы остановились, но я ни капельки не огорчился. Начиная с того момента, как я покинул Олден, они мне были практически не нужны. На борту корабля похоронной службы действовало галактическое время, а земное время не совпадало с олденским, хотя, повычисляв немного, их можно было сопоставить. Я справлялся о времени в той деревне, где нас пригласили на праздник, но там этого никто не знал и не желал знать. Насколько мне удалось выяснить, в деревне имелись одни-единственные часы, изготовленные вручную из дерева, да и те ничем не могли мне помочь, поскольку их никто не заводил. Я решил установить часы по солнцу, но прозевал тот миг, когда оно было прямо над головой, и потому вынужден был прикидывать, как давно светило начало клониться к западу. Теперь же часы остановились окончательно, ибо запустить их я не сумел. Но, по правде сказать, я приучился обходиться без них.

Душелюб возглавлял наш отряд, за ним двигалась Синтия, а я замыкал шествие. С рассвета мы покрыли значительное расстояние, однако я не имел ни малейшего представления о том, сколько мы уже идем. Солнце скрылось в облаках, мои часы остановились — так что определить, который час, было невозможно.

Призраков нигде не было видно, однако я нутром ощущал их незримое присутствие. Душелюб тревожил меня ничуть не меньше своих приятелей. Дело заключалось в том, что при свете дня он напоминал человека не больше, чем тряпичная кукла. У него было лицо тряпичной куклы: узкий, слегка перекошенный рот, глаза чуть ли не крестиком, нос и подбородок начисто отсутствовали. Сразу ниже рта лицо переходило в шею. Капюшон и роба, которые я на первых порах принял за одежду, казались частями его карикатурного тела. Если бы не невероятность подобного предположения, я бы поручился чем угодно, что так оно и есть. Ног его я не видел, потому что его роба (или тело) опускалась до самой земли. Передвигался он таким образом, словно ноги у него были; я еще подумал, что, будь он безногим, ему навряд ли удалось бы все время опережать нас на несколько шагов.

Он молча вел нас за собой, а мы следовали за ним — тоже молча, ибо при столь быстрой ходьбе дыхания на разговоры не хватало.

Наш путь пролегал глухими местами, где не было никаких следов того, что когда-то тут жили люди. Мы шли по холмам, время от времени пересекая крохотные долины. С вершин холмов нам открывались бескрайние просторы, лишенные даже намека на человеческую деятельность: ни обломков строений, ни разросшихся изгородей. Кругом был лес; он густой стеной вставал в долинах и немного редел на холмах. Почва была каменистой; повсюду встречались огромные валуны, на склонах холмов серели выходы пород. Почти ничто не оживляло безрадостную картину. Изредка раздавались птичьи трели, мелькали порой среди деревьев какие-то зверушки. Я решил, что это кролики или белки.

В долинах мы останавливались, чтобы напиться из мелководных речушек, но привалы были кратковременными. Мы

с Синтией ложились на живот и жадно пили, а Душелюб, который, по всей видимости, не нуждался в питье, нетерпеливо поджидал нас, чтобы двигаться дальше.

Наконец, впервые с момента выхода в путь, мы устроили настоящий привал. Гребень холма, вдоль которого мы шли, круто забирал вверх, а потом нырял в распадок; самую верхнюю его точку образовывала широкая площадка, на которой громоздились друг на дружку камни, каждый размером с хороший амбар. Навалены они были так, словно с ними играл какой-нибудь древний великан: они наскучили ему, и он бросил их лежать там, где они лежат до сих пор. На камнях росли чахлые сосенки, кривые корни которых алчно цеплялись за любую опору.

Душелюб, который по-прежнему опережал нас, исчез среди камней. Достигнув того места, где он пропал из вида, мы обнаружили, что наш вожатый удобно устроился в расселине, образованной массивными каменными глыбами. Расселина защищала от ветра, и из нее можно было наблюдать за тропой, по которой мы пришли.

Душелюб помахал рукой, подзывая нас.

— Передохнём,— сказал он.— Если хотите, перекусите, но без огня. Огонь, быть может, разведем вечером. Там поглядим.

Мне хотелось только одного: сесть и больше не вставать.

— Не рано ли мы остановились? — спросила Синтия.— Они, наверное, уже пустились в погоню.

Вид у нее был такой, будто колени ее вот-вот подломятся и она рухнет навзничь, чтобы никогда не подняться.

Тонкие губы на лице тряпичной куклы разошлись в усмешке:

— Они еще не вернулись в пещеру.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— От теней,— ответил Душелюб.— Они бы известили меня о возвращении волков.

— А не может быть,— поинтересовался я,— чтобы твои тени сбежали, бросив нас на произвол судьбы?

Он покачал головой.

— Не думаю,— сказал он.— Куда они денутся?

— Ну мало ли,— смешался я. По совести говоря, я понятия не имел, куда могут деться призраки.

Синтия устало опустилась на землю и оперлась спиной на громадный валун.

— Что ж,— проговорила она,— значит, можно перевести дух.

Порывшись в рюкзаке, который скинула с плеч, перед тем как сесть, она достала из него что-то и протянула мне. Я присмотрелся: какие-то непонятные красные с черным плитки.

— Что это за отрава? — осведомился я.

— Вяленое мясо,— сказала она.— Отломите от плитки кусочек, положите в рот и начинайте жевать. Очень питательно.

Она предложила мясо Душелюбу, но тот отказался.

— Я крайне редко поглощаю пищу,— объяснил он.

Избавившись от своего рюкзака, я подсел к Синтии, отломил кусочек вяленого мяса и сунул его в рот. Мне показалось, что даже картон был бы, пожалуй, помягче и повкуснее.

Усевшись лицом к тропинке, по которой мы сюда добрались, и меланхолично двигая челюстями, я думал о том, насколько суровее жизнь на Земле по сравнению с нашим милым Олденом. Вряд ли я действительно сожалел о том, что покинул Олден, но был к этому близок. Однако воспоминания о прочитанных книгах о Земле, о моих мечтаниях и томлениях укрепили мой дух. Я размышлял о том, что, будучи восторженным поклонником первобытной красоты земных лесов, тем не менее ни физически, ни по складу характера решительно не годился на роль этакого первопроходца, покорителя девственной природы. Я прилетел на Землю вовсе не за этим; но, с другой стороны, в теперешних обстоятельствах мне выбирать не приходится.

Синтия, торопливо дожевывая свой кусок, спросила:

— Мы идем к Огайо?

— Разумеется,— отозвался Душелюб,— но до реки еще далеко.

— А как насчет бессмертного отшельника?

— О бессмертном отшельнике мне ничего не известно,— сказал Душелюб.— До меня доходили только слухи о нем, а слухи бывают всякие.

— Про чудовищ, например? — справился я.

— Не понимаю.

— Ты как-то упомянул чудовищ и сказал, что волков использовали для борьбы с ними. Ты заинтриговал меня.

— Это было очень давно.

— Но было же.

— Да.

— Наверное, генетические выродки...

— Слово, которое ты употребил...

— Послушай,— перебил я,— когда-то Земля представляла собой радиоактивное пекло. Многие формы жизни исчезли. А у тех, кто выжил, должен был измениться генетический код.

— Не знаю,— сказал он.

«Так я тебе и поверил»,— усмехнулся я мысленно. И тут у меня мелькнуло подозрение, что он потому разыгрывает из себя незнайку, что сам является одним из генетических выродков и прекрасно об этом осведомлен. Интересно, как я не сообразил раньше?

— Зачем Кладбищу было возиться с ними? — продолжал я допрос.— Зачем было изготавливать волков для охоты на них? Правильно? Ведь волки предназначались именно для охоты?

— Да,— кивнул Душелюб.— Волков были тысячи и тысячи. Они собирались в огромные стаи и были запрограммированы на охоту за чудовищами.

— Не за людьми,— уточнил я,— только за чудовищами?

— Совершенно верно. Только за чудовищами.

— Наверное, иногда они ошибались и нападали на людей. Не так-то просто запрограммировать робота на охоту только за чудовищами.

— Да, ошибки бывали,— признал Душелюб.

— По-моему,— заметила Синтия горько,— Кладбище из-за них не убивалось. Подумаешь, несчастный случай!

— Не могу знать,— сказал Душелюб.

— Чего я не понимаю,— проговорила Синтия,— так это того, зачем им понадобилось отлавливать чудовищ. Вряд ли их было слишком много.

— Нет, их в самом деле было слишком много.

— Ладно, пускай. Ну и что из того?

— Думается,— сказал Душелюб,— причина здесь в паломниках. Едва Кладбище встало на ноги, его чиновники осознали, что организация паломничеств принесет им немалую прибыль. А всякие чудища могли напугать паломников до смерти. Вернувшись домой, паломники рассказали бы о том, что им пришлось пережить, и количество желающих посетить Землю наверняка значительно снизилось бы.

— Чудесно! — воскликнула Синтия.— Геноцид, да и только. Чудовищ, должно быть, начисто стерли с лица планеты.

— Да,— согласился Душелюб,— от них постарались избавиться.

— Но некоторые уцелели,— прибавил я,— и время от времени попадаются на глаза.

Он смерил меня взглядом, и я пожалел о словах, что сорвались у меня с языка. И что мне неймется? Мы ведь полностью зависим от Душелюба, а я донимаю его дурацкими намеками!

Оборвав разговор, я принялся энергично пережевывать мясо. Оно частично утратило первоначальную жесткость и приобрело горьковатый вкус; голод оно не утоляло, но, по крайней мере, приятно было ощущать, что во рту что-то есть.

Мы с Синтией молча жевали; Душелюб, казалось, погрузился в размышления.

Я повернулся к Синтии:

— Как вы себя чувствуете?

— Отлично,— ответила она язвительно.

— Извините меня,— попросил я.— Я вовсе не предполагал, что все так обернется.

— Ну конечно,— подхватила она,— вы воображали себе увеселительную прогулку по романтическим местам! Начитались книжек, навыдумывали невесть...

— Я прилетел сюда сочинять композицию,— перебил я,— а не играть в кошки-мышки с гранатометчиками, кладбищенскими ворами и стаей механических волков!

— И вините во всем меня, да?! Если бы я не увязалась за вами, если бы я не напросилась...

— Ничего подобного,— возразил я.— Мне это и в голову не приходило.

— Разумеется, вы всего лишь выполняли просьбу милашки Торни...

— Прекратите! — рявкнул я. Мое терпение истощилось.— Какая муха вас укусила?

Прежде чем Синтия успела открыть рот, Душелюб поднялся.

— Пора,— объявил он.— Вы поели и отдохнули, и теперь мы можем продолжать путь.

Ветер стал холоднее и задул резкими порывами. Когда мы выбрались из расселины на гребень холма, он обрушился на нас и швырнул нам в лицо первые капли приближающегося дождя.

Мы побрели навстречу дождю. Его отвесная стена преградила нам дорогу и толкнула обратно. Душелюб продвигался вперед, не обращая на дождь никакого внимания. Роба его, как ни терзал ее ветер, оставалась неподвижной и ни разу даже не шелохнулась. Удивительное, доложу я вам, было зрелище!

Я хотел было поделиться своим наблюдением с Синтией и окликнул ее, но налетевший шквал заставил меня поперхнуться собственным криком.

Деревья в распадке клонились к земле и стонали под напором вихря. Птицы беспомощно размахивали крыльями, будучи не в силах противостоять мощи ветра. При взгляде на тучи почему-то возникало впечатление, что они опускаются все ниже и ниже.

Мы упорно тащились вперед. Ледяной, колючий ливень хлестал нам в лицо. Я утратил всякую способность ориентироваться и потому старался не терять из вида согбенную фигуру Синтии. Как-то девушка споткнулась. Не говоря ни слова, я помог ей подняться. Не поблагодарив, она поплелась дальше.

Подстегиваемый ветром, дождь зарядил не на шутку. Порой он превращался в град и барабанил по веткам деревьев, а потом снова становился самим собой и был, по-моему, холоднее града.

Мы шли целую вечность, и неожиданно я обнаружил, что мы оставили гребень холма и спускаемся по его склону. Внизу бежал ручей; мы перепрыгнули его, выбрав местечко пуже, и полезли на следующий холм. Внезапно почва у меня под ногами сделалась ровной. Я услышал бормотание Душелюба:

— Ну вот, теперь мы достаточно далеко.

Едва разобрав, что он там бормочет, я без сил плюхнулся на мокрый валун. На какой-то миг я совершенно отключился и сознавал лишь то, что больше никуда идти не надо. Постепенно напряжение спало, и я осмотрелся.

Мы остановились на широкой каменистой площадке. Футах в тридцати или выше над ней нависала скала, образуя глубокую нишу в поверхности утеса. Чуть ниже площадки прыгал по камням ручей — маленький и стремительный горный поток. Он то бурлил и пенился на порогах, то разливался заводями и отдыхал перед очередным прыжком. За ручьем возвышался холм, гребень которого и привел нас сюда.

— Добрались,— весело проговорил Душелюб.— Теперь ни ночь, ни погода нам не помеха. Разведем костер, наловим в ручье форели и пожелаем волку сбиться со следа.

— Волку? — переспросила Синтия.— Но ведь их было трое. Что случилось с двумя другими?

— У меня есть подозрение,— ответил Душелюб,— что двум другим волкам немножко не повезло.

Глава 15

Снаружи бушевала гроза. Но нам около костра было тепло и уютно, и одежда наша наконец просохла. В ручье и в самом деле водилась рыба. Мы поймали чудесную крапчатую форель и с удовольствием ею поужинали. Не знаю, как Синтию, а меня уже начинало воротить при одном упоминании о консервах или вяленом мясе.

Судя по всему, не мы первые укрывались в этой пещерке от непогоды. Свой костер мы развели на том месте, где камень почернел и потрескался от пламени, которое разжигали тут прежде (хотя как давно, определить было невозможно). Черные круги кострищ, наполовину прикрытые слоем опавших листьев, были разбросаны по всей площадке.

В куче листьев, наметенной ветром в углу пещерки, там, где крыша ныряла навстречу полу, Синтия обнаружила еще одно доказательство того, что здесь бывали люди,— едва тронутый ржавчиной металлический прут примерно четырех футов длиной и около дюйма в диаметре.

Я сидел у костра, глядел на огонь, вспоминал пройденный нами путь и пытался понять, почему столь хорошо продуманный план, как наш, пошел насмарку. Ответ напрашивался сам собой: происки Кладбища. Правда, в стычке с шайкой разорителей могил Кладбище винить не приходится. Нам следовало быть поосмотрительнее.

Как ни верти, положение у нас просто никудышное. Нас вынудили бежать из деревни, нас опять же вынудили разлучиться с Элмером и Бронко, а в итоге мы с Синтией оказались во власти загадочного существа, которое ведет себя весьма, скажем так, странно.

И вдобавок волк — один из трех, если Душелюб не ошибся. Я знал наверняка, что произошло с двумя другими. Троица

схватилась с Элмером и Бронко, и это была с их стороны непростительная глупость. Однако, пока Элмер разбирался с двумя из них, третьему удалось ускользнуть, и теперь, быть может, он идет по нашему следу, если, конечно, таковой остался. Во-первых, мы двигались по каменистым гребням, на которых ничто не росло; во-вторых, дул ураганный ветер, и он должен был развеять наш запах. Ветер и дождь — наверное, следа попросту не существует.

— Флетч,— сказала Синтия,— о чем вы думаете?

— Прикидываю, где могут сейчас быть Бронко с Элмером,— ответил я.

— Возвращаются в пещеру,— предположила она.— А там их ждет записка.

— Записка,— повторил я.— По совести говоря, пользы от нее... В ней говорится, что мы направляемся на северо-запад и что если они не нагонят нас по дороге, то встретимся на Огайо. Вы представляете, какое расстояние отделяет нас от реки? И на сколько миль она протянулась от истока до устья?

— Мы сделали что могли,— сердито бросила Синтия.

— Утром,— вмешался в разговор Душелюб,— мы разведем на холме костер, чтобы они знали, где нас искать.

— Ну да,— сказал я,— и все остальные тоже, и волк — в том числе. Или их все-таки трое?

— Один,— уверил меня Душелюб.— Поодиночке волки не такие уж храбрецы. Они набираются смелости, лишь сбившись в стаю.

— Откровенно говоря,— заметил я,— я не горю желанием повстречаться пускай даже с одним волком, каким бы трусоватым он ни был.

— Их осталось немного,— сказал Душелюб.— Они давным-давно не охотились; быть может, долгие годы бездействия отразились на их характере.

— Интересно,— проговорил я,— почему Кладбище сразу не отправило их за нами в погоню? Ведь их могли бы спустить с привязи в самый момент нашего побега.

— Должно быть,— ответил Душелюб,— им пришлось послать за волками. Я не знаю точно, где их логово, но оно довольно далеко от Кладбища.

Ветер с воем гулял по долине; проливной дождь глухо шумел у входа в пещерку. Отдельные его капли порой долетали до костра.

— Где твои приятели? — поинтересовался я.— Я имею в виду теней.

— В такую ночь,— сказал Душелюб,— они покидают меня и спешат по делам.

Я не стал спрашивать, какие у призраков могут быть дела. Меня это не заботило.

— Вы как хотите,— сказала Синтия,— а я намерена завернуться в одеяло и подремать.

— Ложитесь оба,— предложил Душелюб.— День был долгим и трудным. Я покараулю. Мне сон почти не нужен.

— Ты не спишь,— проговорил я,— и редко когда ешь. Ветер не раздувает твою робу. Что же ты, черт побери, за существо?

Он не ответил. Я был уверен, что он не ответит.

Последнее, что я увидел, перед тем как заснуть, был сидящий поодаль от костра Душелюб. Его силуэт до странности напоминал поставленный на основание конус.

Пробудился я оттого, что замерз. Костер потух; снаружи пещерки разгорался рассвет. Ночная гроза отбушевала, и на видимом мне кусочке неба не было ни облачка.

На площадке у входа в пещерку сидел металлический волк. Он внимательно глядел на меня; его стальные челюсти крепко сжимали бессильно обвисшую тушку кролика.

Отбросив одеяло, я сел и зашарил рукой вокруг в поисках палки поувесистей, хотя на что годится палка против этакого чудища, я не представлял. Однако я нашел кое-что получше. Я шарил рукой вслепую, не осмеливаясь отвести глаз от волка, но когда мои пальцы наконец нащупали твердый предмет, я моментально догадался, что это такое,— металлический прут, обнаруженный Синтией в куче опавшей листвы. Пробормотав нечто вроде благодарственной молитвы, я обхватил пальцами прут и поднялся, сжимая его в кулаке с такой силой, что руке стало больно.

Волк сидел не шевелясь, не делая попыток броситься на меня, по-прежнему держа в зубах кроличью тушку. Его хвост задвигался и застучал по камню площадки — точь-в-точь как хвост собаки, которая рада встрече с вами.

Я рискнул оглядеться. Душелюба нигде не было видно. Синтия сидела, закутавшись в одеяло, и глаза у нее были каждый размером с плошку. Она не замечала, что я смотрю на нее; ее взгляд был устремлен на волка.

Я сделал шаг в сторону, чтобы обойти костер, и взял прут наизготовку. Если мне повезет огреть его по этой дурацкой металлической башке, подумал я, мы еще посмотрим, кто кого.

Однако волк не собирался нападать. Когда я сделал следующий шаг, он перевернулся на спину, выставив все четыре лапы в воздух; его хвост заходил ходуном. Звон металла о камень казался оглушительным в утренней тишине.

— Он хочет подружиться с нами,— подала голос Синтия.— Он просит вас не бить его.

Я медленно приближался к волку.

— Он принес нам кролика,— гнула свое девушка.

Я опустил прут. Волк перевернулся на брюхо и пополз ко мне. Я поджидал его с прутом в руке. Он уронил кролика к моим ногам.

— Возьмите,— сказала Синтия.

— Ну да, чтобы он откусил мне руку,— хмыкнул я.

— Возьмите,— повторила она.— Он принес кролика вам. Он вам его отдает.

Я наклонился и поднял кроличью тушку. Волк вскочил, подбежал ко мне и потерся о колено, едва не свалив меня с ног.

Глава 16

Мы сидели у костра и обгладывали кроличьи косточки, а волк лежал в стороне и пристально разглядывал нас, время от времени принимаясь вилять хвостом.

— Что, по-вашему, могло с ним случиться? — спросила Синтия.

— Наверное, сошел с ума,— предположил я.— А быть может, участь собратьев сделала из него пуганую ворону. Или он задабривает нас, чтобы успокоить наши подозрения, а когда ему представится возможность, он живо прикончит нас.

Я придвинул металлический прут поближе.

— Вряд ли,— возразила Синтия.— Вы знаете, о чем я. Он просто не хочет возвращаться.

— Возвращаться куда?

— Туда, где его держало Кладбище. Подумайте. Ему и другим волкам, сколько бы их ни было, пришлось многие годы просидеть на привязи...

— Ну уж не на привязи,— сказал я.— Скорее всего, когда в них отпала надобность, их взяли и выключили.

— Пускай так,— ответила она.— Значит, он не хочет возвращаться туда потому, что боится, что его выключат снова.

Я фыркнул. Что за глупости она говорит! Пожалуй, правильнее всего было бы схватить прут и отколошматить им волка до смерти. И удерживало меня от этого только то, что в одиночной схватке с противником, у которого, судя по всему, весьма богатый опыт в подобного рода делах, я вряд ли выйду победителем.

— Интересно, куда подевался Душелюб? — проговорил я.

— Волк напугал его,— ответила Синтия.— Он не вернется.

— Мог бы, по крайней мере, разбудить нас. Или предостеречь.

— Все и так получилось нормально.

— Откуда ему было это знать?

— Что мы будем делать?

— Понятия не имею,— сказал я.

И это была чистая правда. Никогда в жизни не доводилось мне испытывать такой растерянности и неуверенности в себе. Я не знал, где мы находимся; с моей точки зрения, мы заблудились в безлюдной глуши. Нас разлучили с двумя нашими спутниками, наш проводник удрал. Правда, к нам в друзья набился металлический волк, но у меня были достаточно серьезные основания сомневаться в его искренности.

Краем глаза я уловил какое-то движение и вскочил на ноги, но было уже поздно. На меня уставились два ружейных ствола. В человеке, который держал одно из ружей, я узнал того детину, который предводительствовал толпой гробокопателей, что собирались напасть на нас с Синтией, но разбежались, устрашенные появлением Элмера. Меня слегка удивило то, что я узнал его, поскольку тогда мне было вовсе не до запоминания лиц. Однако, как видно, в памяти моей отпечатались эта гнусная ухмылка, мрачный взгляд и рваный шрам через всю щеку. Напарник верзилы был мне незнаком.

Должно быть, они подкрались к входу в пещерку, и теперь мы всецело в их руках.

Услышав изумленное восклицание Синтии, я проговорил:

— Замрите!

Зацокал по камням металл. Что-то подошло ко мне, потерлось о мою ногу и встало рядом. Мне не нужно было смот-

реть вниз, чтобы сказать, кто это. Присутствие волка придало мне смелости.

Пока он лежал у стены, бандиты его, по-видимому, не замечали. Едва он появился, с лица Детины, как я мысленно его окрестил, сползла ухмылка, и челюсть у него слегка отвисла. Физиономия другого исказилась в нервической гримасе. Однако ружей они не опустили.

— Джентльмены,— заговорил я,— мне кажется, силы у нас равные. Вы можете убить нас, но за ваши жизни я не поручусь.

Детина, помедлив, поставил ружье прикладом на землю.

— Джед,— приказал он,— убери пушку. Они нас перехитрили.

Джед опустил ружье.

— Надо бы обмозговать,— продолжал Детина,— как бы нам разойтись так, чтобы ничья шкура не пострадала.

— Идите сюда,— пригласил я,— только уговоримся сразу: с ружьями не баловаться.

Неторопливой, где-то даже сонной походкой они приблизились к костру.

Я метнул взгляд на Синтию. Она по-прежнему лежала, но страха в ее глазах не было. Она была тверда как кремень.

— Флетч,— сказала она,— джентльмены, должно быть, голодны. Ведь они пришли издалека. Пригласи их сесть, а я тем временем открою что-нибудь из консервов. Деликатесов не обещаю, поскольку мы путешествуем налегке, но тушенка у нас найдется.

Бандиты посмотрели на меня. Я довольно нелюбезно кивнул:

— Садитесь.

Они уселись прямо на камень, положив ружья рядом с собой.

Волк не шелохнулся. Он неотрывно глядел на непрошеных гостей.

Детина вопросительно указал на него.

— Он нам не помешает,— сказал я.— Однако резких движений делать не советую.

Я старался говорить уверенно, а в глубине души терзался сомнениями.

Синтия вынула из рюкзака сковородку. Я поворошил дрова, и пламя вспыхнуло с новой силой.

— Ну а теперь,— проговорил я,— будьте добры объяснить-ся. Что вам от нас нужно?

— Вы угнали наших лошадей,— ответил Детина.

— Мы искали их,— добавил Джед.

Я покачал головой:

— Не верю. Вы бы выследили их с завязанными глазами, а значит, должны были бы разыскать их давным-давно. Табун лошадей — отнюдь не иголка в стоге сена.

— Ладно,— проворчал Детина.— Мы нашли нору, где вы прятались; там была записка. Джед, он разобрался, о чем в ней речь. И потом, мы знали про это место.

— Мы сами тут, бывало, останавливались,— поддержал Джед.

Я не удовлетворился объяснением, однако надавливать не стал. Впрочем, Детина еще не закончил:

— Мы догадались, что вы не одни. С вами должен был быть кто-то, кто знает дорогу. Людям вроде вас в одиночку сюда не дойти.

— А вот насчет волка я не сообразил,— перебил Джед.— Мы про него и думать не думали — решили, что он без оглядки мчится к себе в логово.

— Вы знали про волков?

— Мы видели следы. Их было трое. А потом мы нашли то, что осталось от двоих.

— Не обманывайте,— сказал я.— Вы прочитали записку и бросились в погоню. У вас просто не было времени...

— У нас — да,— ответил Джед.— Своими глазами мы волков не видели, зато их видели другие. Они дали нам знать.

— Они дали вам знать?

— Точно,— подтвердил Детина.— Мы всегда друг друга так извещаем.

— Телепатия,— проговорила Синтия.— Иной разгадки быть не может.

— Но телепатия...

— Фактор выживания,— перебила она.— Люди, которые остались на Земле после войны, должны были как-то приспособиться к окружающей среде. Мутации и тому подобное. Если ты мутировал и выжил, постепенно начинаешь наслаждаться своими новыми способностями. Телепатия — удобная штука, и она не разрушает человека.

— Скажите мне,— спросил я у Детины,— что сталось с Элмером? Какова судьба наших товарищей?

— Металлических штуковин, что ли? — справился Джед.

— Именно их.

Детина помотал головой.

— Другими словами, вам ничего о них не известно?

— Нет, но мы можем узнать.

— Сделайте одолжение, узнайте.

— Послушайте, мистер,— вмешался Джед.— Вы нас совсем оседлали. Давайте так: мы вам узнаем, а вы нам, баш на баш...

— У нас есть волк,— напомнил я.— Вот он, рядом со мной.

— Чего нам попусту препираться? — сказал Детина.— Что мы, враги какие, что ли?

— И на мушку вы нас, разумеется, взяли только из дружеских чувств?

— Правда ваша,— отозвался Джед.— Сперва мы жаждали крови. Вы разорили наш лагерь, прогнали нас и забрали наших лошадей. Нет ничего подлее, чем забрать у человека его лошадей. Так что в любви мы вам, конечно, объясняться не собирались.

— А теперь передумали и хотите с нами подружиться?

— Слушайте, мистер,— проговорил Детина.— На вас напустили волков, правильно? Это могло сделать только Кладбище. А мы всех, кто не ладит с Кладбищем, записываем в друзья.

— Вам-то чем Кладбище насолило? — спросила Синтия. Обойдя костер, она остановилась перед Детиной, держа в руке сковороду.— Вы его грабите, раскапываете могилы. Если бы не Кладбище, вы бы остались не у дел.

— Они жульничают,— пожаловался Джед.— Они ставят на нас ловушки, самые разные. Они здорово донимают нас.

Детина никак не мог опомниться.

— Чем вы приманили волка? — справился он.— Они ни с кем не заводят дружбы. Они ведь людоеды, все до одного.

Синтия по-прежнему стояла рядом с Детиной, но глядела не на него, а на холм за ручьем. Что она там заметила? — подумалось мне.

— Если хотите войти в нашу компанию,— сказал я,— то почему бы вам для начала не поведать нам, где мы можем найти наших товарищей?

Я не доверял им; я знал, что доверять им чревато неприятностями. Однако я решил, что, если они откроют нам

местонахождение Элмера и Бронко, можно будет взять их с собой.

— Не знаю,— ответил Детина.— Честное слово, не знаю, получится у нас или нет.

Краем глаза я уловил движение Синтии. Она взмахнула рукой, и я догадался, что она задумала, правда, не понял, с какой стати. Я был бессилен остановить ее, однако даже если бы у меня была возможность сделать это, я бы не стал вмешиваться, потому что у Синтии наверняка были веские основания поступить именно так. Мне оставалось только одно. Я прыжком метнул свое тело туда, где лежала на камнях винтовка Джеда, успев заметить, как сковорода обрушилась на голову Детины.

Джед схватился было за ружье, но тут на него упал я. Мы тянули оружие каждый в свою сторону, мы боролись, стараясь вырвать его друг у друга.

События развивались слишком быстро, чтобы за ними можно было уследить. Я увидел Синтию с винтовкой Детины наизготовку. Детина ползал по полу пещерки на четвереньках, тряся головой, словно пытаясь таким способом привести в порядок расплющенные ударом мозги. Неподалеку валялась потерявшая всякую форму сковородка. Волк серебристой молнией рванулся наружу; на склоне холма за ручьем показались темные фигуры. Послышались глухие хлопки, и по стенам застучали пули.

Лицо Джеда исказила гримаса то ли страха, то ли ярости (как ни странно, в разгаре поднявшейся суматохи у меня нашлось время подметить выражение его лица). Рот его был широко раскрыт, как будто он что-то кричал. У него были желтоватые зубы и зловонное дыхание. Он уступал мне в росте и весе, но был очень верток, и я пришел к неутешительному выводу, что ружье в конце концов достанется не мне.

Детина кое-как поднялся и теперь шаг за шагом отступал от костра, зачарованно глядя на Синтию, которая наставила на него его же винтовку.

Схватка, по моим подсчетам, продолжалась чуть ли не целую вечность, хотя я твердо знал, что она не могла занять больше чем несколько секунд. Внезапно Джед словно переломился пополам. Ослабив хватку и дернувшись всем телом, он рухнул на каменный пол пещеры. На спине его медленно расплывалось кровавое пятно.

— Бежим, Флетч! — закричала Синтия.— Они стреляют по нам!

Но они уже не стреляли, они улепетывали во весь дух. Маленькие черные фигуры торопливо взбирались на холм. Двое или трое залезли на деревья. За ними по пятам мчалась стальная машина. Я увидел, как она поймала одного из бандитов, на мгновение стиснула свои массивные челюсти и отшвырнула бездыханное тело прочь.

Детина исчез, словно его и не было.

— Флетч, нам нельзя здесь оставаться! — воскликнула Синтия, и я от души согласился с ней. В пещерке мы у бандитов, как на ладони. Пока их помыслы сосредоточены на волке, самое время улизнуть.

Синтия опередила меня. Я поспешил за ней, оступился на крутом склоне и съехал на заду чуть ли не прямо в ручей. Споткнувшись, я выронил ружье; я хотел было вернуться за ним, но что-то просвистело над моим ухом и вонзилось в склон холма не далее чем в трех футах от меня. В воздух взметнулся небольшой фонтанчик земли и камней. Я быстро откатился в сторону и бросил взгляд на гребень холма. Над деревом, на ветвях которого примостилась чучелоподобная фигура, плавал клуб голубого дыма.

Я не стал искушать судьбу.

Синтия скрылась в узком овраге, по дну которого бежал ручей; я кинулся за ней. За моей спиной дважды громыхнули ружья, но пули, должно быть, ушли в «молоко», потому что я не слышал их свиста. Скоро, успокоил я себя, мы окажемся вне их досягаемости. Самодельные ружья с пулями, набитыми самодельным порохом, не могут бить на большое расстояние.

Продвижение по оврагу напоминало бег с препятствиями. Крутые склоны холмов с обеих сторон, здоровенные валуны, что когда-то скатились с них, прихотливые изгибы ручья — словом, все возможные удовольствия. О тропинке приходилось только мечтать. На путешествие по этому оврагу можно было отважиться лишь в случае крайней необходимости. Поэтому я бежал, не разбирая дороги, уворачиваясь от деревьев и валунов и перескакивая через ручей, когда тот преграждал мне путь.

Я нагнал Синтию у огромной каменной кучи, которую с ходу было не перевалить. Дальше мы двинулись уже вместе. Я заметил, что она идет с пустыми руками.

— Я бросила его,— сказала она, имея в виду ружье Детины.— Оно было такое тяжелое и очень мне мешало.

— Ничего страшного,— утешил ее я. В самом деле, страшного ничего не произошло. Обе винтовки были однозарядными, а у нас при себе не было ни пуль, ни пороха, не говоря уж о том, что мы совершенно не представляли, как эти ружья заряжать. Они были весьма неудобными в обращении, и у меня сложилось впечатление, что надо было извести немало пороха и пуль, прежде чем научиться из них стрелять более-менее метко.

Мы добрались до места, где овраг, по которому мы шли, соединялся с другим — такой же V-образной формы.

— Пойдем по нему вверх,— предложила Синтия.— Они знают, что до сих пор мы спускались.

Я кивнул. Если они погонятся за нами, то, может быть, решат, что мы выбрали дорогу полегче и двинулись дальше вниз по оврагу, который начинался у скалистой пещерки.

— Флетч,— сказала девушка,— мы все оставили там. Мы позабыли взять рюкзаки.

Я заколебался.

— Пойду вернусь,— решил я наконец.— Ты иди, я тебя догоню.

— Нам нельзя разлучаться,— сказала она.— Мы должны держаться друг друга. Если бы Элмер был с нами, всего этого не случилось бы.

— Волк загнал их на деревья,— проговорил я.— А тех, кто удрал, давно и след простыл.

— Все равно не пущу,— ответила она.— Они вооружены. И потом, их слишком много. Волку просто не под силу справиться с ними со всеми.

— Ты увидела их,— пробормотал я,— и потому стукнула нашего приятеля сковородкой.

— Да,— подтвердила она,— я увидела, как они крадутся по склону холма. Сказать по правде, я бы и так его огрела. Мы не могли довериться им, Флетч. И никуда ты не пойдешь. Иначе мне придется идти с тобой, а я боюсь.

Я отступился. Честно говоря, не знаю, что на меня подействовало сильнее: доводы Синтии или мое собственное нежелание возвращаться.

— Ладно,— согласился я.— Потом, когда переполох уляжется, мы вернемся и заберем наши пожитки.

Я отчетливо сознавал, что у нас в избытке возможностей не вернуться никогда. Впрочем, бандиты наверняка позаимствуют наши вещи.

Мы начали утомительный подъем по оврагу, который оказался ничуть не лучше спуска, а где-то даже хуже.

Пропустив Синтию вперед, я задумался. Должно быть, мы с ней ударились в панику. Собрать рюкзаки, перед тем как покинуть пещерку, было минутным делом. Однако мы занервничали, а в итоге остались без еды и без одеял — без всего вообще. Меня слегка утешило то, что в кармане я нащупал зажигалку. Значит, хотя бы костер нам обеспечен.

Дорога была изнурительной, и нам время от времени приходилось устраивать привал. Я настороженно прислушивался, ожидая в любой момент услышать шум погони, но все было тихо. Я даже засомневался, а не приснилась ли мне стычка с бандитами. Правда, сомневаться было глупо.

Мы приближались к вершине холма; овраг постепенно сужался. Мы забрались на гребень. Он густо порос лесом, и мы, достигнув вершины, словно очутились в сказочном краю. Массивные стволы величественных лесных гигантов отливали красным и желтым. По некоторым из них вились золотистые и ослепительно алые стебли ползучих растений. День выдался ясным и теплым. Разглядывая деревья, я припомнил свой первый день на Земле; казалось, с тех пор прошла уже не одна неделя, хотя миновало всего лишь несколько дней, как мы покинули территорию Кладбища и спустились по склону холма к лесу, который поразил меня своим осенним нарядом.

Мы повернулись в ту сторону, откуда пришли.

— Почему они преследуют нас? — спросила Синтия.— Разумеется, мы забрали их лошадей, но если причина в этом, тогда почему они гонятся за нами, а не за теми, кто увел животных?

— Быть может, из мести,— ответил я.— Решили, наверное, посчитаться с нами. Возможно, банда разделилась пополам. Одни преследуют нас, а другие отправились за лошадьми.

— Пожалуй,— согласилась она,— однако мне кажется, что все далеко не так просто.

— Кладбище,— проговорил я.

Сам не знаю, что я имел в виду; правда, Кладбище все время каким-то боком оказывалось замешанным в происходящем. Но едва я произнес это слово, как меня будто осенило.

— Слушай,— сказал я.— Кладбище так или иначе причастно ко всему, что происходит с нами. Оно везде. В деревне они наняли кого-то из жителей за ящик виски кинуть гранату в Бронко. А что касается гробокопателей...

— Они враждуют с Кладбищем,— перебила Синтия.— Они обкрадывают Кладбище, а Кладбище расставляет на них ловушки.

— Скорее всего,— сказал я,— они заигрывают с Кладбищем. Они узнали, что за нами гонятся волки, которых могло послать в погоню только оно. Волки остались с носом, верно? И бандиты тут же поняли, какая перед ними открывается возможность. Раз волки осрамились, они сами нас отловят; быть может, им за это что-нибудь перепадет. Все очень просто.

— Наверное,— сказала Синтия.— Наверное, ты прав.

— В таком случае,— заключил я,— нам лучше здесь не задерживаться.

По склону холма мы спустились в очередную каменистую лощину и шли по ней, пока она не влилась в довольно широкую долину, идти по которой было уже полегче.

По дороге нам попалось дерево, от корней до макушки увитое виноградными лозами. Я взобрался на него. Большую часть плодов склевали птицы, однако мне повезло обнаружить парочку увесистых гроздей. Я сбросил их вниз. Виноград оказался кисловатым, но мы не привередничали. Мы были голодны, а посему с жадностью на него накинулись; однако я понимал, что рано или поздно наши желудки запросят чего-нибудь посущественней. Рыболовные снасти остались в рюкзаках, правда, у меня с собой был перочинный нож; можно будет нарезать ивовых прутьев и сплести из них невод. Мне вспомнилось, что соли у нас тоже нет, но это не беда,— голод поможет нам не заметить ее отсутствие.

— Как по-твоему, Флетч,— спросила Синтия,— отыщем ли мы Элмера?

— Думаю, он сам разыщет нас,— ответил я.— У него не тот характер, чтобы забыть про друзей.

— В записке сказано, куда мы направились,— проговорила она.

— Записки нет,— напомнил ей я.— Записку нашли бандиты. Скорее всего, они уничтожили ее.

Эта долина была пошире оврага, который начинался от пещерки, но холмы с обеих ее сторон поднимались все выше

и как будто надвигались на нас. Ландшафт изменился: на смену лесистым холмам пришли скалистые утесы футов ста с лишним высотой. Каждый следующий шаг давался нам тяжелее предыдущего, потому что пейзаж вселял в наши души суеверный страх. В долине стояла леденящая сердце тишина. По дну долины протекала полноводная речка, напрочь забывшая о том, что когда-то была ручейком, и весело прыгала по камням. Она неторопливо и неслышно катила свои воды, и в ее молчании ощущалась грозная сила.

Солнце клонилось к западу; я сообразил, что мы провели в пути целый день, и немало тому удивился. Разумеется, я устал, но отнюдь не так сильно, как, по идее, должен был бы устать.

Я заметил впереди глубокую расщелину. Вершину утеса, в тело которого она вонзалась, венчала роща высоких деревьев, а к трещинам на его склоне лепились чахлые кедры.

— Пойдем посмотрим,— предложил я.— Нам надо выбрать место для ночевки.

— Мы замерзнем,— сказала Синтия.— У нас нет одеял.

— Разведем костер,— ответил я.

Она вздрогнула:

— А это не опасно? Ведь костер видно издалека.

— Без огня нам не обойтись,— сказал я.

В расщелине было темно. Разглядеть, где она кончается, мы не смогли, поскольку чем дальше от входа, тем гуще становилась темнота. Дно расщелины было усыпано камнями, однако поблизости от входа, около одной из стен, мы натолкнулись на большой и плоский валун.

— Пошел за дровами,— сказал я.

— Флетч!

— Нам нужно развести огонь,— проговорил я.— Без костра мы к утру превратимся в ледышки.

— Мне страшно,— призналась Синтия.

Я посмотрел на нее. Лицо девушки смутно белело в темноте.

— Мне страшно,— повторила она.— Я думала, что я выдержу. Я твердила себе, что бояться нечего. Я уговаривала себя потерпеть. Пока мы шли и пока светило солнышко, все было в порядке. Но, Флетч, надвигается ночь, а у нас нет еды, и мы не знаем, где находимся...

Я обнял Синтию. Она не сопротивлялась. Она обвила меня руками за шею и прижалась ко мне. И впервые с тех пор,

как, выходя из административного корпуса Кладбища, я увидел ее сидящей в автомобиле, я подумал о ней как о женщине и, по совести говоря, удивился самому себе. Поначалу она была для меня непредвиденной помехой нашим планам: явилась, понимаете ли, неизвестно откуда, да еще с этим смехотворным рекомендательным письмом от Торни. Потом нас закрутила череда событий, и воспринимать Синтию как женщину было попросту некогда. Она была всего лишь хорошим товарищем: не скулила, не ныла, терпеливо сносила все тяготы пути. Мысленно я обругал себя олухом. От меня вовсе бы не убыло, если бы я по дороге оказывал ей маленькие любезности; насколько я мог припомнить, ничего подобного мне и в голову не приходило.

— Мы с тобою как младенцы в лесу,— пробормотала она.— Помнишь ту старую земную сказку?

— Конечно помню,— ответил я.— Птицы принесли листьев...

Я не докончил фразу. Сказка эта, если задуматься, очень грустная. Помнится, птицы укрыли детей листвой потому, что те умерли. Так что эту сказку, как, впрочем, и многие другие, правильнее было бы назвать страшной историей.

Синтия подняла голову.

— Извини,— сказала она.— Все нормально.

Я взял ее за подбородок, наклонился и поцеловал в губы.

— А теперь пошли за дровами,— сказала она.

Солнце вот-вот должно было скрыться за горизонтом, но света пока было достаточно. Далеко за дровами идти не пришлось. У подножия утеса во множестве валялись сухие кедровые ветки, которые, видимо, время от времени сбрасывали лепившиеся к скалистой поверхности деревья.

— Наш костер можно будет заметить, только подойдя вплотную к расщелине,— проговорил я.

— А дым? — спросила Синтия.

— Дрова сухие,— буркнул я,— и дымить они не должны.

Я оказался прав. Пламя костра было ярким и чистым, а дым тянулся к выходу из расщелины едва различимой струйкой. Ночной холод еще не вступил в свои права, однако мы уселись поближе к огню. Он успокаивал, он отгонял мрак и сближал нас, он согревал нас и окружал магическим кругом.

Солнце закатилось; снаружи сгустились сумерки. Мы остались наедине с темнотой.

Что-то шевельнулось во тьме, за пределами освещенного пространства. Что-то звякнуло по камням.

Вскочив, я разглядел во мраке белое пятно. Волк подполз к костру. По его металлическому телу бегали блики пламени.

В зубах он держал кроличью тушку.

Волк, без сомнения, был грозой кроликов.

Глава 17

Когда мы доедали кролика, неожиданно появился О'Гилликадди в сопровождении остальных призраков. Несоленое кроличье мясо было довольно безвкусным, однако за весь день мы съели лишь несколько виноградин, а потому даже сам факт того, что мы жевали что-то плотное, придал нам уверенности в завтрашнем дне.

Волк растянулся у костра, положив голову на могучие лапы.

— Если бы он мог говорить,— сказала Синтия,— быть может, он поведал бы нам, что творится вокруг.

— Волки не разговаривают,— пробормотал я, обсасывая берцовую кость кролика.

— Зато роботы говорят,— возразила Синтия.— Элмер говорит, и Бронко — тоже. А волк — такой же робот. Ведь он не животное, а только подобие животного.

Волк скосил глаза сначала на Синтию, потом на меня. Он ничего не сказал, но застучал хвостом по камню. Я подавил желание заткнуть уши.

— Волки не виляют хвостами,— продолжала девушка.

— Откуда ты знаешь?

— Читала где-то. В отличие от собак волки хвостами не виляют. Значит, в нашем приятеле больше от собаки, чем от волка.

— Он беспокоит меня,— признался я.— То он гонится за нами, чтобы перегрызть нам горло, то набивается к нам в друзья. Бессмыслица какая-то! Так не бывает.

— Я начинаю думать,— сказала Синтия,— что на Земле все идет шиворот-навыворот.

Мы сидели у костра, внутри очерченного пламенем волшебного круга. Огонь замерцал; у меня возникло странное ощущение, будто воздух наполнен движением.

— У нас гости,— заметила Синтия.

— Это О'Гилликадди,— успокоил ее я.— О'Гилликадди, вы тут?

— Мы здесь,— отозвался О'Гилликадди.— Нас много. Мы пришли составить вам компанию.

— И, я надеюсь, принесли нам новости?

— Да. Нам есть о чем вам рассказать.

— Мы рады вам,— сказала Синтия.— Я хочу, чтобы вы об этом знали.

Волк дернул ухом, словно отгоняя комара или муху, хотя никаких мух не было и в помине, а если бы и были, навряд ли бы они его потревожили.

Призраки, подумал я. Множество призраков, главный из которых величает себя О'Гилликадди. Призраки навестили наш приют, и мы принимаем их так, словно они — люди. Безумие чистейшей воды. Обычно рассказы о привидениях выслушиваются со снисходительной усмешкой, но на Земле, похоже, призраки успели стать вполне заурядным явлением.

Мне стало страшно. В какое же нелепое положение мы угодили, если реальность настолько неправдоподобна, что знакомые места — вроде Олдена с его тихой красотой или Кладбища с его напыщенной величавостью — утеряли с ней всякую связь!

— Боюсь, вам пока не удалось вырваться из когтей гробокопателей,— сообщил О'Гилликадди.— Они преследуют вас, пылая жаждой мщения.

— Иными словами,— сказал я,— они намерены предъявить Кладбищу наши скальпы.

— Именно так, досточтимый сэр.

— Но почему? — удивилась Синтия.— Они же враждуют с Кладбищем.

— Да, враждуют,— подтвердил О'Гилликадди.— На этой планете у Кладбища вообще нет друзей. Однако любой житель Земли с готовностью окажет Кладбищу услугу, рассчитывая на вознаграждение. Деньги и власть развращают людей.

— Но ведь им от Кладбища ничего не нужно! — воскликнула Синтия.

— На данный момент, может быть. Но если вознаграждение получить не сразу, если явиться за ним через некоторое время, оно же не перестанет быть таковым, не правда ли?

— Вы сказали, что Кладбищу согласится помочь любой житель Земли,— проговорил я.— А как насчет вас самих?

— О, мы — другое дело,— ответил О'Гилликадди.— Кладбище не в состоянии отблагодарить нас, и, что гораздо важнее, оно не в состоянии навредить нам. Мы не ждем вознаграждения и не испытываем страха.

— Значит, мы в опасности?

— Они гонятся за вами,— сказал О'Гилликадди.— Они ни за что не откажутся от погони. Вы одолели их сегодня утром, и воспоминание об этом не дает им покоя. Одного из них загрыз стальной волк, другой умер...

— Мы тут ни при чем,— вмешалась Синтия.— Они стреляли в нас, а попали в него.

— Тем не менее они винят в его смерти вас и хотят рассчитаться. Они винят вас во всем, что с ними случилось.

— Им придется попотеть, прежде чем они нас найдут,— проворчал я.

— Может быть,— согласился О'Гилликадди.— Но в конце концов они вас настигнут. Они знают лес, как свои пять пальцев. У них нюх охотничьих собак. Они замечают буквально все. Перевернутый камень, потревоженный лист, примятая трава — ничто не ускользнет от их внимания.

— Наша единственная надежда,— сказала Синтия,— найти Элмера и Бронко. Если они будут с нами...

— Мы знаем, где они,— сообщил О'Гилликадди,— но, поспешив к ним, вы прямиком угодите в руки разъяренных бандитов. Мы всячески старались явиться вашим товарищам, но они упорно нас не замечали. Чтобы ощутить наше присутствие, нужно обладать чувствительностью более обостренной, чем у робота.

— Мы пропали,— констатировала Синтия; голос ее слегка дрожал.— Вы не можете привести к нам Элмера с Бронко, а бандиты, по вашим словам, скоро нас нагонят.

— И это еще не все,— заявил О'Гилликадди, чуть ли не лучась от удовольствия.— На охоту вышли Разорительницы.

— Разорительницы? — переспросил я.— Разве их несколько?

— Их две.

— Вы говорите про боевые машины?

— Вы называете их так?

— Так называл их Элмер.

— Ну, они нам не страшны,— сказала Синтия.— Ведь боевые машины никак не связаны с Кладбищем.

— Вы уверены? — осведомился О'Гилликадди.

— То есть? — не понял я.— Им-то зачем Кладбище?

— Смазочные материалы,— лаконично пояснил О'Гилликадди.

Кажется, я застонал. Просто до невероятности и вполне логично. И в самом деле: источники питания у машин автономные, скорее всего атомные; необходимый ремонт они наверняка выполняют самостоятельно. Единственное, что им требуется и чего у них нет,— смазка.

Конечно, Кладбище не могло пройти мимо такой возможности. Оно не упускало ничего, ревниво оберегая свое монопольное владение Землей.

— А Душелюб? — спросил я.— По-моему, он тоже тут замешан. Где он, кстати?

— Исчез,— сказал О'Гилликадди.— Он появляется, когда ему вздумается, и не всегда сопутствует нам. Он — иной, чем мы. Мы не знаем, где он.

— А кто он?

— Как кто? Душелюб.

— Я не о том спрашиваю. Он человек или не человек? Может, он мутант? Земля в свое время, должно быть, кишела мутантами. Большей частью мутации сказывались на людях отрицательно; правда, судя по всему, такие мутанты со временем вымерли. Ну так вот: гробокопатели обладают способностями к телепатии и бог знает к чему еще; деревенские жители — наверное, тоже, хотя мы ничего особенного в их поведении не заметили. Даже вы, призраки...

— Тени,— поправил О'Гилликадди.

— Разумеется, разумеется. Быть тенью — вовсе не естественное человеческое состояние. Пожалуй, теней не встретишь нигде, кроме Земли. Никто понятия не имеет, что творилось тут после того, как люди бежали в космос. Нынешняя Земля ничуть не похожа на прежнюю.

— Не увлекайся,— остановила меня Синтия.— Ты хотел узнать, связан ли Душелюб с Кладбищем.

— Уверен, что нет,— сказал О'Гилликадди.— Кто он, я не знаю. Я всегда считал его человеком. Он во многом напо-

минает вас, хотя, конечно, появился на свет иначе, и таких, как он, больше нет...

— Послушайте,— перебил я,— вы пришли к нам не просто так, а с какой-то целью. Вы бы не стали утруждать себя ради плохих вестей. Ну-ка, выкладывайте.

— Нас много,— сказала тень.— Мы нарочно собрались все вместе. Мы созвали весь клан, потому что испытываем к вам странную привязанность. Еще никому за всю историю Земли не удавалось так ловко прищемить Кладбищу хвост.

— И вы этим довольны?

— Весьма и весьма.

— И явились нас повеселить?

— Нет, не повеселить,— возразил О'Гилликадди,— хотя мы с радостью бы вас потешили. По нашему убеждению, мы сможем оказать вам маленькую услугу.

— Мы примем любую помощь,— сказала Синтия.

— К сожалению, объяснение будет довольно путаным,— предостерег О'Гилликадди,— а из-за отсутствия соответствующей информации вы можете мне не поверить. Дело вот в чем: будучи теми, кто мы есть, мы не имеем никаких контактов с материальной Вселенной. Однако, как выяснилось, нам до известной степени подвластны пространство и время, которые не то чтобы составные части материальной Вселенной и не то чтобы наоборот.

— Подождите, подождите,— не выдержал я.— Вы говорите о...

— Поверьте,— продолжал О'Гилликадди,— мы не нашли иного решения. Ничем иным мы вам помочь не в силах, но...

— Вы предлагаете,— уточнила Синтия,— переместить нас во времени.

— Буквально на чуть-чуть,— ответил О'Гилликадди.— На долю секунды, но этого будет достаточно.

— Но перемещения во времени неосуществимы,— возразила Синтия.— Как над ними ни бились, результаты оказывались совершенно неудовлетворительными.

— Вы это уже делали? — требовательно спросил я.

— По правде говоря, нет,— сказал О'Гилликадди,— однако мы поразмыслили, все прикинули и теперь почти уверены...

— Но не до конца?

— Увы,— ответил О'Гилликадди.— Не до конца.

— А вернуться мы сможем? — справился я.— Мне вовсе не улыбается провести остаток жизни в мире, который на долю секунды отстает от Вселенной.

— Об этом мы тоже подумали,— беспечно отозвалась тень.— У входа в расщелину мы установим временную ловушку. Ступив в нее...

— А в ней вы уверены? Или опять не до конца?

— Она не подведет,— заверил О'Гилликадди.

Перспектива вырисовывалась довольно безрадостная, и потом, сказал я себе, откуда мы знаем, что он не лжет? Быть может, О'Гилликадди хочет использовать нас в качестве подопытных кроликов для какого-нибудь паршивого эксперимента. Кстати, а существуют ли тени вообще? Мы видели их, или нам почудилось, что мы их видели там, у костра, на деревенском празднике. Но где доказательства? Всего-то и есть, что слова Душелюба да голос, который именует себя О'Гилликадди.

Вот именно, голос О'Гилликадди. Может, он такая же галлюцинация, как хоровод теней у костра в деревне или группа тех же теней в пещере, где состоялся наш первый разговор с Душелюбом? Да, но ведь слышу его не я один. Синтия тоже его слышит, по крайней мере ведет себя так, словно слышит. А может, мне померещилось? Черт те что, выругался я мысленно; поневоле начнешь сомневаться не только в реальности окружающего мира, но и в своей собственной.

— Синтия,— позвал я,— ты действительно слышала...

Ослепительная вспышка больно ударила по глазам. Взрыв разметал костер. Пепел поднялся к верху расщелины; во все стороны полетели искры и пылающие ветки. Снаружи донесся приглушенный хлопок, за ним — другой; что-то чиркнуло о камень за нашими спинами.

Мы, все трое, вскочили на ноги. В узком проходе между скалами клубилась какая-то завеса. Не знаю, что это было, но она накатила на нас приливной волной, затопила пещеру и захлестнула с головой.

Потом она схлынула, но, как ни странно, мы ничего не почувствовали. Она как-то ухитрилась избежать соприкосновения с нами. Мы двое стояли там, где стояли.

Однако костер пропал, исчез без следа. А снаружи расщелины ярко светило солнце.

Глава 18

Долина изменилась. На первый взгляд она осталась прежней, но все же чувствовалось, что она уже не та. Она изменилась, и постепенно мы, стоя у входа в расщелину, начали замечать конкретные отличия.

Во-первых, в ней стало меньше деревьев, и они будто слегка съежились. И листва на них была зеленой, еще не тронутой багрянцем осени. Даже трава была другой — не такая бархатная и не сочно-зеленая, а скорее желтоватая.

— Они сделали это,— прошептала Синтия.— Они сделали это без нашего согласия.

Не сон ли мне снится, подумал я, и не пригрезился ли мне О'Гилликадди со своей призрачной шайкой? Хорошо, если так, ибо если приснилось одно, значит, другое не может быть явью ни под каким видом.

— Но он говорил о доле секунды,— бормотала Синтия,— и утверждал, что ее вполне хватит. Он обещал сдвинуть время ровно на столько, чтобы защитить нас от настоящего. Речь шла о мгновении, о едином миге...

— Они напортачили,— сказал я.— И напортачили здорово.

Я понял, что это не сон, что нас в самом деле переместили во времени, правда, на промежуток значительно больший, чем доля секунды, о которой говорил О'Гилликадди.

— Они впервые попробовали применить свои способности,— сказал я.— Они не знали, получится у них или нет. Они провели испытание на нас и опростоволосились.

Мы вышли из расщелины на солнышко. Я оглядел утес: на его отвесном склоне не было никаких кедров.

Я ощутил нарастающий гнев. Кто знает, как далеко мы оказались отброшенными в прошлое? По крайней мере, кедры еще не пустили корни, а если я ничего не напутал, кедр вырастает не за год и не за два. Некоторым из тех деревьев, что лепились к поверхности утеса, должно быть как минимум несколько сотен лет.

Ну и дела, подумалось мне. Там, в настоящем, мы заблудились в пространстве, а теперь вдобавок и во времени. И где гарантия, что мы сможем вернуться? О'Гилликадди обещал установить временную ловушку, но если ему о временных ловушках известно столько же, сколько о перемещении людей во времени... Повезло, нечего сказать.

— Мы в далеком прошлом, да? — спросила Синтия.

— Ты попала в самое яблочко,— сказал я.— Один Бог знает, в каком далеком. Во всяком случае, наши призраки вряд ли об этом догадываются.

— Но там были бандиты, Флетч.

— Ну и что? — буркнул я.— Волк разогнал бы их в три секунды. Совершенно незачем было нас трогать. О'Гилликадди зря устроил панику.

— Волк остался там,— проговорила Синтия.— Бедняжка. Они не смогли перебросить его вместе с нами. Кто теперь будет ловить нам кроликов?

— Мы сами,— буркнул я.

— Мне его не хватает,— сказала она.— Я так быстро к нему привыкла.

— Они были бессильны,— объяснил я.— Волк всего лишь робот...

— Робот-мутант,— поправила Синтия.

— Роботов-мутантов не бывает.

— Бывают,— возразила она.— Вернее, были. Волк переменился. Что заставило его перемениться?

— Элмер нагнал на него страху, расколошматив двух его приятелей. Он сообразил, что к чему, и живенько переметнулся на сторону победителя.

— Нет, не думаю. Конечно, он испугался, однако слишком уж разительна перемена, которая с ним произошла. Ты знаешь, что мне кажется, Флетч?

— Не имею ни малейшего представления.

— Он эволюционировал,— заявила Синтия.— Робот может эволюционировать.

— Пожалуй,— пробормотал я. Она меня ничуть не убедила, но надо было что-нибудь сказать, чтобы остановить ее.— Давай осмотримся. Может, определим, где мы.

— И когда.

— И это тоже,— согласился я,— если удастся.

Мы спустились в долину, двигаясь медленно и, я бы сказал, нерешительно. Торопиться было некуда: на пятки нам никто не наступал. А потом, в нашей медлительности и нерешительности крылось нежелание входить в новый мир, крылся страх перед неизведанным и осознание того, что мы очутились в прошлом, где быть не имели права. Этот мир был

иным, и непохожесть его проявлялась не только в желтоватом оттенке травы или в меньшей высоте деревьев: разница между двумя мирами была, скорее всего, не физическая, а чисто психологическая.

Мы шли по долине, сами не зная, куда направляемся. Холмы слегка расступились, и долина словно распахнулась. Впереди в голубоватой дымке маячила очередная гряда холмов. Наша долина плавно переходила в другую; через милю с небольшим мы вышли к реке; в нее впадал ручей, течения которого мы все время придерживались. Река была широкой и быстрой. Вода в ней казалась темной и маслянистой и неумолчно клокотала. При взгляде на нее становилось немного не по себе.

— Смотри, там что-то есть,— сказала Синтия.

Я взглянул туда, куда она показывала.

— Похоже на дом,— продолжала она.

— Не вижу.

— Я различила крышу. По крайней мере, мне так показалось. Деревья мешают.

— Пошли,— сказал я.

Дом мы увидели, только выйдя к полю. Впрочем, небольшой участок земли, на котором неровными рядами росла чахлая, заглушаемая сорняками, едва ли по колено высотой пшеница, полем назвать было трудно. Изгородь отсутствовала. Поле, расположенное на крохотном уступе над рекой, огораживали деревья. Среди колосьев виднелись пни. На одном краю поля лежали кучи сухих веток. Видно, в свое время кто-то расчистил участок земли, вырубив мешавшие деревья.

Дом стоял за полем, на невысоком бугре. Даже издалека вид у него был весьма непрезентабельный. Рядом с ним был когда-то разбит теперь совершенно заросший сад; из-за дома выглядывало сооружение, которое я принял за амбар. На дворе никого не было видно. Дом оставлял впечатление заброшенности, словно тот, кто жил в нем, давно уже тут не живет. У крыльца стояла покосившаяся скамейка, а рядом с настежь распахнутой дверью — колченогий стул. Передние его ножки были длиннее задних, и всякий, кому вздумалось бы на него усесться, рисковал сломать себе шею. Посреди двора валялось на боку ведро; легкий ветерок забавлялся с ним, перекатывая

его из стороны в сторону. Еще во дворе был деревянный чурбан, на котором, по-видимому, кололи дрова: его поверхность была испещрена оставленными топором отметинами. На стене дома висела на двух крючках или гвоздях поперечная пила. Под ней приткнулась к стене мотыга.

Подойдя к чурбану, мы почувствовали запах — сладковатый, страшный запах, брошенный нам в лицо порывом ветра или случайным завихрением воздуха. Мы отступили, и запах стал слабее, а потом исчез так же внезапно, как и появился. Однако какой-то своей частью он словно приклеился к нам, словно проник в поры нашей кожи.

— В доме,— проговорила Синтия,— в доме кто-то есть.

Я кивнул. Я знал наверняка, какое ужасное зрелище нас ожидает.

— Оставайся здесь,— сказал я.

Впервые она не возразила. Она была рада остаться снаружи.

Я был у двери, когда запах снова обрушился на меня. Прикрыв руками нос и рот, чтобы хоть как-то защититься от зловония, я перешагнул порог.

Внутри дома было темно. Я остановился у двери, давая глазам привыкнуть к темноте и борясь с приступами рвоты. Колени у меня подгибались; запах как будто лишил меня всех и всяческих сил. Но я держался. Мне надо было узнать, почему в доме так омерзительно воняет.

Я догадывался почему, но хотел увериться в своем предположении; и потом, бедняга, который лежит где-то в темной комнате, вправе рассчитывать на сострадание соплеменника даже в подобных условиях.

Я начал различать очертания предметов. Рядом с грубым очагом из местного камня стоял самодельный хромоногий стол с двумя кастрюлями и сковородой с длинной ручкой. Посреди комнаты валялся перевернутый стул. В углу виднелась куча тряпья; на стене висела одежда.

Еще в комнате была кровать. И на кровати кто-то лежал.

Я заставил себя приблизиться к кровати. Два глаза уставились на меня из черной, расползшейся массы. Но что-то было не так; я заметил нечто ужаснее омерзительного зловония, нечто отвратительнее черной разбухшей плоти.

На подушке покоились две головы. Не одна, а две!

Я принудил себя нагнуться над постелью и удостовериться в увиденном — в том, что обе головы принадлежат одному существу и сидят на одной шее.

Отшатнувшись, я согнулся пополам, и меня вырвало.

Я побрел было к двери, но краем глаза углядел хромоногий стол с кухонной утварью. Пытаясь схватить кастрюли и сковородку, я налетел на стол и перевернул его. Сжимая в одной руке сковородку, а в другой — кастрюли, я вывалился на улицу.

Колени мои подломились, и я плюхнулся на землю. Лицо мое было словно заляпано грязью. Я провел по нему рукой, но ощущение не исчезло. Меня будто всего облили грязью с ног до головы.

— Где ты раздобыл кастрюли? — спросила Синтия.

Что за идиотский вопрос! Интересно, где я мог их раздобыть?!

— Есть где их вымыть? — сказал я.— Колодец или что-нибудь в этом роде.

— В саду протекает ручей. Быть может, найдется и родник.

Я остался сидеть. Тронув рукой подбородок, я стер с него рвоту и вытер руку о траву.

— Флетч!

— Да?

— Там мертвец?

— Мертвец,— подтвердил я.— И умер он давным-давно.

— Что мы будем делать?

— В смысле?

— Ну, надо, наверное, похоронить его...

Я покачал головой.

— Не здесь и не сейчас. И вообще, с какой стати? Он от нас этого не ждет.

— Что с ним случилось? Ты не смог определить?

— Нет,— ответил я коротко.

Она смотрела, как я неуверенно поднимаюсь на ноги.

— Пошли мыть кастрюли,— сказал я.— И сам заодно умоюсь. Потом нарвем в саду овощей...

— Что-то тут не так,— проговорила Синтия.— Мертвец мертвецом, но что-то тут не так.

— Помнишь, ты хотела узнать, в какое время мы попали? Кажется, я знаю.

— Мертвец натолкнул тебя на мысль?

— Он урод,— буркнул я.— Мутант. У него две головы.

— Но при чем...

— Это означает, что нас забросило в прошлое на несколько тысячелетий. Впрочем, нам следовало догадаться раньше. Низкорослые деревца. Трава желтого цвета. Земля только-только начала отходить от войны. Мутанты вроде двухголового урода там, в доме, были обречены. В послевоенные годы таких, как он, должно быть, было много. Физические мутанты. Через тысячелетие-другое они вымрут. Однако один из них уже умер.

— Ты ошибаешься, Флетч.

— Хотелось бы надеяться,— сказал я,— но абсолютно уверен, что нет.

Не знаю: то ли я случайно взглянул на склон холма, то ли меня насторожило едва заметное движение, но, бросив взгляд на холм, я заметил некий предмет конусообразной формы, который быстро перемещался — вернее будет сказать, плыл — вдоль гребня. В следующее мгновение он пропал из вида, но я узнал его. Ошибки быть не могло.

— Ты видела его, Синтия?

— Нет,— ответила она.— Там никого не было.

— Там был Душелюб.

— Не может быть! — воскликнула она.— Ты же сам утверждал, что мы в далеком прошлом. Хотя...

— Вот то-то и оно,— сказал я.

— По-твоему, мы думаем об одном и том же?

— Я не удивлюсь, если окажется, что это так. Должно быть, Душелюб и есть твой бессмертный человек.

— Но в письме говорится про Огайо...

— Я помню. Но послушай. Когда твой предок писал письмо, он находился в весьма почтенном возрасте, правильно? Он полагался на память, а она — штука капризная. Где-то он услышал про Огайо; вполне возможно, старик, что рассказывал ему обо всем, упомянул Огайо, но не как ту реку, на которой произошла его встреча с анахронианином, а просто как реку в окрестностях. Естественно, с годами ему начало казаться, что все случилось именно на Огайо.

Синтия шумно вздохнула. Глаза ее горели.

— Подходит,— проговорила она.— Подходит! Вот река, вот холмы. Значит, мы стоим на том самом месте!

— Но если он ошибался насчет Огайо,— охладил я ее пыл,— то клад могли спрятать где угодно. Рек и холмов на Земле не перечесть. Тебя это не обескураживает?

— Однако он называет анахронианина человеком.

— Вовсе нет. Он говорит, что тот выглядел как человек, но в нем было что-то нечеловеческое. Таково было первое впечатление. А потом твой предок и думать забыл про свои ощущения.

— Ты полагаешь?..

— Да.

— Если ты видел в самом деле Душелюба, почему он убежал? Неужели он не узнал нас? Ой, что я говорю! Конечно нет — мы же еще не встретились! Наше знакомство состоится через много-много лет. Как ты думаешь, мы его найдем?

— Попробуем,— сказал я.

Бросив кастрюли и забыв об овощах к обеду, мы кинулись следом за Душелюбом. Я совсем забыл, что лицо у меня испачкано блевотиной. Подъем на холм был тяжелым. Деревья, густые заросли кустарника, каменистые выступы, которые приходилось обходить; местами мы буквально ползли на карачках, цепляясь за корни и ветки.

Лихорадочно карабкаясь по склону, я спрашивал себя, зачем мы так торопимся. Если дом бессмертного человека стоит поблизости от вершины холма, можно не спешить, потому что в ближайшее время его хозяин наверняка никуда не денется. А если дома поблизости нет, тогда эта сумасшедшая гонка вообще ни к чему. Если тот, кого мы преследуем, и в самом деле Душелюб, он давно уже спрятался в укромном местечке или постарался оторваться от нас.

Однако мы лезли все выше и выше, и наконец деревья и кусты расступились и нашим глазам предстала лысая вершина холма, на которой возвышался дом — видавший виды старинный дом, ничуть не похожий на тот, где я обнаружил двуглавого мертвеца. Дом был обнесен аккуратным частоколом, который, видно, только на днях выкрасили в белый цвет. У крыльца росло дерево, усыпанное розовыми цветками; вдоль забора были посажены розы.

Окончательно запыхавшись, мы упали на землю. Наша взяла: вот он, дом анахронианина!

Отдышавшись, мы сели и оглядели друг друга.

— Да,— протянула Синтия.— Ну у тебя и видок.

Достав из кармана своей куртки носовой платок, она вытерла мне лицо.

— Спасибо,— поблагодарил я.

Мы встали и неторопливо направились к дому, как если бы нас пригласили туда в гости.

Войдя в ворота, мы увидели на крыльце человека.

— Я опасался, что вы передумали,— сказал он,— и уже не придете.

— Извините нас, пожалуйста,— попросила Синтия.— Мы слегка задержались.

— Ничего страшного,— успокоил нас хозяин.— Вы как раз к ленчу.

Это был высокий худощавый мужчина в черных брюках и темной куртке. Из-под куртки виднелась белая рубашка с расстегнутым воротом. У него было бронзовое от загара лицо, волнистые седые волосы и коротко подстриженные, с проседью усики.

Втроем мы вошли в дом. Комната, где мы очутились, была маленькой, но обстановка ее поражала неожиданной изысканностью. У стены стоял буфет, на нем — кувшин. Середину комнаты занимал покрытый белой скатертью стол. Он был уставлен серебряной и хрустальной посудой. К столу были придвинуты три стула, на стенах висели картины; ноги утопали в пушистом ковре.

— Мисс Лансинг, пожалуйста, садитесь сюда,— пригласил наш хозяин.— А мистер Карсон сядет напротив. Приступим к еде. Суп, я уверен, еще не успел остыть.

Нам никто не прислуживал. Невольно складывалось впечатление, что в доме, кроме нас троих, никого нет, хотя, подумалось мне, наш хозяин вряд ли готовил кушанья самостоятельно. Мысль мелькнула и исчезла, ибо она никак не соответствовала изысканности комнаты и богатству сервировки.

Суп был превосходным, свежий салат приятно похрустывал на зубах, отбивные таяли во рту. Вино удовлетворило бы самый утонченный вкус.

— Быть может, это вас заинтересует,— сказал наш радушный хозяин.— Дело в том, что предположение, которое вы выдвинули — надеюсь, не для красного словца — при нашей последней встрече, показалось мне весьма любопытным, и я тщательно его обдумал. Как было бы здорово, если бы человеку вдруг представилась возможность собирать не только свои собственные впечатления, но и впечатления других людей. Вообразите, какое богатство ожидало бы его в преклонном возрасте. Он одинок, старые друзья умерли, а познавать новое он не способен чисто физически. Но он протягивает руку и снимает с полки шкатулку, в которой, если можно так выразиться, заключены впечатления прежних дней; открыв ее, он переживает тот или иной случай заново, причем ничуть не менее остро, чем в первый раз.

Я удивился услышанному, но не особенно. Я ощущал себя человеком, которому снится сон и который сознает, что видит сон, но никак не может проснуться.

— Я попытался представить,— продолжал наш хозяин,— каким должно быть содержимое такой шкатулки. Помимо голых фактов, то бишь опыта как такового, человек наверняка сохранил бы, скажем так, фоновые впечатления — иначе говоря, звук, дуновение ветра, солнечный свет, бег облаков по небу, цвета и запахи. Ибо, чтобы достичь результата, о котором мы упомянули, воспоминание должно быть насколько возможно полным. Оно должно содержать в себе все элементы, необходимые для пробуждения памяти о каком-нибудь событии многолетней давности. Вы согласны со мной, мистер Карсон?

— Да,— сказал я,— целиком и полностью.

— Кроме того, я попробовал определить критерии отбора впечатлений. Разумно ли будет выбирать лишь радостные воспоминания или все-таки не следует пренебрегать и печальными? Пожалуй, стоило бы сохранить воспоминания о постигших человека разочарованиях хотя бы ради того, чтобы мы не забывали о смирении.

— По-моему,— вставила Синтия,— не надо ограничивать себя в выборе. Однако я бы все же отдала предпочтение радостным переживаниям. Печальные, разумеется, тоже нужны, но я бы положила их в укромный уголок, где они не бросались

бы в глаза и откуда, если потребуется, их было бы легко извлечь.

— По правде говоря,— ответил наш хозяин,— я пришел точно к такому же выводу.

Я отдыхал душой, наслаждаясь дружеской атмосферой просвещенной беседы. Пускай мне все это только снится, я не хочу иной реальности. Я даже затаил дыхание, словно опасаясь, что колебания воздуха разрушат чудесную иллюзию.

— Нам следует принять во внимание еще один фактор,— говорил между тем хозяин.— Обладая способностью, о которой идет речь, удовлетворится ли человек лишь сбором впечатлений в естественном течении жизни или попытается создать переживания, которые, по его мнению, могут сослужить ему службу в будущем?

— Мне кажется,— сказал я,— что удобнее всего собирать впечатления по ходу дела, не прилагая к тому особых усилий. Так, позвольте заметить, будет честнее.

— Стараясь проникнуть в суть проблемы,— ответил хозяин,— я вообразил себе мир, в котором дети не взрослеют. Разумеется, вы можете упрекнуть меня в неорганизованности мышления, которое перескакивает с одного предмета на другой; я с готовностью принимаю ваш упрек. Так вот, в мире, где человек в состоянии сохранять свои впечатления, он в любой момент в будущем сможет заново пережить прошлое. Но в мире вечной юности у него нет необходимости в сборе воспоминаний, поскольку каждый новый день будет для него таким же удивительным, как предыдущий. Вы знаете, детям присуща радость жизни. В их мире не будет страха ни перед смертью, ни перед будущим. Жизнь там будет вечной и неизменной. Люди окажутся как бы заключенными в постоянную матрицу, и незначительные ежедневные колебания, которые будут в ней происходить, минуют их внимание. Если вы думаете, что они начнут скучать, то глубоко заблуждаетесь. Однако, боюсь, я утомил вас своими рассуждениями. Позвольте мне кое-что вам показать. Одно из моих недавних приобретений.

Он поднялся из-за стола, подошел к буфету, снял с него кувшин и протянул Синтии.

— Гидрия,— пояснил он.— Сосуд для воды из Афин. Шестой век, прекрасный образчик стиля «черных фигур». Горшеч-

ник брал красную глину, добавлял к ней немного желтой и лепил кувшин, а выдавленные изображения покрывал слоем черной глазури. Кстати, взглянув на дно, вы увидите клеймо горшечника.

Синтия перевернула кувшин.

— Вот оно,— проговорила она.

— Перевод,— заметил хозяин,— звучит так: «Никостенес изготовил меня».

Синтия передала кувшин мне. Он был тяжелее, чем я думал. Глазурованный рисунок на его боку изображал поверженного воина со щитом в одной руке и копьем в другой. Древко копья упиралось в землю, наконечник был устремлен в небо. Повернув кувшин, я обнаружил иной рисунок: воин стоял, опершись на щит, и удрученно глядел на сломанное копье у своих ног. Видно было, что он неимоверно устал и проиграл сражение; об этом говорила его подавленная поза.

— Вы сказали, из Афин?

Хозяин кивнул:

— Мне повезло найти его. Чудесный образчик лучшей греческой керамики той поры. Видите, фигуры стилизованы? Тогда горшечники совершенно не заботились о реалистичности изображений. Их интересовал орнамент, а никак не форма.

Он забрал у меня кувшин и поставил его обратно на буфет.

— К сожалению,— сказала Синтия,— нам пора. Большое вам спасибо; все было просто замечательно.

Если мне и прежде чудилось, что я грежу наяву, то теперь это ощущение усилилось. Комната словно поплыла у меня перед глазами. Я не помнил, как мы вышли из дома, и очнулся лишь у ворот изгороди.

Я резко обернулся. Дом стоял на прежнем месте, но выглядел куда более дряхлым, чем раньше. Дверь была приоткрыта, и гулявший по гребню холма ветер норовил распахнуть ее пошире. Покосившийся коньковый брус придавал дому довольно странный вид. Стекла в оконных рамах отсутствовали. Не было ни частокола, ни роз, ни цветущего дерева у крыльца.

— Нас одурачили,— проговорил я.

Синтия судорожно сглотнула.

— Не может быть,— пробормотала она.

Зачем? — спрашивал я себя. Зачем он, кто бы он там ни был, сделал это? Зачем ему было утруждать себя колдовством?

Если ему не хотелось встречаться с нами, то почему он так настойчиво зазывал нас в гости? Мог бы, в конце концов, оставить все как есть: мы осмотрели бы старинный дом, в котором явно никто не жил в течение многих лет, и ушли своей дорогой.

Сопровождаемый Синтией, я вернулся в дом. С первого взгляда комната показалась мне той же самой, но потом я заметил, что она утратила былую изысканность. Со стен исчезли картины, с пола пропал ковер. Стол посреди комнаты, три стула, придвинутые к нему нашими руками... Стол был пуст. Буфет никуда не делся, и на нем возвышался знакомый кувшин.

Я взял его в руки и подошел к двери, где было светлее. Судя по всему, наш хозяин показывал нам именно его.

— Ты разбираешься в греческой керамике? — справился я у Синтии.

— Я знаю лишь, что у них была посуда с черными рисунками и посуда с красными рисунками. Черные рисунки появились раньше.

Я потер пальцем клеймо горшечника.

— Значит, надпись прочесть ты не сможешь?

Девушка покачала головой:

— Нет. Мне известно, что горшечники пользовались подобными клеймами, но по-гречески я не понимаю. Кстати сказать, этот кувшин слишком новый, как будто его достали из печи для обжига только вчера. На нем нет никаких следов возраста. Обычно такие горшки находят при раскопках, и по ним сразу видно, что они пролежали в земле сотни лет. А этот выглядит так, словно никогда в земле и не был.

— Скорее всего, он в самом деле там не был,— сказал я.— Анахронианин, должно быть, позаимствовал его вскоре после изготовления как чудесный образчик тогдашней керамики. Естественно, что он с него чуть ли не пылинки сдувал.

— Ты считаешь, мы видели анахронианина?

— А кого же еще? Кому еще в послевоенную пору могло быть дело до греческой посуды?

— Но у него так много личин! Он и Душелюб, и тот аристократ, который угощал нас ленчем, и тот человек, с которым разговаривал мой предок.

— Мне кажется,— ответил я,— он может быть кем угодно. Или, по крайней мере, может внушить людям, что он тот-то и тот-то. Я подозреваю, что, приняв облик Душелюба, он открылся нам в своем настоящем образе.

— Но тогда,— сказала Синтия,— нам с тобой надо лишь отыскать вход в колодец, что ведет в подземную пещеру, и клад наш!

— Да,— согласился я,— однако что ты собираешься с ним делать? Любоваться на сокровища до конца жизни? Или выбрать украшение себе на платье?

— Но теперь мы знаем, где он находится!

— Ну и что? Если мы сможем вернуться в настоящее, если тени соображают, что творят, если они установят временную ловушку и если она не забросит нас на несколько тысячелетий в будущее относительно нашего всамделишного настоящего...

— Ты веришь в то, что говоришь?

— Скажем так: я не отрицаю ни одной из возможностей.

— Флетч, а если временной ловушки в расщелине не окажется? Если нам не удастся вернуться?

— Как-нибудь проживем.

Мы вышли из двери и направились вниз по склону холма. Впереди, за пшеничным полем, сверкала река; вдалеке виднелся окруженный садом дом, в котором лежал двуглавый мертвец.

— Я не надеюсь на временную ловушку,— сказала Синтия.— Тени — не ученые, с ними каши не сваришь. Обещали переместить нас во времени на долю секунды, а забросили вон куда.

Я чуть было не выругался. Нашла время для таких рассуждений, черт бы ее побрал!

Синтия схватила меня за руку. Я обернулся.

— Флетч,— пробормотала она,— но как же нам быть, если временная ловушка не сработает?

— Сработает,— ответил я.

— А если нет?

— Тогда,— сказал я,— мы вычистим вон тот дом внизу и поселимся в нем. Там есть инструменты. Мы соберем в саду семена и посадим другие сады. Мы будем рыбачить, охотиться — словом, жить.

— И ты полюбишь меня, Флетч?

— Да,— сказал я,— полюблю. Вернее, уже полюбил.

Шагая через пшеничное поле, я думал о том, что страхи Синтии могут оказаться не напрасными. Вдруг О'Гилликадди и его приятели действовали по указке Кладбища? Когда я впрямую спросил О'Гилликадди, он уклончиво ответил, что Кладбище не в состоянии ни подкупить их, ни причинить им вред. Как будто он говорил правду, но где тому доказательства? О'Гилликадди с его способностью манипулировать временем был бы для Кладбища сущей находкой. Ведь перекинув нас во времени и отрезав нам все пути к возвращению, никакого постороннего вмешательства можно больше не опасаться.

Я вспомнил розовый мир Олдена — нашего с Синтией Олдена. Я представил себе Торни, как он рассуждает о сгинувших в никуда анахронианах и проклинает недостойных искателей сокровищ, которые грабят древние поселения и лишают археологов возможности изучать былые культуры. С горечью в душе я припомнил свои собственные планы, припомнил, как хотел сочинить композицию о Земле. Синтия занимала в моих мыслях особое место. Она пострадала сильнее любого из нас. Вызвавшись передать мне письмо от старины Торни, она в итоге угодила в такой переплет, о котором не думала и не гадала.

Если временной ловушки в расщелине не будет, нам придется поступить именно так, как я сказал. Иного выхода у нас нет. Однако мы с Синтией не приспособлены к такой жизни. А скоро вдобавок наступит зима, и, если мы хотим выжить, нам надо к ней подготовиться. Дождавшись весны, мы, быть может, что-нибудь придумаем.

Я постарался отогнать эти мысли, не желая падать духом раньше времени, но они упорно возвращались. Ужасная перспектива словно зачаровывала меня.

Мы спустились к реке и, двигаясь по ее берегу, дошли до оврага, что вел к расщелине, в которой мы прятались от бандитов. Никто из нас не проронил ни слова. По-моему, мы боялись заговорить.

Миновав поворот, мы увидим желанный утес. Ждать осталось недолго. Скоро мы все узнаем.

Мы миновали поворот — и остановились как вкопанные. У подножия утеса стояли две боевые машины. Ошибиться было

невозможно. Мне кажется, я догадался бы о том, что они такое, в любом случае, даже если бы я в свое время не прислушивался к рассказам Элмера.

Их размеры поражали воображение. Впрочем, будь они меньше, в них не уместилось бы все то вооружение, которым их напичкали. Они были футов по меньшей мере ста длиной, примерно вполовину этого расстояния шириной и футов двадцати или около того высотой. Они стояли бок о бок и выглядели весьма внушительно. В их уродстве ощущалась могучая сила. От одного взгляда на них по спине пробегала дрожь.

Мы смотрели на них, а они разглядывали нас. Мы чувствовали на себе их взгляды.

Одна из машин подала голос — определить, какая именно, было невозможно.

— Не убегайте,— сказала она.— Вам не нужно нас бояться. Мы хотим поговорить с вами.

— Мы не убежим,— ответил я, подумав, что бежать было бы бессмысленно. Они моментально догонят нас, в этом я не сомневался.

— Никто не хочет нас выслушать,— чуть ли не жалобно продолжала машина.— Все убегают от нас. А мы хотим подружиться с людьми, потому что мы сами — люди.

— Мы вас выслушаем,— пообещала Синтия.— Что вы собираетесь нам рассказать?

— Давайте сначала познакомимся,— предложила машина.— Меня зовут Джо, а его — Иван.

— Меня зовут Синтия,— ответила Синтия,— а моего спутника — Флетчер.

— Почему вы не убежали от нас?

— Потому что мы не испугались,— сказала Синтия.

Я мысленно усмехнулся: на последних словах голос девушки предательски задрожал.

— Потому что,— добавил я,— бежать не имеет смысла.

— Мы — боевые ветераны,— заявил Джо.— Наша служба давно окончилась, и мы горим желанием помочь людям восстановить планету. Мы много странствовали. Те несколько человек, которых мы встретили, отказались от нашей помощи. Честно говоря, нам показалось, что они питают к нам отвращение.

— Их можно понять,— сказал я.— Вы крепко насолили им в дни войны.

— Мы никому не насолили,— возразил Джо.— Мы не сделали ни единого выстрела — ни он, ни я. Война подошла к концу прежде, чем мы успели повоевать.

— Как давно это случилось?

— По нашим собственным подсчетам, немногим больше полутора тысяч лет назад.

— Вы уверены? — спросил я.

— Абсолютно,— ответил Джо.— Если потребуется, мы можем вычислить дату с точностью до дня.

— Не стоит,— сказал я.— Полторы тысячи лет меня вполне устраивают.— Значит, добавил я про себя, доля секунды О'Гилликадди обернулась восемьюдесятью с хвостиком столетиями!

— Скажите,— спросила Синтия,— помнит ли кто-нибудь из вас робота по имени Элмер?

— Элмер?

— Да, Элмер. Он говорил нам, что руководил строительством последней из боевых машин.

— Откуда вы знаете Элмера? Где он?

— Мы познакомились с ним в будущем,— ответил я.

— Так не бывает,— возразил Джо.— Нельзя знакомиться в будущем.

— Это долгая история,— сказал я.— Мы расскажем ее вам как-нибудь в другой раз.

— Нет, сейчас,— уперся Джо.— Элмер — мой старинный друг. Он работал надо мной, не над Иваном. Иван — русский.

Мне стало ясно, что обещаниями от него не отделаешься. Иван до сих пор не издал ни звука, зато Джо тараторил за двоих. Отыскав тех, кто наконец-то согласился его выслушать, он, как видно, намерен был выговориться за все годы вынужденного молчания.

— Вы там, мы тут; так не годится,— проговорил Джо.— Заходите-ка.

В лобовой части одной из машин открылся люк, из которого выехала лесенка. В проеме люка виднелось небольшое освещенное помещение.

— Каюта механиков,— сообщил Джо.— Находясь в ней, они могли спокойно заниматься ремонтом под защитой моей

брони. По совести говоря, механикам с нами делать было нечего. Во всяком случае, ко мне они уж точно не прикасались. Когда в боевой машине что-нибудь разлаживалось, можно было с ходу утверждать, что поломка серьезная. Несерьезные мы исправляли сами. Те из нас, кто соглашался на ремонт, обычно представляли собой груду металла. Домой возвращались немногие; такова была традиция. Поднимайтесь на борт.

— Думаю, все будет в порядке,— сказала Синтия.

Я не разделял ее уверенности.

— Конечно в порядке,— прогудел Джо.— Каюта маленькая, но удобная. Если вы голодны, я могу вас накормить. Не очень, правда, вкусно, зато питательно. Меня оборудовали всем необходимым для приготовления легкой закуски — на случай, если механики проголодаются.

— Нет, спасибо,— ответила Синтия.— Мы только недавно пообедали.

По лесенке мы поднялись в каюту. В углу ее стоял столик, у стены примостилась кушетка, напротив нее возвышалась двухъярусная кровать. Мы уселись на кушетку. Джо не преувеличивал: каюта была тесная, но удобная.

— Приветствую вас на борту,— сказал Джо.— Очень рад вашему присутствию.

— Меня заинтересовала одна вещь,— проговорила Синтия.— Вы сказали, что Иван — русский.

— Так оно и есть. Вы, наверное, думаете, раз русский — значит, враг. Когда-то он был моим врагом, а потом мы подружились. Когда меня проверили, загрузили оборудованием и боеприпасами, я через Канаду и Аляску направился к Берингову проливу, пересек его под водой и покатил в Сибирь. На связь с базой я выходил редко, чтобы меня не обнаружил противник. Мне поручено было уничтожить несколько объектов, но, как выяснилось, все они были нейтрализованы без моего участия. Вскоре после того, как я достиг первого объекта, связь с базой прервалась и уже не возобновлялась. Прервалась, и все. Сначала я решил, что произошло временное нарушение связи, а затем пришел к выводу, что причина куда серьезнее. Быть может, моя страна потерпела поражение; быть может, военные центры зарылись еще глубже под землю. Как бы то ни было, сказал я себе, свой долг я исполню до

конца. Я был патриотом, натуральным ура-патриотом. Вы понимаете меня?

— Я изучала историю,— ответила Синтия.— Поэтому я вполне понимаю вас.

— Я двинулся дальше. Все мои цели оказались уничтоженными, так что я занялся поиском, как тогда выражались, вероятного противника. Я прослушивал эфир, надеясь уловить сигналы секретных военных баз. Но сигналов не было — ни наших, ни вражеских. И вероятного противника тоже не было. По пути мне попадались группки людей; завидев меня, они бросались врассыпную. Я не преследовал их. На роль противника они не годились. Не станешь же тратить ядерный заряд на то, чтобы поразить горстку людей,— в особенности если их смерть не обеспечит тебе тактического преимущества. Я проезжал по разрушенным городам, в которых обитали остатки человечества. Я видел огромные воронки в несколько миль в поперечнике; меня окутывали клубы ядовитого тумана; под мои колеса стелилась выжженная до основания земля, на которой не росло ни травинки и лишь кое-где мелькали чахлые деревца. Я не могу передать вам своих чувств, не могу описать, как это все выглядело. Наконец я повернул обратно и не спеша направился домой. Торопиться теперь было некуда, и мне о многом надо было поразмыслить. Я не стану излагать вам своих мыслей. Скажу только, что патриот во мне умер. Я излечился от патриотизма.

— Мне вот что непонятно,— сказал я.— Я знаю, что в вашем мозгу заключено сознание нескольких людей. Вы же все время говорите о себе в единственном числе.

— Когда-то,— ответил Джо,— нас было пятеро. Пятеро тех, кто согласился пожертвовать телом и статусом человека ради того, чтобы наделить сознанием боевую машину. Среди нас был весьма известный ученый, профессор математики; среди нас был военный, генерал и опытный полководец. Остальные трое были: астроном с хорошей репутацией, биржевой брокер на покое и, как ни странно, поэт.

— Значит, вы поэт?

— Нет,— возразил Джо.— Я не знаю, кто я. Впятером мы составили единое целое. Наши сознания нераздельны. Порой я отождествляю себя с одним или с другим членом пятерки, но это все равно получается отождествление с самим собой.

Я — единое целое и в то же время — каждый из пяти. Правда, чаще всего я — один. В мозгу Ивана заключены четыре человеческих сознания, но большей частью он, подобно мне, ощущает себя единым целым.

— Мы совсем забыли про Ивана,— спохватилась Синтия.— Ему, наверное, обидно, что мы не даем ему вставить ни словечка.

— Ничуть,— сказал Джо.— Он нас очень внимательно слушает. Если бы он захотел, он бы заговорил — сам или через мои динамики. Верно, Иван?

— Ты хорошо рассказываешь, Джо,— прогудел низкий, басовитый голос.— Не отвлекайся.

— Ну вот,— продолжил рассказ Джо,— я повернул домой. Каким-то образом меня занесло в прерию, которая тянулась на многие мили. Кажется, ее называют степью. Она была неприветливой и однообразной, и ей не было видно ни конца ни края. Там мы и встретились со стариной Иваном. Сперва я различил черное пятнышко на горизонте, а телескопическая оптика сообщила мне, что приближается враг. Правда, к тому времени я начал воспринимать термин «враг» как бессмысленный набор звуков. Я испытал не ненависть, а радость оттого, что в степи нашелся кто-то, похожий на меня. По словам Ивана, он почувствовал то же самое. Но ни один из нас не мог проникнуть в мысли другого. Мы принялись маневрировать, используя все известные нам уловки. Пару раз я мог подстрелить Ивана, но что-то удержало меня от этого. Иван, будучи по-русски скрытным, упорно не желает признавать того, что он не единожды пощадил меня, но я уверен, что так оно и было. Боевая машина его класса обязана была перехитрить противника. Ну да ладно; мы кружили по степи день или два, пока не сообразили, что пора кончать валять дурака. И я сказал: «Слушай, давай прекратим тянуть волынку. Мы прекрасно понимаем, что никому из нас не хочется сражаться. Мы с тобой, быть может, единственные уцелевшие в войне боевые машины. Война закончилась, нам нечего делить, так почему бы нам не подружиться?» Старина Иван не стал возражать и согласился — не сразу, правда, но согласился. Мы покатили навстречу друг другу, и наши носы соприкоснулись. Не знаю, сколько времени мы провели в степи — дни, месяцы, а может быть, годы. Ничто нас не отвлекало.

Мир не нуждался в боевых машинах. Уткнувшись друг в дружку носами, мы застыли посреди этой богом забытой степи. Мы были единственными живыми существами на много миль вокруг. Мы вели долгие разговоры и под конец сошлись настолько, что научились понимать один другого без слов.

Мне было хорошо в степи рядом с Иваном. Мы ничего не делали, ни о чем не думали и ничего не говорили. Нам хватало того, что мы вместе, что мы больше не одиноки. Вам, должно быть, покажется странным, что две неуклюжие, уродливые боевые машины подружились между собой, но ведь мы были машинами и одновременно — человеческими существами. Тогда нас как единых целых еще не существовало. Пять сознаний в моем мозгу, четыре сознания в мозгу Ивана, и все они принадлежали интеллигентным и высокообразованным людям, которым было о чем поговорить.

Однако в конце концов безделье нам наскучило. Нам захотелось приносить пользу. Мы подумали, что, если люди оправились от войны, им потребуется самая разнообразная помощь. Мы обладали достаточной смекалкой, и каждый из нас девятерых был источником знаний, которым требовалось всего лишь найти выход.

Иван сказал, что на запад ехать бесполезно. С Азией покончено, сказал он, и с Европой, которую он исколесил вдоль и поперек,— тоже. Люди, которые там остались, опустились до уровня дикарей, и их было слишком мало для того, чтобы всерьез заводить речь о воссоздании экономической базы общества. Поэтому мы направились на восток, в Америку. Здесь мы обнаружили несколько малочисленных общин, члены которых понемногу набирались умения и знаний; им вот-вот могла понадобиться наша помощь. Однако до сих пор мы так никому и не помогли. Люди не желали нас слушать. Стоило нам показаться, как они с воплями разбегались в разные стороны и, как мы их ни увещевали, не соглашались принять нашу помощь. Вы первые, кто выслушал нас.

— Вся беда в том,— проговорил я,— что с нами говорить без толку. Мы не из этого времени. Мы из будущего.

— Припоминаю,— сказал Джо.— Вы утверждали, что познакомились с Элмером в будущем. А где Элмер сейчас?

— Сейчас он путешествует среди звезд.

— Среди звезд? И чего старине Элмеру не сидится...

— Послушайте,— перебил я.— Я попробую вам объяснить. Когда люди поняли, что Земля умирает, многие из них покинули планету. Они отправились в космос. Экипажи и пассажиры звездолетов были основателями бесчисленного множества колоний. В колонисты набирали образованных, умелых, знающих людей — людей, способных основать колонию на другой планете. А необразованные и неумехи остались на Земле. Вот почему им столь необходима ваша помощь, и вот почему они, скорее всего, от нее отказываются. На Земле остались лоботрясы и те, у кого вечно все валится из рук...

— Но старина Элмер не человек...

— Зато отличный механик. Колонистам нужны были роботы вроде него, поэтому они забрали Элмера с собой.

— Элмер очутился в будущем, люди бежали в космос,— пробормотал Джо.— Чрезвычайно любопытно. Однако как попали сюда вы? Вы обещали рассказать нам об этом. Мы слушаем.

Ни дать ни взять — вечер в семейном кругу. Все друг друга знают, все друг друга любят. Джо — чудесный парень, да и Иван тоже ничего. В первый раз за все время пребывания на Земле мне было по-настоящему хорошо.

Мы рассказали машинам о наших приключениях. Сначала говорил я, потом Синтия, потом снова я. Мы рассказали им все как на духу.

— Кладбище — дело будущего,— проговорил Джо.— Пока на Земле нет ни намека на Кладбище.

— Оно обязательно появится,— сказал я.— К сожалению, я не знаю даты его основания. Быть может, не узнаю никогда.

Синтия покачала головой.

— Я тоже,— сказала она.

— Что меня радует,— заметил Джо,— так это смазка. Наша в скором времени выйдет. Мы надеялись отыскать людей, которые смогли бы достать нам смазки, пускай даже неочищенной,— мы бы рафинировали ее и использовали. Но с людьми нам не везло.

— Вы получите смазку от Кладбища, рафинированную и готовую к употреблению,— ответил я.— Она будет того сорта, который вам требуется. Однако я прошу вас: не соглашайтесь на цену, которую они запросят.

— Мы не согласимся,— пообещал Джо.— Они кажутся мне отъявленными мошенниками.

— Точно,— подтвердил я.— А теперь нам пора идти.

— На встречу с будущим?

— Да,— отозвался я.— Если все получится, было бы просто здорово встретить вас там. Как по-вашему?

— Назовите нам год и день,— сказал Джо.

Я исполнил его просьбу.

— Мы будем вас ждать,— проговорил он.

Едва мы подошли к лестнице, он сказал:

— Послушайте, если временная ловушка не сработает или если ее там нет, зачем вам возвращаться в ту хижину? Куча грязи, мертвец опять же, ну и все остальное. Приходите к нам. Условия, конечно, не ахти, но мы будем вам рады. Зимой мы можем отправиться на юг...

— Спасибо,— поблагодарила Синтия.— Мы не откажемся.

Спустившись по лестнице, мы направились прямиком к заветной расщелине. У входа в нее мы остановились и оглянулись. Наши друзья развернулись к нам лицом. Мы помахали им и вошли в расщелину.

Знакомая приливная волна нахлынула на нас, а когда она спала, мы испытали настоящий шок.

Ибо мы очутились не в каменистом овраге, а на Кладбище.

Глава 19

Утес был точно таким, каким он нам запомнился, и все так же лепились к его поверхности чахлые кедры. Все было на месте — и холмы, и равнина между ними. Однако естественность исчезла. Берега ручья оделись каменными плитами; трава у подножия утеса была аккуратнейшим образом подстрижена. Повсюду виднелись ряды надгробных памятников; тут и там были посажены вечнозеленые кустарники и тис.

Синтия прижалась ко мне, но я даже не взглянул на нее. В тот момент мне меньше всего хотелось на нее смотреть.

— Тени снова напортачили,— сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал твердо.

Сколько времени потребовалось Кладбищу, чтобы разрастись от своих прежних границ до этого оврага? Несколько

столетий, не иначе; быть может, нас перебросило в будущее на столько, на сколько раньше отшвырнуло в прошлое.

— Неужели они в самом деле такие простофили? — проговорила Синтия.— Один раз можно было ошибиться, но не дважды же подряд!

— Они продали нас,— заявил я.

— Они могли продать нас, отправляя в прошлое,— возразила Синтия.— Или теперь по второму разу? Нет, если бы они хотели избавиться от нас, они бы оставили нас там. И никакой временной ловушки в расщелине бы не было. Нет, Флетч, ты не прав.

Поразмыслив немного, я вынужден был с ней согласиться.

— Значит, всему виной их бестолковость,— проворчал я.

Мы осмотрелись.

— Лучше бы мы остались с Иваном и Джо,— буркнул я.— У нас было бы где жить, и мы могли бы вволю поездить по свету. Ребята они неплохие. Понятия не имею, чего нас сюда потянуло.

— Я не заплачу,— проговорила Синтия.— Ни за что не заплачу. Но мне хочется разрыдаться.

Меня подмывало заключить ее в объятия, однако я не стал этого делать. Если я прикоснусь к ней, она наверняка ударится в слезы.

— Пойдем прогуляемся к домику Душелюба,— предложил я.— Вряд ли, конечно, он сохранился. Должно быть, Кладбище попросту снесло его.

Идти по оврагу было легко. Впечатление было такое, словно ступаешь по ворсистому ковру. Земля под ногами была ровной, и ни через какие валуны перелезать не надо. Куда ни посмотри — ряды могил, кустарник и тисовые деревья.

Я мимоходом пригляделся к датам на надгробиях. Определить, свежая передо мной могила или нет, было, разумеется, невозможно, однако даты свидетельствовали о том, что нас забросило в будущее столетий на тридцать позже того времени, в которое мы рассчитывали попасть. Синтия почему-то не обратила на даты внимания, а я решил ничего ей не говорить. Хотя кто знает? Быть может, она молчала, чтобы в свою очередь не расстраивать меня?

Мы вышли к реке. Она ничуть не изменилась, за исключением того, что деревья, которые раньше росли на ее берегах, уступили место торжественному однообразию кладбищенских монументов.

Я смотрел на реку и размышлял о том, как природа, несмотря на все ухищрения человека, умудряется сохранить самое себя. Река величаво катила свои воды по равнине между холмами, и никто не в силах был замедлить ее бег...

Синтия сжала мою ладонь.

— Флетч,— воскликнула она радостно,— разве не там мы обнаружили домик Душелюба?

Она указывала рукой на небольшую возвышенность на берегу реки. Поглядев туда, я невольно присвистнул. Откровенно говоря, в открывшемся мне пейзаже не было ничего особенного, если не считать его удивительной красоты. Картина переменилась настолько, что у меня захватило дух. С тех пор, как мы побывали тут, прошло (для нас) лишь несколько часов. Тогда здесь была самая настоящая глушь. Густой лес спускался к реке, из-за деревьев едва виднелась крыша дома, где лежал двуглавый мертвец, да возвышались над речной долиной лысые вершины холмов. Теперь же местность приобрела благородный и цивилизованный вид, а там, где стоял когда-то невзрачный домик, хозяин которого накормил нас вкусным обедом, я увидел здание, напоминавшее воплотившуюся в реальность мечту. Его белокаменные стены казались буквально невесомыми. Оно было невысоким, но никак не приземистым. Каждое из трех крылец поддерживали изящные колонны, которые на расстоянии выглядели тонкими, как карандаши. Сверкающие в лучах солнца окна опоясывали здание по всему периметру. С холма вниз к реке сбегала длинная лестница.

— Ты думаешь...— проговорила Синтия, запнувшись на середине фразы.

— Нет, не Душелюб,— ответил я.— Он бы никогда такого не построил.

Душелюб предпочитал осторожность, скрытность, осмотрительность. Он шнырял по округе, прилагая все силы к тому, чтобы остаться незамеченным, и похищая из-под носа у людей артефакты (вернее, предметы, что станут впоследствии артефактами), которые расскажут потом о жизни тех, от кого он прятался.

— Но дом его стоял именно там.

— Стоял,— подтвердил я, не зная, что еще сказать.

Неторопливо, не сводя глаз со здания на холме, мы подошли к началу лестницы. На речном берегу находилась обнесенная камнями площадка, вокруг которой посажены были, разумеется, вечнозеленый кустарник и тис.

Взявшись за руки, точно пара испуганных детишек перед поразившей их воображение вещью, мы разглядывали белокаменную лестницу, что вела к чудесному зданию на холме.

— Знаешь, что она мне напоминает? — спросила Синтия.— Лестницу в небеса.

— Как это? — не понял я.— Разве ты видела лестницу в небеса?

— Нет, но она очень похожа на описания в древних книгах. Только вот что-то ангельских труб не слышно*.

— Ты без них как-нибудь обойдешься?

— Попробую,— ответила она.

Интересно, подумалось мне, что привело ее в столь легкомысленное настроение? Что касается меня, то я был зол на призраков и пребывал в некоторой растерянности. Красота пейзажа радовала глаз, но мне не понравилось, что здание со сверкающими окнами построили на том месте, где стоял раньше домик Душелюба. Правда, вполне логично было бы заключить, что между ними существует какая-то связь, но, как я ни напрягал мозги, никакой связи мне обнаружить не удалось.

Лестница оказалась длинной и довольно крутой. Мы поднимались по ней в гордом одиночестве. За нами никто не наблюдал, хотя несколько минут назад на одном из крылец дома я заметил группу из трех или четырех человек.

Закончилась лестница еще одной площадкой, намного больше той, которая была внизу. Мы пересекли ее и направились к центральному крыльцу. Если издалека здание выглядело прекрасным, то вблизи оно ошеломляло своей красотой. Белоснежный камень, изящные обводы стен; при взгляде на него возникало своеобразное, я бы сказал, благоговейное впечатление. Надписи над входом, которая объясняла бы назначение

* Имеется в виду следующее место из Ветхого Завета: «Иаков же вышел из Вирсавии и пошел в Харран. И пришел на одно место, и остался там ночевать, потому что зашло солнце... И увидел во сне: лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот, Ангелы Божии восходят и нисходят по ней...» (Бытие 28:10-12).

здания, не было. Помнится, я без особого интереса подумал о том, чем же оно может быть.

Входная дверь открывалась в фойе, где царила та звонкая тишина, которая обычно встречает посетителей музеев и картинных галерей. Посреди залы, залитый ярким светом ламп, помещался под стеклянным колпаком какой-то предмет. У двери во внутренние помещения здания застыли в карауле двое охранников; я принял их за охранников потому, что они были в форме. Из глубины дома доносилось шарканье ног и слышались приглушенные голоса.

Мы приблизились к колпаку. Под ним находился тот самый кувшин, который показывал нам за обедом анахронианин! Я узнал его сразу: никакой другой воин не мог столь удрученно опираться на щит, никакое другое сломанное копье не могло выразить такого отчаяния от проигранной битвы.

Синтия, которая нагнулась к колпаку, чтобы получше рассмотреть кувшин, выпрямилась.

— То же самое клеймо,— проговорила она.— Взгляни.

— Ты уверена? Ведь ты не понимаешь по-гречески. Или понимаешь?

— Нет, не понимаю. Однако на клейме можно разобрать имя, Никостенес. Значит, клеймо должно читаться так: «Никостенес изготовил меня».

— Он мог наделать таких кувшинов без счета,— возразил я. В меня словно вселился бес противоречия; я отказывался признать очевидное — что именно этот кувшин мы видели на буфете в доме Душелюба.

— Конечно мог,— согласилась Синтия.— Наверное, он был прославленным мастером. Мне кажется, его кувшин был в своем роде шедевром. Потому-то Душелюб и позаимствовал его для коллекции. Шедевры же неповторимы. Быть может, наш горшечник вылепил его для кого-то из великих современников...

— Например, для Душелюба.

— Может, и для него,— сказала Синтия.

Я так увлекся созерцанием кувшина, что не заметил подошедшего к нам охранника.

— Прошу прощения,— отчеканил он.— Вы, должно быть, Флетчер Карсон?

Расправив плечи, я поглядел на него.

— Да,— сказал я,— но откуда вам...

— А ваша спутница — мисс Лансинг?

— Верно.

— Соблаговолите следовать за мной.

— Подождите,— запротестовал я.— С какой стати?

— С вами хочет поговорить ваш старый друг.

— Что за чушь! — воскликнула Синтия.— У нас тут нет никаких друзей.

— Я вынужден повторить приглашение,— негромко произнес охранник.

— Не Душелюб же? — пробормотала Синтия.

— Человечек с лицом тряпичной куклы и перекошенным ртом? — справился я у охранника.

— Нет,— ответил он.— Ничуть не похоже.

Нам не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Он повел нас по длинному коридору, вдоль стен которого расставлены были столики с экспонатами, причем рядом с каждым из предметов лежала пояснительная табличка. Однако охранник шел быстрым шагом, так что возможности задержаться и оглядеться у меня не было. Подведя нас к ничем не примечательной двери, он постучал. Чей-то голос пригласил зайти.

Он распахнул дверь, пропустил нас и закрыл ее за нами, сам оставшись снаружи. Стоя у порога, мы разглядывали сидевшее за столом существо — не человека, а именно существо.

— Вот и вы,— сказало оно.— Долгонько же вы добирались. Я уже начал было опасаться, что вы не придете, что наш план пошел насмарку.

У существа была металлическая голова, прикрепленная к слабому, металлическому же подобию человеческого тела. С нами разговаривал робот, который при всем при том был ни капельки не похож на прежде виденных мною роботов. Он разительно отличался от Элмера да и от любого другого нормального робота. Он представлял собой металлическую пародию на человека.

— Хватит морочить нам голову,— не выдержал я.— Охранник обещал нам встречу со старым другом. Позвольте спросить...

— Разумеется,— перебил меня робот.— Мы знакомы с вами давным-давно. Вам трудно узнать меня, поскольку я существенно изменил свой внешний вид, но для вас я — все тот же Рамсей О'Гилликадди.

Я чуть было не расхохотался ему в лицо.

— Мистер О'Гилликадди,— проговорила Синтия,— ответьте, пожалуйста, на один вопрос. Сколько было металлических волков?

— Ну, это просто,— заявил О'Гилликадди.— Их было трое. Элмер расправился с двумя, так что уцелел лишь один.— Он указал на кресла перед столом.— Присаживайтесь. Вы убедились, что я — это я, и нам пора приступить к делу.

Мы сели.

— Я от души рад приветствовать вас,— сказал он.— Мы тщательно все продумали, и ошибки как будто быть не могло, но в темпоральных вопросах не застрахован никто. При мысли о том, что могло бы произойти, если бы вы не появились здесь, меня начинает бить дрожь. Хорошо, что вы не знаете того, что известно мне. Короче говоря, тут ничего бы не было, хотя, если рассуждать здраво...

— Под «тут» вы имеете в виду ваш музей? — спросил я.— Музей, в котором хранится коллекция Душелюба?

— Так вы знаете про Душелюба?

— Скорее, догадываемся.

— Ну да, ну да,— проговорил О'Гилликадди.— Вы очень сообразительны.

— А где Душелюб сейчас? — поинтересовалась Синтия.— Мы надеялись встретить его здесь.

— Убедившись в том, что его собрание артефактов, в том числе и богатейшая коллекция, хранившаяся в балканских пещерах, передано в музей,— сообщил О'Гилликадди,— он отбыл на планету Олден, с тем чтобы возглавить археологическую экспедицию на свою родную планету. Не получив за много лет ни единой весточки с родины, он пришел к выводу, что его раса прекратила существование по одной из тех причин, которые обычно приводят к исчезновению расы. Пока никаких сообщений об экспедиции не поступало. Мы ожидаем их с нетерпением.

— Мы?

— Я и мои собратья-тени.

— Вы что, все теперь такие?

— Разумеется,— ответил он.— Это входило в условия соглашения. Однако я забыл, что вам ничего не известно о договоре. Позвольте мне рассказать вам.

Естественно, мы не возражали.

— Дело обстоит следующим образом,— заговорил он.— Мы отправим вас в ваше настоящее, в тот темпоральный момент, в который вы рассчитывали прибыть, войдя во временную ловушку...

— Вы напортачили тогда,— перебил я,— и наверняка напортачите снова, и...

Он поднял металлическую ладонь.

— Мы не напортачили,— сказал он.— Мы сделали то, что намеревались сделать. Мы перебросили вас сюда потому, что иначе наш план не сработал бы. Не очутившись здесь и не получив необходимых сведений, вы бы не имели представления о том, как вам надлежит себя вести. А теперь вы вернетесь во всеоружии.

— Подождите-ка! — воскликнул я.— Вы все запутали. Я не вижу смысла...

— Смысл есть,— заверил меня О'Гилликадди.— Он заключается в том, что мы перекинули вас из далекого прошлого в наше сегодня для того, чтобы вы ознакомились с планом; затем мы отошлем вас в ваше настоящее, где вы осуществите задуманное, что приведет к тому будущему, в котором вы сейчас находитесь.

Я вскочил и стукнул кулаком по столу.

— Хватит пудрить нам мозги! — гаркнул я.— Что вы тут плетете насчет времени? Каким это образом мы очутились в будущем, которое не наступит, пока мы чего-то там не сделаем в нашем настоящем?

О'Гилликадди, казалось, излучал самодовольство.

— Разумеется, вам трудно уловить суть идеи с ходу,— великодушно признал он.— Но, поразмыслив, вы поймете, что к чему. Мы собираемся переместить вас обратно во времени...

— Промахнувшись на пару тысячелетий,— съязвил я.

— Вовсе нет,— возразил О'Гилликадди.— Мы больше не полагаемся на свои способности. Попадание в яблочко гарантируется, поскольку в наше распоряжение, согласно одному из пунктов договора, предоставили темпоральный селектор,

который выполняет переброску во времени с точностью до доли секунды.

— Вы часто упоминаете о плане и о договоре,— сказала Синтия.— Объясните нам, пожалуйста, что вы имеете в виду.

— Охотно,— ответил О'Гилликадди.— Мы отправим вас в ваше темпоральное настоящее, где вы встретитесь с Максуэллом Питером Беллом и...

— И Максуэлл Питер Белл вышвырнет меня из окошка,— докончил я.

— Он не посмеет,— сказал О'Гилликадди,— если вас будут сопровождать две боевые машины с полным боезапасом. Их присутствие в корне изменит ситуацию.

— Но откуда вы знаете, что боевые машины...

— Вы ведь назначили им встречу в определенном месте в определенный день, не так ли?

— Так,— ответил я.

— Ну вот. Вы зайдете к Максуэллу Питеру Беллу и скажете ему, что у вас есть доказательства того, что он прячет на Кладбище контрабандные артефакты и что...

— Но контрабанда артефактами не преследуется законом.

— К сожалению, вы правы. Однако представьте себе, какое пятно будет посажено на безупречную репутацию «Матери-Земли»! Речь идет не просто о непорядочности чиновников, а о нечистоплотности фирмы как таковой. Сокровища вместо покойников — это вам не шутка. От подобного удара они вряд ли оправятся.

— Пожалуй,— нехотя признал я.

— Вы объясните ему, причем убедитесь, что он понял вас как надо, что вы, быть может, воздержитесь от обнародования фактов, если он согласится выполнить следующие условия.

И О'Гилликадди принялся загибать пальцы.

— Кладбище передает Олденскому университету все имеющиеся у него артефакты, не утаив ни единого из них, и обязуется в дальнейшем не заниматься контрабандой. Кладбище осуществляет доставку артефактов на Олден и открывает регулярное пассажирское сообщение с Землей, устанавливая цены на билеты в соответствии с принятыми на других галактических линиях расценками и обеспечивая сравнительно недорогое проживание туристам и паломникам, которые пожелают посе-

тить Землю. Кладбище основывает и обязуется поддерживать в порядке музей для хранения коллекции артефактов историка Ронекса с планеты Абернакс, каковую коллекцию он собирал в течение многих веков. Кладбище...

— Душелюб,— проговорила Синтия.

— Душелюб,— подтвердил О'Гилликадди.— Продолжая перечень...

— Мне вот что не дает покоя,— перебила Синтия.— Почему волк сначала гнался за нами, а потом...

— Потому,— ответил О'Гилликадди,— что волк — один из роботов Душелюба, которого тому удалось внедрить в кладбищенскую стаю. По совести говоря, Душелюб приложил руку ко всему, что происходило на Земле. Вы позволите мне продолжить?

— Пожалуйста, пожалуйста,— отозвалась Синтия.

О'Гилликадди вернулся к загибанию пальцев.

— Кладбище финансирует исследовательскую программу и изыскивает материалы, необходимые для создания надежной системы темпоральных перемещений. Кладбище также финансирует другую программу, а именно по разработке метода переселения человеческой сущности в мозг робота; первыми переселению должны подвергнуться обитатели Земли, известные под именем теней...

— Вот как вы...— заметила Синтия.

— Вот как я приобрел свой нынешний вид. Но пойдем дальше. Кладбище соглашается на создание галактической контрольной комиссии, которая не только будет следить за соблюдением условий данного договора, но и получит право проверять отчетность Кладбища и в случае необходимости вмешиваться в его деятельность.

Он закончил.

— Все? — спросил я.

— Вроде бы да,— ответил он.— Вроде бы мы ничего не забыли.

— Надеюсь,— сказал я.— Дело за малым: добиться согласия Кладбища.

— Я думаю, они согласятся,— заявил О'Гилликадди.— Вы же тут, не правда ли? И я тут, и музей, и темпоральный селектор ожидает вас.

— Вы позаботились обо всем,— в голосе Синтии слышались презрение и гнев.— И забыли только о композиции Флетчера! Как вы могли о ней забыть? Ведь если бы не его мечта, ничего бы не случилось! Вы и представить себе не можете, как он ждал...

— Я предвидел ваш вопрос,— сообщил О'Гилликадди.— Если вы ничего не имеете против того, чтобы пройти в просмотровый зал...

— Вы хотите сказать...

— Да-да. Вы с Бронко поработали на славу, мистер Карсон. Вы создали шедевр, который пережил века.

Я смятенно покрутил головой.

— Что с вами, мистер Карсон? — встревожился О'Гилликадди.— Разве вы не рады?

— Да как вы можете такое ему предлагать? — вскричала Синтия; в глазах ее сверкали слезы.— Вы же все испортите! Неужели вы хотите, чтобы он увидел, услышал и почувствовал то, чего еще не успел создать? Зачем, зачем вы ему сказали? Теперь он все время будет помнить о том, что должен сочинить шедевр! Он же об этом и не думал, он надеялся, что у него получится не хуже, чем у других, и все, а вы...

Я взял ее за руку.

— Не переживай так,— проговорил я.— Забыть я, конечно, не забуду, но со мной будет Бронко. Он не даст мне бездельничать.

— Ну что ж,— заметил О'Гилликадди, поднимаясь,— прежде чем вы вернетесь в свое время, вас хотели бы повидать ваши друзья.

Карикатурно покачиваясь, он вышел из комнаты. Следом за ним мы миновали коридор и пересекли фойе.

Они дожидались нас, выстроившись в ряд перед крыльцом, все пятеро: боевые машины, Элмер, Бронко и волк.

В неловком молчании мы глядели на них, а они — на нас.

— Мы будем ждать вас там,— подал наконец голос Элмер.— Мы все будем ждать вас там.

— Что касается боевых машин, мы сами просили их встретить нас,— сказала Синтия.— Однако вы...

— Нас привел волк,— перебил Бронко.

— Волк? — удивился я.— Как это ему удалось? Вы расправились с двумя его товарищами, а его, значит, не тронули?

— Он хитер как лиса,— ответил Бронко.— Он начал играть с нами. То вертелся вокруг, то падал на спину и болтал лапами в воздухе, то скалил зубы. Мы решили, что он добивается того, чтобы мы пошли за ним. Он был так настойчив!

Волк оскалил зубы.

— Пора,— сказал О'Гилликадди.— Нам только хотелось, чтобы вы убедились, что они будут ждать вас.

Он повел нас обратно в дом.

— Для тебя скоро все закончится,— заметил я, обращаясь к Синтии.— Ты вернешься на Олден и обрадуешь Торни...

— Я не собираюсь возвращаться,— отрезала она.

— То есть как?

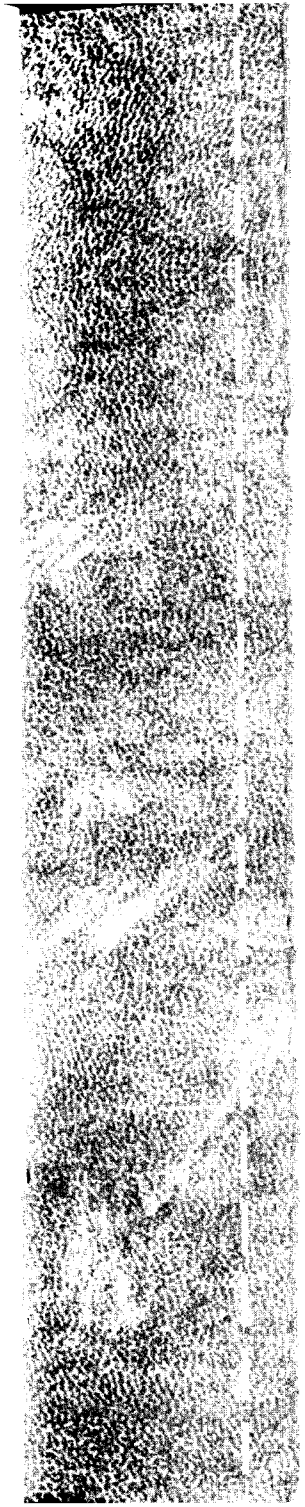
— Разве вам с Бронко не требуется подмастерье?

— Пожалуй, требуется,— кивнул я.

— Флетч, ты помнишь свои слова, сказанные там, в прошлом? Ты обещал полюбить меня. Так вот, я заставлю тебя сдержать обещание.

Я сжал ее ладонь.

Заставлять меня было ни к чему.

ИГРУШКА СУДЬБЫ

Глава 1

Город был белым. Пуританским холодом и отрешенностью, недосягаемой для суетной жизни, отдавала эта белизна.

И над всем высились деревья — я увидел их, когда мы, скользя по наводящему лучу, пойманному далеко в космосе, приблизились к посадочному полю. Именно деревья поначалу навели меня на мысль, что тут — сельская местность. Возможно, сказал я себе, это такая же беленькая деревушка, какие встречаются в Новой Англии, на Земле,— уютно расположившаяся в долине, с весело журчащим ручьем и осенним пламенем рассыпанных по холмам кленов.

Я смотрел на нее благодарно и немного удивленно. Вот где, думал я, славное место! Тихое, мирное... Существа, построившие такую деревушечку, наверняка уж не подвержены особым вывертам и бзикам, которыми так часто поражают обитатели неизвестных планет...

Но деревушкой, о которой я размечтался, тут даже не пахло. Деревья — кто мог ожидать такого? — возвышались над башнями, охватить взглядом которые можно было, лишь задрав голову!

Город вздымался к небу могучим хребтом, не имеющим предгорий. Он окружал посадочное поле стадионным овалом непомерно высоких трибун и уже не сверкал, как совсем недавно, до того, как мы сели,— а источал тихое мерцание, напоминавшее игру пламени свечи в дорогом фарфоре.

И город был белым, и посадочное поле, и даже небо в своей линялой голубизне — почти белело. Белым было все, кроме гигантских деревьев.

Моя шея устала поддерживать голову в неестественно запрокинутом положении, и только теперь, оглядевшись, я увидел вокруг удивительное множество кораблей. Их была уйма —

во всяком случае, больше, чем обычно бывает даже на самых крупных космодромах Галактики. Корабли всевозможных форм и размеров роднил цвет, из-за которого-то я и не разглядел их сразу. Белизна кораблей была почти идеальным камуфляжем.

Все сплошь белое, подумал я. Вся чертова планета — белая... Мерцающий город и поле с кораблями выглядели так, словно их из единой глыбы вырезал некий усердный мастер.

И не было никаких признаков жизни. Ни намека на деятельность. Никто не спешил нам навстречу. Все вокруг было мертвым...

Внезапно налетевший ветерок потрепал меня за куртку и тут же утих. Совершенно не было пыли. Ни пыли, которую мог бы поднять ветер, ни какого бы то ни было мусора вообще. Носком ботинка я потер грунт и не увидел следа. Поверхность была такой чистой, будто ее помыли всего час назад.

Сзади послышался шум. Это со своим идиотским баллистическим ружьем спускалась по трапу Сара Фостер. Ружье билось о каждую ступеньку, норовя зацепиться.

Опершись о мою протянутую руку, она ступила на грунт и принялась озираться. Я разглядывал классические черты ее лица, обрамленного роскошной копной рыжих волос, и в который раз поражался полному отсутствию тепла в этом совершенстве.

Сара Фостер подняла руку, чтобы отбросить со лба прядь, вечно падающую — с тех пор, во всяком случае, как мы познакомились.

— Чувствуешь себя букашкой...— тревожно произнесла она.— Как будто кто-то очень большой рассматривает тебя... Вы не ощущаете на себе взгляда?

Я помотал головой. Никаких взглядов не ощущалось.

— В любой момент,— продолжала Сара,— он может поднять свою ножищу и раздавить нас.

— А что наша парочка? — спросил я.

— Тук собирается, а Джордж сидит с блаженным выражением лица и говорит, что он дома.

— Ах ты боже мой!

— Вы, я вижу, недолюбливаете его.

— Да нет, тут другое... Я не в восторге от всей этой бессмысленной затеи. Джорджа можно и не замечать.

— Тем не менее мы попали сюда именно благодаря ему.

— Да-да... Надеюсь, хоть ему-то здесь понравится.

А вот мне здесь не нравилось. Что-то подозрительное было в этой безмолвной белизне, что-то таилось в этой огромности. Почему никто так и не встретил нас? Ведь наводящий луч усадил корабль именно на это поле! И вдруг — никого... А деревья? Где это видано, чтоб деревья достигали такой высоты?

Наверху что-то брякнуло, и, подняв голову, я увидел монаха Тука, уже спускающегося, и Джорджа Смита, который, отдуваясь, проталкивал в люк свои пышные телеса.

— Как поскользнется сейчас — и как свернет себе шею! — сказал я без особой тревоги.

— Не должен,— отозвалась Сара.— Он крепко держится, и ему помогает Тук.

Я зачарованно наблюдал, как монах заботливо направляет ноги слепого Смита.

Итак, слепец и бродяга, корчащий из себя монаха, а также баба-охотник решили отправиться на поиски человека, существование которого, возможно, не более чем вымысел. И я поступил крайне мудро, связавшись с этими сумасшедшими...

Спуск наконец-то счастливо завершился, и Тук, взяв Джорджа за руку, развернул его таким образом, чтобы лицо было обращено к городу. Сара сказала истинную правду насчет блаженного выражения. Счастливая улыбка Смита, словно приклеенная к лицу, выглядела нелепо.

— Это именно то место, Джордж? Вы не ошиблись? — спросила Сара, легко дотронувшись до него.

Блаженное состояние сменилось экстазом, наблюдать который было жутковато.

— Какие ошибки?! — исступленно взвизгнул Смит.— Мой друг здесь! Я слышу его и почти вижу! Я могу дотянуться до него!

Он выбросил вперед свою короткую пухлую руку и принялся ею что-то искать. «Что-то», однако, существовало лишь в его воображении.

Да, это было чистейшим безумием — полагать, что слепой человек, пусть даже слышащий некий голос, способен провести корабль через тысячи световых лет, за галактический центр, к заранее им определенной планете. Слышит он — и пускай

себе слышит! Подобных индивидов всегда хватало, но разве кто-то принимал их всерьез?..

— Там город,— сказала Сара.— Огромный белый город и деревья, вытянувшиеся на высоту нескольких миль. Вы видите это?

— Нет...— обескураженно пробормотал Джордж.— Я вижу другое... Никакого города и никаких деревьев... Я вижу...— Он судорожно сглотнул слюну, лицо его напряглось, а руки возбужденно задвигались.— Не могу вам сказать. Нет таких слов, чтобы передать это.

— Что-то приближается к нам! — воскликнул Тук, указывая пальцем в сторону города.— Непонятно, что именно... Какое-то поблескивание... Но оно явно приближается!

Я посмотрел туда, куда указывал монах, и увидел не больше, чем видел он. То есть почти ничего. Едва уловимые искорки у самого основания городской стены.

Сара отняла бинокль от глаз и передала его мне:

— Что скажете, капитан?

Мой вооруженный глаз поймал плывущее пятно, которое, увеличившись, распалось вдруг на части. Лошади?! Казалось совершенно невероятным, что там могут быть лошади, но ни на что другое это не походило! Белые — а какие же еще? — лошади скакали к нам во весь опор! Очень странные, однако, это были лошадки, смешные... Они бежали как-то не так, не по правилам, совершенно несуразным аллюром, качаясь взад-вперед.

Вскоре я уже мог различать детали... Эти лошади были лошадьми лишь условно! Уши торчком, раздутые ноздри, изогнутые шеи, гривы — все это присутствовало, но в каком-то застывшем виде! Будто нарисованное бездарным художником для календаря! А ноги отсутствовали вовсе. Вместо ног были качалки, передняя и задняя. Передняя чуть поуже. Качалки, не ударяясь одна о другую, поочередно выкидывались вперед — и лошадь танцевала туда же.

Потрясенный, я вернул бинокль Саре:

— Что-то невероятное... Вы не поверите...

Лошади между тем приближались. Восемь совершенно одинаковых лошадей белой масти.

— Карусель,— бросила Сара.

— Карусель?

— Ну да! Механическое устройство, которое можно встретить в парках, на базарах — везде, где есть аттракционы...

— Вообще-то,— сказал я, несколько смутившись,— мне приходилось сталкиваться с увеселениями иного рода, но конь-качалка был в детстве и у меня.

Восьмерка наконец остановилась перед нами как... нет, не как вкопанная, а продолжая раскачиваться. Одно из этих странных созданий заговорило с нами на универсальном языке, сложившемся еще до того, как человечество две тысячи лет назад проклюнулось в космос.

— Мы быть лошадки,— сообщило оно.— Явились принять вас. Меня зовут Доббин.

Говоря это, лошадка продолжала раскачиваться, но все члены ее по-прежнему были неподвижны. Уши бодро торчали, и казалось, именно из них вылетают слова; резные ноздри пребывали в раздутом состоянии, а гриву будто сфотографировали при сильном ветре.

— Какие они славные! — громко умилилась Сара.

Другой реакции я и не ждал. Она непременно должна была найти их славными.

Доббин, никак не прореагировав на такое проявление чувств, продолжил свою речь:

— Настоятельно рекомендуем поторопиться. Времени очень мало. Для каждого из вас есть верховая лошадка. Остальные четыре повезут поклажу.

Не найдя чем восхититься в этой информации, я перебил кобылу:

— А мы, между прочим, не любим, когда подгоняют. И если вас так поджимает время — переночуем на корабле. А в гости отправимся утречком.

— Нет! — вскричал Доббин чуть ли не яростно.— Это исключено. С заходом солнца возникает большая опасность. Вы должны непременно находиться в укрытии.

— Не понимаю, почему нужно упрямиться,— пробормотал Тук, одергивая сутану.— Я лично против того, чтобы торчать здесь всю ночь. Мы даже можем не брать наши вещи, если такая спешка. Вернемся за ними позже.

— Багаж берем сразу,— возразил Доббин.— Утром не будет времени.

— По-моему,— сказал я, разозлившись,— вы просто ужасно торопитесь. Если такое дело — поворачивайте оглобли и убирайтесь. Мы уж как-нибудь позаботимся о себе сами.

— Капитан Росс,— отчеканила Сара Фостер.— Почему я должна топать в такую даль, когда мне предлагают нечто более приятное? Потому что вам под хвост попала вожжа?

— Возможно, и вожжа,— огрызнулся я.— Но я не потерплю, чтобы всякие сопливые роботы мною командовали.

— Мы быть лошадки,— вежливо поправил Доббин.— Мы не быть никакие роботы.

— А чьи лошадки вы быть? Человеческие?

— Я не понимаю вопроса.

— Вас изготовили существа, похожие на нас, да?

— Не знаю.

— Черта с два ты не знаешь,— сказал я и повернулся к Смиту.— Джордж!

— В чем дело, капитан? — Слепой повернулся ко мне своим одутловатым, еще не утратившим экстатического выражения лицом.

— В беседах с вашим другом когда-нибудь затрагивалась тема лошадок?

— Лошадок? Вы, вероятно, имеете в виду непарнокопытных, которые...

— Да нет, других. Тех, на которых качаются. Так вы говорили о них?

— Впервые слышу о таких лошадках.

— Ну как же! Ведь были у вас в детстве игрушки!

— Были конечно,— вздохнул Смит.— Но не те, что вы думаете. Я ведь уже родился слепым, и потому игрушки мои были особого рода.

— Капитан! — сердито встряла Сара.— Ваше поведение нелепо! К чему вся эта подозрительность?

— К чему? — вскипел я.— Вам растолковать? Могу.

— Знаю, знаю, знаю,— упредила она мои объяснения.— Подозрительность и еще раз подозрительность — вот что спасало вас не раз.

— О благородная леди! — воскликнул вдруг Доббин.— Поверьте мне, прошу вас! То, что появляется после захода солнца, действительно крайне опасно! Умоляю и заклинаю! Вы

должны отправиться с нами! Чем скорее, тем лучше! Я категорически настаиваю на этом!

— Тук! — решительно сказала Сара.— Полезайте наверх и начинайте сгружать вещи.

Распорядившись, она повернулась ко мне с воинственным видом:

— Не будет ли каких-то возражений, капитан?

— Нет, мисс. Это ведь ваш корабль, и деньги — тоже ваши. Кому, как не вам, заказывать музыку.

— Потешаетесь?! — свирепо вскричала она.— Вы только и знаете, что потешаться надо мной! И не считаться с моим мнением!

— Вас сюда доставили? — холодно осведомился я.— Доставили. И так же доставят обратно, согласно условиям сделки. Если, конечно, вы не ухитритесь сделать эту работу невыполнимой.

Сказав так, я тут же пожалел об этом. Все-таки мы были далеко от дома, на неведомой планете. Тут нужно держаться вместе, а не затевать свар. Тем более, она действительно права — мое поведение было нелепым... Выглядело нелепым, поправил я себя. Было же — абсолютно логичным по сути. Потому что, когда попадаешь в такое местечко, нужно быть начеку. Я перебывал на множестве незнакомых планет, и нюх мой не раз спасал мою голову. Сара, конечно, тоже кой-чего повидала, но при ней всегда было целое экспедиционное войско — я же был сам по себе...

Тук уже вскарабкался наверх, предварительно подоткнув свою сутану, и теперь подавал Саре многочисленные сумки и тюки. Стоя на одной из ступенек, она осторожно скидывала все к основанию трапа. В чем, в чем, а в лености упрекнуть эту особу было невозможно. Если она не работала наравне с другими, то работала больше их.

— Ладно,— сказал я лошадкам.— Вьючные — ко мне. Принимай поклажу. Как вы это делаете, кстати?

— К сожалению,— виновато ответил Доббин,— у нас нет рук. И всю работу придется сделать вам. Уложите груз на спины лошадок — тех, что без седла, и для надежности прихватите ремнями.

— Просто гениально,— мягко съязвил я.

Польщенный Доббин, качнувшись чуть посильней вперед, изобразил поклон:

— Всегда к вашим услугам.

Ко мне приблизились четыре лошадки, и я тут же — с помощью Сары, к этому времени освободившейся,— принялся их нагружать. Когда спустился Тук, все было готово.

Солнечный диск, уже надкушенный самыми высокими башнями, опускался за город. Оно было чуть желтее земного, здешнее солнце, и, вероятно, представляло собой обычную звезду класса К. Бортовой компьютер наверняка уже исследовал этот объект, как и саму планету, вдоль и поперек. И недоумевал теперь, отчего же никто не интересуется данными об атмосфере, химическими характеристиками и многим прочим. Я интересовался, конечно. Я давно изучал бы все это, если бы не нахрапистость местных жеребцов. Несколько успокаивала мысль о том, что, вернувшись сюда утром, я заполучу наконец вожделенный листочек с данными,— но успокаивала она недостаточно. Не нравилось мне все это; не нравилось...

— Доббин! — сказал я.— О какой такой опасности, собственно, речь? Чего конкретно нам следует остерегаться?

— Этого я не могу сказать, поскольку сам не понимаю. Но уверяю вас, что...

— Да ладно уж...— Я досадливо махнул рукой.

Тук, пыхтя и отдуваясь, помогал Смиту взгромоздиться на одну из лошадок. Сара уже была в седле и, демонстрируя свою безупречную осанку, привычно предвкушала очередное захватывающее приключение — амазонка с берданкой.

Я скользнул взглядом по арене посадочного поля — к городу, по-прежнему не подававшему признаков жизни. Солнце медленно съезжало вниз, и полоса тени, отбрасываемой его стенами, становилась все шире. Некоторые из зданий уже стали черными, но ни в одном из них не было видно зажженных окон. Куда же подевались обитатели города? А также гости, между прочим... Ведь прилетел же кто-то на этих кораблях, белеющих, словно призрачные надгробия!

— Не соблаговолит ли сэр оседлать меня? — подал голос Доббин.— Наше время на исходе!

В воздухе все явственней ощущалась прохлада, а в сердце закрадывался страх. И я не понимал его причины. То ли он

был связан с самой неуютностью места, похожего на западню,— то ли пугало это полное отсутствие жизни... Правда, лошадок никак нельзя было рассматривать в качестве неодушевленных предметов...

Сняв с плеча лазерное ружье и крепко сжав его в руке, я вспрыгнул на Доббина.

— Оружие вам здесь не понадобится,— неодобрительно заметил тот.

Я оставил реплику без ответа. Каждый тут будет соваться в мои дела, черт побери.

Кавалькада двинулась в сторону города. Это была удивительная езда. Нас не качало и не подбрасывало. Мы просто скользили по некой синусоиде.

А город все не приближался. Деталей, во всяком случае, по-прежнему нельзя было рассмотреть. Мы находились, как я понял, в гораздо большем удалении от него, чем это виделось поначалу. Куда внушительней оказались и размеры посадочного поля.

— Капитан!! — послышался отчаянный крик.

Я обернулся.

— Корабль! — вопил Тук.— Наш корабль! Они что-то с ним делают!

Эти неведомые «они» действительно что-то делали. Рядом с кораблем стоял несуразной формы механизм. Он был похож на пухлую букашку с длинной и тонкой шеей, увенчанной головкой — с булавочную. Струйка не то дыма, не то тумана тянулась изо рта букашки к кораблю, который мало-помалу превращался в еще один белый памятник.

Истошно закричав, я изо всех сил натянул поводья, но Доббин как ни в чем не бывало несся вперед. Будто осаживали не его, а скалу.

— А ну-ка, стой! — взревел я.— Возвращаемся!

— Нельзя, сэр,— ответил Доббин ровным голосом.— Некогда. Нам нужно поскорей укрыться в городе.

— Да есть же время, есть, черт побери!

Вскинув ружье и направив дуло между кончиками ушей моей норовистой лошадки, я крикнул спутникам, чтоб зажмурились, и нажал курок.

Яркий лазерный луч, отраженный грунтом, ослепил даже сквозь веки. Доббин вздыбился подо мной, закрутился волч-

ком, едва не касаясь мордой хвоста, и когда я открыл глаза, мы уже направлялись назад к кораблю.

— Теперь мы все умрем,— стонал Доббин.— И виноваты в этом будете вы, безумное создание.

Я оглянулся. Лошадки покорно следовали за нами. Доббин, видно, был у них за главного. Они не раздумывая бросались за ним, куда бы тот ни повернул... То место, куда ударил луч, не было отмечено дымящейся лункой, обычной в таких случаях. Выстрел не оставил на грунте даже царапины!

Сара ехала, закрыв рукою глаза.

— С вами все в порядке? — спросил я ее.

— Вы ненормальный дурак!

— Но я же предупредил вас! Нужно было всего лишь зажмуриться!

— Предупредил он... Крикнул и сразу стрелять... Мы даже не успели ничего понять!

Она наконец опустила руку, и глазки ее вполне исправно метнули в меня заряд злости. Ничего с ней не случилось, просто она не могла упустить такую прекрасную возможность поскулить.

Букашка между тем, бросив опрыскивать корабль, уже неслась прочь. У нее наверняка были колеса или что-то вроде — уж очень резво она улепетывала, вытянув вперед свою непомерно длинную шею.

— Умоляю, сэр! — заныл Доббин.— Не теряйте понапрасну времени! Здесь вы ничего не поправите!

— Еще одно слово — и я выстрелю уже не поверх твоих ушек,— был мой ответ.

Мы почти добрались до корабля, и, не дожидаясь, когда Доббин закончит свое плавное торможение, я спрыгнул с него и побежал вперед — без единой, впрочем, мысли относительно дальнейших своих действий.

Корабль, каждый дюйм его, был покрыт каким-то странным веществом и напоминал стеклянную безделушку вроде тех, что пылятся на каминных полках.

Я потянулся рукой к корпусу. Поверхность была гладкой и твердой. Покрытие не выглядело металлическим и, скорее всего, не было таковым. Когда я осторожно стукнул по нему

прикладом, по всему полю прокатился колокольный звон, самый настоящий. Городские стены швырнули в нас эхо.

— Что это, капитан? — дрожащим голосом спросила Сара. Ей не терпелось узнать, какая такая напасть приключилась с ее собственностью.

— Глазурь,— ответил я.— Причем крепенькая на удивление... Запечатан наш кораблик — вот что!

— То есть теперь мы не сможем попасть внутрь?

— Трудно сказать... Будь у нас кувалда, мы бы, конечно, справились с этой скорлупкой, но...

Тут Сара решительно схватилась за ружье и...

Своей нелепой аркебузой, как обнаружилось, воительница пользоваться умела. Грамотно стреляла, что да — то да.

Звук получился таким откровенно громким, что все лошадки одновременно поднялись на дыбы. Но едва ли не громче самого выстрела было пронзительное жужжание срикошетировавшей пули, тут же сменившееся раскатистым гулом белого, как молоко, корабля.

Шумом, однако, и ограничилось. Корпус как был безупречно гладким, таким и остался. Ни малейшей вмятины. Словно и не было чудовищного удара в пару тысяч футо-фунтов.

Я медленно поднял свое лазерное ружье.

— Бесполезно,— равнодушно сказал Доббин.— Глупые люди. Оставаться здесь нет никакого смысла. Вы ничего не можете сделать.

— Тебя же предупредили, кажется! — закричал я, круто повернувшись.— Одно слово — и дырка в башке!

— Насилием вы ничего не добьетесь,— кротко ответил наглец.— А вот дождавшись захода солнца, обеспечите себе немедленную смерть.

— Но наш корабль!!!

— Он запечатан. Как и все остальные. И то, что вы при этом находитесь снаружи, можно считать удачей.

Я не мог согласиться с ним во всем, поскольку кое в чем эта кляча была-таки права. Тут действительно ничего нельзя было сделать. Как не пробился лазерный луч сквозь грунт, так не пробьется он и сквозь этот футляр. Потому что все вокруг — и поле, и город, и корабли, включая свежеоблитый

наш,— все покрыто одним и тем же невинно белеющим веществом неимоверной структурной прочности.

— Я глубоко сочувствую вам,— равнодушно сообщил Доббин.— И предполагал, что вы будете шокированы... Оказавшийся на этой планете остается здесь навсегда. Улететь еще никому не удавалось. Но это не значит, что нужно искать смерти! Убедительно прошу вас проявить благоразумие и отправиться в безопасное место!

Я вопросительно посмотрел на Сару, и она кивнула. Она кивнула, потому что торчать здесь действительно не имело смысла. Корабль запечатан с неведомой нам целью. Поразмышлять над этим можно будет и утром, вновь вернувшись сюда. Пока же лучше прислушаться к увещеваниям Доббина. Этой опасности, о которой он талдычит, возможно, и не существует — однако осторожность не помешает.

Рассудив так, я вскочил в седло. Доббин, не дав мне даже как следует усесться, круто развернулся и, условно говоря, поскакал.

— Потеряно слишком много драгоценного времени,— объяснил он чуть позже.— Теперь придется наверстывать упущенное. Мы должны успеть добраться до города.

Значительная часть посадочного поля уже погрузилась во мрак, но небо оставалось светлым. Сквозь стены сочилась копоть сумерек.

Итак, если верить Доббину, покинуть планету не удавалось еще никому. Так, во всяком случае, он изволил выразиться... Но не исключено, что нас просто хотят удержать здесь и корабль запечатан именно с этой целью! А значит, нужно найти способ убраться отсюда, как только возникнет такая потребность. Должна же быть какая-то лазейка! Каждая на первый взгляд безвыходная ситуация обязательно имеет выход!..

Город — по мере того как мы приближались к нему — увеличивался. От однородной массы, только что напоминавшей скалу, стали отделяться здания. Они казались неправдоподобно высокими и раньше, с середины поля,— но теперь взметнулись в запределье, уже не охватываемое взором.

Он выглядел по-прежнему мертвым, этот город. Ни в одном из окон не горел свет — если эти здания вообще имели окна. Внизу не наблюдалось никакого движения. И еще: отсутствовала перспектива, удаленное. Все громоздилось непосредственно у самого поля...

А лошадки жарили во весь опор. Казалось, они бежали от страшной бури, вот-вот могущей разразиться.

К своеобразию их хода нужно было, конечно, приспособиться. Причудливая синусоида требовала совершенно раскованной посадки — и только в обмен на таковую доставляла удовольствие.

Городские стены, образуемые огромными каменными плитами, грозно нависли над нами. Я уже мог разглядеть улицы — что-то, во всяком случае, весьма на них похожее. Они были как узкие черные щели, как трещины громадного утеса.

Скакуны наши метнулись к одной из таких трещин, в полумрак. Солнце пробилось бы сюда, лишь зависнув прямо над головой,— а сейчас можно было с трудом разглядеть только стены, поднимающиеся слева, справа и, как казалось, впереди, там, где улочка сужалась в точку.

Одно из зданий, встретившихся нам, стояло чуть глубже, и потому дорога здесь была пошире. От множества широких дверей тянулся общий скат, взлетев по которому лошадки, а вместе с ними и мы исчезли в зияющем проеме.

Комната была скупо освещена. Свет — что сразу бросалось в глаза — шел от прямоугольных каменных плит, вставленных в стену. Лошадки дотанцевали до одной из плит и остановились. У самой стены я увидел карлика, а может быть, гнома — во всяком случае, существо хоть и слегка, но человекоподобное. Низкорослое и горбатое, оно крутило некий диск, расположенный рядом со «светильником».

— Смотрите, капитан! — крикнула Сара.

Она испустила этот вопль совершенно зря, потому что я смотрел и без указчиков.

То, что появилось на светящемся камне, поначалу показалось сказочным подводным царством, как оно должно видеться сквозь толщу вод, зыбящихся у поверхности.

Дикий, словно кровоточащий ландшафт, с ярко-красной землей и фиолетовым небом, вспышками молний и цветами, внезапно сменился самыми настоящими джунглями, с буйством всевозможной растительности и, казалось даже, с притаившимся в засаде зверьем. Едва по моей коже пробежали

мурашки — джунгли исчезли тоже. Вместо них теперь демонстрировалась освещенная луной и звездами желтая пустыня. Барханы с изогнутыми гребнями были похожи на застывшие волны.

Пустыня не исчезла, как все ей предшествовавшее. Более чем не исчезла. Она свалилась, обрушилась на нас. Взорвалась прямо перед моими глазами.

Какое-то время я отчаянно пытался удержаться в седле вздыбившегося Доббина, но потом меня швырнуло вперед и закрутило в воздухе.

Я упал на плечо, после чего долго кувыркался по песчаному склону, пока наконец не остановился. Осторожно приподнявшись, я попробовал выругаться, но сил не было даже на это.

Сара лежала рядом со мною. Чуть поодаль пытался встать, путаясь в своей сутане, Тук. Рядом с ним ползал на четвереньках Джордж — ползал и жалобно скулил, как щенок, выставленный среди ночи за дверь.

Вокруг нас была пустыня — мертвая, без клочка растительности, залитая светом огромной белой луны и множества звезд, сиявших как новенькие лампочки в этом совершенно безоблачном небе.

— Он пропал! — скулил Джордж, ползая по кругу.— Я больше не слышу его! Я потерял своего друга!

То была не единственная потеря. Заодно исчезли город и планета, на которой он находился. Мы попали в совершенно другое место...

Да, не следовало мне пускаться в это путешествие, не следовало. И ведь с самого начала не верил! А разве можно добиться успеха без веры, не видя ни малейшего смысла в том, чем ты занят?.. Впрочем, нюанс: у меня не было выбора. Я потерял способность выбирать в тот самый момент, когда на космодроме Земли был ошеломлен красотой этого корабля.

Глава 2

На Землю я вернулся втихаря. Хотя, надо сказать, это не вполне подходящее слово — «вернулся». Потому что мне никогда не приходилось бывать там. Но на Земле находились мои денежки, и самое главное — эта планета была заповедником. А что

еще нужно дичи, которую всякий — попадись она ему в космосе — не только может, но и обязан подстрелить? Если бы хоть совершенное мной было действительно таким ужасным и на мне лежал бы тяжкий груз вины! Нет же! Многим людям тем не менее лишь поимка злодея могла вернуть покой и сон. Вот они и принялись ловить меня. И поймали бы, не укройся я на Земле.

Корабль, на котором я летел, был, образно говоря, со свалки, а точнее — оттуда же. Кое-как залатанный, схваченный едва ли не шпагатом и проволокой, он, по моим расчетам, должен быть развалиться уже по прибытии на Землю и, стало быть, отвечал самым высоким требованиям.

Я знал, что могу напороться на Земной Патруль, который уж постарается уберечь планету от вторжения столь нежелательной персоны. Нежелательной, впрочем, только для Патруля — Земле от нас одна радость...

Итак, корабль вошел в Солнечную систему, и огненный шар был теперь между ним и Землей. Моя верная логарифмическая линейка еще никогда меня не обманывала, и в правильности вычислений сомневаться не приходилось.

Выжав из своей развалины среднюю космическую скорость, в чем очень помогла гравитация, я несся мимо Солнца, как летучая мышь над геенной огненной. В какой-то момент, довольно неприятный, мне показалось, что полет становится опасно бреющим,— но радиационные экраны, к счастью, выдержали. Перед кораблем, потерявшим изрядную часть своей скорости, уже маячила Земля.

Выключив двигатели и все, что выключается, я проплыл мимо Венеры — в каких-то пяти миллионах миль — и устремился к цели.

Патруль не засек меня, и это было большой удачей. Впрочем, я ведь шел без малейших энергетических всплесков и с отключенной электроникой. Если они и могли что-то обнаружить, так лишь бесшумно падающую металлическую конструкцию. Чему находившееся у меня в хвосте Солнце препятствовало всей мощью своей радиации. Я имел богатый опыт таких безумных решений. Не однажды они помогали мне выбраться из, казалось бы, безнадежных космических переплетов. Вот и теперь...

На Земле имелся один-единственный космодром, всего лишь. Боль̀ше — из-за почти отсутствующего движения — тут и не требовалось. Земляне уже давно разлетелись по космосу, и на планете осталась горстка безнадежно сентиментальных чудаков, вменивших себе в обязанность жить там, откуда пошел род человеческий. Благодаря им, а также гостям вроде меня на Земле еще теплилась какая-то жизнь.

По слухам, упомянутые мною «сентименталисты» были компанией заносчивых типов, корчивших из себя аристократов. Но все это меня не касалось. Я не собирался общаться с ними.

Экскурсионные корабли время от времени доставляли сюда паломников, жаждущих припасть к колыбели цивилизации,— а корабли грузовые привозили, как им и положено, всяческие грузы. И это было все...

Приземлившись, я быстро выбрался из корабля и, не дожидаясь появления хищников, с двумя сумками на плечах зашагал прочь.

Мой чудом не развалившийся корабль имел самый несчастный вид, какой только можно представить, а через две площадки от него расположилось чудо...

Оно поблескивало, сияло и ослепляло совершенством! Изящная космическая яхта, казалось, нетерпеливо рвется со своей привязи в небо! Снаружи, конечно, я не мог разглядеть ее начинку, но по внешнему виду нетрудно было догадаться: тут уж не скряжничали, нет.

Я пялился на корабль, и мои руки чесались. Еще б им не чесаться, когда ясно было, что космоса мне больше не видать! Оставалось тихо дожить то, что оставалось,— здесь, на Земле, не высовываясь, иначе сожрут...

Покинув поле, я прошел досмотр — вернее, то место, где он когда-то проводился. Нет, официально таможня еще существовала, но она уже давно не проявляла интереса к кому бы то ни было. И — что было для меня особенно дорого — ни к кому не питала недобрых чувств.

Потом я направился в ближайшую гостиницу и, устроившись, вскоре спустился в бар.

Когда я допивал третий или четвертый стакан, в зале появился робот-слуга. Подойдя ко мне, он спросил:

— Вы капитан Росс?

Я чуть не поперхнулся с перепугу. Что за черт?! Ведь ни одна душа не могла знать о моем прибытии! У меня и знакомых-то здесь не было! Я имел дело лишь с таможенниками и гостиничным клерком!

— Вам письмо,— продолжил гонец и вытянул вперед руку.

Вскрыв ненадписанный конверт, я вынул из него листок и прочитал следующее:

Капитану Майклу Россу,
отель Хилтон

Буду очень рада видеть Вас в числе своих гостей на сегодняшнем ужине. Моя машина подъедет к отелю в 8 часов. Добро пожаловать на Землю, капитан!

Сара Фостер

Когда ко мне подплыл робот-бармен, я все еще разглядывал записку.

— Еще один? — спросил он, подхватывая пустой стакан.

— Пожалуй...

Итак, кто же такая Сара Фостер и каким образом это создание уже через час пронюхало о моем появлении?.. Можно было бы кого-нибудь расспросить — но кого? И стоит ли привлекать к себе чье-то внимание? А что, если это ловушка? Нельзя забывать о том, что на свете есть люди, которые охотно умыкнули бы меня отсюда! Они наверняка знают о том, что я раздобыл корабль. Но неужели кто-то из них мог предположить — разгадав, предположим, мои планы,— что я уже достиг Земли!..

Я все сидел и пил, пытаясь привести в порядок свои мысли,— и наконец решил рискнуть.

Расположенный на холме огромный дом Сары Фостер был окружен запущенным садом с газонами и тропинками. Вдоль кирпичной стены тянулась широкая галерея, а крыша была утыкана множеством труб.

Я предполагал, что меня встретит робот, но в дверях появилась Сара Фостер собственной персоной. Она была в зеленом вечернем платье, волочившемся по полу и выгодно оттенявшем пламя ее непокорных волос. Капризный локон то и дело падал ей на глаза.

— О! Капитан Росс! — воскликнула она, подавая руку.— Как это мило, что вы пришли! Вероятно, мое послание было не совсем сдержанным — но мне так не терпелось увидеть вас!

Мы стояли в прохладном холле. Сверкающий паркет отражал деревянные панели стен и массивную хрустальную люстру. Все дышало богатством и особой, традиционной для Земли претензией на элегантность — претензией милой, не раздражающей.

— Мои гости в библиотеке,— сказала Сара Фостер.— Присоединимся к ним, если не возражаете...

Она взяла меня под руку и увлекла к самой дальней из дверей.

Помещение, в которое мы вошли, разительно отличалось от холла. О библиотеке здесь напоминали лишь несколько книжных полок. Скорее, это была комната охотничьих трофеев. Головы, висевшие на стенах, целый арсенал ружей под стеклом — во всю стену, звериные шкуры на полу — некоторые при головах, с застывшим оскалом...

Двое мужчин сидели в креслах у огромного камина, и в момент нашего появления один из них встал.

Он был высокого роста и выглядел изможденным. Лицо его было смуглым и, как мне показалось, не от длительного пребывания на солнце, а от мрачных мыслей. Этот человек был одет в темно-коричневую сутану, свободно подпоясанную четками, на ногах крепкие сандалии.

— Позвольте вам представить монаха Тука, капитан,— сказала Сара.

— Вообще-то мое настоящее имя Хьюберт. Хьюберт Джексон,— уточнил этот тип, протянув мне костлявую руку.— Но я предпочитаю, чтобы меня называли именно так... В скитаниях мне часто приходилось слышать о вас, капитан!

— И много вам пришлось скитаться? — холодно спросил я, не чувствуя ни малейшего интереса к этому человеку, пополнившему ряды моих неприятных знакомцев.

Он смиренно склонил свой обтянутый кожей череп:

— Достаточно... И всегда в поисках истины...

— Истины? Иногда до нее не так-то просто добраться...

— А это Джордж Смит, капитан! — бодро вмешалась Сара.

Из глубокого кресла неуклюже поднялся второй мужчина, и его рука вяло потянулась в мою сторону. Это был толстый

коротышка весьма, надо сказать, неряшливого вида, с молочно-белыми глазами.

— Как видите,— сказал Смит,— я совершенно слеп и только потому не встал, как только вы вошли. Прошу прощения.

Несколько смущенный такой ненужной декларацией, я пожал его безвольную, почти неживую руку, и он тут же тяжело рухнул в кресло.

— Присаживайтесь! — радушно воскликнула Сара.— Сейчас подадут напитки. Что вы предпочтете, капитан?

— Скотч, если можно,— сказал я и уселся в определенное мне кресло.

Хозяйка тоже села, и теперь мы все четверо пребывали в одинаковом положении, перед величественным камином, окруженные головами инопланетных существ.

Заметив, что я разглядываю эти диковинки, Сара встрепенулась.

— Простите! — всплеснула она руками.— Я совершенно забыла! Вы же ничего не знаете обо мне!

— Увы...

— Я баллистический охотник! — сообщила Сара с излишней, по-моему, для такого заявления гордостью.

Видя, очевидно, мое недоумение, она принялась терпеливо объяснять:

— Я пользуюсь только баллистическим ружьем. Таким, которое стреляет пулей, приводимой в движение взрывчатым веществом. Только этот вид охоты сопряжен с настоящим риском. Он требует значительного мастерства в обращении с оружием и зачастую — незаурядного самообладания. Если вы не попали в жизненно важную точку — объект охоты может растерзать вас.

— Понятно,— кивнул я.— Что-то вроде спортивной игры. И у вас первая подача.

— Не всегда...

Робот принес напитки, и какое-то время мы рассматривали содержимое наших бокалов.

— У меня такое чувство, капитан,— продолжила Сара,— что вы решительно против такого рода увлечений.

— Ваше чувство ошибочно. У меня нет никакого мнения на этот счет. Я не располагаю необходимым объемом информации...

— Но ведь вам приходилось убивать диких существ?

— Приходилось,— согласился я.— Когда иссякали запасы пищи или когда нужно было спасать свою жизнь. Азарт при этом отсутствовал начисто. Я не рисковал, а просто жег их лучом своего лазерного ружья — жег столько, сколько требовалось в каждом отдельном случае.

— Да, вы не спортсмен...

— Совершенно верно,— согласился я.— Ни с какой стороны. Я просто охочусь за планетами — вернее, охотился, потому что отныне с этим покончено...

Для чего меня сюда заманили — оставалось по-прежнему непонятным. Не захотелось же этой спортсменке просто поболтать со мной! Я не вписывался ни в эту комнату, ни в этот дом — как, кстати, и те двое, что сидели рядом со мной. Вот уж с кем не хотелось бы иметь никаких дел!

— Вам, капитан, очевидно, не терпится узнать, для чего же мы тут собрались? — спросила Сара.

— Да, мэм. Вы просто читаете мои мысли.

— Скажите, доводилось ли вам слышать что-либо о Лоуренсе Арлене Найте?

— О Страннике? Да, конечно. Массу историй о нем и тех далеких временах.

— Каких историй?

— Обычнейших космических баек. Людей, подобных Найту, хватало и будет хватать всегда. И неизвестно, почему рассказчики так набросились именно на него. Возможно, их привлекла звучность его имени. Что-то вроде Джонни Яблочного Семечка или Ланцелота.

— Значит, вы знаете...

— Что он за кем-то охотился? Конечно. Все они за кем-то да охотятся.

— А его исчезновение?

— Если вы задержитесь в космосе на достаточно продолжительное время и будете углубляться все в новые и новые неизведанные пространства — вам обеспечено такое же исчезновение. Рано или поздно вы напоретесь на то, что вас уничтожит,— объяснил я.

— Но вы-то...

— Я вовремя завязал и, кроме того, был всегда достаточно осторожен. Мои интересы ограничивались лишь новыми планетами. Таинственное Эльдорадо и экстатические поиски высшего Духа не занимали меня никогда.

— По-моему, вы издеваетесь над нами,— пробурчал Тук.— Не люблю насмешников.

— Да не издеваюсь вовсе! — с досадой воскликнул я, по-прежнему глядя на Сару Фостер.— Поймите — космос нашпигован выдумками, подобными той, что вас так взволновала! Слушать их — довольно приятное развлечение, но не более того! И еще... Не терплю, когда липовые монахи с грязными ногтями учат меня хорошему тону.— Поставив бокал на столик, я резко поднялся.— Спасибо за угощение, мэм. Возможно, когда-нибудь мы еще...

— Подождите! — испуганно перебила она.— И сядьте, прошу вас! Если угодно, я даже могу извиниться за Тука! Но выслушайте же мое предложение! Думаю, оно заинтересует вас.

— Я отошел от дел, мэм!

— Вероятно, вы видели корабль, стоящий на поле,— как ни в чем не бывало продолжала она.— Рядом с вашим.

— Да, видел. Даже любовался. Он ваш?

Сара кивнула:

— Капитан, мне нужен человек, способный управлять этим кораблем. Может быть, согласитесь?

— Но почему я? Неужели нет других кандидатур?

Она посмотрела на меня с сочувствием:

— Сколько, по-вашему, на Земле квалифицированных астронавтов?

— Думаю, что немного.

— Их нет вообще! Во всяком случае, таких, которым можно доверить мой корабль.

— Так,— решительно сказал я и бухнулся в кресло.— Только давайте начистоту. С чего вы взяли, что этот драгоценный кораблик можно доверить мне? Как вы узнали, что я прибыл на Землю? Что еще вам известно о моей персоне?

Она смотрела на меня, слегка прищурившись, будто целилась.

— Доверяю, потому что вы никуда не улизнете. Потому что в космосе вы — дичь, и корабль будет вашим единственным убежищем.

— Достаточно откровенно,— заметил я.— Ну, а как мы выберемся в космос? Патруль...

— Перестаньте, капитан! Догнать мой корабль совершенно невозможно! Если они даже попробуют это сделать, то вымотаются в два счета. И мы продолжим свой путь — неблизкий, между прочим,— уже без сопровождения... Можно даже сделать так, что о нашем полете не узнает ни одна живая душа.

— Все это крайне любопытно,— сказал я,— но нельзя ли наконец узнать, куда вы собрались?

— Мы не знаем,— ответствовала она.

Вот это уж была самая настоящая чушь собачья. Никто не отправляется в полет, не выяснив предварительно, куда же он отправляется. Если тут какая-то тайна — так и нужно говорить.

— Мистер Смит — вот кто знает об этом,— добавила Сара.

Повернувшись к Смиту, который расплылся в кресле всей своей нешуточной массой, я снова увидел его белые глаза и одутловатое лицо.

— В моей голове — голос,— изрек Смит.— Я контактирую.

Ну просто прелесть, подумал я. Контактируем мы. Голос у нас в голове.

— Осмелюсь предположить,— нежно сказал я Саре,— что мистера Смита привел к вам присутствующий здесь глубоко религиозный джентльмен.

Ее лицо побелело от внезапной ярости, а голубые глаза превратились в сверкающие льдом щелки.

— Вы правы,— отчеканила она.— Но это еще не все... Вам, конечно, известно, что Найта сопровождал робот?

— Да,— кивнул я.— И звали его Роско.

— А знаете ли вы, что Роско был телепатическим роботом?

— Таких не существует.

— Существует. Существовали, во всяком случае. Я тут не сидела сложа руки и потому располагаю спецификациями данного типа роботов. Спецификации эти были у меня задолго до того, как появился мистер Смит. Я заполучила также письма Найта некоторым из его друзей. У меня есть уникальные документы, касающиеся предмета его поисков. Все, повторяю, было собрано до появления этих двух джентльменов! Источники, которыми я пользовалась, были недоступны для них — вне всяких сомнений!

— Они могли просто от кого-то услышать.

— Никто не знал об этом! — горячо воскликнула Сара.— То, что начиналось для меня как увлечение, со временем превратилось в едва ли не навязчивую идею. Все собиралось по кусочкам, по крупицам. Это казалось мне какой-то завораживающей легендой!

— Вот-вот,— сказал я.— Правильно казалось. Мы имеем дело с легендой, созданной безобидными, равно как и безнадежными фантазерами. К вывернутым наизнанку фактам добавляется вымысел, все как следует перемешивается — и в этой каше уже никто никогда ничего не поймет.

— А письма? А спецификации?

— Возможно, вы ошибаетесь в их толковании... Если они подлинные, кстати.

— Их подлинность не подлежит сомнению — я убедилась в этом.

— И о чем же говорится в его письмах?

— О том, что он занят некими поисками.

— Ну, это мы знаем. Все они ищут. Одни — поверив, что доберутся до искомого, другие — поверив, что верят. Так было раньше, так будет и позже. Подобные люди просто-напросто ищут повод для своих бесконечных странствий. Им хочется видеть смысл в своем бессмысленном существовании. Они просто влюблены в космос, во все неизведанные миры, которые манят их непреодолимо. А так как не существует уважительных причин для такого рода блужданий — причины приходится выдумывать.

— Значит, вы не верите, капитан?

— Значит.

Я ответил так, потому что был в своем уме и бредовые идеи не увлекали меня, как эту особу, связавшуюся с жуликами. Хотя — при мысли о корабле, томящемся на площадке,— некоторое искушение возникло. Но я старался думать о другом — о том, например, что Земля — совсем неплохое убежище...

— Я вам не нравлюсь,— сказал мне Тук, монах.— И вы мне тоже не нравитесь. Но позвольте сказать следующее. Вовсе не корыстные побуждения заставили меня привести моего друга к мисс Фостер. Я выше таких вещей. Истина — вот к чему устремлены все мои помыслы.

Я промолчал. А что тут скажешь? Видали таких...

— Я не могу видеть,— заговорил вдруг Смит, как будто с кем-то отсутствующим.— И не видел никогда. Я не знаю форм, кроме тех, которых коснулись мои руки. Я могу вообразить предметы, но эти образы будут неверными, так как мне непонятно, что такое цвет, хотя известно о его существовании. Слово «красный» что-то означает для вас, но абсолютно бессмысленно для меня. Невозможно описать цвет так, чтобы тебя понял слепой. Структуру — тоже... Питьевая вода — как она выглядит? А как это — виски со льдом? Лед твердый и гладкий. Он вызывает чувство холода. Он — вода, превратившаяся в кристаллы, и он белый. Но что такое кристалл и что такое белый?.. У меня нет ничего от мира, кроме пространства, которое он мне дает, и мыслей, которыми делятся со мной другие люди. Но как узнать, безупречна ли интерпретация этих мыслей? Верны ли построения?.. Этот мир почти недосягаем для меня, но он не единственный...— Смит поднял руку и легонько постучал пальцем по лбу.— Вот где размещается другой. Не воображаемый, а именно другой. Мир, данный мне неким существом. Я не знаю, где находится это существо,— могу лишь утверждать, что очень далеко от нас. И еще мне известно, в какую сторону направлено это «далеко»...

— Если так,— прошептал я, взглянув на Сару,— то он может быть компасом. Мы полетим в направлении, которое он укажет, и будем лететь до тех пор, пока...

— Да,— сказала она.— Именно так был использован Роско.

— Робот Найта?

— Робот Найта. О чем упоминается в письмах... Найт тоже обладал этим даром — но, так сказать, в легкой форме. Он чувствовал, однако, что там кто-то есть, и поэтому создал робота.

— Телепатического робота? Именно для этой цели?

Сара кивнула.

Я ошеломленно молчал. Потому что порция была не по зубам. Потому что речь шла о вещах, совершенно невероятных.

— Там — истина! — возвестил Тук.— Та, о которой мы даже не подозреваем! Я готов жизнь положить ради того, чтобы узреть ее свет!

— Положите, положите...— пообещал я.— Как только доберетесь до истины.

— Если она там,— деловито рассуждала Сара,— то ведь кто-то должен ее найти? Почему не мы?..

Я оглядел комнату. На нас по-прежнему смотрели головы причудливых и свирепых инопланетных существ. Некоторые из них были мне знакомы, о других я слышал, но тут имелись и такие, о которых не упоминалось даже в пьяной болтовне одиноких, измотанных космосом людей, время от времени слетающихся в занюханный бар никому не известно как именуемой планеты... Итак, стены увешаны. Для новых голов места не осталось. Все связанное с охотой в один прекрасный день может утратить свой аромат. И не только для Сары Фостер, грозы окрестных планет, но и для тех людей, которые в восторге от этого ее знака отличия! Пора, значит, подыскивать что-то новенькое, не менее забавное?..

— Никто и никогда, капитан, не узнает, что вы покинули Землю,— убеждала меня между тем Сара.— Здесь останется ваш двойник, который исчезнет, как только вы вернетесь — когда бы это ни произошло.

— Двойник? Вы в состоянии оплатить его преданность?

Она улыбнулась:

— Я в состоянии оплатить все, что угодно... И кроме того, когда мы будем уже далеко отсюда,— его разоблачение, даже если оно произойдет, не очень-то нас встревожит.

— Да, если не считать, что мне хотелось бы вернуться назад.

— Вы вернетесь. Я все улажу.

— А если с этим человеком произойдет несчастный случай и он погибнет?

— А вот это ни к чему. Его идентифицируют, и проделка не сойдет нам с рук.

Сару явно огорчила подобная перспектива — так явно, что мне стало не по себе и от ее реакции, и от намечаемой сделки. Я с неприязнью смотрел на этих людей и с отвращением думал об их затее. Но желание добраться до корабля и рвануть на нем в космос не пропало, а наоборот — стало непреодолимым. Земля уже стремительно утрачивала свою прелесть. На ней теперь можно было лишь гостить, но никак не жить. Я задыхался здесь и почти умирал. Насквозь пропитанный космосом, я не мог находиться вне его. Усыпанное звездами одиночество, тишина, возможность отправиться куда угодно в

любой момент — все это было там. И что-то еще, невыразимое...

— Подумайте о вознаграждении,— наседала Сара Фостер,— а затем удвойте свою сумму. Заранее согласна.

— Но почему?! — изумился я.— Неужели деньги ничего для вас не значат?

— Значат. Но у меня выработалась привычка платить за то, что я хотела бы получить. В данном случае мне нужны вы, капитан Росс. Как человек, никогда не следовавший безопасными маршрутами — с разметкой и указателями, и потому всегда опережавший других. Вы как никто подходите нам, капитан.

В дверях показался робот:

— Можно ли подавать обед, мисс Фостер?

Она смотрела на меня с вызовом.

— Надо подумать...— сказал я.

Глава 3

Подумать мне действительно следовало. Только чуть подольше. Чтобы не лететь куда попало. И не стоять теперь посреди этой пустыни, залитой лунным светом...

Смит по-прежнему ползал на четвереньках и хныкал. Его белые глаза светились, как у кота. К нему торопливо, путаясь в сутане, ковылял Тук.

Что же притягивает этих двоих друг к другу? Гомосексуализм отпадает: в походной тесноте он давно обнаружил бы себя. Вероятно, какая-то иная связь... Смит, конечно, признателен за то, что его опекают. Тук, возможно, рассматривает приятеля, а вернее, голос в его голове, как своего рода ценную бумагу... И все же они связаны чем-то более прочным. Может быть, двух беспомощных недотеп сблизили их слабости, вызвавшие взаимное сострадание и понимание?..

Было светло, как днем. Кроме луны на небосводе светилось бесчисленное множество звезд, крупных и необычайно ярких. Казалось, их можно сорвать, как яблоки с дерева, лишь протянув руку...

Сара уже поднялась и стояла теперь с ружьем наизготовку.

— Я удержала его дулом вверх! — гордо сообщила она.

— Я горжусь вами,— сказал я.

— Ружье в таких случаях нужно держать дулом вверх, чтобы не засорилось. Это первое правило. Если б я не последовала ему — ствол был бы полон песка.

Джордж все еще стонал, но его междометия уже переросли в слова.

— Что происходит, Тук?..— надрывисто выкрикивал он.— Где мы?.. Что случилось с моим другом?.. Он исчез!.. Я не слышу его голоса!..

— Ради всего святого! — заорал я на Тука.— Поднимите его, отряхните, утрите ему нос и объясните, что тут происходит!

— Я не смогу объяснить,— пробурчал Тук.— Пока кто-нибудь не объяснит этого мне.

— Тогда слушайте...— сказал я.— Нас обвели вокруг пальца, мой друг! Как котят!

— Они вернутся! — истошно закричал Джордж.— Они вернутся за нами! Они не оставят нас здесь!

— Конечно! — Тук поднял его на ноги и отряхнул.— Они непременно вернутся! Как только взойдет солнце.

— А оно уже всходит, да?

— Нет. Сейчас на небе только луна и звезды...

Так здорово влипнуть! — подумал я. Угодить неизвестно во что, причем в компании двух чокнутых и рыжей Дианы, только и знающей, что держать дуло кверху!..

Я огляделся. Вокруг нас к небу тянулись величественные барханы. А в небе, кроме луны со звездами, не было ничего. Ни даже крохотного облачка. Как не было ни деревьев, ни кустов, ни живой былинки — внизу. Песок, песок, песок... Легкая прохлада должна была исчезнуть с первыми лучами солнца. Нас, скорее всего, ожидал долгий и жаркий день. У нас ни капли воды...

Борозды от наших тел шли по склону вниз. Нас, получалось, сбросили прямо над соседним барханом. Я быстро взобрался на него и прикладом начертил на песке глубокую линию, а также несколько идущих от нее стрелок.

Сара, внимательно следившая за моими действиями, спросила:

— Вы полагаете, что можно будет вернуться назад?

— Держать пари не рискнул бы,— сухо ответил я.

— Там был проем, вроде дверного. Он исчез, как только мы сквозь него пролетели.

— Пролетели мы уже тогда, когда сели на эту планету! С той самой минуты с нами выкидывают фокусы! И не спрашивают — хотим мы этого или не очень!

— Так или иначе,— сказала она,— но теперь нужно как-то выбраться отсюда...

— Если вы присмотрите за этими клоунами, чтоб они ничего не натворили,— я немного пройдусь...

Она хмуро посмотрела на меня:

— Вы что-то задумали, капитан? У вас уже есть конкретный план?

— Нет... Просто не мешает ознакомиться с местностью. Было бы также неплохо обнаружить воду. Днем без нее придется туго.

— А если заблудитесь?

— Я вернусь по своим же следам. Если только не поднимется ветер и их не занесет... В таком случае я выстрелю вверх, чтобы вы видели луч,— и приду на звук вашего ответного выстрела.

— Вы не думаете, капитан, что эти лошадки вернутся за нами?

— А вы — думаете?

— Кажется, нет...— тихо сказала она.— И все же мне непонятно... Мне непонятно, для чего это сделано! Наши вещи не могут представлять для них особой ценности!

— Они просто избавились от нас.

— Но ведь был наводящий луч! Если бы не луч, то...

— Не исключено, что все дело в корабле. Что их интересовал только он. Ведь там, на поле, до черта кораблей, заманенных, скорей всего, тем же манером!

— А люди? Они тоже здесь? Или на других планетах?

— Не знаю... Пока что нам следует поискать местечко поприятней, чем эта песочница. И если таковое существует — немедленно туда перебраться. У нас нет ни пищи, ни воды.

Поправив на плече ружейный ремень, я двинулся по бархану вверх.

— Что я могла бы сделать? — крикнула Сара вслед.

— Следите, чтобы эти двое не затоптали мою черту. И чтоб ее не засыпало.

— Вы придаете ей такое значение?

— Ориентир какой-никакой...

— Сомнительный ориентир,— сказала она.— Нас, по-моему, зашвырнули сюда через некую пространственно-временную дыру, весьма условную. И вряд ли существенно — где мы шлепнулись...

— Да, но это единственное, за что мы можем ухватиться.

Увязая ногами в песке, то и дело съезжая по склону, я наконец добрался до гребня и, отдышавшись, посмотрел вниз. Все трое стояли, задрав головы... И тут, к собственному великому удивлению, я почувствовал нежность к этой троице! К беспомощному, тихо помешанному Смиту, к липовому монаху Туку, к Саре, черт бы ее побрал вместе с ниспадающими локонами и допотопной пищалью! При всех своих нелепостях, они были сейчас просто человеческими существами, которые надеялись, что я смогу вытащить их отсюда. Они видели во мне человека бывалого, избороздившего космос вдоль и поперек, способного выпутаться из любых передряг. Они полагали, что с таким мудрым капитаном не пропадешь ни в жизнь... Бедные доверчивые дурачки! Я сам ни черта не понимал в происходившем! У меня не было никакого плана действий! Я был озадачен и пришиблен ничуть не меньше, чем они! Только не обнаруживал этого, продолжая вести себя так, словно имел в запасе какой-то безотказный трюк...

Я помахал им рукой, не слишком удачно изобразив свое бодрое состояние, и влез на гребень.

Вокруг простиралась пустыня. Во все четыре стороны, до самого горизонта, тянулись огромные волны песка — причем каждая последующая строго копировала предыдущую. Деревьев — а значит, и воды — не было и в помине. Не было ничего. Только песок, песок, песок...

Я съехал по склону и поднялся на соседний бархан. Пустыня за это время отнюдь не преобразилась. Я мог продолжать свою прогулку вечно — с тем же результатом. Пустыня могла занимать всю поверхность этой планеты.

Лошадки знали, что делали, сбрасывая в ту дыру своих седоков. Лучшего способа избавиться от нас не придумаешь. Они или те, кого они представляют, не упустили своей добычи. Завлекли лучиком, вытащили из корабля, тут же залив

его какой-то гадостью, и, не дав опомниться, определили сюда. Спустили. По традиции, очевидно...

Я поднялся на следующий холм, слабо надеясь обнаружить в одной из небольших долин что-то стоящее. Воду, лучше всего. В ней мы нуждались теперь как ни в чем. Или тропинку, которая вела бы в иные пределы, получше этих. Или местных жителей, готовых помочь. Представлялось маловероятным, правда, чтобы кто-то захотел тут поселиться...

В общем-то, я разуверился. Ландшафт был безнадежно однообразным и неожиданностей не обещал. И вдруг мне в глаза бросилось это!

Конструкция, похожая на птичью клетку, стояла на самом верху ближайшего бархана, полузарытая в песок, и поблескивала металлическими прутьями! Кроме птичьей клетки она напоминала еще и капкан, поставленный на гигантского доисторического зверя,— причем уже умертвивший свою жертву.

Я снял с плеча ружье, крепко сжал его обеими руками и съехал вниз. Клетка исчезла из поля зрения.

Вскарабкавшись снова, теперь уже чуть левее, вкрутив носки ботинок в песок и осторожно высунувшись из-за гребня, я мог теперь наблюдать.

От клетки вниз шла глубокая песчаная борозда, не успевшая как следует затянуться. Клетка, следовательно, была всажена сюда недавно, только что. Почему я решил, что она именно всажена, а не поставлена кем-то на этот гребень? Потому что так говорил мне мой рассудок. Потому что походило на то.

Клетка, возможно, являлась особого вида кораблем — весьма странным, в виде каркаса без оболочки. И если это был в самом деле корабль, то его живая начинка либо погибла — либо отправилась прогуляться...

Я внимательно оглядел весь склон и в правой его части, довольно далеко от клетки, заметил тянувшийся от самого гребня след, похожий на санный. Он исчезал в непроглядной темени долины и явно заслуживал внимания.

Я сполз чуть пониже и переместился вправо, быстро и почти бесшумно, каким-то паучьим ходом. Моя ловкость утраивалась от мысли, что на противоположной стороне, быть может, притаился и навострил уши — некто.

Осторожно выглянув, я увидел след вновь. Он был теперь гораздо ближе, хотя и по-прежнему справа от меня.

Из черной пустоты взлетел странный скрипящий звук — словно кто-то царапнулся. Вскоре звук повторился — сопровожденный все тем же динамическим намеком, и я, изготовившись на всякий случай к стрельбе, замер.

Возобновившийся шорох на этот раз сопровождался звуками, напоминавшими жалобные стоны. Что-то там шевелилось, в этой черноте, что-то, вне сомнений, барахталось! И ждать, пока все объяснится само собой, не стоило.

— Эй! — крикнул я.

Ответа не последовало.

— Эй, внизу!

Похоже было, что существо, с которым я пытался установить контакт, совершенно не владеет жаргоном нашего галактического сектора. Оно откуда-то издалека. И поболтать нам не придется...

И вдруг я услышал совиное уханье, в котором не так-то просто было различить многократно повторенный вопрос.

«Друг? Друг? Друг?..» — без конца ухало внизу.

— Друг! — ответил я.

— Нуждаюсь в друге,— сообщил голос.— Приблизьтесь, пожалуйста. Это безопасно. Я безоружен.

— В отличие от меня,— довольно мрачно ответил я.

— Оружие не понадобится,— донеслось из темноты.— Я в ловушке и беспомощен.

— Что там у вас наверху? Корабль?

— Корабль?

— Ну-у... средство передвижения?

— Совершенно верно, дорогой друг. Средство. Развалившееся. Недействующее.

— Ладно, я спускаюсь. Но учтите: мое ружье направлено на вас. Малейшее движение, и...

— Спускайтесь, спускайтесь,— подбодрил голос, интонационно приблизившись к сигналу сирены.— Буду в распростертом и неподвижном состоянии...

Я перешагнул через гребень и бросился по крутому склону вниз, стараясь быть не слишком удобной мишенью и потому сжимаясь всем телом.

Закончив и настороженно оглядевшись, я заметил черный застывший холмик.

— Ага,— сказал я.— Ну-ка, ко мне!

Холмик приподнялся, побарахтался и улегся снова.

— Лучше вы,— сказал он.— У меня не получается.

— Ну хорошо, лежи...

Подбежав к холмику совсем близко, я принялся его рассматривать.

Массивную голову этого красавца венчало множество щупалец, безвольно раскиданных на песке. Тело, длиною фута четыре, сужалось от головы и заканчивалось тупым обрубком. Руки-ноги отсутствовали. Вероятно, он вполне обходился щупальцами. Одежды, снаряжения, оружия — не было.

— В чем дело? — поинтересовался я.— Может быть, нужна помощь?

Щупальца подпрыгнули и стали беспокойно извиваться — как змеи в корзине. Изо рта, окруженного этой прелестью, вырвался хриплый ответ:

— Мои ноги слишком коротки. Они тонут и не несут меня. Я могу только разгребать этот песок. И закапываться все глубже.

Пара щупалец с глазами на кончиках вытянулись и подвергли меня беглому осмотру.

— А если я помогу тебе выбраться?

— Бесполезно. Опять увязну.

Щупальца, теперь уже не спеша, скользили по мне своим взглядом, сверху вниз, словно измеряя.

— Вы крупный,— изрекло существо.— И наверное, достаточно сильный?

— Ты хочешь знать, смогу ли я нести тебя?

— Лишь до того места, где подо мной будет что-то твердое,— торопливо заверило оно.

— Не знаю таких мест...

— Не знаете? В таком случае, вы не с этой планеты.

— Точно. Ты, значит, тоже?

— Я?! Да ни один уважающий себя представитель моей расы не опустился бы до того, чтоб освободить здесь свой кишечник, сэр!

— А не отнести ли тебя к твоему кораблю? — спросил я, присев на корточки.

— Нет. Потому что там ничего нет.

— Так уж и ничего. А пища? А вода? — Последняя, надо сказать, интересовала меня все больше и больше.

— Я не нуждаюсь в них, так как нахожусь в своем втором «я». Его потребности ограничены легкой защитой от космического вакуума и небольшим количеством тепла, необходимого для живой ткани...

Вот так, сказал я себе. Второе «я» у нас — и все тут. Удивляйтесь, но расспрашивать не торопитесь. Потому что реакция предопределена. Сначала удивление или даже ужас, вызванный вашей дремучестью, затем безуспешная попытка что-то вам объяснить, и наконец — полный текст диссертации, доказывающей превосходство изложенной концепции над всеми прочими... Может случиться и так, что вы коснулись жуткого табу. И ваши вопросы оскорбительны... Нет, как небрежно была упомянута живая ткань! Словно что-то третьестепенное!.. Да ладно. Ничего особенного. Со всякими странностями столкнешься в космосе. Обычно, правда, не сталкиваешься, а обходишь их или вообще игнорируешь...

Итак, я должен был вызволить это создание из неприятности. Но понятия не имел — как. Можно было доставить его туда, где меня дожидались те трое и где ему было бы ничуть не лучше... Развернуться и уйти, плюнув при этом, было нельзя. Лежавшее передо мной заслуживало и учтивости, и сострадания...

С того самого момента, когда я увидел клетку и понял, что она — разбившийся корабль, мысль о запасах провианта, оставшихся на борту, придавала мне силы. А теперь вот выяснилось, что никаких запасов нет. И существо, перед которым я сидел, не в силах было помочь нам. Оно само нуждалось в помощи, которую я не мог оказать. От всего этого трещала голова...

— Ничего хорошего предложить тебе не могу...— сказал я.— Мы тут вчетвером, и у нас нет ни пищи, ни воды.

— Как вы попали сюда?

Я начал объяснять ему, но вскоре понял, что напрасно теряю время, пытаясь найти нужные слова. И разве, в конце концов, это имело значение — как мы сюда попали? Но меня, кажется, поняли.

— Ах вот так,— сказало существо.

— Мы ничего не можем для тебя сделать — ясно?

— Но ведь вы можете отнести меня на свою стоянку?

— Да, могу.

— Или у вас другие планы?

— Нет-нет... Если ты хочешь...

Конечно, я не горел желанием тащить его через барханы. Но послать бедолагу к черту, холодно просчитав все «за» и «против», было бы еще тяжелее...

— Я очень хочу,— сказало существо.— Когда кто-то рядом — спокойнее. Одному — плохо... К тому же в числе — сила. А в ней может возникнуть надобность.

— Между прочим, меня зовут Майк,— представился я.— Моя планета называется Земля. Она между Килем и Лебедем...

— Майк,— повторило оно, вернее, тщетно попыталось.— Это приятно щекочет голосовые связки... Местоположение вашей Земли мне неизвестно. Слышу впервые это название. Вы будете в том же недоумении, если я обозначу координаты своей планеты. С именем дело обстоит еще сложней. Эта конструкция, включающая в себя идентификационные данные, вряд ли усвоится вами. Назовите меня как-то по-своему, коротко и просто.

Заводить разговор о наших именах было, конечно, самое время. А ведь я не намеревался делать этого! Мое «Майк» вырвалось совершенно ни с того ни с сего, почти инстинктивно! И ситуация удивительным образом изменилась. Мы больще не были абстрактными чужаками, столкнувшимися по воле случая. Мы были двумя индивидами.

— Как насчет имени Хух? — спросил я и тут же пожалел о своей поспешности.

Имечко было не шедевр. От таких отказываются.

Но мой собеседник придерживался другого мнения. Задумчиво покачав щупальцами и повторив это имя несколько раз, он сказал:

— Хорошо. Замечательно. Очень подходит... Привет, Майк!

— Здорово, Хух,— отозвался я и, обхватив его обеими руками, вскинул на плечо.

Он оказался тяжелее, чем я думал, а округлости его тела были уж совсем некстати. Уложив наконец этот бурдюк более-менее устойчиво, я стал взбираться по склону.

Тяжелая ноша вынуждала меня двигаться по бесконечной диагонали, ноги по щиколотку уходили в песок, и каждый

дюйм стоил немалых усилий. Честно говоря, я не предполагал, что это будет так скверно.

Добравшись наконец до гребня, я опустился на колени и, осторожно сняв Хуха с плеча, лег.

— Я причиняю вам много хлопот, Майк,— сказал Хух.— Я обуза для вас.

— Дай отдышаться... Тут уже недалеко...

Перевернувшись на спину, я стал разглядывать небо. Оно сияло. Прямо над головой висел голубой гигант, похожий на драгоценный камень. Чуть в стороне тлел уголек сверхгиганта. Терпеливая рука неведомого художника оживила черноту мириадами звезд.

— Где мы, Хух? — спросил я.— В какой части Галактики?

— Это одно из сферических скоплений. Разве вы не знали?

Я предполагал. Потому что планета, к которой привел нас этот редкий идиот Смит, располагалась вдали от плоскости Галактики, в сферической ее подсистеме...

— Твой дом где-то здесь?

— Нет,— ответил он.— Далеко.

По тону, каким это было сказано, я понял, что продолжать расспросы не стоит. Хух явно не хотел откровенничать со мною, и явно неспроста. Он мог находиться в бегах, быть выдворенным или просто беженцем. Такие вещи время от времени происходят. Космос полон скитальцев, не имеющих возможности вернуться домой...

Я смотрел на звезды и размышлял о том, куда же именно мы попали. Нас, конечно, могли швырнуть к любому из сферических скоплений. В транспортировках такого рода расстояние вряд ли что-то значит. Координаты, собственно, тоже не имеют значения. Если мы не обнаружим воды, то продержимся очень недолго. Перекусить, конечно, тоже не мешает, но главное — вода... Я вяло удивился собственному спокойствию. Бесчисленные переделки, в которые приходилось попадать, сделали меня достаточно хладнокровным. А что, если запас везения исчерпался и на этот раз уже не выпутаться? Если подкралось то, чего так долго удавалось избегать? И либо сама планета, либо какая-то некоммуникабельная скотина прикончит меня? Ну, прикончит — так прикончит, если судьба. А заранее нечего терзаться...

Я уже почти представил, каким образом это стрясется, но тут что-то ткнулось в плечо.

— Майк! — квакнул Хух, деликатно прикоснувшись ко мне одним из щупалец.— Посмотрите! Мы не одни!

Вскочив, я крепко сжал свое ружье...

Из-за бархана, в том месте, где стоял потерпевший аварию корабль Хуха, выкатывалось колесо. Его зеленая ступица ярко блестела в лунных лучах. Видимая часть колеса возвышалась над гребнем футов на сто. Десятифутовой ширины обод сверкал, как хромированный, и был соединен со ступицей множеством серебристых спиц.

Теперь колесо не двигалось. Оно нависало над клеткой, которая в сравнении с ним казалась разбитой игрушкой.

— Оно живое? — спросил Хух.

— Возможно.

— Тогда будет лучше, если мы подготовимся к защите.

— Будет лучше, если мы будем вести себя смирно,— прошипел я.

Оно наблюдало за нами, вне всяких сомнений. И возможно, появилось здесь для того, чтобы исследовать обломки корабля. На вид в этом колесе не присутствовало ничего живого, однако, как мне казалось, зеленоватая ступица вполне могла быть этим живым.

Колесико могло в любой момент убраться — так же неожиданно, как появилось. Но даже если это не входило в его планы, нам не следовало лупить по таким странным мишеням...

— Съезжай-ка ты вниз, Хух... Если придется драпать, я прихвачу тебя.

Он помахал щупальцем, энергично выражая свое несогласие.

— Вам может понадобиться мое оружие.

— Ты ж сказал, что у тебя его нет!

— Грязная ложь! — радостно крикнул он.

— Значит, ты мог сделать со мной все, что угодно? — возмутился я.— И в любой момент?

— Да нет же! Ведь вы пришли мне на помощь! А скажи я правду, могли и не приблизиться.

Я не стал развивать тему. Пока эта хитрая бестия Хух был на моей стороне, не стоило придираться...

Вдруг кто-то окликнул меня, и, обернувшись, я увидел Сару, которая стояла на соседнем бархане. Слева от нее из-за гребня торчали еще две головы.

Она воинственно сжимала в руках свое дурацкое ружье, и у нее вполне могло хватить ума, чтобы этим ружьем тут же и воспользоваться.

— Как дела, капитан? — крикнула Сара.

— В порядке,— спокойно ответил я.

— Не нужна ли наша помощь?

— Помощь? Пожалуй... Вы можете доставить моего приятеля на стоянку.

Я сказал «на стоянку» — потому что нужно было как-то назвать это место, не имевшее названия, а сквозь зубы тихо процедил:

— Выбрось из головы все свои глупости, Хух, и быстренько съезжай вниз...

Колесо пока оставалось на прежнем месте. Оно явно меня рассматривало. И я уставился на него исподлобья, приняв бравый вид, готовый в любую секунду ретироваться.

Было слышно, как Хух прошуршал по склону. И немедленно раздался вопль Сары:

— Что это за гадость? Где вы ее откопали?

Я оглянулся вновь и, увидев ее стоявшей над Хухом, заорал в свою очередь:

— Тук! Спуститесь и помогите мисс Фостер! Только предупредите Смита, чтоб оставался на месте, а не разгуливал!

Этому чокнутому слепому ничего не стоило побежать за своим дружком. Возись потом с ним...

— Но капитан...— В голосе Сары было раздражение, недоумение и многое другое.

— Он в таком же положении, как и мы! Он не отсюда, и ему нужна помощь! Так что оттащите-ка его, куда вас просят!..

Колесо вдруг ожило. Величаво вращаясь, оно поднималось вверх.

— Шуруйте отсюда! — не оборачиваясь, крикнул я Туку с Сарой.

Почти полностью выползшая из-за бархана, эта чертова штуковина замерла. Самым странным было то, что в небе висело действительно колесо, самое настоящее колесо, а не какая-то конструкция, похожая на него.

Широкий и толстый — примерно в фут — обод неведомым образом сочетал в себе массивность и изящество. Зеленоватая ступица плавала — иначе не скажешь. Спицы, при всем их количестве, не могли удержать ее на месте... Кроме спиц между ободом и ступицей — я заметил это только сейчас — протянулось множество тончайших проводков, напоминающих паутину. Ступица на паука не походила. Она была просто шаром...

Быстро оглянувшись, я уже никого не увидел. На склоне осталось множество глубоких следов.

Съехав вниз и поднявшись по этим следам, я посмотрел на колесо. Оно висело на прежнем месте.

За следующим барханом уже находилась стоянка. Вся компания была там.

Колесо висело. Наверное, это вся его программа, подумал я. Прикатилось, посмотрело и теперь, удовлетворив свой интерес, думает о других делах...

Я уже собрался спуститься, когда ко мне вдруг вскарабкалась сияющая Сара:

— У нас появился шанс, капитан!

— Шанс выбраться отсюда?!

— Вы ведь рассказали своему Хуху о происшедшем с нами? Так вот, он, кажется, знает толк в таких вещах.

— Но, по-моему, он даже не понял, о чем я веду разговор!

— Да, кое-что было ему действительно непонятно. Но он тут кое о чем нас расспросил, и теперь они занимаются этим...

— Они?

— Да. Джордж с Туком помогают. И особенно кстати пришлась помощь Джорджа. Кажется, он уже различает дверь...

— Ну, этот нам наразличает,— усмехнулся я.

— Мне бы очень хотелось, капитан, чтобы вы оставили свои наскоки.

Я не хотел ругаться с ней и молча скользнул вниз.

Двое на корточках и один полузарывшийся в песок — расположились шеренгой. Тук пристально вглядывался куда-то прямо перед собой. Лицо Смита выражало крайнее напряжение. Щупальца Хуха, подрагивая кончиками, тянулись вперед.

Я посмотрел туда, куда был устремлен взгляд Тука, и ничего не увидел — ничего, кроме бархана, уходившего к небу.

Подошла Сара, и мы вдвоем встали позади этих жрецов. Было совершенно непонятно, что происходит, но я решил не вмешиваться. Если есть даже ничтожный шанс открыть дверь, рассуждал я, то почему бы им не воспользоваться...

Внезапно щупальца Хуха обмякли, а Тук со Смитом сгорбились. По всему было видно, что их постигла неудача.

— Требуется больше энергии,— сказал Хух.— Если бы все мы...

— Все? — переспросил я.— Боюсь, что не подойду для такой работы. Кстати, в чем она заключается?

— Мы сосредотачиваемся на двери,— ответил он.— Пытаемся открыть ее...

— Она по-прежнему здесь! — воскликнул Джордж.— Я чувствую это!

— Мы с вами должны попробовать,— решительно заявила Сара.— Это будет наш скромный вклад.

Она опустилась на корточки рядом с Хухом и спросила:

— Что нужно делать?

— Вы должны представить дверь,— сказал Тук.

— А затем потянуть ее на себя,— добавил Хух.

— Чем — потянуть? — поинтересовался я.

— Мыслью! — ядовито ответствовал Тук.— Это тот самый случай, когда длинный язык и тугие мышцы совершенно ни к чему!

— Весьма неуместное замечание,— приструнила его Сара.

— А чем, спрашивается, он был занят все это время? — не утихал Тук.— Орал и дрался!

— Брат мой! — мягко сказал я.— Если ты действительно так считаешь, то, как только мы выпутаемся из...

— Успокойтесь оба! — крикнула Сара.— Капитан! Прошу вас...

Она разровняла песок рядом с собой, и я тоже присел на корточки, чувствуя себя идиотом.

Впервые в жизни я сталкивался с такой концентрированной тупостью! Нет, я не сомневался, что кто-то при помощи своей психической энергии может творить подобные чудеса... Но мы, человеческие существа, ни в чем подобном до сих пор замечены не были! Впрочем, от уникумов вроде Тука с Джорджем жди чего угодно...

— А теперь,— сказал Хух,— все вместе представим дверь.

Его щупальца выстрелили вперед и тихонько задрожали...

Я сосредотачивался изо всех сил. Я старался увидеть дверь и... действительно увидел! Призрачную дверь со слабо светящимся ореолом! Мне захотелось открыть ее, но не за что было ухватиться! И все же я пытался. Я даже чувствовал, как пальцы мои скользят по гладкой поверхности этой чертовой двери.

Очень скоро мне стало ясно, что мы ничего не добьемся. Дверь вроде бы начала приоткрываться — но щель была слишком узка, чтобы можно было проникнуть в нее. Открыть же дверь пошире нам не хватало времени — то есть сил.

На меня навалилась усталость, и я понимал, что остальные тоже не в лучшем состоянии. Я знал, что мы будем пробовать еще и еще раз, пока не выбьемся из сил окончательно... Неудача при первых попытках будет означать гибель...

Я напрягся сильнее и, как мне показалось, ухватился за дверь. Я потянул ее и почувствовал, что другие тянут тоже. Дверь поддавалась! Она качнулась в нашу сторону на невидимых петлях, и уже казалось, можно просунуть в щель руку!.. Впрочем, хотя я потел наравне с остальными, знание того, что дверь наша ирреальна, не улетучивалось...

А потом, когда дверь приоткрылась еще чуть-чуть, мы не выдержали. Все одновременно... И двери не стало. Перед нами был только песок.

Что-то скрипнуло за нашими спинами. Я вскочил и развернулся. Над нами висело колесо.

Из зеленой массы, по-прежнему расположенной в центре, выдавился комок и, качаясь на серебристой паутине, стал спускаться. Комок не был пауком, хотя в очертаниях и способе его передвижения проглядывало что-то паучье. Милейшим существом показался бы паук рядом с этим чудовищем, неотвратимо скользившим вниз,— колышущейся мерзостью, слизью с дюжиной не то рук, не то ног, с тем, что могло бы быть лицом, если б не внушало такого нечеловеческого ужаса и гадливости, не оскорбляло своим видом все ваше существо.

По мере приближения к нам комок издавал все более громкие звуки. У него не было рта, но шум, порождаемый им, был нестерпимым. В этом шуме слышались и хруст костей, разгрызаемых огромными зубами, и урчание зверя, исходящего

слюной при виде падали, и сердитое бормотание безумца, и многое другое.

Добравшись до обода и спрыгнув — уже без паутины — на бархан, комок возвышался теперь перед нами. С его тела без конца что-то капало на песок, темнеющий от этой гадости.

Комок стоял, едва не лопаясь от злости, и шум, производимый им, наполнял всю пустыню.

В этом шуме мне слышалось — вернее, я чувствовал — слово. «Прочь! Прочь! Прочь!» — вот что пыталось вырваться из хаоса звуков.

Неизвестно откуда налетел ветер — очень странный ветер: он сбил нас с ног и потащил неизвестно куда, не подняв при этом ни песчинки. Пышущий злобой комок, стоя враскорячку, наблюдал...

Казалось, что под нами уже нет песка и мы катимся по мостовой... А потом исчезли барханы и воцарилась совершенная тишина. Мы уткнулись в глухую стену.

Тишина, впрочем, была вскоре нарушена чокнутым Смитом:

— Он вернулся! Мой друг вернулся! Он опять в моей голове! Он вернулся ко мне!

— Заткнись! — рявкнул я.

Смит притих, но бормотать продолжал, восседая с выставленными вперед ногами и глупейшим выражением экстаза на лице...

Оглядевшись, я понял, что мы вернулись туда, откуда нас так бесцеремонно выбросили,— в комнату с каменными плитами, демонстрирующими образцы других миров. Вернулись благополучно, но совершенно неожиданным способом... Будь у нас достаточно времени, чтобы открыть ту дверь, мы, возможно, попали бы сюда и без посторонней помощи, но нетерпеливая пустынная тварь решила ускорить процесс...

Ночь здесь уже сменилась днем. Сквозь широкий дверной проем слабо струился желтый солнечный свет.

Славные лошадки вместе с гномообразным гуманоидом, определившим нас в пустыню, отсутствовали.

Подтянув брюки, я снял с плеча ружье. Мне не терпелось кое с кем рассчитаться.

Глава 4

Мы обнаружили их в большой комнате, напоминавшей склад.

Гномоподобное существо, согнувшись, исследовало наш багаж, разложенный на полу. Часть вещей была, похоже, осмотрена, другая — дожидалась этой процедуры.

Гнома, увлеченно копавшегося в очередной сумке, окружали лошадки. Они тихонько раскачивались, наблюдая за работой, и хотя резные их морды не могли иметь никакого выражения — я видел: трофеи пришлись по вкусу...

Они были настолько поглощены своим занятием, что нам удалось войти незамеченными. Тут лошадки испуганно вздыбились, и гном стал медленно — очевидно, у него затекла спина — разгибаться.

Выпрямившись наполовину, он посмотрел на нас сквозь *неопрятные лохмы, похожий в эту минуту на английскую овчарку.*

Мы остановились и стали молча ждать.

Гном наконец распрямился и, окруженный все еще вздыбленными лошадками, стал потирать свои узловатые пальцы.

— Мы намеревались отправиться за вами, мой повелитель,— сказал он.

Я указал ружьем на наши раскиданные по полу вещи. Он понял мой жест и замотал головой:

— Не более чем формальность. Таможенный досмотр.

— Хотите обложить все это пошлиной?

— О нет! Просто некоторые из ваших вещей не подлежат ввозу на нашу планету. Никаких пошлин! Впрочем, если вам захочется сделать небольшой подарочек... Так редко подворачивается случай приобрести что-то действительно стоящее! Мы, кстати, можем оказать вам ряд очень ценных услуг. Укрытие от опасности, а также...

Я обвел взглядом помещение. Склад был забит ящиками, корзинами и менее традиционными контейнерами. Уйма самых разнообразных предметов была свалена в одну огромную кучу.

— Похоже,— сказал я,— что дела у вас идут не так уж плохо! Если бы меня кто-то спросил, верю ли я, что вы действительно думали о нашем возвращении, я ответил бы отрицательно. Будь ваша воля — мы торчали бы в пустыне до конца своих дней.

— Клянусь! — поклялся гном.— Мы собирались открыть дверь! Но ваши вещи оказались столь восхитительными, что чувство времени покинуло нас!

— Скажите-ка лучше, зачем мы были заброшены в эту пустыню?

— Чтобы защитить вас от смертельных вибраций,— объяснил гном.— Мы, кстати, тоже спрятались... Эти вибрации возникают всякий раз, когда на планету садится корабль,— и возникают они ночью...

— Это землетрясение? — спросил я.— Я хотел сказать, внутрипланетные толчки?

— Нет. Сотрясение всего вашего существа. Оно разрушает мозг и разрывает тело в куски. Все живое уничтожается им. Поместив вас в другой мир, мы спасли ваши жизни...

Он врал. Ему ничего другого не оставалось. Он нагло заливал о своих намерениях вернуть нас обратно, крыса такая! Печься о нашем возвращении было ему совершенно ни к чему. Он получил от нас все, что хотел.

— Ты, урод! — сказал я.— Брось вкручивать! С чего это вдруг посадка корабля вызовет такие вибрации?

Он поднес скрюченный палец к картошкообразному носу:

— Этот мир закрыт. Никого никогда сюда не приглашают. Гости, которые время от времени появляются, должны остаться здесь навсегда. Планета запечатывает все корабли, и побег делается невозможным. А с ним и утечка информации.

— Сюда не приглашают, говоришь? — заорал я.— А наводящий луч? Вы заманили нас сюда, чтобы просто-напросто выкинуть в пустыню и завладеть всем нашим багажом! Вы уже прибрали к рукам все, кроме нашего корабля, который запечатан, как и все прочие! Не случайно лошадки настаивали на том, чтобы мы взяли с собой вещи! Они знали, какая участь ожидает корабль! Видно, вы просто не знаете, как избежать этого запечатывания!..

Он кивнул:

— Да, сэр. Это одно из характерных свойств закрытой планеты. Пока что мы бессильны против него...

Теперь, подумал я, гном будет соглашаться со всем, что бы я ни сказал, напустив на себя самый искренний вид. Еще один подленький среди встреченных мной приматов...

— Я не могу понять вот еще чего...— продолжил гном.— Каким образом вам удалось вернуться? Ведь никто не возвращается из этих миров без нашей помощи!

— Вы по-прежнему будете говорить, что собирались нас вызволить?

— Да, клянусь. И вы сейчас же можете получить все свои вещи. У нас даже в мыслях не было что-то присвоить!

— Замечательно! — сказал я.— Весьма разумное решение! Но нас интересуют также и другие вещи...

— Какие? — спросил он немного раздраженно.

— Нас интересует информация об одном человеке. О гуманоиде, очень похожем на нас. С ним был робот.

Глаза гнома забегали — он явно собирался с мыслями. Я шевельнул дулом ружья — и небезрезультатно.

— Было,— сказал гном.— Давно. Очень давно.

— Это был единственный человек, прилетевший к вам?

— Нет. Прилетали и другие из ваших... До него... Шесть или семь... Они покинули город, и больше я их не видел...

— Вы не отправляли их в другой мир?

— Почему же... Мы отправляем туда всех! Это необходимо, потому что каждое новое прибытие вызывает смертоносную волну. После того как волна проходит — мы снова в безопасности, и прибывшие извлекаются нами из своих убежищ.

Возможно, подумал я, он говорит правду. Или какую-то ее часть. А может быть, он имеет иную точку зрения на эти вещи, только не спешит ознакомить нас с ней? Или не решается, будучи однажды схваченным за руку?..

— И как только прилетит новый корабль, снова поднимется эта волна, да?

— Да, но лишь в городе,— уточнил гном.— За его пределами вы в безопасности.

— А что, никто из прибывших не остается в городе?

— Нет. Они идут охотиться за кем-то, находящимся, по их мнению, вне города. Все они за кем-то охотятся.

Господи! — подумал я. Все они действительно идут по чьему-то следу! Кто знает, в скольких головах уже звучал голос,

услышанный Смитом, и сколько самых разнообразных существ на этот голос устремилось...

— Они не рассказывали вам об объекте своей охоты? — спросила Сара.

Гном криво усмехнулся:

— Скрывали.

— Ну, а тот гуманоид, что прилетел к вам с роботом,— он...

— С роботом? Вы имеете в виду очень похожего на него металлического гуманоида?

— Не прикидывайтесь! — не выдержал я.— Вы прекрасно знаете, что такое робот! Эти ваши лошадки — тоже роботы!

— Мы не роботы,— возразил Доббин.— Мы самые настоящие лошадки.

— А ты заткнись!

— Ах, да...— сказал гном.— Вспомнил. Гуманоид с роботом тоже ушел и не вернулся. Правда, спустя какое-то время вернулся робот. Но он ничего не говорил мне. Ни слова.

— И этот робот все еще здесь?! — воскликнула Сара.

— У меня имеется только часть. А вот другая — та, что приводит его в действие,— к сожалению, отсутствует. Кажется, вы называете это мозгом... Я продал мозг диким лошадкам, обитающим в здешней пустыне. Они очень хотели его заполучить и хорошо заплатили. К тому же отказать им было опасно для моей жизни.

— Где нам искать этих диких лошадок? — поинтересовался я.

Гном пожал плечами:

— Кто знает... Они могут оказаться где угодно. Хотя чаще всего — к северу отсюда... Дикие, совершенно дикие...

— Если лошадки такие дикие, то зачем им понадобился мозг Роско? — спросила Сара.— Каким образом они могли его использовать?

Плечи гнома приподнялись снова.

— Понятия не имею. У этих существ не очень-то спросишь. Грубые и необузданные... Да, туловище у них лошадиное, но головы такие, как ваши. И еще руки. Эти твари к тому же имеют привычку вопить как безумные.

— Кентавры! — вскричал Тук.— Насколько мне известно, в пределах Галактики их едва ли не больше, чем гуманоидов!

И они, как справедливо заметил этот джентльмен, весьма строптивы! Впрочем, мне не доводилось встречаться ни с одним из них...

— Значит, вы продали только черепную коробку...— вернулся я к теме.— А все остальное — у вас.

— Да. От туловища они отказались. Оно здесь.

Оставив ненадолго космическое арго, я, уже по-английски, обратился к Саре:

— Что вы обо всем этом думаете? Может быть, пора заняться поисками Найта?

— Это было бы здорово, если...

— Если Найт еще жив, то он сейчас глубокий старик. Но скорее всего, он умер. Не забывайте, что робот, который не смог бы бросить его просто так, вернулся!

— Нужно выяснить, куда и зачем он шел. Мы должны найти мозг Роско и вернуть этот мозг на прежнее место. Робот нам все расскажет.

— Гному, между прочим, он не сказал ни слова.

— Гном есть гном. А мы люди, и очень похожие на тех, кто сделал Роско. Если в него заложена преданность — она должна распространяться и на нас.

— Так вот...— сказал я, повернувшись к гному.— Нам понадобятся тело робота и карты этой планеты. Запас воды, разумеется, тоже. Лошадки, которые повезут нас, наши вещи и...

Вскинув руки, он в ужасе отпрянул от меня и энергично замотал головой:

— Придется обойтись без лошадок! Они нужны мне самому!

— Дайте же закончить! Дело в том, что мы берем с собой и вас!

— Это невозможно!!! — душераздирающе крикнул Доббин.— Кто будет предупреждать вновь прибывших об опасности и помещать их в укрытие? Сэр! Вы должны понять, что...

— Все учтено,— успокоил я Доббина.— Мы просто уберем луч. Не будет приманки — не будет и гостей.

— Вы не сможете его убрать! — заверещал теперь уже гном.— Никто не может сделать этого! Потому что местонахождение трансмиттера никому из нас не известно! Я пытался найти его! И до меня тоже искали! Бесполезно.

Вид его был крайне подавленный.

— Пр-роклятье...— выдавил я из себя.

— Я так и знала,— сказала Сара.— И, откровенно говоря, была озадачена этим с самого начала... Наш дохлый дружочек явно не из тех, кто построил город и позаботился о луче. Он просто живет здесь, в этой каменной пустыне. Дикарь, пробавляющийся случайными объедками...

Мне, конечно, следовало раскусить его самостоятельно. Но злость на этого гнома, который мало того, что швырнул нас черт знает куда, так еще и копался в нашем багаже,— злость эта мне помешала. Я жаждал крови. Я был в таком состоянии, что мог просто прибить этого маленького поганца, сделай он еще хоть один неверный шаг...

— Ну-ка, выкладывайте все начистоту! — строго крикнула гному Сара.— Ведь это не вы и вам подобные построили город — не так ли?

— Вы не вправе допрашивать меня! — взвизгнул гном, и лицо его гневно перекосилось.— Мне тошно и без этого!

— Мы вправе,— сказал я.— Потому что хотим разобраться в происходящем. Даю вам пять секунд на размышление...

Он не воспользовался этими секундами. Ноги его подкосились, и он тяжело опустился на пол — после чего, ухватившись за живот, принялся раскачиваться взад-вперед.

— Я скажу...— простонал этот страдалец.— Я все скажу — не стреляйте... Но как мне стыдно! Какой позор!..

Он поднял на меня горестный взор и продолжил:

— Я не могу лгать... Если б мог, то солгал бы... Но кое-кто из присутствующих немедленно меня разоблачит...

— Кто? — спросил я удивленно.

— Я,— сказал Хух.

— Как ты это делаешь?! Вживленный детектор лжи?

— Это одна из моих скромных способностей. Вряд ли я смогу объяснить вам, как это происходит. Радиус действия не слишком велик, но в данном случае достаточен. Особа, с которой вы беседуете, учитывает этот фактор и потому говорит вам правду, хотя и не всю.

— По-моему,— сказал гном, все еще глядя на меня,— в такие вот моменты мы, гуманоиды, должны держаться вместе. Узы, которые нас...

— Никакими узами я с вами не связан,— отрезал я.

— Вы слишком суровы, капитан,— заметила Сара.

— Это только начало, мисс Фостер! Мне нужно, чтобы он ответил!

— Но, может быть, у него какая-то причина...

— Нет у него никакой причины!.. Ты, вонючка! У тебя есть причина не отвечать?

Выдержав долгую паузу, он решительно тряхнул головой и сказал следующее:

— Моя честь оскорблена. Память моих предков поругана... Это тянулось так долго — наше притворство, что иногда нам начинало казаться, будто город и в самом деле создан нами. Если бы вы не растормошили меня, а еще лучше — вовсе не появились бы здесь, я и умер бы, согреваемый этим сладким обманом. И никого не волновало бы потом — узнай хоть вся Вселенная, что архитекторами были не мы. Потому что я последний из тех, кого это может волновать. Потому что я последний из нас... Мои обязанности будут унаследованы вот этими лошадками, которые возложат их когда-нибудь на кого-то другого... Кто-то должен быть здесь всегда, чтобы предупреждать обитателей планеты об опасности и укрывать вновь прибывших...

Я посмотрел на Доббина:

— Ну, а ты что скажешь обо всем этом?

— Ничего, сэр. Я не скажу вам ничего. Вы несправедливы по отношению к нам. Мы спасли вашу жизнь, поместив на время в другой мир, а вы говорите, что вас не собирались возвращать. Вы очень разгневались, увидев своего благодетеля в момент удовлетворения обычного любопытства, которое вызвали ваши вещи. Вы угрожаете ему, даете какие-то секунды на размышление, ведете себя крайне развязно и...

— Хватит! — крикнул я.— Он еще будет меня воспитывать, робот несчастный!

— Мы не быть роботы! Говорю вам еще раз: мы быть только обыкновенные лошадки!..

Итак, снова эта нелепица, все в том же гордом исполнении. Если б меня не душила злость, я наверняка расхохотался бы... Да, разобраться в происходящем будет не так-то просто...

Я нагнулся, решительно ухватил гнома за край просторной мантии, висевшей на нем, как на вешалке, и поднял высоко вверх.

Он отчаянно извивался и очень быстро перебирал ножками, словно пытаясь убежать.

— С меня довольно,— сказал я.— Мне наплевать на ваши секреты. Ты сейчас дашь нам все, что мы требуем. А станешь хитрить — откручу голову.

— Осторожно!! — крикнула Сара, и, резко обернувшись, я увидел атакующих нас лошадок. Их передние качалки были угрожающе подняты...

Гном был немедленно отброшен в сторону. Даже не посмотрев, куда он упадет, я схватился за ружье и — почувствовал внезапную слабость, вспомнив, что лазерный луч не оставил на посадочном поле даже легкой отметины. Если лошадки сделаны из того же материала — а выглядит именно так,— то я с тем же успехом могу в них плевать!..

Но как только я вскинул ружье, Хух проворно выбежал вперед и... сверкнул — скажем так, за неимением другого слова. В общем, после того как он выбежал, тихо процокав по полу, его тело вдруг мелко-мелко завибрировало и обволоклось голубоватой дымкой — как если бы он был только что сгоревшим электротрансформатором... А потом задрожал сам воздух и все находившееся в комнате запрыгало в какой-то странной жиге — быстро, впрочем, оборвавшейся...

Все стояло на прежних местах как ни в чем не бывало. Все — кроме лошадок. Они валялись в дальнем углу, вперемешку, задрав качалки. И ведь я не видел, чтоб они туда бежали или пятились! Тем не менее... Лошадки переместились как бы помимо пространства. Вот они нападают на нас — а вот уже свалены в кучу...

— С ними все в порядке,— извиняющимся тоном сказал Хух.— Никаких повреждений. Так только, кратковременная стесненность движений... Извините меня за внезапность, но ситуация требовала немедленных действий.

Среди бочек, ящиков и корзин копошился, пытаясь выбраться, гном. Задора в нем наблюдалось не больше, чем в лошадках.

— Тук! — сказал я.— Пошевеливайтесь! Нужно собрать все вещи! Как только эти чистокровки будут навьючены — трогаем...

Глава 5

Город подавлял. Он нависал отовсюду. Его стены уходили в самое небо, и там, где они заканчивались — если они вообще заканчивались,— виден был лишь выцветший голубой лоскуток, почти сливавшийся с их белизной.

Узкая улица не шла прямо — она прыгала и изгибалась. Она была ручейком, бежавшим между валунами зданий. А здания почти не отличались одно от другого — так, чуть-чуть. Архитектурой здесь не пахло. Однообразие прямых линий и гнетущая массивность исключали этот запах.

Все было белым, даже покрытие дороги, по которой мы следовали. Улицы не были вымощены в обычном понимании этого слова, но залиты каким-то веществом, подступавшим к зданиям вплотную и казавшимся их продолжением. Этому покрытию без швов и без стыков не виделось — как и всему городу — конца. Казалось, будто находишься в безнадежной западне...

— Капитан,— сказала Сара, шедшая со мной рядом.— Я не вполне уверена, что одобряю ваши действия.

Я не счел нужным отвечать. Недовольство мною начало грызть ее еще на корабле — и продолжало после посадки. Теперь ей, видимо, понадобилось излить свое чувство. Мой ответ ничего бы не изменил...

Бросив взгляд через плечо, я увидел, что Смит и Тук попрежнему едут верхом, за ними движутся съестные припасы и фляги с водой, и позади процессии, подбегая время от времени чуть поближе, как собака, погоняющая овец, следует Хух. Он энергично семенил своими короткими ножками — по паре дюжин с обеих сторон,— и можно было не сомневаться, что лошадки побоятся выкинуть при нем фортель...

— Вы нахраписты,— помолчав, продолжила Сара.— Вы просто ломитесь вперед и совершенно не способны на тонкий маневр. В конце концов это может привести к неприятностям.

— Вы о гноме?

— О гноме. С ним можно было договориться.

— Договориться? После того, как он едва не погубил нас?

— Но ведь он объяснил, что мы были бы возвращены из пустыни! И я очень склонна верить этому! Сюда прилетали и

до нас. Думаю, что все они вернулись из этих миров благодаря ему. И всем им было позволено идти дальше.

— В таком случае не объясните ли вы, как так получилось, что весь его склад набит чужим добром?

— Наверное, он что-то украл,— согласилась Сара.— Или выудил обманным путем. А может быть, подобрал все это на месте гибели каких-то экспедиций.

Такие варианты были, конечно, возможны. Но для меня — сомнительны... Гном сказал, что мы первые, кому удалось выбраться оттуда без его помощи. Но это могло быть ложью, рассчитанной на то, чтобы мы успокоились, почувствовав себя великими умниками. А ведь нас просто выбросили оттуда! И не исключено, что с нашими предшественниками поступали точно так же! Обитателям тех миров просто надоело, что на них без конца вываливают непонятно кого! Однако если они, обитатели, отшвыривают не всех — у гнома с лошадиной компанией есть хорошая возможность поживиться. Неясно, правда, что толку от такого изобилия, когда нет возможности вести торговлю за пределами планеты. Гном, скорее всего, торговал — ведь купили же кентавры мозг Роско?.. Но такой домашний бизнес не может приносить хорошего дохода...

— Кстати, о гноме,— сказала Сара.— Что ж вы — грозились взять его с собой и не взяли? Лично я, пустившись в такое дело, чувствовала бы себя куда спокойнее — будь он под боком.

— Во-первых, я не вынес бы его криков и стонов. А во-вторых, именно оттого, что его оставили в покое, бедолага преподнес нам и воду, и карты, и туловище Роско, не пикнув при этом...

Некоторое время мы продолжали свой путь в полном молчании, но я чувствовал, что Сара еще не выговорилась. Я раздражал ее. Ей не нравились мои действия. Она хотела выплеснуть на меня свое негодование, но что-то у нее не получалось...

— Не нравится мне этот ваш Хух. Тварь ползучая.

— Он спас нам жизнь, защитив от лошадок,— сказал я.— А злитесь вы оттого, что не понимаете, каким образом он это сделал. Меня же данный вопрос не волнует. Главное, что Хух может повторить свой номер, если понадобится. Ползучий он или не ползучий — не важно. Он с нами заодно и вообще — славный малый...

Сара сверкнула глазами.

— Это пощечина всем остальным! И Джордж вам не нравится, и Тук не по вкусу, и со мной вы вежливы не без усилий!.. И все для вас уроды и вонючки!.. А вот мне не нравятся типы, которые называют людей вонючками!..

Я сделал глубокий вдох и принялся медленно считать до десяти. Но не досчитал.

— Мисс Фостер! — сказал я.— Вы, конечно, не могли забыть о кругленькой сумме, переведенной вами на мой счет на Земле. Так вот... Единственное, что я сейчас пытаюсь сделать,— это заработать вышеупомянутые денежки. И я заработаю их, что бы вы ни говорили и ни делали. Меня совершенно не заботит, нравлюсь я вам или не очень. Я не нуждаюсь в вашем восхищении моими поступками. Но!.. Пока я отвечаю за эту безумную экспедицию, в которую, кстати, вы все так рвались, ни одна собака не смеет мне перечить. Вот когда вернемся на Землю — пожалуйста.

Что после моих слов может предпринять Сара — меня не волновало. Я должен был сказать это, пока все не полетело к чертям. Хотя вроде бы уже собиралось... Эта планета делала человека дерганым, беспокойным. Она таила в себе некую порочность, холод, какой бывает в недобром взгляде. Разгадка ее тайны заранее ужасала. Ко всему прочему наш корабль был залеплен, и распрощаться в случае надобности с этим райским уголком не представлялось пока возможным...

Вообще-то я думал, что она тут же остановится и даст волю своей ярости. Попытается размозжить прикладом мою голову или просто пристрелить. Однако ничего подобного не произошло. Сара по-прежнему шла рядом, будто ничего и не случилось. Правда, чуть позже она тихо, но проникновенно сказала:

— Вы образцовый сукин сын...

Некоторые основания для такой аттестации у нее, конечно, имелись. Хотя грубость моя была все же спровоцирована, и это следовало учесть... Да ладно. Обзывали и почище...

Мы находились в пути уже более четверти суток, как показывали мои часы. Показывали, впрочем, впустую, так как продолжительность дня на этой планете была нам неизвестна.

Я старался все время быть начеку и понятия не имел, чего именно мне остерегаться. Город казался необитаемым, но это не означало, что какая-нибудь притаившаяся мерзость не может вдруг броситься на нас. Уж слишком все выглядело тихо и невинно.

Улицы были узкими — и та, по которой мы следовали, и ответвлявшиеся. Слепые белые стены кое-где разнообразились отверстиями, не похожими на окна. Небольшие двери, скромные донельзя, по нескольку в каждом здании, выходили прямо на дорогу. Иногда, правда, к ним — в этом случае массивным и расположенным на значительной высоте — вел скат. Редкая из дверей была закрыта. Казалось, отсюда ушли, даже не оглянувшись...

Внезапно дорога юркнула в сторону, и, свернув за угол, мы увидели узкий проход, который тянулся, никуда не отклоняясь, довольно далеко. Вдали же виднелось дерево — одно из огромных деревьев, возвышающихся над городом.

Я остановился. Последовала моему примеру и Сара. Позади зашаркали лошадки, и как только стук их качалок прекратился, я расслышал звуки тихого пения. Вообще-то оно едва слышалось уже давно, приглушаемое шумом все тех же качалок и потому не привлекавшее особого внимания...

Итак, лошадки стояли, а пение продолжалось. Повернувшись, я увидел, что оно исходит от Смита. Он сидел в седле, безмятежно раскачиваясь взад-вперед, и по-младенчески ворковал.

— Ну, смелее! — сказала Сара.— Выскажитесь по этому поводу!

— Не собираюсь,— буркнул я.— Но если он не закроет хлеборезку — надену намордник.

— Это всего лишь радость,— сказал Тук.— Не стоит злиться, капитан. Мы, похоже, находимся невдалеке от того, кто разговаривал со Смитом все эти годы. Смит, естественно, вне себя от счастья.

Сгорбившийся в седле счастливец продолжал тянуть свою бесконечную песню, не обращая внимания ни на что.

— Тронулись,— сказал я, хотя собирался объявить привал. Что-то во мне воспротивилось этому, каким-то подозрительным и неподходящим для остановки показалось место. Или я

просто хотел, чтобы лошадки своим стуком побыстрее заглушили идиотское пение?..

Сара, не сказав ни слова о моем жестоком обращении с людьми, послушно двинулась вперед.

Дерево все росло и становилось все более различимым. И вот уже можно было видеть, что оно стоит в некотором удалении от стен и что оно вдвое выше любого из равновысоких зданий этого города.

Солнце клонилось к западу, когда мы достигли конца прохода. И это был действительно конец. Город здесь кончался. Начиналась дикая местность с желто-красной почвой — не совсем пустыня, но что-то в этом роде. Холмистая земля с голубизной гор вдали и деревьями то тут, то там... Была и кой-какая другая растительность — низкорослая, теряющаяся в соседстве с великанами. Одно из деревьев стояло рядом с нами, милях в трех или около того...

Узкая улочка переходила в тропу — именно в тропу, а не в дорогу. Видно было, что тропа протоптана парой ног, ходивших здесь в течение многих лет,— или же многими ногами, ступавшими след в след.

Она петляла и извивалась, уводя в желто-красный край — туда, где примерно в миле от города стояло одинокое здание, совсем не такое высокое, как городские, но все же приличных размеров.

Здание это не было скучной прямоугольной массой. Оно отличалось основательностью и в то же время воздушностью. Кроме того, оно было сложено из красного материала — что после городской белизны радовало глаз.

Оно было при шпилях и башенках, а также с чем-то, напоминающим окна. От трех распахнутых дверей тянулся величественный скат.

— Капитан Росс,— сказала Сара.— Не сделать ли нам привал? День все-таки был длинным и тяжелым...

Может быть, она хотела, чтобы я стал с ней спорить, но я не стал. День оказался действительно длинным и тяжелым. Привал был необходим уже давно, но непреодолимое желание выбраться из города гнало меня все дальше и дальше.

Итак, мы прошагали без остановки больше восьми часов, а день и не думал кончаться... Долог же он здесь...

— Давайте там, у здания,— предложил я.— Заодно и осмотрим его, после того как устроимся.

Она кивнула, и мы поспешили к цели. Смит все еще напевал, но в движении меня это почти не беспокоило. Главное, чтобы он не продолжил потом, когда мы разобьем лагерь,— будет очень трудно удержаться от умиротворяющего рукоприкладства. Позволить же испускать губительные звуки и дальше будет еще трудней...

В городе мы были недосягаемы для солнца, а теперь его лучи — не горячие, а по-весеннему ласковые — радовали. Было приятно идти, чувствуя на себе их тепло. Воздух был свеж и напоен каким-то пряным ароматом, щекочущим ноздри.

Башни и шпили красного здания тянулись вверх. Казалось, что они хотят проткнуть это безоблачное небо... Теперь, когда мы выбрались наконец из города и могли видеть ничем не заслоненное солнце,— теперь казалось, что мы на правильном пути и он останется правильным, куда бы мы ни пошли.

Удивившись собственному безумию, я подумал о том, что на змеящейся перед нами тропе мы вполне могли бы наткнуться на кентавров, купивших мозг Роско, и если этот мозг еще существует — вернуть его и всунуть в пустую голову робота, с тем чтобы тот немедленно нам все объяснил... В свое время мне приходилось гоняться за недостижимым, но для успеха не хватало, вероятно, бабы-охотника, слепого мечтателя и подлого монаха с грязными ногтями. Не предельно, но достаточно грозная команда...

Мы были примерно на полдороге к зданию, когда за спиной послышались удивленно-испуганные крики, и, повернувшись, я увидел несущихся лошадок.

Не раздумывая, я бросился в сторону от тропы, увлекая за собой Сару. Едва мы откатились, мимо грозно прогремели качалки, двигавшиеся с такой скоростью, что казались размытым пятном. Смит еле держался в своем седле, а коричневая сутана Тука хлопала на ветру.

Лошадки стремительно приближались к скату, ведшему в здание, и визжали так, что мороз подирал по коже.

Едва я приподнялся, как что-то негромко разорвалось над головой и темно-красные шарики, просвистев, запрыгали по земле.

Было непонятно, что же происходит, но понятно, что надо уносить ноги. Больше всего хотелось последовать за лошадками, которые, получалось, обо всем знали заранее — оттого и побежали. Я рывком поднял Сару на ноги, и мы бросились к скату.

Справа снова хлопнуло, и еще больше темно-красных дробинок, подымая клубы пыли, заскакало перед нами.

— Дерево! — задыхаясь, крикнула Сара.— Это бросает дерево!

Я вскинул голову и увидел множество темных шаров, летящих вниз. Казалось, что они действительно летят с дерева!

— Осторожно! — крикнул я Саре и, толчком повалив ее на землю, упал и сам. Над нами беспорядочно хлопали темные шары, и казалось, весь воздух был наполнен отвратительно свистящими дробинками. Одна из них ударила меня по ребру, и ощущение было такое, будто меня хлестнули кнутом; другая — чиркнула по щеке.

— Быстрей! — крикнул я, поднимая Сару на ноги.

Она оттолкнула мою руку и, выказав необычайную резвость, добежала до ската первой.

Глухие хлопки вокруг не прекращались, и весь грунт плясал под бесчисленными дробинками. Однако мы ухитрились, ни разу не споткнувшись, взбежать наверх и скрыться наконец в дверях целыми и невредимыми.

Вся компания была там. Перед испуганно теснящимися лошадками бегал туда-сюда Хух, суетясь, как встревоженная овчарка. Тук сутулился в седле, а коротконогий бочонок Смит сидел невозможно прямо и пугающе сиял.

Снаружи все еще продолжались взрывы шаров, набитых дробинками, которые бились о грунт и прыгали, прыгали, прыгали.

Я посмотрел на Сару и нашел ее несколько изменившейся. Всегда безупречный костюм был помят и испачкан. Грязь была даже на щеке. Заметив, что она все еще сжимает свое ружье, я не мог не усмехнуться.

Что-то маленькое метнулось мимо ног, затем еще раз — и я увидел спешивших к двери крысоподобных существ. Каждое из них схватило по одной из прыгавших дробинок и немедленно вернулось назад, крепко сжимая добычу зубами.

Из глубины помещения донесся громкий шорох, сопровождаемый писком, и секунду спустя уже целая река этих тварей вылилась в дверь. Лошадки, перепугавшись еще больше, отступили в сторону — и все мы последовали их примеру.

Твари между тем не обращали на нас ни малейшего внимания. Единственным, что их занимало, были пляшущие дробинки, за которыми они гонялись с таким вдохновением, словно ничего важнее на свете не существовало. Поглощенные этим занятием, они иногда натыкались друг на друга, но на драки не отвлекались. А темные шары все продолжали падать, разбрасывая свою начинку...

Хух приблизился ко мне и, подогнув ноги, опустился на живот. Затем он коснулся щупальцами пола и сказал:

— Ожидая наступления голодных времен, они делают запасы.

Я кивнул, сочтя это логичным. Темные шары были чем-то вроде стручков, наполненных семенами, и разбрасывание их являлось обычным способом размножения. Но не только! Стручки годятся и для использования в качестве оружия, в чем мы убедились! Дерево как будто знало о нас и, как только мы вошли в пределы его досягаемости, открыло огонь. Окажись мы чуть ближе к нему или на совершенно открытой местности — нам пришлось бы туго. Мое ребро все еще помнило полученный удар, а на щеке осталась царапина. Нет, это было просто невероятным везением — то, что поблизости оказалось здание!

Сара уселась на пол и положила ружье на колени.

— Как дела? — спросил я.

— Устала всего-навсего... Как я понимаю, у нас нет причин, по которым мы не могли бы здесь отдохнуть.

Оглядевшись вокруг, я увидел, что Тук уже слез со своей лошадки, а Смит все еще восседал в седле, задрав голову и слегка наклонив ее к плечу, словно прислушивался,— и по лицу его было разлито неимоверное счастье.

— Тук,— сказал я.— Не могли бы вы с Джорджем развьючить этих благородных скотин? А я пока поищу чего-нибудь горючего...

У нас, правда, имелся походный обогреватель — но стоило ли тратить драгоценное топливо, когда можно было раздобыть

дров? К тому же костер — это такая штука, у которой можно посидеть и поговорить...

— Не могу стащить его, капитан! — чуть ли не плача, пожаловался Тук.— Он не слушается! Даже внимания не обращает!

— Что с ним?! Не ушибся ли он, случайно?

— Не думаю. По-моему, он наконец достиг своей цели. Добрался туда, куда стремился все это время.

— Вы имеете в виду голос?

— Да. Этот голос идет из здания, в котором мы сейчас находимся. Похоже, оно когда-то служило храмом...

Что-то церковное в наружном виде здания действительно было. Об интерьере же судить мы пока не могли. Только небольшая часть пространства у самой двери была освещена солнцем — остальное же тонуло в темноте...

— Так или иначе,— сказал я,— мы не можем на всю ночь оставить вашего приятеля в седле. Попробуем-ка стащить его вдвоем...

— А потом? — спросил Тук.

— Что потом?

— Ну снимем мы его сегодня — а завтра?

— Чертовски сложная проблема! А завтра, если он не избавится от своей новой привычки, мы опять посадим его в седло и как следует привяжем, чтоб не свалился!

— Вы хотите сказать, что повезете его дальше? Когда он находится там, куда страстно стремился большую часть своей жизни?

— А по-вашему,— заорал я,— мы должны из-за этого рыдающего идиота обосноваться здесь навсегда?!

— Должен напомнить вам, капитан,— с ядовитой отчетливостью сказал Тук,— что этот рыдающий идиот указал нам дорогу. Если б не он, то...

— Джентльмены! — поднявшись на ноги, перебила его Сара.— Умерьте свой пыл!.. Не знаю, капитан, понимаете ли вы это, но, возможно, мы уйдем отсюда не так-то скоро...

— Да? И что же нас задержит?

Она кивнула на дверь:

— Наш новый друг — дерево. Оно держит нас на мушке. Можете убедиться сами. Вся эта дрянь по-прежнему падает на скат. Без промахов причем. Попытка выйти наружу может

стоить вам жизни. Даже маленькие юркие грызуны, собирающие семена,— и те несут потери...

Я увидел, что это действительно так. За дверью не утихала дикая пляска дробинок. Казалось, прыгает и дергается сама почва, на которой там и тут неподвижно лежали крошечные тельца.

— Дерево устанет,— сказал я.— Оно выдохнется. У него кончатся боеприпасы.

Сара покачала головой:

— Не думаю, капитан. Какова, по-вашему, высота этого дерева? Четыре мили? Пять? А крона его начинается уже в нескольких сотнях футов от земли. Представьте себе также и поперечник этой кроны, достигающий, возможно, мили. Сколько же стручков способен произвести такой исполин?..

Она была права в своих выкладках. При желании дерево могло держать нас взаперти как угодно долго...

— Доббин! Может, поведаешь, в чем тут дело? Почему этот чертов куст так разошелся?

— Я ничего вам не скажу, благородный сэр. Достаточно того, что я иду с вами и несу ваше имущество. На большее не рассчитывайте. Никакой информацией мы вам не поможем. Вы обращались с нами скверно и не должны ждать от нас ни малейшей сердечности...

Из темноты выкатился Хух, помахивая парой щупалец, увенчанных глазами. Последние возбужденно блестели.

— Майк,— прогудел он.— Странные мысли навеваются. О древних таинствах... О бесконечном времени и неизведанном... Здесь присутствует нечто — и оно, это нечто, нуждается в каком-то существе...

— И ты туда же,— вздохнул я и снова посмотрел на Смита.

Тот сидел все так же, как изваяние, с замороженной гримасой счастья. Его уже не было с нами. Он находился в другом конце Вселенной...

— Место вообще-то спокойное,— продолжил Хух.— Но покой этот очень странного, пугающего свойства... Впрочем, это лишь мое ощущение. У меня, знаете ли, иные представления о местах, предназначенных для отдыха. Так или иначе, считаю своим долгом информировать вас на всякий случай...

— Ну что? — спросила Сара.— Снимаете вы Джорджа — или пускай себе сидит?

— Ему-то, конечно, все равно,— ответил я,— но лучше снимем.

Поднатужившись, мы с Туком стащили Джорджа с седла, отволокли к стене и прислонили рядом с дверью. Он был совершенно отключен — не сопротивлялся и не выказывал никакого интереса к происходящему.

Подойдя к одной из лошадок, я снял с нее сумку и, порывшись, извлек оттуда фонарик.

— Пошли, Хух. Поищем дров. Возможно, здесь завалялось что-нибудь из старой мебели...

И мы ступили в темноту, которая, как я скоро убедился, не была беспросветной, а только казалась такой оттуда, где все было залито солнцем. Какой-то ирреальный полумрак окружал нас — полумрак, похожий на дым или густой туман.

Разглядеть что-либо было почти невозможно. Неясные очертания предметов ничего не сообщали. Высоко над головой время от времени вспыхивал свет, проникавший сюда в щель или окно. Чуть в стороне от нас по-прежнему сновали заготовители семян. Я осветил их, и в ответ мне злобно сверкнуло множество маленьких красных глазок. Передернувшись, я направил луч вперед.

Что-то легонько стукнулось о мою руку. Я посмотрел вниз и увидел Хуха, с вытянутым ко мне щупальцем. Еще одно щупальце куда-то указывало.

Посмотрев в предложенную сторону, я обнаружил там нечто похожее на кучу хлама.

— Может быть, дрова? — предположил Хух, и мы решили проверить.

Куча оказалась куда более внушительной и отдаленной от нас, чем можно было подумать. Но мы все же добрались до нее и, осветив, стали рассматривать.

Там лежали просто замечательные дрова! Коротко поломанные доски — мебельные, о которых я и мечтал! Но было и кое-что еще. Были куски металла, ржавые и вполне сверкающие,— куски, которые когда-то, до того как их скомкали, скрутили и разломали, представляли собой инструменты. Кто-то проделал большую разрушительную работу... Кроме досок и исковерканного металла в куче лежали странной формы деревянные кусочки, обвязанные волоконцами.

— Много ярости израсходовано на неодушевленные предметы,— оценил увиденное Хух.— Загадочно и вряд ли постижимо.

Протянув ему фонарик, который тут же обвился щупальцем, я присел и начал вытаскивать доски, наиболее пригодные для костра. Все они оказались сухими и увесистыми, и было их огромное множество. Случайно подобрав одну из обвязанных деревяшек, я хотел было отбросить ее, но потом передумал: нить могла пригодиться в качестве фитиля.

Охапка получилась нешуточная, и я, медленно поднявшись на ноги, накрыл ее, чтобы не развалилась, свободной рукой.

— Пойдешь с фонариком, Хух... У меня только две руки.

Ответа не последовало, и когда я посмотрел вниз, то обнаружил своего приятеля в полной неподвижности. Он замер в стойке, как охотничья собака, и два щупальца его были направлены прямо вверх, в потолок — если таковой здесь имелся...

Задрав голову, я не увидел ничего, но почувствовал над собой пустоту, тянущуюся от моих ботинок до кончиков самых высоких шпилей. Эта пустота стремительно наполнялась шорохом, все более напоминающим хлопанье крыльев.

Шум неумолимо нарастал. Казалось, что где-то там, наверху, миллионы существ, невидимая их тьма, летят из ниоткуда в никуда и каждое новое мгновение над нами хлопают уже другие крылья...

Я напряг зрение, чтобы увидеть хоть что-то, но так и не увидел. Они летели слишком высоко, или были невидимками, или вообще не существовали... Но звук-то был! Обычный — не здесь и не сейчас, и необъяснимый сейчас и здесь — он ведь был!..

И вдруг все прекратилось. Мы стояли среди абсолютной, звенящей тишины.

— Здесь ничего не было,— прогудел Хух, опустив щупальца.— Было — где-то.

Как только он это сказал, я понял, что мы чувствовали одинаково. И что звук этих крыльев был неким пространственно-временным эхом. Но почему я так решил — было непонятно...

— Возвращаемся,— сказал я.— Всем нам уже давно пора подкрепиться. А также вздремнуть... А как же ты, Хух? Устроит ли тебя наше меню?

— Я в своем втором «я»,— ответил он, и я вспомнил, что уже слышал об этом.

Его второе «я» было неприхотливо до крайности и еды не признавало.

Вернувшись, мы застали лошадок стоявшими плотным кругом, головами внутрь. Снятая с них поклажа лежала у стены, рядом с упорно счастливым Смитом, похожим на улыбавшуюся куклу. Там же лежал и безмозглый Роско. На них двоих было противно смотреть.

Солнце уже закатывалось, и за дверью было чуть светлее, чем внутри. Неутомимые грызуны все еще носились со своими драгоценными шариками.

— Стрельба утихла,— сказала Сара,— но возобновится, стоит вам высунуть нос.

— Вы, конечно, проверили.

— Да. Выглянула и быстро спряталась. Я ведь становлюсь ужасной трусихой, когда дело принимает такой оборот... Дерево способно видеть, капитан. Оно видит нас — я уверена в этом.

Я сбросил на пол принесенные дрова. Кастрюльки, кружки и кофейник, распакованные Туком, стояли наготове.

— Расположимся поближе к двери,— сказал я.— Чтоб не было так дымно.

Сара кивнула:

— Огонь и еда — что может быть лучше... Как я устала, капитан... А где Хух? Разве он...

— Он не ест и не пьет, потому как находится в своем втором «я». И давайте не будем развивать эту тему...

— О, отличные дрова! — воскликнул, присаживаясь на корточки, Тук.— Где вы это нашли?

— В куче хлама.

Я тоже присел и, вынув из кармана нож, расколол тонкую дощечку на щепки. Потянувшись за следующей доской, я снова ухватил ту, особого вида деревяшку и уже совсем собрался пустить ее в дело, когда Тук удержал мою руку:

— Секундочку, капитан!

Он взял эту ерунду и развернул ее так, чтобы она осветилась бледным светом, пробивавшимся в дверь. И только теперь я увидел, чем была эта деревяшка с привязанным к ней пучком не то соломы, не то сухой травы.

— Кукла! — удивленно воскликнула Сара.

— Нет, не кукла...— пробормотал Тук. Его руки дрожали, и он, стараясь унять дрожь, все крепче сжимал деревяшку.— Не кукла и не истукан... Вы посмотрите на лицо!

Даже в сумерках это лицо было удивительно различимым. Оно не походило на человеческое. На обезьянью мордочку — возможно, хотя и в этом я сомневался. Но, взглянув на него, я испытал настоящее потрясение. Человеческое или не человеческое — но каким это лицо было выразительным! Какая запечатлелась в нем безысходная тоска!.. Ничего себе безделушечка, подумал я... Нет, лицо вообще-то было сработано ничуть не изящней всей куклы, напоминающей кукурузную кочерыжку. Но каким-то непостижимым образом чьи-то руки, движимые бог знает кем, отразили в грубоватых чертах такое страдание, смотреть на которое без боли было просто невозможно...

Тук медленно поднял куклу и крепко прижал к груди. Он долго смотрел на нас, то на одного, то на другого, а потом закричал:

— Вы что, не видите?! До вас не доходит?!

Глава 6

Наступила ночь. Магический круг света, отбрасываемого костром, делал темень еще более густой и тяжелой.

За спиной у меня, поскрипывая, тихонько качались лошадки. Смит продолжал сидеть у стены. Мы уже пробовали его растормошить, но безрезультатно. Это был просто мешок, оболочка. Остальное витало неизвестно где... Выпотрошенный Роско посверкивал металлом. Тук со своей куклой, крепко прижатой к груди, неподвижно смотрел в темноту.

Чертовски удачное начало экспедиции, подумал я. Финиш на старте...

— Где Хух? — спросила Сара.

— Рыщет где-то. Он у нас беспокойный... А не вздремнуть ли вам, Сара?

— А вы будете сидеть, охраняя мой сон?

— Я не такой Ланцелот, каким выгляжу, и разбужу вас, чтобы тоже соснуть,— можете не сомневаться...

— Хорошо, чуть позже... Вы заметили, капитан, что эти стены из камня?

— Заметил — ну и что?

— Они не такие, как в городе. Камень — натуральный... Я в этом совершенно не разбираюсь, но он выглядит как гранит... А как вы думаете, из чего сделан город?

— Уж не из камня,— сказал я.— Это какой-то искусственный материал, химия. Его атомы сцеплены так, что никакая сила их не разорвет. Даже выстрелом из лазерного ружья не поцарапать этой дряни.

— Знаете ли вы химию, капитан?

Я покачал головой:

— Не настолько, чтобы это бросалось в глаза.

— Так вот. Те, кто построил это здание, не строили город. Они жили гораздо раньше.

— Кто знает... Мы же понятия не имеем, как давно стоит этот город. Мало-мальски заметная эрозия надкусит его через миллионы лет, если она вообще соберется...

С минуту мы сидели молча. Взяв щепку, я пошевелил ею горящие доски. Пламя вспыхнуло с новой силой.

— Ну а что утром, капитан?

— А что — утром?

— Что мы станем делать, когда наступит утро?

— Двинемся дальше, если дерево не будет возражать. Потом найдем кентавров, узнаем, имеется ли у них черепная коробка Роско, заполучив которую...

Сара кивнула в сторону Смита:

— Ну а с ним-то как?

— Может быть, он еще очнется к тому времени. Нет — так забросим его на лошадку. А Тука, если он тоже не собирается выходить из своего транса, я уж как-нибудь расшевелю.

— Но ведь Джордж уже нашел то, что искал!

— Давайте-ка вспомним, кто купил наш корабль и оплатил все счета! Кто потащил сюда Смита! И теперь вы хотите опустить лапки? Остановиться на полпути только из-за того, что какой-то придурок решил сойти на этой остановке?

— Не знаю...— сказала Сара.— Если он...

— Ладно! Давайте оставим его здесь, если он приехал!

— Нет, капитан! — испуганно воскликнула она.— Вы никогда не сделаете этого!

— Почему же?!

— Потому что это было бы бесчеловечно... Вы не повернетесь к нему спиной!

— Но он-то уже повернулся? Получил все, что хотел,— и повернулся...

— Вы уверены, что он получил?

С этими женщинами не соскучишься. Логики — никакой. Только что она мне втолковывала, будто Смит уже завершил свою программу, но стоило мне согласиться — у нее уже другое мнение.

— Я ни в чем не уверен.

— А собираетесь идти дальше и принимать решение за решением...

— Безусловно,— твердо сказал я.— Иначе мы будем сидеть здесь вечно. Ситуация требует действий. Скорее всего, нам предстоит еще долгий путь.

Я поднялся и подошел к двери. Не было видно ни луны, ни звезд. Белизна городских стен едва пробивала темноту. Разглядеть что-то еще было невозможно.

Дерево прекратило свою бомбардировку. Выполнив долг, убрались грызуны. Возможно, это был подходящий момент, чтобы улизнуть отсюда,— а возможно, и нет. Вряд ли темнота что-то значила для дерева, и вряд ли оно видело нас. Чувствовало, скорее... Обстрел закончился, как только дерево поняло, что мы боимся выйти,— и он возобновится, едва мы осмелеем. Могло оно и догадаться о нашей нелюбви к путешествиям в темноте. Идти вслепую действительно не стоило. Кроме того, мы были совершенно вымотаны и нуждались в отдыхе...

— Почему вы отправились с нами, капитан? — спросила Сара, по-прежнему сидя у костра.— Ведь веры в успех у вас не было с самого начала!

Я подошел к ней и уселся рядом.

— Вы забыли о всученных мне деньгах. Причина — в них.

— Только-то? Что-то не верится... Скорее, вы боялись, что никогда больше не вернетесь в космос. И будете пожизненно прикованы к Земле. Эта мысль терзала вас с первой минуты пребывания там.

— По-моему, вы хотите выведать совершенно другое,— сказал я.— А именно — что заставило меня искать убежища на Земле. Вы жаждете узнать, с каким таким преступником

вам приходится странствовать. Как же так вышло, что вы не разнюхали все пикантные подробности? Ведь остальное — даже время моего приземления — было вам известно! Ну и шпики пошли. Дармоеды, самые настоящие.

— Я слышала многое,— невозмутимо ответила она.— И не могла определить, где выдумка, а где правда. Но одна из историй, самая нашумевшая, кажется мне подлинной... Скажите, Росс, это был обман? Лучшее надувательство всех времен и народов?

— Не знаю. Рекорды меня не занимают.

— Тем не менее вы вовлекли в это дело целую планету. Хотя — что же еще вовлекать охотнику вашего профиля... Была ли она действительно так хороша, как рассказывают, капитан?

— Мисс Фостер,— сказал я и вздохнул.— Она была восхитительна. Она была прекрасна, как Земля, еще не изведавшая ледниковый период.

— Тогда отчего же все расстроилось? Слухи, должна вам сказать, были самые противоречивые. Кто-то говорил, что там обнаружен вирус, кто-то нажимал на неустойчивый климат, а некоторые уверяли, будто планеты не существует вообще.

Я усмехнулся. Не знаю почему — но я усмехнулся. Хотя веселья не ощущал.

— Там был один изъян,— сказал я.— Небольшой... Планету населяли разумные существа.

— Но вы должны были заметить это!

— Не обязательно. Их было совсем немного, и обнаружение почти исключалось... Скажите, Сара, на что нужно обращать внимание, если вы ищете разум?

— Ну, не знаю...

— Я тоже, представьте!

— Но ведь вы...

— Я охотился за планетами, но не исследовал их! Охотник не в состоянии провести исследование планеты! У него нет соответствующего снаряжения! Он может составить лишь некоторое представление об объекте! Более того: результаты исследований, проведенных человеком на им же открытой планете, никто не примет всерьез! Он пристрастен! Планета должна быть зарегистрирована в законном порядке и...

— Вы, конечно, выполнили это требование. Иначе не смогли бы ее продать...

— Конечно,— кивнул я.— Солидная инспекционная фирма выдала мне сертификат. Все было сделано как полагается... Но! Я совершил одну ошибку. Я дал им сверху — переплатил, чтобы они как можно быстрее погрузили оборудование, отрядили людей и провернули все дело. Мне не хотелось, чтобы кто-то, открыв планету еще более привлекательную, повредил моему бизнесу.

— Это было маловероятным, не так ли?

— Да, вообще-то. Но вы должны понять, что можно рыскать по космосу десять жизней — и не встретить даже бледного подобия той планеты, на которую я наткнулся! Когда такое случается, ты становишься сам не свой! Ты просыпаешься по ночам — весь в поту! Ты знаешь, что это твой первый и последний шанс добиться успеха! Мысль о том, что все может рухнуть, непереносима для тебя!

— То есть вы спешили.

— Чертовски правильно подмечено! Я действительно спешил. Спешили также инспектора, отрабатывающие мою премию. Я не говорю, что они были небрежны, но и не исключаю этого. Однако будем справедливы... Разумные существа занимали там небольшой участок джунглей, и разумность их отличалась скромностью. Если б кто-то миллион лет назад обследовал Землю, он бы тоже не обнаружил там людей... Существа моей планеты обладали интеллектом питекантропа и, как и положено питекантропу, держались в стороне от чужого глаза, а также не возводили небоскребов.

— Значит, все это только ошибка?

— Да,— ответил я.— Большая ошибка, всего лишь...

— А разве не так? — продолжала допытываться она.

— Так-то так, но попробуйте объяснить это миллиону поселенцев, понатыкавших там свои фермы и уже оценивших этот уголок по достоинству. Попробуйте объяснить фирме, торгующей недвижимостью,— после того, как этот миллион потребовал от нее возмещения всех убытков!.. А тут еще вспомнили о премии...

— Вы хотите сказать, что вас обвинили в даче взятки?

— Именно, мисс Фостер.

— Но этого не было? Я хотела сказать — это не было взяткой?

— Не знаю,— сказал я.— Для меня — нет. Предложив эти деньги, я рассматривал их не как взятку, а как доплату за срочность. Хотя — как мне теперь кажется — эти люди могли закрыть кое на что глаза, раз уж я такой славный парень...

— Так или иначе, вы перевели вырученные деньги на номерной счет одного из банков Земли. Что-то тут не вполне безупречно...

— За это пока не вешают, насколько мне известно. И в космосе такая операция — обычнейшее дело. Земля — единственная планета, где разрешены номерные счета, и банковская система ее достаточно совершенна. Чек, во всяком случае, там принимают к оплате повсеместно — не то что на других планетах...

Она улыбнулась:

— Возможно... Мне очень многое в вас нравится, капитан, но многое я и ненавижу... Что же вы решили насчет Джорджа — брать или не брать?

— Если он намерен продолжать в том же духе — мы похороним его. Без еды и питья он долго не протянет. Я, между прочим, не специалист по принудительному кормлению — а вы?

Она раздраженно мотнула головой и сменила тему разговора:

— Ну а с кораблем как?

— А как с кораблем? — поинтересовался я.

— Может быть, вместо того чтобы уходить из города, мы должны были вернуться на посадочное поле?

— Чтобы что? Постучать немного по корпусу? Разбить скорлупку кувалдой, которая у нас отсутствует?

— Но ведь рано или поздно корабль нам понадобится!

— Да,— сказал я.— Или нет. Узнаем позже, если узнаем... В любом случае не стоит надеяться, что грубый натиск опасен для этой глазури. Было бы так — кто-нибудь давно расковырял бы ее.

— Кто-то, возможно, и расковырял. А потом улетел. Просто мы не знаем этого.

— Не исключено. Но околачиваться в городе мы все равно не должны. Забавные рассказы о вибрации могут оказаться правдой.

— Значит, уходим, даже не попытавшись проникнуть в корабль?

— Мисс Фостер! Мы наконец-то напали на след вашего Лоуренса Найта! Ведь вы этого хотели, если не ошибаюсь?

— Да, разумеется. Но корабль...

— Выбирайте, черт возьми!

— Ищем Найта,— после некоторой паузы твердо сказала она.

Глава 7

Сара растолкала меня перед самым рассветом.

— Джордж исчез! Он был здесь еще минуту назад! И вот — нет!..

Я поднялся на ноги, стряхивая с себя остатки сна и все глубже проникая в причину такой напористой подачи информации.

Было темновато. Костер еле теплился и освещал чуть больше, чем самого себя. Джордж испарился. Место, куда его прислонили вечером, пустовало. Роско хранил нелепую позу. Сваленные в кучу припасы остались.

— Может быть, он проснулся и ему понадобилось выйти? — предположил я.

— Нет! — снова закричала она.— Не забывайте, что этот человек слеп! Он бы позвал Тука, чтобы тот вывел его! Но он никого не звал! И вообще не шевелился! Я бы обязательно услышала это, сидя здесь, у костра! Я оборачивалась и видела его всего за минуту до исчезновения!

— Ага...— сказал я, выслушав эти вопли.— А теперь успокойтесь — хорошо?.. Где, скажите-ка мне, Тук?

— Да вот он. Спит.— Она кивнула в сторону.

За Туком темнели силуэты лошадок. Бодрствующих, вероятно. Вероятно!.. Лошадки не спали наверняка! Зачем им спать! Они стояли и наблюдали!.. Не было видно Хуха.

Сара, конечно, права. Если бы Смит очухался от своей комы и захотел бы попить воды или облегчиться — он обязательно поднял бы крик, зовя преданного, безотказного Тука. И она услышала бы малейший шорох, произведенный им,— потому что тишина тут гулкая. Чирканье спички о коробок, шуршание одежды слышны с пугающей отчетливостью...

— Ну ладно,— сказал я.— Он исчез. И вы ничего не слышали. Что ж, будем искать! Только, пожалуйста, без паники. Для нее пока нет оснований...

Я зяб и вдобавок чувствовал себя абсолютно сбитым с толку. Мне было совершенно наплевать на Смита. Я почти радовался, что он пропал, и почти желал — чтобы окончательно. Это было бы для нас чудесным избавлением... Согреться никак не удавалось. Ледяной холод, казалось, шел у меня изнутри, и я мерз от собственного дыхания...

— Мне страшно, Майк,— прошептала Сара.

Я подошел к спавшему Туку и, наклонившись, увидел, что он лежит как-то не по-людски — приняв позу эмбриона и сжимая обеими руками куклу, пристроенную между коленями и подбородком. Он спал с этой ерундой, как спит с плюшевым мишкой младенец в своей кроватке!

Протянув руку, чтобы разбудить его, я замер в нерешительности. Как-то неловко было возвращать это свернувшееся калачиком существо в холодную и бессмысленную пустоту чужой планеты.

— В чем дело, капитан? — спросила Сара.

— Все в порядке,— ответил я и стал трясти костлявое плечо Тука.

Он проснулся, вяло потер глаза и еще крепче прижал к себе нелепую свою куклу.

— Исчез Смит,— сказал я.— Мы отправляемся искать его.

Тук сел и потер глаза еще раз. Казалось, он не проникся сказанным.

— Смит исчез! — повторил я энергичней.— Ушел! Понимаете?

Он медленно покачал головой:

— Сомневаюсь, чтобы он мог уйти. Его забрали.

— Забрали?! — закричал я.— Кто, черт побери? Кому он мог понадобиться?

Тук посмотрел на меня так снисходительно, что я едва не придушил его.

— Не понимаете...— сказал он.— Не понимали раньше — не поймете и позже... Это окружает вас, а вы не чувствуете. Потому что слишком грубы, материальны. Для вас существует лишь сила и сопутствующие ей доблести. Даже здесь вы...

Я ухватил его за край сутаны и поволок. В попытке высвободиться он поднял руки, и кукла упала. Пинком я послал ее в темноту.

— Ну?! Что же такое меня окружает — недоступное пониманию, а?!

От энергичных встряхиваний руки и голова его болтались как тряпичные, а зубы стучали.

— Оставьте человека в покое! — закричала Сара, вцепившись мне в руку.

И я оставил. Тук, пошатываясь, стоял перед нами.

— Что он вам сделал? — холодно спросила Сара.— Что он такое сказал?

— Вы слышали. Вы не могли не слышать. Он уверяет, что Смита забрали. А я не прочь узнать, кто и как это сделал! А также — куда и с какой целью его забрали!

— Я тоже не прочь узнать это,— сказала Сара.

Черт побери! Она, кажется, приняла мою сторону! И, между прочим, чуть раньше назвала меня «Майк», а не «капитан»...

Тук, скуля, побрел от нас подальше. Вдруг он рванулся и юркнул в темноту.

— Но-но! — крикнул я, бросаясь вслед, и тут же увидел его согнувшимся над своей драгоценной игрушкой. Мне оставалось лишь плюнуть с чувством — и вернуться к костру.

Поворошив угольки, я положил сверху пару досок. Языки пламени принялись их лизать.

Вскоре к костру подошли Сара с Туком и уставились на меня. Воззрился на них и я... Наконец Сара заговорила:

— Так мы будем искать Джорджа или нет?

— А где его искать? — спросил я.

— Там...— И она неуверенно махнула рукой в темную сторону помещения.

— Вы же не слышали, чтобы он уходил. Вы видели его сидящим — а потом это место опустело внезапно. Он исчез без малейшего шороха, хотя не мог просто так взять и уйти на цыпочках. Потому что слеп и даже не знал, где он находился... Проснувшись, он немедленно подозвал бы Тука... Ваше мнение, сэр! Вы, кажется, не договорили?

Тук в ответ лишь поджал губы.

— Вы должны мне верить,— сказала Сара.— Я не спала, даже не дремала. И все время была настороже. Все произошло именно так, как я рассказала.

— У меня нет оснований не доверять вам, Сара. Но вот Тук — по-моему, он что-то знает. Давайте-ка выслушаем его, прежде чем отправиться на поиски.

Я умолк. Молчала и Сара. Мы ждали. И вот Тук заговорил...

— Вы ведь знаете об этом голосе,— сказал он.— О голосе человека, которого Джордж называл своим другом. Этот друг был здесь. Прямо здесь. На этом самом месте.

— И вы полагаете, что друг прихватил Джорджа с собой?

Тук кивнул:

— Не знаю, каким образом это произошло, но почти уверен, что произошло именно так. И я рад за Джорджа. Наконец-то в его жизни произошло что-то хорошее — после всех этих лет... Он вам не нравился, я знаю. Он не нравился не только вам. Многие люди приходили в раздражение при одном его виде. Но у Джорджа была прекрасная душа. И врожденная деликатность.

Ах, еще и это, подумал я. Сохрани, Боже, от всех деликатных хлюпиков!..

— Ну что, капитан? — спросила Сара.— Как вам версия?

— Не знаю... Что-то в любом случае произошло. Это ли — я не уверен. Но Джордж не ушел. Он не мог сделать это самостоятельно.

— А кто, по-вашему, этот его друг?

— Он не «кто», а «что»...

И, сидя на корточках у костра, я вспомнил о хлопающих крыльях — там, в непроглядной выси пустынного здания...

— Что это? — тревожно спросил Тук.— Вы слышите?

Из темноты донеслось слабое тиканье. Затем оно стало усиливаться, словно приближаясь к нам. Мы напряженно вглядывались в ту сторону. Сара стояла с ружьем наперевес, а Тук — отчаянно прижимая к себе куклу, как спасительный амулет.

Источник тиканья я разглядел первым. И тут же закричал:

— Не стрелять! Это Хух!..

Он приближался к нам, и его многочисленные маленькие ножки, поблескивая в свете костра, дробно стучали по полу. Заметив наше напряженное внимание, он было замер, но тут же подбежал поближе и прогудел:

— Я знаю. Он ушел. Поэтому я поспешил обратно.

— Чего-чего?! — заорал я.

— Ваш друг ушел. Он сделался недосягаемым для моего сознания.

— То есть тебе известно, в какой именно момент это произошло? Ты почувствовал?

— Все вы,— сказал Хух,— находитесь у меня в сознании. Даже когда я не вижу вас. Он выпал из сознания, и я, решив, что случилось большое несчастье, спешно вернулся.

— Как давно вы это почувствовали? — спросила Сара.

— Совсем недавно.

— Вы можете сказать, куда он ушел? И как?

Хух устало махнул щупальцем:

— Нет. Знаю только, что ушел. И что искать его не имеет смысла.

— Искать — здесь? В этом здании?

— Ни в здании, ни вблизи его, ни на самой этой планете, возможно,— сказал Хух.— Он исчез совсем.

Сара посмотрела на меня. Я пожал плечами.

— Почему так трудно,— воскликнул Тук,— поверить в то, что вы не можете потрогать или увидеть? Почему все загадки должны иметь ответ? Вы способны оперировать лишь понятными вам физическими категориями! Большего ваши скудные умишки объять не в состоянии!..

Вообще-то мне следовало поколотить его, но отвлекаться на это ничтожество в такой момент было бы непозволительной роскошью...

— Мы все-таки попробуем,— сказал я Саре.— Я не думаю, что мы обязательно найдем его, но...

— Да, нельзя не попытаться.

— Вы не верите тому, что я говорю? — удивился Хух.

— Не то чтобы не верим...— сказал я.— Ты, несомненно, говоришь правду, но у нашей расы существует такое понятие, как верность. Это трудно объяснить. Даже когда надежда потеряна, мы все равно надеемся. Нелогично, конечно...

— Нелогично,— согласился Хух.— Вне сомнений... Однако любопытное чувство. Восхитительное даже. Я отправляюсь на поиски вместе с вами.

— В этом нет нужды, Хух!

— Вы не хотите, чтобы я разделил вашу верность?

— Ну ладно. Так и быть. Пошли.

— Я тоже с вами,— встрепенулась Сара.

— А вот вы как раз-то и не с нами,— сказал я.— Остаетесь часовым.

— Но здесь же Тук! — воскликнула она.

— Неужели вы не понимаете, мисс Фостер,— обиженно заметил Тук,— что мне никогда не доверят ничего подобного! В то время как сами занимаются глупостями. Потому что существо это сказало чистую правду. Искать Джорджа — бесполезно.

Глава 8

Едва мы ступили в темноту, Хух сказал:

— Я вернулся с некоторой информацией, сообщить которую еще не успел. Вероятно, она пустяк в сравнении с печальным фактом исчезновения вашего товарища. Но может быть, заинтересует вас.

— Выкладывай,— сказал я.

— Информация касается семян... С этим слаборазвитым интеллектом связана какая-то тайна...

— Бога ради, без вступлений!

— Я несовершенен в ведении простой беседы, Майк. Вам следует это учитывать... И пожалуйста, поверните меня чуть-чуть...

Он действительно отклонялся куда-то в сторону, и легкая корректировка курса ему не мешала...

Мы подошли к массивной металлической решетке, лежавшей прямо на полу.

— Семена там, внизу,— сказал Хух, щупальцем указывая на решетку.

— Ну и что?

— Посмотрите, посмотрите... Осветите яму и посмотрите.

Я опустился на колени и, прижавшись лицом к металлическим прутьям, стал всматриваться.

Яма оказалась основательной. Луч света не достигал стен. Внизу лежали семена — огромная куча, намного больше, чем все это крысоподобие собрало накануне.

Я терпеливо искал что-нибудь этакое, удивившее Хуха,— но не находил.

Поднявшись на ноги и выключив фонарик, я так и сказал:

— Не вижу ничего особенного. Запас продовольствия — больше ничего. Крысы приносят сюда семена и сбрасывают их через решетку.

— Запас, но не продовольствия,— возразил Хух.— Не используемый в качестве продовольствия. Вот я смотрю... Я просовываю свой зрительный орган между прутьями... Я верчу им, исследуя этот колодец... И вижу, что пространство ограничено со всех сторон. Семена, упавшие туда, невозможно вытащить.

— Но там же темно.

— Для вас, но не для меня. Я могу приспосабливать свое зрение к темноте. Могу видеть сквозь семена — там глухое каменное дно. Я больше чем просто вижу! И я знаю, что там нет никаких отверстий и подходов! Наши маленькие сборщики урожая просто не смогут воспользоваться продуктами своего труда!.. Тут что-то другое...

Я еще раз прижался к решетке. Внизу лежала многотонная гора семян.

— Кроме этого склада здесь имеется кое-что еще,— протрубил Хух.

— Еще? — не без досады переспросил я.— Ты откопал что-то еще?

— Имеются кучи старых вещей,— невозмутимо продолжил Хух.— Вроде той, в которой вы нашли топливо... Видны также следы от мебели, на полу и стенах. Есть и место для поклонений...

— Алтарь, что ли?

— Об алтаре мне ничего не известно. Это место для поклонений. Святыня... А еще есть дверь. Она выходит...

— Куда выходит?

— Наружу.

— Что ж ты сразу не сказал! — заорал я.

— Из уважения к вашей озабоченности о пропаже известного лица.

— Ну-ка, веди меня туда!

— Но ведь прежде мы должны тщательно поискать вашего товарища! Мы прочешем — хотя и без малейшей надежды...

— Хух!

— Да, Майк?

— Ты сказал, что его тут нет! Это точно?

— Я уверен в этом. Но мы должны поискать его...

— Мы не будем искать,— сказал я.— Твоего слова для меня вполне достаточно...

Видел же он дно заполненного бункера, в конце концов! Носил же он нас в своем мозгу, и как только кто-то пропал — почувствовал это!.. И уж если он сказал: Смита здесь нет — значит, нет. Приходится согласиться...

— Мне бы не хотелось, чтобы вы...

— А мне хотелось бы побыстрей увидеть эту дверь, Хух!

И он засеменил вперед. Поправив ружье на плече, я поспешил за ним. Мы шли сквозь темень, гулко отвечавшую на самый незначительный звук. Я оглянулся и увидел полоску света, лежавшую перед открытой дверью. Ее пересекла тень...

Вскоре свет позади сузился в желтую соломинку и на нас всей своей тяжестью навалилась пустота, упавшая из-под самой крыши.

Хух остановился. Я не видел стены, но она была впереди, всего в нескольких шагах. Темнота разорвалась. Хух, навалившись, открывал дверь. Все шире и шире.

Она не была широкой, эта дверь. Фута два. И высокой не была тоже. Пришлось даже нагнуться, чтобы пройти в нее...

Передо мной был снова красно-желтый ландшафт. Слева и справа тянулась ограда, сложенная из того же красного камня, что и все здание. Я видел далекие деревья и не видел того, которое нас обстреляло. Его заслоняло здание...

— Сможем ли мы вновь открыть эту дверь — снаружи? — спросил я.

Хух, придерживая дверь, внимательно осмотрел ее поверхность:

— Исключено, Майк. Не позволяет конструкция.

Отыскав поблизости небольшой булыжник, я выковырял его из грунта и подкатил под дверь — так, чтобы она не могла закрыться.

— Пошли. Разведаем местность. Держись позади меня...

Я направился влево, вдоль стены, и, дойдя до угла, осторожно выглянул. Дерево стояло на месте.

Оно увидело меня или каким-то образом почувствовало мое присутствие — немедленно! И открыло стрельбу.

Черные точки отделялись от него и со свистом неслись в мою сторону, быстро увеличиваясь в размерах.

— Ложись! — крикнул я.— Быстро! — И, отпрянув, рухнул на Хуха, уже припавшего к земле,— рухнул ничком, закрывая руками лицо.

Где-то в ногах уже хлопали долетевшие шары. Некоторые из них ударялись о стену, и освободившаяся начинка тут же начинала свой пронзительно свистящий танец. Меня ужалило в плечо, а потом чувствительно ткнуло в бок.

После первой очереди я попробовал встать, но тут же упал: обстрел продолжался. Одно из семян царапнуло шею, и теперь она немилосердно горела.

— Хух! — заорал я.— Ты умеешь быстро бегать?

— Когда в меня швыряют такие предметы, я передвигаюсь стремительно.

— Тогда слушай!

— Внемлю, Майк!

— Оно стреляет очередями! В паузу, когда я крикну, постарайся добраться до двери! Держись как можно ближе к стене! Слейся с землей! Ты повернут в нужную сторону?

— Нет, в ненужную! Сейчас развернусь! — И он энергично закрутился подо мной.

Последовала новая очередь. Дробинки усыпали все вокруг. Одна из них угодила мне в ногу.

— Скажешь мисс Фостер,— продолжал я,— чтоб грузила все вещи на лошадок и немедленно снималась! Пора уносить ноги!

Тут разразился настоящий град. Семена колотили по стене и выбивали в земле воронки. Тугая струя песка едва не попала мне в голову.

— Пошел! — крикнул я Хуху, а сам, переключив лазер на максимальный режим и пригнувшись, бросился к углу здания.

Шквал визжащих дробинок обрушился на меня. Особенно чувствительными оказались удары в челюсть и в голень. Я пошатнулся и едва не упал. Хотелось оглянуться и посмотреть, как там дела у Хуха, но было не до того.

Между мною и деревом — я снова видел его — было мили три. Приклад ружья, нацеленного на черных мошек, слетевших и слетающих с дерева, вжался в плечо. Я спустил курок и стволом рассек воздух по короткой диагонали. Луч сверкнул и исчез.

Казалось, миллионы острых кулачков бьют меня, уже прильнувшего к земле, по голове и по плечам. Это шары, ударившиеся об угол, исправно высыпали свое содержимое...

Я с трудом поднялся на колени и посмотрел в сторону дерева. Раз-другой широко качнувшись, оно стало медленно падать. Протерев глаза от пыли, чтобы тут же их вытаращить, я злорадно наблюдал.

Поначалу дерево валилось очень неохотно, отчаянно пыталось устоять. Но вот верхушка сорвалась со своего поднебесья и торопливой дугой заскользила вниз.

Я встал, потер шею и с удивлением уставился на окровавленную ладонь.

Дерево грохнулось с такой силой, что земля подо мной затряслась. Вверх ударил гигантский фонтан пыли и мелких обломков.

Развернувшись, чтобы идти назад к двери, я споткнулся и вдруг почувствовал, как наполняется туманом и распухает моя голова. Я видел Хуха, стоявшего у двери, чуть в стороне, и крыс, поток которых заполнил весь проем — в высоту тоже. Гонимые своей безумной страстью к собиранию семян, они били оттуда мощной — как из пожарного рукава — струей...

Я упал — вернее, поплыл по реке пространства и времени. Я чувствовал, что падаю, но падение было удивительно медленным, и твердь, на которую мне полагалось упасть, падала тоже. Она уходила все дальше вниз, и я не успевал за нею... А потом она пропала вовсе, потому что — пока я падал — наступила ночь. Теперь я летел сквозь ужасающую, бездонную черноту... Спустя вечность темнота рассеялась, и я открыл глаза.

Надо мной было синее небо, с солнцем на краю. Рядом стоял Хух. Крысиное племя исчезло, а облако пыли все еще висело над поверженным деревом. Уходила ввысь каменная ограда, и звенела тишина.

Сев, я обнаружил, что на это нехитрое движение ушли почти все мои силы. Ружье валялось рядом, и я, протянув руку, подобрал его. Беглого взгляда было вполне достаточно, чтобы увидеть всю безнадежность повреждений. Защитный экран был донельзя скомкан, а трубка сбита набок. Я пристроил безделушку на коленях — неизвестно зачем. Стрелять

из этого ружья не рискнул бы сейчас ни один нормальный человек, а ремонт исключался...

— Я выпил все ваши жидкости! — радостно прогудел Хух.— Но потом вернул! Надеюсь, вы не сердитесь на меня?

— Еще раз, и помедленнее,— раздраженно сказал я.

— В этом нет необходимости! Все уже в порядке!

— А что в порядке?

— Я выпил ваши жидкости, но...

— Минуточку, черт побери! Какие такие жидкости?

— Соприкосновение с этими семенами наполнило вас смертоносным веществом,— объяснил он.— Смертоносным для вас, но не для меня.

— И ты выпил мои жидкости?

— Это единственное, чем можно было помочь... Процедура апробирована.

— Да хранит тебя Господь, аптечка ходячая! — растроганно воскликнул я.

— Не улавливаю смысла ваших слов...— огорчился Хух.— Я опорожнил вас, извлек примесь и вернул жидкости на место. Больше ничего... Ваш внутренний биологический насос едва не остановился. Я был очень обеспокоен. Я думал, что опоздал. Но оказалось — нет!..

Мое раздумье было глубоким, очень глубоким — но... Я не мог этого постичь! Это оставалось невозможным!.. И все-таки, как ни крути — я был хоть и слаб, но жив!.. В памяти всплывали моя распухшая голова и медленное, бесконечное падение... Что-то произошло... Эти ядрышки попадали в меня бессчетно, но их удары были не слишком серьезны... Один, впрочем, повредил кожу на шее — кровь на руке была именно от этого...

— Хух! — сказал я.— Считай меня своим должником!

— Ничего подобного! — фанфарно протрубил он.— Это я отдал вам свой долг! Ведь вы первым спасли мне жизнь, не так ли? Теперь же мы в расчете. Я очень боялся, что совершаю какой-то грех. Это могло оскорбить ваши чувства — такое бесцеремонное обращение с телом... Однако теперь я вижу, что происшедшее вас не ужаснуло!

Я поднялся не без усилий. Ружье, соскользнувшее с колен, было откинуто в сторону. Это футбольное движение едва не завершилось падением. Ноги держали меня не лучшим образом.

Хух наблюдал за мной, бодро вертя глазными щупальцами.

— Вы несли меня, Майк, но я не могу сделать того же. Лягте и вцепитесь в меня. У меня очень сильные ноги — я смогу вас тащить.

— Да ладно! — отмахнулся я.— Иди лучше вперед. Я уж как-нибудь своим ходом...

Глава 9

Тук корчил из себя мужчину. С помощью Сары он подсадил меня на Доббина, а затем настоял на том, чтобы вторую из ненавьюченных лошадок оседлала она. Сам же двинулся пешком.

Спустившись по скату, мы вскоре вышли на тропу. Тук, прижимая к груди куклу, энергично шагал впереди, а замыкалась процессия Хухом...

— Надеюсь,— сказал мне Доббин,— что вы не уцелеете. И я еще спляшу на ваших косточках.

— Взаимно,— буркнул я мрачно, думая больше о том, чтобы удержаться в седле. Слабость давала себя знать...

Тропа вела на небольшой холм, поднявшись на который мы увидели дерево — то самое, наше. Оно лежало в нескольких милях от нас и было намного крупнее, чем можно было предположить. Могучий ствол, расколотый с низу до середины, перекрывал тропу. Из огромных его трещин выползали мерзкого вида твари, серые, отвратительно гадкие, покрытые слизью. Их выползло уже огромное множество, но множество это не переставало увеличиваться. Часть их, торопливо извиваясь, сползла на тропу и раздражала теперь мой слух пронзительными тонкими воплями.

Доббин, нервно дернувшись, испустил нечто вроде испуганного ржания.

— Вы еще пожалеете об этом! — крикнул он.— Никто не поднимал руку на дерево! Никогда его обитатели не спускались вниз!

— Ты, вонючка! — ответил я сердито.— Чтоб в меня стреляли и я не ответил!

— Придется идти в обход,— сказала Сара.

— Лучше вот там.— Тук указал на пень, косо срезанный лучом моего лазера.

— Вперед,— скомандовала Сара, кивнув ему.

Тук сошел с тропы, и лошадки последовали за ним. Почва была неровная, усеянная мелкими колючками и валунами с человеческую голову. Из красной, вперемешку с песком глины торчали острые осколки — как результат работы неких маленьких деятельных существ, целую вечность дробивших здесь камни.

Едва мы пустились в обход, масса серых слизняков, конвульсивно дергаясь, поползла нам наперерез. Они текли единым потоком, на бурлящей поверхности которого время от времени появлялись воронки водоворотов.

Тук, увидев это, прибавил шагу, а потом вовсе побежал, то и дело спотыкаясь и падая на камни и колючки. Выронив в конце концов свою куклу, он остановился, поднял ее и вымазал сочившейся из исколотых пальцев кровью.

Лошадки теперь тоже бежали быстрей, останавливаясь или умеряя свой бег, как только Тук растягивался в очередной раз.

— С этой ланью,— сказала Сара,— нам не успеть. Ну-ка, я спущусь...

— Только не вы! — возразил я и спрыгнул как мешок, хорошо еще, что на ноги, после чего, избежав падения носом в колючки, протрусил вперед и ухватил Тука за плечо.

— Садитесь на Доббина,— сказал я задыхаясь.— Дальше поведу я.

Когда он повернулся, в глазах его были слезы, а лицо сморщилось в гримасе ненависти.

— Вы никогда не даете мне шанса! Вы не даете его никому! Вы хотите заграбастать все!

— Садись на лошадку, сказано тебе,— ласково отвечал я.— Иначе побью.— И, не дожидаясь реакции, двинулся вперед, внимательно глядя под ноги и не срываясь на бег в отличие от Тука.

Ноги подкашивались, в желудке была странная пустота, а голова порывалась взмыть в небо и кружиться, кружиться... При этом мне все же удавалось ступать довольно уверенно, а также не упускать из виду это скользящее серое одеяло, которое продолжало вываливаться из поверженного дерева.

Оно скользило почти с той же скоростью, с какой продвигались мы,— делая встречу неизбежной. Правда, еще можно было прорваться сквозь наружные ряды, не дожидаясь подхода основной массы...

Писк, по мере того как сокращалось расстояние между нами, усиливался, становясь все более похожим на стоны пропащих душ.

Я оглянулся. Спутники дышали мне в затылок. В попытке оторваться от них я чуть не сломал шею и вынужден был вернуться к первоначальному темпу.

Мы могли бы вообще-то и вовсе обогнать завывающую орду, увеличив угол отклонения, но такая вероятность была слишком ничтожной, а времени потратилось бы уйма. Так что следовало настраиваться на неприятное...

Какую опасность представляют собой эти существа? Если серьезную, то гораздо больше надежды на наши ноги, нежели на баллистический пугач Сары...

На какое-то короткое время я было совсем поверил, что мы не пересечемся и эти миляги останутся с носом. Но я просчитался. Огромный зыбящийся ковер все-таки дотянулся до нас своим краем.

Они были маленькие, не больше фута в длину, и выглядели как вынутые из раковин улитки. Но в отличие от последних имели лица — карикатурные человеческие лица с бессмысленным или жалостливым взглядом. Пронзительный плач их превратился теперь в слова — или в полуслова. Во всяком случае, звуки, издаваемые ими, каким-то образом воспринимались именно как слова. Все эти существа вопили и рыдали об одном и том же, и слушать их было невыносимо тяжело...

«Бездомные! — кричали они на множестве наречий.— Вы сделали нас бездомными! Вы разрушили наш дом, и нет больше у нас дома! Что теперь ждет нас? Мы погибли! Мы голые! Мы голодные! Мы умрем! Мы не знаем никаких других мест! Мы не хотим их знать! Мы хотели так мало, нам нужно было так мало — и теперь вы отняли у нас это немногое! Какое право вы имели на то, чтобы лишить нас этого немногого? Какое право имели вы, имеющие так много? Что вы за существа, если бросаете нас в мир, которого мы не знаем, которого мы не хотим знать и в котором мы даже не можем жить? Вы можете, конечно, не отвечать! Но наступит время, когда вас призовут к ответу! И что вы тогда ответите?..»

Все подавалось, конечно, куда свободнее в структурном отношении — но крики и всхлипы, безжалостно бьющие нас, означали именно это... Истекающие слизью горемыки вовсе не надеялись на какую-то помощь с нашей стороны — им просто хотелось, чтобы мы осознали всю гнусность содеянного нами. Это присутствовало не только в их криках, но и в выражениях лиц — потерянных, безнадежных и сострадающих... Да, они сострадали! Они жалели нас, таких подлых и растленных, громящих чужие дома! И жалость эта была уже совершенно непереносима...

Еле отвязавшись от них, мы продолжили свой путь. Причитания становились все тише и тише, пока не смолкли совсем — или оттого, что мы ушли достаточно далеко, или действительно прекратились за окончательной бессмысленностью.

Но они продолжали звучать в моей голове! И сознание того, что простым нажатием курка я убил не только дерево, но и тысячи маленьких, беспомощных существ, сделавших его своим домом, становилось все явственней. Я поймал себя на том, что — вне всякой логики — отождествляю их со сказочными эльфами, которые, как мне рассказывали в детстве, живут в дуплах старых, величественных деревьев, растущих, как правило, за домом. Бог свидетель — эти бедолаги не напоминали эльфов...

Глухая злость поднималась во мне в противовес чувству вины. Я обнаружил, что пытаюсь оправдаться! Задача была из простейших, и все само раскладывалось по полочкам... Дерево пыталось убить меня и убило бы — не окажись рядом Хуха. А так как оно на меня покушалось, то убил я его в целях самозащиты. А выстрелил бы я, зная, что дерево является родным домом этих безутешно плачущих существ?.. Я убеждал себя в том, что нет, не выстрелил бы, но убеждал напрасно. Обмануть себя не получалось. Я выстрелил бы, выстрелил?..

Мы взбирались по крутому горному склону. Громадный пень срезанного мной дерева тоже поднимался из-за гребня... Тогда, стреляя, я стоял лицом к северу и целился в ту часть ствола, которая была обращена на запад. Нисходящая диагональ

заставила дерево повалиться на восток. Если бы я в тот момент использовал свои мозги и начал бы резать с восточной стороны, оно, естественно, упало бы на запад. Оставив тропу свободной. О, непостижимая способность человека всегда избирать худшие варианты!..

Наконец мы вскарабкались наверх и могли теперь рассмотреть пень во всей его красе. Пень был как пень, хотя и большой, но вот вокруг этого пня зеленела лужайка диаметром с милю...

На нее было больно смотреть — такой родной она выглядела, так напоминала любовно ухоженные газоны, которые люди почему-то норовили разбивать везде, куда их только заносило. Я никогда не задумывался над этим прежде, но теперь подумал и удивился: что же заставляет гуманоидов с Земли так настойчиво это делать? Чем так дорога человеку эта аккуратно подстриженная травка? Почему именно она?..

Лошадки растянулись длинной цепью вдоль всего гребня, и Хух, поднявшийся последним, остановился рядом со мной.

— Что там такое, капитан? — спросила Сара.

— Не знаю...

Можно было, конечно, сказать, что это лужайка, и на том закончить. Но некий инстинкт подсказывал мне: ничего подобного...

Глядя на нее, человек хотел побыстрее кинуться на эту травку, вытянуться на ней до хруста, закинуть руки за голову, прикрыть глаза шляпой и сладко вздремнуть. Даже теперь, когда отсутствующее дерево отбрасывало тень совсем в другом месте, лужайка манила! Что и настораживало... Слишком она манила, уж очень прохладной и знакомой казалась...

— Нам не сюда,— сказал я твердо и, взяв чуть влево, чтобы зеленая заплатка не мозолила глаза, стал спускаться.

Лужайка никак не реагировала, совершенно никак. Хотя я был готов к тому, что она выпустит в нас какую-то огромную и опасную штуку. Я даже представил себе, как трава свернется в трубочку и из открывшейся преисподней станут выскакивать чудища на любой вкус.

Однако ничего не произошло. Пень устремлялся в небо, насколько мог. Ствол, он же бывший дом маленьких существ, валялся полурасколотым. Лужайка зеленела.

Перед нами вновь лежала тропа, пыльной ниткой уходящая вдаль, в туманную неизвестность, к новым деревцам, проглядывающим на горизонте.

Я чувствовал, что походка моя начинает стремительно меняться. Нервное напряжение, все это время поддерживавшее меня, резко спало. И мне теперь приходилось не просто идти, но давать задание сначала одной ноге, потом другой, с трудом сохраняя вертикальное положение, удивляясь такому медленному приближению тропы...

Наконец мы ступили на нее, и я тут же уселся на большой валун. Лошадки замерли в строгом строю, а Тук устремил на меня ненавидящий взгляд, совершенно неуместный.

Это чучело восседало на Доббине в драной сутане и с нелепой куклой в руках. Оно выглядело как угрюмая девочка-переросток. Если б оно сунуло большой палец в рот, картина была бы почти совершенной. Но лицо, увы, не подходило. Вытянутое, очень смуглое, с огромными водянистыми глазами... Какая, к черту, девочка?..

— Вы, полагаю,— просипел Тук,— вполне довольны собой.

— Не понимаю, что вы хотите сказать,— ответил я.

Это была истинная правда. Я действительно ничего не понял. Этот человек всегда находился вне пределов моего понимания.

— Вот что! — осуждающе воскликнул Тук, указав рукой на срезанное дерево.

— По-вашему, я должен был любоваться его снайперским искусством?

У меня не было никакого желания ругаться с ним: я чувствовал себя совершенно разбитым. Но было совершенно непонятно, отчего же он так скорбит. Ведь дерево стреляло и по нему!

— Вы погубили тех существ! — сказал он.— Вдумайтесь, капитан! Какое блестящее достижение! Уничтожено целое общество!

— Я не знал о них...— Можно было добавить, что, зная, я поступил бы так же. Но я не добавил.

— И это все, что вы хотите сказать по этому поводу?

— Да,— кивнул я.— Им просто не повезло.

— Оставьте его, Тук! — вмешалась Сара.— Он действительно не мог знать!

— А кто позволил ему притеснять всех подряд? — вскричал Тук.— Ежеминутно помыкать нами?

— Он не щадит прежде всего себя,— сказала Сара.— А в седло вас посадил только по причине вашей неуклюжести.

— Человек не может воевать с планетой! — возвестил окончательно распалившийся Тук.— Он должен уважать ее! Приспосабливаться к ней! А не переть напролом!

На том и порешим, подумал я... Уязвленные облегчились — жизнь продолжается...

— Тук! Уж и не знаю теперь, как вы к этому отнесетесь — но мне хотелось бы немного прокатиться,— сказал я, с трудом поднимаясь на ноги.

Он слез с Доббина как раз в тот момент, когда я подошел. Наши взгляды встретились. Ненависть, казалось, душила его со все возрастающим усердием... Тонкие губы шевельнулись, и он по-змеиному прошипел:

— Я переживу вас, Росс. После вашей смерти я буду жить еще очень долго. Здесь, на этой планете, вас настигнет то, на что вы напрашивались всю свою жизнь...

Сил, еле теплившихся во мне, хватило на то, чтобы швырнуть его наземь и полюбоваться, как он ползет на четвереньках к своей бесценной куколке. Хватило их и на то, чтобы осторожно взобраться на Доббина.

— А теперь веди нас,— сказал я Туку.— И помни: еще одна такая шуточка — и быть тебе битым...

Глава 10

Тропа вилась по иссохшей земле, то и дело ныряя в небольшие песчаные низины или лужи с потрескавшейся по краям глиной, в которых неделями, а может быть, и годами копилась дождевая вода... Тропа взбегала на полуискрошенные горки и почтительно огибала странные куполообразные холмы.

К желто-красной земле примешивались черные вкрапления и прозрачные выступы вулканических пород. Далеко впереди, на голубом фоне неба, темнело грязно-фиолетовое пятно не то горной гряды, не то чего-то еще.

Растительность оставалась скудной, представленной все тем же чахлым колючим кустарником.

В безоблачном небе сияло солнце, но жарко не было — было просто тепло. Солнце выглядело менее ярким по сравнению с земным, быть может, из-за большей удаленности от планеты.

Некоторые горы были увенчаны конусообразными домиками — точнее, сооружениями, похожими на домики. Как будто кому-то понадобилось построить здесь временные жилища из плоских каменных плит, валявшихся вокруг. Домики были сложены всухую, без какого-либо скрепления — камни просто лежали один на другом. Некоторые из этих времянок уже превратились в бесформенную груду — другие только собирались.

А еще были деревья. Каждое стояло в гордом одиночестве, на расстоянии нескольких миль от другого. Мы не приблизились ни к одному из них.

Жизнь отсутствовала. Или скрывалась. Все выглядело мертвым, застывшим. Даже воздух, не знавший ветра...

Я ехал, крепко вцепившись в луку седла, и старался не свалиться в темноту, подступавшую всякий раз, когда о ней забывалось.

— С вами все в порядке? — тревожно спросила Сара.

Не помню, ответил ли я, увлеченный своим занятием,— может, и нет...

Был полдень, когда мы остановились. Не знаю, ел я или не ел. Скорее, ел. Помню другое...

Мы находились у одной из морщин, покрывавших эту странную поверхность, и я прислонился к земляной стене. Напротив была другая стена — быть может, точно такая же. И на ней, этой другой стене, я увидел пласты — различной толщины, от нескольких дюймов до четырех или пяти футов, и различной окраски... И я стал вживаться в эпохи. Я напрягал все свои силы, стараясь раствориться во времени, я надрывался и не мог бросить своего странного занятия. Я был обречен продолжать его, слабо надеясь, что в какой-то момент будет достигнута точка, за которой уже ничего нет и которая научит меня всему или хотя бы даст почувствовать это «все»...

Время стало вещественным. Оно превратилось в конкретный предмет, осязаемый и упоительно бесхитростный. Годы и эры не откатывались назад, но стояли передо мной в виде живой хронологической таблицы. За зыбкими делениями

временной шкалы, как сквозь грязное оконное стекло, виднелась планета, какой она когда-то была,— и я расхаживал вдоль этого стекла, вдоль шкалы и вдоль времени...

Следующим из того, что я помню, было пробуждение. Время вдруг выгнулось, и сквозь него пролилась чернота ночи.

Я лежал между двумя одеялами и смотрел в небо. Это было невиданное, незнакомое мне небо. Оно озадачивало и ошеломляло.

А спустя минуту — как если б кто-то подсказал мне ответ — все вдруг стало понятным. Я знал теперь, что смотрю на мою Галактику. Над головой ярко сиял ее центр, а от него шли крученые ответвления и убегали окраинные сектора.

Я повернул голову и увидел над горизонтом сверкающие звезды сферических скоплений — или же, что представлялось маловероятным, более близкие звезды, соседствующие с той, вокруг которой вращалась планета с лежавшим под одеялом мной. Это были отверженные системы, покинувшие ее много эпох назад и обретшие наконец покой на темных задворках галактического пространства...

Всего в нескольких футах от меня догорал костер. Около него лежал кто-то скрюченный и накрытый одеялом. Чуть поодаль мерно качались лошадки. Тусклое пламя отражалось в их полированной шкуре...

Чья-то рука опустилась на мое плечо, и, дернув головой, я увидел Сару.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Великолепно! — ответил я.

И это было правдой. Я чувствовал себя здоровым и свежим. Моя голова была свободна от неприятных воспоминаний — как у первого человека совершенно нового мира...

Я сел.

— Где мы, Сара?

— В сутках пути от города,— ответила она.— Тук требовал, чтобы мы остановились гораздо раньше — из-за вас... Однако я решила иначе, подумав, что вы были бы против такой остановки...

Я покрутил головой:

— Нич-чего не помню!.. Так, значит, Тук требовал привала?

Она кивнула:

— Вы еле держались в седле и выглядели ужасно, хотя и отвечали на вопросы... То место, кстати, было совершенно непригодно для отдыха...

— А где Хух?

— Бродит. И заодно охраняет. Он сказал, что не нуждается в сне.

Я встал и потянулся с собачьей обстоятельностью. Самочувствие было восхитительным! Боже, как чудесно я себя чувствовал!

— А как у нас насчет еды, Сара?

Она поднялась на ноги и рассмеялась.

— Что это вас так развеселило? — спросил я.

— Вы,— ответила она.

— Я?!

— Да. Потому что поправились. А я очень волновалась. Мы все волновались...

— Это чертов Хух виноват. Вылакал мою кровь.

— Я знаю. Он объяснил мне, что иначе было нельзя.

— Непостижимо...— передернувшись, сказал я.

— Хух сам по себе непостижим...

— Да. И нам крупно повезло, что он с нами. Подумать только! Я чуть не оставил его там, в песках! И собрался уже! Нам ведь и без него было куда как весело...

— Если вы не дадите костру потухнуть, я приготовлю вам поесть,— деловито сказала Сара.

Рядом с костром лежала куча приготовленных веток. Я присел на корточки, подбросил несколько из них в огонь, и пламя ожило.

— Жаль, что у нас больше нет лазерного ружья. Без него мы слишком уязвимы...

— Но у нас есть мое ружье! — возразила она.— Достаточно мощное! В хороших руках...

— Вроде ваших.

— Вроде моих!

Куча одеял рядом с нами не шевелилась.

— Что Тук? — спросил я, кивая на эти одеяла.— Есть ли надежда на выздоровление?

— Вы слишком жестоки по отношению к нему. Нетерпимы... Он другой, поймите! Не такой, как вы или я... Вам,

кстати, не приходило в голову, что мы с вами во многом похожи?

— Приходило,— сказал я.

Она принесла сковородку и, присев рядом со мной, поставила ее на угли.

— Мы-то с вами всегда прорвемся, Майк! Но вот Тук... Он может сломаться...

Я подумал о том, что, возможно, с исчезновением Смита жизнь Тука стала для него самого бессмысленной... Не потому ли он так носится с этой куклой? Лишь бы к чему-то прилепиться, что-то к себе прижать... Хотя куклу-то он полюбил еще при Джордже... А если он знал или подозревал, что Джордж должен исчезнуть? Вполне возможно?..

— И еще одна вещь, о которой вам следует знать...— продолжила Сара.— Это касается деревьев. Вы увидите сами, как только рассветет... Наш лагерь разбит на холме, с которого просматривается довольно большая территория. И множество деревьев — двадцать или тридцать. Так вот. Это не какие-нибудь самосейки. Они посажены, вне всяких сомнений.

— Как фруктовый сад,' вы хотите сказать?

— Да. Как фруктовый. С безукоризненной регулярностью. В шахматном порядке. Для кого-то когда-то это было действительно садом...

Глава 11

Мы продвигались все дальше и дальше.

День следовал за днем — а мы все шли и шли, с рассвета до глубоких сумерек. Погода стояла хорошая, без дождя и почти без ветра. Дожди здесь, судя по всему, вообще были редкостью.

Рельеф время от времени менялся. Бывали дни, когда нам приходилось то и дело карабкаться на крутые горы, чтобы тут же спуститься на истрескавшуюся, рваную равнину. Случались и другие дни — когда мы шли по земле настолько ровной, что чувствовали себя ползущими по огромному блюдцу с загнутым краешком-горизонтом.

То, что раньше казалось фиолетовым облаком, тяжело опустившимся вниз, стало теперь горной грядой, багровеющей вдали.

Обнаруживалась, хотя и довольно робко, жизнь. С холмов вниз проворно сбегали какие-то мелкие, возбужденно покрикивающие твари. Были и — как мы их прозвали — скороходы, державшиеся от нас на столь почтительном расстоянии, что как следует разглядеть их нельзя было даже в бинокль. Что-то скукоженное передвигалось неверным, но очень широким шагом своих ходуль — с приличной скоростью, но не спеша... Мы видели также зверей (если это были звери) размером с волка, которые, условно говоря, бегали с неимоверным проворством. Глаз за ними не успевал. Это походило на какое-то пятно, с тихим свистом рассекавшее воздух и таявшее вдали. Подбираясь к нам иногда очень близко, беспокойства они не причиняли. Как и крикуны со скороходами...

Растительность изменилась тоже. Мы видели вьющуюся траву и жалкие кривульки деревьев, которые прижимались к подножиям холмов. Они напоминали пальмы, но очень отдаленно. Их ветки, подобранные нами для костра, были невероятно тверды и смолисты...

И конечно, никуда не делись исполинские деревья. Они по-прежнему подпирали небо. Теперь мы знали наверняка, что деревья эти были посажены сообразно четкому плану, как сад. Подходить к ним ближе чем на милю нам не хотелось. Сама тропа, казалось, избегает их. Иногда было видно, как они стреляют своими шарами — только не в нашу сторону...

— Такое впечатление,— сказала Сара,— что они не решаются напасть на нас. Зная, чем это чревато.

— Теперь — ничем...— заметил я, мысленно проклиная свое легкомыслие: на корабле осталось запасное лазерное ружье с полным комплектом запасных частей...

— Но они-то не знают об этом! — возразила Сара.

Мне бы ее уверенность...

Подчас, глядя в бинокль, мы снова видели множество крысоподобных существ, выныривающих из норок, расположенных в некотором отдалении от деревьев, и торопящихся собрать семена. Они бежали затем куда-то в сторону — очевидно, к своим тайникам, предназначенным для хранения этих запасов... У нас не было возможности исследовать хоть один такой тайник — мешали деревья...

Тропа тянулась вперед — то еле различимая, то широкая, как дорога. Казалось, некоторые ее участки в прошлом ис-

пользовались с особой интенсивностью... Так или иначе, мы следовали по ней без особых приключений и до сих пор не повстречали ни души...

Однажды тропу пересекло то, что когда-то могло быть брусчаткой. Оставшиеся камни были или расколоты, или вывернуты, но располагались по отношению к тропе строго под прямым углом и тянулись дальше, насколько можно было видеть, по идеально прямой линии...

Мы держали совет. Дорога привлекала и даже казалась более важной, чем тропа, по которой мы шли до сих пор. Было несомненно, что в прежние времена дорога соединяла какие-то немаловажные пункты. Не то что наша петляющая тропка. Но последняя еще хранила следы движения, пусть и давнего! Дорога же ничего подобного не имела. Она просто существовала, в полустертом виде. И еще... Тропа вела на север — то есть туда, где, по нашим сведениям, водились кентавры. А дорога тянулась с востока на запад... Опять же, тропа была явно более древней. В некоторых местах — таких, где, сжатая с двух сторон, она не могла вилять,— грунт был протоптан на четырехфутовую глубину. Тропой пользовались не одно тысячелетие...

С некоторым сожалением мы приняли решение, основанное как на логике, так и на интуиции. Мы выбрали тропу...

Кто-то когда-то здесь жил. Кто-то, построивший город, проложивший дорогу и посадивший деревья... Но теперь город стоял безмолвным и пустым, а дорога превращалась в пыль. Почему?.. Вдобавок к этому неведомые кто-то перед уходом позаботились о том, чтобы любой прилетевший на планету не имел возможности ее покинуть... Конечно, посадка за чертой города не имела бы таких роковых последствий, и можно было бы спокойно взлететь снова, но ведь любой корабль наверняка не сядет нигде, кроме города, посылающего свои сигналы далеко в космос?..

В стороне от тропы все еще попадались каменные домики, похожие на ульи. Они по-прежнему лепились у горных вершин. Обследование их не дало ничего. Там не было даже мусора — одна пустота. И ни малейшего признака того, что когда-то в них жили. Ночевали — может быть... При всем невинном облике этих строений, нам никогда не приходило в

голову останавливаться в них. Что-то мешало. Какой-то затхлый дух...

Потихоньку мы привыкали к такой бродячей жизни, осваивались в ней. Тук большую часть времени проводил в седле. Он был слишком неловок для хождения пешком. Мы с Сарой попеременно то ехали, то шли. Хух, бессменный замыкающий, подгонял лошадок. Такой порядок установился сам собою, без какой-либо предварительной договоренности.

Лошадки продолжали сердиться, и в конце концов мы прекратили с ними всякое общение. А вот с Туком я уже ладил. Уживался, во всяком случае. Этот тип все так же истово прижимал к груди свою идиотскую куклу и день ото дня все более уходил в себя. После ужина он сидел в сторонке, ни с кем не разговаривая и ничего не замечая...

Мы прошли уже огромный путь, но, казалось, ни к чему еще не приблизились. Мы углублялись и углублялись в неведомое, пока вроде бы безопасное...

Однажды, уже вечером, мы вышли на не то чтобы непроходимые, но достаточно развороченные земли, проковыляв по которым до ближайшего плоского места остановились, хотя до темноты еще было часа два.

Мы развьючили лошадок, и они немедленно отправились побродить, пользуясь счастливой возможностью не видеть нас хоть некоторое время. Хух, как всегда, отправился вместе с ними, чтобы потом пригнать обратно. Он прекрасно справлялся с ролью овчарки все эти дни.

Был разожжен костер, и Сара принялась готовить ужин. Тук и я отправились за хворостом.

Набрав каждый по полной охапке сухих веток, мы уже возвращались назад, когда услышали испуганное ржание и громкий стук качалок. Бросив свою ношу, мы побежали к стоянке и вскоре увидели лошадок, ошалело выскакивавших из узкого оврага. Они неслись как бешеные, не разбирая дороги, через горящие поленья, по сковородкам и котелкам, мимо Сары, еле успевшей отпрянуть,— к тропе, назад...

За лошадками следовал Хух. Скорость его была вполне достаточной, чтобы догнать беглецов, но он резко затормозил, поравнявшись с нами, и развернулся боком. Неподвижно стоя на своих крошечных ножках, он сверкнул — точно так же как тогда, в городе,— и голубая дымка окутала его. Все вокруг

заплясало, а лошадки, кувырнувшись в воздухе, упали. Но вот они поднялись и побежали по тропе дальше! Хух сверкнул снова — в тот самый момент, когда лошадки уже достигли вершины холма. Их сдуло на ту сторону...

Ругаясь на чем свет стоит, я бросился вслед и, взбежав наверх, увидел... Лошадки были далеко. И ничто не могло их остановить. Они возвращались в город.

Подождав, когда они исчезнут из виду, я спустился назад.

Дымились раскиданные головешки, валялись погнутые котелки. Сара склонилась над Хухом, лежавшим на боку и похожим на бесплотный призрак. Он действительно был теперь призраком! Зыбкие очертания его тела свидетельствовали о том, что он застрял где-то между мирами...

Подбежав, я опустился на колени и протянул к нему руки — хотя, по правде говоря, был уверен, что ухватить мне будет нечего. Но было, было чего... Я поднял его, почти невесомого, и крепко прижал к себе.

— Мне так тяжко, Майк...— прогудел он еле слышно.

— Что с тобой, Хух? — закричал я.— Чем мы можем помочь тебе?

Он не ответил, и я посмотрел на Сару, по щекам которой текли слезы.

— О Майк...— только и могла выдавить она.

Тук стоял в нескольких шагах позади нее, с оброненной куклой у ног и с очень печальным лицом.

— Мне нужна жизнь...— прошелестел Хух, слабо шевельнувшись.— Разрешение взять немного жизни у вас...

После этих слов Тук торопливо вышел вперед и, наклонившись, решительно выхватил у меня Хуха. Затем он выпрямился, прижал свою новую куклу к груди, и его глаза грозно сверкнули.

— Только не вы, капитан! — прокричал он.— Вам нужна вся ваша жизнь! Мне же есть чем поделиться...

— Разрешение? — потусторонне прошептал Хух.

— Да, пожалуйста! — твердо ответил Тук.— Действуйте...

Сара и я, не дыша, наблюдали. Это заняло, наверное, всего несколько минут. Возможно, даже секунд, растянувшихся в часы. Ни один из нас не шевелился, и я чувствовал, что мои мускулы сводит судорогой... Постепенно Хух терял

свою бестелесность и становился все более похожим на обычного себя.

Наконец Тук осторожно поставил Хуха на землю, а сам рухнул рядом. Когда я поднял его, он безжизненно повис у меня на руках...

— Одеяла! — крикнул я Саре.— Быстро!

Она разостлала несколько одеял, одно на другое, и я положил на них Тука, тут же хорошенько укрыв его. Затем я поднял валявшуюся в стороне куклу и положил ему на грудь.

Слабая рука медленно поползла вверх, он открыл глаза и улыбнулся мне:

— Спасибо, капитан...

Глава 12

Мы сидели у костра, и вокруг нас сгущалась тьма.

— Кости...— сказал Хух.— На земле были кости.

— Ты уверен? — спросил я.— Не было ли это чем-то другим? С какой стати лошадки испугаются костей?!

— Я уверен. Они могли видеть только кости, больше ничего.

— Возможно, это были не просто кости, а скелет существа, которого они боятся даже мертвого? — предположила Сара...

Где-то неподалеку перекликались, порою очень бурно, уже знакомые нам крикуны. Получив очередную порцию смолистых веток, огонь оживился. Налетевший ветерок раздул его еще больше.

Итак, мы сидели посреди этой унылой местности, понятия не имея, где окажемся завтра, куда выведет нас петляющая тропа — единственный ориентир — и не придется ли нам убегать ею, вслед за лошадками, в огромный белый город, не менее унылый... Но сейчас было лучше не думать об этом и оставить все как есть до утра.

Хух махнул щупальцем в сторону одеял и протрубил:

— Я жадный. Слишком много взял у него. Запас оказался не таким большим, как я предполагал.

— С ним будет все в порядке,— успокоила его Сара.— Он уже выпил чашку бульона и теперь спит.

— Ну зачем? — с досадой воскликнул я.— Зачем чертову остолопу понадобилось это? Ведь я был согласен! И Хух просил именно меня! В конце концов, мы с ним...

— Как вы не можете понять, капитан,— прервала меня Сара,— что Тук впервые получил возможность внести свою лепту в общее дело! До сих пор он чувствовал себя совершенно бесполезным! И вы, надо признать, очень постарались, чтобы он чувствовал себя именно так...

— Но давайте смотреть правде в глаза! — возмутился я.— Ведь от него до последнего времени действительно не было никакой пользы!

— И вы расстроились, когда он ее принес?

— Нет. Конечно нет. Я лишь обеспокоен тем, что он сказал: «Мне есть чем поделиться...» Какой смысл был вложен в эти слова?

— Не знаю, капитан. И это не так уж важно теперь. Есть проблемы посерьезней... Что нам делать без лошадок? Припасы придется оставить здесь. Мы возьмем лишь небольшую часть, главным образом — воду. Если, конечно, они не вернутся...

— Не вернутся,— сказал я.— Они ждали подходящего момента с тех пор, как мы покинули город. И улизнули бы уже давно, если б не Хух. Он держал их в узде.

— Врасплох застали,— подал голос Хух.— Я ударил по ним два раза, но ничего не добился.

— Жуткая мысль пришла мне в голову...— задумчиво сказала Сара.— Не исключено, что это хорошо отработанная процедура. Завести в глухомань и бросить... Пропадайте...

— С кем-то, возможно, тем бы и завершилось, но не с нами,— успокоил я ее.— Не с сидящими у этого костра.

Она посмотрела на меня очень пристально и серьезно:

— Не понимаю, это шутка или бодрячество?

— Это оптимизм,— ответил я.— Вы даже не представляете, как он бывает важен.

— По-моему, вы уже знаете, что нам делать. Вас озарило, и вы еле удерживаетесь от изложения своего гениального плана. Конечно, вам приходилось бывать и не в таких переделках! Но вы никогда не паниковали! Вы...

— Сара. Давайте поговорим утром...

Самым ужасным было то, что я оттягивал принятие решения. Такого со мной еще не случалось. Я всегда разбирался со своими проблемами немедленно. Может быть, эти неприветливые пространства со скрюченными деревцами так влияли на меня — подавляя, просачиваясь внутрь своей безысходностью? И я потихоньку растворялся в ландшафте, становясь маленькой, бесстрастной его частичкой?..

— Утром,— сказала Сара,— мы пойдем смотреть косточки.

Глава 13

Кости лежали примерно в полумиле от края оврага — там, где он круто поворачивал влево. Я ожидал увидеть несколько разбросанных костей, белеющих на фоне грязновато-коричневой земли. Но их была целая куча, тянувшаяся от склона до склона.

Это были крупные кости, диаметром в фут и больше. А ухмыляющийся череп, который, казалось, смотрит прямо на нас, своими размерами напоминал слоновый.

Все кости были пожелтевшими и полуискрошенными — солнце и непогода сделали свое дело. Часть их валялась чуть в стороне, когда-то, вероятно, обглоданная падальщиками.

За костями овраг резко обрывался. Крутой склон с торчавшими из него, как изюм, камешками и валунами нависал правильным полукругом. Камни лежали и у самого подножия этой земляной стены.

Место было достаточно мрачным. Тягостное чувство, вызываемое мертвой землей, предельно усиливалось этим ужасным скоплением костей.

Я чувствовал себя паршиво. Мне было не по себе — как никогда. Мучительно хотелось бежать отсюда куда глаза глядят. Казалось, что-то, происшедшее здесь, оставило после себя недобрую ауру, соприкасаться с которой не следовало никому.

И тут она обнаружила свой голос.

«Благородные дамы и господа! — услышали мы громкое и радостное приветствие.— Прошу вас сжалиться надо мной и вызволить меня отсюда, из неловкого и стеснительного положения, в котором я пребываю так долго!»

Даже если бы мне заплатили миллион, я не смог бы шевельнуться. Голос парализовал меня.

«Я у стены! За кучей камней, оказавшихся столь плохой крепостью, что все, кроме меня, погибли!»

— Возможно, это западня,— сказала Сара, и в голосе ее послышались металлические нотки.— Лошадки бежали оттого, что учуяли западню.

«Прошу вас! — продолжал пискливо умолять голос.— Здесь уже были другие, но они ушли! Вам нечего бояться!»

Я шагнул вперед.

— Нет, капитан! — закричала Сара.

— Если мы уйдем,— сказал я,— нас замучит любопытство...

У меня вовсе не было желания сказать это. Единственное, что я хотел,— повернуться и убежать. Но говорил уже не я, а кто-то другой вместо меня.

Подойдя к горе костей, я стал на нее карабкаться. Ноги скользили, не находя опоры: кости крошились и разъезжались под ними. Но я одолел подъем и перешагнул на другую сторону.

«О великодушное существо! — восторженно рыдал голос.— Исполненное сострадания, ты явилось освободить мою недостойную персону!»

Добежав до груды огромных валунов, каждый из которых был выше человеческого роста, я снова полез вверх. Голос приближался...

И тут я увидел источник писка, так напугавшего нас.

В тени, отбрасываемой стеной, светилась молочно-глянцевая лошадка. Она лежала на спине, зажатая между двумя камнями, и качалки ее были беспомощно устремлены в небо.

— Благодарю вас, любезнейший из любезных,— пропищала лошадка,— что не бросили меня! К сожалению, я не вижу вас, сэр, но по некоторым признакам могу заключить: вы гуманоид. Это лучшее из того, что я встречал. Гуманоиды милосердны и доблестны в равной степени.

Не зная, как еще выразить переполнявшую ее признательность, она помахала качалками...

Лошадка не была единственной вещью, обнаруженной мною у этой баррикады. С земли мне приветливо улыбался череп гуманоида, там и сям валялись кости, куски ржавого металла.

— Давно ты тут? — задал я не самый умный и уж, во всяком случае, не самый важный вопрос.

— Мой досточтимый господин! — воскликнула лошадка.— Я потерял счет времени! Минуты тянутся как годы, и мне кажется, что с тех пор, когда я последний раз стоял на качалках, прошла уже целая вечность. Когда лежишь вверх ногами, ощущения притупляются... Здесь было много таких, как я, а также других. Все они или разбежались, или погибли. Перед вами все, что осталось от этой славной компании...

— Ладно, не переживай,— сказал я.— Мы вытащим тебя.

— Да я уж давно успокоился... Все это время я был погружен в свои мысли и фантазии о дальнейшей моей судьбе. Я понимал, что когда-нибудь камни превратятся в прах и то, из чего я сделан, переживет их. Но меня никогда не оставляла надежда на иной исход. Я ждал вмешательства доброго существа вроде вас...

Заметив своих спутников, перебиравшихся через первую преграду, и жестом подозвав их, я крикнул:

— Здесь только лошадка, человеческий череп и кой-какие косточки...

Мне даже в голову не приходило задуматься, отчего здесь умерли люди. Я радовался счастливо обретенной лошадке, навьючив которую мы могли теперь покинуть это проклятое место и двинуться дальше. Или вернуться в город...

Потребовалась сила троих — Хух стоял в сторонке и подбадривал нас криками,— чтобы откатить небольшой камень, прижимавший лошадку к валуну. Кроме того, нам пришлось еще перевернуть это незадачливое создание и поставить его на качалки.

Лошадка уставилась на нас чуть ли не надменно — но это, как я знал, означало всего лишь полное отсутствие мимических возможностей.

— Я Пэйнт! — представилась она.— Хотя иногда меня называют Старина Пэйнт. Второй вариант выходит за пределы моего ничтожного понимания. Ведь я не старше других лошадок. Все мы задуманы и собраны одновременно.

— Эти другие лошадки тоже были здесь? — спросила Сара.

— Нас было десять,— ответил Пэйнт.— Все, кроме меня, убежали. Причина, не позволившая мне это сделать, только что любезно устранена вами... Нас изготовили на далекой пла-

нете, название которой мне неизвестно, а потом привезли сюда. Двигаясь по тропе, мы были атакованы стаей хищников — и вот результат...

— Те, кто создал вас и привез сюда, были такими же, как мы?

— Да, такими же. Но они умерли, и говорить о них бесполезно.

— Почему они оказались здесь? — настойчиво продолжала Сара.— Что-нибудь искали?

— Одного из своих. Давно исчезнувшего гуманоидного индивида, о котором много рассказывалось.

— Лоуренса Арлена Найта?

— Я не знаю,— сказала лошадка.— Мне не говорили.

Глава 14

Мы решили двинуться дальше.

Обсуждение проходило у костра. Обсуждать, собственно, было нечего... Пэйнт покачивался рядом с кучей провианта. Тук, которого ничего не волновало, сидел себе, прижимая к груди куклу, и тоже качался из стороны в сторону. Их колебания подтачивали нервную систему.

Мы с Сарой приняли решение почти сразу и без всяких споров. Возвращаться в город не имело никакого смысла. Тропа вела себя довольно сносно и ничем серьезным пока не угрожала. Разве что случившимся с теми людьми. Но сам факт, что кто-то, пусть и давно, шел по тропе, преследуя сходную с нашей цель, сам этот факт казался Саре доказательством правильности нашего выбора.

Но тут был нюанс, о котором я не мог умолчать.

— Найт наверняка мертв,— сказал я.— И вы это прекрасно знаете. Вы знали еще на Земле.

— Опять, да? — сердито воскликнула она.— Никак не остановитесь? С самого начала вы были против этой идеи! Зачем в таком случае отправились с нами?!

— Я же объяснял. Деньги.

— Тогда какая вам разница, жив он или мертв? Не все ли вам равно, найдем мы его или не найдем?

— Действительно,— согласился я.— Плевать мне на это...

— Однако вы хотите идти дальше? Я правильно поняла?

— Да,— сказал я.— Потому что впереди мы еще можем что-то обнаружить, но ничего не найдем, идя назад.

— Мы могли бы вернуть себе лошадок.

Я покачал головой:

— Обнаружив, что мы возвратились, они спрячутся вместе со своим гномом. Увидеть и тем более изловить их не будет никакой возможности. В этом городе можно спрятать целую армию.

— Именно эти лошадки, должно быть, и убежали когда-то от Пэйнта... А теперь увидели кости и вспомнили... Что вызвало шок...

— Их всего восемь,— сказал я.— С Пэйнтом получается девять. А он говорит, что их было десять. Где еще одна, спрашивается?

— Этого, возможно, мы не узнаем никогда...

Я не понимал, чего ради обо всем этом нужно болтать. Ведь так или иначе, но мы все равно двинемся дальше, в неизвестность, в надежде найти — быть может, уже скоро — что-то получше той неприветливой местности с ее костями и прочей прелестью... Конечно, сам факт, что люди, останки которых лежали там, в конце оврага, кого-то искали, вовсе не означал, что они шли верной дорогой. Возможно, они, как и мы, тыкались наугад. Возможно, объектом их поисков был вовсе не Найт...

Мы сидели у костра и мозговали. Предполагалось взвалить на Пэйнта бесполезный скелет Роско, а также еду и воду, как можно больше. Тук и я должны были тащить на себе тяжелое снаряжение, а Сара — идти почти налегке, чтобы в любой момент иметь возможность защитить нас при помощи ружья. Хуху отводилась роль разведчика.

Нам пришлось еще раз спуститься в овраг, чтобы тщательно обследовать разрушенное укрепление. Мы обнаружили три человеческих черепа и полдюжины ружей, проржавевших настолько, что определение их типа стало невозможным. По воспоминаниям Пэйнта, людей было восемь. Количество разбросанных костей, казалось бы, подтверждало его слова. Но черепов было только три.

Вернувшись на стоянку, мы упаковали вещи, а также спрятали в расщелине ту часть припасов, которую невозможно было

унести с собой. Мы старательно укрыли наш тайник ветками, но меня не оставляло ощущение, что такие меры предосторожности ничем не оправданы: тропа давно заброшена, и мы первые, кто идет по ней за последние сто лет...

День уже был на исходе, когда мы тронулись. Никто не хотел оставаться здесь ни минуты. Мы бежали подальше от этого проклятого места, чувствуя к тому же, что время не терпит.

Глава 15

На следующий день Хух наткнулся на кентавров.

Мы еще шли по всхолмленной местности, и казалось, будем идти вечно. Тук и я были нагружены тяжелыми тюками, а тропа то взбегала вверх, то ныряла.

Хух все время держался впереди. Видеть его мы могли лишь в те минуты, когда он задерживался на каком-нибудь возвышении, чтобы убедиться в нашей невредимости.

Незадолго до полудня мы заметили, что Хух разворачивается и спешит по тропе к нам. Обрадованный возможностью передохнуть, я тут же сбросил с себя ношу и остановился, поджидая его. Сара последовала моему примеру. Тук же хотя и остановился, но груз с плеч не снял. Согнувшись, он уставился в землю. После того как мы лишились лошадок, этот человек безвыходно погрузился в себя и почти не реагировал на внешние раздражители.

Скатившись к нам по тропе, Хух остановился.

— Лошадки,— прогудел он.— Их десять раз по десять. Они без качалок и с такими же, как у вас, лицами.

— Кентавры,— убежденно сказала Сара.

— Они играют,— продолжил Хух.— В низине. Играют в игру. Бьют по шару палками.

— Кентавры, играющие в поло! — радостно вскрикнула Сара.— Что может быть восхитительней!

Она подняла руку, чтобы отбросить со лба непокорный локон, и я вспомнил ту красотку, которая встретила меня в холле старинного дома, на далекой Земле — задолго до того, как пыль и усталость приглушили ее красоту...

— Как я понимаю,— сказал Хух,— вы их ищете. Рад был помочь.

— Спасибо тебе! — воскликнула она.

Я снова взвалил на спину тюк и сказал:

— Веди нас туда.

— Вы полагаете, капитан, что черепная коробка Роско по-прежнему находится у них? И они не потеряли ее, не разбили, не использовали каким-то образом? — недоверчиво спросила Сара.

— Вот поговорим с ними — и выясним.

— А как насчет памяти? — продолжала любопытствовать она.— Если мы добудем эту коробку и вставим в его голову, вспомнит ли он все, что было с ним раньше?

— Все, что он когда-либо знал, зафиксировано в мозге,— сказал я.— Роботы в отличие от людей не забывают ничего.

Была, конечно, вероятность, что на планете существует не одно племя кентавров и что обнаруженные Хухом игроки о мозге Роско даже не подозревают. Но об этом я предпочел не говорить... А еще они могли просто не отдать нам этот мозг, несмотря на то что пользы им от него — никакой...

Когда мы приблизились к вершине следующего холма, Хух сипло предупредил, что кентавры уже рядом.

Я не знаю почему, но мы тут же, не сговариваясь, пригнулись и лишь затем осторожно двинулись дальше.

Внизу лежало узкое, очень ровное песчаное пространство, покрытое хилой растительностью, а за ним начиналась красно-желтая пустыня.

Хух ошибся в своих расчетах: кентавров было там гораздо больше, чем десять раз по десять. Большинство их тесно окружало поле, которое было игровым лишь в силу того, что на нем в данный момент играли. Вообще же это был ровный кусочек пустыни с двумя рядами белых камней, служивших воротами.

Дюжина кентавров с длинными клюшками в руках яростно гоняли мяч. Туда-сюда. Это была крайне вульгарная, примитивнейшая версия благородной игры поло...

Вскоре матч завершился. Игроки легкой рысцой убежали с поля. Стали расходиться и болельщики.

За полем стояло несколько тентов — больших квадратов грязной ткани, поддерживаемых воткнутыми в землю палками. Кое-где между этими укрытиями от солнца лежали кучи

каких-то пакетов — вероятно, с имуществом племени. Кентавры шатались вокруг, изображая что-то вроде праздничного гулянья.

— Что предпримем? — спросила Сара.— Спустимся к ним?

— Не все,— сказал Тук, внезапно вышедший из транса.— Лишь один из нас.

— И этим одним конечно же будете вы? — спросил я полушутливо.

— Конечно,— подтвердил Тук со всей серьезностью.— Если кого-то должны убить, то я первый кандидат.

— По-моему, они вряд ли станут кого-то убивать,— сказала Сара.

— По-вашему,— заметил я.

— Давайте взглянем на вещи трезво,— изрек Тук своим гнусным тоном, за который его следовало бы хорошенько выпороть.— Из всех нас у меня наименьшие шансы быть убитым. Я выгляжу скромным, безобидным и немного тронутым. На мне коричневая сутана и вовсе не ботинки, а сандалии...

— Эта братия,— перебил я его,— понятия не имеет ни о коричневых сутанах, ни о сандалиях! Еще меньше их будет волновать, умный вы или дурак! И если они склонны убивать, то...

— Но почему вы так думаете? — возмутилась Сара.— Они могут оказаться вполне дружелюбными существами!

— Да? Вам кажется, что они дружелюбны?

— Вообще-то не кажется, но ведь нельзя судить лишь по внешнему виду... А Тук, кстати, может подействовать на них умиротворяюще. Ничего не зная о коричневых сутанах и сандалиях, они, возможно, разглядят в нем чистоту души и добрые намерения...

Это звучало так, будто она говорила не о Туке, которого я знал как облупленного, а о ком-то другом.

— Идти — мне,— твердо сказал я ей.— И давайте оставим эту бесполезную болтовню. Они просто размажут вашего Тука по земле!

— А с вами это, конечно, исключено!

— Чертовски верно замечено! Исключено! Потому что я умею обращаться с...

— Капитан,— тихо перебил меня Тук.— Почему вы никогда не прислушиваетесь к голосу разума? Почему все время лезете

на рожон? Вам хочется быть первым, да? Хорошо. Но учтите следующие два момента. Они, возможно, не тронут меня именно потому, что я отличаюсь от вас. У них просто не будет того удовлетворения. Что за радость убить или покалечить жалкого и слабого? А я смогу выглядеть таковым... Во-вторых. Вы нужны больше, чем я. Если что-то стрясется со мной — это не будет иметь такого значения, как если прикончат вас.

Я уставился на него, ошеломленный такой откровенностью.

— Вы действительно имели в виду всю эту ерунду?

— А по-вашему, я бил на эффект? Будучи уверенным, что идти мне все равно не придется?

Я не ответил, потому что он был прав: именно так я и думал.

— Кто бы туда ни отправился,— сказала Сара,— он должен ехать на Пэйнте. Такие, как они, к всаднику отнесутся с гораздо большим уважением. И еще... На Пэйнте можно быстро убраться оттуда, если дела пойдут плохо...

— Майк! — взревел Хух.— В словах святого человека есть смысл!

— Ни черта! — огрызнулся я.— Платят за риск мне! И рисковать — тоже мне!

— Майк,— холодно сказала Сара.— Оставьте ваше ребячество. Кто-то должен спуститься туда, и этим кем-то могла бы быть даже я. Нас здесь трое. Хух — не в счет. Обсудим остальных.

— Вы думаете, это так просто? Спустился, поприветствовал — и все? Нужно еще выудить у них коробку! Тук может все испортить!

Мы пристально смотрели друг на друга.

— Ну хорошо,— буркнул я.— Бросим монетку. Согласны?

— У нее только две стороны.

— Вполне достаточно, Сара. Вы в этом не участвуете. Только Тук и я.

— Никаких монеток,— возразил Тук.— Идти — мне.

Сара снова посмотрела на меня.

— По-моему, мы должны согласиться с ним, капитан. Он хочет это сделать. Жаждет. И он справится.

— А как насчет заключения сделки?

— За эту коробку мы должны отдать все, что они попросят,— решительно сказал Тук.

— Вплоть до ружья,— добавила Сара.

— Ну уж нет! — возмутился я.— Ружье может понадобиться нам самим!

— Но коробка нам тоже нужна! — сказала Сара.— Без нее мы пропадем! Что касается моего ружья, то за все это время я выстрелила из него всего один раз и то безрезультатно!

— Вспомните о людях, оставшихся в овраге.

— Вспомнила. У них, кстати, было оружие. И что это дало?

— Все, что я могу сделать,— встрял Тук;— это выяснить, при них ли коробка и не желают ли они расстаться с ней. Собственно, торг начнется позже, и мы все примем в нем участие.

— Ладно,— сказал я, решив, что так будет действительно лучше. Пускай идет и все портит, вынуждая нас прекратить безнадежные поиски Лоуренса Арлена Найта и заняться более важными вещами. Ведь мы еще даже не пытались представить, каким образом нам покинуть эту планету...

Подойдя к Пэйнту, я развьючил его и положил на землю фляги с водой, а на них — Роско.

— Давай, приятель,— сказал я Туку.

Взобравшись на Пэйнта, он протянул мне руку. Я пожал ее, почувствовав в этих длинных тонких пальцах неожиданную силу.

— Удачи,— сказал я, и Пэйнт, перевалив через вершину, галопом пустился вниз. Мы наблюдали.

Желая Туку удачи, я имел в виду именно ее. Мне действительно хотелось, чтобы этому нелепому дурачку повезло. Один Бог знал, сколько удачи тут могло потребоваться...

Маленький и жалкий, он неловко подпрыгивал в седле в накинутом на голову капюшоне и развевающейся сутане.

Тропа повернула и резко пошла вниз — Тук исчез из виду и появился вновь лишь спустя несколько минут. Он уже приближался к беспорядочно круживишим кентаврам, один из которых поднял по этому поводу крик,— и все замерли, повернувшись к пришельцу.

Я смотрел не дыша. В любой момент стадо могло броситься на Тука и растоптать его. Но никто не бросился. Кентавры просто стояли и наблюдали.

Пэйнт все приближался к ним, а Тук подпрыгивал как кукла, одетая в коричневый лоскут...

— А где же его кукла? — спросил я почему-то шепотом, хотя кентавры не обратили бы внимания даже на мой крик: они были поглощены созерцанием Тука.— Кукла где? Неужели он оставил ее?

— Нет,— ответила Сара.— Кукла при нем. Он заткнул ее за пояс, чтобы руки были свободными.

— Ах ты боже мой!

— Вы упорно считаете, что для него это просто кукла и он таскает ее с собой исключительно ради забавы. Но вы ошибаетесь. Он видит в ней то, чего мы с вами разглядеть не в состоянии. Она для него не амулет вроде кроличьей лапки, а что-то гораздо более важное. Он обращается с ней нежно и благоговейно. Как если бы это была фигурка Мадонны...

Я почти не слышал ее последних слов, так как Пэйнт, приближавшийся к кентаврам, уже начал замедлять свой бег.

И вот футах в пятидесяти от стада лошадка замерла. Тук восседал на ней как истукан. Он даже не поднял руку в знак приветствия. Он ничего не сделал. Казалось, Пэйнт привез кентаврам мешок с подарками.

Я оглянулся. Сара смотрела в бинокль.

— Он разговаривает с ними? — спросил я.

— Непонятно,— ответила она.— Капюшон закрывает лицо.

То, что Тука до сих пор не убили, вселяло надежды...

Два кентавра, отделившись от стада, рысцой выбежали навстречу. Они приблизились к Пэйнту с двух сторон.

— Возьмите,— сказала Сара, протянув бинокль.

Теперь я отчетливо видел капюшон Тука и лица обоих кентавров. Это были грубые, волевые, гораздо более гуманоидные лица, чем можно было предположить. Похоже было, что кентавры слушают Тука, время от времени вставляя короткие реплики... И вдруг они зашлись громким презрительным хохотом, тут же поддержанным их соплеменниками.

Опустив бинокль и голову, я вслушивался в этот многоголосый, поддерживаемый эхом смех.

Лицо Сары недоуменно вытянулось.

— Что бы это значило? — спросила она.

— То, что старина Тук в очередной раз сел в лужу,— ответил я.

Смех ослабел, а потом умолк. Два кентавра снова беседовали с Туком. Я вернул бинокль Саре. Все интересующее меня можно было видеть и невооруженным глазом.

Один из кентавров развернулся и что-то крикнул стаду. Спустя мгновение вперед выбежал, неся что-то блестящее, его сородич.

— Что это у него? — спросил я Сару.

— Щит,— сказала она, не отрываясь от бинокля.— И что-то вроде перевязи. Да-да... Перевязь и меч. Все это вручается Туку...

Когда Пэйнт бежал обратно, солнечный свет отражался от оружия, стиснутого руками Тука, и кентавры издевательски гоготали. Он накатывал на нас могучими волнами, этот гогот.

Внезапно Пэйнт рванул бешеным карьером, и едва он исчез на изгибе тропы — мы с Сарой недоуменно переглянулись.

— Скоро все выяснится,— бодро сказал я.

— Боюсь, что эта ясность не обрадует,— ответила она.— Вероятно, мы совершили ошибку. Идти следовало вам. Но уж очень он хотел этого...

— Не пойму, с какой стати этот несчастный все-таки поперся туда?.. Бравада?.. Неужели он действительно...

— Нет,— мотнув головой, сказала Сара.— Никакая это не бравада... Тут все не так просто. Он вообще не прост, этот Тук...

— По-моему, его что-то гложет, но что?

— Он мыслит иначе, чем мы с вами,— продолжила Сара.— И видит все под другим углом... Что-то явно им движет, и это «что-то» — никак не страх, амбиция или зависть. Оно совсем другого порядка... Я знаю, что вы всегда считали его еще одним святошей, еще одним прохиндеем. Бродягой, прикрывающим свои комплексы мнимой религиозностью. Уверяю вас, он не из таких... Я знакома с ним гораздо дольше, чем вы, и...

Пэйнт, лязгнув качалками, остановился перед нами. На землю тяжело брякнулись меч со щитом, и на нас, полулежа в седле, вытаращился Тук.

— Ну, что с коробкой? — спросила Сара.— Она у них?

Тук кивнул.

— И они согласны продать ее?

— Ничего подобного,— прохрипел он.— За нее нужно сражаться. Это единственный способ...

— Сражаться?! — воскликнул я.— Мечом?!

— Мне дали его именно для этого, капитан. Я сказал им, что пришел с миром, а они ответили: «Мир — это трусость...»

Меня вынуждали вступить в бой немедленно, но я сказал, что должен удалиться для молитвы. Это их очень развеселило, однако уйти мне все-таки позволили...

Тук сполз с Пэйнта и сразу же повалился на землю.

— Я не умею драться! — пронзительно визжал он.— Я никогда этим не занимался! До сегодняшнего дня я не держал в руках оружия! Я не могу, я отказываюсь убивать! Они сказали, что все будет честно — один на один, но...

— Но ты не мог драться,— закончил я.

— Конечно не мог! — взвилась Сара.— Потому что не имел понятия о том, как это делается!

— Хватит распускать слюни! — прикрикнул я на Тука.— Поднимайся-ка лучше на ноги и вытряхивайся из своего мешка!

— Вы?! — изумленно воскликнула Сара.

— А кто же еще, черт возьми? — яростно крикнул я.— Напортачено уже достаточно, так что самое время выпускать меня! Ведь вам нужна коробка, не так ли?

— Но ведь вы тоже не умеете обращаться с мечом!

— Конечно не умею! Хотя вы и держите меня за варвара...

Тук все еще лежал. Я нагнулся, рывком поставил его на ноги и заорал:

— Снимай сутану! Мы не должны заставлять их ждать! — Подавая пример, я стащил с себя куртку и стал расшнуровывать ботинки.— Сандалии тоже! Я должен выглядеть как ты!

— Они заметят подмену,— сказала Сара.— Вы ничуть не похожи на Тука.

— Я нахлобучу капюшон, и никто ничего не поймет! Да они, наверное, и не помнят уже, как он выглядит. А если и помнят, вряд ли станут возмущаться. Забава-то не отменилась! Жертва-то перед ними!

Сняв брюки, я увидел, что Тук валяется опять.

— Стащите с него сутану! — приказал я Саре.— Молитва затянулась. Кентаврам это может не понравиться. Они еще, чего доброго, явятся сюда.

— Давайте плюнем на все,— неожиданно предложила она.— Признаем свое поражение и отправимся по тропе назад.

— Они последуют за нами,— сказал я.— И убежать не удастся... Снимайте-ка лучше сутану...

Едва Сара приблизилась к нему, Тук ожил. Быстро развязав пояс, он вытряхнулся из своего облачения и бросил его мне.

Надев сутану и подпоясавшись, я накрыл голову капюшоном.

— Вы же никогда не имели дело с мечом! — продолжала увещевать меня Сара.— А они против вас выставят лучшего бойца!

— У меня есть одно преимущество,— сказал я.— Этот их герой будет уверен, что сражается с неумехой. Он не станет особенно осторожничать. Он, возможно, решит повыпендриваться, устроить что-то вроде шоу. И если мне удастся подобраться к нему...

— Но Майк...

— Сандалии! — крикнул я Туку и, немедленно получив их, обулся.

Он стоял в одних грязных трусах и был самым костлявым человеком из когда-либо мною виденных. Впалый живот, казалось, приклеился к позвоночнику, а ребра можно было пересчитать с большого расстояния. Что касается рук и ног, то это были самые настоящие прутики.

Нагнувшись, я поднял перевязь с мечом и надел на себя. Затем, вынув меч из ножен, внимательно его осмотрел. Он был тяжелым, слегка тронутым ржавчиной и не слишком острым. Вложив его обратно, я надел на руку щит.

— Удачи, Майк! — сказала Сара.

— Спасибо,— ответил я, хотя не чувствовал ни малейшей благодарности, одну лишь ярость.

Этот кретин подкинул мне паршивую работенку, справиться с которой было почти невозможно.

Я вспрыгнул на Пэйнта и, когда тот развернулся в нужную сторону, увидел подбежавшего Тука. Стоя по-прежнему в трусах, он протягивал мне свою куклу. Ударом ноги я вышиб у него эту деревяшку, и Пэйнт рванулся вперед.

Кентавры были на прежнем месте. Вопреки опасениям я не встретил их несущимися по тропе. Мое появление вызвало издевательски приветственный гул.

Спустившись вниз, Пэйнт бодро поскакал к стаду. Один из кентавров рысью выбежал навстречу и остановился прямо перед нами. В руке его был щит, такой же, как мой, а на перевязи, перекинутой через плечо, болтался меч.

— Вернулся? — удивленно сказал он.— Мы думали, что ты этого не сделаешь!

— Мое сердце по-прежнему исполнено миролюбия,— ответил я.— Это единственно достойное его наполнение.

— Мир — трусость,— презрительно возразил кентавр.

— Значит, вы настаиваете на поединке?

— Это единственно достойное занятие.

Он явно издевался надо мной.

— Кстати, о достоинстве,— сказал я.— Где гарантия того, что, убив тебя, я получу шар?

— Не забегаешь ли ты вперед?

— Но ведь кто-то из нас должен будет умереть?

— Это так,— согласился кентавр.— Только не кто-то, а ты.

— И все же,— настаивал я,— на случай, если ты ошибаешься,— как насчет шара?

— При неблагоприятном исходе поединка, если ты случайно останешься в живых, он твой.

— И мне будет позволено уйти?

— Ты оскорбляешь меня,— сказал он с нескрываемой злобой.— Ты наносишь оскорбление всей моей расе.

— Я не здешний и потому не знаю ваших нравов.

— Мы благородны,— выдавил он, скрипнув зубами.

— В таком случае перейдем к делу.

— Правила следующие... Сейчас мы должны разойтись и повернуться лицом друг к другу. Видишь вон тот кусок материи?

Из толпы кентавров торчала палка с привязанной к ней грязной тряпкой. Я кивнул.

— Когда этот флажок упадет — схватка начинается.

Я снова кивнул, отъехал чуть-чуть назад и, развернувшись, остановился. Мы смотрели друг на друга. Палка с тряпкой была все еще поднята. Кентавр обнажил свой меч. То же сделал и я.

— Ну, дружище Пэйнт, держись!

— Досточтимый сэр! — горячо воскликнул он.— Я сделаю все от меня зависящее!

Тряпка опустилась, и мы бросились друг другу навстречу. Копыта кентавра выбивали огромные комья земли, его меч и щит были вскинуты высоко над головой, и он издавал воинственные вопли, слегка напоминавшие тирольское пение, но далеко не такие забавные.

Мы столкнулись уже через две секунды — и всю эту вечность мой мозг лихорадочно перебирал спасительные трюки,

ни один из которых не был спасительным. В конце концов я понял, что нужно просто устоять против первого удара, и ухитриться нанести ответный. И тут же меня наполнила холодная сосредоточенность. Я думал теперь только об одном: побыстрее прикончить кентавра, пока он не прикончил меня.

Я видел, как неотвратимо опускается его меч, и знал, что мой меч уже занесен над его головой. Глаза кентавра, маленькие и блестящие, были слегка прикрыты, а на лице его застыла маска превосходства. Он не сомневался в победе. Он знал наверняка, что у меня нет ни малейшего шанса. Он не мог не заметить, что перед ним — профан.

Меч ударил по краю моего щита с такой силой, что рука тут же онемела. Соскользнув, он рассек воздух в дюйме от моего плеча. Как только это случилось, кентавр странно дернулся, затем взвился на дыбы, глаза его остекленели, рука, державшая щит, безвольно повисла и мой меч со всей силой, которая только у меня нашлась, раскроил его череп надвое и утонул в шее.

Перед этим я успел увидеть во лбу кентавра — прямо посередине — черную дыру, неизвестно откуда взявшуюся. Лезвие прошло точно через нее, словно она подсказала наиболее уязвимое место.

Глава 16

Черепная коробка была потрескавшейся и помятой. Ей досталось как следует.

— Возьмите,— сказал я, протянув ее Саре.— Ваш номер был чертовски опасен, должен сказать...

Ее страшно рассердил мой неласковый тон.

— Никакой опасности не было! Пуля летит туда, куда я целюсь! А целюсь я хорошо! Вы ведь убедились в этом?

— Убедиться-то убедился,— сказал я, еще не вполне пришедший в себя,— но два фута в сторону, и...

— Этого не могло произойти, потому что я целилась в...

— Знаю-знаю... В центр его лба.

Спрыгнув с Пэйнта, я снял сутану и бросил ее Туку, сиротливо стоявшему у самого уродливого деревца.

— А где, интересно, мои штаны? — спросил я.

— Там,— кивнула Сара в сторону.— Я сложила их поаккуратней.

Пока я одевался, она вертела коробку в руках.

— Не понимаю...— недоуменно сказала она.— Что они делали с ней?

— А что, по-вашему, должны были делать с ней варвары, играющие в поло?

— Неужели они использовали ее в качестве мяча?

Я кивнул.

— Теперь им снова придется гонять камешки. Бедняги ужасно расстроены.

Сверху, покинув свой наблюдательный пункт, спустился Хух.

— Отличное выступление,— похвалил он меня.— Особенно для того, кто впервые держит в руках такое оружие...

— Если кто-то и выступил отлично, так это мисс Фостер,— сказал я.— Это она подстрелила птичку.

— Не важно, Майк, кто. Дело сделано, и лошадки эвакуируются.

— Ты хочешь сказать, что они уходят?

— В настоящий момент идет построение.

Поднявшись к вершине, я увидел, что кентавры действительно выстроились в неровную колонну и уже движутся на запад. Это было приятное зрелище. Какими бы благородными ни были эти существа — ведь они все же отдали мне обещанную коробку,— их соседство беспокоило бы...

Вернувшись, я застал Тука и Сару за воскрешением робота. Мозг возвращался законному владельцу.

— Не поврежден ли он? — тревожно спросила Сара.— Все-таки столько вмятин...

Я мог только пожать плечами.

— Нам ведь не нужно, чтобы он помнил все,— успокаивала она себя.— Мы зададим ему всего несколько простеньких вопросов...

Тук протянул руку, и Сара отдала ему коробку.

— Вы знаете, как это делается? — недоверчиво спросил я.

— Думаю, что да,— ответил он.— Там есть специальные пазы, в которые она и вставляется.

Он запихнул коробку в голову Роско, для верности легонько прихлопнул ее ладонью и закрыл крышку.

Роско шевельнулся. До сих пор неподвижно лежавший на земле, он выпрямился и попытался встать. Голова его медленно поворачивалась, и взгляд задерживался на каждом из нас. Он осторожно поднял руку, затем другую, словно вспоминая забытые движения. Наконец послышался его скрипучий голос.

— Почему же, уже, ну же, хуже, стуже,— сказал он и посмотрел на нас, желая, вероятно, убедиться в том, что мы все прекрасно поняли.

Заметив на наших лицах некоторое недоумение, он заговорил вновь, теперь уже торжественно и медленно, специально для тупых:

— Кот! Бот! Вот! Год! Крот! Лот! Мот! Плот! Пот! Рот! Тот! Ход!

— Он спятил,— сказал я.

— Дятел,— ответил Роско.

— Он рифмует,— сказала Сара.— Больше ничего... Неужели больше ничего?

Я усмехнулся:

— А вы у него спросите!

— Роско! — крикнула она.— Ты помнишь хоть что-то?

— То-то, фото, нота, хота, рота, шпрота...

— Нет-нет! — остановила она его.— Не это! Ты помнишь, кто твой хозяин?

— Каин,— признался робот.

— О господи! Нужно было проделать такой путь и пройти через такие испытания, чтобы услышать вот это?!

— Роско! — строго сказал я.— Мы ищем Лоуренса Арлена Найта!

— Знай-то, рай-то, чай-то, дай-то...

— Заткнись! — заорал я.— Мы ищем Найта! Укажи направление, в котором нам следует идти!

— Лети, плети, мети,— ответил Роско и, повернувшись, показал рукой на север.

Глава 17

Итак, мы снова шли по тропе, все дальше и дальше на север.

Пустыня и холмы давно остались позади, и мы взобрались на огромное плато, за которым вдали, упираясь в небо, голубели горы.

Здесь была вода. Множество ее потоков стремительно и звонко бежало по выбитым в камне руслам. Мы спрятали свои ставшие теперь ненужными фляги в одном из каменных домиков, которые по-прежнему попадались на нашем пути.

Все наши тюки были теперь привязаны к могучей спине Роско. Я, слегка стесняясь своего вида, шествовал при мече и щите. Хотя это снаряжение было не очень-то к лицу взрослому человеку, во мне шевелилась какая-то атавистическая гордость — та, которую испытывал древний обладатель этого оружия.

То, что еще недавно было просто затянувшейся прогулкой, теперь обрело хоть какой-то смысл. Конечно, нельзя было утверждать, что Роско указал нам на север сознательно, хотя позже он повторял этот жест в точности, тем не менее мы больше не чувствовали себя слепыми котятами.

Растительность становилась все более разнообразной. Здесь были и трава, и цветы, и множество кустарников, и даже величественные рощи. Вдалеке же по-прежнему возвышались деревья-гиганты.

Становилось все прохладнее, и все сильнее дул колючий ветер.

Тут было множество диковинных грызунов, которые, сидя на задних лапках, приветствовали нас громким свистом. Иногда мы видели небольшие стада травоядных. Сара подстрелила одного из них, и мы, освежевав его и поджарив, бросили жребий, кому пробовать первым. В качестве испытателя я съел несколько кусочков мяса и не умер. Выждав некоторое время, Сара с Туком подкрепились тоже. Затем мы пополнили наши съестные припасы.

В окружающем присутствовало нечто исступленно мистическое, и временами мне казалось, что все происходит во сне. Само плато было здесь ни при чем — влияла каким-то образом вся планета. Я спрашивал себя: кто был здесь до нас и почему ушел? Зачем посажен фруктовый сад и построен белый город?..

Порою, сидя у костра, я удивлялся, глядя на Хуха, тем братским чувствам, которые успели нас связать. Он очистил мою кровь от яда, а позже попросил у меня жизнь взаймы — и я дал бы, не опереди меня Тук. Но, скорее всего, предложенная жизнь была воспринята Хухом лишь как заменитель моей...

Этот Тук уже даже не пытался делать вид, что он один из нас. Он разговаривал только со своей куклой и, поужинав, сразу отодвигался от нас, несмотря на холод. Его лицо все больше худело, и весь он ссыхался, становясь бледной тенью. Порой, обернувшись, я видел его и не узнавал. Впрочем, это стирание памяти провоцировалось скорее бесконечностью плато, по которому мы шли. Прошлое и настоящее, воспоминания и надежды нанизывались здесь на вечность, ужасающую и восхитительную...

Итак, мы ползли по плато. Пэйнт двигался почти бесшумно, если не считать случайных ударов его качалок о камни, торчавшие посреди тропы. Хух еле различимой точкой бежал впереди, хотя вряд ли мы нуждались теперь в разведчике. Серым привидением, закутанным в коричневую тряпку, плелся Тук. Бодро вышагивал, бормоча бесконечные рифмы, Роско, счастливый идиот. И я со своим бьющим по ноге мечом был, вероятно, под стать всей этой странной компании... А вот Сара держалась неплохо. В ее глазах снова появился тот блеск, который был в глазах хозяйки аристократического дома, встретившей меня в дверях и увлекшей внутрь, а потом — сюда...

Далекие горы постепенно теряли свою туманную голубизну, и мы уже видели их грозные детали — отвесные скалы и глубокие ущелья, поросшие густыми лесами, тянувшимися до самых вершин.

— У меня такое чувство,— сказала однажды Сара, сидя у ночного костра,— что мы почти пришли.

Я кивнул, так как сходное чувство было и у меня. Мне казалось, что мы совсем рядом — неизвестно, правда, с чем. Что где-то в этих приближающихся горах мы найдем то, что ищем. Я вовсе не думал, что мы найдем Лоуренса Арлена Найта, давно, по моим предположениям, умершего, но был почти уверен, что вот-вот тропа оборвется и мы увидим ту вещь, которая нам нужна. Что же такое было нам нужно — я понятия не имел. Но это незнание вовсе не подавляло радостного предвкушения... Вот такую странную логику навевало окружающее. Бесконечная — скорее всего — тропа услужливо заканчивалась чем-то восхитительным.

Над нами мерцало спиралями голубовато-белое галактическое ядро.

— Интересно,— продолжила Сара,— вернемся ли мы когда-нибудь назад? И если вернемся, то сможем ли рассказать обо всем? Найдем ли слова?

— Найдем. Огромный белый город. Пустыня. Плоскогорье. Горы.

— Нет, не то. Исчезает чудесная таинственность...

— Для красоты всегда не хватает слов. Как не хватает их для страха и для счастья.

— Наверное...— согласилась она.— Так как, по-вашему, вернемся мы или нет? Есть ли у вас какие-то соображения на этот счет?

Я покачал головой. Кой-какие мысли у меня, конечно, имелись, но не настолько яркие, чтобы излагать их.

— А знаете,— сказала Сара,— я ведь не очень и беспокоюсь... Мне это кажется чем-то несущественным. Здесь есть то, чего я не находила нигде. Не могу сказать, что именно. Я много думала над этим, но так ничего и не определила.

— Через пару дней все выяснится...

Я чувствовал себя околдованным почти в такой же степени, что и Сара. Хотя она, конечно, могла быть более чувствительной и видеть все не так, как я. Ведь человек даже не может предположить, какие образы возникают в чужом сознании, как работает чей-то мозг, что запечатлевается в нем и как толкует он эти впечатления...

— Возможно, завтра,— сказала она.

Кивнув, я посмотрел на этого большого ребенка, говорившего: завтра, возможно, будет Рождество.

Но «завтра» не стало ни концом тропы, ни Рождеством. Оно стало днем, когда исчез Тук.

Мы обнаружили его исчезновение уже после полудня и, сколько ни пытались, не могли вспомнить, был ли он с нами на полуденном привале. Мы знали наверняка лишь то, что еще утром он был.

Пришлось возвращаться по тропе назад. Мы искали его, но безрезультатно. Когда наконец стало смеркаться, мы устроились на ночлег.

Это было, конечно, странно, что никто из нас не помнил, когда видел Тука в последний раз. Я очень удивлялся, когда думал об этом. Намеренно он покинул нас или заблудился?

А может быть, просто растворился, как сделал это Джордж в ту памятную ночь, когда агрессивное дерево загнало нас в здание из красного камня?.. Отчужденность Тука — единственно из-за нее мы не почувствовали его отсутствия сразу. День ото дня он все больше отдалялся от нас, становясь почти невидимым призраком. Это последнее, а также магические чары земли, по которой мы полушли-полуплыли,— вот что сделало вполне возможной незаметность исчезновения...

— Нет смысла продолжать поиски,— сказала Сара.— Если б он был где-то здесь, мы уже нашли бы его. Если бы он только присутствовал здесь...

— По-вашему, он уже не присутствует? — удивленно спросил я.

Она покачала головой:

— Он нашел то, что искал. Как и Джордж.

— Вы имеете в виду куклу?

— Это символ. Точка концентрации. Магический кристалл. Некая пред-Мадонна. Талисман...

— О Мадонне вы уже говорили,— напомнил я.

— Благодаря своей необычайной чувствительности,— продолжала Сара,— Тук воспринимал пространственно-временное запределье. Несносный, гадкий в повседневности — да, я признаю это теперь! — он был вне ее совершенно другим. Именно о таких говорят: не от мира сего.

— Вы сказали однажды, что он не выдержит пути, сломается.

— Да, я помню. Мне казалось, что он слаб, но так только казалось. В нем была сила...

Слушая ее, я не переставал мучить себя вопросами. Куда же мог уйти Тук? Ушел ли он вообще или просто ссохся до критической точки? Не остался ли он рядом — невидимый, неслышимый, дергающий нас за рукава в попытке привлечь к себе внимание?.. Хотя Тук не стал бы дергать. Он бы плюнул на нас и отвернулся. Его могли трогать только собственные тайные мысли. Ну, кукла еще... Исчезновение, вероятно, было для него желанным избавлением от нас...

— Вас теперь только двое,— сказал Хух.— Но не только. С вами друзья.

Я действительно забыл о Хухе, лошадке и роботе. Я думал о том, что нас, свалившихся сюда из бездонного космоса, ищущих здесь непонятно что, нас уже вдвое меньше...

— Хух! — сказал я.— Ты ведь что-то почувствовал, когда нас покинул Джордж? А теперь?

— Я ничего не слышал, Майк. Знаю только, что Тук ушел не сразу. Это тянулось долго, не один день. Он просто таял, становясь все меньше и меньше...

Вот так, подумал я. Все меньше и меньше. И даже неизвестно, был ли он с нами весь — хоть минуту...

Сара стояла рядом с гордо поднятой головой, словно бросала вызов в темноту кому-то или чему-то. Быть может, обстоятельствам, отнявшим у нас Тука. Мне уже не верилось, что в этом замешаны какие-то посторонние силы. Все сделали Тук и его башка...

Пламя вспыхнуло ярче, и я увидел слезинки, скатывавшиеся по щекам Сары. От прикосновения моей руки она вздрогнула, повернулась ко мне и вдруг — чего уж никак нельзя было предвидеть — уткнулась лицом в мое плечо. Я обнял ее, и она горько разрыдалась.

У костра неподвижно стоял бесстрастный Роско, и в тишине, прерываемой всхлипами Сары, я слышал: «предмет, привет, стилет, скелет, билет, галет...»

Глава 18

Мы прибыли следующим утром. Именно «прибыли», потому что никто не сомневался, что это место и есть цель нашего многодневного похода.

Поднявшись на небольшой холм, я увидел две огромные скалы, в щель между которыми ныряла наша тропа, и понял: перед нами вожделенные ворота.

Вдали высились горы, те самые, которые не так давно были похожи на размазанное фиолетовое пятно. Фиолетовость все еще оставалась, и это она отбрасывала на голубую землю, по которой мы шли, свою угрюмую тень.

Во всем — и в этих горах, и в воротах, и в ощущении того, что мы у цели,— во всем этом была такая завершенность, что я стал опасаться подвоха.

— Хух! — сказал я громко.

Он не откликнулся, хотя и стоял рядом с нами, также глядя на всю эту странную правильность.

— Пошли? — вопросительно предложила Сара, и мы двинулись по тропе вниз к огромному каменному порталу.

Приблизившись, мы увидели на одной из скал металлическую пластину с одним и тем же текстом, повторенным на множестве языков. Часть каракулей адресовалась к владеющим космическим арго. И вот что там было написано:

ВСЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. МЕХАНИЧЕСКИЕ, СИНТЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ, ЭЛЕМЕНТЫ ЛЮБЫХ ГРУППИРОВОК — ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ИНСТРУМЕНТЫ, ОРУЖИЕ ЛЮБОГО ВИДА НЕ ВНОСИТЬ.

— Ну и ладно,— сказал Пэйнт.— Я составлю компанию нашему неуклюжему генератору рифм. И присмотрю за оружием. Только прошу не задерживаться. После этой жизни вверх ногами мне страшно оставаться без биологических персон. Соседство настоящей протоплазмы успокаивает...

— То, что мы идем туда совершенно беззащитными, мне очень не нравится,— сказал я Саре.

— Но ведь мы уже у цели! — напомнила она.— Вряд ли следует нарушать вполне безобидное предписание! Ведь там мы будем в полной безопасности, Майк! Разве вы не чувствуете?

— Чувствую, чувствую... Но все же мне это не нравится. Я не стал бы так уж доверять своим чувствам. Никто не знает, на что мы там напоремся... Кстати, если бы мы не обратили внимания на табличку, то...

«Би-ип!» — пискнула табличка, или скала, или неизвестно что. И мы прочитали следующее:

ЗА ПОСЛЕДСТВИЯ УМЫШЛЕННОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕ НЕСЕМ.

— Ишь ты! — сказал я.— И какие же, вонючка, могут быть последствия?

Пластина не удостоила меня ответом — на ней остался прежний текст.

— Вы как хотите, а я пошла,— сказала Сара.— Причем соблюдая все правила. Проделав такой путь, я не поверну назад.

— А кто собирается поворачивать?! — удивился я.

«Би-ип!» — пропищало снова, и на пластине появилась надпись:

БЕЗ ГЛУПОСТЕЙ, ВОНЮЧКА.

Сара прислонила свое ружье к скале, прямо под пластиной, и рядом положила патронташ.

— Идем, Хух! — сказала она.

«Би-ип!» — и пластина изобразила:

ЭТОТ МНОГОНОГИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО БИОЛОГИЧЕСКИЙ?

— Знай же, вонючка! — яростно прогудел Хух.— Я высижен по всем правилам!

НО ТЕБЯ НЕСКОЛЬКО.

— Меня трое! — с достоинством ответил Хух.— Перед тобой мое второе «я». Оно выше первого, но во многом уступает третьему.

Текст исчез. Казалось, кто-то или что-то размышляет.

«Би-ип!» — прозвучало наконец, и появилась надпись:

НАШИ ИЗВИНЕНИЯ, СЭР. ПРОХОДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

Сара вопросительно посмотрела на меня:

— Ну?

Я бросил оружие на землю.

Она шла первой, и я не возражал. В конце концов, это были ее бенефис и ее денежки. Хух легко катился за ней. А я тащился сзади.

Мы спустились по тропе вниз почти в потемках — так как нависающие над нами скалы заслоняли свет. Мы прошли по канаве шириною около трех футов. Затем канава резко повернула и впереди вспыхнул свет.

Оставив за собой камни и темноту, мы ступили на обетованные пределы.

Глава 19

Перед нами был вид Древней Греции, о которой я читал в школе, когда нам прививалась любовь к истории Земли. В те годы я плевал и на колыбель человечества, и на ее содержимое. Но концепции этого древнего народа поразили меня своим совершенством... Потом я, конечно, забыл о них и никогда больше не вспоминал. И вот теперь передо мной снова лежал школьный учебник...

Тропа не кончилась. Под шум сверкавшего на солнце ручья, который нещадно грохотал по уступам, она бежала по долине.

Ландшафт был довольно суров, но каменистую почву то тут, то там оживляла зеленая заплатка с деревцом-загогулиной.

Тропа то приближалась к ручью, то отдалялась от него, огибая встречные камни. А в вышине, на почти неприступных склонах, виднелись игрушечно маленькие, сложенные из мрамора, поразительные по благородству линий домики.

Даже солнце казалось здесь греческим — во всяком случае, именно таким я представлял его. Исчезла голубизна плато, исчезли мрачные тени, и был только чистый, безудержно льющийся на бесплодную почву солнечный свет.

Это было оно — место, которое мы искали, сами того не зная. Искомое могло оказаться и человеком, и вещью, и даже идеей. Мы тыкались наугад — и вот... Правда, в этой долине можно было обнаружить еще и человека или могилу его, а может быть, какие-то следы, способные нам поведать о случившемся с этим легендарным странником.

При одном взгляде на долину уже невозможно было подумать, что тропа, приведшая нас сюда, могла иметь какой-то другой конечный пункт.

С тех пор как мы вышли из холодного полумрака под эти греческие лучи, никто из нас еще не проронил ни слова. Слов просто не было. И когда Сара двинулась дальше, Хух и я молча последовали за ней.

Мы обнаружили узкую тропинку, тянувшуюся к первой из вилл, которая стояла на склоне горы, почти нависая над потоком. Чуть в стороне от тропинки стоял столб с прикрепленной к нему дощечкой. На дощечке было что-то написано, но что — мы не могли разобрать.

— Табличка с именем? — остановившись, спросила Сара.

Я кивнул. Это вполне могло быть именем какого-то существа, живущего там, наверху, на вилле.

Табличка-то была, но никаких признаков чьего бы то ни было обитания не проявлялось. Нигде никто не шевелился, не выглядывал ниоткуда и не летал над нами. Не было слышно жужжания насекомых или насекомоподобных. По-видимому и слышимому, единственными живыми существами здесь были мы.

— Да,— сказала Сара.— Скорее всего, это действительно табличка с именем...

— Допустим,— ответил я.— Допустим и пойдем дальше. Поищем табличку с именем Лоуренса Арлена Найта.

— Даже теперь вы не в состоянии отнестись к этому серьезно! — возмутилась она.— То, по-вашему, он уже умер, то и не жил никогда, то еще что-то...

— Я могу, конечно, ошибаться, Сара, но здесь нет ничего, представляющего для нас хоть какой-то интерес. И это была ваша идея...

— Против которой вы были с самого начала!

— Захвачен я ею не был, что правда — то правда...

— Мы проделали такой путь?..— жалобно воскликнула она.

— Ладно. В конце концов, мы ничего не теряем. Давайте в самом деле пойдем и рассмотрим все надписи.

И мы пошли, то сбегая по скатам вниз, то карабкаясь вверх. Нам попадались столбики с табличками, на которых были начертаны неведомые нам знаки — если это вообще были знаки. Солнце палило, прозрачный поток разбивался о камни, и брызги искрились. Но все остальное сохраняло прежнюю неподвижность.

Очередная табличка крупными печатными — и главное, понятными — буквами извещала: ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ.

Это было, конечно, форменным безумием. Невозможно пересечь всю Галактику и наткнуться на того, кого искал. Невозможно найти человека, давно умершего. Невозможно оживить легенду... Тем не менее перед нами красовалась надпись: ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ...

И тут меня осенило! Это не жилище, а могила! Гробница!

— Сара! — воскликнул я, но она уже карабкалась вверх, возбужденно всхлипывая и радуясь счастливому итогу напряженных поисков...

А потом на крыльцо этого белоснежного строения, сверкавшего перед нами, вышел человек. Это был глубокий, но еще крепкий старик с серебристой бородой и широкими плечами. Белая хламида не вызывала никакого удивления. С такой осанкой можно было носить только хламиду.

— Сара! — снова крикнул я и вместе с Хухом поспешил за ней.

Она ничего не слышала. Она ни на что не обращала внимания.

— Гости?! — воскликнул старик, выкидывая руку в нашу сторону.— Мои соплеменники?! Мог ли я думать, что увижу их вновь!

Его голос рассеял мои последние сомнения. Это не было ни миражом, ни призраком. Это был просто человек, приветствующий нас своим глубоким басом.

Сара протянула ему обе руки, он сжал их — и они оба застыли, глядя друг другу в глаза.

— Вероятно, это был долгий путь,— пророкотал старик.— Очень долгий. Тропа длинна, трудна, и никто ничего не знает... Но вы-то как узнали?!

— Сэр,— все еще тяжело дыша, сказала Сара,— вы, должно быть, Лоуренс Арлен Найт, не так ли?

— Ну да! — подтвердил старик.— Он самый! А кого же вы предполагали тут увидеть!

— Кого?..— задумчиво повторила Сара.— Конечно вас. Но мы могли только мечтать об этом...

— А кто эти ваши милые спутники?

— Капитан Росс и Хух, наш преданный друг,— представила нас Сара.

— Весьма польщен, сэр! — отвесив Хуху поклон, сказал Найт, после чего повернулся ко мне, и мы обменялись рукопожатиями. Пергаментную кожу его крепкой руки покрывало множество темных пятен.

— Добро пожаловать, капитан! Места хватит для всех! И для молодой леди, имени которой я, к сожалению...

— Сара Фостер,— торопливо сказала Сара.

— Подумать только! — воскликнул Найт.— Я больше не одинок! Как бы прекрасно все ни было, мне всегда не хватало звуков человеческой речи и человеческих лиц! Здесь, конечно, множество существ, добрых и тонко чувствующих, но потребность видеть сородичей неистребима!

— Как давно вы здесь? — спросил я, пытаясь вспомнить, на какую же глубину уходит в прошлое легенда об этом человеке.

— Когда ты используешь каждый день в полной мере, когда с вечера нетерпеливо ждешь утра — отсчет времени не ведется. Минута становится частью вечности... Я много думал об этом

и должен сказать, что не уверен в реальном существовании времени. Это абстрактное понятие, грубая измерительная линейка, перспективная структура, существующая далеко не во всех умах — но в тех лишь, которым необходимо поместить себя в так называемые пространственно-временные рамки. Время как таковое прячется в вечности, и невозможно найти ни начала его, ни конца. Они не существовали никогда... Ну а в моем случае тщательное измерение нелепо нарезанных ломтиков вечности — работа вовсе бессмысленная. Да и не нарезаются ломтики...

Он все говорил и говорил, а я, стоя между двумя мраморными колоннами, бросал рассеянные взгляды вниз, на долину, и думал: уж не тронулся ли старик от своего одиночества?.. Правда, все здесь действительно наводило на мысли о вечном, даже олицетворяло его. Я, конечно, не знал, как должна выглядеть вечность, но казалось, что именно так...

— Простите мне такую бессвязность,— остановился вдруг Найт,— но беда в том, что во мне накопилось слишком много невысказанного... Однако не все сразу. Вы и так, я вижу, утомлены. Не угодно ли зайти в дом?..

И мы вошли, мы погрузились в это классическое, умиротворенное изящество.

В доме не было окон, и солнечные лучи косо лились сверху, освещая великолепные стулья и софу, письменный стол с деревянной шкатулкой и разбросанными листами бумаги на нем, изысканный чайный сервиз на столике поменьше.

— Прошу вас, садитесь! — сказал Найт.— Я надеюсь, вы сможете уделить мне какое-то время?

«Так ведь его не существует!» — мысленно возразил я.

— Конечно же сможете! — ответил он сам себе.— Ведь вы располагаете всем существующим временем! Пришедшему сюда уже некуда спешить! У него даже не возникает желания уйти куда бы то ни было?..

Его монолог был гладким и понятным, как в добротной пьесе. Причина, по которой открылись его речевые шлюзы, не представляла загадки тоже. Одинокий старик нежданно-негаданно получил возможность выговориться. И все же при всей этой ясности я чувствовал какое-то смутное беспокойство...

— И для вас здесь конечно же места хватит,— продолжал Найт.— Многие жилища пока пустуют, так как добраться сюда не так-то просто. Через пару деньков я покажу вам окрестности, и мы кое-кого навестим. Нанесем, так сказать, официальные визиты. Без этого не обойтись — этикет у нас чтут. Однако в дальнейшем вы будете совершенно избавлены от необходимости делать визиты, если они вам окажутся в тягость... Здесь, должен вам сказать, живет избранная публика, представители самых различных уголков Вселенной. Кого-то вы найдете забавными, кого-то — занудливыми, и в их поступках будет очень много непостижимого для вас. Порою вы даже будете неприятно шокированы. Старайтесь в таких случаях быть терпимыми к чужому своеобразию...

— А что это за место? — поинтересовалась Сара.— Как вы узнали о его существовании и как...

— Что это за место?..— глубоко вздохнув, переспросил Найт и умолк.

— Да, что это за место, собственно? — настойчиво повторила Сара.— Как оно называется?

— Ну-у... Вы знаете, я никогда не интересовался этим. Не думал об этом и никого не спрашивал.

— То есть, прожив здесь столько времени, вы не поинтересовались, где вы находитесь?! — удивился я.

Он посмотрел на меня с таким испугом, будто я призывал его к восстанию.

— А зачем?! Зачем интересоваться?! Что мне в этом названии?!

— Простите,— сказала Сара.— Простите нас. Мы не хотели вас обидеть.

Она-то, может быть, и не хотела его обидеть, а вот я был не прочь. В этом случае, возможно, он разрешился бы хоть чем-то толковым...

— Вы упомянули о наполненности каждого вашего дня,— сказал я.— Какого она рода?

— Майк! — одернула меня Сара.

— Но я хочу знать! — воскликнул я.— Созерцает ли он целыми днями свой пуп — или же...

— Я пишу,— сказал Лоуренс Арлен Найт.

— Снова вынуждена принести свои извинения, сэр,— вмешалась Сара.— Допрос — не лучшая форма беседы.

— Не для меня,— сказал я.— Не для невежи, желающего получить несколько вразумительных ответов. Он говорит, что никто из попавших сюда не желает никуда уходить! Он говорит также, что его дни заполнены до предела! Так вот. Если нам суждено застрять здесь окончательно, я хотел бы узнать...

— Каждый,— мягко прервал меня Найт,— делает здесь то, к чему имеет склонность. И делает исключительно ради собственного удовлетворения. Других мотивов нет. Лишь радость, доставляемая хорошо сделанной работой. Нет никакого экономического или социального давления. Деньги, признание, слава — все это теряет здесь смысл. Твой судья — ты сам.

— И поэтому, значит, вы пишете?

— Я пишу,— ответил Найт.

— И что же такое вы пишете?

— То, что хочу. Я излагаю свои мысли, стараясь выразить их как можно точнее. Я пишу, и переписываю, и снова пишу. Мне хотелось бы запечатлеть весь опыт моей жизни и понять: что я за существо и почему я именно такой... Мне хотелось бы продолжить...

— Ну, и как успехи? — нетерпеливо спросил я.

Он кивнул на шкатулку:

— Все в ней. Все, что я пока успел. Работа отнимает достаточно много времени, но приносит несравненно больше наслаждения. Конечно, чтобы завершить этот труд — если только я успею его завершить,— понадобится не день и не два. Но ведь в моем распоряжении все существующее время?.. Тут у нас и рисуют, и сочиняют музыку, и исполняют ее, и занимаются такими вещами, о которых я и не подозревал прежде! Один из моих ближайших соседей, весьма необычное существо, разрабатывает невероятно сложную игру со множеством фигур и фишек, помещаемых на четырехмерную доску и...

— Перестаньте! — закричала Сара.— Вы не должны отчитываться перед нами!

Умолкнув, она испепелила меня взглядом.

— Ну почему же...— удивился Лоуренс Арлен Найт.— По-моему, это может представлять для вас определенный интерес... Здесь так много удивительного! И я прекрасно понимаю, сколько вопросов может возникнуть у только что прибывшего к нам...

— Майк,— сказал Хух.

— Тихо! — сердито прошептала Сара.

— Это трудно объять сразу,— продолжал Найт.— Очень трудно... Почти невозможно, например, уяснить себе даже то, что время здесь застыло и что — несмотря на регулярное появление и исчезновение света, благодаря которому мы получаем наши искусственные дни,— время неподвижно. «Вчера» едино с «сегодня» и «завтра». Мы погружены в неподвижный океан вечности, где исключена тирания минут и...

— Майк! — протрубил Хух, уже не сдерживаясь.

Я вскочил. Вслед за мной поднялась Сара. И едва мы это сделали, произошла странная перемена.

Мы стояли в грязной лачуге с дырявой крышей, кривыми стульями и треногим, прислоненным к стене столом, на котором среди раскиданных бумаг стоял деревянный ящик.

— Это за пределами человеческого сознания,— продолжал разглагольствовать Найт.— Это действительно за его пределами... Мне иногда кажется, что кто-то когда-то и каким-то образом увидел это место, проникся его смыслом и назвал небесами...

Он был стар. Он был невероятно стар. Он был омерзительным живым трупом с ввалившимися щеками и гнилыми зубами. Сквозь огромную дыру его негнущегося от грязи халата видны были ребра, выпирающие как у истощенного коня. Руки его стали когтистыми лапами. Борода слиплась от слюны. И только в полузакрытых глазах была странная, неуемная живость...

— Сара!! — закричал я испуганно, увидев ее все так же почтительно, благоговейно внимающей звукам, извергаемым грязной развалиной, скукожившейся на колченогом стуле.

— Сейчас, Майк,— бросив на меня недовольный взгляд, сказала она.

Я понял, что перед ней все тот же, прежний Найт! Что она ничего не заметила и все еще находится во власти дурмана, заманившего нас сюда, в эту ловушку!

Теперь я действовал очень быстро, почти не размышляя. Ударив Сару по челюсти, безжалостно и точно, я подхватил ее, уже падающую, и перекинул через плечо. Взглянув мельком на Найта, я увидел, что он отчаянно пытается слезть со

своего стула, в то время как рот его продолжает выплевывать слова.

— В чем дело, друзья мои? Может быть, я невольно обидел вас? Так трудно порою понять нравы некоторых людей... Одно неловкое слово и...

Отвернувшись, я увидел на столе все тот же деревянный ящик и протянул к нему руку.

— Майк! — умоляюще прогудел Хух.— Мы не можем медлить! У нас даже нет времени для приличествующих случаю церемоний! Бежим отсюда с максимальным проворством!

И мы побежали с максимальным проворством.

Глава 20

Мы мчались без оглядки. И только перед тем, как нырнуть в каньон, ведший к воротам, я все же оглянулся...

Сара, уже пришедшая в себя, визжала и молотила меня кулаками по спине. Но я крепко держал ее одной рукой, другою сжимая все же захваченный ящик.

Когда мы выбрались из каньона, Роско и Пэйнт стояли в тех же позах, в которых были оставлены. Прислоненное к скале ружье Сары и мой меч со щитом тоже никуда не делись.

Я сбросил Сару на землю без всякого почтения. Получив столько ударов руками и ногами, я мог себе это позволить.

Бледная от гнева, она так и осталась сидеть. Рот ее открывался и закрывался, но ничего, кроме «ты! ты! ты!», из него не вылетало. Всегда защищенная денежками, она, вероятно, впервые испытала такое унижение.

Я стоял, тяжело дыша от этого бешеного бега и от побоев этой сумасшедшей, стоял и думал о том, что увидел, оглянувшись...

— Ты ударил меня! — сложила наконец слова оскорбленная Сара.

Сложила и выжидающе умолкла. А выжидать было нечего. Я не знал, что ответить, и у меня не было сил на ответ. Наверное, Сара надеялась, что я стану все отрицать, и тогда на меня можно будет накинуться не только как на хулигана, но и как на лжеца.

— Ты ударил меня! — закричала она опять.

— Ты чертовски права. Ударил,— сказал я.— Потому что ты кое-что не видела и стала бы спорить со мной... Оставаться там было нельзя.

— Мы нашли Лоуренса Арлена Найта! — вскочив, возопила Сара.— Мы обнаружили райское место! После долгого пути мы нашли то, что искали! И теперь...

— Вина лёжит на мне, благородная леди,— сказал Хух.— Я уловил это краешком моего третьего «я» и показал Майку. Моих сил не хватило на то, чтобы это увидели и вы...

— Ах ты, грязная скотина! — возмутилась она и пнула Хуха ногой.

Удар пришелся в бок — Хух перевернулся и стал беспомощно сучить своими маленькими ножками.

Сара тут же упала перед ним на колени и заплакала:

— Прости меня! Мне стыдно! Мне очень жаль, что так получилось! — А затем поставила пострадавшего на ноги.

— Майк! — жалобно воскликнула она.— О Майк?.. Что же такое произошло с нами?

— Надули нас, вот что,— сказал я.— Других объяснений быть не может. Околдовали.

— Добрейшая! — воскликнул Хух.— Я не в обиде на вас! Такой реакции мне следовало ожидать!

— Видать, кидать, не дать, рыдать,— добавил Роско.

— Заткнись! — крикнул ему Пэйнт.— Свихнуться можно от твоей тарабарщины!

— Это была иллюзия,— сказал я Саре.— Там нет никаких мраморных вилл — одни лишь грязные лачуги. И ручей, который виделся нам прозрачным, на самом деле засорен отбросами. От него поднимается непереносимая вонь. А Лоуренс Арлен Найт — если это действительно он — имеет вид покойника, оживленного неизвестно каким способом...

— Нас совсем не оберегают здесь,— сказал Хух.

— Мы нарушители границы! Мы не должны улететь с этой планеты, потому что иначе расскажем о ней другим! Это же гигантская мухоловка! Как только мы оказались поблизости, она заманила нас своим сигналом! А потом нам подкинули другую мухоловку, поменьше, использовав нашу склонность к серьезному восприятию мифов.

— Но ведь Найт,— сказала Сара,— преследовал свой миф еще там, в пределах Галактики!

— Как и мы! Как и те гуманоиды, чьи кости лежат в овраге! Видишь ли, в ловушках для насекомых иногда используются запахи, имеющие почти неограниченный радиус действия. Здесь же вместо запахов — легенды.

— Но этот человек, Найт или не Найт, был явно счастлив! Полон жизни! Его дни были насыщены делом, и он был уверен, что попал именно туда, куда ему хотелось?.. Может быть, ты все-таки ошибся? Или Хух просто подшутил над тобой?

— Не подшутил,— сказал Хух,— а дал реальное изображение.

— Реальное? Если Найт счастлив, и у него есть дело, и жизнь его полна смысла, и время над ним не властно...

— Ты хочешь сказать, что мы могли остаться? — спросил я.

Она кивнула:

— Ведь там было место и для нас... Можно было бы поселиться в одном из этих строений и...

— Сара! Ты действительно хотела бы этого? Ты хотела бы улечься на это воображаемое облачко? И никогда больше не увидеть Землю?..

Она хотела что-то сказать, но передумала.

— Ведь нет же! — продолжал я.— Там, на Земле, тебя ждет твой дом, набитый охотничьими трофеями,— ты ведь у нас великий охотник! Гроза свирепых хищников! Эти шкуры и головы, собранные по всей Галактике, давали тебе известное положение, делали тебя романтической фигурой! Но вот беда — людям в конце концов это приелось! Они стали зевать! И чтобы их как-то взбодрить, ты решила поохотиться за чем-то совершенно иным...

Рука Сары, описав неотразимую дугу, звонко шлепнула меня по щеке.

Я усмехнулся.

— Теперь мы квиты!

Глава 21

Мы повернули назад и шли по той же тропе, которая привела нас сюда,— через голубое плато. Горы, фиолетовые гиганты, были теперь за нашими спинами.

Шума, который подняла Сара из-за всего случившегося, конечно, следовало ожидать... Я и теперь не был убежден,

что она поверила всему сказанному мной,— скорее всего, не поверила. Мои слова остались для нее только словами, а покинутая долина — чудесным местом с мраморными виллами, весело журчащим ручьем и ярким солнцем. Если бы ей довелось побывать там снова, именно это она и увидела бы. Колдовство все еще действовало на нее...

У нас не было никакого плана, и нам некуда было идти. Желания снова увидеть пустыню не возникало. Огромный белый город тоже не манил. Не знаю, что думали Хух и Сара, но в моей голове была единственная мысль: уйти как можно дальше от этих ворот и от этой долины...

Я уже успел забыть голубизну плато, мшистые холмики, сладко пахнущий кустарник, ледяные ручьи и деревья, воткнутые в небо. То, что планета была закрытой, связывалось у меня каким-то образом именно с этими деревьями. Потому, может быть, что они обнаруживали чью-то работу? Ведь самостоятельно они никак не расположились бы с такой правильностью... Вместе с тем я ловил себя на мысли, что смотрю на эту правильность уже без прежнего недоумения, не пытаясь разгадать ее причину. Мозг защищал себя от непосильных вопросов...

Ночью, сидя у костра, мы вяло размышляли о наших перспективах. Надежды проникнуть в корабль вроде бы не было. Там, на поле, стояло с дюжину других кораблей, и, вероятно, не первый год. Их, должно быть, тоже пытались взломать, но ничто не говорило о хотя бы одной успешной попытке... Неясной оставалась судьба экипажей этих кораблей. Мы знали — в общих чертах, конечно — о случившемся с гуманоидами, чьи кости лежали в овраге. Мы могли также предположить, что кентавры — мутировавшие потомки инопланетных существ, прилетевших сюда много веков назад... Планета довольно крупная, с гораздо большей по сравнению с Землей площадью суши. Пришельцы вполне могли отыскать на ней пригодную для себя нишу. А некоторые, возможно, поселились в городе, если только эти вибрации для них не смертоносны... Был еще один вариант. Экспедиции могли состоять только из мужчин — из самцов, точнее говоря. И они просто вымерли...

— Не исключено,— сказала Сара,— что кто-то из них живет там, в долине, как Найт.

Я кивнул. Долина была последней ловушкой. Если только гость не погибал по дороге, она захлопывалась за ним безотказно. Идеальны ловушки, из которых не хочется выбираться... Вряд ли, конечно, все прилетевшие искали то, что искал Лоуренс Арлен Найт, или то, что искали мы. Их могли привести сюда совершенно другие причины...

— Ты уверен, что действительно видел это? — спросила Сара.

— Ну что я должен сделать, чтоб ты мне поверила? — воскликнул я.— По-твоему, я просто хотел насолить тебе, да? Ты думаешь, что самому мне счастье противопоказано? Что после всех этих миль, которые...

— Да, конечно,— согласилась она.— У тебя не могло быть никакой другой причины... Но почему ты все видел, а я не видела?!

— Хух тебя все объяснил! Он мог предупредить только одного из нас. И он предупредил меня...

— Майк — часть меня,— сказал Хух.— Мы обязаны друг другу жизнью. Это нас связало. Его сознание всегда во мне. Мы с ним почти одно...

— Чудно! На дно! — торжественно произнес Роско.

— Уймись! — прикрикнул на него Пэйнт.— Перестань пороть эту чушь!

— Туш!

— Этот почти человек хочет поговорить с нами,— сказал Хух.

— Его мозг поврежден,— сказал я.— В этом вся беда. Кентавры...

— Нет, он пытается контактировать,— настаивал Хух.

Повернувшись к Роско, я очень внимательно на него посмотрел. Тот стоял прямо и неподвижно. Пламя костра играло на его металлическом корпусе. И тут я вспомнил, что ведь это он указал нам дорогу на север. Значит, он еще соображает? И возможно, сейчас что-то хочет сообщить нам, но не может?..

— Хух! Не можешь ли ты что-то извлечь из него?

— Не в силах, Майк.

— Да разве не ясно, что ничего из этого не выйдет?! — возмутилась Сара.— И что мы никуда отсюда не улетим... Так и останемся здесь навсегда...

— Можно попробовать еще один вариант,— сказал я.

— Знаю. Другие миры. Вроде песков, в которых мы уже побывали. Их тут, должно быть, сотни...

— И один из этих сотен, возможно...

Она покачала головой:

— Невозможно. Ты недооцениваешь существ, построивших этот город и посадивших деревья. Они знали свое дело. Каждый из миров изолирован не менее надежно, чем этот. Иначе все потеряло бы смысл.

— А не думаешь ли ты, что в одном из миров живут строители города?

— Не знаю. Но даже если живут — что с того? Они раздавят тебя, как букашку!

— Да...— согласился я.— Ну, так что же предпримем?

— Лично я могла бы вернуться в долину. Как не видевшая того, что видел ты. И вероятно, не способная увидеть.

— Если ты мечтаешь о такой жизни, то конечно...

— Конечно! Потому что жизнь в долине была для меня вполне реальной! Кстати, ты уверен, что теперешняя наша жизнь реальна? Тебе известны какие-то критерии реального?

Ответить на этот вопрос было невозможно. Я не знал критериев реальности. Лоуренс Арлен Найт выбрал для себя псевдожизнь в ирреальной долине. И эта жизнь виделась ему такой же наполненной, как если бы она была реальной. И все обитатели долины пребывали в том же счастливом заблуждении... Интересно, а как объяснил Найт наш внезапный уход? Наверное, придумал какую-то хитроумно естественную причину, которая не могла бы вывести его из равновесия, не потревожила бы его сладкий сон...

— Пожалуй, ты могла бы там прижиться,— сказал я.— Но мне это не подходит...

Мы сидели у костра и молчали, потому что говорить было уже нечего. Спорить с ней, что-то доказывать мне не хотелось. Я понимал, что все это говорится не всерьез и к утру забудется. Восторжествует здравый смысл, и мы двинемся дальше. Только вот куда?..

— Майк,— тихо сказала она.

— Что?

— У нас с тобой могло бы что-то получиться — там, на Земле... Мы одного типа.

Я пристально вглядывался в ее лицо. Странная мягкость была в нем.

— Ты ничего не говорила,— строго сказал я.— И это не в моих правилах — приставать к нанимателям.

Я ожидал, что она взорвется, но обошлось. Даже не поморщилась.

— Ты прекрасно знаешь, Майк, что я говорила не об этом... Но путешествие все испортило. Мы слишком хорошо узнали друг друга. До отвращения хорошо... Прости, Майк.

— И ты прости меня...

Утром она исчезла.

Глава 22

— Ты ведь не спал! — накинулся я на Хуха.— Ты видел, как она уходила! И не разбудил меня!

— Для чего? Для чего я должен был тебя будить? Ты все равно не удержал бы ее!

— Я вбил бы немножко ума в ее голову!

— Ты не удержал бы ее,— повторил Хух.— Это судьба, Майк. Это ее собственная судьба. Вмешиваться нельзя. И у Джорджа своя судьба, и у Тука своя, и у нее. И моя судьба — моя, ничья больше.

— К черту судьбу,— заорал я,— если она такое вытворяет! Мало того, что исчезли Джордж с Туком, так теперь я еще должен идти и вытаскивать Сару из...

— Не должен! — зло прогудел Хух.— Не должен ты ее вытаскивать! У тебя мало понимания, Майк... Ты не понимаешь, что это дело — не твое...

— Но она сбежала от нас!

— Тогда Тук с Джорджем — тоже сбежали.

— С Джорджем и Туком было все по-другому....

— Мой друг! Друг мой! — воскликнул Хух.— Я рыдаю по тебе!

— Оставь эти идиотские сантименты,— сказал я раздраженно.— Не заставляй меня снова на тебя орать.

— Разве это так плохо? — удивился Хух.

— Не то слово.

— Я надеюсь дождаться,— сказал он.

— Чего? — спросил я.— Или ты о Саре? Разве не понятно, что я отправляюсь за...

— Не о Саре. О себе. Я надеюсь дождаться, но уже не могу ждать.

— Перестань говорить загадками. Что случилось?

— Сейчас я тебя покину,— сказал Хух.— Мне пора переходить в третье «я».

— Сколько я тебя знаю, Хух, столько ты талдычишь о своих номерных «я»...

— Да! У меня три фазы! — торжественно провозгласил он.— Сначала первая, затем вторая и в конце — третья...

— Минуточку, минуточку... Ты, значит, у нас вроде бабочки? Гусеница, куколка и...

— Я не знаю о бабочке.

— Но за свою жизнь ты бываешь тремя различными существами?

— Мое второе «я» продлилось бы чуть дольше,— грустно сказал он,— если бы я не потревожил третьего — для того, чтоб рассмотреть Найта.

— Прости, Хух!

— Ничего. Третье «я» — это радость. Оно очень желанно. Ожидание его переполняет меня счастьем.

— Ладно, черт побери. Если так, валяй в свое третье. Я не против.

— Третье «я» — это удаленность, Майк. Оно не здесь. Оно где-то... Не знаю, как тебе объяснить. Я горюю по тебе и горюю по себе. Меня печалит расставание. Ты дал мне жизнь, и я дал тебе жизнь. Мы очень сблизились. Мы шли с тобой рядом через все опасности и научились понимать друг друга без слов. Я бы разделил свою третью жизнь с тобой, но это невозможно...

Шагнув к нему, я упал на колени и протянул руки навстречу его щупальцам. Соприкоснувшись, мы стали одним целым. На какой-то миг я увидел потаенные пределы его сущности — то, что он знал, что помнил, на что надеялся, о чем мечтал... А еще на миг мне открылись его предназначение и непостижимая структура его общества... Этот гремящий поток информации и эмоций хлынул в мой мозг, тут же его переполнив...

А потом все исчезло. И рукопожатие тоже. И сам Хух. Я стоял на коленях с протянутыми в пустоту руками. В голове чувствовался холод, а лоб был в испарине. Ко мне возвращался этот голубой мир, этот потухший костер и этот дурацкий робот.

Поднявшись на ноги и оглядевшись вокруг, я попытался вспомнить, чем же таким особенным была только что наполнена моя голова. Но ничего я не вспомнил. Наверное, мозг упрятал это поглубже или вовсе стер. Наверное, он защитил себя от перегрузки...

Пошатываясь и спотыкаясь, я приблизился к темным угольками и, сев на корточки, поворошил их. Из глубины вскоре выглянула тлеющая головешка. Оставалось только подложить к ней тоненьких щепок — и вот уже закружилась струйка дыма и задрожал маленький огонек.

Сидя в тишине у костра, я подбрасывал в него сухие ветки и думал о своем одиночестве. Допрыгались, думал я... Из четырех человек и одной многоножки остался минимум... И никчемный робот в придачу... Я был близок к тому, чтобы пожалеть себя, но вовремя вспомнил, что это не первая передряга в моей жизни и что одиночество — мое привычное состояние... Из-за исчезновения Тука с Джорджем, конечно, не стоило горевать. Хух — другое дело. О нем можно было и всплакнуть. Не о нем, вернее, а о себе — ведь он-то переселился во что-то лучшее... Сара, так много значившая для меня, ушла — туда, куда ее тянуло... И тут я понял, что Джордж с Туком — они ведь тоже ушли, куда им хотелось! У каждого было место куда уйти! У всех, кроме меня!

Как быть с Сарой? — думал я. Вернуться в долину и вытащить ее оттуда, терпя брыкание и вопли? Или сидеть на месте и ждать, когда она одумается и прибежит сама? Как же, прибежит... Или просто послать ее к черту и отправиться по тропе в сторону города?.. Последний вариант можно было избрать с совершенно чистой совестью. Свою работу, оговоренную контрактом, я выполнил. И даже лучше, чем можно было ожидать. Несмотря на всю сумасбродность затеи, мы нашли Лоуренса Арлена Найта. Все оказались правы, а я — не прав. За что и сидел теперь один как дурак, не зная, куда приткнуться...

Послышалось какое-то позвякивание, и, подняв глаза, я увидел, как ко мне подходит и подсаживается рядом Роско. Словно собирается предложить мне свою дружбу.

Усевшись поудобней, он протянул вперед руку, разровнял плоской ладонью землю перед собой, затем большим и указательным пальцами аккуратно поправил поникшую травку и еще раз провел рукой по только что разглаженной поверхности.

Я зачарованно наблюдал. Мне было интересно, что же он задумал, но спрашивать не имело смысла. Он разразился бы обычной чушью.

Выставив указательный палец, он нарисовал на земле короткую волнистую линию, а потом еще несколько непонятных знаков. Мне показалось, что он пишет какую-то математическую или химическую формулу вроде тех, что я видел, листая как-то один научный журнал.

Не в силах больше сдерживаться, я крикнул:

— Что это, черт бы тебя побрал?!

— Врал, драл, крал, трал,— традиционно начал он и вдруг продолжил уже не в рифму, но все так же, насколько я мог понять, бессмысленно: — Валентная связь функции волны равняется продукту функций асимметрично пространственной волны, а также функциям асимметричной волны, в то время как спин обеих асимметрично волновых функций...

— Стоп! — крикнул я.— В чем дело, Роско? Ты, измучивший нас своими идиотскими рифмами, говоришь теперь как заправский профе...

— Графе, дрофе, софе! — отозвался он радостно и снова углубился в работу.

Писал он уверенно, не раздумывая, с видимым знанием дела. Заполнив гладкое пространство своими символами, он тут же стер их и принялся писать снова.

Затаив дыхание, я ждал. Ситуация уже не казалась мне такой комичной, как вначале. Тут происходило что-то очень важное.

Внезапно пишущий палец замер.

— Пэйнт,— сказал Роско, не подкрепив это слово никакими рифмами.— Пэйнт,— повторил он.

Я вскочил на ноги, и робот поднялся тоже. По тропе, грациозно подпрыгивая, к нам спешил Пэйнт. Он был один, без Сары.

— Хозяин! — сказал Пэйнт, остановившись перед нами.— Я вернулся и жду ваших приказаний! Она сказала вам «до свидания», она велела передать: «Да благословит вас Всевышний». Не понимаю, что это значит... Она сказала: «Надеюсь, что он благополучно вернется на Землю». Не могли бы вы, сэр, объяснить смиренному существу, что такое Земля?

— Земля — это родная планета нашей расы,— сказал я.

— Не могли бы вы, доблестный сэр, взять меня с собой?

— Почему ты хочешь отправиться на Землю?!

— Вы милосердны, сэр,— ответил он.— Придя в страшное место, вы не убежали прочь. Я был в очень стесненном положении, но вы освободили меня, проявив изысканную любезность. Мне не хотелось бы расстаться с вами по собственной воле.

— Спасибо тебе, Пэйнт,— сказал я.

— Значит, я следую с вами до Земли?

— Нет, не следуешь.

— Но ведь вы сказали, сэр...

— Для тебя здесь есть еще кой-какая работенка, Пэйнт.

— С радостью отплачу вам за ваше доброе дело, сэр, но я так желал бы попасть с вами на Землю!

— Ты отправишься назад,— сказал я,— и будешь ждать Сару.

— Но она сказала «до свидания» очень понятно! Было похоже, что она прощалась!

— Ты будешь ждать ее! — повторил я.— Я не хочу, чтобы она не имела возможности вернуться.

— Вы думаете, что она захочет уйти оттуда?

— Не знаю.

— Но я должен ее ждать?

— Именно так.

— Я буду ждать! — жалобно воскликнул он.— Вы полетите на Землю, а я буду еще ждать! Буду ждать вечно, может быть! Если она вам нужна, добрейший сэр, то почему вы не вернетесь и не скажете ей это?

— Не могу. Хоть она и жуткая дура, у нее должен быть шанс. Как у Джорджа и Тука.

Сказав это, я удивился собственным словам. Решение, конечно, принять следовало. Но я принял его, совершенно не задумываясь, инстинктивно! Как будто это произошло не по

моей воле, как будто это сделал некто, стоящий в сторонке. Хух, например... Я вспомнил о его просьбе не вмешиваться, не идти в долину, не вытаскивать Сару оттуда. Как же много оставил мне Хух перед своим уходом?.. Я вновь попытался что-то вспомнить, но кроме руки, обвитой щупальцем, память не предлагала мне ничего...

— Тогда я возвращаюсь,— сказал Пэйнт.— Возвращаюсь, полный грусти, но послушный. Там, конечно, не Земля — однако и не овраг...

Он повернулся, чтоб уже идти, но я, остановив его, приторочил к седлу ружье и патронташ.

— Оружие она оставила для вас,— сказал Пэйнт.— Ей оно не понадобится.

— Если уйдет оттуда — понадобится,— возразил я.

— Не уйдет. Вы знаете, что не уйдет. Когда она подходила к скалам, ее глаза сияли.

Я не ответил ему. Я стоял и смотрел, как он, повернувшись, удаляется по тропе — медленно, чтобы слышать, если его позовут назад. Но я не позвал его.

Глава 23

В тот вечер, сидя у костра, я открыл ящик, взятый со стола Найта.

За день мы прошли довольно солидное расстояние, хотя каждый шаг стоил мне немалых усилий. Что-то настойчиво и властно звало меня назад. Сопротивляясь, я пытался понять, кому же так хочется удержать меня. Саре? Или все же это не «кто», а «что»? Может быть, собственная мысль о необходимости вернуться и ждать?.. Я чувствовал вину перед Сарой, хотя прекрасно знал, что вовсе не бросил ее — так же как мы не бросили Джорджа и Тука. Мне казалось, я предал ее, но ведь не предал же?.. Больше всего меня беспокоило то, что она все-таки не поверила нам с Хухом, когда мы рассказали об увиденном в долине. Я должен был убедить ее не возвращаться туда! Но она предпочла фактам свою иллюзию, она не смогла и не захотела понять нас...

А может быть, это Хух тянет меня назад? Может быть, меня терзает именно то, что он успел перелить в мой мозг?..

Я еще раз попытался вытащить из подсознания хоть какой-то обрывок информации, но тщетно...

А если меня удерживает Пэйнт? Ведь я жестоко с ним обошелся, заставив делать мою работу. Не следует ли вернуться и все отменить?.. Я представил себе бедного Пэйнта, стоящего там, у ворот, тысячу, миллион лет — в ожидании невозможного...

Обуреваемый такими мыслями, я уходил по тропе все дальше и дальше.

Стороннему наблюдателю мы показались бы довольно странной парочкой: один тащился с нелепым мечом, другой с огромным горбом вещей, не переставая бормотать.

Когда мы остановились на ночлег, и я в поисках съестного стал рыться в одной из сумок — на глаза мне попался ящик Найта. Подумав, я отложил его в сторону, решив пока не отвлекаться.

Роско принес сухих веток и, пока я разогревал на костре ужин, без умолку гундосил — не рифмы на этот раз и не терминологическую белиберду.

— Имея глаз один, ты устреми его в молитве к небесам,— сказал он вдруг.— И солнце одноглазо, однако же весь мир обозревает!

— Роско,— сказал я, опасаясь, что он вот-вот свихнется окончательно.— Извини, но я ничего не слышал. Задумался. Мне хотелось бы узнать...

— И кроткими они бывают...— продолжил он.— Под гнетом бед душа томится. И мы бы плакали, когда б такой нам груз...

— О боже! — закричал я.— Поэзия! Уравнений и бессмысленных рифм тебе было мало!

Медленно поднявшись на ноги, он вдруг запрыгал в лязгающей жиге, весело при этом горланя:

— Сгоряча меня ударив, ты сказала: добрый день! все давно уже остыло! надо раньше приходить! видно, раньше не пришел, потому что не хотел! потому что где-то, видно, пообедать ты успел?..

Внезапно остановившись, он сосредоточенно посмотрел на меня и сказал:

— Пел, сел, мел.

Я облегченно вздохнул. Это было, по крайней мере, что-то привычное.

Сумерки сгустились, и над головой снова расцвела Галактика, сначала центральное ядро, а потом тонкие спиральные нити.

Дым от костра, едва поднявшись, подхватывался ветром и исчезал в темноте. Где-то кто-то кудахтал, а прямо под ногами, в траве, сновала невидимая мелюзга.

А не Шекспира ли декламировал этот Роско? Слова вроде бы похожи... Хотя, конечно, я не специалист... А если Шекспира — откуда Роско его знает? Может быть, во время долгого полета, а потом, идучи по тропе, Найт читал это вслух?..

Поужинав, я помыл посуду в ручье и отложил ее в сторонке до утра. Роско, сидя у костра, водил пальцем по земле.

Взяв деревянный ящик Найта, я открыл его. Внутри оказалось множество бумажных листов, взяв первый из которых я прочитал:

«Голубой и высокий. Чистый. Совершенно голубой. Звук воды. Звезды над головой. Земля оголена. Смех в вышине. Голубой смех. Мы действуем неразумно. Думаем, не размышляя...»

Почерк был неразборчивый и очень мелкий. Я с трудом разбирал слова.

«...мелко. Нет ни начала, ни конца. Бесконечность и более того. Голубая бесконечность. Бегущие ни за чем. Небытие есть пустота. Пустота есть отсутствие. Беседа — пустота. Поступки — пустота. Где найти то, что не пусто? Нигде, напрашивается ответ. Высокое, голубое, пустое...»

Это было еще почище тарабарщины Роско. Я скользнул взглядом по странице и увидел все то же. Вытащив из ящика целую кипу листов, я поднес к глазам тот, на котором была пометка: «стр. 52», и прочитал следующее:

«...что далекое есть удаленное. Расстояния глубокие. Не малые, не большие, а глубокие. Некоторые без дна. И не могут быть измерены. Нет такой палки, чтоб измерить. Фиолетовые расстояния самые глубокие. Никто не преодолеет фиолетовое расстояние. Оно ведет в никуда. Ему некуда вести...»

Я положил листы обратно и закрыл ящик. Я думал об этом психе, живущем в своей заколдованной греческой долине. И о Саре, живущей теперь там же. О Саре, которая ничего не знала и не желала знать.

Мне захотелось вскочить и закричать. Я еле удерживался от того, чтобы не побежать назад. Но я удерживался. Потому что впервые в жизни думал о ком-то, кроме себя... Вернувшись в долину, Сара сделала свой выбор. Ее влекло туда, где она надеялась обрести счастье. Счастье... Найт ведь тоже был счастлив, когда писал эту чушь! Укутанный в кокон своего счастья, он считал жизнь вполне удавшейся и даже не подозревал, что все это — обман...

Был бы сейчас рядом Хух! Хотя можно было не сомневаться, что он посоветовал бы не лезть в чужие дела. И добавил бы что-то о судьбе. А что такое судьба? Заложена ли она в генах или только записана на звездах? И неужели все наши поступки предопределены?..

Острое чувство тоски вновь охватило меня, и я придвинулся поближе к костру — словно его тепло могло меня защитить... Из всех моих спутников со мной остался только Роско, и он никак не мог нарушить моего одиночества. Он был по-своему тоже одинок...

Сара, Джордж, Тук и Хух — все они достигли своей еле угадывавшейся цели, осуществили свою мечту. Где-то глубоко внутри они уже знали, где им следует искать, куда идти... А я — знаю?..

Как ни пытался я определить это, ничего не вышло.

Глава 24

Утром мы нашли куклу Тука. Она лежала футах в шести от тропы, на самом видном месте. Было непонятно, как мы не заметили ее раньше. Я попробовал выяснить, не здесь ли мы искали пропавшего Тука, но в памяти моей не застряло никаких ориентиров.

До сих пор мне как-то не приходилось особо всматриваться в эту куклу. Мой взгляд слегка задержался на ней лишь раз — в ту самую ночь, когда мы оказались загнанными в краснокаменное здание. Теперь же у меня была возможность рассмотреть ее основательно, проникнуться всей печалью этого грубо вырезанного лица.

Сработавший куклу был либо дикарем, совершенно случайно придавшим ее лицу такое выражение, либо искусным мастером, сумевшим простейшими средствами передать болезненную растерянность мыслящего существа перед загадками Вселенной.

Лицо было не совершенно гуманоидным, но — достаточно. Его даже можно было принять за человеческое, искаженное, правда, каким-то особым знанием — не тем, к которому стремишься, но тем, что обрушивается на тебя...

Я попытался выбросить ее — и не смог. Кукла как будто приросла ко мне, она явно не собиралась меня отпускать. Прижимая ее к груди одной рукой, другою я пытался отбросить ее в сторону, но обе руки не слушались меня.

Это было так же, как с Туком, если не считать, что он был добровольной жертвой и видел в кукле какую-то привлекательность, какое-то значение... Но я же всего этого не видел! Возможно, она давала ему то, что он искал, возможно, он видел в ней что-то спасительное — Мадонну, как сказала Сара? Но я-то не видел в ней Мадонну!..

И вот я шел теперь, прижав проклятую куклу к себе и лопаясь от злости на самого себя, уподобившегося презренному Туку...

Мы по-прежнему шагали по голубому плато, и горы позади нас опять превращались в облака. Я размышлял над тем, не была ли зацикленность Найта на голубизне, обнаружившая себя в первых же строках его рукописи, отражением, эхом того, что мозолило сейчас мои глаза. Он шел к долине этой же дорогой, и по ней же Роско, брошенный у ворот, добрался затем до города и стал пленником гнома — на свою голову...

Спустя несколько дней — скорее от скуки, чем из любопытства,— я опять вытащил рукопись. Я начал с первого листа и прочитал ее всю — не залпом, конечно, это не было захватывающим чтением...

Я корпел над ней, как корпит ученый над каким-нибудь древним свитком, обнаруженным в монастыре. Меня занимала не столько информация, сколько стремление понять, что же подвигнуло человека на такой грандиозно-бессмысленный труд. Мне хотелось пробраться сквозь весь этот бред к рациональной крупице, которая все же могла остаться в Найте.

Но там не было ничего. Рукопись была абсолютно непроходимой и непостижимой ни для кого, кроме конгениальных идиотов. Слова в им угодном порядке просто вылезали из Найта — и его нисколько не заботило их значение...

Кажется, на десятую ночь, в двух сутках пути от пустыни, я добрался наконец до той части рукописи, в которой брезжил некоторый смысл...

«И эти существа ищут голубое и фиолетовое знание. Они ищут его по всей Вселенной. Они заманивают все, что может быть познано. Не только голубое и фиолетовое, но весь спектр. Они вытаскивают знание с уединенных планет, затерянных в глубинах пространства и времени. Извлекают из голубизны времени. С помощью деревьев они ловят его и хранят до поры золотистого урожая. Огромные фруктовые сады. Мощные деревья, уходящие на мили в голубизну. Впитывающие мысль и знание так же, как где-то впитывается золото солнца. И это знание — их плоды. Плод — это не только плод. Плод — питание для тела и для мозга. Он круглый, длинный, твердый и мягкий. Он голубой, золотистый и фиолетовый. Иногда красный. Он созревает и падает. Его собирают. Потому что сбор урожая — это уборка, а плодоношение — это рост. Оба золотисто-голубые...»

И опять он скатывался в бессмыслицу, в которой цвет, форма и размер играли главную роль, как и в большей части рукописи...

Я прочитал этот абзац снова, затем внимательно просмотрел предыдущие листы в надежде найти хоть какое-то разъяснение того, кем являлись упомянутые «эти существа», но не нашел.

Убрав рукопись в ящик, я присел к костру и глубоко задумался. Был ли привлекший мое внимание кусочек всего лишь диковинной фиоритурой помраченного рассудка? Или это просветление, застигшее Найта в момент писания вывихнуто-мистических откровений? А что, если Найт вовсе и не сумасшедший и вся эта белиберда — не более чем камуфляж, под которым скрывается вполне трезвое послание? Вариант, конечно, притянутый — будь Найт настолько в здравом уме, чтобы осуществить такое, он давным-давно ушел бы из долины и попытался бы убраться с самой планеты, унося в Галакти-

ку все то, что ему здесь открылось... Но если это все же послание, каким образом он получил такую информацию? Имелась ли в городе запись, которая могла бы что-то поведать ему? Или он разговаривал с кем-то или чем-то, поделившимся знанием истории фруктового сада? А может быть, это Роско все раскопал? Ведь он телепатический робот...

Роско, совсем не похожий на телепатического, сидел на корточках рядом со мной и, бормоча, чертил свои бесконечные формулы.

Я хотел было задать ему парочку вопросов, но передумал. Что мог сообщить мне этот контуженный?..

Утром мы двинулись дальше и на второй день подошли к нашему тайнику, откуда, восполнив съестные припасы, продолжили свой путь уже по пустыне.

Мы быстро миновали поле, где я сражался с кентаврами, и овраг, где был обнаружен старина Пэйнт. Нам попадались следы наших костров, и под ногами снова была красно-желтая земля. Вдалеке кричали знакомые крикуны и бегали какие-то странные существа, которых в прошлый раз мы не видели... Никто не мешал нам продолжать свой путь.

Я видел рядом с собой — призрачно — нашу старую компанию: Сару верхом на Пэйнте, Тука, путающегося в своей длинной коричневой сутане и ведущего за руку Джорджа Смита, Хуха, бегущего впереди... Временами я начинал верить, что все они действительно были со мной, но даже тогда, когда я был уверен в обратном, мне хотелось обмануть себя... Смущала, впрочем, одна деталь. Тук нес куклу, прижимая ее к груди,— и ту же куклу в кармане своей куртки нес я.

Она не была больше приклеена к моей руке. Я мог избавиться от нее, но не делал этого. Я каким-то образом знал, что должен нести ее... По ночам я сидел и смотрел на это творение — с отвращением и умилением одновременно. С каждым разом отвращения становилось все меньше.

Сидя у костра, я или любовался куклой, стараясь при этом постичь ее тайну, или читал рукопись, все такую же глупую... Но почти в самом конце ее мне попалось еще одно откровение.

«Деревья — это высота. Деревья тянутся ввысь. Никогда не удовлетворены. Никогда не останавливаются. Написанное мною о деревьях и поглощенном знании — правда. Вершины

туманны, голубой туман. Сказанное мною о деревьях и поглощенном знании — правда...»

Преследовалась ли этим цель подкрепить и подтвердить то, что было сообщено многими страницами раньше? Еще один проблеск здравомыслия? Хотелось верить...

Следующей ночью я закончил чтение. А на третий день после этого мы увидели город. Он был похож на заснеженную гору.

Глава 25

Дерево по-прежнему лежало там, куда его повалил луч. Пень вздымался вверх, как огромное копье. Листва на ветвях пожухла, обнажив мертвый скелет сучьев.

Поодаль виднелось здание из красного камня, в которое мы когда-то были загнаны внезапно начавшимся обстрелом. Глядя туда, я почти услышал хлопанье невидимых крыльев.

От дерева разило резким отвратительным запахом, и когда мы подошли к пню, я увидел, что зеленая лужайка уже осела, превратившись в зловонную яму. В маслянистой жидкости, наполнявшей ее, плавали покрытые слизью скелеты — странного вида, но несомненно скелеты...

Это не были останки тех существ, которые, безутешно рыдая, обвиняли нас в жестокости,— но и те, без сомнения, погибли тоже. Усохших, их, вероятно, уже давно унес ветер...

И все это сделал я. Они погибли от моей руки. Убив дерево, я ненароком убил многих и многих... Но ведь не я же первый начал! Дерево напало на нас! И у меня были все законные основания дать ему отпор! Это соответствовало моим убеждениям, в конце концов! Если кто-то был груб со мной — я никогда не оставался в долгу!.. Кстати, на протяжении всего дальнейшего пути — туда и обратно — ни одно дерево не попыталось обстрелять нас. Словно их всех предупредили: не связывайтесь с этим парнем: неприятностей не оберетесь!.. Не зная, что я уже безоружен, они вели себя самым примерным образом...

Роско тронул меня за плечо, и, обернувшись, я увидел, что он указывает куда-то вдаль.

Их было много там, целое стадо. И они были пугающе узнаваемы. Эти монстры напомнили мне об огромных костях, виденных в овраге.

Они бежали на задних лапах, удерживая равновесие при помощи мощных хвостов, выброшенных назад. Их когтистые передние лапы были угрожающе подняты. На мордах застыла удовлетворенная ухмылка. Возможно, они преследовали нас уже долгое время, до поры до времени держась на расстоянии...

Гигантские уродливые твари стремительно приближались. Я знал, что им ничего не стоит разделаться со мной, и вовсе не хотел дожидаться этого. Я бросился в сторону города.

Щит оттягивал руку, и я отшвырнул его в сторону, после чего, все так же на бегу, принялся расстегивать пояс. Меч больно бил по коленям, и в конце концов, о него же и споткнувшись, я кубарем покатился по тропе вниз.

И тут ко мне протянулась рука, ухватила за перевязь и слегка приподняла. С этого момента я просто висел и смотрел то на землю, прыгающую у самого носа, то на размытое пятно, каким выглядели ноги Роско. Бог мой, как он бежал?..

Я старался вывернуть голову таким образом, чтобы можно было определить наши быстро меняющиеся координаты. Но что-либо разглядеть было невозможно... Висеть становилось не очень удобно, но я не жаловался. Это было доплатой за скорость...

И вот под меня влетел тротуар, и я был бережно поставлен на ноги. Немного кружилась голова, и пошатывало, но эта узкая улочка, по которой мы шли много дней назад, была узнана сразу же.

За спиной послышался злобный рев, и я увидел, как наши преследователи отчаянно пытаются пролезть между зданиями. Теперь мне стало понятным, отчего в этом городе такие узкие улицы.

Глава 26

Призрачные корабли по-прежнему стояли на белом посадочном поле, как на дне гигантской чаши, стенками которой был город. Поле было все таким же стерильно чистым и безмолвным. Ничто не шевелилось. Не было ни малейшего ветерка...

Ссохшееся тело гнома неподвижно висело на конце веревки, накинутой на толстую балку. Склад выглядел так же, как и прежде: горы ящиков, тюков и пакетов. Лошадки отсутствовали.

В огромной комнате, выходившей на улицу, я обнаружил все те же каменные плиты и рядом с ними — тот же диск управления. Одна из плит светилась изображением какого-то кошмарного мира. Это было похоже на рождение планеты: полурасплавленная, медленно пульсирующая поверхность, лопающиеся пузыри, струи пара, вулканы, извергающие пламя и дым.

Роско снял с себя поклажу и положил ее за дверь. А потом опустился на корточки, и палец его задвигался по полу, не оставляя следов. Сам он, к моему удивлению, хранил молчание.

Я разломал деревянную скамейку, прихваченную со склада, и разжег на полу костер. Я был дикарем, очутившимся в пустом городе исчезнувшей расы. Еще один дикарь болтался на веревке в соседней комнате. А искусственный разум бился над проблемой, никому — в том числе и ему — не известной...

Да, это было маловероятно — чтобы Роско осознавал то, что делал. Он не мог быть запрограммирован на все эти вычисления... А что, если кентавры, выбив из его мозга весь здравый смысл, еще и вколотили в него гениальность?..

Солнце уже миновало свой зенит, и нижняя часть улицы стала темной. Лишь закинув голову, можно было видеть освещенные лучами верхние этажи. Слышно было, как там шумит ветер...

Почему же он опустел, этот город? Что произошло, что могло выгнать отсюда его обитателей? А может, они не были выгнаны? Может быть, город был просто средством для достижения цели, достигнув которой все ушли добровольно? На другую планету, скажем, влекомые уже новой целью... Может быть, цель эта заключена в посадке деревьев? Или в посадке и длительном уходе — пока те достигнут определенных размеров? Это могло занимать века, даже тысячелетия. Предварительное исследование почвы, сама посадка, множество вспомогательных работ... Затем рытье ям для хранения семян, разведение маленьких грызунов-сборщиков... Все это стоило бы труда и траты времени, если деревья действительно были

посажены с той целью, на которую в своей рукописи намекал Найт. Если каждое дерево — принимающая станция, которая отлавливает информацию — возможно даже, на психоволновом уровне — по всей Галактике, обрабатывает ее и хранит до того момента, когда «садоводы» придут и соберут плоды. И все-таки в каком виде информация хранится в этих семенах? Может быть, она заложена в комплекс ДНК-РНК — причем с совершенно особыми свойствами кислот, позволяющими хранить не только биологическую информацию...

Я даже вспотел от размышлений... Значит, в ямах, куда грызуны сбрасывают семена, хранится уму непостижимое богатство? И любой, овладевший техникой извлечения, может вытащить из этих семян весь интеллектуальный потенциал Галактики?.. Да, если бы кому-то удалось опередить хозяев этого сада, он собрал бы богатый урожай... Видно, такая вероятность и побудила садоводов закрыть планету. Утечка информации исключена...

Как часто они сюда приходят?.. Вполне возможно, что раз в тысячу лет. За это время уж наверняка в Галактике выдумается что-то стоящее. А может быть, они уже не приходят? Может быть, с ними что-то стряслось? Или они уже отказались от проекта, сочтя его неэффективным? За тысячелетия, прошедшие, возможно, со времени постройки города, они могли стать достаточно зрелой или дряхлой расой, чтобы взирать теперь на все это садоводство как на детские шалости...

Устав от долгого сидения на корточках, я протянул руку к полу, чтобы, оперевшись, усесться поудобней. Рука неожиданно наткнулась на куклу. Я не поднял ее — я просто провел ладонью по ее печальному лицу и неожиданно понял, что существа, посадившие на этой планете деревья, не были здесь первыми. До них планету населяла другая раса, построившая храм из красного камня. Тогда же была вырезана и кукла. Это было не меньшим достижением, чем посадка деревьев и строительство города. Большим, возможно...

Но теперь здесь не осталось никого, кроме меня, представителя еще одной расы, не такой, возможно, великой, какие водились в этих местах, но и не самой задрипанной. Я был здесь и знал о сокровищах. Я знал о том, что можно было продать! Найт, конечно, тоже знал — раз написал... Но, погруженный в свои иллюзии, на все прочее плюнул... Дурак! Упустить такой шанс!

Может, он просто понял, что с этой планеты невозможно удрать? А я вот не понял. Не понял я, что какая-то садоводческая шайка может меня здесь удержать! Мне вот только перекусить, немного отдохнуть — и я займусь всеми этими мирами. Хоть Сара и утверждала, будто они тоже изолированны,— проверить не помешает. А вдруг в одном из них меня поджидает корабль?..

Поразмыслив над тем, что же делать с гномом, я решил не делать ничего. Если б я его снял, было бы неизвестно, что делать дальше. Его последняя воля была мне тоже неизвестна. Может, он хотел висеть вечно?.. Однако я не мог понять, почему он это сделал. Я понимал только, что способ, избранный им, доказывает: он был гуманоидом. Никто, кроме гуманоидов, не вешается...

Я посмотрел на Роско. Тот прекратил свои вычисления и теперь просто сидел, вытянув вперед ноги и неподвижно глядя в пространство. Как будто на него вдруг обрушилась какая-то ошеломляющая истина и он ее переваривал.

Глава 27

Сара была права: эти миры не предлагали выхода.

Я просмотрел их все. Я спал урывками — и лишь из опасения, что, утомленный, не смогу правильно оценить увиденное. Я не спешил и потратил гораздо больше времени, чем это было необходимо.

Какое-то время ушло на то, чтобы выяснить принцип работы колеса, при помощи которого вызывался каждый из миров. Покончив с этим, я тут же принялся за дело, ни на что больше не обращая внимания.

Роско не отвлекал меня. Большую часть времени он отсутствовал. Мне казалось, что он бродит по городу, но о цели этих прогулок я как-то не задумывался...

Нельзя было, конечно, утверждать, что ни в одном из миров не было той техники, которую я искал. Ведь мне был виден только небольшой кусочек каждого. Проникнув же в какой-либо из них, я почти наверняка застрял бы там окончательно. Без Хуха и летающего на колесе существа мы бы никогда не выбрались из мира барханных песков...

Ни на одной из картинок я не увидел даже малейшего признака разумной жизни. Все они были до ужаса примитивными, эти миры. Буйство джунглей, ледяная пустота, а то и вовсе — процесс образования планетной коры.

Некоторые из них демонстрировали мне плотную атмосферу с клубами газов, от одного вида которых я чуть не задохнулся. Были и уныло-мертвые — с громадными голыми равнинами, освещенными тусклым кроваво-красным солнцем. А один предстал в виде обугленной черноты — всего, что осталось после вспышки его светила...

С какой целью, спрашивал я себя, были прорублены двери во все эти миры? Ведь если они предназначались для простого перемещения на другие планеты, то наверняка я не увидел бы сейчас ни шлака, ни джунглей. Двери выходили бы, скажем, на окраину города или хотя бы деревеньки... Может быть, они служили лишь для избавления от незваных гостей? Но в таком случае одного или, самое большое, дюжины таких миров было бы вполне достаточно! А тут — сотни?.. Конечно же, в этом была какая-то логика, но я уловить ее не мог. Наверное, она располагалась вне человеческой досягаемости...

Итак, я просмотрел их — и легче мне не стало. Мне стало еще хуже, так как, принимаясь за эту работу, я питал надежду. А теперь надежда испарилась.

Я подошел туда, где должен был гореть костер,— но он не горел. Пепел был совершенно холодным. Роско, которого я не видел уже несколько дней, не было...

Может, он ушел от меня? Или просто бродит, не чувствуя необходимости вернуться?

Усевшись перед кучкой холодного пепла, я стал смотреть в темень улицы. Не конец ли это? — подумалось мне. Или человек еще что-то может сделать?..

Скорее всего, возможности не исчерпались. Где-то в этом городе могла отыскаться дорога или ключ к разгадке всех тайн... Где-то на этой планете, идя на восток или на запад, а может быть, на юг, но никак уж не на север,— где-то можно было найти ответ на все вопросы... Но я не хотел ничего искать. Я не хотел даже шевелиться. Я был готов сдаться.

— Вот и все, гном,— сказал я...

Это было не все, конечно. Я знал, что просто малодушничаю. Сгущаю краски. Я знал, что поднимусь и пойду, как только

ко придет время... А пока я просто сидел и жалел себя. Себя и всех остальных. Почему я жалел Смита, Тука и Сару — было непонятно. Они получили то, чего хотели...

Снаружи мелькнула тень, черным по серому, и мне стало страшно. Я сидел и ждал нападения. У меня все-таки был меч, и хотя владел я им неважно — сразиться мог...

Это нервы, подумал я тут же. Кто в этом пустом городе может на меня напасть? В городе, где могут двигаться только тени...

Но эта тень двигалась слишком энергично! Свернув с дороги, она поднялась по скату к двери и...

Я увидел перед собой Роско и очень обрадовался. Когда он подошел ближе, я поднялся ему навстречу.

Он остановился в дверях и, тщательно артикулируя, сказал:

— Вы пойдете со мной.

— Роско! — воскликнул я.— Спасибо тебе, что вернулся! Что-нибудь случилось?

Он постоял с минуту, вперив в меня свой глупый взгляд, а потом сказал все так же осторожно:

— Если математика дейст...— Тут он запнулся, но вскоре продолжил: — Была неисправность. Я устранил ее. Ее устранение пошло мне на пользу...

Он говорил теперь гораздо лучше, но чувствовалось, что это стоит ему больших усилий.

— Успокойся, Роско,— сказал я.— Не следует так напрягаться. У тебя прекрасно получается!

Но он не собирался успокаиваться. Его переполняло то, что он должен был сказать. Оно наконец-то имело возможность вырваться наружу.

— Капитан Росс,— сказал он.— Все это время я опасался. Я опасался, что никогда не решу эту задачу. На планете существуют две вещи, настолько сходные по интенсивности, что мне никак не удавалось разделить их... тих, чих, лих...

— Ради бога, успокойся! — воскликнул я, схватив его за руку.— Не нужно торопиться! У тебя есть время! Я выслушаю все!

— Благодарю вас, капитан,— с усилием сказал Роско,— за ваше терпение и уважение.

— Мы проделали большой путь, Роско. Теперь мы отдыхаем. Так что не торопись. Если у тебя есть какие-то соображе-

ния насчет этой планеты — выкладывай. Тем более что у меня они отсутствуют.

— Это структура, белая структура. Из нее сделан город, ею покрыт космодром и запечатаны корабли...

Он остановился и молчал так долго, что я начал за него беспокоиться. Но он заговорил опять:

— В обычном веществе связь атомов затрагивает только внешние слои, понимаете?

— Смутно, но понимаю,— ответил я.

— В этом белом веществе связь простирается гораздо глубже электронных орбит... Вы улавливаете смысл?

Я открыл рот от изумления, хотя из сказанного понял совсем мало.

— Все силы ада,— сказал я,— не смогли бы разрушить эту связь.

— Совершенно верно,— кивнул Роско.— Именно так и было задумано... А теперь пойдемте, капитан, если вы не против...

— Минуточку! — протестующе вскричал я.— Ты еще не все сказал! Ведь речь шла о двух вещах?

Он пристально посмотрел на меня, а потом спросил:

— Что вы знаете о реальности, капитан?

Это был глупый вопрос.

— Когда-то я мог ее отличить. Теперь — не знаю...— туманно ответил я.

— Эта планета,— сказал Роско,— состоит из пластов реальностей. Здесь по крайней мере две реальности. Но может быть, и намного больше.

Он говорил теперь свободно, хотя изредка и запинался.

— Но как,— спросил я,— ты узнал все это?! Про связь и про реальность!

— Я не знаю,— ответил он.— Я только знаю, что я это знаю. А теперь пойдемте, пожалуйста!

Развернувшись, он двинулся по скату вниз. Я последовал за ним. Мне нечего было терять. Нельзя было, конечно, исключать, что все им сказанное — вдохновенная чушь, но мне ничего не оставалось, как ухватиться за эту соломинку!

Мысль о более прочной атомной связи, несмотря на необычность, выглядела вполне здравой. Но эта многослойная реальность была совершенной ерундой...

Выйдя на улицу, Роско повернул в сторону космодрома. Он не бормотал себе под нос и шел таким целеустремленным шагом, что я едва поспевал за ним. Он изменился — в этом не было сомнений, но не являлись ли эти изменения лишь новой фазой его сумасшествия?..

Когда мы вышли на космодром, уже было утро. Солнце находилось в полпути от зенита, и молочно-белое поле блестело так ослепительно, что корабли едва можно было разглядеть.

Роско двигался все быстрее, и я уже перешел на легкую трусцу. Мне хотелось спросить, к чему такая спешка, но я не был уверен, что он ответит.

Долгое время казалось, что в своем марш-броске мы ничуть не продвигаемся вперед, но потом, довольно внезапно, городские стены отступили назад, а корабли приблизились.

У основания нашего корабля я вскоре разглядел какое-то приспособление. Это была несуразного вида штуковина с зеркалом и тем, что я сначала принял за блок питания, а также со множеством проводов и трубок. Довольно небольшая по размерам — фута три в высоту и примерно столько же в длину и ширину,— издалека она выглядела как куча хлама. При ближайшем рассмотрении впечатление менялось. Штуковина становилась похожей на нечто, построенное маленькими детьми из опять-таки различного хлама.

Я смотрел на нее, не в силах вымолвить ни слова. Из всех глупостей, виденных мною когда-либо, эта была вне конкуренции... Значит, пока я в поте лица своего просматривал эти чертовы миры, умница робот носился по городу, подбирал все, что валяется,— и вот, построил монумент...

Роско между тем опустился на корточки и протянул руку к панели управления — той самой, которую я принял за другое.

— А теперь, капитан,— сказал Роско,— если математика права...

Он что-то нажал, что-то повернул — и замерцали стеклянные трубки, и послышался звук, подобный звуку бьющегося стекла. Белое вещество отделялось от корпуса корабля, и множество осколков падало на грунт.

Корабль стоял свободный.

Я замер. Я не мог шевельнуться. Дурацкая машина сработала! Непостижимо! Я не мог в это поверить! Роско не мог

этого сделать! Нескладный, бормочущий Роско, которого я знал, не мог этого сделать! Все это мне только снилось...

Роско встал и подошел ко мне. Он взял меня за плечи и посмотрел в глаза.

— Получилось,— сказал он.— И с ним, и со мной. Освободив корабль, я освободил и себя. Я вновь цел и невредим. Я такой, как прежде.

И действительно, он выглядел так, хотя я и не знал, каким он был прежде. Ему уже не было трудно говорить. Он стоял и двигался естественно — как человек, а не как лязгающий робот.

— Мое сознание было помрачено,— продолжал он,— из-за всего случившегося со мной. Из-за изменений в моем мозгу, которых я не мог постичь и не знал, как использовать. Но теперь, использовав их и доказав, что они пригодны, я стал самим собой...

Мое оцепенение прошло, и я уже изготовился бежать к кораблю, но Роско, вцепившись в плечи, не отпустил меня.

— Хух говорил с вами о судьбе, капитан... Те, кто движет мирами, кем бы они ни были, вершат наши судьбы с безграничным разнообразием. Как еще объяснить то, что грубые удары по моему мозгу так изменили, так усовершенствовали его, дав способность понимать?..

Я стряхнул с себя его руки.

— Капитан,— сказал он.

— Да.

— Вы ведь даже сейчас в это не верите! Вы продолжаете считать меня дурачком! Я, вероятно, был дурачком. Но сейчас — нет?..

— Конечно нет! — воскликнул я.— Не знаю, как и благодарить тебя, Роско, за...

— Не нужно благодарить, капитан. Мы ведь друзья. Вы освободили меня от кентавров. Я освобождаю вас от этой планеты. Это не может не сделать нас друзьями. Мы не раз сидели у костра. Это должно сделать нас...

— Замолчи! — крикнул я.— Избавь меня от этих чертовых сантиментов! Ты как Хух! Даже хуже!

Обогнув нелепое сооружение, я ступил на трап корабля. Роско шел следом.

Усевшись в кресло пилота, я протянул руку и нежно погладил приборную панель.

Наконец-то. Мы могли взлететь хоть сию же минуту. Мы могли покинуть эту планету, унося с собой секрет ее сокровищ. Каким образом их можно будет превратить в деньги — я еще не знал. Но знал, что найду способ. Когда у человека есть товар, он находит способ продать его.

И это был итог?.. Я мог теперь что-то продать — и все?.. Продать еще одну планету, а также информацию, хранившуюся здесь в виде семян, деревья, улавливающие знания, маленьких грызунов, огромные ямы с зерном?..

И это все, что здесь было? Это не все. Здесь человек мог просто исчезнуть — или растаять, как растаял Тук... Но исчезнув или растаяв — куда эти люди делись?.. Переместились ли они в другую реальность? А может быть, в другую жизнь, как это сделал Хух?..

Здесь была другая культура — до той, что построила город. Именно эта, более ранняя, культура воздвигла храм и вырезала куклу, торчавшую сейчас из кармана моей куртки. Могла бы эта культура, если б она еще существовала, раскрыть секрет того, как человек может растаять?..

Роско говорил о многослойной реальности. Не в ней ли все дело? И если в ней, то существует ли такая расщепленность только на данной планете? Вообще-то я считал все эти разговоры о многослойной реальности бредом, но Роско мог снова оказаться правым...

Я хотел побыстрее убраться с этой планеты — и я мог это сделать. Мне оставалось только задраить люк и включить двигатели. Это было таким простым делом — и все же я колебался. Сидя в кресле пилота, я продолжал тупо смотреть на приборы... Почему мне не хотелось улетать?

Из-за остальных? Ведь нас было четверо, когда мы прилетели...

Я сидел в этом кресле и пытался быть честным с собой. Но мне было трудно быть честным...

Тук с Джорджем были недосягаемы. Хух тоже. Не было смысла разыскивать их. Но оставалась еще Сара. До нее можно было добраться, и я мог, я все еще мог вернуть ее...

Я вновь боролся с собой. Я чувствовал странное жжение в глазах и понимал, что это слезы.

«Сара! — думал я.— Зачем ты ушла туда? Почему ты не можешь вернуться и улететь вместе со мной на Землю? Почему я не могу прийти и забрать тебя?»

Мне вспоминалась та последняя ночь, когда мы сидели у костра и она сказала, что мы могли бы поладить, не случись этой идиотской сделки... Почему глупая легенда оказалась правдой и все испортила?..

Я вспомнил тот первый день, когда она встретила меня в холле своего дома и мы прошли в комнату, где нас ждали Тук и Джордж.

Тук и Джордж недосягаемы... Хух тоже... И Сара. Потому что я никогда не решусь на это... Кто еще?..

Поднявшись с кресла, я прошел в заднюю часть кабины, открыл металлический ящик и вынул оттуда запасное лазерное ружье.

— Мы возвращаемся, Роско.

— Возвращаемся? За мисс Фостер?

— Нет. За Пэйнтом.

Глава 28

Это было чистым безумием. Ведь речь шла всего лишь о лошадке. Пэйнт все еще лежал бы вверх качалками в своем овраге, если бы не я. Сколько раз я мог его спасать?..

Он сказал, что хотел бы отправиться на Землю, но что он знал про Землю? Он никогда там не был! Он даже не знал, что такое Земля. И он хотел туда, пока я не сказал ему, что это такое.

И все же я не мог стереть воспоминание о нем, медленно спускающемся по тропе и ждущем, что я позову его... Я помнил и то, как храбро вел он себя во время поединка с кентавром. Все лавры, правда, достались потом Саре, изрядно укоротившей эту схватку...

— Я бы хотел,— сказал Роско, шагая рядом со мной,— разобраться наконец с этой концепцией множественно-реального. Она, несомненно, уже сидит в моей голове — но если б можно было туда заглянуть?.. Это как головоломка из миллиона кусочков, составив которую удивляешься: почему ты не видел всего этого с самого начала?..

Было бы лучше, подумал я, если б он вернулся к бормотанию. Не так отвлекал бы. А то ведь приходится слушать — на случай, если вдруг будет сказано что-то существенное...

— ...Способность эта новая,— не умолкал между тем Роско,— и весьма своеобразная. Чувство окружающего — я бы так ее назвал... Независимо от того, где находишься, ты чувствуешь и знаешь все, что происходит вокруг...

Я не обращал на него особого внимания, так как мне было о чем подумать...

Уверенности в том, что мы уцелеем и на этот раз, быть не могло. Самым разумным было бы следующее: закрыть входной люк и оставить эту планету далеко позади. Правда, если уж я собрался разбогатеть, мне следовало набрать полный карман семян — чтобы тщательно их исследовать...

А вообще-то я мог улететь с чистой совестью. Я отработал свои деньги. Цель путешествия была достигнута, и каждый получил то, что хотел.

Много раз я готов был вернуться к кораблю, но каждый раз будто кто-то подталкивал меня широкой ладонью в спину.

Когда мы вышли из города, там не было даже следа тех ужасных тварей, которые недавно преследовали нас. Я был почти уверен, что они станут поджидать, и почти хотел этого. Имея лазерное ружье, разделаться с ними не составило бы труда. Но никого там не было.

Мы пошли мимо красного здания, спящего на солнце, мимо дерева, протянувшегося по земле на многие мили, и мимо зловонной ямы, окружавшей косо срезанный пень.

Путь казался не таким длинным, как во время нашего первого путешествия. Мы шагали очень быстро, хотя никакой необходимости в этом не было.

Ночью у костра Роско разравнивал кусочек земли и решал бесконечные уравнения, бормоча что-то — наполовину для меня, наполовину для себя. И каждый раз, когда он вот так писал и бормотал, я, сидя с ним рядом, пытался понять: почему мы здесь, а не в миллионах миль отсюда, в космосе. И однажды я понял, что виноват в этом не только Пэйнт, но и Сара. Это она тащила меня через эти пустынные мили. Это ее лицо с вечно падающим на глаза локоном, с полоской грязи, размазанной по щеке, пристально глядящее на меня, видел я в пламени костра.

Иногда я вытаскивал из кармана куклу и сидел, уставившись на ее лицо — на это страшное, искаженное лицо — для

того, возможно, чтобы заслонить другое лицо, или же в безрассудной надежде, что деревянные уста разомкнутся и я услышу ответ.

Спустя много дней мы поднялись на гребень горы и увидели перед собой унылые всхолмленные земли, на которых нас бросили лошадки, где мы нашли гору костей и Пэйнта.

Тропа сбегала вниз, пересекала равнину и, затейливо покрутившись, терялась среди холмов.

Далеко впереди по тропе навстречу нам двигалась маленькая блестящая точка. Я наблюдал, недоумевая. Вскоре стало видно, что движется она резкими скачками.

— Это Пэйнт,— сказал Роско.

— Но Пэйнт не вернулся бы без...— И, не договорив, я побежал по склону вниз, размахивая руками и крича. Роско следовал за мной.

Она увидела нас тоже и помахала в ответ — маленькая заводная кукла.

Пэйнт мчался как ветер. Его качалки едва касались земли. Мы встретились на равнине, и как только он затормозил, на меня, как в недавние добрые времена, набросилась разъяренная Сара.

— Ты все это сделал! — кричала она.— Из-за тебя я не смогла остаться там! Ты все изгадил! Как я ни старалась, мне не удалось забыть сказанное тобой и Хухом! Ты на это и рассчитывал! Ты был настолько уверен в этом, что заранее прислал мне Пэйнта!

— Сара! — вставил я наконец слово.— Ради бога, будь благоразумна!..

— Молчи! Ты все испортил! Ты разрушил все волшебство и...

Она вдруг умолкла, и лицо ее исказилось так, будто она пыталась сдержать слезы.

— Нет...— выдохнула она.— Не ты один... Все мы, с нашими мелочными спорами, с...

Шагнув вперед, я обнял ее. Она прижалась ко мне, ненавидя, возможно...

— Майк,— сказала она мне в ключицу,— у нас ничего не выйдет. Не стоит даже пытаться. Они не позволят нам сделать этого.

— Ничего подобного! Корабль в порядке! Роско его почистил! Мы возвращаемся на Землю!

— Если великодушный сэр бросит туда взгляд,— сказал Пэйнт,— он поймет, о чем речь... Нас преследуют. Они идут по нашим торопливым следам. Их становится все больше и больше.

Я резко повернулся и увидел на горизонте огромное стадо тех самых тварей, кости которых валялись в овраге.

Их были сотни, тысячи. Они уже не бежали — крались, отпихивая друг друга. Они не шли — текли, появляясь все в новых местах.

— Сзади — тоже,— сказал Роско.

Я обернулся и увидел их на только что покинутом нами гребне.

— Ты нашел куклу...— сказала Сара.

— Какую куклу? — спросил я, думая о другом.

— Куклу Тука.— Она вытащила ее из моего кармана.— Знаешь, пока она была у Тука, я так и не рассмотрела ее...

Мягко оттолкнув Сару, я поднял ружье.

— Здесь их слишком много! — предупредил Роско, хватая меня за рукав.

Я грубо вырвался:

— По-твоему, я должен стоять и хлопать глазами?

Они все прибывали и прибывали. Со всех сторон. Мы были в центре стада.

Эти твари были теперь совершенно спокойны. Они знали, что могут расправиться с нами в любой момент.

Роско вдруг упал на колени и принялся разглаживать землю.

— Какого дьявола?! — заорал я.

Нас окружали монстры-людоеды — Сара любовалась куклой, робот выписывал уравнения...

— Мир порою имеет мало смысла,— сказал Пэйнт,— но когда вы и я начеку...

— Отстань! — крикнул я, так как решал уже сугубо практические вопросы.

Всех их достать, конечно же, было невозможно. Но большую часть — без труда. Я мог сжечь их в хрустящую корочку и отбить у оставшихся весь аппетит. Они ведь никогда не видели лазерного ружья — оттого такие храбрые...

Но понимал я и то, что их слишком много...

— Капитан Росс! — звонко крикнул Роско.— Кажется, получилось!

— Рад за тебя,— сказал я.

Сара, пятясь, приблизилась ко мне вплотную. На плече ее висело ружье, а к груди она прижимала куклу.

— Сара...— сказал я, и у меня, как у стеснительного подростка, перехватило дыхание.— Сара, если мы выберемся отсюда, начнем сначала? Можем мы начать так, словно я все еще вхожу в ту самую дверь? Ты была одета в зеленое платье...

— И ты влюбился в меня,— продолжила она.— А потом обидел и стал насмехаться, а я высмеивала тебя в ответ... И все расстроилось...

— А может быть, не все?

— Ты просто хулиган! — сказала она.— Ох, как я ненавидела тебя! Мне казалось, что я могу проломить тебе череп! И при этом я любила каждую минуту, проведенную с тобой...

— Так,— сказал я решительно.— Когда они бросятся на нас — пригнись. Я буду стрелять во всех направлениях и так быстро, как...

— Есть другой путь, Майк... Путь, которым воспользовался Тук... Кукла... Древняя раса сделала ее. Раса, которая понимала...

— Вздор! — вскричал я.— Тук обыкновенный идиот!

— Нет! Он все понимал! Он знал, как пользоваться куклой! Джордж тоже кое-что умел — даже без куклы... Хух бы понял...

Хух... Многоногий бочонок с головой в щупальцах и тремя жизнями, исчезнувший навсегда в своей третьей фазе... Да, если б он был сейчас здесь, он бы знал...

Едва я подумал об этом — он появился, бьющий ключом у меня в мозгу, такой, каким я узнал его в то мгновение, когда руки и щупальца сплелись и мы стали как одно существо... Все это вернулось сейчас, все это я узнал и почувствовал счастье и страх, который всегда сопутствует постижению... И я был наполовину я — наполовину Хух. Не только Хух, но и все остальные. Ведь Хух дал мне способность сливаться с разумом других... Интересен был мне и я сам — с забытыми гранями, с неизмеримыми глубинами...

Интуиция Сары, символика куклы, философские искания Пэйнта, смысл уравнений Роско... И этот момент познания себя, когда полумертвый-полуживой я увидел пласты и время, проступившее на пластах... Теперь там было иное. Множество миров и множество уровней чувствительности, проявляющихся в определенные пространственно-временные промежутки. Подсчитать их было нельзя — можно было только увидеть и почувствовать и просто знать, что они там есть... Древние жители этой планеты знали — до того как были уничтожены садоводами,— знали и чувствовали не до конца и вырезали на лице куклы удивление и чуть-чуть ужаса от знания... Джордж Смит знал, возможно, намного лучше, чем все остальные, а Тук, со своим парящим в вышине сознанием, был близок к истине задолго до того, как нашел куклу... В Роско знание было вколочено молотками кентавров, и он не подозревал о многом из того, что знал... И теперь все это в моем мозгу сошлось вместе...

Кольцо ужасных тварей все сжималось — и вот в неудержимой атаке они подняли огромное облако пыли... Но все это было не опасно для нас, поскольку происходило в другом мире и в другом времени. Все, что нам понадобилось сделать,— это маленький шажок.

Неизвестно, каким образом, но, исполненные таинственной веры, мы все сделали этот шаг в безграничную неизвестность...

Место напоминало гобелен и вызывало ощущение ирреальности, хотя и очень доброжелательной.

Казалось, здесь всегда тишина и покой, и населяющие этот мир — молчуны, и лодка на воде никогда не поплывет, и деревня, река, небо, деревья, облака, люди, собачки — все это элементы произведения искусства, созданного столетия назад и не тронутого временем.

Легкая желтизна неба повторялась отражением в воде, домики были коричневыми и красными, зелень деревьев была именно той зеленью, которую ожидаешь увидеть на ковре... И все же мы чувствовали человеческое тепло и приветливость, а также то, что, спустившись, мы навсегда там и останемся. Перспектива не огорчала.

Мы стояли на горе над деревней и рекой и были тут в полном составе. Не было только куклы. Она осталась позади — возможно, для кого-то еще. Оружия мы тоже не взяли — ни Сара, ни я. В этот мир нельзя было приносить подобные вещи.

— Майк,— тихо сказала Сара.— Вот оно — то место, которое искали мы и искал Найт. Он не нашел его, потому что не нашел куклу. Или по другой причине...

Я привлек ее к себе, обнял и поцеловал. В глазах ее светилось счастье.

— Мы не вернемся,— сказала она.— Мы не будем думать о Земле.

— Мы не можем вернуться,— сказал я.— Отсюда нет выхода...

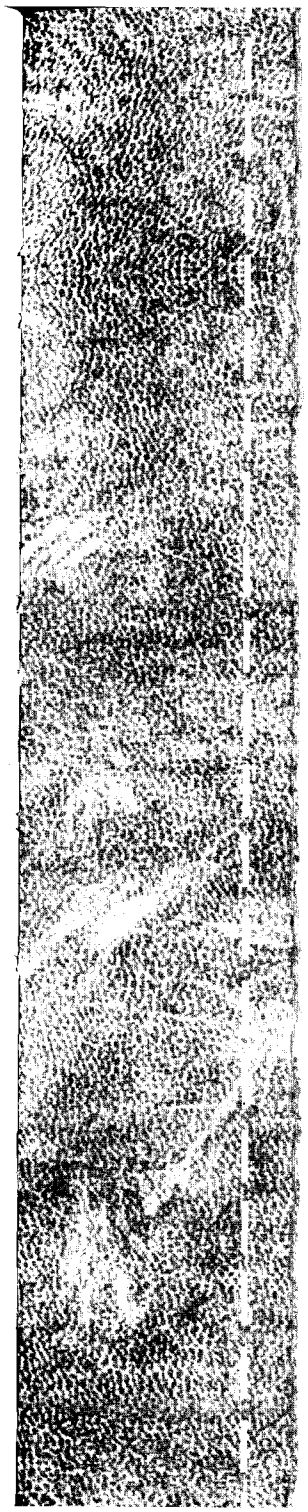
Деревня и река лежали внизу, поля и леса тянулись до горизонта. Я знал каким-то образом, что этот мир бесконечен и что время здесь не движется.

Где-то тут были Смит с Туком, а может быть, даже и Хух. Но мы вряд ли смогли бы отыскать их. Расстояния здесь были огромными, а путешествовать не хотелось.

Ирреальность исчезла, но гобелен все же остался. Лодка с мелькающими веслами плыла по реке. Дети и собаки, вопящие и лающие, бежали нам навстречу. Жители деревни повернули к нам головы, а некоторые приветливо махали рукой.

— Пошли знакомиться? — предложила Сара.

И мы все четверо спустились вниз, к новой жизни.

ПЛАНЕТА ШЕКСПИРА

Глава 1

Их было трое, а временами оставался только один. Когда случалось такое — реже, чем следовало бы,— один уже не ведал, что их было трое, поскольку три личности странным образом сплавлялись в нем воедино. Когда трое становились одним, перемена была куда глубже простого сложения, словно бы слияние придавало им новое качество и делало целое большим, чем сумма частей. И только если трое становились одним, не ведающим, что прежде было трое, сплав трех разумов и трех личностей приближал их к цели, ради которой они продолжали существовать.

Они были то же, что и Корабль, а Корабль — то же, что и они. Чтобы стать Кораблем, вернее, чтобы попытаться стать Кораблем, пришлось пожертвовать своими телами и, может быть, значительной долей своей человеческой сущности. А заодно, вполне возможно, и своими душами, хотя на подобное никто, и меньше всех они сами, не согласился бы. И надо заметить, что это несогласие не имело ничего общего с собственной их верой или неверием в бессмертие души.

Они были в космосе, как и Корабль, что неудивительно, поскольку они и были Корабль. И представали столь же нагими перед безлюдьем и пустотой пространства, как и Корабль. Нагими перед концепцией пространства, которую никто не мог постичь до конца, и перед концепцией времени, в последнем счете доступной пониманию еще менее. И, как выяснилось постепенно, нагими перед производными пространства-времени, бесконечностью и вечностью, а уж эти две концепции превышали возможности любого разума.

Столетие за столетием — и они вместе пришли к убеждению, что в самом деле хотели бы отбросить все, чем были прежде, и стать Кораблем, только Кораблем и ничем иным, кроме Корабля. Но этой заветной стадии они еще не достигли.

Человеческая натура все еще сказывалась, память никак не гасла. Иной раз они ощущали свои прежние личности, хоть ощущения стирались и гордыня тускнела, не выдерживая щемящих сомнений: а так ли благородны были они в своем самопожертвовании, как некогда убедили себя? Коротко ли, долго ли, но они осознали — нет, не все разом, но один за другим,— что преступно передергивали смысл понятий, прикрывая словечком «самопожертвование» первобытный эгоизм. В быстротечные мгновения полной откровенности с собой они осознали один за другим, что одолевающие их непрошеные сомнения могут стать для них же самих важнее самолюбования.

А в других случаях из тьмы давно ушедших лет вновь выныривали прежние успехи и неудачи, и наедине с собой, втайне от других, каждый перебирал давние успехи и неудачи с удовольствием, в котором не посмел бы признаться даже себе. Бывали случаи, когда они, оставаясь порознь, беседовали друг с другом. Как ни постыдно (у них не было сомнений, что постыдно), они оттягивали момент окончательного слияния своих личностей в одну, возникающую через объединение трех личностей. И в секунды откровенности сознавали, что оттягивают этот момент намеренно, инстинктивно уклоняясь от полной потери индивидуальности — от потери, неизбывный ужас которой любое мыслящее существо ассоциирует со смертью.

Однако обычно, и с ходом столетий все чаще, они были Корабль и только Корабль — и находили в том удовлетворение и гордость, а подчас и своего рода святость. Святость — качество, которое не выразишь в словах и не очертишь мыслью, поскольку оно не сводится к ощущениям или достижениям, подвластным созданию под именем «человек»: оно, это качество, превосходит любые иные ощущения и достижения, превосходит все доступное человеку даже в высшем напряжении его нешуточного воображения. Пожалуй, святость для них была сродни тому, чтобы почувствовать себя братьями меньшими пространства и времени или, как ни странно, отождествить себя с концепцией пространства-времени, с гипотетическими основами возникновения и существования Вселенной. И когда достигалось тождество, они становились как бы близкими родственниками звезд и соседями галактик — пустота и

собственная затерянность в пустоте устрашали по-прежнему, но мало-помалу входили в привычку.

А в самые лучшие минуты, когда они подступали к конечной цели ближе всего, даже Корабль уходил из их сознания, и среди звезд оказывались они сами. Объединенный один, возникший из троих, летел сквозь пустоту, преодолевал затерянность в пустоте и больше не чувствовал себя нагим — он был полноправным гражданином Вселенной, которая отныне и навсегда стала его родиной.

Глава 2

И однажды Шекспир объявил Плотояду:

— Время близится. Жизнь уходит стремительно — я ощущаю, как она уходит. Будь наготове. Твои клыки да вонзятся в плоть за мгновение до смерти. Не должно меня убивать, должно съесть меня точно тогда, когда я умираю. И уж конечно, не забудь всего остального. Не забудь ничего, что я тебе объяснял. Тебе надлежит выступить взамен людей моего племени, которых здесь нет. Как мой лучший и единственный друг, не опозорь меня в минуту расставания с жизнью...

Плотояд припал к земле и задрожал.

— Я не просил об этом,— сказал он.— Не стал бы этого делать по доброй воле. Не привык убивать старых и умирающих. Добыча должна быть полной здоровья и сил. Но как живой живому, как разумный разумному не могу тебе отказать. Ты утверждаешь, что это праведное дело — исполнить обряд в роли священника. Ты утверждаешь, что от обряда грешно уклоняться, только все мое нутро восстает против того, чтобы съесть друга.

— Надеюсь,— изрек Шекспир,— мясо мое окажется не слишком жестким и без дурного запаха. Надеюсь, ты сумеешь проглотить его, не подавившись...

— Не подавлюсь,— пообещал Плотояд.— Я соберу всю свою волю. Я исполню обряд как должно. Сделаю точно, как ты просишь. Последую твоим заветам до мелочей. Да будет дано тебе умереть в мире и достоинстве, в уверенности, что твой последний и самый верный друг исполнит ритуалы, связанные со смертью. Но позволю себе заметить, что это са-

мая странная и неприятная церемония из всех, о каких я слышал на протяжении долгой и неправедной жизни.

Шекспир чуть слышно хмыкнул и сказал:

— Думай что хочешь.

Глава 3

Картер Хортон вернулся к жизни. Ему мерещилось, что он на дне колодца, наполненного туманной мглой. Он испытал мгновенный испуг и гнев, попытался освободиться от тумана и мглы и выкарабкаться из колодца. Но мгла охватывала как саван, а туман проникал в мышцы и мешал шевелиться. Тогда он утихомирился. Только разум тикал сбивчиво, искал ответа на вопрос, где он и как сюда попал,— искал и не находил ключей к ответу. Воспоминаний не возникало вообще. Лежа неподвижно, он с удивлением обнаружил, что ему тепло и уютно. Как если бы он был здесь всегда и всегда ощущал тепло и уют, но наконец-то понял, что это такое.

Однако сквозь тепло и уют прорвалась догадка, что время не терпит, надо срочно что-то предпринять, и он изумился, откуда она взялась. Разве недостаточно, спросил он себя, того, что есть,— и какая-то часть подсознания завопила, что нет, недостаточно. Он сделал новую попытку выкарабкаться из колодца, стряхнуть с себя мглу и туман и опять потерпел неудачу, устав до изнеможения.

«Я ослаб,— признался он себе,— но почему? Почему?»

Ему захотелось крикнуть, привлечь к себе внимание — голос не подчинился. И вдруг он обрадовался, что крика не вышло, потому что неразумно привлекать к себе внимание, пока он не окрепнет. Он же не знает, где он, и тем более не знает, кто или что рыщет поблизости и с какими намерениями.

Он опять погрузился во мглу и туман, удобно устроился в них, довольный, что они прячут его от возможных опасностей. И чуть-чуть развеселился, когда ощутил новый гнев, тихий и настойчивый: почему это я вынужден прятаться неведомо от чего?

Постепенно мгла и туман рассеялись, и, к его удивлению, оказалось, что он отнюдь не в колодце. Скорее, это крохотная комнатка, и ее можно рассмотреть, что он и сделал.

С обеих сторон были металлические стены, они изгибались и сходились в каком-то футе над его головой, образуя потолок. В потолке были прорези, из прорезей выглядывали смешного вида приборы. При виде этих приборов память начала возвращаться, и прежде всего вспомнилось чувство холода. Не то чтобы ему действительно было холодно, но он вспомнил, что такое холод. И едва воспоминание коснулось его, следом волной нахлынули самые разные знания, мысли и представления.

Скрытые вентиляторы обдували его теплом, и он понял, почему ему уютно. Уютно, потому что он лежит на толстой мягкой подстилке, уложенной на дно камеры. На дно камеры, вот именно,— даже слова, даже специальные термины начали возвращаться к нему. Смешные приборы в прорезях на потолке — часть системы жизнеобеспечения, и если они видны, значит, он в них больше не нуждается. А если он не нуждается в них, это могло случиться лишь по одной причине: Корабль совершил посадку.

Корабль совершил посадку, и его вывели из холодного сна — разморозили тело, ввели в кровь укрепляющие препараты, а затем, капля за каплей, тщательно отмеренные дозы высокопитательных веществ. Сделали ему массаж, обогрели, вернули к жизни. Да, вернули к жизни, как если бы он был мертв. Теперь он вспомнил, какие бесконечные дискуссии велись по этому поводу: проблему анабиоза волынили, пережевывали, терзали, крошили на осколки и дотошно пытались собрать из осколков нечто целое. Анабиоз окрестили холодным сном — разумеется, другого и ждать не приходилось, надо было найти слова легкие и приятные на слух. Но что это было на самом деле — сон или смерть? Что случалось при этом с человеком — он засыпал и просыпался? Или умирал и воскресал?

А в общем, теперь это уже не имело значения. Умер он или заснул — теперь он был жив. «Черт бы меня побрал,— воскликнул он про себя,— а ведь сработало!» И только воскликнув, впервые отдал себе отчет, что кое-какие сомнения у него были — были, несмотря на все опыты с мышами, собаками и обезьянами. Были, хоть он никогда не говорил о своих сомнениях в открытую, пряча их не только от других, но и от себя самого.

Но если он вернулся к жизни, значит, вернулись и другие! Через две-три минуты он выберется из камеры и увидит их. Наверное, они уже ждут его, и вся четверка воссоединится. Кажется, они были все вместе только вчера — как если бы провели вчетвером славный вечерок, а нынче утром проснулись после ночи без сновидений. Хоть он, конечно же, понимал, что провел в камере куда больше, чем ночь,— возможно, целое столетие.

Он вывернул голову набок и увидел люк с иллюминатором из толстого стекла. Сквозь стекло можно было выглянуть в комнатку с четырьмя платяными шкафчиками вдоль стены. Однако в комнатке никого не было, и тут могло быть лишь одно объяснение: остальные все еще в своих камерах. Захотелось прокричать им что-нибудь, но в конце концов он передумал. Это был бы несерьезный поступок, нарочитый, какой-то мальчишеский.

Он потянулся к замку, нажал на ручку. Она подавалась туго, но наконец стронулась. Люк распахнулся. Протиснуть в него ноги стоило больших трудов — не хватало места толком пошевелиться. Но он справился и с этой задачей и, извиваясь всем телом, осторожно соскользнул на пол. Пол показался ледяным, да и металл камеры уже сильно остыл.

Быстро шагнув к соседней камере, он вперился пристальным взглядом в иллюминатор — и увидел, что камера пуста, а система жизнеобеспечения втянута в потолок. В двух других камерах тоже никого не было. Он окаменел от ужаса. Ну не могли трое других, вернувшись к жизни, бросить его одного! Они бы обязательно дождались его, чтобы выйти наружу вместе. То есть он был убежден: они дождались бы его обязательно, не случись чего-то совсем непредвиденного. Что же могло случиться, что?

Уж Элен бы дождалась его, это точно. Мэри с Томом могли бы и удрать, а Элен дождалась бы.

Терзаемый страхами, он подошел к тому шкафчику, где на дверце значилось его имя. Повернул ручку, а потом пришлось еще и рвануть ее изо всех сил. Вакуум, созданный в шкафчике, сопротивлялся человеку, и все-таки дверца не выдержала и распахнулась с резким хлопком. Одежда висела на плечиках, внизу аккуратно в ряд выстроилась обувь. Он схватил первые попавшиеся брюки и влез в них, кое-как вбил

ноги в ботинки. Распахнул дверь в шлюзовый зал и сразу понял, что и там никого, а главный люк Корабля открыт нараспашку. Оставалось подбежать к люку и выглянуть наружу.

Трап спадал на травянистую равнину, простирающуюся влево до самого горизонта. Справа равнина сменялась неровными холмами, а по-за холмами в небо вздымался, синея вдали, мощный горный хребет. Равнина была пуста, если не считать травы, по которой под порывами ветра перебегали волны, как в океане. А холмы заросли деревьями с черной и красной листвой. В воздухе ощущался резкий освежающий привкус. Людей нигде не было.

Он спустился до половины трапа, и никто по-прежнему не показывался. Планета оглушала пустотой. Чудилось, что пустота тянется к человеку, мечтает завладеть им. Он чуть было не крикнул: «Ау, есть здесь кто-нибудь?» — но неотступный страх и эта пустота засушили слова в гортани, и он не сумел выдавить их из себя. Его била дрожь, с каждой минутой ему становилось все яснее: произошло что-то скверное, из рук вон скверное. Картина, которую он застал после пробуждения, просто не имела права на существование.

Резко повернувшись, он взбежал обратно по трапу и нырнул в люк.

— Корабль! — заорал он.— Корабль, какого черта, что тут стряслось?

И Корабль отозвался. Спокойные, равнодушные слова зазвучали прямо в мозгу:

«В чем дело, мистер Хортон?»

— Что стряслось? — повторил Хортон, теперь рассерженный более, чем испуганный. Рассерженный высокомерным спокойствием исполинского чудища — Корабля.— Где все остальные?

«Мистер Хортон,— ответил Корабль,— их нет».

— Что ты такое говоришь — их нет? На Земле нас была целая команда.

«Вы единственный»,— сообщил Корабль.

— Что произошло с остальными?

«Они умерли»,— сообщил Корабль.

— Умерли? Как это «умерли»? Они были со мной только вчера!

«Они были с вами,— сообщил Корабль,— тысячу лет назад».

— Ты сошел с ума! Как это «тысячу лет назад»?

«Именно такова,— ответил Корабль, его слова по-прежнему звучали прямо в мозгу,— протяженность времени с тех пор, как мы покинули Землю».

Позади себя Хортон услышал какое-то бряканье и стремительно оглянулся. Через внешний люк ввалился робот.

— Я Никодимус,— заявил он.

Робот был обыкновенным домашним роботом того типа, что на Земле мог бы встретиться в качестве дворецкого или камердинера, повара или посыльного. В нем не было никакого конструкторского изыска — замызганный плоскостопый кусок старого железа, и все.

«Не стоит,— сообщил Корабль,— относиться к нему с пренебрежением. Мы уверены, что вы найдете его вполне эффективным».

— Но на Земле перед отлетом...

«На Земле перед отлетом,— сообщил Корабль,— вы проходили тренировки с механическим чудом, в котором были тысячи деталей, легко выходящих из строя. Послать столь мудреную машину в длительную экспедицию не представлялось возможным. Слишком велики были шансы, что она сломается. А у Никодимуса просто нет частей, способных выйти из строя. Благодаря простоте конструкции он отличается очень высокой выживаемостью».

— Приношу извинения,— обратился Никодимус к Хортону,— что не присутствовал при вашем пробуждении. Я выходил на небольшую разведку. Полагал, что у меня вполне достанет времени, чтобы вернуться к вам. Очевидно, укрепляющие и адаптационные препараты подействовали быстрее расчетного. Обычно на выход из холодного сна требуется довольно продолжительное время. Тем более из холодного сна столь значительной длительности. Как вы себя чувствуете?

— Обескураженным,— признался Хортон.— Совершенно обескураженным. Корабль сообщил мне, что я единственный оставшийся в живых, и дал мне понять, что все остальные умерли. И еще он упомянул про тысячу лет...

«Если точно,— сообщил Корабль,— полет длился девятьсот пятьдесят четыре года, восемь месяцев и девятнадцать дней».

— Данная планета,— заявил Никодимус,— очень приятна. Во многих отношениях напоминает Землю. Кислорода немного больше, гравитация немного ниже...

— Прекрасно,— резко сказал Хортон,— после стольких лет полета мы наконец-то сели на очень приятной планете. А куда делись все другие приятные планеты? Почти за тысячу лет, двигаясь почти со скоростью света, мы должны были найти...

— Очень много планет,— заявил Никодимус,— но ни одной приятной. Ни одной, где мог бы жить человек. Молодые планеты с незастывшей корой, с огромными вулканами, с полями бурлящей магмы и озерами расплавленной лавы, с бешеными облаками пыли и ядовитых паров — воды там еще нет, а кислорода совсем мало. Старые, одряхлевшие планеты на краю гибели — океаны высохли, атмосфера истончилась, а жизнь, если и была когда-то, исчезла без следа. Массивные газовые планеты, плывущие по своим орбитам, как исполинские полосатые мраморные шары. Планеты, слишком близкие к своим солнцам, выжженные радиацией. Планеты, слишком далекие от своих солнц, с ледниками застывшего кислорода и морями водорода, густого, как мокрый снег. А еще планеты, сбившиеся с верной дороги и окутавшие себя атмосферой, смертельной для всего живого. И другие планеты, хотя таких совсем немного, где жизнь чересчур обильна,— покрытые джунглями, населенные такими прожорливыми и свирепыми тварями, что высадиться там равносильно самоубийству. Множество пустынных планет, где жизнь никогда не зарождалась и даже почва не сформировалась,— голые скалы, воды почти нет, а кислород связан в горных породах. Некоторые из обнаруженных планет мы облетали по орбите, на другие достаточно было бегло взглянуть. Несколько раз мы совершали посадку. Корабль располагает полной информацией и, если желаете, предоставит вам распечатку.

— Но вот мы нашли подходящую планету. Что теперь — осмотрим ее и вернемся назад?

«Нет,— вмешался Корабль,— мы не можем вернуться».

— Для чего же нас тогда посылали? Нас и все другие корабли. Все мы вылетели на поиски планет, пригодных для колонизации их человеком...

«Мы отсутствовали слишком долго,— сообщил Корабль.— Мы просто уже не можем вернуться. Нас не было почти тыся-

чу лет. Если бы мы стартовали немедленно, то обратный полет занял бы еще тысячу лет. Вероятно, он был бы немного короче, поскольку мы не снижали бы скорости для осмотра планет, и все же полетное время туда и обратно составило бы без малого две тысячи лет. А на Земле, возможно, прошло еще больше, намного больше, поскольку надо учитывать фактор растяжения времени, а достоверных данных на этот счет у нас нет. Уже сейчас о нас, по всей вероятности, забыли. Конечно, должны были остаться записи, но их легко могли утратить, стереть или потерять. К моменту возвращения мы оказались бы безнадежно устаревшими, и люди не нашли бы нам применения. Ни нам, ни вам, ни Никодимусу. Мы только раздражали бы их, напоминая о неуклюжих потугах давних столетий. Никодимус и мы выглядели бы жуткими техническими уродами. Да и вы выглядели бы не лучше, хоть и на свой манер,— варваром, явившимся из прошлого, чтоб надоедать потомкам. Вы устарели бы социально, нравственно, политически. По их меркам вы, возможно, показались бы злобным, а то и опасным идиотом».

— Послушай,— запротестовал Хортон,— ты несешь бессмыслицу. Были же и другие корабли...

«Возможно,— согласился Корабль,— что некоторым из них удалось обнаружить подходящие планеты вскоре после старта. В таком случае они могли благополучно вернуться на Землю».

— А ты продолжал лететь и лететь...

Корабль ответил:

«Мы исполняли возложенную на нас миссию».

— Ну да, конечно, ты был занят поисками планет.

«Не планет, а одной планеты. Такой планеты, где мог бы жить человек».

— И чтобы найти ее, тебе понадобилась почти тысяча лет.

«На поиски не было установлено определенного срока».

— Наверное, так,— сказал Хортон.— Об этом мы как-то просто не подумали. Мы тогда не задумывались о многом. А о многом нам предпочитали не говорить. Скажи мне хотя бы теперь: если б ты не обнаружил эту планету, что бы ты делал?

«Мы продолжали бы поиски».

— Даже миллион лет?

«Если понадобилось бы, даже миллион лет».

— А теперь, хоть мы и нашли планету, мы не можем вернуться?

«Совершенно верно»,— подтвердил Корабль.

— Тогда за каким же чертом было ее находить? — вспылил Хортон.— Мы ее нашли, а Земля об этом никогда и не узнает. Настоящая правда, по-моему, в том, что тебе неинтересно возвращаться. Уж тебя-то там, на Земле, не ждет ничего хорошего.

Корабль не дал ответа.

— Ну скажи мне,— Хортон сорвался на крик.— Признайся!..

— Вам не ответят,— вмешался Никодимус.— Корабль впал в гордое молчание. Вы его обидели.

— Черт с ним, с Кораблем,— заявил Хортон.— Я их троих наслушался до отрыжки. Теперь ответь мне ты. Корабль сообщил мне, что трое других умерли...

— Была неисправность,— сказал Никодимус.— Примерно через сто лет полета. Отказал один из насосов, и камеры холодного сна начали прогреваться. Мне удалось вас спасти.

— Почему только меня? Почему не других?

— Все очень просто,— рассудительно отвечал Никодимус.— Вы у меня числились первым. Вы были в камере номер один.

— А если бы я был в камере номер «два», ты позволил бы мне умереть.

— Я никому не позволял умирать. Но я мог спасти только одного спящего. Когда я это сделал, спасать других было уже поздно.

— Значит, ты выбирал по номерам камер?

— Да,— подтвердил Никодимус,— я выбирал по номерам. Разве есть лучший способ?

— Нет,— сказал Хортон.— Лучшего способа, пожалуй, нет. Но когда трое из четверых умерли, у вас не возникло мысли, что надо прервать полет и вернуться на Землю?

— Такой мысли не возникало.

— Кто принимал решение? Надо полагать, Корабль?

— Не было никакого решения. Никто из нас не упоминал ни о каких решениях.

Все пошло наперекосяк, понял Хортон. Сядь кто-то сиднем и поставь себе целью завалить дело, трудись он над этой задачей со всей прилежностью и упорством, доходящим до

фанатизма, все равно бы ему ни за что не добиться лучшего результата.

Один корабль, один человек, один глупый плоскостопый робот — ну и экспедиция, прости господи! Хуже того, совершенно бессмысленная экспедиция в одну сторону. С тем же успехом, подумал Хортон, можно было вообще не стартовать. Впрочем, пришлось тут же напомнить себе: если бы не экспедиция, он лично умер бы много веков назад.

Он попытался вспомнить других — и не смог. В лучшем случае он видел их смутно-смутно, как сквозь дымку. Образы были неясными, будто размытыми. А когда он решил представить себе их лица, хотя бы лица, опять ничего не вышло, словно у них вовсе не было лиц. Он знал заранее, что позже будет скорбеть о них — позже, но не сейчас. Сейчас они припоминались слишком слабо даже для скорби. Да и времени скорбеть сейчас не найдется — столько надо сделать, столько обдумать. Тысяча лет, повторил он себе, и нет пути назад. Потому что попасть назад можно было только на Корабле, и уж если Корабль решил, что не вернется, спорить больше не о чем.

— А те трое? — спросил он.— Что с ними сделали? Похоронили в космосе?

— Нет,— ответил Никодимус.— Мы нашли планету, где их никто не потревожит до конца вечности. Хотите узнать подробности?

— Сделай одолжение, расскажи,— попросил Хортон.

Глава 4

С высоты плоскогорья, где сел Корабль, поверхность планеты просматривалась до дальнего и очень резкого горизонта — мощные синие ледники замерзшего водорода, сползающие по склонам черных безжизненных скал. Солнце планеты было так отдалено, что казалось звездочкой,— может, чуть побольше и поярче других. И все же звездочка умирала и тускнела, да и расстояние до Земли было столь велико, что у нее не было ни имени, ни хотя бы номера. На звездных картах не было даже точечки, отмечающей ее местонахождение: слабенький ее свет никогда не регистрировался на фотопластинках земных телескопов.

«Корабль,— позвал Никодимус,— неужели это все, что мы можем сделать?»

Корабль отозвался:

«Больше ничего сделать нельзя».

«Мне кажется,— настаивал Никодимус,— жестоко оставлять их в таком захудалом месте».

«Мы искали место уединения,— ответил Корабль,— место достойного одиночества, где никто не отыщет и не потревожит их, не станет исследовать останки под микроскопом и не выставит в музее. Это, робот, мы должны были для них сделать, но теперь, когда сделали, мы им больше ничего не должны».

Никодимус стоял у тройного гроба, пытаясь запечатлеть это место в памяти навечно,— однако, обведя взглядом всю планету, уяснил себе, что запечатлевать, в сущности, нечего. Здесь царило мертвенное однообразие: куда ни глянь, не увидишь ничего нового. А что, если, подумалось ему, это даже хорошо, что анонимность мертвецов будет еще и упрочена безвестностью кладбища?..

Нет, это было не небо. На месте неба — лишь черная нагота космоса, сбрызнутая густой россыпью незнакомых звезд. «Когда мы с Кораблем улетим отсюда,— подумал робот,— только эти суровые немерцающие звезды и будут тысячелетиями взирать на троих лежащих в гробу — не охранять их, а наблюдать за ними ледяным взором древних трухлявых аристократов, заведомо не одобряющих любого, кто проникнет извне в их узенький круг. Но это тоже не играет роли,— возразил Никодимус самому себе,— потому что на свете больше нет ничего, что могло бы повредить усопшим. Им уже нельзя повредить, как нельзя и помочь».

И еще он подумал, что не мешало бы помолиться за них, хотя до сих пор он никогда не молился и даже не помышлял ни о каких молитвах. И он, в общем, подозревал, что молитва в устах такого, как он, окажется неприемлемой ни для людей, простертых в гробу, ни для божества, которое соизволило бы склонить свой слух к его словам, каково б оно ни было. И все-таки молитва выглядела бы подобающим случаю жестом — робкой, неуверенной надеждой, что где-нибудь в неоглядном пространстве скрывается высший заступник.

Но если б он решился на молитву, то что бы сказал? «Господи, мы оставляем эти создания на твоем попечении...» А дальше? Допустим, начало хорошее — а что дальше?

«Можешь попробовать прочесть ему наставление,— вмешался Корабль.— Попытайся внушить ему, как незаурядны эти трое, о которых ты печешься. Или проси о снисхождении к ним, отстаивай их право на снисхождение, хоть им-то теперь не нужны ни твои просьбы, ни твои доводы...»

«Ты насмехаешься надо мной»,— сообразил Никодимус.

«Мы не насмехаемся,— ответствовал Корабль.— Мы превыше насмешек».

«Но надо же сказать хоть несколько слов,— упирался Никодимус.— Они вправе ждать их от меня. Земля вправе ждать их от меня. Ты же сам прежде жил в человеческой оболочке. Уж по такому поводу, на мой взгляд, в тебе должно бы проснуться что-то человеческое!»

«Мы горюем,— сообщил Корабль.— Мы скорбим. Мы опечалены. Но опечалены фактом смерти, а не тем, что оставляем мертвецов в подобном месте. Им совершенно все равно, где бы мы их ни оставили».

Все равно надо что-то сказать, мысленно упорствовал Никодимус. Что-нибудь торжественное, официальное, какой-нибудь ритуальный текст, прочитанный внятно и в надлежащих выражениях,— ведь они есть прах Земли, перекочевавший сюда на веки вечные. Да, по логике вещей следовало искать для них место уединенное — но невзирая на логику не надо бы бросать их здесь. Надо бы поискать другую планету, зеленую и приятную...

«Нет таких,— сообщил Корабль,— зеленых и приятных планет поблизости нет».

«Раз у меня не находится подходящих слов,— обратился робот к Кораблю,— ты не возражаешь, если я просто побуду здесь еще немного? Мы должны по меньшей мере проявить деликатность и не взлетать сию же минуту...»

«Можешь торчать там, сколько хочешь,— согласился Корабль.— В нашем распоряжении вечность».

— И знаете,— заявил Никодимус Хортону,— я так и не нашел что сказать...

Но тут заговорил Корабль:

«У нас гость. Спустился с холмов и ждет возле трапа. Надо бы выйти к нему. Однако будьте настороже, соблюдайте правила безопасности и захватите личное оружие. Судя по его виду, субъект препротивный».

Глава 5

Гость остановился футах в двадцати от нижнего края трапа и ждал не шевелясь, пока Хортон с Никодимусом спустятся к нему. Он был ростом с человека и держался на двух ногах. Однако руки, праздно свисающие по бокам, заканчивались не пальцами, а пучками щупалец. Одежды он не носил. Тело было покрыто скудной линяющей шерстью. Более чем очевидно было, что это самец. Голова представляла собой попросту голый череп. Она не ведала ни волос, ни меховой опушки, кожа туго обтягивала костный остов. Мощные челюсти выпячивались, образуя здоровенное рыло. Верхние резцы свисали почти как клыки у допотопных саблезубых тигров Земли. А длинные заостренные уши, понизу прижатые к вискам, выдавались над куполом голого черепа и стояли торчком. И каждое ухо было увенчано ярко-красной кисточкой.

Как только они спустились до нижних ступенек трапа, странное существо возвестило голосом гулким как барабан:

— Приветствую вас на этой хреновой планете...

— Черт побери,— выпалил пораженный Хортон,— откуда ты знаешь наш язык?

— Я усвоил язык от Шекспира,— ответило существо.— Шекспир обучил меня ему. Но Шекспир ныне умер, и мне его безмерно недостает. Без него я вполне безутешен.

— Постой, ведь Шекспир жил в глубокой древности, и откуда же...

— Отнюдь не тот, что в древности,— ответило существо.— Хоть он тоже не был молод, в нем жила болезнь. Шекспир утверждал, что он человек. И был весьма похож на тебя. Делаю вывод, что и ты человек, а другой, что с тобой, не человек, хоть у него имеются человеческие черты.

— Ты прав,— заявил Никодимус.— Я не человек, но почти един с человеком. Я друг человека.

— Тогда прекрасно! — возрадовалось существо.— То есть просто замечательно! Потому что я был этим самым другом

для Шекспира. Лучший друг, какой у меня был во все времена,— так говорил Шекспир. Мне его, несомненно, недостает. Я восхищен им чрезвычайно. У него было столько умений. Одного он не умел — выучить мой язык. Так что пришлось мне вольно-невольно выучиться его языку. Он говорил мне о больших судах, несущихся с грохотом в пространстве. Так что, услышав ваш грохот, я поспешил быстро, как мог, в надежде, что сюда пожаловали люди Шекспира.

Хортон обернулся к Никодимусу:

— Тут что-то не сходится. Не мог человек забраться в такую космическую даль! Конечно, Корабль валял дурака, тормозил у разных планет, и это съело порядочно времени. И все равно мы почти в тысяче световых лет от Земли...

— А может, на Земле,— возразил Никодимус,— уже построены лучшие корабли, летающие во много раз быстрее скорости света? Мы барахтались в космосе, а тем временем многие корабли опередили нас. Выходит, как это ни удивительно...

— Вы двое рассуждаете о кораблях,— перебило существо.— Шекспир поведал мне о кораблях, однако ему корабль был не нужен. Он прибыл через туннель.

— Послушай,— не выдержал Хортон, начиная сердиться,— попытайся говорить потолковее. Что это за туннель, что ты имеешь в виду?

— Разве тебе неизвестен туннель, проложенный среди звезд?

— Никогда о нем не слышал,— сказал Хортон.

— Погодите,— предложил Никодимус,— попробуем вернуться назад и начать по порядку. Правильно ли я понял, что ты уроженец этой планеты?

— Уроженец?

— Да, я сказал — уроженец. Спрошу иначе. Ты местный? Это твоя родная планета? Ты здесь родился?

— Ни в коем разе! — воскликнуло существо с пылом.— Будь моя воля, я б на этой планете помочиться побрезговал! Не задержался бы здесь на самое малое время, выпади мне шанс выбраться отсюда. Затем я и поспешал, чтоб выторговать себе возможность отбыть вместе с вами обоими, когда вам придет пора улетать.

— Значит, ты очутился здесь так же, как Шекспир? Через туннель?

— Разумеется, через туннель. Как бы иначе мог я сюда попасть?

— Тогда и расстаться с планетой должно быть легче легкого. Ступай в этот самый туннель и отбывай восвояси.

— Не могу,— захныкало существо.— Треклятый туннель вышел из строя. Совершенно разладился. Работает только в одну сторону. Сюда доставляет охотно, отсюда не хочет ни почем.

— Ты же сказал, что туннель проложен среди звезд. У меня сложилось впечатление, что он ведет ко многим звездам.

— К такому их числу, что разум не в силах сосчитать, но здесь ему требуется починка. Шекспир пытался, и я пытался, но мы не могли его поправить. Шекспир молотил по нему кулаками, пинал его ногами, кричал на него и обзывал ужасными именами. Однако туннель все равно не работает.

— Если ты не с этой планеты,— вмешался Хортон,— то, может, скажешь нам, кто ты такой?

— Охотно. Все очень просто — я Плотояд. Вы двое знаете плотоядов?

— Это пожиратели иных форм жизни.

— Я Плотояд,— объявило существо,— и очень тем доволен. Горд тем, что такова моя природа. Среди звезд живут многие, кто смотрит на плотоядов с неудовольствием и ужасом. Они ошибочно полагают, что поедать других живущих неправильно, недостойно. И даже говорят, что это жестоко, а я утверждаю, что жестокости нет. Быстрая смерть. Чистая смерть. Свободная от страданий. Куда предпочтительней недугов и старости.

— Хорошо-хорошо,— перебил Никодимус.— Нет нужды продолжать. Мы не имеем ничего против плотоядных.

— Шекспир говорил, что человек тоже плотояд. Но не настолько, как я. Шекспир делил со мной мясо тех, кого я убивал. Мог бы убивать сам, но не с такой ловкостью, как я. Я рад был убивать для Шекспира.

— Нетрудно догадаться,— ввернул Хортон.

— Ты здесь один? — спросил Никодимус.— Здесь нет других таких же, как ты?

— Я одинок,— подтвердил Плотояд.— Прибыл сюда потаенным образом. Никому о том не проболтался.

— А этот твой Шекспир тоже прибыл сюда потаенным образом, как и ты? — спросил Хортон.

— Были безнравственные существа, жаждущие его отыскать, дабы обвинить в том, что он якобы нанес им вред. И он не желал, чтобы его отыскали.

— Но теперь Шекспир умер?

— О да, он умер, не сомневайтесь. Я его съел.

— Что-что?

— Только и исключительно плоть,— сообщил Плотояд.— Весьма старался не есть костей. И не возражаю поведать, что плоть у него оказалась жесткой и жилистой и пахла не так, как я люблю. У Шекспира был неприятный привкус.

Никодимус поспешил вмешаться и сменить тему.

— Мы будем рады,— заявил он,— пойти к туннелю вместе с тобой и посмотреть, нельзя ли его починить.

— Вы согласны предпринять это дружбы ради? — спросил Плотояд, вне себя от признательности.— Я питал надежду, что вы поступите так и именно так. Вы можете починить треклятый туннель?

— Пока не знаю,— сказал Хортон.— Но посмотреть можно. Я ведь не инженер...

— Я,— заявил Никодимус,— могу стать инженером.

— Черта с два,— сказал Хортон.

— Мы посмотрим, что можно сделать,— повторил безумец в облике робота.

— Значит, все решено и условлено?

— Можешь на нас рассчитывать,— заявил Никодимус.

— Хорошо,— откликнулся Плотояд.— Тогда я покажу вам древний город и...

— Тут есть древний город?

— Я выразился преувеличенно,— сказал Плотояд.— Позволил, чтобы радость по поводу починки туннеля отвлекла меня. Может быть, не вполне город. Может быть, лишь сторожевая застава. Очень древняя, вся развалилась, но, может быть, вам интересно. Однако сейчас я должен идти. Звезда спускается низко. Когда на эту планету падает темень, лучше находиться под крышей. Счастлив встретить вас. Счастлив, что прибыли люди Шекспира. Привет и прощайте! Увижу вас утром, и туннель да починится...

Он круто повернулся и рысцой устремился к холмам, ни разу не бросив взгляда назад. Никодимус задумчиво покачал головой.

— Тут много загадок,— заявил он.— Много пищи для размышлений. Много вопросов, которые предстоит выяснить. Но сперва я должен приготовить вам ужин. Вы вышли из холодного сна достаточно давно, чтобы принять еду, не подвергая себя опасности. Добротную, питательную еду, только для начала совсем немного. Сдерживайтесь, не будьте прожорливы. Входите в норму постепенно.

— Погоди-ка минуточку, черт тебя побери,— сказал Хортон.— Ты не находишь, что сперва должен мне кое-что растолковать? Чего ради, например, ты решил отвлечь меня, когда увидел, что я собираюсь расспросить это чучело о съедении человека по кличке Шекспир, кто б он на самом деле ни был? И что ты имел в виду, утверждая, что можешь стать инженером? Ты же чертовски хорошо знаешь, что никакой ты не инженер,

— Всему свое время,— ответил Никодимус.— Как вы справедливо отметили, нужно объясниться. Но прежде всего вам нужно поесть, а солнце уже почти село. Вы слышали совет этого существа, что после захода солнца лучше быть под крышей.

Хортон фыркнул:

— Предрассудок. Бабушкины сказки.

— Бабушкины или не бабушкины,— заявил Никодимус,— но пока мы не выясним все доподлинно, разумно руководствоваться местными обычаями.

Глянув вдаль по-над морем колышущейся травы, Хортон увидел, что горизонт уже рассек солнце надвое. Травяная ширь обернулась сплошным листом мерцающего золота. На глазах Хортона солнце погружалось в это золотое сияние, и по мере погружения небо на западе приобретало болезненный лимонно-желтый оттенок.

— Странные световые эффекты,— отметил он вслух.

— Хватит, поднимайтесь на борт,— торопил Никодимус.— Что бы вы хотели поесть? Предлагаю протертый куриный суп с овощами — как вы к нему относитесь? А потом ребрышки с печеной картошкой...

— Хорошее меню,— сказал роботу Хортон.

— Я дипломированный шеф-повар,— ответил тот.

— Интересно, есть такая профессия, которой ты не владеешь? Инженер и шеф-повар. И что еще?

— О, профессий у меня много. Я могу выступать в разных качествах.

Солнце зашло, и чудилось, что с неба течет пурпурная дымка. Дымка нависла над желтизной травы, и та немедля окрасилась под старую полированную медь. Горизонт стал черным как смоль, только на месте заката еще виднелся зеленоватый проблеск цвета молодых листьев.

— Приятно,— заметил Никодимус, наблюдая за игрой красок,— очень приятно для глаза.

Краски стремительно гасли, и с темнотой на планету спустилась прохлада. Хортон стал взбираться по трапу. Но в ту же секунду нечто навалилось на него сверху, схватило его и завладело им. Не то чтобы схватило буквально — не было ровным счетом ничего, чем бы оно могло хватать,— и все же некая сила повязала его, обволокла и обездвижила. Он пытался бороться с этой силой, но не мог пошевелить ни одним мускулом. Вознамерился крикнуть, но гортань и язык окаменели. И внезапно он оказался нагим, ощутил себя нагим, лишенным не столько одежды, сколько всякой защиты, распростертым и вскрытым так ловко, что любой сокровенный уголок его существа оказался выставленным на всеобщее обозрение. Пришло противное чувство, что его изучают, исследуют, подвергают экспериментам, анализируют. Изучают голенького, освежеванного, распятого, чтоб исследователь мог докопаться до самой тайной его мечты, до последнего чаяния. Словно, мелькнула мысль в закоулках сознания, Бог снизошел с небес и предъявил на него права, быть может заодно определяя, чего он стоит.

Хотелось удрать и спрятаться, натянуть содранную кожу на тело и отчаянно закутаться в ней, прикрыть ею свое распятое и разверстое убожество, сшить на живую нитку лохмотья человеческой сущности. Но бежать было немыслимо, спрятаться негде, и оставалось лишь стоять столбом и терпеть, что тебя изучают.

Вокруг ничего не было. Ничто ниоткуда не появлялось. И все же нечто схватило его, обволокло и раздело донага — и тогда он нацелил свой разум на то, чтоб увидеть это таинственное нечто и разобраться, что же оно такое. И как только он сделал такую попытку, ему почудилось, что череп раскололся и мозг выбрался на волю, расширяясь, раскрываясь и впитывая в себя истины, каких никто из людей доселе не постигал. Потом его охватила паника: казалось, мозг расширился до того, что заполнил всю Вселенную, цепляясь шустрыми пальцами мыслей за все непознанное в мерзлом пространстве и быстротечном времени. И на мгновение, только на мгновение, он вообразил себе, что вгляделся в суть конечных целей бытия, укрытую в самых дальних пределах мироздания.

Затем мозг съежился, кости черепа встали на место, нечто отпустило его. Он пошатнулся и не удержался бы на ногах, если бы не вцепился в перила трапа. Никодимус подскочил, поддержал, осведомился встревоженно:

— Что случилось, Картер? Что на вас нашло?

Хортон держался за перила мертвой хваткой, словно они оставались единственной доступной ему реальностью. Тело ломило от напряжения, однако мысль еще сохраняла остатки небывалой остроты, хоть он и сознавал, что острота постепенно тускнеет. С помощью Никодимуса ему наконец-то удалось выпрямиться. Он помотал головой, моргнул раз-другой. Краски на поверхности травяного моря снова переменились. Пурпурная дымка сгустилась в глубокий полумрак. Медный отлив травы смягчился до свинцового оттенка, а небосвод почернел окончательно. В вышине вспыхнула первая яркая звездочка.

— Что случилось, Картер? — повторил робот.

— Ты что, ничего не почувствовал?

— Что-то такое было,— ответил Никодимус.— Что-то пугающее. Стукнуло по мне и соскользнуло. Стукнуло не по корпусу — по мозгу. Будто кто-то замахнулся психическим кулаком, но промазал, только задел мой мозг по касательной.

Глава 6

Разум, что некогда был монахом, перепугался, и испуг породил честность. Исповедальную честность, уточнил он для себя, хотя никогда ни на одной исповеди не бывал он так честен, как сейчас.

«Что это? — спросила светская дама.— Что такое мы чувствовали?»

«Руку Бога,— ответил он.— Руку Бога, коснувшуюся нашего чела».

«Смехотворно,— объявил ученый.— Данный вывод не подкреплен ни достоверными данными, ни объективными наблюдениями».

«Какой же вывод делаете вы?» — осведомилась светская дама.

«Никакого,— ответил ученый.— Я взял случившееся на заметку, вот и все. Проявление какой-то силы. Возможно, это сила космического порядка. Отнюдь не связанная с данной планетой. У меня сложилось четкое впечатление, что сила не местного происхождения. Однако пока не накопится больше данных, нерационально давать ей какие-то уточняющие характеристики».

«Сущая белиберда,— объявила светская дама,— самая жуткая белиберда, какую я слыхивала на своем веку. Наш коллега священник был более убедителен».

«Не священник,— поправил монах.— Сколько раз повторял и повторяю снова. Монах. Простой монах. Самый завалящий из всех монахов...»

И ведь это правда чистой воды, заявил он себе, продолжая честную самооценку. Он был монахом, и никем более. Ничтожнейшим монахом, ополоумевшим от страха смерти. Отнюдь не святым, каким его нарекли, а дрожащим трусом и лицемером, убоявшимся смерти,— ведь тот, кто боится смерти, просто не может быть святым. Ибо для истинного святого смерть должна означать не конец, а обещание нового начала. А он, оглядываясь назад, знал доподлинно, что ни на миг не мог представить себе смерть иначе, чем конец и небытие.

И, задумавшись над этим, он впервые признал то, чего не признавал никогда — по неспособности или от недостатка честности: за возможность послужить науке он ухватился именно затем, чтоб избежать страха смерти. Хотя, конечно, он понимал, что купил себе лишь отсрочку, ибо отвратить смерть нельзя, даже став Кораблем. Точнее, нельзя обрести уверенность, что смерть отвращена навсегда. Остается шанс, пусть мизерный,— ученый и светская дама обсуждали это много веков назад, а он побоялся вступать в дискуссию и промолчал —

остается шанс, что спустя тысячелетия они трое, если проживут так долго, станут чистым разумом и ничем, кроме разума. В таком случае, размышлял он, они стали бы бессмертными и вечными в самом точном значении этих слов. Но если этого не случится, им все равно предстоит взглянуть смерти в лицо, так как космический корабль, увы, тоже не вечен. Рано или поздно, по той ли, по другой ли причине, Кораблю суждено превратиться в разбитый, изношенный остов, дрейфующий среди звезд, а со временем даже остов рассыплется в пыль на космическом ветру. Однако, обнадежил себя монах и вцепился в эту надежду, такого не будет еще долго-долго. Если не изменит удача, Корабль продержится еще очень долго, быть может несколько миллионов лет, и такого срока им троим действительно может хватить на то, чтобы стать чистым разумом,— конечно, если чистый разум возможен вообще.

«Откуда этот всеподавляющий страх смерти? — спросил он себя.— К чему мне раболепствовать перед нею? Я не просто уклоняюсь от смерти, как всякий нормальный человек, а пресмыкаюсь до одержимости, избегая самой мысли о ней. Не потому ли, что я утратил веру в Бога или, быть может, еще хуже — никогда и не постигал веры? Но если так, зачем я стал монахом?»

И уж начав предаваться честности, он дал себе честный ответ. Он избрал монашество своим занятием (не призванием, а именно занятием) оттого, что страшился не только смерти, но и самой жизни, и тешил себя надеждой, что монашество — легкая работа и к тому же укрытие от мирских тягот, которых он страшился.

Так или иначе, в отношении легкой работы он ошибся. Монашеская жизнь оказалась отнюдь не легкой, но когда это обнаружилось, он испугался опять — испугался признать свою ошибку, испугался признаться даже себе, что погряз во лжи. И остался монахом, а по прошествии времени неведомо как (вероятно, по чистому стечению обстоятельств) заслужил репутацию монаха набожного и благочестивого и стал объектом полугордости-полузависти со стороны братьев-монахов, хотя кое-кто из них не брезговал подпустить в его адрес едкую, не приличествующую послушникам шпильку. Опять-таки непонятно почему, но с годами слух о нем ширился и достигал все большего числа людей — не потому, что он сделал нечто осо-

бенное (ибо, по правде говоря, делал он очень мало), а в силу идеи, которую он якобы отстаивал, в силу избранного им пути. Ныне, размышляя обо всем происшедшем, он спрашивал себя, не было ли тут недоразумения — его благочестивость проистекала не от набожности, как все почему-то думали, а попросту от страха и от намеренного самоуничижения, которое, в свою очередь, являлось следствием страха. Трусливая мышь, сказал он себе, провозглашенная святой мышью именно вследствие своей трусости.

И как ни парадоксально, он в конце концов стал Символом Веры в материалистическом мире, и некий писатель, взявший у него интервью, назвал его человеком средневековья, уцелевшим до нынешних времен. Интервью было напечатано в журнале с большим тиражом и к тому же подготовлено человеком впечатлительным, не постеснявшимся ради пущего эффекта кое-что слегка приукрасить,— и образ, выписанный интервьюером, дал толчок к тому, что два-три последующих года вознесли его к славе: вот-де простой человек, у которого хватило душевного прозрения вернуться к основам веры и отстаивать ее от лихих наскоков гуманистической мысли.

Он мог бы стать настоятелем, подумалось не без внезапной гордости, а то и подняться еще выше. Ощутив приступ гордости, монах сделал усилие отогнать ее — усилие слабенькое, почти символическое. Ибо гордость, рассудил он ныне, гордость и запоздалая честность — вот и все, что от него осталось. Когда прежнего настоятеля призвал Господь, монаху дали понять разными непрямыми средствами, что он может стать преемником усопшего. Но он убоялся снова, на сей раз сана и связанной с ним ответственности, и слезно просил не трогать его, оставить в простенькой келье и с простенькими обетами. Поскольку монашеский орден весьма дорожил им, прошение было удовлетворено. Хотя ныне, проникнувшись честностью, он позволил себе подозрение, возникавшее и прежде, только он подавлял свое подозрение и не формулировал в открытую. А что, если прошение было удовлетворено не потому, что орден так уж дорожил им, а потому, что знал его подноготную и понимал, что настоятель из него получится никудышный? Более того: что, если само предложение было вынужденным — о нем много писали, его восхваляли выше некуда и тем самым поставили орден перед необходимостью хотя бы выступить с

таким предложением? И что, если, едва он отказался от сана, по всему монастырю разнесся единодушный вздох облегчения?

Страх, страх, страх. Теперь-то он сознавал, что был затравлен страхом — если не перед смертью, то перед жизнью. А может, в конце-то концов страшиться было и нечего? Всю жизнь он стращал себя — а может, не было предмета для страхов? Более чем вероятно, что в великий пожизненный страх его вогнала лишь собственная неполноценность и скудость разума.

«Я по-прежнему думаю как человек из плоти и крови,— уличил он себя,— а не как мозг вне тела. Плоть до сих пор цепляется за душу, и кости не истлели...»

А ученый между тем продолжал разглагольствовать.

«В особенности надлежит воздержаться от того,— поучал он,— чтобы автоматически расценивать недавнее проявление как имеющее мистическую или религиозную основу».

«Просто явление природы»,— объявила светская дама, всегда расположенная к компромиссу.

«Мы должны твердо усвоить,— изрек ученый,— что во Вселенной нет простых явлений. Ни одно явление нельзя отбросить походя, без обдумывания. В любом происшествии есть определенный научный смысл. Есть вызвавшая его причина, и, можете быть уверены, со временем проявятся и следствия».

«Желал бы я,— сказал монах,— судить обо всем с такой же уверенностью в себе».

«А я желала бы,— объявила светская дама,— чтоб мы вообще не садились на этой планете. Нервотрепное местечко».

Глава 7

— Сдерживайте себя,— посоветовал Никодимус.— Не ешьте слишком много. Куриный супчик, ломтик жаркого, половинку картофелины. Должны же вы понять, что ваш желудок бездействовал сотни лет. Вне сомнения, он был заморожен и не подвержен износу, но даже при этом его надо щадить и дать ему время прийти в форму. Через несколько дней вы сможете кушать, как бывало.

Хортон пожирал еду глазами.

— Откуда такие припасы? — требовательно спросил он.— Ведь, ясное дело, ты не мог приволочь их с Земли...

— Я забыл объяснить,— ответил робот.— Вы, конечно, не можете этого знать. У нас на борту самая совершенная модель конвертора материи, какая существовала к моменту нашего отлета.

— Выходит, ты просто-напросто швырнул в воронку лопату песка?

— Ну, не совсем так. Не столь примитивно. Но в принципе верно.

— Погоди-ка минутку,— опомнился Хортон.— Тут что-то не так. Я не припоминаю никаких конверторов материи. Правда, шли разговоры о подобных устройствах и была надежда, что удастся собрать прототип, но, насколько я помню...

— Есть определенные вещи, сэр,— перебил Никодимус както слишком поспешно,— вам неизвестные. Взять хотя бы тот факт, что после вашего погружения в холодный сон мы стартовали не сразу.

— Ты имеешь в виду, что была отсрочка?

— Ну да. По правде говоря, довольно значительная.

— Черт побери, не пытайся навести тень на плетень. Что значит значительная?

— Ну, примерно лет пятьдесят.

— Лет пятьдесят? Почему так долго? Зачем понадобилось загнать нас в холодный сон, а потом выдерживать пятьдесят лет?

— Торопиться с отлетом не было особой нужды,— отвечал Никодимус.— Расчетное время реализации проекта было столь велико — ведь до возвращения первых кораблей, нашедших пригодные для жизни планеты, должно было пройти лет двести, если не больше,— что задержка в пять десятилетий не казалась чрезмерной, если за это время удалось бы разработать системы, увеличивающие шансы на успех.

— Например, конвертор материи?

— Да, конвертор — одна из таких систем. Конечно, можно бы обойтись и без него, но он из разряда удобств, увеличивающих коэффициент безопасности. Еще более важными представлялись некоторые элементы конструкции самого корабля — если бы их удалось реализовать...

— И удалось?

— По большей части, да,— отвечал Никодимус.

— Но нас никто не предупреждал ни о каких отсрочках! — воскликнул Хортон.— Ни нас, ни другие экипажи, проходившие подготовку вместе с нами. Если бы кто-нибудь из любого экипажа прослышал об этом, нам бы непременно шепнули словечко...

— Вам,— отвечал Никодимус,— не было нужды знать об этом. В противном случае с вашей стороны могли бы последовать неоправданные и нелогичные возражения. И представлялось важным, чтоб экипажи были в полном порядке к моменту, когда корабли будут готовы взять старт. Видите ли, все вы были люди особенные. Возможно, вы помните, с какой тщательностью вас подбирали.

— Еще бы не помнить! Бесконечные компьютерные проверки на факторы выживаемости. Измерения психологических характеристик — снова, и снова, и снова. Физические тренировки, измотавшие нас к чертовой матери. А потом нам засадили в мозги эту телепатическую хреновину, чтоб общаться с Кораблем, и это оказалось муторнее всего остального. Ясно помню — прошло много месяцев, прежде чем мы выучились обращаться с этой штукой как следует. Но к чему было затевать такие хлопоты, если потом нас засунули на хранение в морозильный шкаф? Мы могли бы просто подождать.

— Иного выхода не было,— сообщил Никодимус,— вы же старели с каждым годом. При подборе экипажей одним из факторов был возраст — вы должны были уйти в полет не то чтоб молодыми, но и не слишком старыми. Посылать в космос стариков толку мало. А как только вы заснули холодным сном, то перестали стареть. Время уже не имело для вас значения — в состоянии холодного сна вы не ощущали времени. Таким образом экипажи содержались в полной готовности, и все их индивидуальные способности и умения не потускнели за годы, которые ушли на доводку технических мелочей. Корабли-то могли стартовать и сразу после того, как вас заморозили, но за пятьдесят последующих лет шансы на успех значительно выросли — и для кораблей, и для вас лично. Систему поддержания деятельности мозга довели до совершенства, какое в ваше время считалось недостижимым. Связь между индивидуальным мозгом и Кораблем стала более эффективной и чуткой, почти застрахованной от неполадок. Да и сама технология холодного сна претерпела улучшения.

— Твой рассказ вызывает у меня двойственные чувства,— сказал Хортон.— Хотя догадываюсь, что для меня теперь пятьдесят лет больше или меньше — значения не имеет. Раз уж не дано дожить в своей эпохе, то, наверное, все равно, когда дожить. Сокрушаюсь я о другом — о том, что остался один. У меня, похоже, были недурные перспективы с Элен, да и двое других мне нравились. Надо думать, во мне живет еще и чувство вины за то, что они погибли, а я уцелел. Ты, по собственным твоим словам, спас меня потому, что я находился в камере номер один. Если бы не это, уцелел бы кто-то другой, а я был бы мертв.

— Вы не должны ощущать вины,— увещевал Никодимус.— Если искать тут виновных, то виновен я, но я не знаю за собой вины, поскольку логика говорит мне, что я не был способен на большее и действовал на пределе возможностей, отпущенных современной техникой. А вы не принимали в этом никакого участия. Вы не могли ничего сделать и не несете ответственности за чужое решение.

— Знаю, знаю. И все равно невольно думаю, что...

— Кушайте суп,— перебил Никодимус.— А то жаркое остынет.

Хортон съел ложку супчика и похвалил:

— Вкусно.

— Конечно вкусно. Я же сказал, что могу быть квалифицированным шеф-поваром.

— Можешь быть поваром? Странная манера излагать свои мысли. Ты или повар, или не повар. А ты твердишь, что можешь быть поваром. Точно так же ты заявлял, что можешь стать инженером. Не что ты инженер, а что можешь им стать. Сдается мне, друг мой, что ты многовато на себя берешь. Чуть раньше ты прозрачно намекал, что был еще и умелым техником холодного сна.

— Но я выражаюсь совершенно точно! — вознегодовал Никодимус.— Именно так и обстоит дело. Сейчас я шеф-повар, но могу быть инженером, или математиком, или астрономом, или геологом...

— Тебе нет нужды становиться геологом. В экспедиции уже есть геолог — это я. Элен была биологом и химиком...

— А может, когда-нибудь нам понадобятся два геолога,— заявил Никодимус.

— Не болтай ерунду,— отрезал Хортон.— Ни человек, ни робот не могут иметь сразу столько профессий, сколько, по твоим словам, ты приобрел или можешь приобрести. Каждая из них требует многих лет изучения, а пока учишь новые предметы и овладеваешь новой специальностью, волей-неволей забываешь что-нибудь из того, что знал прежде. Да больше того — ты же обыкновенный домашний робот без всякой специализации. Взгляни фактам в лицо — объем твоего мозга невелик, система реакций относительно примитивна. Корабль сказал, что тебя взяли в полет именно потому, что твоя конструкция очень проста и в тебе почти нечему выйти из строя.

— И все это более или менее справедливо,— согласился Никодимус.— Я таков, как вы описали. Сбегай да принеси — я не пригоден, пожалуй, ни на что большее. Объем мозга у робота-слуги и впрямь невелик. А если у меня не один мозг, а два или три...

Хортон швырнул ложку на стол.

— Ты спятил! Так не бывает!

— Нет, бывает,— спокойно ответил Никодимус.— У меня сейчас два мозга — прежний стандартный, тупой мозг слуги и мозг шеф-повара, а если бы я захотел, то мог бы прибавить еще один, только не знаю, какого рода мозг хорошо сочетался бы с мозгом повара. Быть может, мозг врача-диетолога, но такого мозга в комплекте не обнаружилось.

Хортон сумел сдержать себя, хоть это стоило ему немалых усилий.

— Давай-ка начнем сначала,— предложил он.— Объясняй с азов и не торопись, чтобы мой дурной человечий мозг поспевал за тобой.

— Это все пятьдесят лет,— заявил Никодимус.

— Какие пятьдесят лет, черт возьми?

— Пятьдесят лет отсрочки после того, как вас заморозили. Если люди возьмутся за дело целенаправленно, то за такой срок можно добиться многого и в теории, и на практике. Вы тренировались с весьма хитроумным роботом — с шедевром человекоподобия, самым совершенным из всех когда-либо созданных, не так ли?

— Твоя правда,— сказал Хортон.— Помню его ясно, словно это было вчера...

— Для вас,— заметил Никодимус,— только вчера. Что с тех пор прошла тысяча лет — для вас звук пустой.

— Порядочный был паршивец,— вспоминал Хортон.— Сухарь и зануда. Знал втрое больше нашего, а умел в десять раз больше. И обожал давать нам это понять самым гнусным способом, вежливо и елейно. Так елейно, что и не подкопаешься. Да все мы в глубине души ненавидели его, мерзавца, лютой ненавистью!

— Вот видите! — торжествующе воскликнул Никодимус.— Это не могло продолжаться. Создалась ситуация поистине нетерпимая. А если б его послали с вами в полет? Только подумайте о бесконечных трениях, о неизбежном столкновении характеров! Вот почему с вами я, а не он. Его оказалось невозможно использовать. Непременно нужен был смиренный олух вроде меня, робот, каким вы привыкли помыкать, не возражающий, чтоб им помыкали. Но простой смиренный олух вроде меня оказался бы неспособен без посторонней помощи прыгнуть выше собственной тупой головы — а в экспедиции возможно всякое. Вот они и напали на идею дополнительных мозгов, которые можно подключать к неповоротливому мозгу вроде моего основного.

— Значит, у тебя есть целый короб дополнительных мозгов, которые тебе остается только включать по мере надобности?

— Это не совсем мозги,— пояснил Никодимус.— Они называются «трансмоги», хоть я и не знаю почему. Кто-то мне однажды говорил, что это сокращение от слова «трансмогрификация»*. Существует такое слово?

— Понятия не имею,— ответил Хортон.

— Ну и ладно,— заявил Никодимус.— Короче, в моем распоряжении есть трансмог шеф-повара, трансмог врача, трансмог биохимика — в общем, идея вам понятна. И в каждом трансмоге записан полный курс соответствующего колледжа. Как-то раз я пересчитал их все, да запамятовал, сколько получилось. Дюжины две, наверное.

— Выходит, ты и в самом деле можешь починить туннель, о котором толковал Плотояд?

* В позднем средневековье этим мудреным словом обозначали чудесные превращения, метаморфозы. *(Здесь и далее примеч. пер.)*

— Не поручусь,— признался Никодимус.— Я же не знаю, что там заложено в трансмог инженера. Есть столько видов инженерии — инженер-химик, инженер-механик, инженер-электрик...

— По крайней мере, ты наверняка получишь общеинженерную подготовку.

— Обязательно. Но ведь не исключается, что туннель, о котором говорил Плотояд, построили не люди. Вряд ли людям хватило бы времени...

— А может, и хватило? У них же была почти тысяча лет, а за такой срок можно успеть очень многое. Вспомни, сколько нового наворотили за пятьдесят лет, про которые ты рассказывал.

— Знаю. Возможно, вы правы. Возможно, они решили, что хватит полагаться только на корабли. Если бы люди полагались только на корабли, они не могли бы уже сегодня очутиться так далеко в пространстве, и...

— Могли, если превысили скорость света. А если превысили, то дальше, может статься, нет никакого предела. Достаточно взять световой барьер — и пожалуйста, летайте себе быстрее света во сколько угодно раз...

— Не думаю, что они сумели построить сверхсветовые корабли,— заявил Никодимус.— С тех пор как меня включили в проект, я наслушался разговоров на эту тему. И ни у кого не было никакой отправной точки, не было даже отдаленного представления о том, с чего начинать. Гораздо вероятнее, что люди высадились на какой-то планете, не столь отдаленной, как наша, обнаружили там один из туннелей и теперь пользуются им.

— Ну, положим, пользуются не только люди.

— Нет, не только. Это совершенно очевидно хотя бы по Плотояду. А сколько еще рас путешествует по туннелям, немыслимо и гадать. Но что делать с Плотоядом? Если мы не сумеем наладить туннель, он захочет лететь вместе с нами.

— Только через мой труп.

— Знаете, я в общем разделяю ваши чувства. Он неотесанный тип, и погрузить его в холодный сон будет серьезной проблемой. Кроме того, прежде чем рискнуть, пришлось бы изучать его биохимию.

— Ты напомнил мне о том непреложном факте, что мы не возвращаемся на Землю. Но какая в том выгода? Может, ты знаешь, куда все-таки Корабль держит путь?

— Нет, не знаю. Разумеется, мы обсуждали это наряду с прочими темами. Уверен, что Корабль не пытался ничего от меня утаить. У меня такое чувство, что Корабль сам толком не решил, что делать дальше. Кажется, просто лететь и лететь и осматривать все, что по дороге. Вы, конечно, отдаете себе отчет, что при желании Корабль не затруднится подслушать все, о чем мы тут говорим.

— Меня это не беспокоит,— отозвался Хортон.— Сложилось так, что все мы попали сейчас в одну мышеловку. Причем ты на много больший срок, чем отпущено мне. И мне уж в любом случае придется цепляться за эту мышеловку до конца моих дней — у меня просто нет другой жизненной базы. Я в тысяче лет от дома и на тысячу лет отстал от нынешних землян. Корабль, несомненно, прав в своем утверждении, что, вернись я на Землю, я оказался бы ни к чему не годен. Конечно, я соглашаюсь с этим теоретически, а в глотке все равно встает ком. Будь со мной трое остальных, все, наверное, выглядело бы по-другому. Мной владеет чувство чудовищного одиночества.

— Вы не одиноки,— заявил Никодимус.— С вами Корабль и я.

— Да, вроде бы. Только я как-то все время забываю об этом.— Он отодвинулся от стола.— Ужин был превосходный. Жаль, что ты не мог отведать его вместе со мной. Как ты полагаешь, моему желудку не повредит, если я съем еще ломтик жаркого в холодном виде перед сном?

— На завтрак,— заявил Никодимус.— Если пожелаете, я подам вам ломтик на завтрак.

— Ладно, так и быть,— согласился Хортон.— Но меня, признаться, смущает еще одно. При такой организации, как у вас в экспедиции, зачем вам вообще человек? В эпоху, когда я проходил предполетные тренировки, иметь экипаж из живых людей казалось целесообразным. А сейчас? Ты и Корабль могли бы спокойно справиться с делом и без меня. Коль на то пошло, почему было попросту не выбросить нас на помойку? Зачем понадобилось утруждать себя и загружать нас на борт?

— Вы стремитесь унизить себя и человечество,— заявил Никодимус.— Это не более чем шоковая реакция на то, что вы сегодня узнали. В самом начале казалось существенным загрузить на борт как можно больше научных и технологических знаний, и этого можно было достичь, только взяв с собой людей — носителей знаний. Правда, к моменту старта были найдены иные способы передачи знаний в виде трансмогов, превращающих даже простейших роботов вроде меня в многосторонних специалистов. Тем не менее и при этих условиях мы, роботы, лишены одного фактора — странного фактора человечности, видимо чисто биологического. Его у нас нет, и его не удалось до сих пор воспроизвести никому из конструкторов, никому из робототехников. Вы упоминали о роботе — вашем партнере по тренировкам — и о том, как вы его ненавидели. Вот что происходит, если конструкторы, совершенствуя роботов, пересекут определенную черту. Вы закладываете высокие потенциальные возможности, но человечность, уравновешивающая эти возможности, отсутствует в принципе — и роботы, вместо того чтобы все более походить на людей, становятся самонадеянными до полной невыносимости. Вполне возможно, что так и будет всегда. Возможно, человечность — фактор, который нельзя воссоздать искусственно. Экспедицию к звездам можно бы осуществить вполне успешно с роботами и наборами трансмогов на борту, но это была бы уже не человеческая экспедиция, а ведь цель этой и всех других экспедиций — отыскать планеты, где могли бы жить люди Земли. Само собой разумеется, роботы могли бы провести наблюдения и прийти к каким-то решениям, и в девяти случаях из десяти наблюдения были бы точными и решения правильными, а в десятом случае — нет, потому что роботы глядели бы на все вокруг электронными глазами и принимали бы решения электронными мозгами, лишенными этого важнейшего фактора человечности.

— Твоя речь утешительна,— произнес Хортон.— Остается лишь надеяться, что ты не ошибаешься.

— Поверьте мне, сэр, не ошибаюсь.

Вмешался Корабль:

«Хортон, пора бы вам на боковую. Поутру к вам заявится Плотояд, и вам надо выспаться».

Глава 8

Но сон не приходил.

Он лежал на спине и пялился в темноту — и темнота низвергала на него необычность и одиночество, ощущения, которые он до этих самых минут не подпускал к себе.

«Только вчера,— так ведь сказал ему Никодимус.— Вы заснули холодным сном как бы только вчера, а столетия, что пришли и ушли потом, для вас звук пустой, меньше чем ничего...»

«А ведь действительно,— подумал он с удивлением и горечью,— я заснул как бы только вчера. А теперь я один, и остается лишь вспоминать и скорбеть». Скорбеть, лежа в темноте на планете, столь отдаленной от Земли, но для него лично явившейся в мгновение ока. Скорбеть оттого, что родная планета и люди, которых он знал вчера, скрылись в бездне времени.

Элен мертва, подумал он. Мертва и лежит под суровым сиянием чужих звезд на неизвестной планете незарегистрированного солнца, а кругом громады ледников из замерзшего кислорода на фоне черноты космоса и первобытных скал. Скалы не подвержены эрозии, неизменны тысячами и миллионами лет, и планета в целом неизменна, как сама смерть.

Они трое вместе — Элен, Мэри и Том. Только его не хватает, и не хватает потому, что волею судеб он оказался в камере номер один, а бестолковый, плоскостопый, придурковатый робот не додумался ни до чего другого, как руководствоваться номерами камер.

«Корабль»,— позвал он про себя.

«Спите!» — ответил Корабль повелительно.

«Да пошел ты! — вспылил Хортон.— Ты не вправе меня баюкать. Ты не вправе указывать, что мне делать. Спите, учишь ты. Расслабьтесь, советуешь ты. Забудьте обо всем, подразумеваешь ты».

«Мы не советовали и не советуем забывать,— ответил Корабль.— Воспоминания драгоценны. До той поры, пока в вас не иссякла скорбь, держитесь за воспоминания изо всех сил. И когда вы скорбите, то знайте, что мы скорбим вместе с вами. Ведь мы тоже помним Землю».

«Но ты не хочешь на нее возвращаться. Напротив, планируешь лететь дальше. После этой планеты ты намерен лететь дальше. Что ты рассчитываешь найти? Что ищешь?»

«Узнать об этом заранее невозможно. Мы не рассчитываем ни на что».

«И я полечу с вами?»

«Разумеется,— ответил Корабль.— Мы одна компания, и вы неотъемлемая часть ее».

«А планета? У нас есть время осмотреть планету?»

«Спешки нет,— ответил Корабль.— В нашем распоряжении все время Вселенной».

«Что это мы почувствовали нынче вечером? Это толика целого? Толика неизведанного, к которому мы стремимся?»

«Спокойной ночи, Картер Хортон,— сказал Корабль.— Мы еще поговорим. А сейчас подумайте о чем-нибудь приятном и постарайтесь заснуть».

«О чем же таком подумать?» — спросил он себя. Приятное осталось в прошлом, там, где синее небо с проплывающими по нему белыми облаками, там, где картинный океан ласкает своими длинными пальцами картинный пляж, а тело Элен кажется белее песка, на котором она лежит. Там, где горят костры пикников и ночной ветерок шуршит в листве почти невидимых деревьев. Там, где пламя свечей отражается на белоснежной скатерти, в выставленном на стол мерцающем фарфоре и искрящемся хрустале, и играет чуть слышная музыка, и все вокруг дышит покоем и довольством.

А здесь где-то в окружающем мраке неуклюже переступает Никодимус, стараясь не шуметь, и сквозь открытый внешний люк издалека доносятся какие-то скрипучие рулады. Наверное, насекомые, сказал он себе. Если, конечно, здесь водятся насекомые.

Он сделал попытку думать о планете, раскинувшейся за входным люком, но оказалось, что думать о ней невозможно. Она была слишком новой и странной для того, чтобы думать о ней. Зато выяснилось, что он способен вызвать к жизни пугающую картину необъятного безмолвного пространства, отделяющего эту планету от Земли, и перед мысленным взором предстала крошечная точечка Корабля, блуждающая по подавляюще огромному ничто. Не спрашивая

Хортона, ничто вновь преобразилось в одиночество, и он, тяжело вздохнув, повернулся на бок и зарылся в подушку с головой.

Глава 9

Плотояд явился, едва рассвело.

— Прекрасно,— возвестил он.— Вы готовы. Мы двинемся не спеша. Идти недалеко. Перед отбытием я проверил туннель. Туннель не исправился.

Он повел их вверх по крутому склону холма и сразу же вниз в лощину, такую глубокую и вдобавок заросшую лесом, что на дне еще не рассосалась ночная мгла. Деревья уходили ввысь, стволы в нижней части, футов на тридцать от почвы, были почти лишены ветвей. Лес в общем напоминал земной, хотя, как заметил Картер Хортон, кора выглядела чешуйчатой, а листья — скорее пурпурно-черными, чем зелеными. Под деревьями было почти голо, подлесок практически отсутствовал, лишь кое-где торчали редкие хрупкие кустики. Время от времени среди опавших ветвей перебегали крошечные верткие зверушки, но Хортону так и не выпало случая их рассмотреть.

На склонах там и сям виднелись скальные обнажения, а когда путники перевалили следующий холм и пересекли узкий, но шумный ручей, на дальнем его берегу их поджидали настоящие небольшие утесы. Плотояд показал им расщелину, тропинка стала еще круче, взобраться наверх удалось с трудом. Утесы, как определил Хортон, были сложены из пегматита. Осадочных напластований не было и в помине.

Расщелина вывела их на холм, который перешел в гребень повыше двух предыдущих. На верхушке были набросаны валуны, вдоль гребня бежал невысокий скальный уступ. Плотояд опустился на каменную плиту и похлопал по ее поверхности, приглашая человека сесть рядом.

— Здесь задержимся и переведем дух,— объявил он.— Местность сильно пересеченная.

— Далеко нам еще? — поинтересовался Хортон.

Плотояд взмахнул пучком щупалец, служившим ему рукой.

— Еще два холма,— объявил он,— и мы почти пришли. Да, между прочим, уловили вы вечером Божий час?

— Божий час?

— Шекспир прозвал его так. Что-то спускается с небес и трогает каждого. Словно там наверху кто-то есть.

— Да,— подтвердил Хортон,— мы это уловили. Ты не можешь объяснить нам, что это такое?

— Не знаю,— ответил Плотояд,— мне оно не нравится. Без спроса заглядывает в нутро. Отворяет все мозги до печенок. Вот почему я покинул вас стремительно. Оно меня нервирует. Лишает сил. Но я вчера промедлил. Оно захватило меня на полдороге.

— Выходит, ты знал заранее, что оно придет?

— Оно приходит каждый день. Почти каждый день. Бывает иногда, хоть и неподолгу, что оно не показывается. А потом приходит опять и движется по часам дня. Нынче оно приходит вечерами. Каждый вечер на малое время позже. Движется и днем и ночью. Час меняется, хоть перемена почти незаметна.

— И это происходило в течение всех лет, что ты здесь?

— Всех-всех,— подтвердил Плотояд.— Оно не оставляет в покое.

— Ты не догадываешься, что это?

— Шекспир говорил, оно из космоса. Он говорил — оно вроде как далеко в космосе. Оно приходит, когда точка планеты, где мы есть, поворачивается к некой точке в дальнем пространстве.

Пока шел разговор, Никодимус бродил по скальному уступу, то и дело наклоняясь и подбирая отдельные каменные осколки. Теперь он гордо направился к Хортону, протягивая штук пять мелких камушков.

— Изумруды,— объявил он.— Освобождены выветриванием и лежат просто так на земле. В основной породе их еще больше.

Хортон принял добычу, высыпал на ладонь и принялся разглядывать, помогая себе указательным пальцем. Плотояд пододвинулся поближе, наклонился, любопытствуя, и высказался:

— Красивенькие камни...

— Нет, черт побери,— отозвался Хортон.— Куда лучше, чем камни. Это действительно изумруды.— Он смерил Никодимуса подозрительным взглядом.— А ты-то откуда узнал?

— Я взял трансмог охотника за минералами,— ответил робот.— Вставил трансмог инженера, но там еще оставалось место, вот я и добавил трансмог охотника...

— Охотник за минералами, подумать только! Какого дьявола тебе понадобился такой трансмог?

— Каждому из нас,— степенно ответил Никодимус,— было разрешено включить в комплект один трансмог — увлечение. Для нашего личного удовольствия. Существуют трансмоги филателиста, и шахматиста, и множество других. Но мне подумалось, что трансмог охотника за минералами...

Хортон вернул робота к вопросу об изумрудах.

— Ты говоришь, там еще есть?

— Предполагаю, что здесь целое состояние. Изумрудные копи.

Плотояд так и вскинулся:

— Состояние?

— Он прав,— сказал Хортон.— Весь холм может оказаться сплошным месторождением.

— Эти красивенькие камни имеют ценность?

— У моего народа имеют, и немалую.

— Никогда не слышал ничего подобного,— объявил Плотояд.— Для меня звучит совершенно безумно. Всего-навсего камни, красивенькие, приятные глазу. Но что с ними делать? — Он неспешно поднялся на ноги.— Пора идти дальше.

— Хорошо,— согласился Хортон.— Пойдем дальше.

И вернул изумруды Никодимусу.

— Надлежало бы осмотреть все вокруг...

— Еще успеем,— сказал Хортон.— Никуда они не денутся.

— Надо провести основательную разведку,— настаивал робот,— в интересах Земли...

— Землю можно больше не принимать во внимание,— сказал Хортон.— Вы с Кораблем не оставили на этот счет сомнений. Что бы ни случилось, что бы мы ни нашли, Корабль возвращаться не намерен.

— Вы говорите непостижимо для меня,— вставил Плотояд.

— Извини нас,— успокоил его Хортон.— Просто небольшая шутка, понятная нам двоим. Не стоит и объяснять.

Они спустились с холма, пересекли еще одну лощину, потом полезли на новый склон. Передышек больше не было. Солнце поднялось выше и отчасти растопило лесную мглу. Становилось тепло.

Плотояд двигался вроде бы неуклюже, но шаг его был удивительно быстр и легок. Хортон пыхтел, стараясь не отставать, а Никодимус замыкал шествие. Но на робота Хортон не оборачивался, все его внимание было сосредоточено на идущем впереди: он напряженно соображал, что это все-таки за существо. Дикарь и неряха, на сей счет не может быть двух мнений, но норовистый, нацеленный на убийство и потенциально опасный. Пока что держится достаточно дружелюбно, болтает без конца про своего сердечного друга Шекспира, но держи ухо востро. Вроде бы никаких признаков, что он может изменить добродушию и утратить хорошее настроение. И нет сомнения, что к этому человеку, Шекспиру, дикарь был привязан вполне искренне — а ведь не постеснялся признаться, что сожрал Шекспира. Тревожно. Совершенная загадка, что Плотояд не распознал ценности изумрудов. Кажется невероятным, что разум, каков бы он ни был, неспособен догадаться о стоимости драгоценных камней. Если только нет культур, полностью равнодушных к украшениям.

Они вскарабкались еще на один холм и стали спускаться, но не в лощину, а в чашеобразную впадину, опять-таки окруженную со всех сторон холмами. И вдруг Плотояд остановился так резко, что Хортон, шедший за ним по пятам, налетел на него.

— Вот,— указал Плотояд куда-то.— Отсюда можно увидеть. Мы почти добрались.

Хортон взглянул в предложенном направлении, но не разглядел ничего, кроме леса.

— То, белое? — спросил Никодимус.

— Именно,— радостно откликнулся Плотояд.— В белизне все и дело. Я держу его чистым и белым, соскребаю траву, что норовит вырасти меж камней, отмываю от пыли. Шекспир называл его греческим. Поведай мне, сэр, или ты, робот, что значит «греческий»? Я спрашивал у Шекспира, однако он смеялся в ответ. Качал головой и твердил, что это долгая история. Мне кажется иногда, он сам не знал ответа. Просто повторял слово, от кого-то услышанное.

— Греческий — от имени земного народа, который назывался «греки»,— сказал Хортон.— Греки добились величия много-много веков назад. Здания, построенные в стиле, какой они предпочитали тогда, именуют греческими. Но это очень общее выражение. У греческой архитектуры много особенностей.

— Построено просто,— объявил Плотояд.— Стена, крыша и дверь. Вот и все. Но добротное жилище, должен вам сказать. Не пропускает ни ветра, ни дождя. Ты его еще не видишь? — Хортон покачал головой.— Скоро увидишь. Мы прибудем очень скоро.

Они спустились с холма на дно чаши, и тут Плотояд остановился опять. Показал на тропинку.

— В эту сторону домой. А в эту, не более двух шагов, к роднику. Желаешь испить доброй водицы?

— Не откажусь,— сказал Хортон.— Марш был утомительный. Не так уж далеко, но все время вверх-вниз.

Родник бил прямо из склона. Вода собиралась в промоине, выточенной в камне, и стекала по каплям через край, образуя маленький ручеек.

— Ты пьешь первым,— предложил Плотояд.— Ты мой гость. Шекспир учил, что гость получает все первым. Я был гостем Шекспира. Он явился сюда до меня.

Хортон опустился на колени и, наклонив голову, коснулся губами воды. Она была такой холодной, что обжигала горло. Потом он сел на корточки, а Плотояд встал на четвереньки, припал к воде и принялся не пить, а лакать — как лакал бы кот, подхватывая воду языком.

А Хортон, сидя на корточках у родника, впервые по-настоящему оценил мрачную красоту окружающего леса. Деревья казались мощными и темными невзирая на яркий солнечный свет. Они не были хвойными и все же напоминали о темных сосновых лесах северных окраин Земли. Вокруг родника и вверх по склону, с которого только что довелось спуститься, росли кустики не более трех футов в высоту, зато броского кроваво-красного цвета. Ни с того ни с сего подумалось, что до самой этой минуты он не замечал ни на одном из растений ни цветов, ни плодов. Он взял эту странность на заметку и решил, выждав момент, навести справки.

Наполовину одолев подъем по тропинке, он разглядел наконец дом, который давно и безуспешно показывал Плотояд. Дом стоял на бугре посреди небольшой прогалины. И действительно показался Хортону греческим, хоть он никак не был знатоком ни греческой, ни какой-либо иной архитектуры. Маленький дом жестких и простых линий, почти коробочка. Ни портика, ни малейшего изыска — четыре стены, гладкая неукрашенная дверь да крыша с пологими скатами, конек не слишком высоко.

— Шекспир жил здесь, когда я прибыл,— сообщил Плотояд.— Я поселился вместе. Мы жили счастливо здесь. Планета не лучше старой задницы, но счастье светит нам изнутри.

Они вышли на прогалину и подошли к дому тесной группой. До двери оставался десяток футов, когда Хортон поглядел вверх и неожиданно увидел деталь, прежде не примеченную: линялая ее белизна терялась на фоне белого камня. Теперь он застыл, пораженный ужасом. Над дверью был прикреплен оскаленный человеческий череп.

Плотояд перехватил его взгляд.

— Шекспир приветствует нас,— сообщил он.— Это череп Шекспира.

Рассматривая череп зачарованно и боязливо, Хортон обратил внимание, что у Шекспира не хватало двух передних зубов.

— Трудно было прибить Шекспира там, наверху,— повествовал Плотояд.— Плохое для него место, кость выветривается и крошится, однако так он просил. Череп над дверью, учил он меня, кости в мешках повесить внутри. Я выполнил все, как он сказал, хоть задача была прискорбной. Я делал так вопреки себе, но из чувства долга и чувства дружбы.

— Шекспир сам просил тебя сделать это?

— Разумеется. Неужели ты думаешь, что я дерзнул бы сам?

— Право, не знаю, что и думать.

— Обычай смерти,— сообщил Плотояд.— Съесть его точно тогда, когда он умирает. Исполнить обряд в роли священника, сказал он. Я сделал, как он велел. Обещал не подавиться и не подавился. Собрал всю волю и съел, какого бы дурного вкуса он ни был, до последнего хрящика. Обгрыз кости тщательным образом, чтобы на них ничего не осталось. Было больше, чем я хотел. Живот чуть не лопнул, а я ел и не прервался ни на мгновение, пока он не кончился совсем. Сделал все

как полагается. Сделал со всей праведностью. Не опозорил своего друга. Я был его другом, единственным на планете...

— А что, может быть,— объявил Никодимус.— Человечество подчас возрождает специфические обычаи. Друг поглощает друга в знак преданности и уважения. Доисторические племена практиковали ритуальный каннибализм — лучшему другу или великому человеку оказывали особую честь тем, что его поедали.

— Но то доисторические племена,— возразил Хортон.— Никогда не слышал, чтобы в нынешнюю эпоху...

— Миновала тысяча лет,— напомнил Никодимус,— с той поры, как мы были там, на Земле. Время более чем достаточное для развития любых самых странных верований. Возможно, доисторические племена знали что-то, чего мы не знаем. Возможно, в ритуальном каннибализме была своя логика, и за последнюю тысячу лет ее открыли заново. Даже если логика извращена, в ней могут быть привлекательные черты.

— Ты говоришь,— встревожился Плотояд,— что у твоей расы нет такого обычая? Тогда я не понимаю...

— Тысячу лет назад не было, а сейчас, возможно, и есть.

— Тысячу лет назад?

— Мы покинули Землю тысячу лет назад. Даже не исключается, много раньше, чем тысячу лет назад. Нам неизвестна математика растяжения времени. Может статься, прошло много больше, чем тысяча лет.

— Но ни один человек не живет тысячу лет!

— Верно, но я спал холодным сном. Мое тело было заморожено.

— Заморожено — значит мертвое.

— Нет, не мертвое, если заморозить умеючи. Когда-нибудь я объясню подробнее.

— Вы двое не думаете обо мне плохо оттого, что я съел Шекспира?

— Разумеется, нет,— ввернул Никодимус.

— Прекрасно, что нет,— объявил Плотояд.— А то бы вы не взяли меня с собой, когда вам придет пора улетать. Самое сокровенное мое желание — удалиться с этой планеты скоропспешно, как только сумею.

— А вдруг нам удастся починить туннель? — напомнил Никодимус.

— Если да, ты сможешь покинуть планету по туннелю.

Глава 10

Туннель был десять футов на десять — квадрат зеркальной тьмы, врезанный в небольшую скалу, которая выдавалась вверх из скального же основания совсем неподалеку от греческого домика, чуть ниже по склону. Между домиком и этой скалой бежала тропа, протоптанная до камня и даже, казалось, углубленная в самый камень. Когда-то в прошлом здесь, по-видимому, ходили много и часто.

— Когда он работает,— Плотояд указал жестом на зеркальную тьму,— он не черный, а ослепительно белый. Войдешь в него, и второй шаг выведет куда-нибудь в другое место. Теперь идешь, а он пихается. Нельзя подойти. Там ничего нет, а все равно пихается.

— Но при пользовании туннелем,— сказал Хортон,— я имею в виду, если он работает и может куда-то вывести, как определить, куда именно он выведет?

— Определить никак нельзя,— ответил Плотояд.— Когда-то, может быть, путник заказывал, куда ему надо, но не сейчас. Вон там, рядом,— он помахал щупальцами,— есть такой механизм, контрольный ящик называется. Когда-то, может быть, с помощью ящика выбирали нужное направление, а сейчас никто не помнит, как с ним обращаться. Только ведь это на самом деле не важно. Не понравилось там, где высадился, шагай назад в туннель и попадешь в другое место. Может, не с первого раза, но всегда попадешь куда-нибудь, где понравится. Я бы рад убраться отсюда куда угодно.

— Звучит не вполне логично,— заявил Никодимус.

— Конечно нелогично,— подхватил Хортон.— Должно быть, вся система пошла наперекосяк. Никто в здравом уме не станет строить неизбирательную транспортную сеть. Этак понадобятся века и века, чтоб добраться до места назначения,— если тебе повезет и ты доберешься до него вообще.

— Хорошо зато,— безмятежно заметил Плотояд,— для того, кто хотел бы уклониться от неприятностей. Никому, и даже тебе самому, неведомо, куда занесет. Погоня видит, как ныряешь в туннель, ныряет следом, а он берет и доставляет их в другое место, нежели тебя.

— Ты знаешь это по опыту или строишь догадки?

— Полагаю, догадки. Кто может знать про то достоверно?

— Вся система несостоятельна,— заявил Никодимус,— если она действует наудачу. Это не путешествие. Это азартная игра, и туннель всегда выигрывает.

— Но этот туннель никуда не ведет,— плакался Плотояд.— Я не привередничаю, куда попасть. Куда угодно, подальше отсюда. Пламенная моя надежда, чтобы вы починили туннель и он забрал бы меня хоть куда-нибудь.

— Подозреваю,— сказал Хортон,— что туннель построили тысячи лет назад, а потом забросили и оставили на несколько веков без присмотра. Перестали ремонтировать, вот он и сломался.

— Однако это не главное,— объявил Плотояд.— Главное — возможно ли для вас починить его?

Никодимус пододвинулся к контрольному устройству, расположенному у кромки туннеля и утопленному в скалу заподлицо.

— Не знаю, выйдет ли,— признался Никодимус.— Не могу даже прочесть показания приборов, если это приборы. Некоторые выглядят так, будто ими можно управлять, но это тоже не наверняка.

— Почему бы не попробовать и не посмотреть, что получится? — предложил Хортон.— Вреда это точно не принесет. Хуже, чем есть, не будет.

— Тоже не могу,— пожаловался Никодимус.— Не могу до них дотронуться. Похоже, они прикрыты каким-то силовым полем. Толщиной оно, может, с папиросную бумагу, но кладу пальцы на приборы, вернее, думаю, что кладу, а контакта нет. На самом деле я до них не дотрагиваюсь. Чувствую их под пальцами, а притронуться не могу. Будто их покрыли скользкой смазкой.— Он поднял руку и пристально оглядел ее.— Но тут и смазки никакой нет...

— Треклятая штука работает лишь на прибытие,— скулил Плотояд.— А должна работать и на прибытие, и на отъезд...

— Держи себя в руках,— бросил Никодимус.

— Ты по-прежнему думаешь, что сумеешь справиться? — обратился к роботу Хортон.— Ты сказал, тут силовое поле. Смотри, еще взорвешься. Что ты вообще знаешь о силовых полях?

— Ничего,— весело сообщил Никодимус.— До настоящей минуты я не знал даже, что они существуют. Просто взял и

назвал их так. Термин возник у меня в голове сам собой. Я не знаю, что он означает.

Он достал коробку с инструментами, положил ее наземь и, опустившись на колени, принялся раскладывать ключи и приспособления на скальной тропе.

— Это вещи для того, чтоб его чинить! — возликовал Плотояд.— У Шекспира не было таких вещей. Нет у меня треклятых инструментов, говорил он.

— Очень бы ему помогло, если б они у него и были,— заявил Никодимус.— Мало их иметь, надо еще знать, как ими пользоваться.

— А ты-то знаешь? — съязвил Хортон.

— Вы чертовски правы, я-то знаю,— заявил Никодимус.— Я включил трансмог инженера.

— Инженеры не пользуются инструментами. Ими пользуются рабочие, а не инженеры.

— Не раздражайте меня,— заявил Никодимус.— Довольно мне взглянуть на инструмент и взять его в руки, и мне сразу же все понятно.

— Ну не могу я смотреть на эту чепуху! — воскликнул Хортон.— Я лучше уйду. Плотояд, ты упоминал о развалинах какого-то города. Пойдем-ка осмотрим их.

Плотояд разволновался.

— А если ему потребуется помощь? Может быть, кто-то должен подавать ему инструменты. Или понадобится моральная поддержка...

— Понадобится не просто моральная поддержка,— заявил робот.— Понадобится удача большими дозами, и озарение свыше тоже не повредит. Ступайте, осматривайте свой город.

Глава 11

Даже при самом пылком воображении назвать это городом было нельзя. Дюжины две зданий, и ни одного большого. Продолговатые каменные постройки имели барачный вид. Располагались они примерно в полумиле от домика, украшенного черепом Шекспира, на невысоком взгорке над стоячим прудом. Меж постройками росли густые кусты, а кое-где и деревья. Отдельные деревья угнездились так близко к стенам, что

сдвинули или развалили кладку. По большей части постройки совсем утонули в зарослях, и все же там и сям змеились тропинки.

— Шекспир прорубил тропинки,— пояснил Плотояд.— Он постигал и исследовал, а кое-что приносил домой. Немного и иногда. Когда что-то захватывало его внимание. Он говорил, не подобает тревожить мертвых.

— Мертвых?

— Видимо, я выражаюсь чрезмерно и неестественно. Правильнее сказать, ушедших, тех, что удалились. Хотя это тоже звучит неправильно. Можно ли потревожить тех, что удалились?

— Постройки все одинаковые,— отметил Хортон.— Мне они напоминают бараки.

— Бараки — слово, какого я не постигаю.

— Дома, где ютилось много людей.

— Ютилось? Это значит — они тут жили?

— Верно. Когда-то здесь жили какие-то люди. Торговая фактория, скорее всего. Бараки и склады.

— Здесь не с кем торговать.

— Ну хорошо, пусть это были следопыты, охотники, рудокопы. Тут есть изумруды, которые нашел Никодимус. Планета может быть богата залежами драгоценных камней или золотоносным песком. Или пушными зверями...

— Никаких пушных зверей,— уверенно заявил Плотояд.— Только мясные звери. Горстка слабосильных хищников. Ничего, способного внушить страх.

Несмотря на белизну камня, использованного для кладки, постройки производили убогое впечатление, словно строились просто лачуги. Не приходилось сомневаться, что в свое время здесь расчищали поляну,— лес пробирался на бывшую поляну, теснил ее, и все-таки поодаль деревья стояли более плотной стеной. А постройки, пусть убогие, возведены были основательно, прочно.

— Их строили на века,— заметил Хортон.— Это не было временное поселение, или, по меньшей мере, его не считали таковым. Странно, что домик, где поселились вы с Шекспиром, поставлен отдельно от остальных. Можно, по-моему, допустить, что он служил сторожевой будкой, чтобы не спускать глаз с туннеля. А эти бараки — вы их обследовали?

— Только не я,— заявил Плотояд.— Они меня отвращают. В них что-то противное. Небезопасное. Войти туда, как угодить в ловушку. Я бы не поборол опасения, что ловушка замкнется за мной и я никогда не выйду наружу. А Шекспир любопытствовал и лазил, к моему беспокойству. Выносил всякие маленькие штучки и восторгался. Хотя, я говорил уже, трогал он очень мало. Повторял, что надлежит оставить для других, которые разбираются.

— Для археологов?

— Таково слово, что я искал. Оно неудобное для языка. Шекспир говорил, постыдно портить до археологов. Они познают многое разное там, где мы не познаем ничего.

— Но ты же упоминал...

— Маленькие штучки исключительно. Легкие на подъем и, возможно, ценные. Он говорил, негоже отворачиваться, когда состояние плывет в руки.

— А думал Шекспир о том, что здесь было раньше?

— Мысли об этом возникали у него часто. Главным образом он спрашивал после тяжких раздумий, не было ли устроено здесь место для злоумышленников.

— Исправительная колония?

— Чтоб он применял такие слова, мне не припоминается. Однако он предполагал место, где держат тех, кого в других местах не хотят. Он думал гадательно, не работал ли этот туннель всегда в одну сторону. Никогда в обе стороны, но только в одну. Чтобы кого послали сюда, тот не мог вернуться.

— А что, предположение имеет смысл,— сказал Хортон.— Хоть это и не обязательно. Если туннель забросили в далеком прошлом, он был долгое время без надзора и постепенно сломался. Ты говорил, что, войдя в туннель, ты не знал, куда попадешь, и что двое вошедших подряд могут очутиться в разных пунктах,— но так не должно быть. Создавать транспортную сеть, действующую без определенной системы, нецелесообразно. При подобных условиях не похоже, что нашлось бы много желающих пользоваться туннелями. Чего я никак не возьму в толк, так это одного: вам-то с Шекспиром зачем вздумалось лезть в туннель?

— Туннели привлекают тех и только тех,— жизнерадостно заявил Плотояд,— кому на все наплевать. Тех, кто лишен выбора и согласен попасть в места, куда никто бы в здравом

уме не сунулся. Однако все туннели без исключения ведут на планеты, где можно жить. Где есть воздух дышать. Где не слишком жарко и не слишком холодно. Ни одной такой, где сразу умрешь. Но много планет никчемных. Много планет, где нет никого, а то и никогда не было.

— У тех, кто создавал туннели, наверное, были причины проложить их на много планет, в том числе и на те, которые ты называешь никчемными. Интересно бы выяснить, что это за причины.

— Ответа нет ни у кого,— заявил Плотояд,— только у тех, кто придумал туннели. Они ушли. Они теперь где-то или нигде. Никому не ведомо, кто они были и где их искать.

— Но ведь некоторые миры, куда ведут туннели, населены? Населены людьми, я имею в виду...

— Это воистину так, если есть склонность смотреть на людей широко и не слишком волноваться от их вида. На многих туннельных планетах того и гляди беда. На самой последней, где мне выпало быть перед этой, беда пришла очень скоро, и весьма большая.

Они неспешно шли по тропинкам, вьющимся меж строениями. И зашли в тупик, тропинка уткнулась в непролазно густой чащобник. Впрочем, нет: она доводила до двери в одно из зданий.

— Войду,— решил Хортон и добавил, обращаясь к Плотояду: — Если не хочешь со мной, подожди снаружи.

— Подожду непременно,— ответил тот.— Когда я внутри, у меня ползает по спине и прыгает в животе.

В здании была темень. А еще сырость, затхлость и озноб, пробирающий до костей. Хортон напрягся, ощутив потребность бежать, вынырнуть вновь на солнечный свет. Все вокруг было чужеродным — это не определялось точно, но чувствовалось. Словно он попал куда-то, куда не имел права попадать, вторгся во что-то, чему следовало оставаться во мраке на веки вечные.

Поставив ноги как можно тверже, он усилием воли заставил себя остаться, хоть по спине все отчетливее бежали мурашки. Глаза мало-помалу привыкли к темноте, из нее проступили контуры предметов. У стены справа высилось деревянное сооружение, которое не могло быть ничем иным, кроме шка-

фа. Сооружение обветшало от времени — Хортон не сомневался, что толкни — и обрушится. Дверцы держались на запоре с помощью каких-то деревянных кнопок. Подле шкафа стояла скамья на четырех подпорках, тоже деревянная, с большими трещинами по верху. На скамье виднелось нечто вроде глиняного горшка с треугольным сколом на горловине, возможно кувшин для воды. С другого бока на скамью был поставлен сосуд наподобие вазы, и это уж точно была не глина. Материал был похож на стекло, хотя лежащая повсюду мелкая пыль не давала судить об этом с уверенностью. Неподалеку от скамьи торчал еще один предмет, по всем признакам стул. Четыре ножки, сиденье, наклонная спинка. На спинке висел кусок ткани, формой напоминающий шляпу. А на полу перед стулом лежало, по всей вероятности, блюдо — овал керамической белизны — и на нем кость.

Некое существо, сказал себе Хортон, сидело на этом стуле с блюдом на коленях — сколько же лет прошло? — сидело и ело мясо, быть может, обгладывало кость, держа ее в руках или в конечностях, заменяющих руки, и под боком у существа был кувшин с водой, а может, даже с вином. Покончив с костью или съев столько, сколько ему хотелось, существо опустило блюдо на пол и — почему бы нет? — откинулось на спинку стула и удовлетворенно похлопало себя по набитому брюху. Потом оставило блюдо с костью на полу и ушло, но почему-то не вернулось. И никто не вернулся, а блюдо осталось.

Хортон застыл в полумраке, завороженно глядя на скамью, стул и блюдо. Чувство чужеродности частично улетучилось: ему открылся кусочек прошлого существ, которым, каков бы ни был их облик, были присущи какие-то элементы человечности, не исключено, общие для всей Вселенной. Может, существо решило устроить себе легкий ужин на сон грядущий — но что случилось после этого легкого ужина?

Стул, чтобы сидеть на нем, скамья, на которую можно поставить кувшин, блюдо, на котором держали мясо,— а ваза? Что можно сказать о вазе? Круглая колба с длинным горлышком и широким устойчивым дном. Пожалуй, скорее бутылка, чем ваза, решил Хортон.

Сделав шаг вперед, он потянулся за вазой, но нечаянно задел шляпу, висящую на спинке стула,— если это была шля-

па. При первом же прикосновении она распалась. В воздухе поплыло невесомое облачко пыли.

Нащупав вазу-бутылку, Хортон поднял ее и заметил, что на круглой колбе вырезаны какие-то картинки и символы. Крепко взял вазу за горлышко, поднес ее поближе к лицу и стал вглядываться в отделку. Первым в глаза бросилось диковинное существо: оно стояло внутри какой-то загородки с островерхой крышей, увенчанной шариком. Ни дать ни взять, подумал он, как если бы существо забралось в жестяную кухонную коробку, например для чая. А само существо — можно ли считать его гуманоидным или это просто животное, поднявшееся на спичкообразные задние лапы? У него была только одна передняя конечность и тяжелый хвост, задранный вверх под углом к прямостоящему телу. Вместо головы был гладкий пузырь, от которого отходили шесть совершенно прямых линий — три налево, две направо и одна вертикально вверх.

Поворачивая бутылку (или все-таки вазу?) туда-сюда, он разглядел и второстепенные подробности гравировки. Одна под другой шли две горизонтальные черты, связанные друг с другом частоколом вертикальных черточек. Если это здания, тогда вертикальные черточки, быть может, обозначают столбы, подпирающие крышу? Вокруг виднелось множество закорючек и наклонных овалов, а также короткие ряды меток неправильной формы — возможно, слова на неизвестном языке. А что может означать башня, на верхушке которой расположены три фигуры, смахивающие на лисиц из древних земных легенд?

Снаружи, с тропинки, раздался зычный зов Плотояда:

— Хортон, у тебя все в порядке?

— В полном порядке,— откликнулся Хортон.

— Я терзаюсь за тебя. Пожалуйста, выходи. Пока ты остаешься там, я снедаем беспокойством.

— Ладно,— сказал Хортон,— выхожу, *не беспокойся*.

Бутылку он не бросил и вышел наружу, держа ее в руках.

— Ты нашел образчик для интереса,— отметил Плотояд, поглядывая на трофей с опаской.

— Да, погляди-ка.— Хортон поднял бутылку и медленно повернул ее, показывая со всех сторон.— Здесь изображена какая-то форма жизни, хотя трудно сказать определенно, что это такое.

— Шекспир находил похожие. Тоже с разными пометами, но не точно такими же. Он тоже мыслил с недоумением и долго, что это есть.

— Может, это изображение людей, которые жили здесь.

— Шекспир говорил также, однако уточнил суждение, что это лишь мифы о людях, которые здесь были. Пояснил он мне, что мифы означают расовые воспоминания, события, какие память нередко ошибочно полагает случившимися в прошлом.— Тут Плотояд беспокойно пошевелился, добавив: — Пошли бы мы назад. Мой живот рычит и требует насыщения.

— Мой тоже,— признался Хортон.

— Имею мясо. Убитое только вчера. Составишь ты мне компанию съесть его?

— С удовольствием,— отозвался Хортон.— У меня есть припасы, но не столь замечательные, как мясо.

— Мясо еще не очень тухлое,— объявил Плотояд.— Завтра пойду убивать опять. Люблю мясо свежим. Потребляю тухлое только по крайней нужде. Полагаю, ты подвергаешь мясо воздействию огня, в точности как Шекспир.

— Да, я люблю мясо приготовленным.

— Сухой древесины в достатке, дабы развести огонь. Сложена возле дома, только поджечь. Топка перед домом. Ты ее, полагаю, видел.

— Да, конечно, я видел на дворе место для костра.

— А тот, другой? Он тоже потребляет мясо?

— Он вообще не ест.

— Непостижимо,— объявил Плотояд.— Каким же образом держит он свою силу?

— У него есть так называемая батарея. Она снабжает его пищей иного рода.

— Думаешь, твой Никодимус не исправил туннель моментально? Там, около, ты как будто предполагал так.

— Думаю, что починка может занять определенное время,— сказал Хортон.— У Никодимуса не было представления, как устроен туннель, и никто из нас не в состоянии ему помочь.

Они шли обратно по извилистой тропинке, когда Хортон спросил:

— Откуда так несет? Словно рядом дохлятина, если не хуже...

— Это пруд,— пояснил Плотояд.— Ты должен был заприметить его.

— Да, заметил по дороге сюда.

— Запах совершенно невыносимый,— объявил Плотояд.— Шекспир именовал это место «Вонючий Пруд».

Глава 12

Хортон сидел на корточках у огня, надзирая за куском мяса, шипящим на углях. Плотояд, расположившись по другую сторону костра, вгрызался в ломоть, зажатый в щупальцах. Рыло его было испачкано кровью, она ручейками сбегала по шее.

— Ты не возражаешь? — справился Плотояд.— Мой живот страдал чрезвычайно, требуя пропитания.

— Нисколько не возражаю,— отозвался Хортон.— Мой собственный живот получит пропитание через минуту.

Предвечернее солнце пригревало спину. Жар костра бил в лицо, и Хортон ощутил позабытую радость и комфорт походного лагеря. Костер горел прямо перед фасадом белоснежного домика, со стены весело скалился череп Шекспира. В тишине отчетливо слышалось, как бормочет ручей, бегущий от родника.

— Когда справимся с едой,— объявил Плотояд,— я покажу тебе вещи Шекспира. Я их упаковал бережно. Ты заинтересован их посмотреть?

— Конечно,— ответил Хортон.

— Во многих отношениях,— продолжал Плотояд,— Шекспир был назойливый малый, хоть мне он нравился очень. Никогда не уверен, нравился я Шекспиру или нет, хоть полагаю, что да. Мы жили в мире. Работали вместе ладно. Беседовали подолгу. Рассказывали друг другу о многом и разном. Однако я чувствовал неустранимо — он потешается надо мной, хотя зачем ему потешаться, не постигаю. Полагаешь ли ты, Хортон, что я смешной?

— Ни в коем случае. Тебе, наверное, померещилось.

— Можешь ли ты сообщить мне, что значит «треклятый»? Шекспир постоянно говорил так, и я впал в привычку вслед за ним. Но никогда не постигал смысла. Вопрошал его, а он не объяснял. Только смеялся надо мной, глубоко внутри себя.

— У этого слова нет какого-то особого смысла. Обычно нет. Его применяют для выразительности, не придавая этому значения. Просто присловье такое. К тому же в большинстве своем люди пользуются этим словом нечасто. Некоторые пользуются, но большинство воздерживается и вспоминает это слово только при эмоциональной нагрузке.

— Тогда оно ничего не значит? Всего лишь фигура речи?

— Совершенно верно.

— Когда я говорил о магии, он обозвал ее треклятой дурью. Выходит, он не имел в виду особенную разновидность дури?

— Нет, он имел в виду дурь вообще.

— Ты тоже полагаешь магию дурью?

— Я не готов к ответу. Честно говоря, никогда особенно об этом не задумывался. По-моему, если применять магию легкомысленно, она может стать дурью. А возможно, магия — это то, чего вообще никто не понимает. Ты что, веришь в магию? Или даже занимаешься магией?

— Мой народ разработал за много лет великую магию. Иногда она помогает, иногда нет. Я говорил Шекспиру: давай сложим наши две магии, может быть, вместе они откроют туннель. Тогда он и обозвал магию треклятой дурью. Сказал, нет у него никакой магии. Сказал, магии вовсе нет на свете.

— Подозреваю,— заявил Хортон,— что он выступил предубежденно. Нельзя порицать то, о чем ничего не знаешь.

— Да,— согласился Плотояд,— мой Шекспир вполне мог поступить так. Хоть я и полагаю, он мне лгал. Полагаю, у него была магия. Он имел вещь по имени «книга» и говорил — Шекспирова книга. Книга могла беседовать с ним. Что это, как не магия?

— Мы называем это чтением,— пояснил Хортон.

— Он брал книгу, и она с ним беседовала. Потом он беседовал с ней. Наносил на нее мелкие метки специальной палочкой, которую имел с собой. Я спрашиваю, что он делает, а он только ворчит. Он всегда ворчал мне в ответ. Это значило оставить его в покое и не докучать.

— Ты сохранил его книгу?

— Я покажу тебе ее позже.

Бифштекс поспел, и Хортон принялся за еду.

— Вкусное мясо,— похвалил он.— Что за зверь?

— Не такой большой,— отвечал Плотояд.— Нетрудно убить. Не пробует сражаться. Убегает, и все. Однако лакомый. Много мясных зверей, а этот самый вкусный из всех.

По тропинке тяжело взобрался Никодимус, прижимая к себе ящик с инструментами.

— Опережаю ваши вопросы,— объявил робот.— Я его не починил.

— Однако дело продвинулось? — осведомился Плотояд.

— Не знаю,— честно ответил Никодимус.— Думаю, что догадываюсь теперь, как отключить силовое поле, хоть окончательно я ни в чем не уверен. По крайней мере, стоит попробовать. Главным образом я пытался разобраться, что там, за этим силовым полем. Я делал всевозможные зарисовки, вычертил несколько схем, чтоб получить хотя бы примерное представление, как эта штука устроена. Пожалуй, у меня появились кое-какие соображения, но все они ни к чему, если я не сумею отключить поле. И я, конечно, могу заблуждаться и вообще и в частностях.

— Но ты не опустил руки?

— Нет, я продолжу свои попытки.

— Это хорошо,— объявил Плотояд и проглотил последний кусище истекающего кровью мяса. Потом добавил: — Спущусь к роднику умыться. Я неряшливый едок. Желаешь, я подожду тебя?

— Нет,— отказался Хортон.— Я умоюсь потом. Видишь, я же съел пока только полбифштекса.

— Вы да извините меня, пожалуйста,— произнес Плотояд, поднялся и вприпрыжку понесся по тропке вниз. Человек и робот остались сидеть, провожая его глазами.

— Как прошел день? — поинтересовался Никодимус.

Хортон пожал плечами:

— Отсюда чуть к востоку есть что-то вроде покинутой деревни. Каменные постройки, совсем заросшие кустарником. Судя по всему, там никто не живет уже много веков. Никакого намека ни на то, почему они были здесь, ни на то, почему ушли. Шекспир, по словам Плотояда, считал, что тут была исправительная колония. Если так, ловко придумано. Раз туннель не работает, не надо волноваться, что кто-нибудь сбежит.

— А Плотояд не знает, что это были за люди?

— Не знает. И по-моему, ему наплевать. Он лишен подлинной любознательности. Все, что его интересует,— это настоящий момент. Кроме того, он боится. Прошлое, по-видимому, пугает его. Мое предположение, что они были гуманоидами, но не обязательно людьми в нашем понимании. Я заходил внутрь одной из построек и нашел там что-то вроде бутылки. Сперва я подумал, что это ваза, но скорее все-таки бутылка.

Пошарив подле себя, Хортон нашел бутылку и вручил Никодимусу. Робот долго вертел ее в руках.

— Грубая работа,— изрек он.— Картинки способны дать лишь приблизительное представление о действительности. Трудно сказать, что они изображают. А эти значки похожи на письменность...

— Верно,— кивнул Хортон,— и все-таки у них зародилось понятие об искусстве. Что можно расценивать как отличительный признак культуры на подъеме.

— Все равно,— заявил Никодимус,— с изощренной технологией туннелей этот уровень несопоставим.

— Я не собирался утверждать, что они те самые, кто построил туннели.

— А Плотояд больше не заикался о том, что присоединится к нам, когда мы будем улетать?

— Нет. Очевидно, он уверен, что ты сумеешь починить туннель.

— Лучше ему, пожалуй, этого не говорить, но вряд ли. В жизни не видел такой путаницы на контрольной панели.

На тропинке показался Плотояд, возвращающийся вперевалку.

— Теперь я чистый,— возвестил он.— Вижу, что ты закончил еду. Понравилось мясо?

— Мясо восхитительное,— сказал Хортон.

— Завтра будет свежее мясо.

— Пока ты будешь охотиться, мы закопаем то, что осталось,— сказал Хортон.

— Нет нужды закапывать. Сбросьте в пруд. Только зажмите плотнее нос, когда пойдете сбрасывать.

— Ты всегда так поступаешь?

— Точно,— подтвердил Плотояд.— Легкий способ разделаться. В пруду есть пожиратель объедков. Может быть, он счастлив, когда я прихожу и бросаю.

— Ты видел этого пожирателя?

— Нет, однако мясо исчезает. Мясо обычно плавает. А если бросить в пруд, не плавает никогда. Значит, его пожрали.

— А может, потому пруд и воняет? От твоего мяса?

— Не так,— возразил Плотояд.— Вонь всегда одинаковая. Даже перед тем, как бросаешь мясо. Шекспир был здесь до меня и мяса вовсе не кидал. Однако пруд, говорил он, воняет с тех пор, как он прибыл впервые.

— У стоячей воды может быть запашок,— сказал Хортон,— но чтоб такой скверный...

— А что, если это не совсем вода? — заявил Плотояд.— Она гуще воды. Течет как вода, выглядит как вода, но не такая жидкая, как вода. Шекспир обозвал ее супом.

Длинные тени от стены деревьев на западе подползли к костру, потянулись дальше. Плотояд нахохлился, глянул на солнце, прищурясь.

— Божий час близится,— объявил он.— Пошли бы мы вовнутрь. Под крепкой каменной крышей его можно стерпеть. Не то что на открытом месте. Все равно чувствуется, но камень не пропускает худшего.

Убранство домика Шекспира было незатейливым. Пол выстилали каменные плиты. Потолок отсутствовал, единственная комната простиралась вверх до крыши. В центре комнаты стоял большой каменный стол, а по стенам на уровне колен шел каменный уступ. Плотояд счел необходимым пояснить:

— Для сидения и для спанья. А также чтобы класть вещи.

В дальней части комнаты уступ был заставлен кувшинами и вазами, диковинками, напоминающими статуэтки, и другими безделушками, для которых при первом знакомстве не находилось названия.

— Из города,— пояснил Плотояд.— Предметы, выбранные Шекспиром в городе. Примечательные, возможно, но ценности мало.

На краю стола торчала оплывшая свеча, припаянная к камню своими собственными слезами.

— Дает свет,— пояснил Плотояд.— Шекспир смастерил ее из жира убитого мной мяса, дабы заниматься с книгой. Иногда она беседует с ним, иногда он берет магическую палочку и беседует с ней.

— Ты говорил,— напомнил Хортон,— что я могу на нее взглянуть.

— Не подлежит сомнению,— откликнулся Плотояд.— Может быть, ты объяснишь ее мне. Расскажешь, что она и зачем. Я просил Шекспира многократно, однако объяснения, какие он избирал, не говорили мне ничего. Я сидел и погибал от жажды понять, а он не снисходил никогда. Скажи мне, пожалуйста, хоть одно. Почему ему был надобен свет беседовать с книгой?

— Это называется «читать»,— сказал Хортон.— Книга беседует с помощью нанесенных на ней значков. Свет нужен, чтобы разглядеть эти значки. Чтобы книга заговорила, значки должны быть четко видны.

— Странные странности,— заявил Плотояд, недоверчиво качая головой.— Вы, люди, странное племя. Шекспир странный. Всегда смеялся надо мной. Не снаружи смеялся, а внутри. Мне он нравился, но смеялся. Насмехался с целью показать, что он лучше меня. Смеялся по секрету, однако давал мне знать, что смеется.

Шагнув в угол, он подобрал мешок, выделанный из звериной шкуры. Зажал в щупальцах и встряхнул — в мешке что-то зашуршало и сухо скрипнуло.

— Его кости! — выкрикнул Плотояд.— Ныне он смеется лишь своими костями. Даже кости смеются. Прислушайтесь и услышите их смех.— Он тряхнул мешок сильно, со злобой.— Слышите смех? Слышите?

Ударил Божий час.

Это было по-прежнему чудовищно. Невзирая на толстые каменные стены и крышу сила воздействия почти не уменьшилась. Хортон ощутил, что его вновь распластали и раздели донага для изучения,— нет, на сей раз не столько для изучения, сколько для поглощения, и, хоть он барахтался что было мочи, пытаясь остаться самим собой, он был побежден и слился с тем, что навалилось на него. Он чувствовал, как растворяется в неодолимой сущности, становится ее частью, и, когда осознал, что противиться невозможно, постарался переступить через унижение — еще бы не унижение, если тебя против воли делают частью чего-то неведомого,— и провести собственное расследование, понять наконец, чьей же частью он стал. И на миг ему почудилось, что это удалось: на один быстротечный миг поглотившая его сущность, частью которой он стал, казалось, растянулась бесконечно и вобрала в себя всю Все-

ленную, все бывшее когда-либо в прошлом и имеющее быть в будущем, демонстрируя ему последовательность, демонстрируя логику и отсутствие логики, намерение, причину и цель. И в тот же миг его человеческий разум восстал против соучастия в таком познании, пораженный и даже оскорбленный тем, что подобное мыслимо, что можно не только показать всю Вселенную, но и познать ее. Разум и тело съежились и поникли, предпочитая не познавать.

Как долго это длилось, Хортон определить бы не смог. Он безвольно висел в тисках неведомого, а оно, очевидно, поглотило не только его, но и самое чувство времени, словно умело управлять временем на свой манер и ради собственной выгоды. Мимолетно подумалось, что, если уж сущность умеет манипулировать временем, устоять против нее не сможет никто и ничто: ведь время — самый неуловимый фактор во всем мироздании.

Рано или поздно все кончилось, и Хортон, к собственному изумлению, обнаружил, что скрючился на полу, прикрыв голову руками. Пришлось Никодимусу поднимать его, ставить на ноги, выпрямлять. Осерчав на свою беспомощность, он оттолкнул робота и, добравшись с грехом пополам до каменного стола, отчаянно вцепился в столешницу.

— Вам опять было плохо,— участливо заметил Никодимус.

Хортон потряс головой, пытаясь прояснить мысли.

— Плохо,— признался он.— Так же плохо, как и раньше. А тебе?

— Тоже как раньше,— заявил Никодимус.— Скользящий психический удар, и все. Можно сделать вывод, что это воздействует резче на биологический мозг.

Как сквозь туман Хортон различил реплику Плотояда.

— Что-то там, наверху,— провозгласил тот,— сильно интересуется нами.

Глава 13

Хортон раскрыл книгу на титульной странице. Самодельная свеча чадила у его локтя, отбрасывая неверный мерцающий свет. Пришлось склониться над самой страницей. Шрифт был незнакомым, а слова какими-то не такими.

— Что там? — осведомился Никодимус.

— Как будто Шекспир,— ответил Хортон.— Чего еще можно было ожидать? Но правописание иное. Странные сокращения. И некоторые буквы выглядят иначе. Вот погляди для примера. «Полное собрание сочинений Уильяма Шекспира». Могу прочесть эти слова только так. Ты согласен со мной?

— Дата публикации не обозначена,— подметил Никодимус, заглядывая Хортону через плечо.

— Позже нашего времени, по всей вероятности,— ответил Хортон.— Язык и правописание с годами меняются. Даты нет, но напечатано в Ло... Ты можешь разобрать это слово?

Никодимус склонил голову ниже.

— В Лондоне. Нет, не в Лондоне. Где-то еще. Никогда не слышал про такое место. Возможно, вовсе не на Земле.

— По крайней мере, мы знаем, что это Шекспир,— сказал Хортон.— Вот откуда и кличка. Он присвоил ее себе в шутку.

Плотояд проворчал с другой стороны стола:

— Шекспир был весь полон шуток...

Хортон перевернул страницу. Следующая, изначально пустая, была густо заполнена карандашными строчками. Он сгорбился над книгой, разгадывая их смысл. Сразу бросилось в глаза, что писавший придерживался той же грамматики и словоупотребления, что и на титульной странице. Буква за буквой, слово за словом, Хортон разобрал первые несколько строк, переводя написанное как бы с иностранного языка:

«Если вы читаете это, то вполне вероятно, что вам уже довелось столкнуться с несусветным чудищем, Плотоядом. В подобном случае умоляю вас не доверять злополучному сукину сыну ни на одно мгновение. Я знаю, что он таит намерение убить меня, но сперва я сыграю с ним последнюю шутку. Тому, кто знает, что так или иначе вот-вот умрет, последняя шутка дастся легко. Ингибитор — тормозящий препарат, что был у меня с собой,— почти кончился, и, как только не останется ни грана, злокачественный процесс возобновится и вновь начнет пожирать мой мозг. И покуда меня не обессилила последняя смертельная боль, я выносил убеждение, что гораздо легче умереть в челюстях слюнявого чудища, чем в слабости от нестерпимых страданий...»

— Что он пишет? — спросил Никодимус.

— Никак не пойму,— ответил Хортон.— Трудно разобрать...

И оттолкнул книгу.

— Он беседовал с книгой,— решил напомнить Плотояд,— при помощи магической палочки. И никогда не сообщал мне, о чем беседует. Ты ведь тоже не скажешь мне, правда? — Хортон покачал головой.— Умелое вы племя, люди. Ты человек, в точности как он. Что один говорит значками от палочки, другой способен узнать.

— Но есть еще фактор времени,— высказался Хортон.— Прежде чем прибыть сюда, мы провели в пути без малого тысячу лет. А может, и много больше, чем тысячу. За тысячу лет или даже скорее значки, оставляемые пишущей палочкой, могут сильно измениться. Да и начертание значков в данном случае оставляет желать лучшего. У него дрожала рука.

— Ты попытаешься сызнова? Великое любопытство снедает узнать, что сообщил Шекспир, в особенности обо мне.

— Я продолжу свои попытки,— пообещал Хортон.

И опять подвинул книгу к себе.

«...от нестерпимых страданий. Он притворяется, что испытывает ко мне великую приязнь, и играет свою роль столь убедительно, что требуются значительные аналитические усилия, чтоб распознать его подлинные настроения. Раскусить его непросто, вначале надо понять, что он за существо, ознакомиться с его родословной и с мотивами поступков. Постепенно, очень медленно я осознавал и осознал, что он и впрямь является тем, чем кажется и чем хвалится,— не только убежденным мясоедом, но и хищником не в меньшей мере. Убийство для него не только образ жизни, но и влечение, и религия. Он не единственный в своем роде — вся его культура зиждется на искусстве убийства. По малым долям мне удалось, живя с ним совместно, развить в себе довольно проницательности, чтобы воссоздать историю его жизни и воспитания. Если вы спросите его самого, он, несомненно, скажет вам гордо, что происходит из расы воинов. Но это не вся правда. Даже среди своего племени он существо особенное, с их точки зрения,— сказочный герой или по меньшей мере вот-вот станет сказочным героем. Задача всей его жизни, насколько я понимаю (а я убежден, что понимаю правильно),— путешествовать с планеты на планету и на каждой бросить вызов самому опасному зверю из всех там имеющихся, одолеть его и убить. Почти как легендарные североамериканские индейцы прежней Земли, он ведет символический счет противникам, которых убил. Насколько я понимаю, он уже достиг результата, наивысшего в истории своей расы, и упоенно мечтает стать чемпионом

всех времен, величайшим убийцей среди соплеменников. Что это ему даст, я не знаю точно, могу только догадываться,— возможно, бессмертие в расовой памяти, право быть увековеченным в племенном пантеоне...»

— Ну что там? — спросил Плотояд.

— Что тебе?

— Книга теперь беседует с тобой. Ты водишь пальцем по строчкам.

— Ничего,— отболтался Хортон.— Ничего особенного. Преимущественно молитвы и заклинания...

— Однако так я и знал,— проскрежетал Плотояд.— Так я и знал! Он обозвал мою магию треклятой дурью, а сам предавался собственной магии. Он не упоминает меня? Ты уверен, он меня не упоминает?

— Пока что нет. Может быть, дальше...

«Но на этой мерзкой планете он оказался в ловушке вместе со мной. Как и мне, ему никогда не попасть на другие планеты, где он мог бы выслеживать самые могущественные виды, сражаться с ними и, к вящей славе своей расы, уничтожать их. Вследствие чего я улавливаю, и отчетливо, что в умонастроении великого воина тихо зреет отчаяние, и не сомневаюсь — скоро, как только иссякнет всякая надежда на иные миры, он решит включить последней строкой в список своих побед и меня, грешного, хотя, Бог свидетель, убить меня не такое уж достижение, ибо он безнадежно сильнее меня. Я старался как мог косвенно внушить ему, что я противник слабый и не стоящий усилий. Я полагал, что именно в моей слабости единственный мой шанс на выживание. Однако ныне я понял, что ошибался. Вижу, повседневно вижу, как им завладевают безумие и отчаяние. Если это продолжится, то знаю заведомо — однажды он меня убьет. Когда его безумие, как увеличительное стекло, обратит меня во врага, достойного его внимания, он на меня набросится. Какую это сулит ему выгоду, не стану и гадать. Вроде бы мало толку убивать, если его соплеменники не получат, не смогут получить о том известия. Но у меня создалось впечатление, не ведаю как и почему, что даже в нынешнем его положении, когда он затерян среди звезд, убийство станет известно и будет отпраздновано иными представителями его расы. Сие превосходит мое понимание, и я оставил попытки даже примерно понять, как это возможно.

Он сидит за столом напротив меня, покуда я пишу, и оценивает меня, разумеется прекрасно сознавая, что я никак не объект, достойный ритуального убийства, и тем не менее стараясь настроить себя на веру, что я являюсь таковым. Однажды он преуспеет, и наступит мой последний час. Но я его одолею. Я припас туза в рукаве. Он и понятия не имеет, что во мне уже притаилась смерть и мне осталось совсем недолго. Я созрею для смерти раньше, чем он подготовит себя к убийству. А поскольку он сентиментальный болван — все убийцы сентиментальные болваны,— я уговорю его на убийство как бы во исполнение священного обряда, по собственной моей просьбе, с разъяснением, что он единственный, кто способен выполнить сие в качестве последнего жеста сострадания. И таким образом я выиграю двояко: использую его, дабы сократить неизбежную мучительную агонию, и украду у него последний подвиг, поскольку убийство из милосердия ему не засчитается. Удар, нанесенный мне, останется вне списка его побед. Скорее уж я одержу победу над ним. И когда он убьет меня из милосердия, я буду смеяться ему в лицо. Ибо это и только это — победа полная и окончательная. Для него убийство — для меня издевка. Таков между нами последний расчет».

Хортон оторвался от текста, поднял голову и долго сидел ошеломленный. Этот человек — безумец, сказал он себе. Это холодное, даже ледяное, концентрированное безумие, что куда хуже безумия буйного. Шекспир был не столько безумен рассудком, сколько безумен душой,

— Итак,— заметил Плотояд,— он наконец-то упомянул меня.

— Да, упомянул. Он заявил, что ты сентиментальный болван.

— Звучит не очень-то ласково.

— Это,— разъяснил Хортон,— выражение великой привязанности.

— Ты уверен в том? — спросил Плотояд.

— Совершенно уверен,— ответил Хортон.

— Стало быть, Шекспир и впрямь любил меня.

— Нимало не сомневаюсь, что впрямь любил,— ответил Хортон.

И вновь обратившись к книге, перелистал ее. «Ричард III», «Комедия ошибок», «Укрощение строптивой», «Король Джон», «Двенадцатая ночь», «Отелло», «Король Лир», «Гамлет». Все

они, все шекспировские пьесы одна за другой. И на полях, на полупустых страницах, там, где пьесы подходили к концу,— неразборчивые каракули.

— Он беседовал с книгой то и дело,— вспоминал Плотояд.— Почти каждый вечер. А иногда в дождливую погоду и днем, если не выходил из дому...

«Все хорошо, что хорошо кончается», страница тысяча тридцать восемь, нацарапано на левом поле:

«Пруд воняет сегодня скверно как никогда. Это запах зла. Не просто плохой запах, но порочный и пагубный. Словно пруд живой и сочится злом. Словно в глубинах своих он прячет некую величайшую непристойность...»

«Король Лир», страница тысяча сто сорок три, на сей раз на правом поле:

«Я нашел изумруды, высвобожденные выветриванием из породы, примерно в миле от родника. Лежали себе на земле и ждали, когда их подберут. Набил ими карманы. Не могу понять, зачем утруждал себя. Вот я богат, только это здесь ни черта не значит...»

«Макбет», страница тысяча двести семь, нижнее поле:

«В домах сокрыто нечто. Его еще предстоит обнаружить. Загадка, на которую следует найти ответ. Не ведаю, какова она, но ощущаю, что она есть...»

«Перикл», страница тысяча триста восемьдесят один, на нижней половине листа, которая осталась незанятой, потому что пьеса завершилась:

«Мы заблудились в безмерности Вселенной. Мы утратили родину, и нам теперь некуда податься или, что еще хуже, слишком много мест, куда мы могли бы податься. Мы затеряны не только в безднах нашей Галактики, но и в безднах наших рассудков не в меньшей мере. Покуда люди держались одной планеты, они знали, где они. Пусть для измерения расстояний у них была просто-напросто палка, а для предсказания погоды — лишь большой палец, смоченный собственной слюной. Но ныне, даже когда мы воображаем, что знаем свое местонахождение, мы затеряны все равно: либо

нам неведом путь обратно домой, либо во многих случаях у нас нет дома, куда стоило бы возвращаться.

Где бы ни был наш дом, нынешние люди, хотя бы интеллектуально, неисправимые странники. Даже если мы при случае склонны называть какую-то планету домом, даже если сохранилась горстка людей, которая вправе называть своим домом Землю, родины у нас теперь нет. Человечество расколото на частички, разбежавшиеся по звездам, и упорно продолжает разбегаться по звездам. Нас раздражает прошлое нашей расы, а многих раздражает и настоящее — мы оставили себе одно-единственное направление, в будущее, и оно уводит нас от родины еще дальше. Мы как раса — неизлечимые странники, мы не желаем быть привязанными ни к чему, а потому нам и не на что опереться, и настанет день, неизбежно настанет для каждого из нас, когда мы осознаем свое заблуждение: мы вовсе не свободны как ветер, мы скорее потеряны как раса, утратившая родину. И только когда мы вызываем память предков и пытаемся понять, где мы были раньше и почему, мы отдаем себе в полной мере отчет в масштабах нашей утраты.

Оставаясь на одной планете, и даже в одной Солнечной системе, мы могли психологически почитать себя центром Вселенной. Ибо у нас были ценности, пусть ограниченные с нынешней точки зрения, но они, по крайней мере, создавали систему критериев, внутри которой мы жили и перемещались. Ныне эта система раздроблена, наши ценности столь много раз расщеплены новыми освоенными мирами (ибо каждый новый мир либо навязывал нам иные ценности, либо лишал нас каких-то прежних, за которые стоило бы держаться), и в результате у нас не осталось самой основы, чтобы строить и отстаивать свои суждения. У нас ныне просто нет масштаба, на который можно бы наложить наши потери и стремления. Даже бесконечность и вечность стали понятиями, толкуемыми в существенных своих чертах по-разному. Некогда мы использовали науку, дабы упорядочить место, где мы живем, придать ему определенный образ и смысл,— ныне мы в замешательстве, поскольку узнали так много (хотя всего лишь частичку истин, достойных узнавания), что уже не можем соотнести принятые человечеством научные постулаты с обозримой Вселенной. Вопросов у нас ныне больше, чем когда-либо прежде, и куда меньше шансов найти ответ. Мы, возможно, провинциальны, не найдется никого, кто посмел бы это отрицать. Однако многим, не только мне, должно было прийти в голову, что именно провинциализм давал нам комфорт и известное чувство безопасности. Любая жизнь зачинается в окружении много более обширном, чем жизнь сама по себе, но на протяжении двух-трех миллионов лет любая жизнь ознакомится с окружением довольно, чтоб уживаться с ним. А вот мы, оставив Землю, презрев планету-мать ради дальних и более ярких звезд, расширили наше окружение до беспредельности, и нам уже не дано этих миллионов лет. Мы так спешили, что времени у нас не осталось совсем...»

Запись оборвалась. Хортон захлопнул книгу и оттолкнул ее в сторону.

— Ну и что? — спросил Плотояд.

— А ничего,— ответил Хортон.— Сплошные заклинания. Я их, в сущности, не понимаю.

Глава 14

Хортон лежал у костра, завернувшись в спальный мешок. Никодимус шатался туда-сюда, подбрасывая дрова в огонь, и его черный металлический панцирь посверкивал в отблесках пламени красными и голубыми искорками. Вверху ярко сияли незнакомые звезды, а где-то у родника какая-то тварь горько жаловалась на жизнь.

Он устроился поудобнее, ощущая, как к нему подползает сон. Закрыл глаза, но не слишком крепко, и стал спокойно ждать минуты, когда сон подползет вплотную.

«Картер Хортон»,— раздался в мозгу зов Корабля.

«Слушаю»,— откликнулся Хортон.

«Я ощущаю присутствие разума»,— сообщил Корабль.

«Плотояд?» — осведомился Никодимус, присевший у огня.

«Нет, не Плотояд. Мы узнали бы Плотояда, поскольку встречались с ним ранее. Его мыслительная система не являет собой ничего исключительного и не слишком разнится с нашей. Это присутствие разнится. Оно сильнее, проницательнее, острее, оно очень отлично, но смазанно и неотчетливо. Словно этот разум старается укрыться и не привлекать к себе внимания».

«Близко?» — осведомился Хортон.

«Близко. Рядом с местом, где находитесь вы».

«Тут никого нет,— заверил Хортон.— Поселение покинуто. Мы никого не видели за целый день».

«Если оно в укрытии, вы и не могли его видеть. Будьте настороже».

«А может, это пруд? — предположил Хортон.— Может, кто-то живет в пруду? Плотояд предполагает, что живет. И пожирает мясо, которое он взял себе в привычку туда швырять».

«Может быть,— согласился Корабль.— Кажется, Плотояд говорил, что в пруду не вода, а что-то больше похожее на суп. Вы не подходили близко к пруду?»

«Он воняет,— ответил Хортон.— К нему не подойдешь».

«Мы не можем засечь этот разум прицельно,— продолжал Корабль,— знаем только, что он где-то в вашем районе. Не слишком далеко от вас. Возможно, в укрытии. Избегайте риска. Оружие у вас при себе?»

«Разумеется, при себе»,— заверил Никодимус.

«Это правильно,— одобрил Корабль.— Не теряйте бдительности».

«Хорошо,— ответил Хортон.— Спокойной ночи, Корабль».

«Минуточку,— произнес Корабль.— Еще один вопрос. Когда вы читали книгу, мы старались следовать за вами, но не сумели разобрать все до слова. Этот Шекспир — не древний драматург, а друг Плотояда,— что вы думаете о нем?»

«Человек,— ответил Хортон.— Вне всякого сомнения, человек. По крайней мере, череп у него человеческий и почерк неподдельно человеческий. Но в нем жило безумие. Возможно, вызванное злокачественной опухолью, по всей вероятности, раком мозга. Он пишет об ингибиторе, видимо антираковом о том, что препарат кончается и, как только кончится, ему суждена смерть в страшных мучениях. Потому он обманом вынудил Плотояда пойти на убийство, потешаясь над дикарем при этом».

«Потешаясь?»

«Он потешался над Плотоядом беспрерывно. И давал тому понять, что потешается. Плотояд часто говорит об этом, так как был глубоко уязвлен и обида запала в память. Поначалу мне подумалось, что этот самый Шекспир был просто паршивец с комплексом неполноценности, желающий во что бы то ни стало, не подвергая себя опасности, потешить свое дурное самолюбие. А можно ли придумать для этого лучший способ, чем втайне издеваться над другими, поддерживая в себе иллюзию мнимого превосходства над ними? Так я, повторяю, предполагал поначалу. Теперь я думаю, что этот Шекспир просто помешался. Он подозревал Плотояда, внушал себе, что тот намерен его убить. И в конце концов убедил себя, что Плотояд рано или поздно с ним расправится».

«А сам Плотояд? Что вы думаете о нем?»

«Он нормален,— ответил Хортон.— Большого зла не причинит».

«Никодимус, а ты что думаешь?»

«Согласен с Картером. Он не представляет собой угрозы для нас. Да, я собирался сообщить вам — мы нашли изумрудные копи».

«Мы знаем,— заявил Корабль.— Открытие взято на заметку. Хотя подозреваем, что оно нам ни к чему. В настоящий момент нас не интересуют изумрудные копи. Впрочем, раз уж вы их обнаружили, на всякий случай прихватите с собой ведерко изумрудов. Нельзя ручаться, что где-нибудь когда-нибудь они нам не пригодятся».

«Будет выполнено»,— заверил Никодимус.

«А вот теперь,— смилостивился Корабль,— спокойной ночи, Картер Хортон. Никодимус, стой бдительно на вахте, пока он не проснется».

«Я так и намерен сделать»,— заверил Никодимус.

«Спокойной ночи, Корабль»,— беззвучно сказал Хортон.

Глава 15

Никодимус тряс Хортона, пока тот не проснулся.

— К нам посетительница!

Хортон подскочил и стал выбираться из мешка. Он долго тер замутненные сном глаза, не в силах поверить тому, что увидел. Буквально в двух шагах от него, подле костра, стояла женщина. На ней были желтые шорты, белые ботинки, достигающие середины голени. И больше ничего. На одной из грудей была вытатуирована темно-красная роза. Женщина казалась высокой и гибкой, как ива. Талию охватывал пояс, а с него свисало оружие странного вида. На плечо был наброшен рюкзачок.

— Пришла по тропинке,— сообщил Никодимус.

Солнце еще не взошло, но первые лучи рассвета уже озарили планету. Утро выдалось мягкое, сырое и нерешительное.

— Если вы пришли по тропинке,— сказал Хортон не слишком внятно, полупроснувшись,— значит, вы прибыли по тунелю?

Она восторженно захлопала в ладоши.

— Как замечательно! — воскликнула она.— Вы тоже говорите на старшем языке! Какое удовольствие встретить вас двоих! Я изучала ваш язык, но до самого этого дня мне ни разу не выпало случая им воспользоваться. Я всегда догадывалась, а теперь отдаю себе отчет, что произношение, какому нас учили, потускнело с годами. Я удивилась, но и была довольна, когда робот заговорил на этом языке, однако я не могла и надеяться, что встречу других...

— Странно звучат ее речи,— подметил Никодимус.— Плотояд выражается таким же языком, а он перенял язык от Шекспира...

— От Шекспира? — переспросила женщина.— Шекспир был древний...

Никодимус, ткнув пальцем вверх, показал на череп.

— Познакомьтесь с Шекспиром, вернее с тем, что от него осталось.

Женщина взглянула в указанном направлении и опять захлопала в ладоши:

— Какое очаровательное варварство!

— Вот именно,— буркнул Хортон.

Она была худощава почти до костлявости, но в худобе как бы просматривался оттенок аристократизма. Серебряные волосы были туго зачесаны назад и собраны небольшим узлом на затылке, что подчеркивало худобу еще более. Глаза были пронзительно-голубые, а губы тонкие, блеклые и без следа улыбки. Даже когда она радостно хлопала в ладоши, улыбка не возникала. Хортон поневоле задумался: а способна ли она улыбаться вообще?

— Вы путешествуете в диковинной компании,— заявила она Хортону.

Хортон оглянулся. Из домика показался Плотояд, со сна помятый до смешного. Он потянулся, задирая руки высоко над головой, и зевнул, продемонстрировав свои клыки во всей красе.

— Сейчас приготовлю завтрак,— решил Никодимус.— Вы голодны, мадам?

— Умираю от голода,— ответила женщина.

— Мясо у нас есть,— ввернул Плотояд,— хоть и не свежеубитое. Поспешаю приветствовать тебя в нашем лагере. Называй меня Плотояд.

— Но плотояд — это нечто неодушевленное,— возразила она.— Это классификация, а не имя собственное.

— Он плотояд и гордится этим,— заверил Хортон.— Так он себя и прозвал.

— Шекспир наименовал меня так,— сообщил Плотояд.— Раньше я имел иное имя, но оно ныне не играет роли.

— Меня зовут Элейн,— сказала она,— и я рада познакомиться с вами.

— А меня Хортон,— отозвался Хортон.— Картер Хортон. Можете звать меня Картер, или Хортон, или и так и эдак.

Он выкарабкался наконец из мешка и встал.

— Плотояд упомянул мясо,— сказала она.— Не мог же он иметь в виду живую плоть?

— Именно ее он и имел в виду,— сказал Хортон.

Плотояд стукнул себя в грудь,

— Мясо хорошо для всех,— заявил он.— Оно движет кровь и кости. И взбадривает мышцы.

Она слегка содрогнулась.

— У вас нет ничего, кроме мяса?

— Можно устроить что-нибудь еще,— сказал Хортон.— Из наших походных запасов. Только пища в основном обезвоженная и, боюсь, не слишком вкусная.

— Ну ее к черту,— сказала Элейн.— Поем с вами мяса. Это же чистый предрассудок, что я воздерживалась от него столько лет.

Никодимус, заходивший ненадолго в домик Шекспира, появился с ножом в одной руке и куском мяса в другой. Отрезал от куска толстый ломоть, вручил Плотояду. Тот не медля присел на корточки и принялся рвать мясо зубами. По рылу, как обычно, потекла кровь. Хортон не мог не отметить выражение ужаса, мелькнувшее на лице гостьи.

— Наше мясо будет не сырое, а приготовленное,— заверил он. Подошел к штабелю дров для костра и, усевшись, приглашающе похлопал по соседнему полену.— Присоединяйтесь ко

мне. А Никодимус будет кухарничать. Это займет определенное время.— И добавил повелительно, обращаясь к роботу: — Ты бы прожарил ее порцию хорошенько. Мне тоже пожарь, но с кровью.

— Тогда я начну с ее доли,— заявил Никодимус.

Поколебавшись, Элейн все же приблизилась к поленнице и, устроившись рядом с Хортоном, сказала:

— Знаете, это самая странная ситуация, с какой я сталкивалась когда-либо. Человек и робот, разговаривающие на старшем языке. Плотоядный, также владеющий им, и человеческий череп, прибитый над порогом. Вы двое, наверное, с одной из отсталых планет...

— Нет,— ответил Хортон,— мы прямиком с Земли.

— Быть того не может,— отозвалась она.— Никто не прибывает прямо с Земли. И сомневаюсь, чтобы даже там старший язык был сегодня еще в ходу.

— Но мы прилетели прямиком. Вылетели давно, более чем...

— Никто не вылетал с Земли вот уже более тысячи лет,— перебила она.— Земля не оснащена для дальних путешествий. Послушайте, с какой скоростью вы летели?

— Почти со скоростью света. С несколькими короткими остановками.

— А вы лично? Вы, наверное, спали?

— Разумеется, спал.

— Если скорость была почти равна световой,— сказала она,— тогда точно сосчитать невозможно. Мне известно, что проводились расчеты, предварительные математические расчеты, но они в лучшем случае были черновыми и приблизительными. И практика полетов со скоростью света была не столь длительной, чтобы получить достоверные данные о растяжении времени. Межзвездных кораблей, движущихся со скоростью света или около того, было отправлено совсем немного, а вернулось назад еще меньше. И прежде чем они вернулись, были найдены другие, лучшие способы дальних странствий. А старушка Земля тем временем потерпела полный экономический крах да и ввязалась в войны — нет, не в какую-нибудь всеобщую войну, а во множество подлых мелких войн,— и земная цивилизация постепенно разрушилась. Старушка по-прежнему на месте. Оставшееся население, возможно, мало-помалу вновь карабкается наверх. Никто толком не знает, и никому нет до этого дела, никто не хочет больше возвращаться на Землю. Вижу, что для вас все это — совершенная новость.

— Совершеннейшая,— подтвердил Хортон.

— Значит, вы отбыли на одном из первых световых кораблей.

— На одном из самых первых. В 2455 году. Или что-нибудь в этом роде. Может статься, в самом начале XXVI века. С полной точностью сказать не могу. Нас погрузили в холодный сон, а потом была задержка вылета.

— Вас оставили в резерве.

— Вероятно, у вас это теперь называется именно так.

— Мы не полностью уверены,— сказала она,— но предполагается, что мы живем ныне в 4784 году. По существу, точности нет и здесь. История каким-то образом вся перепуталась. Я имею в виду историю человечества. Есть ведь много других историй помимо земной. Была эпоха всеобщего смятения. Затем настала эпоха рассредоточения в пространстве. Когда появился относительно недорогой космический транспорт, никто, если он мог уехать, уже не хотел оставаться на Земле. Не требовалось больших аналитических способностей, чтобы догадаться, что ожидает Землю. Никому не хотелось оказаться в западне. Потом в течение многих-многих лет записи почти не велись. Те записи, что существуют, возможно, ошибочны, другие утрачены. Как вы теперь догадываетесь, человечество переживало кризис за кризисом. Не только на Земле, но и в космосе. Далеко не все колонии выжили. А были выжившие, но впоследствии по тем или иным причинам не сумевшие войти в контакт с другими колониями, и их тоже сочли потерянными. Некоторые потеряны до сих пор — потеряны или погибли. Люди устремились в космос во всех направлениях, в большинстве своем не имея определенных планов, просто надеясь, что рано или поздно сыщется планета, где они смогут обосноваться. Притом двигались они не только в пространстве, но и во времени, а временных факторов до конца не понимает никто. Мы, во всяком случае, не понимаем. При таких условиях легче легкого прибавить век-два или, напротив, утратить столетие-другое. Так что даже не просите меня, я не смогу точно сказать, какой ныне год. А история? С ней еще хуже. У нас нет истории, есть только легенды.

Иные легенды, вероятно, историчны, но нам не дано судить, какая легенда исторична, а какая нет...

— И вы прибыли сюда по туннелю?

— Да. Я вхожу в команду, которая составляет карту туннелей.

Хортон глянул на Никодимуса — тот, наблюдая за мясом, присел у костра — и спросил:

— Ты что, ничего ей не сказал?

— Мне не выпало случая,— принялся оправдываться Никодимус.— Она не дала мне слова молвить. Она была так возбуждена оттого, что я умею говорить, по ее выражению, на старшем языке...

— О чем он должен был мне сказать? — поинтересовалась Элейн.

— Туннель закрыт. Им нельзя пользоваться.

— Но он же доставил меня сюда!

— Он доставил вас сюда. Но не доставит вас обратно. Он вышел из строя. Работает как улица с односторонним движением.

— Но это же невозможно! Там есть контрольная панель...

— Знаю я о контрольной панели,— заявил Никодимус.— Над ней и работаю. Пытаюсь починить.

— И как успехи?

— Не слишком,— признался Никодимус.

— Мы в западне,— вставил Плотояд,— если только трехлятый туннель не починится...

— Возможно, я смогу в этом помочь,— сказала Элейн.

— Если сможете,— подхватил Плотояд,— заклинаю вас применить все свои способности. Таил я надежду, что, ежели туннель не починится, я смогу улететь на корабле с Хортоном и роботом, но обдумал сызнова, и мне уже так не хочется. Сон, про который мне объяснили, связанный с замораживанием, страшит меня. Не испытываю желания быть замороженным.

— Мы тоже об этом тревожились,— заверил Хортон.— Никодимус знает толк в замораживании. У него есть трансмог техника холодного сна. Но он знает толк лишь в замораживании людей. А у тебя могут быть отличия от людей, иные биохимические реакции. И у нас нет приборов, чтобы выяснить твою биохимию.

— Стало быть, это исключено,— заключил Плотояд.— Так что туннель обязан починиться.

Хортон посмотрел на Элейн и сказал:

— А вы не выглядите слишком обескураженной...

— О, я полагаю, что обескуражена в достаточной мере. Но не в обычаях моего народа сетовать на судьбу. Мы принимаем жизнь как она есть. И в хорошем и в плохом. Мы знаем заранее, что предстоит и то и другое.

Плотояд, покончив с едой, попятился, обтирая окровавленное рыло щупальцами.

— Иду охотиться,— объявил он.— Принесу домой свежее мясо.

— Подожди, пока мы поедим,— предложил Хортон,— и я пойду с тобой.

— Лучше нет,— отказался Плотояд.— Ты распугаешь мне дичь.— Он потопал прочь, затем обернулся.— Можешь сделать одно и только одно. Можешь выбросить старое мясо в пруд. Однако зажми хорошенько нос, когда будешь выбрасывать.

— Как-нибудь справлюсь,— заверил Хортон.

— Ну и превосходно,— отозвался Плотояд и бесшумно удалился на восток по тропинке, ведущей к заброшенному поселению.

— Как вы на него напоролись? — спросила Элейн.— И кто он, собственно, такой?

— Он ждал нас, когда мы совершили посадку. Понятия не имеем, кто он и что он. Заявляет, что оказался здесь в западне вместе с Шекспиром.

— Шекспир, по крайней мере судя по черепу, был человеком.

— Да, но мы знаем о нем едва ли больше, чем о Плотояде. Хотя, может статься, узнаем больше. У него с собой был полный Шекспир, и он заполнил всю книгу своими каракулями, используя поля и незаполненные страницы. Любое местечко, где сохранилось хоть немного белой бумаги.

— И вы прочитали его каракули?

— Частично. Осталось еще много нечитаного.

— Мясо готово,— объявил Никодимус.— Однако у нас лишь одна тарелка и один набор столового серебра. Вы не возражаете, Картер, если я передам их в распоряжение леди?

— Вовсе нет,— сказал Хортон.— Управлюсь руками.

— Тогда условлено,— объявил Никодимус.— Отбываю к туннелю.

— Как только поем,— сказала Элейн,— приду поглядеть, как у тебя дела.

— Хотелось бы,— честно признался робот.— Пока что я не могу понять там ровным счетом ничего.

— Да ведь все очень просто! — воскликнула Элейн.— Там две панели, одна побольше, другая поменьше. Меньшая управляет защитным полем большей, контрольной панели.

— Нет там никаких двух панелей,— объявил Никодимус.

— Но они должны быть!

— Прекрасно, что должны, но там их нет. Там одна панель, закрытая силовым полем.

— И следовательно,— сообразила Элейн,— это не просто неполадка. Кто-то закрыл туннель сознательно.

— Мне это и самому пришло в голову,— сказал Хортон.— Закрытый мир. Но почему закрытый?

— Надеюсь,— заявил Никодимус,— нам не приведется это выяснить на собственной шкуре.

И с этими словами подобрал свой ящичек с инструментами и отбыл.

— Но это же вкусно! — воскликнула Элейн, обтирая жир с губ.— Мой народ не потребляет мяса. Хотя мы знаем, что есть такие, кто потребляет, и презрительно считаем их варварами.

— Все мы тут варвары поневоле,— отрезал Хортон.

— Что вы такое говорили о холодном сне применительно к Плотояду?

— Плотояд ненавидит эту планету. Хочет любой ценой убраться отсюда. Вот почему он так страстно желает, чтобы туннель открылся. А если не откроется, он выразил желание отправиться с нами.

— С вами? Ах да, у вас же есть корабль. Или я неверно поняла?

— Есть. Неподалеку отсюда, на плато.

— Где это?

— Всего-то несколько миль.

— Значит, вы намерены улететь отсюда. Могу я осведомиться куда?

— Будь я проклят, если знаю,— ответил Хортон.— Это по части Корабля. Корабль утверждает, что вернуться на Землю мы не можем. Кажется, мы отсутствовали слишком долго. Корабль боится, что если бы мы вернулись, то выглядели бы безнадежно устаревшими. Что земляне не захотели бы нас принять, мы бы их только раздражали. Да и из вашего рассказа следует, что возвращаться нам нет никакого резона.

— Корабль боится...— повторила Элейн.— Вы говорите о корабле так, словно это человек.

— В известном смысле так оно и есть.

— Но это же смешно! Могу понять, что с течением времени у вас развилось чувство привязанности к кораблю. Люди всегда одушевляли свои машины, оружие и приборы, однако...

— Черт побери,— перебил Хортон,— ничего вы не поняли. Корабль действительно личность. Вернее, три личности. Три человеческих разума...

Пальцами, заляпанными жиром, она ухватила его за руку.

— Повторите, что вы сказали. Повторите помедленнее.

— Три разума. От трех разных людей. Связанные с Кораблем воедино. Теоретически предполагалось...

Отпустив руку Хортона, она воскликнула:

— Значит, это правда! Это не легенда! Значит, такие корабли были на самом деле...

— Да, черт возьми! И даже не один, а несколько. Правда, не знаю, сколько именно.

— Я уже упоминала о легендах. О том, что невозможно различить, где легенда, а где история. О том, что нельзя быть уверенным ни в одном историческом факте. И это одна из легенд — корабли, которые были отчасти людьми, отчасти машинами.

— Тут нет ничего особенного,— заверил он.— То есть, конечно, это было удивительное достижение. Но вытекающее из наших технологических традиций. Сплавить механику и биологию — замысел на грани возможного. И в обстановке наших дней он был этически вполне приемлем.

— Легенда обернулась былью,— произнесла Элейн.

— Мне, признаться, забавно, что меня причисляют к легендам.

— Да не вас лично, а вашу одиссею в целом. Нам это представлялось недостоверным, знаете, из разряда россказней, которым нельзя поверить до конца.

— Вы говорили, что найдены лучшие способы дальних странствий.

— Да, найдены иные способы. Сверхсветовые корабли, основанные на новых принципах. Однако расскажите мне о себе. Вы, конечно, не были единственным живым членом экипажа. Никто не стал бы отправлять корабль с командой из одного человека,

— Были трое других, но они погибли. Несчастный случай, как мне сказали,

— Сказали? Вы ничего не знали об этом?

— Я же спал холодным сном,— напомнил Хортон.

— Значит, если мы не сумеем починить туннель, у вас на борту найдется свободное место?

— Для вас — да,— ответил Хортон.— И для Плотояда, наверное, тоже — в том случае, если придется решать, взять ли его с собой или бросить здесь. Но не могу не признаться, что рядом с ним мне как-то неспокойно. И еще его загадочная биохимия...

— Не знаю, как и быть,— сказала она.— Если не будет другого выхода, то лучше уж мне, пожалуй, улететь с вами, чем остаться здесь навсегда. Планета не кажется слишком обворожительной.

— У меня такое же чувство,— согласился Хортон.

— Однако улететь с вами — значит оставить мою работу. Вы, должно быть, недоумеваете, что мне понадобилось в туннеле.

— Просто не успел спросить. Вы упоминали, что составляете карту туннелей. В конце концов, это меня не касается.

Она рассмеялась:

— Тут нет ничего секретного. И ничего таинственного. Наша команда наносит туннели на карту, вернее, пытается наносить.

— Но Плотояд утверждает, что они действуют бессистемно.

— Это потому, что ему о них не известно ровным счетом ничего. Возможно, ими пользуются многие существа, лишенные знаний, и для таких туннели действуют бессистемно. Робот сказал, что там только одна панель?

— Верно сказал. Одна-единственная продолговатая коробка. Выглядит действительно как контрольная панель. С какой-то защитой поверху. Никодимус полагает, что панель защищена силовым полем.

— Обычно коробок две. Чтобы выбрать место назначения, вы прежде всего вводите в действие первую панель. Для этого нужно засунуть пальцы в три отверстия и нажать на три выключателя. Тогда ваше так называемое силовое поле исчезнет, и можно, дотронувшись до главной панели, выбрать кнопку маршрута. Снимете пальцы с первой панели, и защитное поле восстановится. Чтобы добраться до главной панели, надо обязательно вначале воспользоваться малой панелью. Потом, когда маршрут выбран, можно войти в туннель.

— Но как определить, куда попадешь? Там что, есть символы, подсказывающие, на какую кнопку нажать?

— В том-то и сложность. Никаких маршрутных символов нет, и вам неизвестно, куда вас занесет. Наверное, у строителей туннелей был какой-то способ определять место назначения. Была определенная система, позволяющая заказывать точный маршрут, но, если она и была, нам не удалось ее обнаружить.

— Выходит, вы нажимаете кнопки наобум?

— Идея заключалась в том,— разъяснила Элейн,— что хоть туннелей много, а маршрутов в каждом из них еще больше, ни то ни другое число не может быть бесконечным. Если странствовать достаточно долго, очередной туннель непременно выведет на планету, где уже довелось бывать. А если при этом точно записывать, какая кнопка нажата перед тем, как войти в туннель, и если такие записи ведет достаточное число людей, и если оставлять копию записи на каждой панели перед тем, как отправиться дальше, с тем чтобы коллеги по команде увидели их, случись им последовать тем же путем... Я объясняю сбивчиво, но вам должно быть ясно, что рано или поздно, после многих проб и ошибок, вероятно, удастся установить соответствие маршрутов и кнопок.

Хортон не мог побороть скепсиса:

— Похоже на очень долгую затею. И случалось вам хоть раз попасть на планету, где вы уже были?

— Пока еще нет.

— И сколько вас всего? Я имею в виду — в составе команды?

— Точно не скажу. В нее все время добавляют новых и новых участников. Вербуют и добавляют. Это считается как бы патриотичным. Если, конечно, в ком-то из нас сохранился патриотизм. Убеждена, что слово означает отнюдь не то, что в прежние времена.

— Но как вы доставите собранные сведения на базу? Или в штаб, или куда там вы должны их доставить... Если, допустим, вам удастся выяснить что-то стоящее...

— Вы, видимо, не уловили. Некоторые из нас, а быть может, многие, не вернутся никогда — ни со сведениями, ни без них. Мы знали, когда брались за эту работу, чем рискуем.

— И вас это, кажется, вовсе не волнует.

— Нет, почему же, волнует. Меня, по крайней мере, волнует. Но работа важная. Разве непонятно, насколько важная? Большая честь, что тебе разрешили включиться в поиск. Разрешают не каждому. Есть требования, которым надо соответствовать, чтобы получить разрешение...

— Например, уметь наплевать на то, вернешься ли домой.

— Вовсе не это,— сказала Элейн,— а чувство самодостаточности, развитое настолько, чтобы человек сохранил себя, куда бы его ни занесло, в какой бы ситуации он ни очутился. Чтобы для поддержания личности ему не нужен был непременно отчий дом. Чтобы ему хватало для этого самого себя. Чтобы он не зависел рабски от какой-то определенной обстановки или родственных уз. Вам понятно, о чем я?

— Кажется, начинаю улавливать.

— Если мы составим карту туннелей, если установим, как туннели связаны друг с другом, их можно будет использовать осмысленно. А не просто нырять в них вслепую, как ныне.

— Но Плотояд воспользовался туннелями. И Шекспир. Вы утверждаете, что надо выбрать место назначения, даже если не имеешь понятия о том, что именно выбираешь...

— Нет-нет, можно пользоваться туннелями совсем без выбора. Можно, за исключением туннеля на этой планете, просто войти и махнуть куда получится. При таком использовании туннели действуют и впрямь бессистемно. Хотя мы предполагаем, что, если назначение не задано, бессистемность не случайна, а как бы запрограммирована. Пользуясь туннелями таким образом, три путника подряд — а может, и сто подряд — никогда не прибудут в одно и то же место. Мы склонны думать, что это сделано специально, чтоб отвадить непосвященных.

— А сами строители туннелей?

Элейн покачала головой:

— Никому ничего не известно. Ни кто они были, ни откуда взялись, ни как эти туннели строились. Ни малейшего

представления о принципах, лежащих в их основе. Кое-кто считает, что создатели туннелей до сих пор живут себе где-нибудь в Галактике и в той ее области используют свои туннели сами. А тут у нас лишь беспризорные участки туннельной сети, часть древней транспортной системы, которая больше не нужна. Как заброшенная дорога, по которой не ездят, потому что она ведет куда-то, куда уже нет желающих попасть, куда давным-давно нет смысла стремиться.

— А нет сведений о том, что за существа были эти строители?

— Есть, но мало. Понятно, что у них были руки. Руки как минимум с тремя пальцами или конечности с какими-то иными манипуляторами, соответствующими по меньшей мере трем пальцам. Их должно быть не меньше трех, чтоб управляться с контрольной панелью.

— И все? Больше ничего не известно?

— То тут, то там,— сказала Элейн,— мне попадались изображения. Рисунки, резьба по дереву, гравировка. В старых зданиях, на стенах, на керамике. Изображения разных форм жизни, но один вид, отличный от других, присутствует повсеместно.

— Погодите-ка,— попросил Хортон. Поднялся с поленницы и, сбегав в домик Шекспира, принес бутылку, найденную накануне. Передал бутылку Элейн и спросил: — Вы не о таких существах?

Она медленно повертела бутылку в руках и наконец указала пальцем.

— Вот оно.— Палец уперся в существо, стоящее внутри кухонной банки.— Только здесь оно изображено плохо. И под непривычным углом. На других изображениях можно увидеть тело подробнее, различить больше деталей. Например, эти штуки, торчащие у него из головы...

— Мне они напоминают антенны, какие древние земляне ставили для приема телевизионных сигналов,— сказал Хортон.— А может статься, это что-то вроде короны...

— Это антенны,— заверила Элейн.— Я совершенно уверена, это биологические антенны. Возможно, своеобразные органы чувств. Голова похожа на пузырь. И на всех изображениях, какие я видела, были головы-пузыри. Ни глаз, ни ушей, ни рта, ни носа. Может, эти органы существу просто не нуж-

ны. Может, антенны были способны принимать все необходимые ему чувственные сигналы. Тогда и головы могли оставаться просто-напросто пузырями, подставками для антенн. И еще хвост. Здесь не разберешь, но хвост у него пушистый. А остальная часть тела — не только здесь, но и на всех изображениях, какие мне попадались,— представлена всегда без всяких подробностей, так сказать, тело вообще. Конечно, нельзя ручаться, что они выглядели именно так. Вся картинка может оказаться символической и не более того.

— Художественный уровень низкий,— дополнил Хортон.— Грубый и примитивный. Вас не посещала мысль, что те, кто мог придумать туннели, должны были бы создать и лучшие изображения самих себя?

— Я тоже задумывалась об этом,— ответила Элейн.— Но можно допустить, что картинки рисовали и не они. Может, у них самих понятие об искусстве просто отсутствовало? Может, картинки созданы иным народом, более отсталым в своем развитии? И к тому же этот народ мог не зарисовывать прямые впечатления, а иллюстрировать мифы. Разве исключено, что мифы о строителях туннелей живут в значительной части Галактики и являются общими для многих народов, для разных вариантов расовой памяти, пронесенной сквозь века?

Глава 16

Пруд испускал ужасающую вонь, но по мере того как Хортон приближался к нему, вонь вроде бы уменьшалась. Первое слабое ее дуновение было много тошнотворнее, чем ощущение на самом берегу. А может, предположил Хортон, запах хуже всего как раз тогда, когда он рассеивается и слабеет? Может, здесь, где вонь должна бы стоять сплошняком, ее дурнотность подавляется и маскируется другими, невонючими, компенсирующими запахами?

Теперь он заметил, что пруд куда обширнее, чем показалось на первый взгляд сверху, от развалин. Поверхность стелилась ровненько, без морщинки. Береговая линия была совершенно чиста — ни кустик, ни тростинка, ни какая-либо сорная травка на нее даже не посягали. Да и как посягнешь на сплошной гранит, который лишь кое-где прикрыт мелкими ручейками

песка, снесенного с холмов дождями? Очевидно, пруд заполнил какую-то чашу, выемку в скальных обнажениях. И поверхность тоже была чиста под стать берегу. Не плавало на ней ни мусора, ни пены, которых можно бы ждать в стоячей воде. Похоже, что в глубине пруда не могла существовать никакая растительность, а возможно, и вообще ничто живое. Но, несмотря на чистоту, пруд не был прозрачным. Казалось, он таит в себе некую темную хмарь. Он выглядел не синим и не зеленым, а почти черным.

Хортон замер на скальном берегу, сжимая в руке остатки мяса. В самом пруду и в принявшей его чаше сквозила какая-то невнятная угрюмость, граничащая с меланхолией, если не с испугом. Гнетущее местечко, сказал себе Хортон, хоть и не лишенное своеобразного обаяния. Здесь бы съежиться и думать думы, мрачные, болезненно-романтические. Художнику, вероятно, место показалось бы достойным того, чтобы запечатлеть на полотне не просто горное озеро в крутых берегах, а и навеваемое им ощущение одиночества, отрешенности, разлуки с реальностью.

«Мы заблудились. Мы затеряны»,— так начал Шекспир длинное рассуждение в конце «Перикла». Он писал в аллегорическом смысле, но здесь, едва ли в миле от домика, где он корпел над книгой при неровном свете самодельной свечи, обитала та самая затерянность, какую он хотел передать. Он вообще написал точно, этот странный человек из иного мира. Здесь, у пруда, Хортон почувствовал с полной ясностью: люди действительно заблудились, заблудились непоправимо. Корабль, Никодимус да и он сам, вне сомнения, затерялись в безбрежности невозвращения, но ведь из того, что рассказала Элейн у костра, явствовало, что остальное человечество затерялось не менее безнадежно. Не затерялись, быть может, только те, пусть их была горстка, кто все еще жил на Земле. Как бы ни обнищала нынешняя Земля, она по-прежнему оставалась их родным домом.

Впрочем, если задуматься хорошенько, можно допустить, что Элейн и другие разведчики туннелей затеряны несколько иначе, чем все остальные. Затеряны в том смысле, что понятия не имеют, куда их занесет, на какую планету,— и ничуть не затеряны, поскольку и не нуждаются в определении своего точного местонахождения, их самодостаточность развилась до

такой степени, когда они не испытывают потребности ни в знакомой обстановке, ни в себе подобных. Эти странные люди переросли потребность иметь свой дом. Но тот ли это путь, спросил себя Хортон, стоит ли добиваться победы над чувством затерянности ценой утраты потребности в собственном доме?

Подступив к самому краю воды, он швырнул мясо далеко, как только мог. Оно упало со всплеском и тут же исчезло, словно пруд принял его в дар, обволок и забрал, всосав в глубину. От места всплеска пошли концентрические круги, но берега не достигли. Рябь была подавлена. Она пробежала какое-то расстояние, а потом измельчала и прекратилась, и пруд вернулся к безмятежному покою, к черной своей разглаженности. Будто, мелькнула у Хортона мысль, пруд ценил безмятежность и не выносил длительного беспокойства.

Настала пора уходить. Он выполнил то, зачем пришел, и настала пора уходить. Однако он не ушел, а остался. Словно что-то шептало ему: «Не уходи», словно по неведомой ему самому причине приличествовало потянуть время. Как самый решительный человек может засидеться у постели умирающего друга, тайно желая уйти, чувствуя себя неуютно в присутствии подступающей смерти — и все же не уходя из опаски, что уйти слишком рано значило бы предать старую дружбу.

Он выпрямился и осмотрелся. Слева нависал взгорок, где располагался заброшенный поселок. Однако с точки, где стоял Хортон, поселка было не разглядеть — дома прятались за деревьями. Прямо за прудом стелилась, по-видимому, болотная топь, а справа виднелся конический холм, или курган, которого он до сих пор не замечал: вероятно, с обрыва у края поселка курган отчетливо не просматривался.

Курган поднимался, по примерной оценке, футов на двести над поверхностью пруда. Симметричный конус, издали почти идеальный, сужающийся к острой вершине. Чем-то конус напоминал вулкан, хотя Хортон понимал заведомо, что вулканом тут и не пахнет. Гипотезу, что это вулканический холм, он отверг не задумываясь и все же не мог бы определить почему. Там и сям к конусу прицепились одинокие деревца, а больше на кургане не было ничего, кроме поросли, отдаленно схожей с травой. Глядя на это образование, Хортон лишь озадаченно морщил лоб: на планете, повторял он себе, просто не было видимых геологических факторов, способных объяснить феномены такого рода.

Вновь обратив внимание на пруд, он припомнил слова Плотояда: это не совсем вода, это больше похоже на суп, гуще и тяжелее, чем вода. Подошел к самой кромке, присел на корточки, осторожно коснулся поверхности пальцем. Она слегка сопротивлялась, словно сила поверхностного натяжения была выше обычной во много раз. Палец не погрузился в жидкость, а вдавился в нее, и то не сразу. Хортон нажал решительнее — палец наконец одолел сопротивление. Погрузив следом всю ладонь, он вывернул ее лодочкой и медленно поднял. Теперь жидкость лежала в ладони, но даже не думала просачиваться сквозь неплотно сжатые пальцы, как просачивалась бы вода. Она оставалась вроде бы цельным куском. Бог ты мой, подумал Хортон, надо же — цельный кусок воды!

Хотя теперь-то он и сам понял, что это не вода. Странно, мелькнула мысль, что Шекспир не узнал о ней ничего, кроме того, что она похожа на суп. А может, и узнал. Записей в книге было не счесть, а он, Хортон, прочел пока лишь несколько абзацев. По словам Плотояда, Шекспир обозвал жидкость супом, однако она ничуть не напоминала суп. Она была гораздо теплее, чем можно было себе представить. И тяжелее, хоть это еще надо доказать — хорошо бы ее взвесить, но где взять весы? На ощупь она казалась скользкой. Как ртуть, хоть это конечно же была и не ртуть — в чем, в чем, а в этом можно было не сомневаться. Повернув ладонь, он позволил жидкости стечь — и ладонь оказалась сухой. Жидкость не была влажной!

Ну невероятно, сказал он себе. Жидкость теплее воды, тяжелее, с высоким коэффициентом сцепления, а главное — не влажная. Может, у Никодимуса найдется подходящий трансмог — да нет, черт с ним, с Никодимусом! У робота есть задание, а как только с заданием будет покончено, они уберутся отсюда, с этой планеты, в космос, к другим планетам, а скорее, просто в пространство, где нет никаких планет. Тогда он будет себе спать холодным сном, и его не станут больше будить. Но и такая перспектива вроде бы не слишком испугала его, хотя по логике вещей и должна бы пугать.

Наконец-то — и, наверное, впервые — Хортон согласился признать то, что ощущал душой, по-видимому, с самой по-

садки. Планета была никчемной. Плотояд высказался на сей счет откровенно с первой минуты знакомства — хреновая планета. Не страшная, не опасная, не отталкивающая, просто не годная ни на что. И уж, разумеется, не такая, где хотелось бы поселиться и жить.

Он попытался обосновать свой вывод, но нет, для подобного вывода вроде бы не было явных, поддающихся перечислению причин. В основе вывода была интуиция, подсознательная психологическая реакция. Возможно, вся беда сводилась к тому, что планета слишком походила на Землю — на неопрятную, халтурно вылепленную Землю. Он лично ждал от чужой планеты, что она будет чужой, а не бледной плохонькой копией Земли. Вероятно, любая другая планета была бы более приемлемой, потому что более чужой. Надо бы расспросить об этом Элейн — она-то уж должна знать. Не странно ли, подумал он, что, выйдя из туннеля, она сразу же направилась по тропинке. Не странно ли, что именно на этой планете пересеклись две человеческие жизни — и даже не две, а три, если не забывать Шекспира. Судьба покопалась в мешке с сюрпризами и наворожила им троим очутиться здесь на коротком отрезке времени — столь коротком, что они встретились или, применительно к Шекспиру, почти встретились и уж во всяком случае оказали влияние друг на друга. Элейн сейчас у туннеля с Никодимусом. Вскоре он присоединится к ним, но сперва, наверное, надо обследовать конический курган. Как обследовать, зачем, чего ожидать от такого обследования — ответить ни на один из вопросов он бы не смог. Но почему-то казалось важным поглядеть на курган поближе. Не потому ли, мелькнула догадка, что тот торчал поразительно не на месте?

Он поднялся на ноги и не спеша пошел по краю пруда, направляясь к кургану. Солнце поднялось уже довольно высоко по восточному небосводу, начало пригревать. Небо было бледно-голубым, без единого облачка. Еще подумалось: интересно, какая погода господствует на этой планете? Надо бы спросить Плотояда — тот прожил здесь достаточно долго, чтоб не затрудниться с ответом.

Обойдя пруд, Хортон добрался до подножия конуса. Склон оказался таким крутым, что пришлось опуститься на четвереньки и ползти, судорожно хватаясь за подобие травы, что-

бы, не дай бог, не скатиться вниз. И все-таки на половине подъема пришлось притормозить: дыхание стало напряженным до свиста. Растянувшись на склоне во весь рост и вцепившись в почву, чтобы не соскользнуть, он вывернул голову и посмотрел на пруд с высоты. Отсюда пруд выглядел не черным, а синим: зеркальная черная гладь отражала голубизну неба. Хортон дышал так тяжело, что ему мерещилось — курган дышит вместе с ним или, быть может, в толще кургана мерно бьется чье-то исполинское сердце.

Так и не отдышавшись, он снова встал на четвереньки и в конце концов вскарабкался на вершину. Ее венчала маленькая ровная площадка, откуда было легко убедиться, что курган в самом деле представляет собой правильный конус. По всей окружности склон вздымался под тем же самым углом, что и на стороне, какую Хортон выбрал для восхождения.

Он уселся на площадке, скрестив ноги, и, всмотревшись по-над прудом в противоположный берег, различил на гребне кладку заброшенного поселка. Впрочем, контуров отдельных построек было не разглядеть, как он ни старался: любой намек на прямые линии терялся в гуще зарослей. Чуть левее виднелся домик Шекспира. От кухонного костра к небу тянулась струйка дыма, но вокруг никого не было. Плотояд, вероятнее всего, еще не вернулся со своей охотничьей прогулки. Туннель из-за неровностей почвы не просматривался отсюда совсем.

Сидя и размышляя, он машинально потянул на себя пучок травяного покрытия. Несколько травинок выдернулось — на корнях налип ил. Ил, отметил Хортон про себя, вот это смешно! Откуда здесь взяться илу? Достав складной ножик, он щелкнул лезвием и, потыкав в грунт, вырыл неглубокую ямку. Ил, сплошной ил. Можно ли заподозрить, что курган целиком сложен из ила? Что в незапамятную эпоху древняя болотная топь вспучилась наподобие гигантского донного пузыря, топь высохла, а пузырь остался на веки вечные? Обтерев лезвие, он сложил ножик и засунул обратно в карман. Интересно бы, если б хватило времени, разобраться в геологическом строении этих мест. Но, по правде сказать, чего ради? На это потребуются недели, если не месяцы, а он вовсе не расположен застревать здесь на столь долгий срок.

Поднявшись на ноги, Хортон осторожненько спустился с кургана.

У туннеля он обнаружил Элейн вместе с Никодимусом. Она присела на камень и следила за тем, как робот трудится. В руках Никодимус держал зубило и молоток. Вокруг контрольной панели уже наметилась борозда.

— Наконец-то вы вернулись,— сказала Элейн, заметив Хортона.— Что вас так задержало?

— Обследовал кое-что.

— В городе? Никодимус рассказал мне про город.

— Нет, не в городе. Да это никакой и не город.

Никодимус повернулся к Хортону, не выпуская зубила и молотка, и пояснил:

— Хочу отделить панель от скалы. Если получится, попробую залезть в механизм и разобраться в нем с тыльной стороны.

— Все, чего ты добьешься,— сказал Хортон скептически,— это перервешь провода.

— Там нет проводов,— возразила Элейн.— И вообще ничего столь примитивного, как провода.

— А может,— продолжил Никодимус,— если я высвобожу панель, то сумею отковырять защитную покрышку.

— Какую покрышку? Ты же говорил — там силовое поле.

— Не знаю я, что там такое,— признался Никодимус.

— Делаю вывод,— сказал Хортон,— что второй коробки не оказалось. Той, которая управляет защитой.

— Не оказалось,— подтвердила Элейн,— и, значит, кто-то вмешивался в конструкцию. Кто-то не пожелал, чтобы эту планету можно было покинуть.

— По-вашему, планета закрыта?

— Видимо, так. Возможно, когда-то на других туннелях были какие-нибудь знаки, предупреждающие, что селектором, выводящим на эту планету, пользоваться не следует. Но знаки давно стерлись, или они там есть, а мы не знаем, как их искать.

— Если бы вы и нашли их,— вставил рассудительный Никодимус,— то наверняка не сумели бы прочитать.

— Верно,— согласилась Элейн.

В этот момент на тропинке бесшумно возник Плотояд.

— Я прибыл со свежим мясом,— возвестил он.— Как вы тут управляетесь? Разрешили вы эту задачу?

— Нет,— бросил Никодимус и вернулся к работе.

— Долговато вы копошитесь,— заметил Плотояд.

Никодимус стремительно обернулся.

— Не висни у меня на шее! — вспылил он.— Ты меня понукаешь с тех самых пор, как я взялся за эту работу. Ты со своим дружком Шекспиром слонялся тут годами, не делая ни черта, а теперь тебе хочется, чтобы мы пустили систему в действие за какой-нибудь час или два...

— Но вы обеспечены инструментами,— захныкал Плотояд.— Обеспечены инструментами и обладаете навыками. Шекспир не располагал ни тем ни другим, я тем паче. Казалось бы, с инструментами и навыками...

— Слушай, Плотояд,— вмешался Хортон,— мы никогда не говорили тебе, что справимся. Никодимус пообещал, что попробует. Гарантий тебе никто не давал. Прекрати вести себя так, будто мы нарушаем данное тебе обещание. Никто не обещал тебе ничего.

— Возможно, лучше бы,— предложил Плотояд,— испробовать магию? Три магии, сложенные воедино. Мою магию, твою магию и,— он указал щупальцем на Элейн,— ее магию...

— Магия не поможет,— отрезал Никодимус.— Если эта самая магия вообще существует на свете.

— Магия существует, нельзя усомниться,— заявил Плотояд.— Сие не подлежит обсуждению.— И вдруг обратился за поддержкой к Элейн: — Разве ты не подтвердишь это?

— Я видела магию,— сказала она,— или то, что выдавали за магию. Иногда она как будто срабатывала. Конечно, не всякий раз.

— Чистая случайность,— изрек Никодимус.

— Нечто большее, чем случайность,— возразила Элейн.

— Послушайте,— вмешался Хортон,— почему бы нам не убраться отсюда и не дать Никодимусу возможность делать, что он считает нужным? Если,— добавил он, обращаясь к роботу,— ты не считаешь, что тебе понадобится помощь...

— Помощь мне не понадобится,— заявил Никодимус.

— Давайте пойдем осмотрим город,— предложила Элейн.— Умираю от желания его увидеть...

— Только сперва заглянем в наш лагерь и прихватим фонарик,— откликнулся Хортон. Потом запоздало справился у Никодимуса: — У нас ведь есть фонарик, не правда ли?

— Есть,— ответил Никодимус.— В походном мешке.

— А ты пойдешь с нами? — спросил Хортон у Плотояда.

— С вашего разрешения, нет. Город — то место, что бередит мне нервы. Я останусь здесь. Роботу будет со мной веселее.

— Только держи рот на запоре,— предупредил Никодимус.— Даже не дыши на меня. И не подавай советов.

— Я буду вести себя,— пообещал Плотояд смиренно,— словно меня здесь нет.

Глава 17

«Что была моя жизнь? — спросила себя светская дама. И ответила честно: — Ее заполняли заседания всяческих комиссий и комитетов. И ведь была пора, когда даже нынешняя экспедиция представлялась мне просто очередным общественным начинанием. Я твердила себе тогда: вот еще один комитет, призванный побороть страх перед экспериментом, на который я дала согласие. Комитет, призванный выразить суть эксперимента в обыденных и понятных (прежде всего мне самой) словах, с тем чтобы страху стало негде гнездиться».

Хотя, как ей припоминалось, с самого начала страх перед экспериментом не мог перевесить иного, более глубокого страха.

«И в принципе, вправе ли страх выступать движущим мотивом? — задала она себе новый вопрос.— Разумеется, в те времена я нипочем, разве что в самую откровенную минуту, не согласилась бы с тем, что страшусь. Я повторяла себе и внушала другим, что действую из чистого бескорыстия, что нет у меня иных помыслов, кроме счастья человечества. И мне верили — или, по меньшей мере, я полагала, что мне верят: подобная мотивировка и мой поступок сам по себе так ловко вязались с тем, чем я занималась всю жизнь... Меня же ценили за добрые дела, за глубокое сочувствие всем страдальцам, и напрашивался вывод, что раз я посвятила себя благотворительности в пользу людей Земли, то не остановилась и перед этим последним жертвоприношением...»

Правда, насколько она была в силах припомнить, она-то сама никогда не считала свое решение жертвенным. Однако ничуть не возражала, чтобы другие считали именно так, более того, время от времени прямо провоцировала их на такие мысли. Ибо это рисовалось столь благородным — пожертвовать

собой, а ей мечталось остаться в памяти людской символом благородства и чтобы последнее ее решение венчало всю ее карьеру.

«Репутация и слава,— подумала она,— вот и все, что я ценила по-настоящему. Но,— пришлось добавить волей-неволей,— не репутация в узком кругу и не скромная слава, ибо тогда никто бы меня не заметил. А этого я снести не могла — мне хотелось, чтобы меня замечали и восхваляли. Председатель, президент, экс-президент, ответственный представитель, почетный секретарь, казначей — и так далее и тому подобное. Одна обязанность нанизывалась на другую, пока у меня не осталось ни секунды на размышления, пока каждый миг не оказался заполнен какими-нибудь делами и спешкой».

«Ни секунды на размышление? — переспросила она себя.— Так не тут ли скрывалась тайная пружина всей моей лихорадочной деятельности? Даже не погоня за почестями и славой, а просто чтобы не осталось времени размышлять? Чтобы не осталось времени вспоминать о рухнувших замужествах, о сбежавших от меня мужчинах и об углубляющейся год за годом душевной пустоте...»

Теперь она осознала четко: именно поэтому она здесь. Потому, что потерпела жизненный крах, обманув не только ожидания других, но не в меньшей степени свои собственные. И в конце пути поняла: она лихорадочно ищет то, что упустила в жизни как женщина, упустила по той причине, что не догадывалась о ценности упущенного, пока не стало слишком поздно.

И с учетом сказанного, это она сознавала тоже, нынешнее предприятие обернулось вполне успешно, хотя в прошлом ей случалось терзаться по этому поводу серьезными сомнениями.

«А я не терзался никогда,— вмешался ученый.— У меня сомнений не возникало. Ни разу».

«Вы подслушивали,— возмутилась дама с горечью.— Вы подслушивали мои мысли! Неужели у нас нет права на личную тайну? Наши личные мысли должны быть секретными. Подслушивать — очень дурной тон...»

«Мы едины,— заявил ученый,— или нам надлежит обрести единство. Нет более трех отдельных личностей, одной женщины и двух мужчин. Есть разум, единый разум. И все же мы живем порознь. Мы существуем порознь чаще, чем вместе. В этом смысле предприятие провалилось».

«Ничего подобного,— подал голос монах.— Это не провал, это только начало. У нас впереди вечность, и я, в отличие от вас, способен дать определение вечности. Весь мой земной век я жил во имя вечности и невзирая на это пребывал в подозрении, что для меня вечность недостижима. Для меня и для кого бы то ни было. Ныне я вижу, что ошибался. Мы трое обрели вечность, и если не подлинную вечность, то нечто, сопоставимое с нею. Мы уже изменились и будем меняться дальше, а в предстоящие тысячелетия, прежде чем этот материалистический корабль рассыплется в пыль, мы, вне сомнения, обратимся в вечный разум, не нуждающийся ни в Корабле, ни в биологическом вместилище, обязательном для индивидуальных разумов. Мы станем единой и самостоятельной силой, способной к вольному странствию до самых пределов вечности.

Кажется, я упоминал, что могу дать определение вечности. В сущности, это не определение, но расскажу вам красивую сказку. Понимаете, за долгие годы церковь накопила множество красивых сказок. Эта повествует о могучей горе высотой в милю и крохотной птичке. Каждую тысячу лет птичка, срок жизни которой ради поучительности не ограничен, пролетает над вершиной и, задевая ее крылом, понижает гору на бесконечно малую величину. И, пролетав над вершиной раз в тысячу лет, птичка в конце концов стесывает крылышком гору, сровняв ее с полем. Вы можете решить: стесать гору прикосновением крылышка раз в тысячу лет — на это нужен срок, равный вечности. И будете не правы. Этот срок — лишь самое начало вечности».

«Глупая сказка,— высказался ученый.— Вечность не поддается точному определению. Это всеохватывающая приблизительная концепция, для которой нельзя подыскать измерение, точно так же как нельзя подобрать измерение для бесконечности».

«А мне понравилось,— объявила дама.— Сказка оставляет приятное впечатление. Именно такие простые аллегории получались у меня всего выразительнее в речах, какие мне доводилось произносить в разных аудиториях и по разным поводам. Только не просите меня припомнить, что это были за аудитории и каковы были поводы. Я не в силах их перечислить. Однако мне хотелось бы, сэр монах, знать вашу сказку ранее.

Уверена, я нашла бы случай пересказать ее в одной из речей. Это прозвучало бы привлекательно. Это покорило бы зал».

«Все равно сказка глупая,— не сдавался ученый.— Задолго до того, как ваша птичка с неограниченным сроком жизни оставила бы на вершине даже малую отметину, гора разрушилась бы до основания под воздействием естественной эрозии».

«У вас перед нами неоспоримое преимущество,— заявил монах неодобрительно.— Вы обладаете научной логикой и руководствуетесь ею и в размышлениях, и в осмыслении собственного опыта».

«Житейская логика человечества,— провозгласил ученый,— ненадежна, как тростник. Она исходит из непосредственных наблюдений, а наши наблюдения, несмотря на целый ряд чудесных приборов, весьма и весьма ограничены. Ныне нам троим предстоит сформулировать новую логику, основанную на нашем нынешнем опыте. Не сомневаюсь, что мы найдем в так называемой земной логике множество ошибок».

«Я почти не знаю логики за пределами той, что изучалась мною как служителем церкви,— заявил монах,— а церковная логика гораздо чаще основывалась на смутных умственных построениях, чем на научных наблюдениях».

«А я,— объявила дама,— вообще не прибегала к логике, а пускала в ход набор приемов, преследующих цель продвинуть какую-то затею, которой я в тот момент была предана, хоть ныне я вовсе не уверена, что слово "предана" правильно отражает суть дела. Мне трудновато припомнить, была ли я в самом деле предана тому или иному начинанию, которым вроде бы служила. А если честно, то меня привлекало не столько само начинание, сколько возможность с его помощью занять и удерживать какой-нибудь влиятельный пост. Хотя сегодня эти посты, так привлекавшие и радовавшие меня в свое время, кажутся мне почти пустопорожними.

Но, должно быть, в глазах общественного мнения я выдвинулась достаточно заметно — иначе меня не удостоили бы чести, выпавшей нам троим. Как только было решено, что в составе тройки должна быть женщина, предложение сделали мне. Остается предположить, что все эти бесчисленные комитеты и поручения, участие в семинарах по вопросам, о которых я не имела никакого понятия, выступления перед малыми и большими аудиториями казались кому-то достойным за-

нятием. А теперь, когда я провела с вами столько лет и столько раз спрашивала себя, имею ли я на это право, я рада, что случилось так, а не иначе. Я счастлива быть здесь вместе с вами. Ибо иначе меня бы просто не стало. Не думаю, сэр монах, что я хоть однажды преуспела в том, чтобы всерьез поверить в ваши построения о бессмертии души».

«Разве это мои построения! — отмежевался монах.— Я и сам никогда не верил в вечное блаженство. Старался заставить себя поверить, потому что при моей профессии представлялось важным, чтоб я поверил. Однако мной владел страх смерти и, как догадываюсь, одновременно страх перед жизнью».

«Вы приняли предложение,— подытожила дама,— оттого, что страшились смерти, а я из тщеславия. Я была не в силах отказаться от почестей и знаков уважения. Чувствовала, что меня втягивают во что-то, о чем, возможно, придется пожалеть, но я слишком долго рвалась к общественному вниманию и стала органически не способной отвергнуть любое предложение, лишь бы оно было почетно. И уговаривала себя: мол, в самом крайнем случае это способ уйти из жизни с такой помпой, какая мне и не снилась».

«А теперь с вами все в порядке? — осведомился ученый.— Вы довольны, что приняли предложение, и уверены, что не совершили ошибки?»

«Я довольна,— ответила она.— Я даже начинаю забывать, и это забвение во благо. У меня был Ронни, Дуг, а потом Альфонс...»

«Это еще кто такие?» — осведомился монах.

«Те, за кого я выходила замуж. Была еще парочка других — имен не помню. Не могу не признаться, хотя в той жизни не призналась бы нипочем, что вела себя как порядочная стерва. Возможно, царственная стерва — и все равно грязная стерва».

«Сдается мне,— заметил ученый,— что все идет, как было задумано. Вероятно, немного медленнее, чем планировалось. Но еще какая-нибудь тысяча лет — и мы, кажется, сумеем стать тем, что задумано. Мы честны с собой и друг с другом, и, по-моему, это часть задуманного. Мы не могли полностью сбросить с себя старую человечью кожу за столь короткий срок. Человечество затратило два миллиона лет на то, чтобы выра-

ботать свои повадки, и их нельзя сбросить с такой же легкостью, как старую одежду».

«А вы сами, сэр ученый?»

«Что я?»

«Как насчет вас? Двое из нас наконец-то честны с собой. А вы?»

«Я? Никогда не задумывался об этом. У меня не было никаких сомнений. Любой ученый, и в особенности астроном, как я, продал бы душу за право участия в таком предприятии. В образном смысле, коль на то пошло, я ее, пожалуй, и продал. Я способствовал тому, чтобы меня включили в этот конгломерат индивидуальностей — называйте его как хотите. Я добивался, чтобы меня включили. Если понадобилось бы, я пустил бы в ход кулаки и зубы. Исподтишка, тайком я умолял влиятельных друзей поддержать мою кандидатуру. Я пустился бы во все тяжкие. Причем я не смотрел на свое участие в экспедиции как на особую честь. И не страх руководил мной, не то что вами двоими,— а впрочем, может, и страх, только иного рода. Понимаете, я старел, и мной овладевало безумное чувство, что времени почти не осталось, что оно утекает меж пальцев как песок. Да, если разобраться, какой-то страх, подсознательный страх, мог иметь место. Но прежде всего мной владела уверенность, что нельзя бесповоротно уйти во тьму, когда столько еще не сделано. Хотя ни одно из нынешних моих наблюдений, ни один из нынешних моих выводов не будут иметь для землян никакого значения — ведь я больше не землянин.

Однако, в конечном счете, не думаю, что эта оговорка могла бы повлиять на мое решение, осознай я ее заранее. Я всегда работал не для Земли, не для соотечественников, а для себя, для собственного удовлетворения. Я не гонялся за аплодисментами. Не в пример вам, дорогая леди, я предпочитал скрываться от людей. Я избегал известности, не давал интервью и не выпускал книг. Разумеется, я писал статьи для профессионалов, способных оценить достигнутые мной результаты, но ни строки, понятной широкой публике. Если подытожить сказанное, я, наверное, законченный эгоист — или был эгоистом. Я не заботился ни о ком, кроме себя самого. А ныне я рад сообщить вам, что нахожу свое положение рядом с вами очень для себя удобным. Словно мы давние друзья, хотя ни-

когда прежде друзьями не были и, вероятно, ни одного из нас нельзя назвать другом двух других в классическом понимании слова "дружба". Но если мы можем поладить друг с другом, то при создавшихся обстоятельствах этого довольно, чтобы говорить о дружбе».

«Ну и компания подобралась,— съязвил монах.— Самовлюбленный ученый, дамочка, жаждущая славы, и монах, который боялся всего и вся».

«Боялся? Или боится по-прежнему?»

«Больше я ничего не боюсь. Нет ничего на свете, что могло бы затронуть меня или любого из вас. Этого мы добились».

«До цели еще долгий путь,— объявил ученый.— Рано торжествовать победу. Скромнее, скромнее!»

«Я скромничал в течение всей моей земной жизни,— ответил монах.— Мне надоело скромничать».

Глава 18

— Что-то не так,— сказала Элейн.— Что-то не сходится. Нет, я не нахожу слов. Но на этой планете есть какая-то необычность, которой мы пока не обнаружили. Здесь что-то зреет, ждет своего часа — мы тут, может, и ни при чем, но что-то зреет...

Она напряглась, почти оцепенела и вдруг напомнила Хортону сеттера, с которым он, бывало, охотился на перепелок. Тот так же сосредоточенно замирал, едва учуяв что-то, но не сразу разобравшись, что именно, и принимал стойку на всякий случай, демонстрируя острую готовность. Хортон просто выждал не шевелясь, и в конце концов женщина, хоть и с заметным усилием, заставила себя расслабиться. И взглянула на него умоляющими глазами, видимо, опасаясь недоверия.

— Не смейтесь надо мной,— попросила Элейн.— Я знаю, здесь что-то есть, что-то необыкновенное. И не знаю что.

— Я не собираюсь смеяться,— ответил он.— Верю вам на слово. Но каким образом...

— Тоже не знаю. Однажды в подобной же ситуации я переступила через предчувствие. Больше не стану. Это случалось со мной и раньше, случалось много раз. Почти как внутренний голос. Как предостережение свыше.

— По-вашему, это «что-то» может быть опасным?

— Не берусь определить. Просто ощущение необычности, и все.

— Пока что мы ничего не нашли,— сказал он.

И это было, в общем, справедливо. Они обследовали три здания и нигде не нашли ничего, кроме пыли, подгнившей мебели, керамики и стекла. Для археолога, сказал себе Хортон, во всем этом, наверное, открылся бы некий смысл, но им двоим открывалась только дряхлость, пыльная, заплесневелая, назойливая дряхлость, бесполезная и угнетающая. Когда-то, в далеком прошлом, здесь обитали разумные существа, но его неподготовленное зрение не распознавало никакого намека на то, что им понадобилось здесь, на планете.

— Я часто спрашивала себя,— сказала Элейн.— Удивлялась и спрашивала. Я ведь не единственная, кому это дано. Есть и другие. То ли новая способность, то ли заново обретенный инстинкт — кто разберется? Когда люди проникли в космос и высадились на иных планетах, им пришлось приспосабливаться — как бы выразиться получше,— пожалуй, к неправдоподобному. Им пришлось развить в себе новые навыки выживания, новые привычки в мышлении, новые чувства, новую интуицию. Может, это именно чувство нового типа, новая догадливость, новый нюх. У земных пионеров, когда они продвигались в неведомые края, вырабатывалось что-то в таком роде. Допускаю, что подобной интуицией обладали и первобытные люди. Но потом настали иные времена. На устроенной и цивилизованной Земле люди перестали нуждаться в интуиции и утратили ее. Цивилизованная среда почти не оставляет места неожиданностям. Каждый знает, чего ждать. Но как только человек отправился к звездам, нужда в прежней интуиции возникла опять.

— Не оглядывайтесь на меня,— ответил Хортон.— Я ведь как раз представитель той Земли, которую вы назвали цивилизованной.

— А она в ваше время была цивилизованной?

— Чтобы ответить, надо договориться о терминах. Что, по-вашему, значит «цивилизованный»?

— Не знаю. Не встречала ни одной полностью цивилизованной планеты — в том смысле, в каком говорят о цивилизованной Земле. Или, точнее, не думаю, что встречала. В наши

дни ни в чем нельзя быть уверенной. Я и вы, Картер Хортон,— люди разных эпох. Может случиться, что каждому из нас, чтобы понять другого, придется призвать на помощь все свое терпение.

— Судя по вашим словам, вы видели множество миров.

— Видела,— подтвердила она.— На нынешней своей работе. Когда попадаешь на планету, то остаешься там на день-другой, иногда чуть больше, но надолго все равно не задерживаешься. Ровно на столько, сколько нужно, чтобы провести начальные наблюдения и вкратце записать их, составить себе какое-то впечатление о том, что это за планета. Короче, чтоб узнать ее без ошибки, если окажешься там повторно. Потому что важно понять, может ли система туннелей вывести куда-то, где ты уже был. На некоторых планетах хочется побыть подольше. В кои-то веки случается попасть в действительно приятное место. Но это редкость. Чаще всего испытываешь облегчение при мысли, что можно удрать.

— Скажите мне одно,— произнес Хортон.— Я, признаться, в недоумении. Вы участвуете в этой, как вы ее называете, картографической экспедиции. А по мне она похожа на стрельбу наобум по кустам. Ваши шансы на успех — не больше одного на миллион, и тем не менее...

— Я же говорила вам, что я в экспедиции не одна, есть и другие.

— Но если б вас был даже миллион, лишь одному выпадет шанс вернуться в мир, который он уже посещал. И если лишь один человек найдет путь домой, вся затея сведется к пустой трате времени. Нужно, чтоб успеха добились минимум человек десять, прежде чем возникнет статистическая вероятность, что туннели можно нанести на карту или хотя бы начать наносить на карту.

Она смерила его холодным взглядом:

— Там, откуда вы прибыли, вы, конечно, слышали о вере.

— Разумеется, я слышал о вере. Вера в самого себя, вера в свою страну, вера в свою религию. Но какое это имеет отношение к делу?

— Вера — зачастую единственное, что нам остается.

— Вера,— сказал он,— означает, что вы допускаете возможность чего-либо, несмотря на то что вам прекрасно известно, что оно невозможно.

— Зачем так цинично? — спросила она.— И так недальновидно? И так материалистично?

— Я ничуть не циничен. Просто беру в расчет теорию вероятности. И нас никак нельзя упрекнуть в недальновидности. Напоминаю, мы были первыми, кто полетел к звездам, кто оказался способен полететь к звездам или убедил себя в том, что способен полететь, именно исходя из материалистических воззрений, которые вы, по-видимому, так презираете.

— Это правда,— согласилась она,— но я говорила вовсе не о том. Земля — одно, а звезды — совсем другое. Когда вы оказываетесь среди звезд, ценности изменяются, углы зрения тоже. Есть старое выражение: игра идет по другим правилам — кстати, вы не могли бы объяснить мне, что оно значит?

— Вероятно, это намек на какие-то спортивные соревнования.

— Вы имеете в виду дурацкие упражнения, которые когда-то были в моде на Земле?

— А что, у вас их больше нет? Никаких спортивных соревнований вообще?

— Слишком многое надо сделать, слишком многое познать. Мы не испытываем больше нужды в том, чтоб изобретать искусственные развлечения. У нас нет на них времени, а если б и было, они бы никого не заинтересовали.— Вдруг Элейн показала на строение, почти поглощенное кустами и деревьями.— Я думаю, это оно.

— Что «оно»?

— Дом, где гнездится странность. Та самая необычность, о которой я говорила.

— Войдем и посмотрим?

— Не вполне уверена, стоит ли. Сказать вам по правде, я немного боюсь. Понимаете, боюсь того, что мы там найдем.

— А что найдем, вы не догадываетесь? Вы сказали, что чувствуете необычность. Но ваше восприятие не настолько развито, чтобы по крайней мере намекнуть, что именно?

Элейн покачала головой:

— Нет, я знаю лишь, что там нечто странное. Нечто за пределами обыденности. Может быть, и страшное, хоть я не ощущаю настоящего страха. Просто какой-то толчок в мозгу и следом опасение необычного и непредвиденного. Мной владеет неприятное чувство странности, только и всего.

— Туда будет нелегко проникнуть,— заметил Хортон.— Заросли очень густые. Могу вернуться в лагерь и захватить мачете. По-моему, у нас в багаже оно было.

— Не беспокойтесь,— сказала она и расчехлила оружие, свисающее с пояса.— Это прожжет нам дорогу.

Оружие оказалось массивнее, чем выглядело в кобуре,— остроносое и довольно громоздкое оружие. Он присмотрелся внимательнее.

— Лазер?

— Вероятно, да. Точно не знаю. Не только оружие, но и инструмент. На моей родной планете это стандартная вещь. Каждый житель носит его с собой. Его можно отрегулировать, видите? — Она показала на диск, встроенный в рукоятку.— Можно собрать лучи режущим острием, можно пустить веером, как хотите. Но почему вы спрашиваете? Ведь у вас есть собственное оружие...

— Мое оружие другое,— ответил Хортон.— Довольно грубое, но эффективное, если умеешь с ним обращаться. Оно выбрасывает снаряд. Пулю. Сорок пятый калибр. Это оружие, но никак не инструмент.

— Я слышала о таком принципе,— нахмурилась Элейн.— Концепция восходит к глубокой древности.

— Может, и так, но когда я вылетал с Земли, у нас не было ничего лучшего. В руках человека умелого оружие действует точно и весьма смертоносно. Высокая начальная скорость, огромная убойная сила. Патроны заряжаются взрывчатым веществом, кажется нитроглицерином, а может, кордитом. Я не знаток химической стороны дела.

— Но никакое взрывчатое вещество, никакая химическая смесь не могли сохраниться в течение такого срока, что вы провели на корабле. Все они со временем распадаются.

Хортон взглянул на нее внимательно, удивленный ее познаниями, и согласился:

— Я не подумал об этом. Но вы правы. Разумеется, тут не обошлось без конвертора материи...

— У вас есть конвертор?

— По словам Никодимуса, да. Я сам его не видел. И вообще, честно говоря, не видел ни одного конвертора в глаза. Когда нас загнали в холодный сон, никаких конверторов материи еще не было. Их изобрели позднее.

— Еще одна легенда,— сказала она.— Утраченное искусство...

— Вовсе не искусство, а технология.

Она пожала плечами:

— Так или иначе, это утрачено. У нас нет конверторов материи. Как я и сказала — еще одна легенда.

— Ладно,— прервал ее Хортон,— так мы собираемся выяснить, что это за необычность? Или мы просто...

— Нет, мы пойдем и посмотрим,— сказала она.— Я устанавливаю самый низкий уровень излучения.

Она опустила свое устройство — из дула вырвалось бледно-голубое сияние. Заросли задымились с жутковатым шорохом, в воздухе поплыла пыль.

— Осторожнее,— предостерег он.

— Не тревожьтесь, я умею обращаться с этой штукой,— отрезала она. И было очевидно, что действительно умеет,— в кустах открылась ровная узкая тропинка, аккуратно обогнувшая попавшееся на пути дерево.— Незачем его жечь,— пояснила Элейн.— Не будем расточительны сверх необходимости.

— Все еще ощущаете это? — поинтересовался Хортон.— Эту вашу странность? И все еще не разобрались, что она такое?

— Она по-прежнему там. А что это, я не догадываюсь, точно так же как и прежде.

Женщина убрала оружие в кобуру. Засветив фонарик, Хортон вступил в здание первым.

Внутри было темно и пыльно. Вдоль стен торчала полуразвалившаяся мебель. Какая-то мелкая зверюшка пискнула, объятая ужасом, и метнулась через комнату, ускользнув смазанной тенью во тьму.

— Мышь,— предположил Хортон.

— По всей вероятности, нет,— спокойно ответила Элейн.— Мыши — это принадлежность Земли, по крайней мере так нас уверяют старые детские стишки. Например, такой: «Побежала мышка-мать, стала кошку в няньки звать...»*

— Выходит, детские стишки дожили до вашей эпохи?

— Некоторые дожили. Подозреваю, что далеко не все...

* Стихи С. Я. Маршака.

Перед ними была запертая дверь. Но едва Хортон толкнул ее рукой, она обрушилась за порог грудой хлама. Подняв фонарик, он осветил следующую комнату. И комната словно вспыхнула. Ослепительный золотой блеск ударил им в лица — они поневоле отступили на шаг-другой. Хортон опустил фонарик, потом стал медленно поднимать снова. Блеск появился опять, но на этот раз они сумели разобрать, что именно блестит. В центре комнаты, занимая ее почти целиком, стоял куб.

Отражение было все еще слишком ярким — пришлось снова опустить фонарик. Затем Хортон осторожно переступил порог. Теперь куб больше не отражал лучи, а, напротив, словно поглощал их, впитывал и рассеивал по всему своему объему. Казалось, что куб осветили изнутри.

В освещенном пространстве лежало, как бы ни на что не опираясь, некое существо. Существо — вот и все, что можно было сказать, более подробное описание не приходило в голову. Оно было огромным, заполняло собою куб почти без остатка, тело уходило за пределы видимости. На мгновение возникло ощущение глыбы, но не просто аморфной глыбы. В ней ощущалась жизнь, что-то в изгибе линий тела безотчетно подсказывало: глыба живая. То, что казалось головой, склонялось на то, что казалось грудью. А тело, все тело — но тело ли? — было покрыто замысловатым, будто выгравированным узором. Как рыцарские латы, мелькнула мысль, как драгоценный образчик кузнечного искусства.

Элейн, подойдя вплотную к Хортону, выдохнула восхищенно:

— Что за красота!

Хортон замер, парализованный удивлением пополам с испугом, но наконец выговорил:

— У него есть голова. Чертова бестия живая...

— Она не шевелится,— сказала Элейн.— А была бы живая, должна бы шевельнуться. Как только на нее упал свет, она бы шевельнулась.

— А может, спит?

— Не похоже, что спит.

— Она наверняка живая,— настаивал Хортон.— Вы ее чувствовали. Это и есть та странность, которую вы чувствовали. И вам по-прежнему непонятно, что это такое?

— Совершенно непонятно. Ни о чем подобном я никогда не слышала. Ни легенд, ни старых сказок. Вообще ничего. И оно такое красивое. Ужасное и одновременно красивое. Взгляните на эти изящные, сложные узоры. Это его одежда — нет, теперь я понимаю, что не одежда. Узоры на чешуе...

Хортон попытался хотя бы представить себе общие контуры тела, но потерпел неудачу. Раз за разом он начинал прослеживать какую-нибудь линию, и до поры все шло хорошо, но затем линия неизменно терялась, растворяясь в заполняющем куб золотом сиянии и путанице перевитых форм самого существа.

Тогда он попробовал подступиться к кубу на шаг ближе для более пристального осмотра — и его вдруг остановило. Остановила сама пустота. Не было совершенно ничего, что могло бы его застопорить, и все-таки он словно налетел на невидимую и неощущаемую стену. Нет, не на стену, поправил он себя. Память отчаянно забилась, стараясь подыскать сравнение, пригодное для такого случая. Но сравнение не отыскивалось, потому что остановила его сама пустота. Свободной рукой он ощупал все перед собой. Рука не обнаружила ничего, но продвинуться не смогла. Никакого физического ощущения, никакого препятствия, доступного чувствам. Будто — наконец-то сравнение пришло на ум — он натолкнулся на конец реальности и достиг точки, откуда нет дальнейшего пути. Будто некто прочертил линию и сказал: мир кончается здесь, никто и ничто не вправе превзойти сей предел. Однако, если это было так, что-то осталось недодуманным: ведь заглянуть за дозволенный предел он мог по-прежнему!

— Тут ничего нет,— заметила Элейн,— и все-таки что-то есть. Мы же видим куб и существо в кубе...

Хортон отступил на шаг, и в тот же самый момент золотистость, объявшая куб, как бы выпрыгнула из него и охватила их обоих. Они как бы сделались частью куба и существа, весь мир уплыл куда-то в золотой дымке, и на мгновение они остались вдвоем, только вдвоем, отрешенные от времени и от пространства. Элейн стояла совсем, совсем близко, и довольно было опустить глаза, чтобы увидеть заново розу, вытатуированную у нее на груди. Он потянулся к розе рукой и произнес:

— Красиво...

— Спасибо, сэр,— сказала она.

— Вы не против, что я обратил внимание на розу?

Она покачала головой.

— Я уже была почти разочарована тем, что ты ее упорно не замечаешь. Следовало бы догадаться, что она там специально для того, чтобы привлекать внимание. Роза задумана как магнит, притягивающий взгляды...

Глава 19

— Вот, полюбуйтесь,— пригласил Никодимус.

Наклонившись, Хортон различил слабенький след, выбитый зубилом по периметру контрольной панели.

— На что любоваться? Не вижу ничего особенного. Разве то, что ты ухитрился почти не сдвинуться с места.

— В том-то вся и загвоздка. Я ничего не могу сделать. Зубило вгрызается в камень на два-три миллиметра, а потом он твердеет. Будто это не камень, а металл, только самый внешний слой подъела ржавчина.

— Но это вовсе не металл!

— Совершенно верно, это камень. Я проверял и другие участки скальной поверхности.— Он показал на скалу: там и сям на ней виднелись царапины.— Повсюду то же самое. Самый верхний слой немного выветрен, а глубже, куда выветривание не добралось, камень неправдоподобно тверд. Словно молекулы связаны куда прочнее, чем положено по законам природы.

— Где Плотояд? — осведомилась Элейн.— А вдруг он знает что-нибудь на этот счет?

— Весьма сомневаюсь,— сказал Хортон.

— Я его выпроводил,— заявил Никодимус.— Порекомендовал ему убираться ко всем чертям. Он дышал мне в спину и торопил меня...

— Ему так нестерпимо хочется расстаться с этой планетой,— сказала Элейн.

— Кому бы не захотелось? — откликнулся Хортон.

— Мне его от души жаль,— продолжала Элейн.— Неужели его в самом деле никак нельзя взять на корабль? Разумеется, в случае, когда все другие средства будут исчерпаны...

— Не вижу, как это сделать,— сказал Хортон.— Конечно, можно бы попробовать холодный сон, но это почти наверняка убьет его. А ты как думаешь, Никодимус?

— Холодный сон рассчитан исключительно на людей,— ответил робот.— Как он действует на другие виды, не имею представления. Может, не слишком хорошо, а может, вообще не действует. Прежде всего, как быть с анестезирующим препаратом, приостанавливающим деятельность клеток перед тем, как подвергнуть их замораживанию? Для людей препарат почти безвреден, что и неудивительно,— он же разработан для людей. Но чтоб он воздействовал на другие формы жизни, в его состав, наверное, надо внести изменения. Скорее всего, изменения должны быть небольшими и очень тонкими. Я не оснащен для их проведения.

— Значит, ты полагаешь, что он умрет даже раньше, чем начнется замораживание?

— Подозреваю, что именно так.

— Но нельзя же бросить его здесь одного! — воскликнула Элейн.— Нельзя взлететь, а его оставить, как мусор!

— Можно бы просто взять его на борт...— сказал Хортон.

— Нет, нельзя,— перебил Никодимус.— Если я буду на борту, то не потерплю его. Я прикончу его в первую же неделю полета. Он царапает мне нервы, как наждак.

— Даже если твои маниакальные намерения не сбудутся, ему-то что за выгода? Не знаю, что замышляет Корабль, но могут пройти столетия, прежде чем мы сядем на какую-нибудь другую планету.

— Можно сделать специальную остановку и высадить его.

— Так поступили бы вы,— сказал Хортон.— Или я. Или Никодимус. Но не Корабль. Корабль, насколько могу судить, преследует более долговременные цели. И какие есть основания полагать, что мы отыщем другую подходящую планету через десять лет или даже через сто? Корабль провел в космосе целое тысячелетие, прежде чем обнаружил хотя бы эту планету. Не забывайте, наша скорость ниже световой.

— Ваша правда,— ответила Элейн.— Я действительно забываю об этом. В эпоху депрессии, когда люди бежали с Земли, они устремились во всех направлениях...

— На сверхсветовых кораблях.

— Нет, не на сверхсветовых. На кораблях разрывного времени. Не спрашивайте меня, как они действовали. Но у вас теперь есть какое-то представление...

— Крайне туманное,— признался Хортон.

— И тем не менее,— продолжала она,— на поиски землеподобных планет им требовались многие годы. Некоторые корабли исчезли — то ли в глубинах пространства, то ли во времени, то ли выпали из нашей Галактики. Что случилось с ними, установить невозможно. Они взлетели — и больше о них никто никогда не слышал.

— Теперь вы сами поняли, что проблема с Плотоядом неразрешима.

— Но, может, нам удастся все-таки разгадать загадку туннеля? По сути, Плотояд хочет только этого и ничего другого. Да и я тоже.

— Я исчерпал свои возможности,— высказался Никодимус.— У меня нет новых идей. Ситуация не сводится к тому, что кто-то взял и закрыл данную планету. Этот кто-то потратил немало сил на то, чтобы ее нельзя было открыть. Крепость скалы превышает любые естественные факторы. Ни один камень не может быть таким твердым. Кто-то сделал его сверхтвердым, и намеренно. Догадался, что кто-то другой может попробовать покопаться в контрольной панели, и принял меры.

— Значит, на планете есть что-то особенное,— заявил Хортон.— Есть же какая-то причина, по которой туннель решили заблокировать! Уж не клад ли?

— Нет, не клад,— уверенно ответила Элейн.— Чем оставлять клад, они бы утащили его с собой. Так что, скорее всего, не клад, а угроза.

— Ну почему нет? Кто-то спрятал здесь что-то для пущей сохранности...

— Не думаю,— отозвался Никодимус.— В один прекрасный день они решат забрать спрятанное, и что дальше? Забрать-то они его заберут, а как им отсюда выбраться?

— Они могут прилететь на корабле,— предположил Хортон.

— Не похоже,— заявила Элейн.— Куда вероятнее, что им известно, как обойти блокировку.

— Значит, по-вашему, такой способ все-таки существует?

— Склоняюсь к мысли, что способ есть, но из этого не следует, что мы сумеем найти его.

— Тогда,— заметил Никодимус,— дело сводится к тому, что туннель закрыли, чтобы кто-то не ускользнул отсюда. Кого-то или что-то заперли здесь, отрезав от остальных туннельных планет.

— Но если так,— подхватил Хортон,— кто это или что это? А если наше существо из куба?

— Может быть,— согласилась Элейн.— Не исключено, что его не только замуровали в кубе, но и привязали навсегда к планете. Вторая линия защиты на случай, если ему удастся вырваться из куба. Хотя в это почему-то трудно поверить. Уж очень оно красивое.

— Оно может быть красивым и одновременно опасным.

— Что за существо в кубе? — поинтересовался Никодимус.— Я о таком не слышал.

— Мы с Элейн нашли его в одном из строений в городе. Какая-то бестия, запертая в кубе.

— Живая?

— Трудно сказать наверняка, но, по-моему, живая. Чувствую, что живая. Элейн сумела ощутить ее на расстоянии.

— А куб? Из чего сделан куб?

— Из странного материала,— ответила Элейн,— если это вообще материал. Он останавливает тебя, а ты не ощущаешь ровным счетом ничего, словно никакого препятствия и нет...

Никодимус принялся собирать инструменты, разбросанные по гладкому каменному ложу тропинки.

— Стало быть, сдаешься,— констатировал Хортон.

— С тем же успехом могу и сдаться. Больше не могу ничего придумать. Моими инструментами с этим камнем не справиться. А значит, мне не снять защитную покрышку панели, будь это силовое поле или что-то еще. Я выдохся, если только у кого-нибудь не мелькнет свежая идея.

— А если поглядеть повнимательнее Шекспирову книгу? — предложил Хортон.— Вдруг всплывет что-нибудь новенькое?

— Шекспир сюда и близко не подходил,— усомнился Никодимус.— Да и не умел ничего, кроме как пинать туннель ногами и осыпать проклятиями...

— Я и не рассчитываю найти у Шекспира стоящие технические идеи. В лучшем случае какое-то наблюдение, подлинное значение которого от него ускользнуло.

Никодимус по-прежнему не избавился от сомнений.

— Даже если так,— пробурчал он,— не очень-то много начитаешь, когда рядом крутится Плотояд. Ему опять позарез захочется узнать, что написал Шекспир, а Шекспир в своих записках не слишком щедр на комплименты в адрес своего старого приятеля...

— Но Плотояда тут нет,— отметила Элейн.— Он не сказал, куда денется, когда ты прогнал его?

— Сказал, прогуляется. И что-то такое опять бормотал про магию. У меня сложилось впечатление, хоть и не очень четкое, что он решил собрать какую-то магическую дрянь — листья, корни, кору.

— Он ведь говорил про магию и раньше,— напомнил Хортон.— Вынашивал мыслишку, что нам надо объединить наши три магии.

Элейн встрепенулась.

— Вы знаете магию?

— Нет,— ответил Хортон,— магию мы не признаем.

— Тогда не надо глумиться над теми, кто в нее верит.

— А вы что, верите?

— Сама не знаю,— наморщила лоб Элейн,— но мне доводилось видеть магию, которая действительно помогала или казалось, что помогает.

Никодимус сложил инструменты в коробку и захлопнул ее.

— Ладно, пойдем в дом и заглянем в книгу,— согласился он милостиво.

Глава 20

— Этот ваш Шекспир,— сказала Элейн,— был, по-видимому, философ, однако не слишком уверенный в себе. Лишенный серьезной подготовки.

— Он был человек одинокий, больной и испуганный,— ответил Хортон.— И записывал все подряд, что приходило на ум, не заботясь ни о логике, ни о слоге. Он писал для себя, не предполагая, что кто-нибудь когда-нибудь прочтет его каракули. Если бы такое пришло ему в голову, он, наверное, предпочел бы выражаться осмотрительнее.

— По крайней мере, он был честен сам с собой,— сказала Элейн.— Вот послушайте хотя бы:

«У каждого времени свой запах. Возможно, это самоуверенно с моей стороны, но я убежден, что прав. Состарившись, время пахнет кислым и затхлым, а запах юного времени в начале творения должен был быть сладким, пьянящим и неудержимым. Размышляю: что, если по мере того, как события следуют к неведомому нам концу, мы будем отравлены едкими запахами прежних времен, вполне подобно тому и с тем же финалом, как былая Земля была отравлена рвотой заводских труб и гноем ядовитых газов? А если и смерть самой Вселенной грядет в отравлении временем? Если запахи прежних времен сгустятся до того, что никакая жизнь не сможет существовать ни на одном из тел, составляющих космос, и, возможно, сама материя Вселенной обратится в злокачественную гниль? Если эта гниль так засорит физические процессы, действующие во Вселенной, что они попросту прекратятся и сменятся хаосом? Но если так, что принесет с собой хаос? Не обязательно конец Вселенной. Хаос сам по себе есть отрицание всей физики и всей химии и, допускаю, положит начало непредставимым комбинациям, отвергающим все предшествующие концепции, а потому способным привести к беспорядку и неточности, которые, в свой черед, сделают возможными события, по мнению нынешней науки, совершенно невероятные...»

А послушайте дальше:

«Возможно, некогда была такая ситуация — чуть не написал "было время", но это привело бы к путанице в понятиях,— что до возникновения Вселенной не существовало ни времени, ни пространства, а соответственно, не существовало и координат той массы, которой предстояло взорваться, дабы положить начало Вселенной. Разумеется, разум человеческий не в силах представить себе ситуацию вне времени и пространства, хотя можно допустить, что и то и другое было потенциально заложено в космическом яйце,— а оно само по себе есть тайна, не поддающаяся воспроизведению в зрительных образах. И тем не менее интеллекту ведомо, что подобная ситуация действительно имела место, если только вся наша наука не заблуждается в корне. Однако закрадывается и сомнение: если не было ни времени, ни пространства, в какой же среде пребывало космическое яйцо?»

— Звучит дерзко,— высказался Никодимус,— но не содержит никакой информации, ничего, что было бы полезно узнать. Этот тип пишет так, будто живет в вакууме. Такую

околесицу можно было сочинить где угодно. Он почти не упоминает эту планету, разве что мимоходом бесчестно смеется над Плотоядом.

— Он старается забыть об этой планете,— предположил Хортон,— старается уйти в себя и не обращать на нее внимания. В сущности, он пытается создать себе псевдомир, который принес бы ему нечто иное, чем постылая планета.

— По каким-то причинам,— продолжила Элейн,— его очень заботило загрязнение окружающей среды. Вот послушайте еще одно рассуждение на этот счет:

«Убежден, что появление разума ведет к нарушению экологического равновесия. Другими словами, разум — величайший загрязнитель природы. Как только существо начинает овладевать своим окружением, все ввергается в беспорядок. Пока этого не случилось, в природе действует система проверок и противовесов, логичная и эффективная в своей основе. Разум разрушает и видоизменяет эту систему, даже если усердно старается оставить ее в покое. Нет и не может быть разума, живущего в гармонии с биосферой. Пусть он полагает, что достиг гармонии, пусть хвалится этим, но интеллект дает ему преимущество над природой, и всегда есть соблазн использовать преимущество к собственной выгоде. Итак, разум может дать огромный выигрыш в борьбе за существование, однако выигрыш этот краткосрочен, и в конечном счете разум оборачивается не созидателем, а разрушителем».

Она пролистала страницы, бегло вглядываясь в записи, и сказала:

— Так забавно читать на старшем языке! Я была не вполне уверена, что смогу.

— Шекспир владел пером не самым лучшим образом,— заметил Хортон.

— Достаточно хорошо, чтоб его писанину можно было прочесть. Надо только чуть-чуть приноровиться. Слушайте, тут что-то диковинное. Он пишет про Божий час. Странное выражение...

— Однако довольно точное. По крайней мере, на этой планете такой час существует. Надо было сказать вам об этом раньше. Что-то нисходит с неба, хватает вас и раздевает душу донага. Нисходит на всех, кроме Никодимуса. Никодимус едва замечает Божий час. Похоже, что источник Божьего часа —

вне пределов планеты. По словам Плотояда, Шекспир считал, что час приходит из какой-то точки дальнего космоса. А что пишет он сам?

— Очевидно, запись сделана на основании долгого опыта,— ответила Элейн.— Судите сами:

«Чувствую, что наконец-то научился я мириться с явлением, которое окрестил, за неимением лучшего определения, Божьим часом. Плотояд, бедняга, все еще негодует на Божий час и боится его, да и я, наверное, тоже боюсь. Однако к настоящему времени, испытывая его день за днем в течение многих лет и осознав, что от него не спрячешься и не убережешься, научился я принимать его как нечто неизбежное. В то же время обладает он свойством выводить человека за собственные пределы и выставлять перед лицом Вселенной, хотя, правду сказать, будь у меня выбор, вряд ли я или кто-либо другой пожелал бы выставляться подобным образом столь часто.

Беда, разумеется, в том, что в Божий час видишь и испытываешь слишком многое и большую часть — а если не лукавить, то все без исключения — не понимаешь и потом остаешься как был, удерживая в памяти лишь обрывки испытанного. И, ужасаясь, спрашиваешь себя: а если человеческий интеллект и не годен на большее, если он способен воспринять лишь самую малость из того, перед чем его обнажали? Подчас недоумевал я: не есть ли это преднамеренный обучающий механизм? Но если так, то обучение ведется сверх всякой меры и развернутые научные тексты предъявляются бестолковому студенту, не ведающему азов того, чему его пытаются учить, а потому бессильному даже смутно уловить принципы, необходимые хотя бы для зачаточного понимания предмета.

Истинно, возникало во мне недоумение, однако и оно не шло дальше первичного и зачаточного. А с течением времени все более и более склонялся я к выводу, что Божий час, как я воспринимаю его, не предназначен ни для меня, ни для кого бы то ни было из людей; Божий час, каков бы ни был его механизм, исходит от сущности, совершенно не ведающей о нашем человеческом бытии. Возможно, сущность сия задохнулась бы в космическом хохоте, узнай она о том, что во Вселенной обитает такая козявка, как я. И постепенно пришел я к убеждению, что меня просто задевает рикошетом, отдельными шальными дробинками, а выстрел нацелен в иную, более крупную дичь.

Однако и к данному убеждению пришел я не ранее, чем осознал со всей остротой, что источник Божьего часа каким-то образом и

хотя бы мельком учуял меня, а потом непонятно как покопался в моей памяти и в душе, поскольку время от времени я стал обнажаться не перед космосом, а перед самим собой. Я обнажался перед прошлым и в течение некоего времени переживал вновь, пусть с известными искажениями, события прошлой жизни, почти неизменно неприятные до крайности, разные моменты, выхваченные из навоза моей души, где они лежали доселе глубоко захороненными, где я в стыде своем и раскаянии и держал бы их вечно. Но вот их выкопали и раскрыли передо мной, покуда я корчился, смущенный и оскорбленный при виде их, принужденный переживать заново те страницы жизни, какие я спрятал тщательно не только от взора других, но и от себя самого. И даже того хуже — не только события, но и фантазии определенного свойства, возникавшие исподволь в тайниках моей души. Я же и сам ужасался, когда сознавал, о чем фантазирую,— и все же, как ни извивался я, протестуя, их вытащили из моего подсознания и в безжалостном параде продемонстрировали мне сызнова. И не ведаю я, что хуже: раскрыться перед Вселенной или раскрыть собственные тайны перед самим собой.

И отдал я себе отчет, что Божий час каким-то образом учуял меня,— вероятно, не меня как личность, а искорку материи, мерзкой и отвратительной,— и отразил на меня свое раздражение, что такая мерзость живет на свете. Не удосужился он причинить мне вреда, не раздавил меня, как раздавил бы я насекомое, а попросту смахнул или попытался смахнуть в сторону. И как ни странно, приободрило меня это отчасти, ибо, если Божий час еле-еле ощутил меня, не угрожает мне от его лица никакая действительная опасность. И коль скоро уделяет он мне лишь мимолетное внимание, стало быть, нацеливается он на более крупную дичь. А единственно страшно в Божьем часе то, что дичь сия должна быть поблизости, на этой самой планете. И не просто на планете, а на данном участке планеты — она должна быть поистине очень близко от нас.

Вывернул я себе мозги в потугах сообразить, что это за дичь и обитает ли здесь она и поныне. Был ли Божий час нацелен на тех, кто населял заброшенный город, а если так, как могло случиться, что сила, ответственная за Божий час, не ведает, что они ушли? Чем больше думаю, тем явственнее убеждаюсь, что и люди города ни при чем, что Божий час нацелен на нечто пребывающее здесь и поныне. Осматриваюсь тщетно, что бы это могло быть, и не приближаюсь к ответу. Одержим я чувством, что гляжу на цель день за днем и не опознаю ее. Горестное это чувство и жуткое — размышлять подобным образом. Приходишь к тому, что глуп и не-

восприимчив, а по временам пугаешься, и отнюдь не шуточно. Если человек столь невосприимчив к реальности, так слеп по отношению к среде, так бесчувствен к повседневному окружению, тогда человечество и впрямь более немощно и неприспособленно, чем мы порою воображали».

Дойдя до конца записи, оставленной Шекспиром, Элейн подняла голову над страницей и спросила, смерив Хортона пристальным взглядом:

— Вы согласны с ним? Как вы реагируете на этот Божий час — так же или по-другому?

— Я пережил его пока только дважды. Итог моим впечатлениям можно выразить просто — полное замешательство.

— Шекспир уверяет, что от Божьего часа нет спасения. Что от него никак и нигде не спрячешься...

— А Плотояд прячется,— заметил Никодимус.— Залезает под крышу. Утверждает, что под крышей ощущение не столь скверное.

— Сами все поймете, осталось недолго ждать,— сказал Хортон.— Интуитивно я пришел к выводу, что пережить Божий час легче, если не пытаешься сопротивляться. А описать его невозможно. Надо испытать самому, чтобы понять.

Элейн рассмеялась, звонко и немного нервно, и сказала:

— Жду не дождусь...

Глава 21

Плотояд вернулся, тяжело ступая, за час до заката. Никодимус уже нарезал мясо и присел над костром, обжаривая бифштексы. Небрежным жестом он показал на самый толстый ломоть, который лежал отдельно на подстилке из листьев, сорванных с ближайшего дерева.

— Это для тебя. Тебе я выбрал самый вкусный кусок.

— Пропитание,— отозвался Плотояд,— есть то, в чем я испытываю нужду. Благодарю тебя от имени моего живота.

Без промедления он подхватил мясо щупальцами обеих рук и скрючился перед самой поленницей, где сидели Элейн и Хортон. Поднял кусок к рылу и решительно вонзился в него клыками. По щекам заструилась кровь. Увлеченно жуя, он поднял взгляд на двух сотоварищей по лагерю.

— Надеюсь всячески, что не раздражаю вас своей неопрятной едой,— произнес он.— Великий голод терзал меня. Возможно, долженствовало немного подождать.

— Ничуть,— ответила Элейн.— Валяй ешь. Наши тоже будут готовы спустя минуту-другую.

И все же она не могла отвести болезненно-восхищенных глаз от кровавого пиршества — кровь стекала не только по рылу, но и по щупальцам Плотояда.

— Любишь хорошее красное мясо? — поинтересовался он.

— Привыкаю помаленьку.

— Никто вас не заставляет,— сказал Хортон.— Никодимус может найти для вас что-нибудь еще.

— Когда путешествуешь по многим мирам,— покачала она головой,— встречаешь множество обычаев, странных на первый взгляд. Иные из них наносят удар по давним предрассудкам. Однако при моем образе жизни предрассудкам нет места. Надо сохранять беспристрастие и восприимчивость, надо заставлять себя быть непредубежденной.

— Именно поэтому вы заставляете себя есть мясо вместе с нами?

— Поначалу так оно и было. Да отчасти и сейчас еще так. Но я, пожалуй, могу развить в себе любовь к животной плоти без большой натуги. Ты уверен,— обратилась она к Никодимусу,— что моя порция будет хорошо прожарена?

— Уже прожарена,— заверил Никодимус.— Я начал жарить для вас гораздо раньше, чем для Картера.

— Много раз говорил мне мой старый друг Шекспир,— ввернул Плотояд,— что я совершенный неряха без всякого представления о приличиях, зато с грязными слюнявыми привычками. В опустошение, сказать вам правду, ввергает меня такая оценка, но слишком я стар, чтоб менять привычки, и ни при каких обстоятельствах не мог бы я стать завзятым денди. Если уж я неряха, то счастливый неряха, ибо неряшливость весьма уютна для того, кто ее исповедует.

— Ты неряха, спору нет,— откликнулся Хортон,— но, если это делает тебя счастливым, не обращай на нас внимания.

— Благодарен я вам за вашу доброту,— заявил Плотояд,— и рад, что не придется мне изменяться. Изменить себя мне трудно весьма.— Тут он, в свою очередь, повернулся к Никодимусу.— Ты уже почти исправил туннель?

— Не только не исправил,— ответил робот,— но почти пришел к убеждению, что исправить его нельзя.

— Ты имеешь в виду, что он не поддастся починке?

— Именно так, если только кого-нибудь не посетит какая-нибудь блестящая идея.

— Ну что ж,— заявил Плотояд,— хоть надежда всегда дрожит в печенках, я не удивлен. Длительно я гулял сегодня, беседуя с собой, и внушал себе, что слишком многого ожидать не приходится. Уговаривал я себя, что жизнь не обходилась со мной сурово и давала мне много счастливых минут, стало быть, с учетом этого не должен я угнетаться отдельными несчастливыми событиями. И искал я наедине с собой каких-то альтернативных путей. Сдается мне, что стоило бы испробовать магию. Ты говорил мне, Картер Хортон, что не доверяешь магии и не понимаешь ее. Ты и Шекспир — одно и то же. Потешался он над магией нещадно. Говорил, что нет от нее проку ни на грош. Но может, наша новая подруга не думает так жестоко?

Он умоляюще посмотрел на Элейн.

— Ты пробовал применять свою магию? — спросила она.

— Пробовать-то я пробовал,— ответил он,— но под презрительное улюлюканье Шекспира. Улюлюканье, понял я, лишает магию силы, ослабляет ее, вплоть до полной недееспособности.

— Не знаю, лишает ли силы,— сказала Элейн,— но уверена, что не доводит до добра.

Плотояд глубокомысленно кивнул.

— И спросил я себя: если магия откажет, если робот не справится, если окажется все ни к чему, что мне делать тогда? Остаться здесь, на планете? Я ответил себе, что нет, разумеется, нет. Разумеется, новые друзья найдут для меня местечко, когда отлетят отсюда в глубины пространства...

— Теперь ты решил напирать на нас,— посетовал Никодимус.— Валяй хнычь. Катайся по земле, сучи ногами, вой волком. Только все это ни к чему. Мы не можем ввести тебя в холодный сон, и...

— По крайней мере,— заявил Плотояд,— я среди друзей. И буду, пока не умру, среди друзей и далеко отсюда. Я не займу много места. Скорчусь где-нибудь в уголке. Умерю себя

в еде. Не встряну у вас на пути. И буду держать свой рот на запоре.

— Вот будет праздник! — отозвался Никодимус.

— Решать Кораблю,— сказал Хортон.— Я потолкую с Кораблем насчет тебя. Но не могу обещать ничего определенного.

— Вы сознаете,— продолжал Плотояд,— что я есть воин. А воину пристойно умереть лишь одним образом, в кровавой схватке. Хотел бы я умереть именно так. Но возможно, такая смерть мне не выпала. Склоняю голову перед судьбой. Тем не менее не желаю умереть здесь, где некому свидетельствовать мою смерть, некому погоревать о бедном Плотояде, покинувшем сей мир. Не желаю влачить свои последние дни в ненавистной никчемности этой планеты, обойденной временем...

— Вот оно! — вдруг воскликнула Элейн.— Время! Как же я раньше не подумала!

Хортон удивленно взглянул на нее:

— Время? Что вы имеете в виду? При чем тут время?

— Куб,— сказала она.— Куб, найденный нами в городе. С существом. Этот куб — замороженное время.

— Замороженное время? — переспросил Никодимус.— Время нельзя заморозить. Можно заморозить людей, и пищу, и многое другое. А время не замораживают.

— Хорошо,— согласилась она,— остановленное время. Есть рассказы, легенды, что время можно остановить. Оно ведь течет. Движется. Остановить поток, застопорить движение. Ни прошлого, ни будущего, одно настоящее. Вечное настоящее. Настоящее, выхваченное из прошлого и продленное в будущее, которое для нас ныне стало настоящим.

— Ты просто как Шекспир,— пробурчал Плотояд.— Шекспир всегда извергал тарабарщину. Блям, блям, блям. Говорил вещи, лишенные смысла. Только чтоб послушать собственную речь.

— Ничего подобного,— настаивала Элейн.— Я говорю правду. На многих планетах рассказывают, что временем можно управлять, что существуют способы его контролировать. Правда, никто не может назвать никаких имен...

— Может, это умели строители туннелей?

— Никогда никаких имен. Только легенда, что это возможно.

— Но почему именно здесь? Зачем понадобилось замораживать во времени это существо?

— Быть может, чтоб оно дождалось чего-то. Быть может, наступит день, когда в нем возникнет нужда. Быть может, те, кто заморозил существо во времени, не знали точно, когда такая нужда возникнет.

— И оно ждало здесь века,— подхватил Хортон,— и будет ждать еще тысячелетия...

— Но вы не поняли! — ответила Элейн.— Века или тысячелетия — для него нет разницы. В замороженном состоянии оно не ощущает времени. Оно живет и продолжает жить в одной застывшей микросекунде...

И тут ударил Божий час.

Глава 22

В первое мгновение Хортона разбрызгало по Вселенной, и он испытал то же мучительное ощущение бесконечности, что и раньше,— но затем брызги собрались воедино, Вселенная сузилась, странные ощущения прекратились. Время и пространство вновь вступили в согласие, скрепились друг с другом, и он понял, где находится, хотя при этом его собственное «я» почему-то раздвоилось. Впрочем, раздвоенность не причиняла ему никаких неудобств и даже казалась вполне естественной.

Он сидел на корточках на теплой, черной и тучной земле меж двумя овощными грядками. Грядки убегали вдаль двумя зелеными линиями, разделенными полоской черноты. А слева и справа шли еще и еще зеленые линии, параллельные и бессчетные, с разделительными черными полосками, хоть эти полоски приходилось додумывать: зелень грядок сливалась, образуя сплошной темно-зеленый ковер.

Он сидел на корточках, и почва грела его босые подошвы. Глянув через плечо, он увидел позади себя, далеко-далеко, край зеленого ковра — тот упирался в здание такой высоты, что крыша терялась в пухлых белых облаках, пришпиленных к голубизне неба.

Он был маленьким мальчиком и собирал бобы, густо облепившие каждое растение на поле. Левой рукой раздвигал кус-

тики, чтобы легче добраться до стручков, прячущихся в листве, а правой срывал стручки и бросал в корзину, стоящую перед ним на черном междурядье. Корзина была полна наполовину.

Но тут он приметил то, на что до сих пор не обращал внимания: впереди между грядок поджидали и другие корзины, расставленные примерно с равными интервалами. Кто-то заранее прикинул, на каком расстоянии корзина заполнится и понадобится новая. А позади него тоже были корзины, но уже полные доверху и готовые к погрузке в тележку, которая пройдет по междурядьям и подберет корзины с бобами, только она прибудет попозже.

И еще одно он осознал не сразу: на поле он был не один, было много других сборщиков, по большей части дети, но еще старики и старухи. Некоторые сборщики обогнали его — работали то ли быстрее, то ли менее тщательно,— другие поотстали.

Небо было испятнано облаками, ленивыми курчавыми облаками, но в данный момент они не прикрывали солнце, и оно палило свирепым теплом, прожигающим тоненькую рубашку. Он полз вдоль грядок, стараясь работать добросовестно, оставляя мелкие стручки висеть, чтоб дозрели через день-два, и срывая остальные,— а солнце жгло спину, пот сбегал от подмышек и щекотал ребра, зато ноги нежились в мягком тепле хорошо вспаханной, окультуренной земли. Мозг бездействовал, сосредоточившись на настоящем, не заглядывая ни в прошлое, ни в будущее, а довольствуясь настоящим, словно он был не мальчик, а тоже растение, поглощающее тепло и странным образом извлекающее пропитание из почвы, в точности как созревшие для сбора бобы.

И все-таки дело обстояло сложнее. На поле был мальчик лет девяти-десяти, а рядом или где-то невдалеке расположился нынешний Картер Хортон, отдельный и как будто невидимый, наблюдающий за мальчиком, каким он сам был когда-то, заново ощущающий и испытывающий то, что ощущал и испытывал тогда. Но знающий неизмеримо больше мальчика, знающий то, о чем мальчик и не догадывался, впитавший в себя годы и события, что пролегли между обширным бобовым полем и нынешней секундой в космосе, за тысячу световых

лет от Земли. И, в частности, знающий недоступную мальчику истину, что взрослые мужчины и женщины в гигантском здании за полем и во множестве таких же зданий по всей Земле уже угадали приближение очередного кризиса и в тот самый момент искали, как его разрешить.

Ну не странно ли, размышлял Хортон нынешний, что даже по второму кругу человечество не поумнело — надо было дойти до кризиса, чтобы додуматься наконец, что единственный выход из тупика — перебраться на другие планеты, в другие гипотетические солнечные системы, и попробовать начать там все сначала. Пусть на каких-то планетах попытки потерпят крах, зато на других, не исключено, приведут к успеху.

Ведь менее чем за пять столетий до этого утра на бобовой делянке Земля уже пережила нечто подобное, обессилев не вследствие войн, а в результате развала экономики в мировых масштабах. Когда система, основанная на погоне за прибылью и частном предпринимательстве, развалилась по трещинам, которые стали заметны еще в начале двадцатого века, когда большая часть основных природных ресурсов исчерпала себя, когда население росло не по дням, а по часам, а заводы, не считаясь с этим, вырабатывали все больше сберегающих труд устройств, когда былой избыток пищи ушел в прошлое и земляне уже не могли прокормиться,— когда все это накопилось, грянули и последствия: голод, безработица, инфляция и потеря доверия к мировым лидерам. Правительство рухнуло, промышленность, связь и торговля заглохли, и на Земле воцарились анархия и хаос.

Затем из недр анархии вылупился новый образ жизни, рекомендованный не политиками, не государственными мужами, а учеными, экономистами и социологами. Но прошло всего несколько сот лет — и новое общество опять предъявило симптомы, пославшие ученых в лаборатории, а инженеров к чертежным столам с задачей сконструировать звездолеты, способные унести человечество в космос. Симптомы были прочитаны правильно, сказал себе второй, невидимый, Хортон, поскольку не далее как поутру (но в какой день? в этот же самый или в какой-то другой?) Элейн сообщила ему, что и тот образ жизни, который экономисты с социологами мастерили столь тщательно, рухнул необратимо.

Земля слишком тяжело больна, подумал он, слишком опозорена, истощена и отравлена прошлыми ошибками человечества. Выжить она просто не может.

Он вновь ощутил почву под босыми ногами и дуновение ветерка, что пронесся над полем и овеял пропотевшую, перегретую солнцем спину. Уронив в корзину горсть бобов, он передвинул ее немного вперед, переполз следом и потянулся к новому кустику. Кустикам, казалось, не будет конца. Корзина была почти полна, но уже совсем рядом его поджидала следующая, пустая.

Он начал уставать. Глянул на солнце и убедился, что до полудня остается еще час, если не больше. В полдень вдоль грядок покатит обеденная повозка, потом получасовой перерыв, а потом предстоит опять собирать бобы до самого заката. Вытянув правую ладошку перед собой, он принялся сгибать и разгибать пальцы, чтоб перестали хрустеть и чуть-чуть отдохнули. Ладошка и пальцы были перепачканы зеленью.

Он устал, ему было жарко, он уже проголодался, а впереди лежал еще весь долгий день. Но продолжать сбор бобов — это был его долг, как и долг сотен других сборщиков, самых малых и самых старых: каждый обязан делать то, что ему посильно, освобождая более умелых для иных, более важных, работ. Опершись понадежнее на пятки, он уставился на необъятный зеленый простор. Сейчас бобы, а позже пойдут другие овощи сообразно сезону, и весь урожай надо убрать в срок, чтоб жители башни могли прокормиться.

Прокормить жителей башни, подумал Хортон (второй, бестелесный: невидимый Хортон), прокормить свое племя, свой клан, свою общину. Свой народ. Наш народ. Один за всех и все за одного. Башни для того и строили высокими, выше облаков, чтоб они занимали как можно меньше земли. Города торчали вертикальными карандашами, чтоб почва оставалась свободной и давала пищу, необходимую жителям башен-карандашей. А внутри башен люди жили в тесноте, потому что, как бы ни наращивать башни, они должны строиться экономно до предела.

Довольствуйся малым. Не расточай. Обходись без излишеств. Выращивай и собирай пищу, ползая на карачках, поскольку топлива совсем мало. Питайся углеводами, поскольку на их производство уходит меньше энергии, чем на производство белков. Строй и производи товары на длительный срок, а не потому, что прежние вышли из моды,— как только люди отказались от погони за прибылью, выбрасывать устаревшие вещи стало казаться преступным, да что там, просто смешным.

Когда промышленность развалилась, подумал он, мы начали выращивать пищу сами для себя, мы стали сами стирать белье для себя и для соседей. Главное — уцелеть, свести концы с концами! Мы вернулись к племенным обычаям, разве что предпочли примитивным хижинам здания-монолиты. В свое время мы насмехались над прежними временами, над участием в прибылях, над производственной этикой, над частным предпринимательством, но сколько бы мы ни насмехались, в нас по-прежнему живет хворь, присущая всему человечеству. Что бы мы ни затевали, сказал он себе, в нас живет хворь. Неужто человек органически не способен достичь гармонии со своим окружением? Неужто человечество, чтобы выжить, должно каждые несколько тысячелетий насиловать новые планеты? Мы что, навек обречены мигрировать, как стая саранчи, по Галактике, по всей Вселенной? И что, Галактика, космос обречены нас терпеть? Или настанет день, когда Вселенная поднимет бунт и сметет нас — не во гневе, а из раздражения? Да, в нас есть, подумал он еще, известное величие, но величие разрушительное и самовлюбленное. С тех пор как возник человеческий род, Земля вытерпела около двух миллионов лет, хотя по большей части эти годы не были столь разрушительными, как сейчас,— понадобилось время, чтоб наша разрушительность набрала полную силу. Но коли мы начали, как сейчас, осваиваться на других планетах, долгий ли срок нужен для размножения смертельного вируса, овладевшего человечеством, много ли надо, чтобы болезнь пошла в рост?

Мальчик в очередной раз раздвинул кустики и в очередной раз потянулся сорвать выглянувшие из кустиков бобы. Какой-то червяк, сидевший на листьях, а теперь потерявший опору, отвалился и плюхнулся вниз. Стукнувшись оземь, червяк свернулся шариком. Едва ли отдав себе отчет в том, что он делает, и не прерывая работы, мальчик шевельнул ногой, поднял ее и опустил, вдавливая червяка поглубже в почву.

Вдруг откуда-то поднялся серый туман, стирая бобовое поле да и здание-монолит, поднявшееся в небо на целую милю, и

там вдали, посреди неба, укутанный в серый туман, появился череп Шекспира. Туман вился прихотливыми прядями, а череп взирал на Хортона сверху вниз — не глядел презрительно, не усмехался, а взирал почти общительно, словно оба они существовали во плоти, словно барьера смерти между ними не было вовсе.

К собственному удивлению, Хортон обратился к черепу:

— Что это значит, давний товарищ?

Обращение, что ни говори, было странным, поскольку Шекспир не был и не мог быть его товарищем. Если только в том смысле, что все люди — товарищи по несчастью, ибо все принадлежат к небывалой и устрашающей расе, размножившейся на одной планете, а затем не от смелости, а скорее от отчаяния ринувшейся в Галактику и забравшейся бог весть как далеко: ведь сегодня ни один человек не скажет точно, как далеко забрались остальные.

— Что это значит, давний товарищ?

И выбор слов был странен не в меньшей мере, поскольку Хортон знал, что в такой манере не говорил ни с кем и никогда,— словно он прибег к адаптации речи, какую использовал в своих пьесах тот, первоначальный Шекспир, и адаптация-то была дурацкой, достойной Матушки Гусыни*. Словно и сам он был уже не Картером Хортоном, а еще одной адаптацией в духе Матушки Гусыни, механически изрекающей истины, о каких он, человек, в свое время грезил. Он даже осерчал на себя за то, что изображал кого-то другого,— но как ни старался, найти себя прежнего больше не мог. Душа чересчур запуталась с этим мальчишкой, раздавившим червяка, и с внезапно заговорившим иссохшим черепом, и у него не осталось ни дороги, ни тропинки к самому себе.

— Что это значит, давний товарищ? — вопросил он.— Ты говоришь, что мы все заблудились, что мы затеряны. Где мы заблудились? Как? Почему? Докопался ли ты до истоков нашей затерянности? Она в наших генах или с нами что-то случилось? И только ли мы одни такие заблудшие или есть и другие такие же? А может, затерянность — врожденное свойство разума, любого разума?

* От имени Матушки Гусыни в Лондоне в 1760 году была издана одна из первых детских книжек.

И череп ответил, клацая костлявыми челюстями:

— Мы затеряны. Вот и все, что я сказал. Я не стал копаться в философских основах этой затерянности. Мы заблудились, потому что утратили Землю. Заблудились, потому что не знаем, где мы и куда идем. Потому что не можем найти дороги домой. Для нас не осталось места, где преклонить голову. Мы бредем диковинными дорогами по диковинным землям, и все, что попадается на пути, для нас лишено смысла. Когда-то мы знали какие-то ответы, потому что знали, какие задать вопросы,— теперь мы не можем найти ответ ни на один вопрос, ибо не знаем, что спрашивать. Когда другие, кто населяет Галактику, протягивают нам руку и пытаются вступить в контакт, мы не ведаем, что им сказать. Мы попали в положение безмозглых идиотов, лишившихся не только цели, но и здравого смысла. Там и тогда, на твоей замечательной бобовой делянке, тебе было всего-то десять, но у тебя было какое-то чувство цели и понимание, куда идти, а теперь у тебя не осталось ни того ни другого...

— Да,— согласился Хортон,— наверное, не осталось.

— Точно, черт тебя побери, не осталось. Тебе хочется знать ответы, не так ли?

— Какие ответы?

— Любые. Любые ответы лучше, чем совсем никаких. Пойди, задай свои вопросы Пруду.

— Пруду? Что может Пруд мне сказать? Просто лужа грязной воды...

— Это не вода. Сам знаешь, что не вода.

— Верно. Не вода. Тебе известно, что это такое?

— Нет, неизвестно,— сказал Шекспир.

— Ты пробовал говорить с Прудом?

— Не хватало смелости. В глубине души я трус.

— Ты боялся Пруда?

— Да не его. Боялся того, что он может мне сказать.

— Но ты что-то знал о Пруде. Ты догадался, что с ним можно разговаривать. И тем не менее не написал об этом ни слова.

— Откуда ты знаешь? — спросил Шекспир.— Ты еще не прочел всего, что я написал. Впрочем, ты прав: я никогда не писал про Пруд ничего, кроме того, что он воняет. И не писал потому, что не желал даже думать об этом. Во мне

поднималась большая тревога. Это же не просто пруд. Даже если бы там была только вода, это был бы не просто пруд.

— Но почему тревога? Почему тебя обуревали такие мысли?

— Человек гордится своим разумом,— ответил Шекспир.— Хвалится своим рассудком и своей логикой. Но и то и другое — его недавние приобретения, совсем недавние, говоря по правде. До того у нас было кое-что еще. Наверное, это кое-что проснулось во мне и подсказало держаться подальше от Пруда. Назови это внутренним чувством, интуицией или как тебе заблагорассудится. У наших доисторических предков это было и служило им верой и правдой. Они знали, хоть и не могли бы объяснить, почему и откуда. Они знали, чего бояться и избегать, и по большому счету именно такое знание всего нужнее для выживания вида. Чего бояться, от чего уклоняться, чего не трогать. Ощутил — выжил, проворонил — не взыщи...

— Кто говорит со мной — твой дух? Твоя тень? Твой призрак?

— Сначала скажи мне,— ответил череп, клацая челюстями без двух передних зубов,— сначала скажи мне, что есть жизнь и что есть смерть. Тогда я смогу ответить тебе насчет духов и теней.

Глава 23

Череп Шекспира висел, как прежде, над дверью и ухмылялся, посматривая на них сверху вниз,— а ведь мгновением раньше, напомнил себе Хортон, череп не ухмылялся, а разговаривал как живой человек. Это было странно, но нисколько не страшно, и главное, он тогда не ухмылялся. И два выбитых передних зуба были всего-навсего выбитыми зубами, а теперь за ними пряталась сверхъестественность, действующая на нервы. Теперь, в наступивших сумерках, на гладкой кости играли отблески костра, и мерещилось, что челюсти продолжают двигаться, а бездонные черные ямы на месте глаз подмигивают саркастично.

— Ну вот,— заявил Никодимус, поглядев на бифштексы,— этот Божий час безжалостно угробил мою стряпню. Мясо почти сгорело.

— Да ладно,— отозвался Хортон.— Я люблю с кровью, но это не так уж важно...

Элейн рядом с Хортоном, казалось, с большим трудом выбралась из транса.

— Почему вы не предуведомили меня? — выговорила она с упреком.— Почему не предупредили, на что это будет похоже?

— А как это передашь,— заступился за Хортона Плотояд.— Как выразишь, когда все внутри ежится...

— И на что же это было похоже? — перебил Хортон.

— Это было ужасно,— сказала она.— И замечательно. Словно кто-то взял тебя и отвел на огромную космическую гору, и перед тобой расстелена вся Вселенная — все ее величие, все чудеса и все печали. Вся любовь и ненависть, все сострадание и безразличие. Стоишь в своей хрупкой бренности, а тебя обдувают ветры, способные поколебать миры. Сперва чувствуешь себя потерянной и смущенной, словно попала куда-то, где тебе не положено быть, потом вспоминаешь, что не сама напросилась сюда, что тебя забрали помимо воли, и все встает на место. И сразу понимаешь, на что глядишь, и это совершенно не то, что можно было себе представить,— если тебе когда-нибудь приходило в голову, что такое можно представить, чего, разумеется, не было. Стоишь на этой горе и таращишься, сначала не понимаешь вообще ничего, потом мало-помалу до тебя что-то доходит, будто тебе терпеливо растолковывают, что же такое ты видишь. И в конце концов охватываешь всю картину целиком, используя истины, о которых ты и не подозревала, и вот уже почти отдаешь себе отчет в том, как оно все устроено, но прежде чем успеваешь отдать себе отчет, картина исчезает. Как раз в тот момент, когда ты готова осознать увиденное хотя бы отчасти, все исчезает...

А ведь довольно точно описано, подумал Хортон, по крайней мере, раньше для него это тоже было так. Но на сей раз все было иначе, как Шекспир и написал: Божий час может изменяться. И какова же логика этих изменений, в чем их причина?

— Сегодня я засек время,— заявил Никодимус.— Воздействие длилось чуть меньше четверти часа. А вам показалось меньше или больше?

— Больше,— ответила Элейн.— Мне показалось, это длилось целую вечность.

Никодимус перевел вопросительный взгляд на Хортона.

— Чего не знаю, того не знаю,— сказал тот.— У меня не сохранилось ясного ощущения времени.

Разговор с Шекспиром был не слишком продолжительным, но сколько времени было проведено на бобовом поле? Он попытался мысленно прикинуть — и не нащупал даже примерной догадки.

— А для вас это было так же? — допытывалась Элейн.— Вы видели то же или почти то же, что и я? Этого-то вы и не могли описать?

— Сегодня было по-другому. Я вернулся в собственное детство.

— И только-то? — удивилась она.— Вернулись в детство, и все?

— И все,— подтвердил Хортон. Он не мог заставить себя рассказать о разговоре с черепом. Рассказ прозвучал бы дико, а Плотояд еще, чего доброго, впал бы в панику. Лучше уж, решил он, просто промолчать.

— Одного я желал бы,— заявил Плотояд,— чтоб Божий час поведал нам, как починить туннель. Ты уверен вполне,— обратился он к Никодимусу,— что не сумеешь продвинуться с ремонтом далее?

— Не представляю себе, куда продвигаться и как,— признался робот.— Я старался снять с контрольной панели покрышку и не сумел. Старался вырубить панель из скалы зубилом, но камень оказался твердым как сталь. Зубило просто отскакивает. Это не обычный камень. Его каким-то образом подвергли молекулярной перестройке.

— Магию должно бы попробовать. Если мы вчетвером...

— Не знаю я никакой магии,— отрезал Никодимус.

— Я тоже,— примкнул к роботу Хортон.

— Кое-какую магию знаю я,— заявил Плотояд,— и, может статься, миледи тоже...

— Какую магию ты знаешь, Плотояд?

— Магию кореньев, магию трав, магию танцев.

— Это все примитивные виды магии,— сказала Элейн.— Они не принесут большой пользы.

— По самой своей природе любая магия примитивна,— объявил Никодимус.— Магия есть обращение невежества к силам, которые оно полагает могущественными, хоть и не уверено в их существовании.

— Не обязательно,— возразила Элейн.— Я встречала народы с действенной магией, на которую можно положиться. Их магия имеет, если не ошибаюсь, математическую основу.

— Но это, наверное, другая математика, не та, какую применяем мы,— сказал Хортон.

— Верно. Совсем не та, какую применяем мы.

— И этой магии вы не постигли! — возопил Плотояд.— Потребной математики не постигли!

— Извини, Плотояд. Не знаю даже самых ее начатков.

— Мою магию вы отвергаете,— завывал Плотояд.— Вы, все вы, отвергаете меня самым раздражительным образом. Над простой моей магией, магией трав, коры и листьев, глумитесь вы с уверенностью в своей правоте. А потом вы сообщаете мне об иной магии, какая могла бы сработать, могла бы открыть туннель, и, оказывается, этой магии вы тоже не знаете!..

— Еще раз,— сказала Элейн,— прими мои извинения, Плотояд. Мне очень хотелось бы, ради твоего блага, владеть нужной магией. Но мы здесь, а она далеко-далеко, и даже если бы я могла отправиться на ее поиски, на поиски тех, кто владеет ею, нет уверенности, что они заинтересовались бы нашей проблемой. Они же, вне всякого сомнения, высокомерные гордецы, и договориться с ними было бы нелегко.

— И никого,— заявил Плотояд с чувством,— это по-настоящему не заботит. Вы трое в любой момент вернетесь на корабль...

— Поутру можно будет пойти к туннелю снова,— сказал Никодимус примирительно,— и осмотреть там все еще раз. Может, заметим что-нибудь, на что раньше не обратили внимания. В конце концов, я сосредоточился на контрольной панели, а в сам туннель никто не заглядывал. Может, там отыщется какой-нибудь ключ к решению.

— Вы и впрямь поступите так? — воспрял духом Плотояд.— Вы и впрямь согласны сделать это ради старины Плотояда?

— И впрямь,— откликнулся Никодимус.— Ради старины Плотояда чего только не сделаешь...

Ну вот и все, подумал Хортон. Завтра поутру они опять отправятся к туннелю и осмотрят там все снова. И ничего не найдут. И ни черта больше не смогут сделать — хотя, если начистоту, это неточное выражение, потому что вплоть до на-

стоящей минуты они и не сделали ни черта. Потребовалось несколько тысяч лет — принимая на веру даты, какие сообщила Элейн,— чтобы они наконец нашли планету, пригодную для человека, и вот с места в карьер бросились спасать иное существо, из чего тоже не вышло ни черта. Вроде бы нелогичные мысли, попытался он остановить себя, но ведь честные! Ни черта они не нашли ценного, кроме изумрудов, но в той ситуации, в какой они оказались, изумруды не стоило даже с земли поднимать. Нет, пожалуй, если разобраться, им все-таки удалось обнаружить нечто стоящее затраченного времени. Но и на это они, по крайней мере на первый взгляд, не вправе претендовать. Наследником Шекспира по справедливости следует считать Плотояда, а значит, и шекспировский томик должен принадлежать ему...

Хортон поднял глаза на череп, прибитый над дверью.

«Мне хотелось бы иметь твою книгу,— обратился он к черепу, не говоря вслух.— Хотелось бы взяться и прочесть все до слова, попробовать пережить вместе с тобой, изгнанником, здешнюю жизнь день за днем, рассудить, где кончается твое безумие и начинается мудрость, и, несомненно, обнаружить в конечном счете больше мудрости, чем безумия. Ибо и в безумии подчас проявляется величайшая мудрость. Хотелось бы привести твои записи в хронологический порядок — ты писал отрывочно и бессистемно, а хотелось бы понять, что ты был за человек и как сумел поладить с одиночеством и со смертью.

Слушай, я действительно говорил с тобой? — спросил он, обращаясь к черепу.— Ты преодолел границу смерти для того, чтобы вступить со мной в контакт, а может, специально для того, чтобы сообщить мне про Пруд? Или ты искал любого, любую каплю интеллекта, лишь бы она была в данный момент расположена отбросить естественный скепсис и потому могла вступить с тобой в беседу? Ты сказал мне: пойди, задай свои вопросы Пруду. А как их задать? Просто подойти к Пруду и заявить: Шекспир решил, что мне хорошо бы поговорить с тобой, так валяй, разговаривай? И что ты на самом-то деле знаешь про Пруд? Может, ты хотел сообщить мне про него больше, да не успел. Сейчас я спрашиваю тебя без опаски, поскольку ты сейчас не способен ответить. Но ведь мне самому легче поверить, что я действительно говорил с тобой, если я сейчас обрушу на тебя шквал вопросов, на которые заведомо

не получу ответа. Каких ответов ждать от выветренных костей, пришпиленных над порогом?

Плотояду ты ничего подобного не говорил, но этого от тебя, в общем, и требовать не приходится. В своем безумии ты боялся его даже сильнее, чем соглашался передать на бумаге. Ты, Шекспир, был очень странной личностью, и мне искренне жаль, что я не был знаком с тобой, хотя, наверное, теперь я с тобой познакомился. Даже, быть может, познакомился лучше, чем если бы знал тебя во плоти. И уж наверняка я понимаю тебя лучше, чем понимал Плотояд, потому что я как-никак человек, а Плотояд — не человек...»

Да, Плотояд вспомнился кстати. Что с ним делать? Настал момент, когда кто-то должен принять решение, что делать с ним и для него. Плотояд — убогий, гадкий грязнуля, непривлекательный, подчас омерзительный, и все-таки для него надо что-то сделать. Люди разбудили в нем надежду и тем лишили себя права просто удрать и бросить его здесь. Спросить Корабль? Следовало бы спросить, да страшно. Хортон даже не пытался связаться с Кораблем, потому что при первой же попытке такого рода вопрос о Плотояде всплывет неизбежно и ответ Корабля известен заранее. И это будет ответ, какой не хочется слышать, невыносимо холодный и жестокий ответ...

— Этот Пруд воняет сегодня нестерпимо,— заявил Плотояд.— Выпадают дни, когда он воняет хуже, чем всегда, и если ветер подходящий, от вони житья нет...

Как только слова проникли в его сознание, Хортон вновь различил других усевшихся у костра, а череп Шекспира стал снова не более чем белым пятном над дверью.

В воздухе действительно ощущалось зловоние, тяжелый гнилостный запах Пруда, и вдруг из-за пределов светового круга, очерченного костром, донесся шелестящий свист. Свист услышали все, головы дружно повернулись на звук. И все замолкли, вслушиваясь, невольно ожидая, что звук повторится.

Он повторился, а кроме того, в окружающей тьме возник намек на движение, частичка тьмы словно шевельнулась, но не отчетливо, а именно намеком. Малая толика тьмы чуть блеснула, будто какая-то крошечная ее грань отразила пламя костра как зеркало. Блеск усиливался, разрастался, движение во тьме

стало неоспоримым — из тьмы к ним, посвистывая, катился шар, еще более темный, чем ночь.

Намек на движение сменился ощущением движения, а затем внезапно оно стало нескрываемым и откровенным. Из ночи на огонек костра прибыл сгусток глубочайшего мрака — шар примерно двух футов в диаметре. Вместе с шаром прибыла вонь, кошмарная вонь, и тем не менее с приближением к костру вонь как бы понемногу теряла свою остроту.

Футах в десяти от костра шар затормозил и замер. В недрах черной сферы будто затаился слабый масляный отблеск. Шар ждал. Он был совершенно недвижен, поверхность не пульсировала и не трепетала, и не было ни малейших признаков, что шар только что двигался и вообще способен к движению.

— Это Пруд,— заявил Никодимус, стараясь говорить потише, будто не желая потревожить гостя или спугнуть.— Шар из Пруда. Кусок Пруда пожаловал к нам с визитом.

В группе у костра возникло напряжение с примесью испуга — но, отметил про себя Хортон, испуг не был чрезмерным, никого не раздавил, а по сути, сводился к неожиданности и удивлению. Словно шар сознательно принял меры, чтоб удержать их испуг в определенных рамках.

— Это не вода,— пояснил Хортон.— Я был там сегодня. Эта жидкость тяжелее воды. Как ртуть, хоть это и не ртуть.

— Тогда часть ее действительно могла свернуться в шар,— сказала Элейн.

— Треклятая штука живая,— пропищал Плотояд.— Она лежит себе там, все про нас знает и шпионит за нами. Шекспир говорил, с Прудом дело нечисто. Он боялся Пруда. Ни за что не подходил к Пруду близко. Шекспир был самый законченный трус. Говорил, в трусости подчас сокрыта вся глубина мудрости.

— Тут творится многое,— заметил Никодимус,— чего мы не в состоянии постичь. Закрытый туннель, существо, замурованное во времени, а теперь этот шар. У меня такое чувство, что вот-вот должно случиться что-то еще...

— А ты как полагаешь? — обратился Хортон к шару.— Что-то действительно должно случиться? Ты явился, чтобы предупредить нас об этом?

Шар не издал ни звука. Он не шевелился, просто молчал и ждал. Никодимус шагнул в его сторону.

— Оставь его в покое,— резко приказал Хортон.

Робот застыл. Снова воцарилось молчание. Что тут можно было сделать и что сказать? Пруд прибыл по собственной инициативе, и выбрать следующий шаг надлежало ему.

Шар шевельнулся, чуть задрожал и начал отступать, откатываясь назад во тьму, пока от него не осталось даже воспоминания, хотя Хортону еще долго мерещилось, что его можно различить. При движении шар шелестел и присвистывал, но и этот звук постепенно замер в отдалении. И вонь, к которой они уже почти привыкли, стала рассасываться.

Никодимус вернулся к костру, присел у огня и спросил:

— Ну и что бы это значило?

— Желал поглядеть на нас,— предположил Плотояд, подвывая.— Приходил познакомиться...

— Но зачем? — удивилась Элейн.— Зачем ему понадобилось знакомиться с нами?

— Кому дано знать о том, что понадобилось Пруду? — заявил Никодимус неприязненно.

— Это можно выяснить одним-единственным способом,— сказал Хортон.— Пойду к Пруду и задам вопрос напрямую.

— Не слыхивал ничего безумнее,— заявил Никодимус.— Должно быть, планета подействовала вам на психику.

— А мне это вовсе не кажется безумным,— сказала Элейн.— Пруд приходил к нам в гости. Я пойду с вами.

— Нет, не пойдете,— отрезал Хортон.— Я пойду в одиночку. А вы все оставайтесь здесь. Никто не пойдет со мной, и никто не станет следить за мной, понятно?

— Послушайте, Картер,— подал голос Никодимус,— не можете же вы бросить нас ни с того ни с сего...

— Пусть его идет,— проворчал Плотояд.— Приятно знать, что не все люди подобны моему трусливому другу, там, над дверью.— Кое-как приподнявшись, он отдал Хортону неуклюжий, почти насмешливый салют.— Иди, мой отважный друг. Иди к супостату и сразись с ним лицом к лицу.

Глава 24

Он дважды сбивался с дороги, пропуская нужный поворот, но в конце концов достиг цели и кое-как сполз по крутому откосу к самому краю Пруда. Свет фонарика отразился от глянцевой, будто затвердевшей поверхности.

Ночь была зловеще тиха. Пруд покоился перед ним плоский и безжизненный. Небо было усыпано незнакомыми звездами. Если оглянуться, можно было различить отблеск костра на верхушках высоких деревьев. Упершись каблуками понадежнее в нависшую над Прудом каменную полку, Хортон нагнулся и произнес — одновременно вслух и про себя:

— Ладно. Давай потолкуем...

Сказал, подождал ответа — и ему почудилось, что Пруд шевельнулся, немного, совсем чуть-чуть. Наметилась некая зыбь, которая не была настоящей зыбью, а от дальнего берега прилетел шепоток, словно легкий ветер пролетел в камышах. И тут же он ощутил, как что-то шевельнулось в мозгу, возникло и принялось разрастаться...

Он подождал еще. Шевеление в мозгу прекратилось, но какие-то координаты вдруг сместились — впрочем, он не подумал ни о каких координатах, не знал даже, что дело связано с координатами,— и его перенесло неведомо куда. Показалось, что его лишили телесной оболочки и подвесили в неизвестности, в пустоте, где кроме него находился только голубой шар. Шар ослепительно сверкал в лучах солнца, светившего из-за левого плеча Хортона, вернее, с того направления, где должно бы быть левое плечо,— ведь он не испытывал уверенности в том, что у него вообще есть тело.

То ли шар двигался в его сторону, то ли он падал в сторону шара — что именно происходило, оставалось неясным. Так или иначе голубой шар увеличивался в размерах. И по мере увеличения покрывался крапинками, космами белизны, и Хортон понял, что шар представляет собой планету, частично прикрытую облаками, просто до поры облака было не различить на ярко-голубом фоне.

Теперь уже не оставалось сомнений, что он падает сквозь атмосферу планеты, хоть падение было управляемым и потому нестрашным. Точнее, он не падал, а планировал вниз, как планирует пушинка в потоке воздуха. Шар вырос настолько, что исчез, не умещаясь в поле зрения. Внизу простиралась лишь бескрайняя голубизна с белыми вкраплениями облаков, а кроме облаков, не было никаких ориентиров и ни малейших признаков континентальной суши.

Он двигался все быстрее, летел вниз камнем, но иллюзия пушинки почему-то не исчезала. Приблизившись к поверх-

ности планеты, он стал различать на ее голубизне рябь — вода волновалась под порывами гуляющего над ней ветра. И что-то мгновенно подсказало ему: нет, не вода. Жидкость, но не вода. Жидкостный мир, жидкая планета, где нет ни континентов, ни даже островов.

Жидкая планета?

— Так вот оно что,— произнес Хортон, произнес тем ртом, что остался в теле, присевшем на берегу Пруда.— Вот ты откуда прибыл. Вот что ты такое...

И вновь ощутил себя пушинкой, парящей над планетой,— и вдруг на его глазах океан под ним стал вздуваться огромным пузырем. Часть жидкости выпятилась вверх, округлилась и образовала шар много меньший, чем планета, хотя, возможно, поперечником в несколько миль. Во всех прочих отношениях шар напоминал тот, что пожаловал недавно к костру. Шар оторвался от океана и начал подниматься — сперва медленно, затем все быстрее и быстрее, пока не устремился прямо на Хортона на огромной скорости, как исполинское пушечное ядро. Однако ядро не задело его, а пронеслось совсем рядом. Воздушные завихрения, вызванные полетом жидкого ядра, закрутили Хортона, обратившегося в пушинку, и потащили за собой. Издалека донеслись мощные раскаты грома: атмосфера с грохотом рушилась обратно в прорванную ядром дыру.

Оглянувшись, Хортон увидел, что планета удаляется от него, быстро отступает в пространство. Что такое, подумал он, что это произошло с планетой? И почти без промедления понял: действительно произошло, только не с планетой, а с ним самим. Захваченный притяжением жидкого пушечного ядра, качаясь и трясясь в гравитационной ловушке, он устремился вслед за ядром в глубины космоса.

Ситуация утратила всякий смысл. Он потерял какое бы то ни было представление о направлении. Не считая жидкого пушечного ядра и далеких звезд, у него не было других ориентиров, а эти, оставшиеся, в сущности ничего не значили. Казалось, он лишился способности следить за временем, и измерить пространство было нечем. Правда, он сохранил какой-то след собственной личности, да и тот потускнел до слабенькой искорки. Вот что бывает, отметил он самодовольно, когда ты не связан путами тела: преодолеть миллион световых лет для тебя не более чем шаг шагнуть, и тысяча тысячелетий не бо-

лее значима, чем быстротечная секунда. Единственное, что он сознавал постоянно,— это голос пространства, словно океан низвергался куда-то водопадом тысячемильной высоты. К реву водопада примешивался еще один звук, тоненькая попевка на самой границе слышимости,— так, объяснил он себе, могли бы вздыхать зарницы, проникающие на эту сторону бесконечности и несущие в себе, можно не сомневаться, автограф самого времени.

На мгновение Хортон отвлекся, а когда опять посмотрел на шар, тащивший его за собой сквозь космос, то выяснилось, что шар обнаружил солнечную систему и направился к одной из ее планет, которую окутывала плотная атмосфера. На глазах у Хортона шар вздулся с одного бока и породил шарик меньшего размера. Шарик оторвался от родителя и вышел на орбиту вокруг планеты, в то время как больший шар, описав кривую, ринулся дальше в космические бездны. При этом шар отпустил Хортона, стряхнул и отбросил прочь, и он стал падать вниз, в сторону темной планеты. Страх вцепился в душу острыми когтями, и он раскрыл рот, чтоб испустить крик, немало удивившись тому, что у него есть рот и он способен на крик. Но прежде чем крик вырвался изо рта, кричать отпала нужда: Хортон очутился снова в собственном теле у кромки Пруда.

Глаза у него оказались плотно зажмурены, и он открыл их с усилием, почему-то уверенный, что разомкнуть веки будет непросто. Но зрение вернулось сразу и полностью невзирая на ночную тьму. Пруд мирно покоился в своей каменной чаше. В жидком, без единой морщинки зеркале отражался свет звезд, усыпавших небо над головой. Справа конической тенью высился курган, чуть различимый на фоне темной равнины. Слева, как затаившийся черный зверь, нависал гребень, где находился брошенный поселок.

— Вот оно как,— сказал Хортон Пруду, сказал тихо, почти что шепотом, будто речь шла о секрете, который следует оберегать от посторонних.— Ты колония жидкой планеты. Возможно, одна из многих. Но зачем вам колонии? Какой прок планете от колоний? Живой океан расселяет свои частицы, тарелки и чашки своего естества, по другим солнечным системам. Но что вы выигрываете от такого расселения? Что надеетесь выиграть?

Он замолк на полуслове, припав к камню в тишине столь глубокой, что она действовала на нервы. Тишина была вязкой, всепроникающей, и ему мерещилось даже, что он по-прежнему слышит тоненькую космическую попевку времени.

— Поговори со мной,— взмолился он.— Почему ты молчишь? Ты можешь вести рассказ в картинах — почему не в словах?

Ибо, добавил он про себя, того, что мне показали, мало. Мало знать, что представляет собою Пруд и как он сюда попал. Это только начало, основополагающий факт, и сам по себе факт еще не проясняет ни мотивов, ни причин, ни целей — а они важны, чрезвычайно важны.

— Послушай,— продолжал Хортон все так же умоляюще,— ты одна жизнь, я другая. По самой своей природе мы не можем нанести друг другу вреда, и нам незачем желать друг другу плохого. Значит, ни тебе ни мне нечего бояться. Нет, я, пожалуй, поставлю вопрос иначе: могу ли я что-нибудь для тебя сделать? Есть ли что-нибудь, чего ты от меня хочешь? А если нет, что вполне вероятно, раз уж уровни нашего бытия столь несхожи, почему бы нам не попытаться рассказать друг другу побольше и лучше понять друг друга? Ты должен обладать разумом. Вне сомнения, заселение планет — не простое веление инстинкта, совсем не то, что у растений, разбрасывающих семена, чтоб они взошли на новой почве. Точно так же как и наше появление здесь — не просто попытка высеять семена нашей культуры, предпринятая вслепую...

Он вновь замолк и стал ждать ответа. И опять ощутил, как что-то шевелится в мозгу, вернее, проникает в мозг и пытается составить послание, нарисовать картину. Медленно, мучительными толчками, картина оформлялась и прояснялась — сперва хаотичные мазки, потом нерезкие пятна и, наконец, изображение сродни мультипликационному. Изображение продолжало меняться — еще, и еще, и еще, с каждой переменой прорисовываясь четче и определеннее, пока Хортону не привиделось, что их стало двое, два Хортона, сидящих у кромки Пруда. Только один из двоих не просто сидел, а держал в руке бутылку — ту самую, принесенную накануне из города,— и, наклонившись, погружал бутылку в жидкость Пруда. Как зачарованный, он смотрел — оба Хортона смотрели,— как бутылка булькнула и из нее вырвался на

поверхность рой пузырьков: жидкость Пруда, заполнив емкость, вытеснила оттуда воздух.

— Ладно,— сказал Хортон-первый.— Ладно, налью тебя в бутылку, и что дальше?

Картинка сменилась еще раз. Хортон-второй, бережно неся бутылку, поднимался по трапу на Корабль, хотя Корабль получился плохо, был весь перекошен и искажен. Корабль походил на себя не более, чем гравировка на бутылке — на тех существ, которых она, по-видимому, должна была изображать. Вторая половина Хортона вошла в Корабль, трап поднялся, и Корабль взлетел с планеты, направляясь в космос.

— Стало быть, ты хочешь отправиться в путь вместе с нами,— сообразил Хортон.— Во имя всего святого, есть ли на этой планете кто-нибудь и что-нибудь, кому и чему не хотелось бы отправиться с нами? Но ты согласен на малое, на одну бутылку себя...

На сей раз картинка в мозгу не заставила себя ждать. Возникла диаграмма — дальняя жидкая планета и множество других, и к каждой из этих других направлялись шары, сбрасывая на подлете капли-поселения. Диаграмма сменилась новой — от всех заселенных планет и от самой жидкой планеты шли линии, пересекающиеся в одной определенной точке космического пространства, и там, где линии сходились, был вычерчен круг. Линии погасли, а круг остался, и вновь к нему со всех сторон протянулись линии, стремящиеся в одну точку.

— Ты имеешь в виду, что...— начал Хортон, и все повторилось в той же последовательности.— Значит, вы неразделимы? Ты хочешь мне сказать, что в действительности все вы — единый разум? Не много сознаний, а одно-единственное? Одно исполинское «я»? Не «мы», а единое «я»? Что ты, лежащий передо мной, на самом деле лишь ответвление единой жизни?

Квадрат диаграммы загорелся белым светом.

— Ты даешь мне знать, что я прав? Что я угадал?

Диаграмма в мозгу погасла, и на смену ей пришло ощущение необыкновенного счастья, удовлетворения от верно решенной задачи. Ни слов, ни символов. Просто уверенность в своей правоте, в точности найденного ответа.

— Но я говорю с тобой, и ты, видимо, понимаешь меня. Как тебе это удается?

Опять что-то закопошилось в мозгу, но на сей раз картинки не получилось. Какое-то трепетание, какие-то смутные образы, а потом пустота.

— Значит,— произнес Хортон,— ты и хотел бы объяснить, да не можешь...

А может, подумал он, и нет нужды объяснять? Он мог бы догадаться самостоятельно. Он же беседует с Кораблем при помощи устройства, вмонтированного в мозг, как бы оно там ни называлось. И здесь, вероятно, используется сходный принцип. Правда, беседы с Кораблем ведутся с помощью слов, но это потому, что Корабль знает слова. У них с Кораблем есть общее средство общения, а с Прудом такого средства нет и быть не может. Пруду не осталось ничего другого, кроме как уловить какие-то основные оттенки мыслей, сопровождающих выговариваемые вслух слова,— ведь вместе со словами возникают соответствующие мысли, не так ли? — и прибегнуть к самому примитивному из всех средств общения, к картинкам. К таким же картинкам, что малевали на стенах пещер, вырезали на глиняных горшках, рисовали на бумаге, только спроецированным прямо в мозг. Зримо воплощающим мыслительные процессы.

А в общем-то, сказал он себе, это не имеет большого значения. Лишь бы можно было общаться. Лишь бы идеи могли пересечь разделяющий нас барьер. Ну не безумие ли, что хрупкая конструкция из множества разных тканей тщится беседовать с массой биологической жидкости? И не только с теми галлонами жидкости, что заполняют каменную чашу, но с миллиардами миллиардов галлонов на дальней планете...

Пришлось пошевелиться и сменить позу — мышцы ног совсем затекли от сидения на корточках.

— Но зачем тебе это надо? — спросил он.— Почему ты хочешь отправиться вместе с нами? Уж конечно не для того, чтоб основать еще одну крошечную колонию объемом в бутылку на какой-нибудь иной планете, которую мы, может статься, отыщем через несколько веков полета. Это была бы полная бессмыслица. Ты же знаешь куда лучшие способы насаждать свои колонии...

И вновь картинка не заставила себя ждать. Жидкая планета висела, блистая своей потрясающей голубизной, на фоне ослепительно черного космоса, и от нее расходились тонкие

иззубренные линии, множество иззубренных линий, нацеленных на другие планеты. Линии еще не достигли мишеней, еще змеились по диаграмме, а Хортон уже каким-то образом осознал, что мишенями служат те небесные тела, где жидкая планета основала свои колонии. Мелькнула мысль: иззубренные линии удивительно напоминают общепринятое среди людей обозначение молнии — и сам собой пришел вывод, что Пруд ради удобства общения позаимствовал у него человеческие условные обозначения.

Одна из многих планет-мишеней на диаграмме надвинулась на Хортона, резко выросла в размерах — и оказалось, что это не планета, а Корабль, по-прежнему перекошенный, но узнаваемый безошибочно. Молния ударила в центр Корабля, отразилась и ринулась прямо на Хортона. Он инстинктивно пригнулся, но запоздал: молния поразила его точно в лоб. Его раздробило и разметало по Вселенной, раздело донага и выставило на всеобщее обозрение. И в этот самый момент откуда-то прилетел великий покой и мягко снизошел на него. В этот самый момент, в полыхнувшую долю секунды, он увидел и понял. И в единый миг вновь вернулся обратно, в собственное тело, на каменную полку у кромки Пруда.

Божий час! Неправдоподобно! Однако, едва он подумал об этом, идея начала обретать правдоподобие и даже логичность. Человеческое тело, как и все сложные биологические тела, имеет нервную систему, которая по сути не что иное, как сеть связи. Почему же, коль скоро ему это понятно, он артачится при мысли о такой же системе связи, но охватывающей десятки и сотни световых лет и предназначенной для соединения осколков иного разума, рассыпанных по Вселенной? Божий час — сигнал, напоминающий каждой из обособленных колоний, что они остаются и останутся частью единого организма, что этот организм в действительности целен и неделим.

Божий час задевает людей рикошетом, к такому заключению он пришел раньше вслед за Шекспиром, задевает шальными дробинками, а выстрел нацелен в кого-то другого. Теперь он знал, в кого: целью был Пруд. Но если так, если людей задевает лишь рикошетом, тогда зачем Пруду хотеть, чтобы Хортон и Корабль остались под воздействием дробинок? Зачем Пруду хотеть очутиться на Корабле в бутылочке и тем

самым включить Хортона и Корабль в число мишеней Божьего часа? Или он, слабый человек, чего-то не понял?

— Я чего-то не понял? — обратился он к Пруду, и в ответ его опять раздробило и раскрыло, а вместе с тем пришло чувство покоя.

Честное слово, смешно, сказал он себе. До сих пор он не ведал покоя, а был разве что напуган и сбит с толку. Между тем покой связан со способностью понимать, хотя покамест покой пришел, а понимания как не было, так и нет. Ничего страшного: сперва только покой без понимания, даже без осознания, какого рода понимание от него требуется, но раз пришло впечатление, что понимание возможно, со временем оно будет достигнуто. Впрочем, самому Хортону, если откровенно, понимание представлялось не менее обескураживающим, чем его отсутствие. Хотя, напомнил он себе, это не обязательно относится ко всем остальным людям: к примеру, Элейн почудилось, что она что-то поняла, почудилось на короткий миг и утратилось, но на миг понимание посетило ее!..

Пруд предлагал ему нечто — ему и Кораблю,— и неблагодарностью, если не хамством, было бы искать в этом предложении скрытый смысл, кроме желания одного разума поделиться с другим разумом частицей своих знаний, своего проникновения в суть вещей. Как он уже сказал Пруду, между столь несхожими видами жизни не может быть конфликтов. По самой сути различий между ними они не могут ни соперничать друг с другом, ни вступить в противоборство. И тем не менее в глубине сознания будто верещал тревожный колокольчик, встроенный в любой человеческий мозг. Это нехорошо, доказывал он себе, свирепея, это просто недостойно — а колокольчик все равно не смолкал. Нельзя умножать свою уязвимость, настаивал колокольчик, нельзя выставлять напоказ душу, нельзя доверять никому и ничему, пока надежная многократная проверка не докажет с тройной гарантией, что доверие не причинит вреда.

Хотя, как знать, возразил он себе, предложение Пруда может быть и не вполне бескорыстным. Человечество тоже может располагать какими-то ценностями — сведениями, перспективой или углом зрения, этической концепцией, исторической оценкой, которые вдруг да и пригодятся Пруду. Достаточно было подумать об этом, чтобы почувствовать прилив гордо-

сти: если человечество способно принести какую-то пользу этому немыслимому интеллекту, значит, у разумных существ, как бы они ни были несхожи, всегда найдется общий язык или они сумеют такой язык создать.

Человеку, по каким бы то ни было причинам, предлагался дар, очевидно, весьма весомый по свойственной Пруду шкале ценностей. Отнюдь не безвкусная безделушка, какую самодовольная зрелая цивилизация могла бы предложить дикарям. Шекспир записал, что Божий час — это, возможно, обучающий механизм, и подобная гипотеза, конечно, может быть небезосновательной. А что, если, подумалось Хортону, это религиозная служба? Или гораздо проще — опознавательный сигнал, родовой клич, обычай регулярно напоминать Пруду и всем другим Прудам по всей Галактике об их общности, о едином «я», о том, что каждый из них — всегда вместе со всеми и с планетой-родительницей. Не исключено, что это просто знак братства,— но если так, тогда ему и через него всему человечеству предложен в этом братстве по меньшей мере временный статус.

И все же Хортон был убежден, что этот дар — нечто большее, чем знак дипломатического признания. На третий раз, когда Божий час настиг его, его не подвергали символическому эксперименту, пережитому в двух предыдущих случаях, а преподнесли ему эпизод из собственного детства и чисто человеческую фантазию, в которой он беседовал с клацающим черепом Шекспира. Спрашивается; что, Божий час просто выступил в роли катализатора его воображения или все случилось оттого, что механизм (механизм ли?), ответственный за Божий час, сумел проникнуть в его сознание и душу и исследовал их, испытал и проанализировал — не прикидывался, что разбирается в них, а действительно разобрался. Что-то подобное, напомнил себе Хортон, было пережито и Шекспиром.

— Есть ли что-нибудь, чего ты хочешь? — задал он вопрос вслух.— Ты делаешь это для нас — что мы можем сделать для тебя?

Он подождал ответа, но ответа не было. Пруд лежал темный и недвижный, на поверхности дрожал крапинками звездный свет.

Как он только что выразился? Ты делаешь это для нас — что мы можем сделать для тебя? Подразумевая вроде бы, что

Пруд предложил людям нечто очень ценное, жизненно им необходимое. Но помилуй, сказал он себе, а так ли это? Предложено ли людям нечто и впрямь необходимое или хотя бы желанное? А может статься, нечто, без чего они всегда обходились и охотно обошлись бы и впредь?

Он устыдился своих сомнений. Ведь это же первый контакт, усовестил себя Хортон. Нет, неверно. Первый контакт для него и для Корабля, но не для Пруда и множества других Прудов на других планетах. И не первый контакт для других людей. С тех пор как Корабль покинул Землю, человек расселился по Галактике, и осколки человечества наверняка выходили на множество первых контактов с существами странными и удивительными.

— Пруд! — позвал Хортон.— Я же говорил с тобой. Почему ты мне не отвечаешь, Пруд?

В глубине мозга ощутился какой-то легкий трепет, слабенький и умиротворенный, словно щенок вздохнул тихонько, укладываясь спать.

— Пруд! — снова позвал Хортон.

Зов остался безответным. Трепет не повторился. И что, это конец, больше ничего не будет? А может, Пруд устал? Предположение, право, смехотворное: неужели такая штука, как Пруд, способна устать?

Он встал на ноги, затекшие мышцы распрямились с облегчением. Но уходить не спешил — стоял и вслушивался в себя, изумляясь всему происшедшему, еле успевая за мыслями, грохочущими в голове.

Только вспомнить, как разочарован он был, впервые вглядевшись в эту планету, разочарован тем, что она не казалась чужой. Он еще посмел подумать, что это неопрятная, халтурно вылепленная Земля. А затем он упрямо отстаивал первое свое впечатление, поспешное и халтурное впечатление, коли на то пошло.

Теперь настала пора уходить — его отпустили,— но уходить, как ни удивительно, не хотелось. Будто, едва обретя нового друга, он противился необходимости сказать «прощай». Впрочем, не то, совсем не то: дружбой тут и не пахло. Он порылся в памяти, подыскивая более подходящее слово. Такого слова не было, оно никак не приходило на ум.

Да и возможна ли дружба, истинная дружба, между двумя столь несхожими интеллектами? Существуют ли общие интересы, общее поле согласия, в пределах которого можно без насилия над собой сказать другому: да, я согласен с тобой, твои подходы к вопросам гуманности и к вопросам философии базируются на иной точке зрения, однако наши выводы в принципе совпадают?

В деталях, ответил себе Хортон, согласие почти невероятно. Однако если исходить из более широких принципов, так почему бы и нет?

— Спокойной ночи, Пруд,— сказал он.— Очень рад, что в конце концов обрел тебя. Надеюсь, все сложится благоприятно для нас обоих...

Не торопясь он вскарабкался на скалистый берег и зашагал назад по тропинке, подсвечивая себе фонариком. За поворотом в луче света мелькнуло белое пятно. Он перевел луч на пятно — оказалось, это Элейн.

— Решила выйти тебе навстречу,— сказала она.

— Ну и глупо,— ответил он, приблизившись.— Могла бы заблудиться...

— Я была просто не в силах усидеть там. Должна была разыскать тебя во что бы то ни стало. Я боюсь. Вот-вот что-то случится...

— Опять необъяснимое чувство? Как когда мы нашли существо, запертое во времени?

— Наверное, оно самое,— кивнула она.— Мне неуютно, я не знаю, на что решиться. Будто стою на доске над обрывом и надо прыгнуть, но не знаю куда.

— После того, что было утром, я склонен тебе поверить. То есть не тебе, а твоему предчувствию. Или это не просто предчувствие?

— Сама не знаю. Но оно такое сильное, что я боюсь, отчаянно боюсь. Слушай, ты не откажешься провести ночь вместе со мной? У меня одеяло, рассчитанное на двоих. Ты разделишь его со мной?

— С удовольствием. Даже почту за честь.

— Дело не только в том, что мы мужчина и женщина. Хотя, наверное, не без этого. Но прежде всего мы два человеческих существа, единственные на этой планете. Мы не можем обойтись друг без друга.

— Да,— подтвердил он.— Не можем.

— У тебя была женщина. Ты сказал, все другие умерли...

— Элен. Да, она умерла сотни лет назад, хотя для меня это было только вчера.

— Потому что ты спал?

— Да, конечно. Время во сне отменяется.

— Если хочешь, можешь вообразить себе, что я Элен. Я не возражаю.

Он присмотрелся к ней и сказал:

— А зачем мне притворяться?

Глава 25

«Вот и конец вашей теории,— заявил ученый монаху,— о том, что нашего чела коснулась рука Бога».

«А мне все равно,— откликнулась светская дама.— Мне эта планета не нравится. Я считала и считаю, что она нервотрепная. Вы можете восторгаться, что обнаружили новую форму жизни, новый интеллект, совершенно не похожий на нас, а мне он нравится не больше, чем вся планета».

«Должен признаться,— сообщил монах,— мне не слишком по сердцу идея, что Пруд очутится у нас на борту, хотя бы в бутылке. Не понимаю, зачем Картер согласился на это».

«Припомните хорошенько все, что произошло между Картером и Прудом,— возразил ученый,— и вы увидите, что Картер ничего определенного не обещал. Хотя, на мой взгляд, мы обязаны взять Пруд на борт. Если мы поймем, что допустили ошибку, то существует самое простое лекарство. В любую секунду, как только мы прикажем, Никодимус освободит Корабль от Пруда, вышвырнув его за борт».

«Но зачем нам вообще с ним связываться? — задала вопрос светская дама.— Явление, которое Картер именует Божьим часом, для нас ничего не значит. Задевает нас вскользь, и все. Мы чувствуем его, как и Никодимус, но не испытываем в той мере, как Картер и Шекспир. Что испытывает Плотояд, мы, в сущности, не знаем. Он прежде всего пугается, а чего, толком объяснить не может».

«Убежден: испытания так называемого Божьего часа минуют нас потому,— изрек ученый,— что наш разум подготовлен гораздо лучше, лучше дисциплинирован...»

«Еще бы, ведь от нас и не осталось ничего, кроме разума»,— съязвил монах.

«Именно так,— поддержал ученый.— Я намеревался сказать, что, поскольку наш разум лучше дисциплинирован, мы не даем этому Божьему часу завладеть им. Не даем ему добраться до нас. Однако если бы мы раскрыли ему наш интеллект, то, вероятно, извлекли бы из этого намного больше пользы, чем все другие».

«Даже если такого не случится,— заметил монах,— на борту есть Хортон. По части Божьего часа он уже специалист».

«А девица? — спросила светская дама.— Элейн — так ее, кажется, зовут? Очень неплохо, что на борту снова будет двое людей».

«Это же ненадолго,— оборвал ее ученый.— Один ли Хортон или вместе с ней, их вскоре придется отправить в холодный сон. Мы не вправе разрешить нашим пассажирам-людям стареть. Они — важный ресурс, который следует использовать с максимальной отдачей».

«Всего-то несколько месяцев,— предложила светская дама.— За несколько месяцев они смогли бы научиться у Божьего часа многому».

«Мы не вправе растранжирить даже несколько месяцев,— отрезал ученый.— Человеческая жизнь коротка, и это еще мягко сказано».

«К нам это не относится»,— заметил монах.

«Мы не можем судить и о продолжительности нашей собственной жизни,— заявил ученый.— По крайней мере пока не можем. Хоть я и склонен считать, что мы уже не люди в полном смысле слова».

«Ну конечно мы люди! — воскликнула светская дама.— Даже чересчур люди. Мы цепляемся за наши личности и прежние привычки. Мы то и дело ссоримся. Мы не можем одолеть свои предрассудки. Мы все еще спорим и мелочимся. Разве такими нас задумывали? Предполагалось, что три наших разума сольются и станут единым разумом, более мощным и продуктивным, чем три разума порознь. И я говорю сейчас не только о себе — я недалекая женщина и сама это признаю,— но, сэр ученый, оглянитесь на свое поведение! Ваше преувеличенное ученое самомнение толкает вас к тому, что вы все время норовите доказать свое превосходство — над кем? Над

простодушной ветреной женщиной и бестолковым трусишкой в рясе...»

«Не считаю приличным вступать в спор,— объявил ученый,— но разрешите напомнить, что бывали случаи...»

«Вот именно, отдельные случаи,— ответил монах.— В глубине межзвездного пространства, когда нас ничто не отвлекало, а с другой стороны, когда мы пресыщались сведением счетов и нам становилось до смерти скучно. Тогда мы объединялись просто со скуки. Однако до состояния, какого от нас ожидали там, на Земле,— до чистопробного общего разума,— все равно оставалось куда как далеко. Хотел бы я поглядеть на физиономии чванливых неврологов и психологов с птичьими мозгами, всех, кто разрабатывал эту схему, доведись им узнать, чем обернутся их расчеты в действительности. Хотя, конечно, они все до одного давно мертвы...»

«Пустота,— изрекла светская дама,— это она бросала нас друг к другу. Пустота и неизвестность за стенами Корабля. Мы жались друг к другу, как трое детишек, перепуганных пустотой. Три разума сбивались в кучу ради самозащиты, а больше ничего и не было».

«Да, возможно,— согласился ученый,— вы подошли близко к истине. При всей горечи ваших слов — довольно близко».

«Никакой во мне нет горечи,— не согласилась светская дама.— Если обо мне вообще вспомнят, то как о самоотверженной особе, которая всю жизнь жертвовала собой, а в конце концов принесла жертву большую, чем можно ждать от кого бы то ни было. Обо мне будут думать как о той, что отдала и тело и отраду смерти ради продвижения к...»

«Вот и вновь,— заметил монах,— все сводится к обычному человеческому тщеславию и греховным людским надеждам. Насчет отрады смерти я с вами не согласен, а насчет пустоты вы правы».

«Пустота,— повторил ученый, обращаясь к себе.— Да, вне сомнения, всему виной пустота. Ну не странно ли: казалось бы, я должен был воспринять пустоту как должное, я и не ждал ничего другого, а все-таки не воспринял и не примирился. И меня обуяла та же инстинктивная реакция, что и двух других, и завершилась она тем же позорным страхом. Но я-то знаю и всегда знал, что пустота — понятие относительное! Космос вовсе не пуст, и мне это прекрасно известно. В космо-

се есть материя, пусть разреженная, и значительная ее доля состоит из довольно сложных молекул. Я повторял себе снова и снова: там не пустота, там не пустота, там есть материя. Но сколько ни повторял, а убедить себя не мог. Наверное, оттого, что в кажущейся пустоте космоса царят безразличие и неприютность, человек хочет спастись от них и забивается в свою скорлупу. Самое худшее в пустоте то, что кажешься себе таким маленьким и ничтожным, а ведь это чепуховая мысль, с которой надо бороться, потому что жизнь, пусть малая по размеру, не может быть ничтожной. По существу, если что-то имеет значение во всей Вселенной, то это — жизнь...»

«И все-таки,— напомнил монах,— случалось, что мы преодолевали свой испуг и не жались друг к другу, а забывали о Корабле и становились новоявленной сущностью, шагающей по пустоте самым естественным образом, словно мы гуляем по лугу или по саду. Мне всегда сдавалось, что это случается только тогда, что такое состояние наступает только тогда, когда мы доходим до крайности, до последней черты, до самого края хилых способностей человечества. Тогда и только тогда наступает это состояние, будто срабатывает предохранительный клапан и мы вступаем на новую плоскость бытия...»

«Ну что ж, я тоже вспоминаю нечто в таком роде,— поддержал монаха ученый,— и это воспоминание внушает мне кое-какую надежду. Вот, казалось, мы совсем зашли в тупик, почти убедили себя в безысходности нашего положения — и вдруг вспоминается фактик, подающий надежду. Беда в том, что ситуация для нас внове. Прошла тысяча лет, а все еще внове. И ситуация столь уникальная, столь чуждая всем человеческим представлениям, что остается лишь диву даваться, как мы умудрились не запутаться еще основательнее».

В беседу опять вступила светская дама:

«Вы не забыли, что здесь, на этой планете, мы время от времени улавливали иной интеллект? Даже не интеллект, а как бы его дуновение, словно мы охотничьи псы, унюхавшие старый след. Ныне мы познали всю мощь интеллекта Пруда,— говорю об этом с неохотой, хватит с меня иных разумов, сыта по горло,— но ведь интеллект Пруда вроде бы вовсе не тот,

какой мы улавливали. Возможно ли, чтобы на этой дурацкой планете существовал еще один развитой интеллект?»

«Может, это существо, запертое во времени,— предположил монах.— Дуновение, которое мы замечали, было очень слабым, почти неуловимым. Будто интеллект нарочно укрылся, не желая, чтоб его обнаружили».

«Сомневаюсь, что ваша догадка правдоподобна,— заявил ученый.— То, что арестовано во времени, скорее всего, заметить вообще нельзя. Не могу представить себе более надежного изоляционного материала, чем экран остановленного времени. Самое ужасное, что о времени мы ведь совсем ничего не знаем. Пространство, материя и энергия — факторы, которые мы вроде бы постигли, поняли их смысл, по крайней мере, теоретически. А время остается полной загадкой. Мы не в силах даже убедиться в его реальном существовании. У времени нет рычагов, за которые можно ухватиться, чтоб его исследовать.

Значит, тут может скрываться еще один интеллект, нам неизвестный?»

«А мне все равно,— оповестила светская дама.— Не знаю и не хочу знать. Надеюсь, что милая головоломка, в которую нас угораздило вляпаться, так или иначе вскоре подойдет к концу и мы уберемся отсюда восвояси».

«Да уж, осталось недолго,— откликнулся монах.— Может, еще несколько часов. Планета закрыта, и больше тут ничего не сделаешь. Поутру они отправятся к туннелю, осмотрят его снова и поймут окончательно, что исправить его не смогут. Но прежде чем это произойдет, нам предстоит принять решение. Картер нас не спрашивал — побоялся спросить. Побоялся услышать наш ответ».

«Ответ, разумеется, будет отрицательным,— без колебаний заявил ученый.— Как ни жаль, мы обязаны ответить "нет". Картер, наверное, подумает о нас неприязненно. Вероятно, скажет, что мы утратили человечность вместе с телами и сохранили лишь безучастный рассудок. Но это в нем будет говорить его доброта, не помнящая, что мы обречены на суровость, что доброта здесь, вдали от нашей прежней благоустроенной планеты, не может играть никакой полезной роли. Более того, такая доброта не была бы благом для самого Плотояда. Он

был бы вынужден влачить жалкое существование в железной клетке, рядом с Никодимусом, который его ненавидит. И Плотояд, в свою очередь, ненавидит робота, а может, и боится. Мы спровоцировали бы ситуацию, день за днем подбрасывающую угли в костер его позора: он, заслуженный воин, убивший множество зловредных чудищ, и вот, пал так низко, что боится двуногой машины — Никодимуса...»

«И правильно боится,— заметил монах,— потому что рано или поздно Никодимус бы, несомненно, его прикончил».

«Он такой неопрятный,— вставила светская дама, мысленно содрогнувшись.— Такой нечувствительный, и никакого в нем изящества, никакой предупредительности...»

«Вы о ком? — осведомился монах.— О Плотояде или о Никодимусе?»

«Ну что вы! Вовсе не о Никодимусе. Никодимус у нас смышленый».

Глава 26

Пруд испустил крик ужаса.

Хортон уловил крик краем сознания и шевельнулся, с трудом выбираясь из дремотного тепла, близости, интимной наготы, цепляясь всеми чувствами за человека рядом, за женщину,— но нет, ее принадлежность к роду человеческому была важна не менее, чем пол, ведь на этой планете людей было двое, всего только двое.

Пруд издал новый крик, тревожный и резкий, как сирена, и крик вошел в мозг ножом. Хортон сел, кутаясь в одеяло.

— Что с тобой, Картер Хортон? — сонно осведомилась Элейн.

— Это Пруд. Там что-то неладно...

Первый проблеск рассвета уже взбежал по небу на востоке, пришла призрачная полутьма, из которой смутными силуэтами выступали деревья и домик Шекспира. Костер почти догорел, от него остался лишь слой углей, подмигивающих воспаленными докрасна глазками. За костром, повернувшись в сторону Пруда, стоял Никодимус. И не просто стоял, а застыл в полный рост настороже.

— На, возьми штаны,— сказала Элейн.

Хортон протянул руку, взял брюки и обратился к роботу:

— Что там такое, Никодимус?

— Что-то вскрикнуло. Не то чтобы вслух. Но я почувствовал крик.

Хортон кое-как втиснулся в брюки, ежась от рассветного холодка. Крик прозвучал снова, еще призывнее и настойчивее, чем раньше.

— Глянь-ка на тропинку,— сказала Элейн сдавленным голосом.

Хортон послушался и чуть не поперхнулся. Их было трое. Белые, гладкие, они выглядели как слизняки, вставшие на попа, скользкие безобразные твари, вполне подобные тем, какие попадаются под перевернутыми камнями. Двигались они быстро, подскакивая на нижнем заостренном конце тела. Ног у них не было, но это им ничуть не мешало. Рук и лиц у них не было тоже — просто-напросто жирные самодовольные слизняки, резво скачущие по тропинке со стороны туннеля.

— Вот и еще трое, кому теперь отсюда не выбраться,— заметил Никодимус.— Нас тут скоро будет целая компания. Хотел бы я знать, почему столько существ попадает именно сюда?

Из домика Шекспира неверной со сна походкой вывалился Плотояд. Потянулся, почесался, потом заметил слизняков и спросил:

— Это что за чертовщина?

— Они не представились,— отозвался робот.— Да и появились всего минуту назад...

— Смешные твари, не правда ли? — высказался Плотояд.— Без ног, а скачут...

— Что-то происходит,— заявила Элейн.— Что-то страшное. Помнишь, вчера вечером я чувствовала: что-то должно случиться, и вот, случилось...

Три слизняка допрыгали до лагеря и, не удостоив людей у костра ни малейшим вниманием, прошмыгнули мимо на тропинку, ведущую к Пруду. Тем временем на востоке совсем посветлело, а где-то далеко в лесу раздался странный звук, словно кто-то провел палкой по изгороди из кольев.

Новый крик Пруда хлестнул Хортону по нервам, и он бросился бегом по той же тропинке. Плотояд держался с ним вровень, просто шагая вприпрыжку.

— Не откроешь ли ты мне,— спросил он на ходу,— что свершилось такого, чтобы все посходили с ума и пустились вскачь?

— Пруд попал в какую-то беду.

— Как он может попасть в беду? Кто-нибудь решил швырять в него крупными камнями?

— Не знаю,— признался Хортон,— но он громко кричит...

Взбежав на гребень, тропинка описала крутую дугу. Внизу лежал Пруд, а за Прудом возвышался конический холм. Холм изменялся, с ним что-то происходило. Он выпячивался вверх и разваливался на куски, а из него поднималось нечто темное и жуткое. Три слизняка сгрудились вместе и скорчились на берегу.

Плотояд вдруг прибавил скорости и стремглав понесся по тропке под уклон. Хортон заорал:

— Назад, дурак! Назад, полоумный дурак!..

— Хортон, гляди! — вскрикнула Элейн.— Да не на холм, а на гребень, где город...

И Хортон заметил, что одно из строений рушится, кладка рассыпается по кирпичику, и изнутри рвется вверх некое существо, сверкающее в лучах утреннего солнца.

— Это же наше существо, замурованное во времени,— узнала Элейн.— То самое, которое мы нашли.

Когда Хортон разглядывал существо в кубе замороженного времени, то никак не мог распознать его облик. Теперь, высвободившись из тюремных оков, оно поражало великолепием. Расправились могучие крылья, и солнце отразилось в них многоцветной радугой, будто они состояли из тысяч крохотных призм. Свирепая голова, снабженная клювом, сидела на удлиненной шее и выглядела, по крайней мере так показалось, словно на нее надели шлем, украшенный драгоценными камнями. Мощные лапы оканчивались изогнутыми сверкающими когтями, а длинный хвост был унизан блестящими острыми шипами.

— Дракон,— тихо произнесла Элейн.— Как драконы из старых земных легенд...

— Может быть,— отозвался Хортон.— Никто же не знает, каковы были драконы, если они когда-либо существовали.

Однако у дракона — если это и впрямь был дракон — что-то не ладилось. Высвободившись из каменного узилища, дракон пытался оторваться от земли, неуклюже хлопая исполинскими крыльями. Пытался и не мог, а должен бы, подумал Хортон, взмыть в небо. Взмыть на сильных надежных крыльях, взлететь по небесной лестнице одним духом, как быстроногий зверь взбегает по склону рысью, радуясь силе своих мышц и глубине дыхания.

Тут Хортон вспомнил про убежавшего вниз Плотояда и, повернувшись, принялся его высматривать, но высмотрел не сразу. Зато увидел, что холм за Прудом вскрывается, дробится и крошится все быстрее, а жуткое нечто выбирается из холма все смелее. Куски и целые глыбы, составлявшие холм, скатывались по крутизне, и у подножия скопилась изрядная груда камней и почвы. Нижняя часть склонов еще держалась, но шла извилистыми трещинами, как при землетрясении.

Хортон отметил все это про себя, но главное его внимание привлекло выбирающееся из холма нечто. Оно сочилось грязью, с него пластами сваливалась какая-то мерзость. Голова представляла собой округлый катыш, да и остальное тело тоже: нечто как бы собиралось стать человекообразным, да так и не собралось, а ограничилось чудовищной карикатурой на человека. Такую карикатуру мог бы, исходя злобой, слепить из глины, соломы и навоза первобытный колдун, чтоб она олицетворяла собой врага, которого можно, хорошенько помучив, с наслаждением уничтожить. Бесформенная бугорчатая, кривобокая фигура — и тем не менее источающая зло, которое ее создатель почерпнул в себе и еще умножил неумелой лепкой. Нечто испускало зло, зло висело над ним пеленой, как ядовитые испарения над болотной трясиной.

Постепенно холм почти сровнялся с берегом, и тогда монстр окончательно выпростался из почвы и шагнул вперед, переместившись одним шагом на добрых двенадцать футов. Хортон следил за ним как в гипнозе, но рука непроизвольно потянулась к поясу за пистолетом. И еще не дотянувшись до пояса, он сообразил, что пистолета нет, остался в лагере — впопыхах он просто забыл надеть пояс с кобурой. Теперь кляни не кляни себя за забывчивость, все без толку. А между тем нет и не может быть даже тени сомнения: такое средоточие зла, как то, что вылупилось из холма, нельзя оставлять в живых.

И только тут он разглядел Плотояда.

— Плотояд! — крикнул Хортон во весь голос.

Как же было не крикнуть, если полоумный кретин несся прямо к свежевылупившемуся монстру, опустившись для скорости на четвереньки. Плотояд шел в атаку, низко опустив голову, и даже на расстоянии было видно, как плавно переливаются на бегу его могучие мускулы. Поравнявшись с монстром, он прыгнул и буквально взвился вверх по бесформенному телу, используя всю инерцию атаки, чтобы добраться до уровня, где катыш головы и глыбу туловища связывала короткая шея.

— Нет! Нет! — заорал позади Никодимус.— Предоставьте это Плотояду!

Хортон стремительно обернулся. Оказалось, что Элейн вытащила свое оружие, но Никодимус стальными пальцами ухватил ее за запястье. Вновь повернувшись к монстру, Хортон успел увидеть, как Плотояд взмахнул саблезубой головой и нанес хлесткий рубящий удар. Клыки, сверкнув, впились монстру в глотку и пронзили ее насквозь. Из глотки хлынула черная струя, накрыв Плотояда целиком и на миг, померещилось, сплавив его с темной глыбой зла. Монстр, видимо инстинктивно, поднял лапу, похожую на клюку, стиснул Плотояда, оторвал его от себя, поднял и отшвырнул. Потом сделал еще шаг и вдруг начал падать, медленно кренясь вперед, как дерево при последнем взмахе топора лесоруба — еще не хочет падать, еще норовит устоять и все-таки уже падает...

Плотояд рухнул на скальную кромку Пруда и не поднимался. Хортон бросился вниз по тропинке, проскочив мимо трех слизняков, по-прежнему скрюченных на берегу. Плотояд лежал лицом вниз. Опустившись на колени, Хортон осторожно перевернул его на спину — тот перевалился дрябло и безвольно, как мешок. Глаза были закрыты, из уголка рта и из ноздрей сочилась кровь. По всему телу растеклась липкая черная жидкость, хлынувшая из разодранной глотки монстра. Грудная клетка Плотояда была сломана, вверх торчала иззубренная кость.

Притопал Никодимус и, преклонив колена рядом с Хортоном, спросил:

— Как он?

— Пока жив,— сказал Хортон,— но, пожалуй, протянет недолго. У тебя случайно нет в запасе трансмога хирурга?

— Медицинский трансмог есть, но простенький. Распространенные болезни и как их лечить. Некоторые общие принципы врачевания. Но справиться с этой грудной клеткой я не в силах.

— Не надо было меня останавливать,— заявила Элейн Никодимусу с горьким упреком.— Я бы прикончила монстра прежде, чем он расправится с Плотоядом.

— Вы не понимаете,— ответствовал робот.— Это было нужно самому Плотояду.

— Не болтай чепуху!

— Он имеет в виду,— вступился за Никодимуса Хортон,— что наш друг Плотояд — воин. Уничтожение чудищ — его призвание. Он путешествовал с планеты на планету и всюду выискивал самые смертоносные виды. Таково требование его культуры. Он добился очень высоких показателей и был близок к тому, чтобы стать чемпионом своего народа. Этот подвиг, более чем вероятно, сделает его величайшим убийцей всех времен. Принесет ему что-то вроде бессмертия в племенной памяти.

— Но что ему за выгода,— усомнилась она,— если соплеменникам не суждено узнать о происшедшем?

— Шекспир оставил запись по этому поводу,— напомнил Никодимус.— У Шекспира создалось впечатление, что каким-то неведомым образом они все равно узнают...

Один из слизняков тихо припрыгал поближе и расположился напротив Хортона, по другую сторону от Плотояда. Из мягкого пухлого тела выросло щупальце и кончиком бережно ощупало распростертого воина. Хортон поднял глаза в надежде взглянуть слизняку в лицо — совсем забылось, что никакого лица нет в помине. Притупленный верхний конец тела одарил его пристальным ответным взглядом — словно у слизняка были глаза. Но нет, глаз не было, а ощущение взгляда было. Хортон почувствовал в мозгу легкое покалывание, словно там пропустили слабый электрический ток, и это вызвало неприятную дурноту.

— Оно пытается поговорить с нами,— догадался Никодимус.— Вы ведь тоже ощущаете это, правда?

— Чего вы от нас хотите? — спросил Хортон у слизняка. Довольно было произнести фразу, как электрическое покалывание в мозгу слегка усилилось — в знак признания? — а затем вернулось на прежний уровень. Больше ничего не случилось.

— Не думаю, что мы от него чего-нибудь добьемся,— объявил Никодимус.— Оно старается сообщить нам что-то, но, очевидно, не может. Не может дотянуться до нас.

— Пруд же сумел объясниться с нами! — возразил Хортон.— Пруд разговаривал со мной...

Никодимус как бы пессимистически пожал плечами:

— Эти твари другие. Иной тип разума, иной способ общения.

Веки Плотояда затрепетали, и он приоткрыл глаза.

— Приходит в сознание,— заметил Никодимус.— Ему будет больно. Схожу-ка я в лагерь. По-моему, у нас есть шприц...

— Нет! — заявил Плотояд, тихо, но решительно.— Никаких иголок в задницу. Болит. Но это ненадолго. Чудище — оно мертво?

— Мертвее не бывает,— заверил Хортон.

— Хорошо,— откликнулся Плотояд.— Я перегрыз ему треклятую глотку. Я это делаю умело. Умею обращаться с чудищами.

— Тебе лучше бы успокоиться,— сказал Хортон.— Через несколько минут мы тебя поднимем и перенесем обратно в лагерь.

Плотояд устало прикрыл глаза.

— Не надо в лагерь,— попросил он.— Здесь место не хуже любого другого...

Он закашлялся, поперхнувшись. Кровь с новой силой выплеснулась у него изо рта и потекла по груди.

— А что с драконом? — вдруг вспомнил Хортон.— Он где-нибудь поблизости?

— Упал по ту сторону Пруда,— сказала Элейн.— У него что-то разладилось. Он не мог летать. Пытался взлететь, но разбился...

— Слишком долго сидел в остановленном времени,— предположил Никодимус.

Слизняк вытянул щупальце и, привлекая к себе внимание, тронул Хортона за плечо. Затем показал на берег, где

черной глыбой лежал мертвый монстр. Затем трижды легонько похлопал Плотояда и трижды — себя самого. Отрастил еще одно щупальце и сблизил оба щупальца таким образом, будто хотел поднять Плотояда и прижать к себе, лаская и баюкая.

— Он пытается сказать спасибо,— пояснил Никодимус.— Пытается поблагодарить Плотояда.

— А если он дает понять, что может ему помочь? — высказалась Элейн.

Плотояд промолвил, не открывая глаз:

— Ничто мне уже не поможет. Просто оставьте меня в покое. Не шевелите меня, пока я не умру.— Он опять закашлялся.— И не заверяйте меня по доброте своей, что я не умираю. Вы побудете со мной, пока все не кончится?

— Мы побудем с тобой,— ответила Элейн.

— А ты, Хортон?

— Да, мой друг. Конечно...

— Если б этого не случилось, вы взяли бы меня с собой? Вы не бросили бы меня здесь? Покидая планету, вы взяли бы меня на борт?

— Мы взяли бы тебя непременно,— заверил Хортон.

Плотояд вновь закрыл глаза и сказал:

— Я так и знал. Всегда-всегда знал, что вы меня не бросите...

День уже вступил в свои права, солнце заметно приподнялось над горизонтом. Косые солнечные лучи отражались от поверхности Пруда.

А ведь теперь, мелькнула у Хортона мысль, наплевать, что туннель закрыт. Плотояд больше не замурован на ненавистной ему планете. А Элейн сможет отбыть на Корабле, и больше их здесь ничто не держит. То, чему суждено было свершиться на этой планете, свершилось, пьеса окончена. И, добавил он про себя, хотелось бы разобраться, что же она значила. Пусть не сейчас, пусть когда-нибудь, но хотелось бы разобраться.

— Картер, вы только посмотрите! — воскликнул Никодимус тихо, но взволнованно.— Чудище-то, чудище...

Хортон судорожно дернул головой и стал всматриваться, борясь с тошнотой. Монстр лежал в каких-нибудь двухстах—трехстах футах. И... плавился на глазах, туловище как бы стека-

ло внутрь себя, превращаясь в гнилостную массу. И при этом корчилось, расползаясь в непристойно вонючую лужу, от которой бежали грязные ручейки, а над ними поднимались злокачественные испарения.

Он застыл, не в силах оторваться от ужасного, оскорбительного зрелища. Монстр расплылся в тошнотворную маслянистую жижу, и Хортон поймал себя на непрошеной мыслишке, что теперь ему ни за что не восстановить в памяти, каков же был первоначальный облик врага. Единственное, что запало в сознание в тот самый момент, когда клыки Плотояда лишили монстра жизни,— бугорчатость, безобразная, если не извращенная бугорчатость, не имеющая, в сущности, никакой формы. А что, если, подумалось Хортону, так и должно быть: у зла нет и не бывает определенной формы. Была бугорчатость, а стала мерзкая лужа грязи, и неведомо, каков же истинный облик зла, и каждый волен вообразить его себе сообразно собственным страхам перед неизвестностью, обрядить зло в одежды того покроя, какой покажется самым жутким и устрашающим. У зла столько обличий, сколько людей готовы кроить ему платье. И в представлении каждого из людей зло будет отличным от представления, свойственного другим.

— Хортон...

— Да, Плотояд, что тебе?

Голос у Плотояда стал совсем глухим и хриплым. Пришлось вновь опуститься на колени и склониться пониже, чтобы хоть что-нибудь расслышать.

— Когда все кончится, оставь меня прямо здесь,— попросил Плотояд.— На открытом месте, где меня легко найдут.

— Не понимаю,— ответил Хортон.— Кто найдет?

— Стервятники. Чистильщики. Гробовщики. Маленькие, вечно голодные твари, согласные переварить все, что угодно. Насекомые, птицы, зверушки, черви, бактерии. Ты сделаешь это для меня, Хортон?

— Конечно сделаю, если тебе так хочется. Если ты и впрямь хочешь этого...

— Выплата,— прошептал Плотояд.— Выплата последнего долга. Не отбирать у маленьких голодных созданий мою плоть. Отдать меня в дар многим другим живущим. Внести последний существенный пай в копилку жизни...

— Кажется, я понимаю,— сказал Хортон.

— Внести свой пай,— повторил Плотояд.— Выплатить долг. Это весьма важное дело.

Глава 27

Они начали огибать Пруд, когда Элейн спохватилась:

— А где же робот? Он не пошел с нами...

— Он там, с Плотоядом,— ответил Хортон.— Несет последнюю вахту. Такой у него обычай. Вроде ирландских поминок. Хотя ты, наверное, не знаешь, что такое ирландские поминки.

— Нет, не знаю. Что это такое?

— Это значит сидеть с умершим. Находиться подле него в карауле. Никодимус делал это для тех погибших, что были на корабле вместе со мной. Оставался с ними на пустынной планете безымянного солнца. Он хотел было помолиться за них, пытался произнести молитву и не смог. Решил, что не пристало роботу произносить молитву. Тогда он сделал для погибших нечто иное. Он провел какое-то время с ними рядом. Не стал торопиться с отлетом.

— Как это мило с его стороны! Это даже лучше, чем молитва...

— Я тоже так думаю,— сказал Хортон.— Слушай, ты точно знаешь, где упал дракон? Его что-то нигде не видно...

— Я следила за его падением. И по-моему, заметила, куда он упал. Там, наверху.

— Помнишь, как мы гадали, зачем понадобилось замораживать дракона во времени? Если он в самом деле был заморожен во времени. Мы лепили какой-то сюжетец на свой вкус, прячась от того факта, что не знаем ровным счетом ничего. Сочиняли робкую сказочку наподобие земных легенд, лишь бы как-нибудь объяснить и осмыслить то, что превосходит наше понимание...

— Для меня,— заявила Элейн,— теперь совершенно ясно, зачем понадобилось оставлять здесь дракона. Его оставили на случай появления монстра, чтоб он убил монстра, как только тот вылупится. Каким-то образом появление монстра на свет должно было раскрыть временной капкан и выпустить дракона на волю. Так и произошло — чего-чего, а этого отрицать не приходится...

Хортон подумал и продолжил:

— Они, кто б они ни были, заковали дракона во времени специально в ожидании того дня, когда монстр вылупится из яйца. Наверное, они знали, что яйцо снесено, но если так, почему было не отыскать и не уничтожить это яйцо? Если, конечно, оно действительно было снесено. Да если и не яйцо, а что-то иное — зачем такие страсти, к чему было такой огород городить?

— А может, они знали только, что яйцо снесено, но не знали где.

Но дракона поместили на расстоянии меньше мили от...

— Может, они знали место лишь приблизительно. И найти яйцо было для них не легче, чем просеять песчаный пляж сквозь сито. Может, объект поиска был трудноразличим; допустим, яйцо было так замаскировано, что и взглянешь на него прямо — не распознаешь. А может, у них не было времени на поиски. Может, им почему-либо надо было уходить отсюда, и очень спешно, вот они и поместили дракона в склеп, а уходя, перекрыли туннель, чтоб, если что-нибудь не заладится и дракон не сможет прикончить монстра, тот все равно не сумел бы покинуть планету.

И насчет того, что монстр вылупился,— продолжала она.— Мы говорим, что он вылупился, а я не уверена, что это верное слово. Что бы ни вызвало монстра к жизни, это был длительный процесс. Монстр должен был долго развиваться, прежде чем выбраться из холма. Как цикада семнадцатилетняя там, на Земле,— по крайней мере, рассказывают, что была такая цикада семнадцатилетняя*.

Только монстру, наверное, потребовалось много больше семнадцати лет.

— Никак в толк не возьму,— признался Хортон,— отчего те, кто все это затеял, так страшились монстра, что поставили на него сложную ловушку, замуровав дракона во времени. Спору нет, монстр был рослый и крайне непривлекательный, но Плотояд перервал ему глотку одним ударом, и все тут...

* Американское насекомое, цикл жизни которого в северных штатах равен семнадцати, а в южных — тринадцати годам. Большую часть этого срока проводит под землей в виде личинки и лишь за несколько недель до смерти достигает зрелости и обретает способность к полету.

Элейн вздрогнула.

— Он был средоточием зла. Я просто физически ощущала зло, которое от него исходило. А ты? Разве ты сам этого не ощущал?

— Ощущал,— согласился Хортон.

— Не какое-нибудь мелкое зло, какого в жизни навалом: сам знаешь, что в жизни многое чревато мелким злом. Нет, здесь ощущалась такая глубина зла, что и не измеришь. Абсолютное отрицание всего доброго и достойного. Плотояд взял его внезапностью, не дав ему времени собрать всю силу зла воедино. Монстр был свежевылупившийся и еще не пришел в себя, когда попал под атаку. Уверена, если б не это, Плотояду ни за что не удалось бы то, что он сделал...

Следуя изгибу берега, они подошли к крутому гребню, на котором стояли заброшенные дома.

— По-моему, это здесь,— сказала Элейн.— Прямо наверх.

Она принялась карабкаться первой. Оглянувшись, Хортон приметил на противоположном берегу Никодимуса — расстояние сделало робота совсем игрушечным. Тело Плотояда удалось различить с большим трудом: казалось, оно хочет слиться со своим ложем на голом берегу.

Достигнув гребня, Элейн остановилась. Как только Хортон поравнялся с ней, она показала:

— Гляди. Вот он...

В подлеске искрились миллионы драгоценных камней. Самого дракона было не разглядеть за плотной растительностью, но тело отбрасывало радугу, ясно указывающую место его падения.

— Он мертв,— вздохнула Элейн.— Недвижим...

— Не обязательно мертв,— отозвался Хортон.— Возможно, покалеченный, но живой.

Вдвоем они поднырнули под кусты, обогнули мощное дерево с низко свисающими ветвями — и увидели дракона воочию. От его великолепия захватывало дух. Каждая из покрывающих тело чешуек сияла переливчатым огоньком, крохотным, изысканно подобранным самоцветом, играющим на солнце. Достаточно было сделать шаг вперед, и распростертое тело вспыхнуло сплошным пожаром, весь свет погожего дня ударил Хортону прямо в лицо. Еще шаг — наклон чешуек по отношению к человеку изменился, пожар угас, но каждая чешуйка

вновь заискрилась по отдельности, будто рождественскую елку усыпали мишурой, совершенно закрыв иголки, спрятав их за блестками куда более красочными, чем на самой роскошной елке. Густая синь, и рубиновый пламень, и зелень всех оттенков от белесого вечернего весеннего неба до темного разъяренного моря, и яркая желтизна. Солнечное сияние топазов, розовая кипень яблонь в цвету, осенняя тусклая щедрость тыкв — и все эти краски сбрызнуты мерцанием, какое можно увидеть разве что в морозное зимнее утро, когда все вокруг усыпано алмазами.

Неудивительно, что Элейн почти онемела.

— Как он прекрасен! — выдохнула она наконец, с трудом обретая голос.— Прекраснее, чем показалось там, в замороженном времени...

Дракон был меньших размеров, чем почудилось в ту минуту, когда он пытался подняться в небо, и лежал без движения. Одно из изящных крыльев откинулось от гибкого туловища и бессильно провисло, упав на землю. Второе крыло подогнулось и смялось под весом тела. Длинная шея была вывернута так, что голова легла на землю боком. Даже при близком рассмотрении голова по-прежнему напоминала шлем. Чешуек, покрывавших все тело, на голове не было — шлем состоял из твердых частиц, похожих на полированные металлические пластинки. Маску-шлем венчал, выступая над ней торчком, тяжелый клюв, и клюв также выглядел металлическим.

Голова, как и тело, лежала спокойно, не шевелясь, и вдруг открыла один глаз — тот, что наверху. Голубой глаз, ясный и прозрачный, кроткий и ничуть не испуганный.

— Он жив! — воскликнула Элейн и бросилась к дракону.

Хортон попытался предостеречь ее криком, остановить, но Элейн уклонилась от протянутой руки и упала на колени рядом со страшной головой. Взяла голову в руки, подняла и прижала к груди. Хортон окаменел, боясь шевельнуться, боясь издать еще хоть какой-нибудь звук. Раненое, искалеченное существо — один рывок, один удар этого свирепого клюва, и...

И ничего не случилось. Дракон остался недвижим. Элейн бережно опустила голову обратно на землю и погладила самоцветную шею. Дракон сморгнул, длительно и неспешно, и навел на нее пристальный взгляд.

— Он понимает, что мы друзья,— заявила она.— Понимает, что мы не причиним ему вреда...

Дракон сморгнул снова, и на сей раз глаз остался закрытым. Элейн продолжала гладить ему шею да еще принялась что-то ласково напевать. Хортон не шевелился, прислушиваясь к тихому пению,— только оно и нарушало (если нарушало) воцарившуюся на гребне ужасную тишину. Далеко внизу, на противоположной стороне Пруда, игрушка, которая была Никодимусом, все так же стояла над пятнышком, которое прежде было Плотоядом. Еще дальше по берегу различалось пятно покрупнее — разваленный холм, откуда вылупился монстр. От самого монстра просто ничего не осталось.

А ведь он знал про монстра, вспомнилось Хортону, или по меньшей мере ему следовало бы знать. Только вчера он карабкался на холм, карабкался на четвереньках, потому что иначе крутизну было не одолеть. Не дойдя до вершины, он решил передохнуть, растянулся на склоне плашмя и ощутил под собой вибрацию, подобную биению сердца. Но, как ему помнилось, он внушил себе, что это бьется его собственное сердце, изнуренное крутым подъемом, и к правильной догадке больше не возвращался.

Он снова посмотрел на дракона и уловил какую-то недобрую перемену, но, даже уловив перемену, не сразу разобрался, в чем она.

— Элейн,— тихо позвал он.— Элейн!..— И, как только женщина ответила ему взглядом, произнес: — Дракон умер. Краски гаснут...

Краски продолжали гаснуть у них на глазах. Чешуйки теряли искристость, красота уходила. Из великолепного чуда дракон превращался в большую серую тварь, и ни у кого не могло возникнуть сомнений, что тварь мертва. Элейн медленно поднялась на ноги и отерла лицо, мокрое от слез, сжатыми кулачками.

— Но почему он умер? — спросила она исступленно.— Почему? Если его заточили во времени, если время для него остановилось, он должен бы выйти на волю таким же бодрым и сильным, каким был в момент заточения. Ведь время для него просто не существовало. Он не мог претерпеть никаких изменений...

— Мы не знаем о времени ровным счетом ничего,— заметил Хортон.— Да и те, кто заточил дракона, могли разбираться во времени хуже, чем вообразили себе. Может, время не поддается такому четкому и надежному контролю, как они рассчитывали. Они полагали, что создали безупречную конструкцию, а на деле в ней оказались неполадки...

— Ты думаешь, что временной склеп оказался неисправным? Что где-то была протечка времени?

— Этого мы не знаем и не узнаем,— ответил Хортон.— Для нас время до сих пор — полная загадка. Вернее, чистая теория — мы, по сути, не знаем, существует ли оно вообще. Заключение во временном склепе могло неблагоприятно сказаться на живых тканях или на мыслительных процессах. А может, продолжительность заключения оказалась больше расчетной. Может, вмешался какой-то фактор и монстр развивался и рос, прежде чем вылупиться, много дольше, чем обычно.

— А все-таки удивительно,— сказала она,— как повернулись события. Не угоди Плотояд на эту планету и не окажись он тут в ловушке, монстр мог бы сейчас разгуливать на свободе...

— И еще Пруд,— добавил Хортон.— Не подними Пруд тревогу, не предупреди он нас криком...

— Ах вот в чем было дело! Вот как ты узнал! Но Пруду-то чего было бояться?

— Вероятно, он почувствовал исходящее от монстра зло. Может, Пруд вовсе не так невосприимчив к злу, как кажется.

Преодолев небольшой уклон, она стала с Хортоном рядом и сказала задумчиво:

— Ушла красота. Это ужасно. Красота во Вселенной редкость, ни одной ее частицей нельзя пренебречь. Вот почему еще смерть так чудовищна — она убивает красоту...

— Сумерки богов,— произнес Хортон.

— Сумерки?

— Еще одна древняя земная история,— пояснил он.— Монстр, дракон и Плотояд. Все трое погибли. Великий час окончательной расплаты...

Она вздрогнула, несмотря на яркое солнце, пышущее теплом, и предложила:

— Пойдем обратно...

Глава 28

Они сидели у догорающего костра.

— Кто-нибудь из вас,— осведомился Никодимус,— хотел бы позавтракать?

Элейн молча покачала головой. Хортон поднялся на ноги.

— Пора,— сказал он.— Больше нас здесь ничто не удерживает. Но странная штука, разумом я прекрасно все понимаю, а уходить не хочется. И пробыли-то мы здесь всего три дня, а показалось гораздо дольше. Элейн, ты летишь с нами?

— Конечно,— ответила она.— Я думала, ты и сам знаешь.

— Наверное, знаю. Спросил, просто чтоб удостовериться.

— Если никто не против и если для меня найдется место...

— Никто не против, и место найдется. Сколько угодно места.

— Надо еще прихватить Шекспирову книгу,— напомнил Никодимус.— Вот, пожалуй, и все. На обратном пути можно сделать остановку и набить карманы изумрудами. Сознаю, что они, скорее всего, не представят для нас никакой ценности, и все-таки не могу избавиться от привычки относиться к ним как к валюте.

— Есть еще одно дело,— вымолвил Хортон.— Я же обещал Пруду, что возьму часть его с собой. Использую для него самый большой кувшин из тех, что Шекспир подобрал в городе...

Элейн, не повышая голоса, сказала:

— А вот и слизняки. Мы про них совершенно забыли...

— О них нетрудно забыть,— заметил Хортон.— Снуют туда-сюда, а остаются какими-то ненастоящими. И не держатся в памяти, словно нарочно стараются, чтоб их не запомнили.

— Если б у нас было время,— вздохнула Элейн,— выяснить, кто они такие. Это не простое совпадение, что они объявились здесь именно сегодня, не раньше и не позже. И они сказали Плотояду спасибо, по крайней мере это выглядело как благодарность. Меня не покидает чувство, что они играют во всем этом хитросплетении куда большую роль, чем кажется.

Слизняк, что держался впереди, отрастил щупальце и принялся усердно махать, привлекая внимание людей.

— Похоже,— предположила Элейн,— они только что обнаружили, что туннель закрыт.

— Они приглашают нас последовать за ними,— догадался Никодимус.

— Вероятно, хотят показать нам, что туннель закрыт,— высказался Хортон.— Будто мы сами не знаем.

— Все равно,— произнесла Элейн,— пожалуй, стоит отправиться с ними и выяснить, что им от нас надо.

— Если удастся,— заявил Никодимус.— Средства общения, мягко говоря, несовершенны.

Хортон пошел первым, Элейн и Никодимус следовали за ним по пятам. Слизняки юркнули за поворот, закрывающий вид на туннель со стороны домика. Хортон поспешил за ними, обогнул поворот и замер как вкопанный.

Жерло туннеля больше не было зеркально-черным. Оно светилось молочной белизной.

— Бедный Плотояд,— произнес Никодимус за плечом Хортона.— Будь он только здесь...

— Но слизняки-то! — воскликнула Элейн.— Слизняки!..

— Может ли быть, что они и есть хозяева туннелей? — задал вопрос Хортон.

— Не обязательно,— ответил Никодимус.— Может, смотрители туннелей. Охранники, сторожа. Но не создатели. Это вовсе не обязательно.

Три слизняка весело прыгали по тропинке. Не останавливаясь, допрыгали до жерла туннеля, скакнули в него и исчезли.

— Контрольную панель заменили,— подметил Никодимус.— Наверное, слизняки, больше некому. Но как они догадались, что назревают события, которые позволят открыть туннель? Кто-то как-то должен был догадаться, что монстр вот-вот вылупится и что блокаду планеты можно будет снять...

— А ведь это заслуга Плотояда,— сказал Хортон.— Он докучал нам, дышал нам в спину, то и дело понукал нас, чтобы мы попытались открыть туннель. А в конечном счете именно он и открыл туннель, обеспечил слизнякам такую возможность. Только ему самому уже все равно. Хотя не надо жалеть его. Он добился того, о чем мечтал. Исполнил свое предназначение, а этим могут похвалиться не многие. Его поход за славой завершен, он великий народный герой.

— Но он же мертв! — недоуменно возразил Никодимус.

— Сначала,— сказал Хортон, припомнив свой разговор с Шекспиром,— сначала скажи мне, что такое смерть.

— Это конец,— объявил Никодимус.— Это как если выключат ток.

— Не уверен,— отозвался Хортон.— Раньше я согласился бы с тобой, а теперь уже не уверен...

Элейн вдруг заговорила тоном маленькой обиженной девочки:

— Картер! Картер, выслушай меня, пожалуйста...— Он повернулся к ней.— Я не могу лететь с тобой. Все изменилось. Теперь все по-другому...

— Но ты сказала...

— Знаю, что сказала, но это было, когда туннель был закрыт, когда не было даже надежды, что он откроется. Я хотела бы улететь с тобой. Я хотела бы этого больше всего на свете. Но теперь...

— Теперь туннель открылся.

— Дело не только в этом. Не только в том, что у меня есть работа и теперь я могу ее продолжать. Главное — слизняки. Теперь я знаю, кто мне нужен. Я обязана разыскать слизняков. Разыскать и как-то с ними поговорить. Они могут рассказать то, что нам непременно надо узнать. Чтобы не тыкаться по туннелям вслепую в попытках выведать их секрет. Теперь понятно, кто может рассказать нам о туннелях все, что необходимо...

— Если ты сумеешь разыскать слизняков. Если догадаешься, как с ними разговаривать. Если они пожелают разговаривать с тобой.

— Все равно я должна попробовать,— заявила она.— Я буду писать послания, оставлять записки у каждого туннеля в надежде, что их увидят другие поисковики. Если я потерплю неудачу, найдутся другие, кто разберется с моих слов, кого искать, и продолжит охоту.

— Картер,— вмешался Никодимус,— вы сами понимаете, это ее долг. Как бы нам ни хотелось, чтоб она была с нами, следует признать за ней...

— Да, конечно,— перебил Хортон.

— Мне ясно, что ты не захочешь и не сможешь, но не могу не спросить. Если бы ты согласился отправиться со мной...

— Сама понимаешь, что не могу.

— Понимаю, что не можешь.

— Вот все и распалось,— вымолвил Хортон.— И мы не в силах ничего изменить. Наши обязательства — я имею в виду нас обоих — слишком глубоки и серьезны. Встретились и разошлись, и каждый пошел своим путем. Словно и не встречались...

— Неверно! — воскликнула она.— Сам знаешь, что неверно! Наша жизнь — я тоже имею в виду нас обоих — немного изменилась. Мы будем вспоминать друг друга.— Она запрокинула лицо и попросила: — Поцелуй меня. Поцелуй меня в последний раз совсем коротко, чтоб я не успела передумать и сумела уйти...

Глава 29

Хортон опустился у кромки Пруда на колени и погрузил кувшин в жидкость. Жидкость забулькала, заполняя сосуд и вытесняя на поверхность пузырьки воздуха. Наполнив кувшин, Хортон поднялся и сунул трофей под мышку.

— Прощай, Пруд,— сказал он и почувствовал, что сказал глупость: какое же это прощание, если Пруд улетает вместе с ним?

Вот вам одно из преимуществ, подумал он, такого естества, как Пруд. Он может быть одновременно во многих местах, притом ни на миг не покидая того места, где был изначально. Как если бы он, Хортон, отправился с Элейн и одновременно улетел вместе с Кораблем — но уж, коль додумывать до конца, еще и остался бы на Земле, а значит, умер бы много веков назад.

— Пруд,— спросил он,— что тебе известно о смерти? Ты смертен? Ты когда-нибудь умрешь?

И тут же подумал, что снова сморозил глупость, поскольку смерти подвержено все сущее. Вероятно, настанет день, когда умрет и сама Вселенная, умрет, израсходовав последнюю искру энергии, и, когда это свершится, лишь время будет грустить в одиночестве на пепелище явлений, которые могут и не повториться.

Что же остается? Сделать вывод, что все тщета? Но неужели все и впрямь тщетно?

Хортон потряс головой. Он не мог заставить себя прийти к такому горькому выводу.

А если ответ известен Божьему часу? Если ответ ведом огромной голубой планете? И пусть не скоро, пусть через тысячелетия, Корабль, рыскающий в черной бездне какого-нибудь дальнего сектора Галактики, удостоится этого ответа или сам докопается до него. И не исключено, что в контексте этого ответа станет понятной цель жизни — немощного лишайника, цепляющегося, подчас отчаянно, за мелкие крупинки материи в неизъяснимой безбрежности, которая знать не знает и не хочет знать про такую ерунду, как жизнь.

Глава 30

Светская дама высказалась:

«Итак, пьеса доиграна. Драма исчерпала себя, и можно наконец покинуть эту замусоренную, неупорядоченную планету во имя чистоты пространства».

Ученый не удержался от вопроса:

«Никак вы влюбились в пространство?»

«Такие, как я,— объявила ему светская дама,— не способны влюбиться ни в кого и ни во что. Скажите мне, сэр монах, ну что мы все такое? Вы ведь наловчились отвечать на самые дурные вопросы».

«Мы обладаем сознанием,— сообщил монах.— Мы обладаем информацией. Вот и все, большего не требуется, но мы по-прежнему цепляемся за всевозможную ветошь, какую некогда таскали с собой. Цепляемся, потому что вообразили себе, что эта ветошь — принадлежность личности. И подобное поведение — мера нашего эгоизма и нашего тщеславия, поскольку мы до сих пор судорожно отстаиваем свои личности. И в то же время мера нашей близорукости. Ведь втроем, совместными усилиями мы можем обрести личность гораздо большего масштаба, чем крохотные индивидуальности, на которых мы упорно настаиваем. Мы можем сделаться, если прекратим противиться, частью Вселенной, а может статься, даже равными Вселенной».

«Смотрите-ка,— воскликнула светская дама,— куда вы завернули! Довольно вам пуститься в рассуждения, и никогда

не скажешь наперед, в какие дебри вас занесет. По какому праву вы утверждаете, что мы станем частью Вселенной? Для начала мы просто не ведаем, что такое Вселенная, так как же вообразить себе, что мы станем равными ей?»

«В том, что сказала дама, есть большая доля правды,— заявил ученый,— хотя, формулируя свои мысли, я отнюдь не намерен, сэр монах, выступать с критикой в ваш адрес. Наедине с собой я, случалось, склонялся к мыслям во многом сходного порядка, и, должен признаться, это приводило меня в изрядное замешательство. Если вспомнить историю, то человек, по-видимому, считал, что Вселенная претерпевает чисто механическое развитие, которое сводится, по крайней мере отчасти, к физическим и химическим закономерностям. Однако если это так, если Вселенная развивалась как механическая конструкция, то в ней не было бы ничего, хотя бы отдаленно похожего на здравый смысл,— такая схема просто не оставляет места здравому смыслу. Ибо любая механическая конструкция создается, чтобы быть работоспособной, а отнюдь не осмысленной,— но доступная мне логика не позволяет мне прийти к выводу, что мы живем в подобной Вселенной. Безусловно, Вселенная — нечто большее, чем конструкция, хотя, вероятно, от технологического общества иного объяснения и ждать не приходится.

Я спрашивал себя, каким образом могла быть создана Вселенная. Я спрашивал себя, с какой целью она была создана. Не только же как вместилище материи, пространства и времени! Нет, конечно, во Вселенной заложен какой-то более высокий смысл. Была ли она создана как обитель для разумных биологических существ, а если так, какие факторы, заложенные в ее развитии, способны сделать ее пристойной обителью? Каким концепциям должна она удовлетворять во имя подобной цели? Или она создана как некий отвлеченно-философский эксперимент? Или, кто знает, как некий символ, которого не дано ни постичь, ни оценить по достоинству вплоть до того отдаленного дня, когда финальный рывок биологической эволюции приведет к возникновению сверхъестественного разума, который наконец-то познает причину и цель мироздания?

В этом случае встает и еще один вопрос: каким же должен быть разум, чтоб посягнуть на познание такого масштаба? Ведь

у каждой стадии эволюции, как мне представляется, есть определенные пределы, и нет способа выяснить, не ставят ли эти пределы заслон, вообще исключающий способность разума познать Вселенную».

«А может,— предположила светская дама,— Вселенную и вовсе нельзя познать? Может, этот назойливый культ познания — не более чем одна из ошибок технологического общества?»

«Или,— добавил монах,— философского общества. Пожалуй, проблема имеет большее отношение к философии, чем к технологии, потому что технологам наплевать на все, лишь бы моторы крутились и уравнения имели решение».

«На мой взгляд, вы оба заблуждаетесь,— объявил ученый.— Любой разум небезразличен к своему окружению. И обуреваем желанием развиться до предела своих возможностей. Это подлинное его проклятие. Разум не дает своим обладателям ни минуты покоя, не дает им наслаждаться жизнью, а гонит вперед и вперед. Даже в последнюю секунду вечности он будет цепляться ногтями за край бездны, будет барахтаться и визжать, лишь бы ухватить еще лоскуток какой-нибудь тайны, за которой ему приспичит тогда охотиться. Готов дать голову на отсечение, что ему непременно приспичит охотиться за чем-нибудь».

«Вы судите о человеке так беспощадно»,— посетовала светская дама.

«Рискую показаться напыщенным болваном или безмозглым патриотом,— объявил ученый,— и все-таки уточняю: моя беспощадность — к вящей славе человечества».

«Однако,— уточнил монах,— наша дискуссия ни на йоту не приблизила нас к осознанию нашего собственного пути. Намерены ли мы прожить новое тысячелетие как три отдельные, самовлюбленные, эгоистичные личности или готовы использовать свой шанс и стать чем-то иным? Я не знаю, что это будет — нечто, равное Вселенной, или, быть может, сама Вселенная, а может, и нечто меньшее. В худшем случае, по-моему, просто свободный разум, независимый от времени и материи, способный перемещаться в любую точку и, не исключено, в любую эпоху по нашему желанию, не считаясь ни с чем, преодолевая все ограничения, налагаемые на нас плотью».

«Вы торопите нас сверх меры,— упрекнул монаха ученый.— Мы к настоящему времени провели вместе всего тысячу лет. Дайте нам еще тысячу, дайте десять тысяч лет...»

«И к тому же перемена нам самим обойдется недешево,— заявила светская дама.— Она не даровая. Какую же цену, сэр монах, вы готовы предложить?»

«Мои страхи,— ответил монах.— Я избавился от страхов и счастлив, что избавился. Понимаю, что у них нет никакой ценности. Но больше мне нечего предложить».

«А я,— подхватила светская дама,— готова отдать мое стервозное тщеславие, а наш господин ученый — свой эгоизм. Ученый, вы готовы поступиться своим эгоизмом?»

«Это будет нелегко,— признался ученый.— Но возможно, настанет день, когда эгоизм мне будет больше не нужен».

«Ну что ж,— подытожил монах,— с нами Пруд и Божий час. Будем надеяться, что они окажут нам моральную поддержку, а может статься, дадут нам новый стимул — хотя бы тот, что не худо бы от них отделаться».

«По-моему,— сообщила светская дама,— рано или поздно мы придем к единству. И не затем, чтоб отделаться, как вы выразились, от кого-то или чего-то другого. По-моему, в конце концов мы страстно захотим отделаться не от кого-то, а от самих себя. Со временем нам так опостылеют наши мелкие личности, что каждый из нас будет искренне рад слиться с двумя другими. И не удивлюсь, если мы достигнем нового благословенного состояния как раз тогда, когда личностей не останется и в помине».

Глава 31

Никодимус покорно ждал, когда же Хортон покинет Пруд и вернется. Костер погас. Робот упаковал вещи и водрузил на самый верх томик Шекспира. Хортон бережно опустил кувшин на землю, прислонив его к снаряжению.

— Я не забыл ничего, что вам хотелось бы взять с собой? — поинтересовался Никодимус на всякий случай.

Хортон покачал головой:

— Книга, кувшин — по-моему, все. Керамика, какую насобирал Шекспир, не представляет никакой ценности. Сувениры, и не больше. В один прекрасный день кто-нибудь,

человек или нечеловек, пожалует сюда и обследует поселок подробнее. Скорее всего, это будет человек. Порой мне сдается, что человечье племя роковым образом одержимо прошлым.

— Я понесу оба тюка,— заявил Никодимус,— и книжку. Вам остается один кувшин, он вас не обременит.

— Гложет меня ужасное опасение,— усмехнулся Хортон,— что по дороге я обязательно споткнусь о какую-нибудь корягу. Нельзя этого допустить. У меня на попечении Пруд, и с ним ничего не должно случиться.

Никодимус покосился на кувшин:

— Не очень-то много сюда влезло.

— Вполне достаточно. По всей вероятности, хватило бы склянки или чашки.

— Не вполне понимаю,— признался Никодимус,— что все это значит.

— Я тоже не понимаю,— ответил Хортон,— и тем не менее у меня такое чувство, что в кувшине друг. А там, в унылой пустыне космоса, вряд ли можно требовать большего.

Никодимус поднялся с поленницы, на которой сидел, и сказал:

— Забирайте свой кувшин, а я уж управлюсь со всем остальным. Нас здесь вроде уже ничто не держит.

И все же Хортон даже не потянулся к кувшину. Он продолжал стоять как стоял, медленно озираясь по сторонам.

— Мне что-то не очень хочется уходить,— произнес он.— Словно мы еще чего-то недоделали.

— Вам не хватает Элейн,— рассудил Никодимус.— Было бы так хорошо, если б она полетела с нами...

— Это так,— согласился Хортон.— Да, мне не хватает ее. Тяжко было смотреть в бездействии, как она уходит в туннель. Ну и еще, наверное, дело в нем...

Он показал на череп, прибитый над дверью.

— Его нельзя взять с собой,— всполошился Никодимус.— Череп раскрошится при первом прикосновении. Да ему, так или иначе, долго не провисеть. Не сегодня-завтра налетит ветер, и...

— Ты не понял, я не собирался брать его с собой. Но он столько лет пробыл здесь в одиночестве. А теперь мы опять бросаем его одного...

— Плотояд остается тоже,— заметил Никодимус.

— Это верно,— сказал Хортон с облегчением.— Об этом я как-то не подумал.

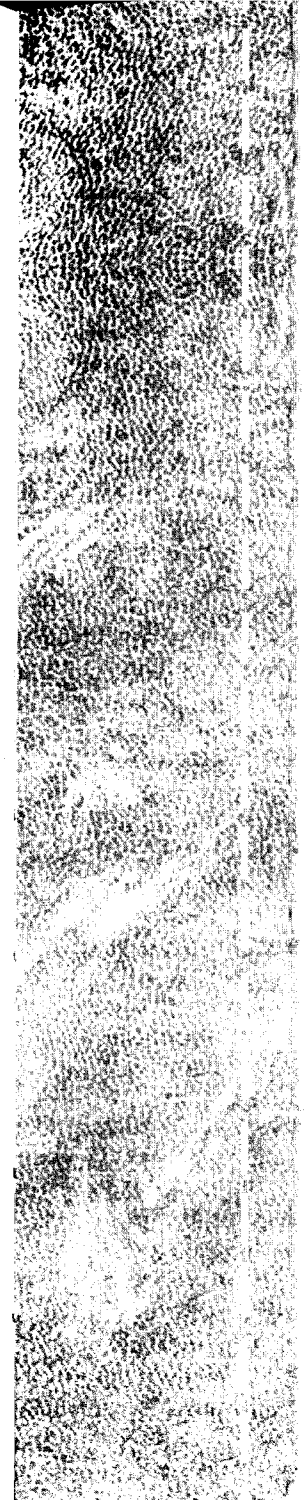
Наклонившись, он поднял кувшин и бережно стиснул в руках. Никодимус вскинул тюки на спину, взяв книгу под мышку, и решительно зашагал по тропинке. Хортон последовал за ним, но на повороте повернулся и бросил взгляд назад, на греческий домик. Крепко сжал кувшин одной рукой, а другую поднял в прощальном приветствии.

Прощай, безмолвно сказал он. Прощай, старый неистовый альбатрос* — безумец, смелый человек, заблудший человек...

Может, это была игра переменчивого света. А может, что-то другое.

Но как бы то ни было, чем бы это ни объяснялось, а Шекспир со своего насеста над дверью ему подмигнул.

* Намек на поэму великого английского поэта Сэмюэла Тейлора Колриджа (1772–1834) «Сказание о Старом Мореходе».

ПРОЕКТ «ВАТИКАН»

Пролог

До дома оставалось еще полчаса ходьбы, когда Томаса Декера остановил Шептун.

— Декер,— проговорил Шептун внутри сознания Декера.— Я поймал тебя. На этот раз я тебя поймал.

Декер одним прыжком отскочил в сторону с лесной тропинки, резко вскинул ружье и приготовился встретить опасность лицом к лицу.

Ничего и никого. Густые заросли деревьев и кустарника вплотную примыкали к тропинке с обеих сторон. Ни дуновения ветерка, не шелеста крыльев вспорхнувшей птички. То есть — ничего. Все замерло, как будто так было вечно.

— Декер!

Окрик прозвучал внутри его сознания. Прозвучал? Нет, он не слышал, конечно, ни крика, ни шепота. Сколько раз он встречался с Шептуном и так до сих пор самому себе не мог ответить — действительно ли он слышал что-то. Он просто улавливал и понимал слова, возникавшие в определенном участке мозга, ближе ко лбу, повыше глаз.

— Ничего у тебя не выйдет, Шептун,— «сказал» он невидимому собеседнику, разговаривая с ним точно так же, как тот с ним, не произнося слов вслух, но выстроив фразу внутри сознания, чтобы Шептун мог «услышать» ее.— Сегодня я с тобой не играю. Прошлый раз был последним... Все, хватит, наигрался я с тобой.

— Трусишка Декер! — не унимался Шептун.— Трус, трус, трусишка!

— Пошел ты знаешь куда со своими трусишками? — воскликнул Декер.— Выйди-ка, покажись, вот тогда и поглядим, кто из нас трус. Все, Шептун. Конец тебе нынче.

— Ты трус! — не унимался Шептун.— В прошлый раз я от тебя был всего-то на расстоянии выстрела, а ты стрелять не стал. Трус, Декер — трус.

— Мне незачем убивать тебя,— буркнул Декер.— И вообще я не охотник убивать. Но, Бог свидетель, Шептун, я сделаю это — только для того, чтобы избавиться от тебя наконец.

— Да? А если я тебя опережу?

— Навряд ли. У тебя для этого возможностей было предостаточно, и ты их все упустил. Все, хватит торговаться. Ты хочешь меня убить не больше, чем я тебя. Тебе охота еще поиграть, а я устал, проголодался, домой хочу и не собираюсь гоняться за тобой по лесу!

Теперь он понял, где прячется Шептун, и сделал несколько осторожных шагов по тропе к густым колючим кустам.

— Повезло тебе сегодня, Декер,— заискивающе проговорил Шептун.— Сколько камешков нашел хороших. Может, даже алмазов.

— Знаешь же отлично, никаких алмазов я не нашел. Сам же рядом был. Я тебя чувствовал. Ты все время за мной следил.

— Ты так упорно ищешь,— продолжал Шептун.— Тебе должны время от времени и алмазы попадаться.

— Я алмазы не ищу.

— А если найдешь, что с ними делать будешь?

— Шептун, ну что пристал? Будто не знаешь, что я с камнями делаю?

— Ты отдаешь их капитану корабля, чтобы он продавал их на Гастре. А он тебя надувает. А сам их втридорога загоняет.

— Похоже,— согласился Декер.— Мне-то что? Ему деньги нужнее, чем мне. Он хочет капитал скопить, мечтает участок купить на Померанце. А тебе что за дело, Шептун?

— А ведь ты не все камушки ему продаешь?

— Это точно. Лучшие себе оставляю.

— А мне могли бы пригодиться кое-какие камушки из тех, что ты себе оставляешь...

— Вот это новость, Шептун! Тебе-то они на что?

— Ну... Обтачивать там, шлифовать, изменять...

— Ты ювелир, Шептун?

— Не то чтобы такой уж опытный. Так, любитель.

Теперь он был просто уверен, где именно прячется Шептун. Если бы тот хоть чуть-чуть пошевелился, он бы его прикончил. Его не проведешь этой болтовней об алмазах и их обработке. Зубы заговаривает, подразнить хочет. Не выйдет.

«Давно пора было покончить с ним,— думал Декер.— Таскается за мной везде, дразнится, смеется надо мной, грозит,

заставляет играть в салочки, совсем уж дурачка из меня сделал!»

— А вот я бы мог показать тебе ручеек один,— сказал Шептун,— где камушков много-много. Один там большой такой лежит — изумруд. Уж как мне его заполучить хочется... Возьми для меня этот изумруд, а сам можешь брать все остальные, а?

— Сам возьми,— отрезал Декер.— Знаешь где — пойди да возьми.

— Не могу я,— пожаловался Шептун.— У меня рук нет дотянуться, пальцев нет схватить, сил нет поднять. Ты должен сделать это для меня, Декер. Почему нет? Мы же товарищи с тобой, правда? Мы так долго вместе играли, разве мы не товарищи? Мы так давно знакомы. Ну что тебе стоит?

— Ох, доберусь я до тебя,— проворчал Декер.— Вот только покажись еще разок, увидишь!

— А то, что ты видел в прошлый раз, был вовсе и не я,— сообщил Шептун.— Это была тень, призрак, очертания, которые я принял, чтобы ты подумал, что это я. Но вот когда ты увидел это и не выстрелил, я понял, что ты — друг.

— Вот уж не знаю — призрак или что другое, только учти: в следующий раз пальну, уж ты не сомневайся.

— А мы могли бы дружить,— проговорил Шептун.— Считай, детство вместе прошло. Гуляли, играли. Узнали друг дружку. А теперь, когда мы выросли...

— Выросли?

— Наша дружба выросла, Декер. Больше играть не надо. Это была просто шутка. Наверное, зря я так шутил с тобой. Но шутка была дружеская, правда-правда, честно.

— Шутка? Ты спятил, Шептун.

— Да-да, шутка. Ты не понимал этого, а все-таки играл со мной. Не всегда от души, не всегда весело, но — играл. Знаю, часто ты проклинал меня, ненавидел, был готов убить, а все-таки играл. Но теперь шуткам конец, и мы вместе пойдем домой.

— Домой? Вместе? Только через мой труп. В хижину я тебя не пущу, и думать забудь!

— А я много места не займу. Мне бы в уголке пристроиться, и все. Да ты меня и не заметишь. А мне так нужен друг! Мне трудно найти друга. Такого, чтобы на меня настроен был...

— Шептун, зря время теряешь. Чего бы ты ни добивался, говорю тебе: зря время теряешь.

— А нам было бы хорошо вместе... Я бы камушки твои точил и разговаривал бы с тобой одинокими ночами, и мы много чего могли бы рассказать друг другу. Ты, к примеру, мог бы помочь мне с Ватиканом...

— С Ватиканом?! — изумился Декер.— Господи, Ватикан-то тебе зачем?

Глава 1

Погони не было, но Джейсон Теннисон спешил. Его флайер перелетел через невысокую горную гряду, амфитеатром окружавшую Гастру с запада. Разглядев первые огоньки ночного города, он нажал кнопку и катапультировался. Толчок оказался неожиданно резким. На мгновение его окружила полная, беспросветная темнота, но вскоре поток воздуха изменил направление, и он снова увидел огни. Ему показалось, что вдали промелькнул силуэт его флайера. Так ли это было или только показалось — не важно. Он знал, что флайер пролетит над Гастрой, слегка захватив поверхность океана, омывавшего побережье около крошечного городка, и возьмет курс от берега. Миль пятьдесят от силы, и флайер упадет в воду. А вместе с ним исчезнут все следы доктора Джейсона Теннисона, бывшего придворного врача маркграфа Давентри. Радар на космической базе Гастры наверняка уже засек флайер, но, поскольку тот летит очень низко, радар вскоре потеряет его из виду.

Парашют замедлял падение. Восходящий поток воздуха подхватил его, повлек обратно, в сторону мерцавших в отблесках городских огней пиков гор. Крепко держась за стропы, Теннисон пытался сообразить, где приземлился. Похоже, что его относит к южной границе космопорта. Он затаил дыхание и мысленно взмолился, чтобы это было именно так. Просунув руку под стропы, он крепко прижал к груди чемоданчик с медицинскими инструментами.

«Пусть все будет хорошо! — мысленно повторял он.— Пусть все идет как идет!»

А до сих пор все шло на удивление гладко. Всю дорогу ему удавалось вести флайер низко, он несся в ночи, старательно облетая феодальные поместья, откуда его могли засечь неусыпные лучи радаров,— в этом мире, где кипели непрерывные межд-

доусобицы, каждый все время был начеку. Никогда нельзя было предугадать, откуда в следующий раз нагрянут райдеры.

Теннисон пытался сообразить, близко ли земля, но было так темно, что он ничего не мог разглядеть. Он заставил себя расслабиться. Приземления можно ожидать в любой момент — расслабиться нужно обязательно.

Город остался где-то севернее, прямо перед ним сияли огни космопорта. Внезапно огни накрыла черная мгла — и Теннисон ударился о землю. Ноги в коленях подогнулись от толчка. Он повалился на бок, прижимая к груди драгоценный чемоданчик. Парашют медленно опал. Теннисон поднялся на ноги, быстро отстегнул стропы и сложил парашют.

Было темно. Огни космопорта закрывали огромные здания складов. Все сходилось — это был южный край космопорта. Если бы он все заранее планировал, лучшего места для приземления и придумать было нельзя.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и он увидел проход между двумя складами. Кроме того, он разглядел, что складские здания покоятся на невысоких сваях. Вот где можно спрятать парашют. Сложить получше и засунуть как можно дальше. Если удастся отыскать какую-нибудь полку, можно и поглубже затолкать. Только это и было нужно — запихать парашют под склад, чтобы его не заметил случайный прохожий, вот и все. Тогда он сумеет выиграть время. Он-то сильно опасался, что придется рыть яму либо искать заросли погуще, а тут — такая удача. Нужно было спрятать парашют так, чтобы его не смогли найти хотя бы несколько дней. А под складом его не найдут несколько лет.

«Теперь,— подумал Теннисон,— нужно найти корабль и каким-то образом попасть на борт. Может быть, придется подкупить кого-нибудь из команды, но это как раз нетрудно. Немногие корабли — большей частью грузовики, прилетевшие на Гастру,— возвращаются сюда не скоро, а кое-какие и не возвращаются вовсе».

Только бы попасть на корабль — и он в безопасности. Если только кто-нибудь не разыщет парашют, никаких других доказательств того, что он спрыгнул с флайера, не будет.

Надежно упрятав парашют и отцепив от груди чемоданчик, он пошел между складами. В конце прохода он резко остановился. Прямо перед ним стоял корабль. По спущенному трапу вверх карабкались пассажиры — инопланетяне всех мастей,

которых встречали и провожали внутрь корабля странные, похожие на громадных крыс существа. Цепочка пассажиров загибалась за корабль, и крысы-охранники покрикивали, торопливая с посадкой.

«Корабль, похоже, скоро стартует»,— подумал Теннисон, глядя на него и удивляясь. Пассажирский лайнер на Гастре — явление редкое, их тут по пальцам можно сосчитать, а этот... он и на лайнер похож весьма отдаленно! Старая такая развалина, закопченная, корявая какая-то. Название было намалевано чуть повыше люка, и Теннисон с большим трудом разобрал буквы. Посудина носила гордое имя «Странник». Краска местами облупилась, а кое-где ее покрывал толстенный слой ржавчины. В общем, так себе кораблик. Не тот, который выбрал бы уважающий себя путешественник. Но, взирая на это чудовище без восторга, Теннисон прекрасно отдавал себе отчет в том, что ему-то как раз выбирать не приходится. Главное, что корабль вот-вот должен взлететь, так что нечего рассуждать о том, как он выглядит. Только бы попасть на борт, а все остальное не важно. Если удача будет сопутствовать ему и дальше...

Теннисон вышел из прохода между складами. Справа от него, за складом, луч света выхватывал из мрака дорожку, параллельную периметру летного поля. Осторожно пройдя несколько метров вправо, Теннисон увидел, что свет горит в окнах портового бара.

В цепочке пассажиров произошло смятение. Инопланетянин, смахивавший на паука,— сплошные руки и ноги — заспорил о чем-то с крысоподобным членом команды, ответственным за посадку, за что немедленно поплатился: Теннисон увидел, как его бесцеремонно выкинули из очереди и один из крыс-гигантов шел за ним следом, подгоняя несчастного палкой.

Складское здание окутывала мгла, Теннисон быстро скользнул вдоль стены и остановился. Надо обойти его и подобраться к кораблю спереди: в темноте можно приблизиться к трапу и дождаться удобного момента.

Он решил пройти мимо бара уверенным шагом, будто имел на то полное право. Даже если его заметят — все равно идти и не обращать внимания.

Паукообразный чужак исчез, а охранник, прогнавший его, снова встал на свой пост у трапа.

Миновав угол склада, Теннисон двинулся по дорожке, ведущей к бару. За баром лежало пятно черной тени от второго склада. Добраться бы незамеченным, тогда авось и до корабля удастся добежать. Теннисон не боялся, что его не пропустят,— в таких портах, как Гастра, охрана особой строгостью не отличалась.

Ну, вот он, бар. Заглянув в одно из трех окон, Теннисон заметил вешалку, на которой висела чья-то куртка. Он остановился как вкопанный и уставился на надпись «Странник», вышитую золотом на нагрудном кармане. На крючке чуть повыше висела фуражка с такой же надписью на околыше.

Повинуясь внезапному озарению, Теннисон рванул дверь бара и вбежал внутрь... За столиками вперемешку сидели люди и инопланетяне, некоторые выстроились у стойки. Все были заняты своими делами. Двое-трое людей повернули головы, рассеянно посмотрели на вошедшего, и больше никто не обращал на него внимания.

Он быстро схватил куртку и фуражку и выскочил за дверь. Ожидая окрика, он весь сжался, но было тихо.

На ходу нахлобучив фуражку, он сунул руки в рукава куртки.

Пассажиров около корабля уже не было — судя по всему, посадка была окончена. Единственный крысоподобный матрос стоял около трапа. Быстро и решительно Теннисон зашагал по летному полю к кораблю.

Охранник, конечно, мог остановить его, но вряд ли. Куртка и фуражка — надежная маскировка. Вряд ли охранник заподозрит в нем «зайца». Люди ведь с трудом различают инопланетян одного рода, для них они все на одно лицо. То же самое и с чужаками — для них все люди одинаковы.

Теннисон подошел к трапу. Крысоподобный отсалютовал.

— Пожалуйте, сэр,— сказал он хрипло.— Капитан уже про вас спрашивал.

Глава 2

Через некоторое время Теннисон был обнаружен одним из крыс-матросов в тесной каморке, куда он забился, ища, где бы спрятаться. Матрос без лишних слов отвел его к капита-

ну, который сидел один в отсеке управления, развалившись в кресле пилота. Рядом стояли еще два кресла. По всей видимости, необходимости работать за пультом лично у капитана не было — корабль летел сам.

— Что это значит? — поинтересовался капитан.

— «Заяц», сэр,— ответствовал матрос-крыса.— Я нашел его в маленькой кладовой на корме.

— О'кей,— кивнул капитан.— Оставь его тут. Ты свободен.

Матрос направился к двери.

— Мою сумку, пожалуйста,— напомнил ему Теннисон.

Тот повернулся, не выпуская сумку из лап.

— Дай мне сумку и проваливай,— буркнул капитан.— Убирайся, слышал?

Матрос отдал сумку и поспешно ретировался.

Внимательно изучив содержимое сумки, капитан поднял голову и в упор посмотрел на Теннисона.

— Так, значит, вы — Джейсон Теннисон, доктор медицины?

Теннисон молча кивнул.

Капитан опустил сумку на пол рядом с креслом.

— Нечасто мне попадаются «зайцы», а уж врачи точно ни разу не встречались. Ну, доктор, поведайте мне, голубчик, что же такое у вас приключилось?

— Долгая история,— ответил Теннисон.— Не хотелось бы вдаваться в подробности.

— Если я не ошибаюсь, вы сидели в кладовке с самой Гастры. Вы же там прошмыгнули на корабль? Зачем же вы там так долго сидели?

— Я, собственно, уже подумывал выбраться,— проговорил Теннисон.— Ваш крысоподобный друг просто немного поторопил события.

— Он мне не друг,— отрезал капитан.

— Простите, ошибся.

— Людей тут маловато,— сообщил капитан, почесав затылок.— Чем дальше, тем меньше людей. Такие дела. Приходится пользоваться услугами этих ублюдков — как ни крути, корабль-то кто-то должен вести, правильно? Ну и потом, я еще целую кучу этой нечисти везу на Харизму.

— Простите — куда?

— На Харизму. Именно туда, куда мы направляемся. А вы разве не туда собрались?

— До этого мгновения я даже не слыхал о такой планете.

— Значит, вам просто нужно было убраться с Гастры куда-нибудь подальше, так?

— Вы абсолютно правы, капитан.

— Попали там в беду?

— Не то слово. С жизнью мог расстаться.

— И кинулись на первый попавшийся корабль?

Теннисон кивнул.

— Садитесь,— сказал капитан, указывая на одно из свободных кресел.— Что стоите? Выпьете чего-нибудь?

— Не отказался бы,— признался Теннисон.— Было бы неплохо.

— А скажите,— поинтересовался капитан,— кто-нибудь видел, как вы забрались на корабль?

— Не думаю.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Понимаете, я заскочил в бар. Там, в космопорту. И... ну, в общем, прихватил по ошибке чужую куртку и чужую фуражку. Я ведь очень торопился.

— Ага. Теперь понятно, куда девались куртка и фуражка Дженкинса... Дженкинс — мой первый помощник,— добавил капитан.

— Я верну куртку и фуражку,— пообещал Теннисон.— Они там остались, в кладовке.

— Да... странновато все-таки выходит,— покачал головой капитан.— Даже не поинтересовались, куда корабль летит. А ведь вы, похоже, не в восторге от того, что окажетесь на Харизме.

— Господи, да куда угодно, лишь бы подальше от Гастры! — воскликнул Теннисон.— За мной гнались. Впрочем, может быть, и не гнались, но мне так казалось.

Капитан взял стоявшую рядом с ним на столике бутылку и протянул ее Теннисону.

— Ну, стало быть, так, мистер,— сказал он.— По идее, в мои обязанности входит процитировать вам выдержку из свода законов. В статье тридцать девятой, пункте восьмом, говорится, что всякий безбилетник должен быть задержан и доставлен в тот порт, где он проник на корабль и где его положено сдать с рук на руки портовой администрации. Во время пребы-

вания на борту корабля он обязан беспрекословно выполнять распоряжения капитана, дабы оправдать свой безбилетный проезд. Знакомы ли вы с таким порядком, сэр?

— Смутно,— покачал головой Теннисон.— Я знаю, что без билета летать нельзя. Но должен вам сказать...

— Сначала я вам еще кое-что скажу, а вы послушайте,— прервал его капитан.— У меня такое, если хотите, чувство, что... В общем, как бы я ни увяз в делах с инопланетянами, я считаю, что люди при любых обстоятельствах должны держаться друг за дружку. Нас тут мало, потому я и думаю, что нам следует поддерживать друг друга в беде невзирая на прегрешения, если они, конечно, не слишком гнусны...

— Прекрасно сказано, сэр,— улыбнулся Теннисон.— Так вот что я хотел вам сказать, но не успел. Видите ли, сэр, я не просто безбилетник.

Капитан устремил на него стальной, непроницаемый взгляд.

— А кто же? Не безбилетник, так кто же вы?

— Ну, скажем так, у меня просто не хватило времени, я очень торопился и не успел купить билет, чтобы отправиться в путь честь по чести. По ряду причин, которые я вам вкратце объяснил, я никак не мог пропустить старт вашего корабля, а посему попал па борт не совсем обычным путем — меня пропустил ничего не подозревающий член команды, который принял меня за вашего помощника...

— Да, но вы спрятались.

— Это как раз объяснить легко. Я опасался, что вы не дадите мне времени объяснить причины такой поспешности и выбросите меня с корабля еще до старта. Поэтому я прятался и ждал, когда такая возможность исчезнет.

— Исходя из всего, что вы тут наговорили, должен ли я сделать вывод, что вы согласны оплатить свой проезд?

— Безусловно. Только цену назовите.

— Ну,— ухмыльнулся капитан,— это мы с удовольствием. И будьте уверены, лишнего не запрошу.

— Вы необычайно благородны, сэр.

— Доктор Теннисон,— сказал капитан,— вы бы лучше выпили. Сидите, понимаете, бутылку держите. Просто зло разбирает на вас смотреть. Ну, давайте, давайте, вперед!

— Прошу прощения, капитан. И в мыслях не было расстраивать вас.— Теннисон поднял бутылку и осторожно глотнул.— Потрясающе. Что это?

— Штука такая — скотч называется. Сорт виски. Впервые произведено еще на матушке Земле.

— Вы имеете в виду Древнюю Землю?

— Именно,— подтвердил капитан.— Прародину человечества.

— Признаться, меня страшно интересует Древняя Земля. Вы там бывали, капитан?

Капитан медленно покачал головой.

— Мало кому из людей выпало счастье ступить на ее священную поверхность. Нас мало, мы рассеяны по Вселенной, и лишь немногие отваживаются на паломничество, о котором каждый из нас мечтает всю жизнь.

— Ну да,— кивнул Теннисон и снова отхлебнул из бутылки.

— Ну, вернемся к нашему разговору,— предложил капитан.— Боюсь, у меня не найдется для вас приличного места на корабле. Каюты, а их у меня в обрез, набиты до отказа. Даже моя личная занята целой компанией этих страхолюдин, которых я везу на Харизму. После полета надо будет обязательно дезинфицировать весь корабль, чтобы и духу их тут не осталось. А, пустое дело,— сказал он, махнув рукой.— Годы пройдут, а эта вонь, наверное, все еще будет тут держаться.

— Зачем же вы их туда пустили?

— Деньги,— проворчал капитан.— Эти сволочи жутко богатые и за лучшие каюты кучу денег отваливают без разговора. Вот и все. С каждого из этих чудищ я тройную цену имею. Только теперь я уже почти готов пожалеть о своей жадности, ей-богу. Мне-то пришлось переселиться в каюту к своему помощнику. А он страстный любитель чеснока. Считает, что это очень полезно для здоровья. Как вам это нравится?

— Ваш помощник — единственный, кроме вас, человек на корабле?

— Как правило, да. Нас всего двое. Команда набрана из этих... ну, вы видели, на крыс смахивают, и еще есть паратройка мерзких чужаков. А уж пассажирский отсек под завязку набит тошнотворными созданиями.

— Но послушайте, если вы их так ненавидите, зачем вы вообще этим занимаетесь? Вы же спокойно могли бы заняться перевозкой грузов.

— Еще пять лет,— проговорил капитан, изрядно хлебнув из бутылки.— Пять лет — и все, баста. На грузовых рейсах, кста-

ти, настоящих денег не заработаешь. Перевозить этих вонючих паломников очень выгодно, если нервы, конечно, крепкие. Я думаю, лет пять продержусь еще с горем пополам. Подкоплю деньжат, потом оставлю дела и вернусь на розовую планету под названием Померанец. Название, прямо скажем, идиотское, но оно очень подходит этой планетке. Вы на розовых планетах бывали, доктор? Их не так много.

— Да нет, не доводилось.

— Жаль.

В открытую дверь легонько стукнули. Капитан обернулся.

— Ах, это вы, дорогая,— сказал он с искренней радостью.

Теннисон тоже обернулся. На пороге стояла женщина. Высокая, стройная, широкобедрая. На выразительном лице горели умные, живые глаза. Губы пухлые и влажные, вокруг головы нимб золотистых волос.

— Входите, прошу вас,— пригласил капитан.— Как видите, у нас еще один пассажир. Входите, не стесняйтесь. Итак — четверо людей на одном рейсе! Думаю, это рекорд.

— Если не помешаю,— сказала женщина.

— Не помешаете, что вы,— успокоил ее капитан.— Мы рады вашему обществу. Джилл Робертс — это доктор Теннисон. Доктор Джейсон Теннисон.

Женщина протянула руку Теннисону.

— Рада видеть еще одного человека,— улыбнулась она.— А где вы прятались до сих пор?

Теннисон застыл на месте: женщина повернула голову, и он увидел, что другую ее щеку почти полностью покрывало уродливое багровое пятно.

— Простите, доктор,— сказала она спокойно.— Такая уж я есть. Мои близкие друзья пугались меня много лет.

— Умоляю, простите меня,— покраснев, выговорил Теннисон.— Моя реакция непростительна. Как врач...

— Как врач, вы с этим ничего не поделаете. Это неправильно. Пластическая операция невозможна. Ничего нельзя сделать. Приходится жить с этим, и я научилась.

— Мисс Робертс,— доверительно сообщил капитан,— писательница. Пишет статьи для журналов и книжки. У нее целая полка собственных книг, представляете?

— Если эта бутылка не приросла к вашей руке,— улыбнулась Джилл,— не хотите ли на минутку избавиться от нее?

— О, конечно,— смутился Теннисон.— Позвольте, я только горлышко оботру.

И протер горлышко краем рукава.

— Похоже, на борту этой развалюхи неважно со стаканами,— съязвила Джилл.— Но мне все равно. Можно и из горлышка. Подумаешь, ерунда какая, ну, подхватишь парочку микробов.

Она взяла бутылку и устроилась в третьем кресле.

— А где вы собираетесь разместиться? — поинтересовалась она.— Помнится, капитан говорил мне, что все каюты заняты. Неужели он поместил вас с этим стадом инопланетян?

— Доктор Теннисон,— строго сказал капитан,— появился поздновато. Мне некогда было его разместить. Все случилось в последние минуты перед стартом.

Джилл отхлебнула из бутылки и вопросительно глянула на Теннисона.

— Это правда? — спросила она.

Теннисон усмехнулся:

— Капитан выразился весьма дипломатично. На самом деле я — безбилетник. Что же до моего размещения, не стоит об этом волноваться. Я в любом уголке смогу пристроиться. Я просто жутко рад, что попал на корабль.

— Это не совсем так,— возразил капитан, обращаясь к Джилл.— Доктор действительно безбилетник, но он готов оплатить проезд. Так что, строго говоря, он уже и не «заяц» вовсе.

— Вы, наверное, проголодались,— сказала Джилл.— Если только не взяли завтрак с собой.

— У меня и подумать об этом времени не было,— признался Теннисон.— Я так торопился. Но я бы не отказался от одной отбивной.

— Нету здесь никаких отбивных,— сказала Джилл.— Но кое-что найдется червячка заморить. А, капитан?

— Конечно,— кивнул капитан.— Сейчас сообразим. Что-то наверняка осталось.

Джилл встала, зажав бутылку под мышкой.

— Пришлите еду ко мне в каюту,— попросила она капитана и повернулась к Теннисону: — Пошли. Помоетесь, причешетесь, и посмотрим, на кого вы в самом деле похожи.

Глава 3

— А теперь об основных правилах поведения,— объявила Джилл.— Это необходимо, поскольку мы мало знакомы. Я не намерена делить с тобой постель, но кровать поделю, вернее, койку — какая это кровать! Спать будем как капитан с помощником, по очереди. Можешь пользоваться туалетом; впрочем, на подобных кораблях его называют гальюном. Обедать будем вместе; посидеть, поболтать, послушать музыкальные кристаллы — это пожалуйста. Поскольку у меня слишком добрый нрав, из-за чего всю жизнь страдаю, пару приставаний вытерплю, но если станешь слишком назойливым — выставлю вон!

— Я не буду слишком назойливым,— пообещал Теннисон,— как бы мне этого ни хотелось. Чувствую себя бродячим псом, которого подобрали и приютили.

Отломив кусок хлеба, он очистил тарелку, подобрав остатки тушенки.

— Знаешь,— сказал он,— я был так голоден, что это блюдо показалось мне совсем недурным на вкус. Но все-таки какой-то у него странный привкус. Тушенка — это ясно, но из чего?

— Не спрашивай, лучше закрой глаза и доедай. Иногда можно и нос заткнуть. У меня сильное подозрение, что это приготовлено из одного из отошедших в мир иной паломников. В такой тесноте некоторые из них отправляются на тот свет — дело обычное.

Он беспомощно замахал руками.

— Прошу тебя, Джилл, не надо. Моему организму нужна пища, и мне хотелось бы, чтобы она удержалась внутри.

— Вот уж не думала, что у врача может быть такой слабый желудок.

— Врач, голубушка,— это не обязательно грубое животное.

— Оставь тарелку в покое. Ты так ее вылизал, что мыть не придется. Между прочим, капитанская бутылочка еще не допита...

— Я заметил. Ты ее так по-свойски прихватила из рубки!

— А она, строго говоря, не ему принадлежит. Он их просто-напросто таскает из груза, а помощник закрывает на это глаза. Он набирает с собой гору ящиков в каждый полет. Спецзаказ для гномов, занятых в Проекте «Ватикан».

— Гномы из Проекта «Ватикан»? Что за ерунда? Что за гномы, что за проект такой?

— Как, разве ты не знаешь?

— Понятия не имею.

— Ну, по правде говоря, никакие они не гномы, хотя их так частенько называют. Некоторые там — люди, но большинство — роботы.

— Это не ответ. Объясни поточнее. Звучит загадочно, и...

— Что с тобой, друг мой? Какие загадки? Загадки у тебя. Капитан сказал, что ты безбилетник, но оплатил свой проезд. Но если ты ничего не знаешь о Проекте «Ватикан», зачем летишь на Харизму? Там нечем заняться, кроме этого проекта.

— Ну так просвети меня,— попросил Теннисон.— Пока я не попал на этот корабль, я слыхом не слыхивал ни о Харизме, ни о Проекте «Ватикан». Что за планета?

— Всему свое время. Сначала — ты. Я тебя приютила, не забывай. Давай выпьем и начинай.

Они выпили по очереди. Теннисон взял бутылку из рук Джилл, глотнул и отдал обратно.

— Просто потрясающий напиток,— проговорил он.

— Давай.

— Ну, начнем с того, что я действительно врач.

— Не сомневаюсь. Я в твой чемоданчик заглянула.

— Ты знаешь, что за местечко Гастра — планета, с которой мы стартовали?

Она поежилась.

— Мерзкая дыра, но я довольна, что попала туда. Это ведь последняя стоянка на пути к Харизме, а у меня уже было столько пересадок... Я, конечно, не представляла, что попаду на такой кошмарный корабль. Пришлось навести справки. И, представь себе, выяснилось, что это единственный корабль, совершающий рейсы между Гастрой и Харизмой. Наш капитан специализируется на перевозке паломников...

— Да, кстати, насчет паломников...

— Нет. Сначала ты мне рассказываешь про Гастру, а потом я тебе — про гномов, Папу и паломников.

— Да все очень просто,— пожал плечами Теннисон.— Гастра, как ты, наверное, успела заметить, планета феодальная. Множеством отвратительных феодов управляет горстка не менее отвратительных личностей — некоторые из них люди,

но не все. Я был придворным врачом маркграфа Давентри. Он, как ты, видимо, догадываешься, человек. Доктор — человек, специалист по человеческой медицине — для инопланетян совершенно бесполезен. Не та работа, о которой я мечтал, но в то время я был рад и ей. Молодой врач, только что выпущенный из колледжа, обычно с трудом находит место, если у него нет хоть какого-нибудь начального капитала. У меня денег, естественно, не было, да и клиник, которые бы остро нуждались в новоиспеченном таланте, тоже как-то не наблюдалось. Да, нужно угробить целое состояние, чтобы открыть собственную практику, а после этого еще несколько лет сидеть, медленно помирая с голоду, ожидая, когда больные смилостивятся и начнут к тебе обращаться. Поначалу на Гастре мне было несладко, но постепенно я пообвык. И к зубной боли в конце концов можно привыкнуть. В общем, я остался. Платили мне неплохо. То есть для меня это были прямо-таки королевские деньги. Маркграф был по-своему человек неплохой. Мы с ним ладили. А потом... он вдруг взял да помер. Без всяких видимых причин. Умер, и все. Инфаркт, скорее всего, хотя никаких признаков его приближения вроде бы и не было. Мне так и не удалось точно установить причину смерти, и...

— Но разве кто-то мог обвинить тебя в случившемся? Это же не ты...

— По всей видимости,— оборвал ее Теннисон,— ты плохо представляешь себе ситуацию в феодальных поместьях. Стая волков, которых сдерживает один человек. Только ослабь хватку, и они перегрызут друг другу глотки. Я лично ни в какую политику не вмешивался, но меня считали помощником и советником маркграфа — неофициальным, естественно, поэтому я вызывал понятную неприязнь. Почти сразу же пополз слушок, что маркграф якобы был отравлен, и, пока страсти не разгорелись, я предпочел оттуда убраться. Защитить меня было некому. Они заклевали бы меня, как цыпленка. Поэтому я быстренько собрал неправедно нажитые сбережения, которые предусмотрительно хранил в надежном месте и в транспортабельном виде, украл флайер — и был таков. Дело было ночью, я летел низко, стараясь не попадать в поле зрения радаров. Я знал, что на всей планете нет места, где я мог бы укрыться...

— И поэтому ты направился к космопорту.

— Естественно. Я знал, что времени у меня в обрез. По моим следам могли пустить погоню. Мне нужно было быстро разыскать корабль. К тому времени, когда мои преследователи добрались бы до порта, он уже должен был взлететь.

— Вот так, значит?

— Да, вот так,— кивнул он.— А теперь меня больше всего беспокоит капитан. Мне пришлось рассказать ему кое-что из того, что я рассказал тебе. Можно было, конечно, наврать с три короба, но у меня не было времени сочинить что-нибудь правдоподобное, и...

Она покачала головой.

— Насчет нашего драгоценного капитана можешь быть совершенно спокоен. Если его спросят, он ответит, что ничего про тебя не знает. Ему ни к чему неприятности. Он дорожит монополией на полеты к Харизме и не захочет терять ее ни за какие коврижки. Для него это золотое дно. Он везет полный корабль паломников, высаживает их там, забирает тех, которых доставил предыдущим рейсом, и отбывает на Гастру.

— А что, они все летят с Гастры? Странно. Там я не слыхал ни о каких паломниках.

— Нет, думаю, непосредственно с Гастры они не летят. Это просто последний перевалочный пункт перед Харизмой. На Гастру они прибывают со всех концов Галактики, собираются в группу и ожидают рейса. Потом наш капитан подбирает всю компанию и везет на Харизму.

— А ты случайно не паломница?

— Что, похожа?

— Нет,— уверенно сказал он.— Одолжи-ка бутылочку на минутку.

Она вручила ему бутылку.

— Я знаю не так уж много,— начала Джилл.— Как раз, собственно, собираюсь разведать все поподробнее. Надеюсь собрать материал для нескольких статей. А может, и на книжку хватит.

— Но, наверное, у тебя хоть приблизительное представление есть, а это как-никак побольше того, что знаю я.

— По правде говоря, представление самое приблизительное. Слухи, тысячу раз перевранная дребедень — на манер испорченного телефона. Слухи чаще всего слухами и остают-

ся, но... тут не тот случай. Что-то есть во всей этой истории с паломничеством. Для начала я попыталась выяснить, откуда именно прилетают паломники, но это, увы, оказалось дохлым номером. Статистики никакой. Немножко с одной планеты, чуть-чуть с другой, пара-тройка с третьей — и так далее. Все они — не люди, но трудно утверждать, что они принадлежат к какому-то одному роду инопланетян. Скорее всего, все они — приверженцы тайных культов или члены каких-то религиозных сект. Не исключено, что у каждой из этих сект — своя особая вера, но все они так или иначе каким-то образом связаны с Проектом «Ватикан». Что опять-таки вовсе не означает, что паломники что-то знают о самом Проекте. Что-то в нем есть такое, на чем, по всей вероятности, зиждется их зыбкая вера. Ведь все существа тянутся к вере, стремятся ухватиться за что-то, что было бы либо таинственным, либо зрелищным, а лучше всего — и тем и другим сразу. Но больше всего меня волнует и интересует то, что во всем этом чувствуется твердая рука человека. Место, где осуществляется разработка Проекта, именуется «Ватикан-17», и...

— Минуточку,— прервал ее Теннисон.— Ну, естественно, тут самая прямая связь с людьми. На Земле же был Ватикан...

— Он там существует до сих пор,— продолжала Джилл.— Центр римско-католической религии, до сих пор распространенной на Земле и некоторых других населенных людьми планетах. Там до сих пор во главе Церкви стоит Папа, и позиции этой Церкви сильны, как прежде, а может быть, даже сильнее. Ее приверженцы верны ей как никогда. Но я все-таки сомневаюсь, что Ватикан-17 напрямую связан с Землей. Что-то там не так. Во-первых, там — роботы...

— Да, но зачем роботам древняя земная религия?

— Не знаю — и не думаю, что это земная религия. Кто-то, не исключено, что сами роботы, позаимствовал терминологию...

— Но... роботы!

— Знаю, знаю. Именно это я и собираюсь выяснить.

— А Харизма?

— Харизма — на краю Галактики. Затеряна меж звездами, которых там не так много. Огромное пустое космическое пространство. И ничего больше. В общем, на самой границе межгалактического пространства. Что касается самой планеты, я о

ней не знаю ровным счетом ничего, кроме того, что она похожа на Землю. Людям там жить нетрудно. Этот корабль, как мне сообщили, летит туда один стандартный месяц или чуть подольше. Насколько его скорость превышает скорость света, я понятия не имею. Эта старая развалюха оборудована инерционным двигателем — так сразу и не поверишь. Практически безопасный перелет: корабль большую часть времени летит в открытом космосе. Шесть рейсов в год — туда и обратно, а это значит, что за год туда попадает великое множество паломников. Капитан — человек загадочный. У него есть и необходимая квалификация, и звание, чтобы командовать одним из лучших межзвездных лайнеров. А он водит это старое корыто и перевозит паломников, которых ненавидит лютой ненавистью.

— Да, но он на этом неплохие денежки имеет. Мне он сказал, что поработает еще пять лет и уволится, чтобы поселиться на розовой планетке под названием Померанец.

— Да, мне он то же самое говорил. Похоже, он всем рассказывает одну и ту же байку. Трудно сказать, насколько ему можно верить.

— Думаю, верить можно,— сказал Теннисон.— На пути к своей мечте люди порой совершают странные поступки.

— Джейсон,— улыбнулась Джилл.— Ты мне нравишься. А знаешь почему?

— Ну... во-первых, я честный и откровенный,— ответил он.— Потом я умею слушать, сочувствовать, то есть — хороший собеседник.

— Нет, не поэтому. Ты мне нравишься, потому что смотришь на меня без отвращения. Я тебе не противна. Люди, с которыми я встречалась до сих пор, все до единого испытывали ко мне отвращение. Сама-то я давно привыкла к своему уродству, и мне хотелось бы, чтобы другие его тоже не замечали.

— А я почти и не замечаю,— пожал он плечами.

— Ты — милый лжец. Все ты отлично замечаешь. Попробовал бы кто-то не заметить!

— Понимаешь, я поначалу оттого так изумился, что во всем остальном ты просто красавица. Если забыть о твоей щеке, то... у тебя классические черты лица и прекрасная фигура. Одна половина твоего лица прекрасна, а вторая изуродована.

— Ты говоришь об этом как-то необидно. И говоришь так, будто все в порядке. И не жалеешь меня. Это замечательно. То, что ты принимаешь меня такой, какая я есть. А ведь я столько сил потратила. Моталась по разным клиникам. Сколько специалистов смотрели меня. И всегда один и тот же приговор: капиллярная гемангиома. Медицина бессильна. Один умник, правда, нашел выход: предложил мне маску носить, вернее, полумаску, которая прикрывала бы половину лица. Он уверял меня, что можно очень хорошо ее пригнать, подобрать так, что ничего не будет заметно...

— Ну, если тебе нужна маска,— усмехнулся Теннисон,— то ты уже имеешь самую лучшую — это твоя манера себя вести, твоя уверенность в себе.

— Ты действительно так думаешь, доктор?

— Клянусь.

— Дай бутылочку, пожалуйста. За это надо выпить.

И они торжественно выпили по очереди.

— Один вопрос,— сказал он.— Не для того, чтобы сменить тему разговора, но вопрос сугубо практический. Когда мы прибудем на Харизму, где там можно остановиться?

— У меня там место забронировано,— сказала Джилл.— Нечто вроде гостиницы. Называется «Дом Людей». Я про него ничего не знаю, кроме того, что там жутко дорого. Уж не знаю, критерий это или нет.

— Когда мы туда доберемся, можно пригласить тебя на обед в первый же вечер? Чтобы запах этого кошмарного корабля навек покинул нас.

— Благодарю вас, сэр,— церемонно кивнула она.— Это ты просто замечательно придумал!

Глава 4

Все трое удобно устроились в креслах отсека управления.

— Только не делайте ошибки,— посоветовал капитан,— и не думайте, будто роботы из Проекта «Ватикан» — это униженные, безропотные прислужники. Это мощные электронные устройства. Кое-кто поговаривает, что их электронные мозги — не хуже наших с вами, но в этом я сильно сомневаюсь. Правда, не исключено, что мое мнение выражает пред-

рассудки, свойственные существу биологическому. Но если взглянуть на вещи реально, в принципе трудно понять, согласитесь, зачем мыслящему аппарату, созданному на основе последних достижений техники, делать шаг назад и придумывать себе человеческий мозг. Да эти роботы столько столетий подряд только тем и занимались, что модернизировали себя именно с технической стороны — ну, как механик возится с двигателем, начищая его до блеска, подкручивая гайку за гайкой, чтобы тот лучше работал.

— Вы с ними близко знакомы? — поинтересовался Теннисон.

— Деловые контакты, не более,— ответил капитан.— Исключительно в рамках бизнеса. Друзей у меня среди них нет, если вы это имели в виду.

— Простите, если обидел,— извинился Теннисон.— Чистое любопытство. Видите ли, я наверняка окажусь в ситуации, где все для меня будет ново, незнакомо. Хотелось бы хоть как-то подготовиться морально.

— Я слыхала,— вступила в разговор Джилл,— что там люди работают на роботов.

— Не уверен, что это именно так,— сказал капитан.— Может быть, они работают вместе. Но люди там есть, это точно, и немало. Но с людьми по работе я там никогда не сталкивался. Дела у меня только с роботами и лишь тогда, когда они сами желают меня видеть. Проект «Ватикан» — штуковина исключительно грандиозная. За пределами Харизмы мало кто знает, что там к чему. Ходят слухи, что роботы пытаются создать непогрешимого Папу — электронного, компьютерного Папу. Выходит, что Проект представляет собой что-то вроде продолжения христианства, древней земной религии.

— Мы знаем, что такое христианство,— сказала Джилл.— И сейчас на свете много христиан — может быть, даже больше, чем когда-либо. Правда, наверное, сейчас христианство не так важно, как до завоевания космоса. Но это опять-таки относительно. Религия не стала менее значительной, просто рядом с ней возникло множество других верований, ныне существующих в Галактике. Просто удивительно, до чего универсальна вера! Самые противные инопланетяне во что-то верят.

— Не все,— заметил капитан.— Далеко не все. Я бывал в местах, сплошь населенных чужаками, на планетах, где никто сроду не задумывался ни о религии, ни о вере. И должен честно сказать, хуже они от этого не стали. Иногда даже лучше.

— Создание Папы... странная цель,— задумчиво проговорил Теннисон.— Интересно, откуда у роботов эта идея и какого результата они ожидают?

— О роботах,— сказал капитан,— никогда нельзя сказать, что, зачем и почему. Они разные. Поболтаетесь в космосе с мое, так вообще перестанете удивляться чему-либо и интересоваться, чего они от чего ожидают. Никто из чужаков и роботов не думает так, как мы. Чужаки — стадо мерзких ублюдков. Даже роботы по сравнению с ними — больше люди.

— А так и должно быть,— вмешалась Джилл.— Это же мы их придумали. Никто больше до такого не додумался. Кое-кто обязательно скажет, что роботы — наши преемники, нечто вроде продолжения рода человеческого.

— Не могу не согласиться,— кивнул капитан.— Какими бы занудами они ни были, временами, как я уже сказал, они приятнее любого из чужаков.

— Да, не жалуете вы инопланетян,— усмехнулся Теннисон.

— Разве это удивительно? А вы их разве обожаете?

— И все-таки вы их возите на своем корабле. Даже в качестве членов команды.

— Только потому, что не могу набрать людей. Я же вам говорил, здесь, на задворках Галактики, людей по пальцам сосчитать можно.

— И единственный рейс — «Гастра—Харизма»? Не скучно?

— Ну кто-то же должен этим заниматься,— пожал плечами капитан.— А мне за это неплохо платят. Да, я вожу их, но никто не сказал, что я обязан иметь с ними что-то общее. И вообще, что это мы переливаем из пустого в порожнее? Главное то, что мы, люди, должны держаться вместе. А то, неровен час, они возьмут да и одолеют нас.

Теннисон внимательно, пристально разглядывал капитана. Ничего особенного. Не фанатик. Неопределенного возраста — ни молодой, ни старый. Чувства юмора ему явно недоставало, все разговоры — только о деле.

«Странный человек,— думал Теннисон.— Один из тех людей с изломанной психикой, которые часто встречаются в

такой глуши. Скорее всего, холостяк. Одиночка. Столько лет подряд возит чужаков на Харизму, и за эти годы одиночества его тяга к людям и отвращение к своим пассажирам вросли в его суть, стали второй натурой».

— Расскажите нам, пожалуйста, о планете,— попросила Джилл.— Мы немного говорили о ней, как только я попала к вам на корабль, но вы так и не рассказали мне подробно о Харизме. Это аграрная планета или...

— Не аграрная,— ответил капитан.— На территории Проекта есть кое-какие сады и поля, где трудятся роботы, чтобы снабжать продуктами своих биологических собратьев. Но за пределами этой территории — сущая глухомань: пустоши, леса — нетронутая, девственная земля, такая, какой она была до начала эксплуатации планеты. Землю там не обрабатывали — рук не хватало. Единственным человеком, проживающим за территорией Проекта, насколько я знаю, является некий Томас Декер. Декер — человек загадочный. Живет отшельником в своей хижине, возится на клочке земли.

— Вы с ним дружите?

— Не сказал бы. С ним не очень-то подружишься. У нас с ним маленький бизнес. Когда я прилетаю, он почти всегда приносит мне немного полудрагоценных камней. Аквамарины там, аметисты, топазы, гранаты... Ничего особо ценного и редкого. Иногда попадаются низкопробные опалы. Как-то раз принес немного изумрудов, и мы оба неплохо заработали. В общем, большого дохода это не приносит. У меня почему-то такое чувство, что он это не ради денег делает, хотя я могу и ошибаться. Говорю вам — загадочный человек. Никто про него толком ничего не знает, хотя он там уже давно живет. Похоже, он и камни-то разыскивает только ради удовольствия. Камни, которые он мне приносит, я переправляю одному знакомому скупщику на Гастре. Мне он платит десять процентов.

— И где же Декер добывает камни? — поинтересовался Теннисон.

— Где-то в лесах. Ходит в горы, ищет в ручьях, перемывает породу.

— Вот вы утверждаете, будто он делает это не ради денег,— сказала Джилл.— А для чего тогда?

— Трудно сказать,— пожал плечами капитан.— Может, просто ради того, чтобы что-то делать,— нечто вроде хобби. Но я вам не все сказал. Лучшие камни он оставляет себе. Некоторые из них обрабатывает. У него есть один потрясающий жадеит — чистейшей воды. Он один стоит целое состояние. Он его отлично обработал. Но не желает с ним расставаться ни за какие коврижки. Заявил, что камень не его, не ему принадлежит.

— А чей же он может бить?

Капитан покачал головой.

— Понятия не имею. Может, и никому. Просто у него такая манера разговаривать. Одному Богу известно, что у него на уме. Он очень странный — самолюбивый, замкнутый, старомодный какой-то, будто из другого времени, не из нашего. Самое смешное, что я, убей бог, не смогу вам объяснить толком, отчего у меня сложилось такое впечатление. Не то чтобы он что-то такое необычное делал, как-то не так вел себя или как-то не так говорил, просто у меня такое ощущение. Вот я говорю вам, что он странный, даже перечисляю кое-какие из его странностей, но из чего они следуют...— Капитан развел руками.

— Похоже, вы все-таки близкие друзья. То есть вы много о нем знаете.

— Нет, не друзья. У него нет близких друзей. Он человек очень симпатичный во многом, но на Харизме он ни с кем не общается. Не могу и не хочу сказать, что он всех презирает, или ненавидит, или избегает, но общения явно не жаждет. Я ни разу не встречал его в баре Дома Людей, в поселке он появляется крайне редко. У него есть полуразвалившийся автомобиль, жуткая колымага — как он только ухитряется на ней ездить, я все время поражаюсь. Купил эту развалюху у кого-то в поселке. Ездит на ней куда-то, всегда один. Когда отправляется за камнями, машиной не пользуется. Пешком ходит. Как будто ему ничего на свете не нужно, кроме одного — бродить в одиночку по лесам и сидеть бобылем в своей хижине. А в хижине я у него однажды удосужился побывать — вот тогда-то я убедился в его мастерстве ювелира. Он меня, правда, не приглашал, я сам явился, но он вроде бы даже рад был моему приходу. Был вполне гостеприимен. Посидели у очага, поболтали о том о сем, но мне порой казалось, что

он где-то далеко, в каком-то другом пространстве, и что он забыл о моем присутствии. Вроде бы говорил со мной, а сам в то же время слушал еще кого-то и с кем-то еще говорил. И опять-таки не могу вам ни объяснить, как это происходило, ни доказать. Когда я уходил, он сказал, что был рад моему приходу, но еще раз зайти не пригласил, и я больше у него не был. Сильно сомневаюсь, что решусь еще зайти к нему.

— Вот вы сказали,— напомнил Теннисон,— что он не бывает в баре Дома Людей. А другие любят там собираться?

— Ну конечно,— ответил капитан.— У чужаков, наверное, есть другие места, но люди собираются именно там. И ни один чужак, смею вас уверить, туда не сунется.

— А люди из Ватикана ходят туда?

— Из Ватикана? Вообще я как-то внимания не обращал. Дайте припомнить. Пожалуй, нет. Нет, не ходят. Они не слишком разгуливают, эти, из Ватикана,— и люди, и роботы. Такое впечатление, что они не очень-то общаются с людьми из поселка. Их немного в Ватикане, и они все держатся вместе. У большинства людей из поселка работа так или иначе связана с Ватиканом — может, и не штатная, но там все вертится вокруг Ватикана. Если уж на то пошло, то можно сказать, что Харизма и есть Ватикан. В поселке живут несколько чужаков. Они общаются с паломниками. А паломники — практически все до единого — инопланетяне. И мне не приходилось возить ни одного паломника-человека. Да и вообще люди туда почти не летают. В прошлый раз был один пассажир-человек, но он не был паломником. Он был врачом. Похоже, в последнее время мне везет на врачей.

— Не совсем понял,— прищурился Теннисон.

— Ну, тот, предыдущий доктор, он летел на работу в Ватикан. Фамилия его была Андерсон, молодой парень, нахальный такой, щеголь. Со мной не слишком церемонился, но я старался с ним не ссориться. Он мне не очень нравился, но я старался быть с ним вежливым, благо он обременял меня недолго. Он должен был сменить старого дока — Истон была его фамилия, он много лет работал в Ватикане, людей лечил, естественно. Роботам доктора ни к чему, это понятно. А может, у них тоже есть кто-то вроде врача, я не знаю. В общем, Истон помер, и Андерсон летел, чтобы занять его место, поскольку больше докторов в Ватикане не осталось. Ватикан

еще до смерти Истона несколько лет подряд искал врача, роботы же понимали, что Истон — человек немолодой, долго не протянет. А соблазнить работой на Харизме врача, да и вообще кого бы то ни было, трудновато. Но как бы то ни было, где-то нашли этого молокососа, и через несколько месяцев после смерти старого дока я его доставил в Ватикан и теперь страшно рад, что избавился от него. Так что считайте, что это единственный сотрудник Ватикана, летавший когда-либо на моем корабле. Они вообще не летают — ни туда, ни обратно.

— Все-таки интересно,— задумчиво проговорила Джилл,— что все паломники — инопланетяне. Ведь, судя по всему, этот Ватикан должен быть сориентирован на человеческие представления о религии. Заправляют там роботы, а они по большому счету — суррогатные люди. Ну и терминология сама — «Ватикан», «Папа». Это же напрямую взято с Земли. Может быть, все-таки это действительно нечто вроде искаженного христианства?

— Не исключено,— сказал капитан.— Я, честно говоря, никогда не интересовался. Может быть, в основе и христианство, только на него накручено, наверчено бог знает сколько инопланетянских культов и верований, и все это приправлено представлениями роботов о религии людей.

— Пусть так,— согласилась Джилл.— Но все равно должны же быть паломники-люди, хоть какой-то интерес со стороны людей, за пределами Проекта, я хочу сказать.

— Может, и не должно быть никакого интереса,— высказал предположение Теннисон.— Люди, покинувшие Древнюю Землю много тысячелетий назад, заодно покинули и христианство, оставили его на Земле. Но как бы ни перепуталось у них в голове, как бы сильно ни повлияли на них любые другие культы, все равно что-то должно остаться в памяти, в душе — некое инстинктивное чувство, тяга к религии предков. Если в религии Ватикана есть элемент ереси, люди могли это уловить, почувствовать и отказаться от такой религии, решить, что она им ни к чему.

— Согласен,— кивнул капитан.— А чужаки, не имея возможности судить о христианстве, могли найти в нем что-то привлекательное, и не важно, истинно оно или переврано. Вообще, у меня сильное подозрение, что весь Проект очень

зависит от материальной поддержки инопланетян. Некоторые из них просто сказочно богаты — настоящие денежные мешки. От них прямо-таки пахнет деньгами. Правда, другие запахи сильнее.

— Я опять спросила вас про планету,— напомнила Джилл,— и вы мне опять толком не ответили. Снова мы перескочили на другое.

— Как я уже сказал, она земного типа. Хотя небольшие отличия есть. Ватикан — единственное поселение. Вся остальная поверхность — нетронутая природа, похоже, там и карты до сих пор никто не удосужился составить. Пару раз облетели вокруг планеты на исследовательском катере, и все. Само по себе наличие единственного поселения на колонизированной планете — явление не уникальное. На многих пограничных планетах существует один-единственный поселок, рядом с космопортом. И планета, и поселение, как правило, называются одинаково. Ну, взять Гастру, к примеру. То же самое и на Харизме. Самое главное, что о планете никто толком ничего не знает; кроме Декера, никто носа не высовывает из поселка. А Декер, я думаю, далеко в горы забирался. Гастра, конечно, исследована получше. Но и там полно необработанной и неизученной земли. На Харизме, похоже, нет туземной разумной жизни, но это не более чем предположение. Просто ее там никто не искал, а она там, может быть, есть, только хорошо прячется. Там есть травоядные животные и хищники, которые питаются травоядными. Некоторые из хищников, если верить болтовне в колонии, очень страшные. Я как-то спросил Декера про них, но он мне ничего не ответил. А я больше не спрашивал. Ну а вы,— обратился капитан к Теннисону,— долго прожили на Гастре?

— Три года,— ответил Теннисон.— Чуть меньше трех лет.

— И попали там в переделку?

— Можно сказать и так.

— Капитан,— вмешалась Джилл.— Вы на себя не похожи. Что это вы взялись выпытывать? Никто не видел, как он попал на корабль. Никто не знает, что он здесь. Бояться вам нечего, дело это не ваше.

— Если это хоть как-то успокоит вашу совесть,— добавил Теннисон,— то я могу совершенно честно сказать, что никакого преступления я не совершил. Меня, правда, в этом подо-

зревают. Вот и все. А на Гастре быть под подозрением означает, что тебя могут запросто пристрелить на месте без суда и следствия.

— Доктор Теннисон,— торжественно проговорил капитан,— когда мы прибудем на Харизму, вы можете сойти с корабля в полной уверенности, что мы с вами никогда ни о чем не говорили. Думаю, так будет лучше для нас обоих. Я уже говорил и повторю еще раз: мы, люди, должны держаться друг за дружку.

Глава 5

«Самое замечательное время»,— думал Декер. С ужином покончено, посуда вымыта, огонь в очаге полыхает вовсю, дверь в мир закрыта; Шептун пристроился за столиком в уголке: трудится, шлифует кусок топаза, принесенный домой неделю назад. Декер поудобнее устроился в кресле, стащил с ног мокасины, забросил ноги на теплый камин очага. Полено, самое большое, прогорело, и пламя перекинулось на другие, поменьше, разбрасывая во все стороны брызги искр. Огненные язычки вспыхивали и пробегали по поверхности горящих ветвей. В дымоходе гудело, и этому гулу вторило завывание ветра в верхушках деревьев, окружавших хижину.

Покачиваясь в кресле, он взглянул в угол, где работал Шептун, но того не было видно. Шептун порой был виден, а порой — нет. На уголке стола стоял замысловато ограненный кусок бледно-зеленого жадеита.

«Работа была тяжелая»,— подумал Декер. Камень выглядел необычно — человек бы так не обработал его, картина огранки совершенно не соответствовала законам человеческого мышления и видения: начнешь разглядывать — и растеряешься. Наметишь линию, а она тут же переходит в другую; представишь себе некий образ камня, но он у тебя на глазах рассыпается; только успеешь подумать, что разгадал загадку огранки, как немедленно убеждаешься, что ошибся. И так бесконечно, как ни верти камень, с какой стороны ни разглядывай. Да, можно было запросто провести остаток дней своих, держа в руках этот камень, рассматривая его, пытаясь понять его тайну, но так и не находя ответа...

В центре стола стоял большой кристалл топаза. Его обработка немного продвинулась со вчерашнего дня. Но Декеру никогда не удавалось угадать, что будет делать Шептун с камнем дальше. Камень время от времени менялся, вот и все. Это не было огранкой в прямом смысле слова, потому что Шептун работал без инструментов, не было заметно ни крошек, ни пыли, и все-таки на камне проступали сглаженные, отшлифованные места. Да, конечно, у Шептуна и в помине не было никаких инструментов — он ими не мог пользоваться и не умел. Он ничем не пользовался — абсолютно ничем. А работа была налицо. Он умел разговаривать — мысленно, телепатически, он умел изменять очертания камней, он приходил и уходил, он умел быть везде и нигде одновременно.

Не отводя взгляда от стола, Декер заметил, что там появилось маленькое облачко сверкающей пыли,— это и был Шептун.

— Опять прячешься,— мысленно обратился он к Шептуну.

— Декер, ты же отлично знаешь, что от тебя я не прячусь. Просто ты меня не всегда видишь.

— А ты не мог бы хоть когда-нибудь появляться как-то более четко? Ну, скажем, светиться немножко поярче? Вечно ты таишься.

— Обижаешь, Декер. Вовсе я не таюсь. Ты же знаешь, что я здесь. Всегда знаешь, когда я здесь.

«Это точно»,— подумал Декер. Он действительно всегда знал, когда Шептун был здесь. Он чувствовал его присутствие, но как, не смог бы объяснить даже себе. Ощущение ли, чутье ли, сознание ли — неясно: знание того, что это крошечное облачко алмазной пыли где-то рядом. Хотя он догадывался, что Шептун — нечто большее, чем скопление пылинок.

Догадывался и вечно мучился вопросом: что же такое на самом деле Шептун? «Можно было бы спросить,— думал Декер.— Можно было бы спросить хоть сейчас».

Но почему-то он чувствовал, что как раз этого вопроса задавать и не следует. Поначалу ему казалось, что достаточно того, что он думает об этом, интересуется этим,— и Шептун может прочитать его мысли, этот его немой вопрос,— он думал, что все творившееся у него в сознании должно быть ясно Шептуну. Но прошли долгие месяцы, и он понял, что это не так, что это странное создание не могло или не хотело читать

его мысли. Для того чтобы общаться с Шептуном, ему приходилось концентрировать слова, которые он хотел сказать, в определенном участке мозга и направлять их Шептуну. Это было для Шептуна равносильно разговору, а мысли, высказанные вслух, для него речью не были. Само то, как он говорил с Шептуном, как понимал сказанное в ответ, до сих пор было для Декера загадкой. Не было этому объяснения, не было человеческого объяснения возможности такого общения.

— Последнее путешествие было удачным,— сказал Декер.— Топаз превосходный, ради него одного стоило сходить. А ведь это ты его высмотрел. Ты показал мне, где его найти. По породе невозможно было догадаться. Ни единого признака, сплошная галька. Но ты показал мне, где надо покопаться. Будь я проклят, если понял, как ты узнал, что он там.

— Удача,— ответил Шептун.— Просто удача, и все. Иногда твоя удача, иногда — моя. В прошлый раз ты сам нашел рубин.

— Маленький,— сказал Декер.

— Зато чистой воды.

— Да, точно. Просто красавчик. Маленький, но красивый. Ты уже решил, будешь его обрабатывать или нет?

— Искушение есть. Но надо еще подумать. Он и так мал, а после обработки еще меньше станет. Для тебя мал, я хотел сказать. Тебе придется в лупу на него смотреть, чтобы увидеть красоту огранки.

— Мал для меня. Ты прав. Мал для меня. Ну а для тебя?

— Для меня, Декер, размеры значения не имеют. Мне все равно.

— Оставим рубин как есть,— решил Декер.— Для капитана у меня кое-что другое найдется.

Шептун исчез. Маленькое облачко искрящейся пыли пропало.

«Может быть,— подумал Декер,— это не сам Шептун пропал, а изменилось освещение в хижине?»

Однако он знал, что Шептун здесь, в хижине, его присутствие было очевидно. Он его чувствовал. Но что он чувствовал? Что такое Шептун, что это за существо? Он, конечно, сейчас в хижине, где же еще он мог быть? Какого он размера? Большой или маленький? Крошечная вспышка блестящих пылинок или существо, способное заполнить всю Вселенную?

Бестелесное создание, порой невидимое, зыбкое нечто, почти ничто, может быть, связанное какими-то узами с этой планетой, а может — только с какой-то ее частью. Размышляя подобным образом, Декер все более и более понимал, что все дело — в выборе Шептуна. Он сам решил, он сам почему-то хотел быть здесь. Скорее всего, ничто не мешало ему находиться где угодно — блуждать в верхних слоях атмосферы или за ее пределами, в открытом космосе, поселиться внутри сияющей звезды, зарыться в гранит гор планеты. Весь космос, все состояния вещества могли быть доступны Шептуну.

«А может быть,— думал Декер,— тот Шептун, которого знаю я,— только маленькая частичка, только кусочек какого-то громадного Шептуна? Может быть, настоящий Шептун — что-то непостижимо огромное, величественное, существующее на протяжении всего пространства, а быть может, и всего времени — настоящее порождение Вселенной? Скорее всего,— думал он не без сожаления,— я так никогда и не дознаюсь правды, так ничего и не пойму».

Именно поэтому он и не спрашивал Шептуна ни о чем таком. Что толку спрашивать о том, чего понять не в силах, обременять себя тайной, которая ляжет на тебя непосильным, тяжким грузом, который породит новые бесконечные мысли и вопросы, из-за которых будешь просыпаться среди ночи в холодном поту, которые не дадут спокойно жить днем, из-за которых просто потеряешь разум. Чужак, непостижимое создание, порождение Вселенной...

Шептун снова заговорил с ним.

— В лесу приключилась беда,— сообщил он.— Трое из Ватикана погибли.

— В лесу? А ты не ошибаешься, Шептун? Люди из Ватикана в лес не суются. Дома сидят.

— Эти на охоту ходили. На глухоманов охотиться вздумали.

— На глухоманов? Кому в здравом уме в голову взбредет на глухоманов охотиться? В лесу самое разумное — это молиться, чтобы на тебя самого глухоман не поохотился.

— Один из них — новичок в Ватикане. Больно гордый, заносчивый. У него было оружие — он думал, что с таким оружием ему ничего не страшно, бояться нечего. А зря он так думал.

— Ну и нашли они глухомана?

— Нет, это глухоман их нашел. Он знал, что они придут на него охотиться.

— И они погибли? Все трое?

— Да. Умерли ужасной смертью.

— Когда это случилось?

— Несколько часов назад. В Ватикане еще не знают.

— Может, стоит сообщить в Ватикан?

— Зачем? Не стоит. Сделать все равно уже ничего нельзя. Пройдет время, их хватятся, другие пойдут, разыщут их и принесут домой.

— А вдруг глухоман не ушел и ждет там, на том месте?

— Может, и не ушел,— сказал Шептун.— Но тем, кто выйдет на поиски погибших, он ничего плохого не сделает. Они же не будут на него охотиться.

— А он убивает только тех, кто на него охотится?

— Да. А ты разве не знал? Ты столько лет бродишь по лесам, Декер.

— Мне везло. Ни разу в жизни на глухомана не напоролся. Ни разу даже не видел ни одного.

— А они видели тебя,— сказал Шептун.— Много, много раз видели. Они не докучали тебе, потому что ты им не докучал.

— Докучать им? — удивился Декер.— Вот уж никогда бы на такое не решился.

— У тебя есть оружие. Штуковина, которую ты зовешь винтовкой.

— Есть. Но я ею очень редко пользуюсь. Только в тех случаях, когда мне нужна дичь для еды.

— Да и то нечасто.

— Нечасто, это точно,— согласился Декер.

Он поднял с пола кочергу и поворошил поленья в очаге, собрав их в кучку. Камин сердито заворчал. За стенами хижины выл ночной ветер. Вспышки пламени в очаге отбрасывали тени на стены — они взлетали к потолку и опускались, потом снова взлетали.

— Ватикан,— сообщил Шептун,— очень взбудоражен.

— Из-за этого несчастья? Из-за глухомана?

— Нет, не из-за глухомана. Я же сказал тебе, про это они пока ничего не знают. Там что-то необыкновенное одна Слушательница узнала.

— Слушатели всегда узнают что-то необыкновенное.

— Да, но на этот раз она узнала что-то очень необыкновенное.

— В каком смысле необыкновенное?

— Пока точно не знаю. Но там большой переполох. Кое-кто перепугался, кое-кто настроен скептически, а кое-кто даже посмеивается. Если это правда, то, наверное, что-то очень важное случилось. Как у них принято говорить, показатель веры поднялся очень высоко.

— У них всегда есть маленькие триумфы,— улыбнулся Декер.— И маленькие поражения. Там всегда о чем-нибудь болтают.

— Конечно,— согласился Шептун.— Но триумф на этот раз вряд ли такой уж маленький. Великая надежда. Много разговоров.

Глава 6

Стоя на посадочной площадке, Джилл и Джейсон с некоторым разочарованием разглядывали кучку низеньких, невзрачных на вид строений. Это и была колония на Харизме. Невысокий горный гребень за городком был увенчан ослепительно белой постройкой — не то группой зданий, не то единым зданием — с такого расстояния понять было трудно. За белой постройкой возвышались горы, гордо царившие над колонией,— высокие, скалистые, издалека казавшиеся фиолетовыми, украшенные белыми шапками снегов. Снежные вершины, казалось, существовали отдельно, сами по себе, как бы парили в небе.

Теннисон указал на здания на нагорье.

— Ватикан, надо полагать?

— Скорее всего,— кивнула Джилл.

— Я видел фотографии Ватикана на Древней Земле. Ничего общего.

— Ты слишком буквально воспринимаешь название,— возразила Джилл.— А это просто название, ничего больше. Сомневаюсь, что тут существует реальная связь с Ватиканом.

— А Папа?

— Кто знает, может быть, какая-то связь есть все-таки. Но воображаемая, выдуманная. Но тут не может быть ничего

такого, что могло бы быть признано земным Ватиканом официально.

— И ты собираешься взять приступом эту высоту?

— Джейсон, не надо сгущать краски. Что за трагический тон? Ничего я не собираюсь брать приступом. Здесь есть какая-то история, и я ее хочу узнать. Поищу какие-нибудь знакомства. Буду изображать предельную вежливость и обходительность, но ни от кого не собираюсь скрывать, кто я, что я и что мне нужно. Ну а пока я буду делать свои дела, что ты собираешься делать?

— Если честно, даже не представляю себе. Я ведь не думал о планах. Просто бежал, и все. Придется тут остановиться на бегу. На Гастру я все равно вернуться не могу, по крайней мере — пока.

— Звучит так, будто ты собираешься бежать дальше.

— Ну, не прямо сейчас. Это место — не хуже любого другого, где можно остановиться, отдохнуть и оглядеться.

Длинная вереница паломников, высадившихся из «Странника», растянулась по летному полю — судя по всему, они направлялись к пункту таможенного контроля.

Теннисон кивнул в их сторону.

— Нам тоже нужно пройти эту процедуру, как ты думаешь?

Джилл покачала головой.

— Думаю, нет. Никакие бумаги тут не нужны, по крайней мере — людям. Харизма официально считается планетой людей, а потому на них тут распространяются некоторые привилегии. Колония маленькая, и особых формальностей быть не должно. Пройдет дня два, и ты можешь обнаружить, что завтракаешь с шефом местной полиции или с шерифом — не важно, как он тут называется,— он для порядка задаст тебе несколько вежливых вопросов и разглядит тебя поближе. Я не знаю, как именно здесь проходит этот ритуал, но обычно в колониях людей все бывает именно так.

— Ну, тогда все должно быть просто отлично.

— Единственное, что тебе придется объяснить,— почему у тебя с собой нет багажа. В Доме Людей могут проявить законное любопытство. Думаю, лучше всего будет ответить, что ты опоздал на корабль на Гастре и каким-то образом потерял багаж.

— Ты все продумала,— сказал Теннисон.— Что бы я без тебя делал — просто не представляю!

— А как же иначе? Я же тебя вроде бы опекать взялась?

— Нынче же вечером начну расплачиваться,— пообещал Теннисон.— Обед в Доме Людей. Свечи, белоснежная скатерть, фарфор, серебро, хрусталь, обширное меню, бутылка хорошего вина...

— И не надейся. Не фантазируй. Дом Людей может оказаться заурядным постоялым двором с паршивой столовкой.

— Как бы то ни было, надеюсь, там будет все-таки получше, чем в той норе, где ты меня приютила.

— Эта нора не так уж плоха,— возразила Джилл.

— Смотри,— оборвал ее Теннисон,— похоже, кто-то наконец появился, чтобы доставить нас в гостиницу.

Глава 7

Столовая в Доме Людей оказалась на редкость цивилизованной: на столе красовалась ослепительно белая скатерть, сияли хрусталь и фарфор, в меню было пять блюд и приличное вино.

— Просто восторг,— сказала Джилл Теннисону.— Я и не ожидала, что тут будет так вкусно. Вообще, наверное, после месяца на корабле все, что бы нам тут ни подали, казалось бы деликатесом.

— Итак, завтра ты начинаешь действовать,— сказал он.— Как часто мы сможем видеться?

— Так часто, насколько будет возможно. Я буду возвращаться каждый вечер. Если, конечно, меня не выгонят из Ватикана завтра же или вообще на порог пустят.

— Хочешь сказать, что раньше с ними не общалась?

— Пыталась, но ничего не вышло. Я отправила им несколько писем, но ни на одно ответа не получила.

— Может, они не хотят огласки?

— Вот и выясним. Поговорю с ними. Я могу быть очень настойчива, когда нужно. Ну а ты?

— Осмотрюсь. Выясню, что тут и как. Если здесь нет врача, я мог бы открыть практику.

— Это было бы здорово,— кивнула она.— Джейсон, тебе действительно этого хотелось бы?

— Не знаю,— пожал он плечами.— Пожалуй, я тебе ответил не подумав,— как-то само вырвалось. В Ватикане есть свой врач, и, вероятно, он обслуживает и тех людей, которые живут в поселке. На то, чтобы открыть собственную практику, может уйти много времени. Городок похож на поселение пионеров, но этого не может быть. Если капитан сказал правду, получается, что роботы живут тут уже почти тысячу лет.

— Но совсем не обязательно,— возразила Джилл,— что поселок такой же старый. Роботы могли тут появиться задолго до его основания.

— Ты права, наверное, но все равно он должен бы существовать уже очень давно. Однако создается такое впечатление, что люди начали здесь жить совсем недавно. Может быть, все из-за того, что тут всем заправляет Ватикан. Все и каждый должны быть связаны с Ватиканом.

— Не думаю, что это так уж плохо. Все зависит от того, что за народ — люди и роботы — управляет Ватиканом. Если они неглупы, то должны порадоваться появлению нового человека, не дурака и с новыми идеями.

— Поживем — увидим,— сказал Теннисон и вздохнул.— Спешить все равно некуда. Поживу с неделю — узнаю получше, что меня тут ждет, если ждет что-нибудь.

— Такое впечатление, что ты не прочь остаться. Как минимум на какое-то время.

Он покачал головой.

— Ничего определенного не могу сказать. Мне нужно временное прибежище. Но, думаю, в Давентри вряд ли додумаются, что я сбежал на корабле, улетевшем на Харизму.

— Есть вариант,— сказала Джилл,— они могут подумать, что ты утонул в море. Если радар засек твой флайер. Они же при всем желании не смогут доказать, что ты с него спрыгнул?

— Нет, не смогут, если только кто-нибудь не найдет парашют. А это, я думаю, маловероятно. Я его надежно спрятал под складом.

— Значит, можешь быть спокоен. Неужели они так злы на тебя, что помчатся за тобой в эту дыру?

— Нет конечно. Вся эта история — более или менее из области политики. Просто некоторым это помогло бы обвинить меня в смерти маркграфа, и все.

— Им нужен козел отпущения.

— Вот именно,— кивнул Теннисон.— Очень может быть, что мое исчезновение их в этом убедит еще больше. И все будут довольны. И сейчас мне, по правде говоря, совершенно безразлично все, что происходит на Гастре. А ты? Наверное, выложила немалые денежки, чтобы добраться сюда?

— Да, потратиться пришлось изрядно, но в моем деле всегда есть известная доля риска. Но в любом случае, думаю, я потратилась не зря. Думаю, тут можно накопать такого, что результат в конце концов оправдает все затраты. Даже если я не сумею пробраться в Ватикан, я все равно что-нибудь да разузнаю. Не столько, сколько хотелось бы, но все равно.

— Это как понимать?

— Ну, смотри: я иду к ним, а они, допустим, меня не пускают. Даже не хотят разговаривать. То есть полный от ворот поворот. Могут даже, если сильно рассердятся, вышвырнуть меня вон с планеты. Спрашивается, почему они это сделают? Почему они откажутся со мной говорить? Почему им понадобится вышвыривать меня вон? Что вообще происходит? Что происходит в этом громадном секретном учреждении, чего нельзя вытащить на свет божий? Что они пытаются скрыть?

— Понятно,— кивнул он.— Ты права, из этого можно сделать кое-какой материал.

— Уверяю тебя, к тому времени, когда они меня вышвырнут, у меня материала не то что на статью — на книгу хватит.

— А как тебе это в голову пришло?

— То тут, то там что-то слышала. Несколько лет подряд. Слухи, сплетни, болтовня всякая. Достоверной информации — почти ноль. Но если собрать все воедино, было бы весьма интригующе.

— В общем, ты несколько лет пыталась найти разгадку?

— Точно. Я упорно трудилась. Не все время, конечно, но как только выпадала возможность. И чем больше я об этом думала, тем больше убеждалась, что тут можно многое найти, стоит только копнуть поглубже. Хотя не исключено, что я сама себя убедила. Вполне может оказаться, что тут ничего серьезного и нет — просто кучка тупых роботов вовсю трудится над каким-нибудь совершенно бессмысленным проектом.

На какое-то время они умолкли, целиком поглощенные едой.

— Как тебе твой номер? — поинтересовалась Джилл.— У меня — вполне приличный.

— У меня тоже,— кивнул Теннисон.— Не роскошный, но жить можно. А одно окно выходит на горы.

— Тут, оказывается, нет телефонов,— сообщила Джилл.— Я спросила, и оказалось, что на планете вообще нет телефонной связи. Электрическое освещение есть, и я удивилась, что телефонов нет. Похоже, никто не знает почему.

— Ну мало ли почему. Может, им тут не нужны телефоны,— высказал предположение Теннисон.

— Прошу прощения, сэр,— раздался мужской голос у него за спиной.— Извините, что помешал, но это очень важно...

Теннисон оглянулся.

Рядом со столиком стоял мужчина. Высокий, чуть старше средних лет. У него были резкие черты лица, черные гладкие волосы, слегка тронутые сединой, и узкие усики.

— Если я не ошибаюсь, сэр,— сказал незнакомец,— вы — доктор. По крайней мере, мне так сказали.

— Верно,— ответил Теннисон, недоумевая.— Меня зовут Джейсон Теннисон. Моя спутница — мисс Джилл Робертс.

— Моя фамилия Экайер,— представился мужчина, слегка поклонившись.— Я из Ватикана. Наш врач погиб несколько дней назад. Несчастный случай на охоте.

— Ну, если я могу чем-нибудь помочь...

— Прошу извинить, мисс,— прижав руки к груди, проговорил Экайер,— что я вынужден прервать ваш обед и увожу вашего спутника. Но одна женщина у нас очень больна. Доктор, если бы вы согласились осмотреть ее...

— Мне нужно сходить за чемоданчиком,— сказал Теннисон.— Подождите, я только поднимусь к себе в номер.

— Доктор, я взял на себя смелость,— сказал мужчина из Ватикана,— и попросил управляющего распорядиться, чтобы ваш чемоданчик доставили сюда. Он ждет вас в вестибюле.

Глава 8

Женщина была очень старая. Ее изборожденное морщинами лицо напоминало сморщенное яблоко. Рот ввалился, на щеках играл нездоровый, лихорадочный румянец. Черные, похожие на пуговки глаза глядели на Теннисона, не видя его. Она тяжело, с хрипом дышала. Истощенное тело с трудом угадывалось под простыней.

Сестра в сером халатике подала Теннисону историю болезни.

— Эта женщина очень много значит для нас, доктор,— шепнул Экайер.

— Давно она в таком состоянии?

— Пять суток,— ответила сестра.— Пять суток, после того как...

— Не надо было Андерсону ходить на охоту,— проговорил Экайер.— Он меня уверил, что с ней все будет в порядке, что ей нужен только покой...

— Андерсон — это тот, который погиб?

— Он и еще двое. Они пытались отговорить его. Он тут новичок был, не представлял себе, чем это грозит. Я вам сказал, что это из-за глухомана, или не говорил?

— Нет, не говорили. Что за глухоман?

— Это страшный хищник. Свирепый, кровожадный. Увидев человека, сразу нападает. Остальные пошли, чтобы защитить нашего врача...

— Температура держится уже трое суток подряд,— отметил Теннисон.— И ни разу не падала?

— Ни разу, доктор. Совсем незначительные колебания.

— А одышка?

— Все хуже и хуже.

— Какие препараты она получала?

— В карте все указано, доктор.

— Да, вижу,— сказал Теннисон.

Он взял руку женщины, чтобы пощупать пульс. Рука была тонкая, вялая. Пульс — частый и неглубокий. Взяв из чемоданчика стетоскоп, он выслушал грудную клетку. В легких были слышны сильные хрипы.

— Питание? — спросил он у сестры.— Ее кормили?

— Последние двое суток — только внутривенно. А до этого — немного молока и бульона.

Теннисон посмотрел на Экайера, стоявшего по другую сторону кровати.

— Ну? — нетерпеливо выговорил тот.

— Пневмония, скорее всего,— нахмурился Теннисон.— Судя по всему, вирусная. У вас есть лаборатория, чтобы сделать анализы?

— Лаборатория есть,— вздохнул Экайер,— лаборанта нет. Он был вместе с Андерсоном и Олдриттом.

— И все трое погибли?

— Да, все трое. А вы, доктор, не могли бы?

— У меня нет опыта,— покачал головой Теннисон.— Я могу только лечить. Как у вас с лекарствами?

— Лекарств у нас много, самых разных. Да и с персоналом до сих пор проблем не было. У нас было двое лаборантов. Но один уволился месяц назад. И мы никого не смогли найти на его место. Харизма, доктор, не то место, которое привлекает хороших специалистов.

— Самый точный диагноз, который я могу поставить при таких обстоятельствах,— сказал Теннисон,— вирусная пневмония. Чтобы типировать вирус, нужно, чтобы поработал опытный лаборант, иначе просто невозможно. Ведь сейчас так много новых вирусов, которые подхватываются и переносятся с планеты на планету, что крайне трудно вслепую определить специфику возбудителя. Но я вычитал в медицинских журналах, что пару лет назад появилось новое лекарство — противовирусный препарат широкого спектра действия...

— Вы имеете в виду протеин-Х? — спросила сестра.

— Точно. У вас он есть?

— Нам доставили немного последним рейсом «Странника». Вернее, предпоследним.

— Это лекарство может помочь,— сказал Теннисон Экайеру.— Но действие его пока изучено мало, чтобы можно было сказать что-то наверняка. Этот препарат оказывает специфическое воздействие на белковую оболочку вируса и разрушает вирус целиком. Мы пойдем на определенный риск, если решим воспользоваться этим лекарством, но выбора у нас, похоже, нет.

— Вы хотите сказать,— проговорил Экайер,— что не можете гарантировать...

— Ни один врач не смог бы гарантировать.

— Не знаю,— пожал плечами Экайер.— Так или иначе мы должны спасти ее. Если не дать ей этот протеин...

— Она может выжить,— сказал Теннисон.— Ее организм вынужден будет самостоятельно бороться с вирусом. Мы сможем поддержать ее, но с вирусом ничего поделать не сможем. Ей придется сражаться в одиночку.

— Она такая старенькая...— покачала головой сестра.— Сил у нее совсем мало.

— Ну а если дать ей протеин-Х,— спросил Экайер,— можно быть уверенным, что?..

— Нет, нельзя,— ответил Теннисон.

— Насчет лекарства... Вы хотите еще подумать? Доктор, вам решать. Но мне кажется, что времени у нас совсем немного. Что вы порекомендуете, доктор?

— Как врач, я могу сказать совершенно определенно: если бы я один принимал решение, я бы прибегнул к протеину-Х. Он может не помочь. Но, насколько я знаю, это единственное средство, способное одолеть неизвестный вирус. Должен откровенно сказать: протеин-Х может и убить ее. Даже если он поможет, он может не помочь до конца.

Он обошел кровать, встал рядом с Экайером, положил руку ему на плечо.

— Эта женщина — близкий вам человек? Она для вас лично много значит?

— Не только для меня. Для всех нас. Для всего Ватикана.

— Я искренне желал бы быть вам полезным. Я не имею права ни на чем настаивать. Могу ли я сделать что-нибудь, чтобы помочь вам принять решение?

Женщина пошевелилась, приподняла голову и плечи с подушки, попыталась сесть, но снова упала на подушку. Лицо ее скривилось, губы зашевелились. Сквозь булькающие хрипы послышались слова.

— Башни! — выкрикнула она.— Чудная, высокая лестница до небес! Слава и покой! И парящие ангелы...

Гримаса боли исчезла с ее лица. Она закрыла глаза и умолкла.

Теннисон поймал взгляд сестры. Та смотрела на старуху как завороженная.

Экайер схватил Теннисона за плечо.

— Мы воспользуемся протеином,— сказал он.— Мы должны им воспользоваться.

Глава 9

В номере, куда Экайер привел Теннисона, было довольно уютно. Пол в гостиной был устлан пушистым ковром. Мебель — почти элегантная, половину одной из стен занимал

камин, в котором ярко полыхал огонь. У другой стены стоял обеденный стол и стулья, ближайшая к столу дверь вела в кухню. Напротив была расположена спальня. Стены украшали зеркала в изящных резных рамах и неплохие картины. На каминной полке выстроились затейливые статуэтки, похоже, из слоновой кости.

— Присаживайтесь, доктор, отдыхайте,— сказал Экайер Теннисону.— Чувствуйте себя как дома. Кресло очень удобное. Выпьете чего-нибудь?

— Не найдется ли у вас скотча?

— У вас неплохой вкус,— улыбнулся Экайер.— Где вы отведали скотч? Этот напиток мало кому известен. Разве что немногим старикам...

— С этим божественным напитком,— сказал Теннисон,— познакомил меня капитан «Странника». Он сказал, что это напиток Древней Земли.

— А, капитан. Он снабжает нас. Привозит несколько ящиков с каждым рейсом. У нас постоянный контракт на поставку с планетой, называемой Солнечный Танец,— планета эта, как вы, вероятно, догадываетесь, населена людьми. Единственная, кстати говоря, планета на тысячи световых лет в округе. Того, что он доставляет, вечно не хватает. Мало того, еще и сам в ящики руку запускает. Но мы помалкиваем, не возражаем. Его можно понять, правда?

Экайер сходил на кухню, принес два стакана с виски, передал один Теннисону, сам пригубил из второго.

— Выпейте,— сказал он.— Думаю, нам есть за что выпить.

— Надеюсь,— кивнул Теннисон.— Времени прошло немного, конечно, но больная неплохо реагирует на лечение. Нужно внимательно наблюдать за ней.

— Скажите, доктор, вы всегда так заботливо выхаживаете больных? Вы оставались у постели Мэри, пока не появились первые признаки улучшения. Наверное, вы очень устали? Я вас долго мучить не буду. Вам надо отдохнуть.

— Ну... если у вас найдется для меня уголок...

— Уголок? Доктор Теннисон, это ваши комнаты. Столько времени, сколько вы пожелаете тут остаться, они — ваши.

— Мои комнаты? А я думал, что это ваше жилище.

— Мое? О нет. У меня почти такие же апартаменты, а эти — для гостей. Мы знаем, что вы потеряли свой багаж,

поэтому решили снабдить вас гардеробом. Вещи будут тут утром. Надеюсь, вы не возражаете?

— Это совершенно ни к чему! — резко ответил Теннисон.

— Вы зря обижаетесь. Поймите, мы не знаем, как благодарить вас...

— За что? Пока трудно судить, добился ли я чего-нибудь. Мэри может и не поправиться, даже несмотря на протеин-X.

— Но улучшение есть.

— Да, пульс нормализовался. И сил у нее как будто прибавилось. Температура несколько снизилась, но все же не настолько, чтобы быть уверенным...

— Я верю в вас,— сказал Экайер.— Я думаю, вы обязательно вытащите ее.

— Послушайте,— прищурился Теннисон,— давайте будем друг с другом честными до конца. Вы говорили с капитаном или еще с кем-то из ваших людей. Вы прекрасно знаете, что я не потерял багаж. У меня не было никакого багажа, так как не было времени уложить вещи. Я спасался бегством.

— Да,— согласился Экайер.— Да, все это нам известно. Но мы не собирались говорить вам об этом. Мы не знаем, что с вами приключилось, и если вы не хотите об этом рассказывать — дело ваше, и мы интересоваться не намерены. Это не важно. Важно, что вы — врач. Сначала я не был в этом уверен, но теперь знаю это точно. Пока вы здесь, у Мэри есть шанс выжить, а без вас...

— Скорее всего, никаких, если только ваша маленькая сестричка не решилась бы сама...

— Не решилась бы,— уверенно заявил Экайер.— Она и не знала как, и не осмелилась бы.

— Ну ладно, хорошо. Допустим, я спас больную. Но послушайте, это, в конце концов, моя работа. То, чему меня учили. Я пытаюсь спасти каждого, но не могу при всем желании. Вы мне ничего не должны. Самая обычная оплата — все, что я имею право просить у вас. Да и это, пожалуй, слишком. У меня с собой даже документов нет. Я не могу доказать, что я — врач, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Не уверен, что могу легально практиковать. Существуют же такие вещи, как лицензия на врачебную практику?

Экайер замахал руками.

— В этом смысле можете не волноваться! Если вы говорите, что вы врач, значит, вы врач. Если мы разрешим вам практиковать, вы будете практиковать.

— Ну, ясно,— улыбнулся Теннисон.— Как Ватикан скажет...

— Да, на Харизме как Ватикан скажет, так и будет. И никто не имеет права оспаривать наши решения. Если бы не мы, то и Харизмы бы не было. Мы и есть Харизма.

— Ладно,— сказал Теннисон.— Хорошо. Я с вами не спорю. Не имею ни малейшего желания. Один из ваших людей болен, я его лечу. Это мой долг, и давайте больше не будем об этом.

— Надеюсь,— сказал Экайер,— вы теперь лучше понимаете, каково положение дел. У нас нет врача. А врач нам очень нужен. Мы бы хотели, чтобы вы остались здесь в качестве нашего штатного доктора.

— Даже так?

— Даже так. Разве вы не понимаете? Положение у нас отчаянное. На поиск врача уйдет не один месяц. Да потом еще неизвестно, что за врач попадется.

— Вы не знаете, что я за врач.

— Я знаю, что вы преданы своим больным. Вы честный человек. Вы откровенно рассказали, как попали сюда, а когда я спросил вас о результатах лечения, вы сказали, что ничего не можете гарантировать. Мне по душе такая честность.

— Да, но в один прекрасный день сюда может вломиться кто-то с ордером на мой арест. Не думаю, что это случится, но...

— Тот, кто решится на это, горько пожалеет. Все, что нам принадлежит, мы защищаем. Если вы действительно в беде, доктор, я могу гарантировать вашу безопасность. Правы вы или виновны, я могу вам это гарантировать.

— Ну, допустим. Не думаю, что я нуждаюсь в защите, но приятно сознавать, что я защищен. Но насчет работы... Что вы мне предлагаете, можно поинтересоваться? Вы называете это место Ватиканом, а я слыхал всякие рассказы про ваш Проект, про то, что всем тут заправляет шайка роботов. Можете вы мне хотя бы вкратце объяснить, что тут происходит? Ваша больная, Мэри, говорила про ангелов... Что это — старческий маразм или предсмертное видение?

— Ни то ни другое,— ответил Экайер.— Мэри нашла рай.

— Так...— сказал Теннисон.— Можно еще разок, помедленнее? «Мэри нашла рай». Сказано так, будто вы хотели сказать именно это.

— Конечно,— кивнул Экайер.— Она действительно нашла рай. Все свидетельствует о том, что она его действительно нашла. Нам нужно обязательно подтвердить это, а для этого необходимы ее дальнейшие исследования. Только она способна на это. Правда, у нас есть ее клоны — целых три, и они потихоньку подрастают. Но мы не можем быть уверены, что клоны...

— Наблюдения? Подтверждения? Клоны? С ума можно сойти! Какие могут быть подтверждения, не понимаю? Если я правильно помню, рай не место. Это состояние. Состояние сознания, души, вера...

— Доктор, послушайте. Придется вам кое-что объяснить.

— Да, похоже, придется.

— Для начала постараюсь дать вам некоторую ретроспективу. Ватикан-17, здешний Ватикан, начался почти тысячу лет назад, когда сюда, на Харизму, прибыла группа роботов с Земли. На Земле роботы никакой религии не исповедовали, вернее, им не было позволено исповедовать никакой религии. Думаю, сейчас в этом плане наметились кое-какие перемены. Роботы могут быть приняты в лоно религии — не везде, но на некоторых планетах. Тысячу лет назад такого не было и в помине. Роботы были изгоями по отношению к любому вероисповеданию. Чтобы стать прозелитом в любой вере, у новообращаемого должна быть душа или некий ее эквивалент. У роботов души не было, или считалось, что ее нет, и они были лишены возможности приобретения какого бы то ни было религиозного опыта. Хорошо ли вы знакомы с роботами, доктор?

— Практически совсем не знаком, мистер Экайер. За всю жизнь я, пожалуй, видел их всего дюжину, а разговаривал — даже считать не стоит, хватит пальцев на одной руке. Я родом с планеты, где было совсем немного роботов. В том медицинском колледже, где я учился, было несколько роботов, но люди с ними мало общались. Близко знаком я ни с одним из них не был. И не ощущал потребности...

— Так, как вы, на мой вопрос ответили бы девяносто процентов людей. Людей не интересуют роботы, если они не связа-

ны с ними в жизни. Вероятно, они считают их механизмами, машинами, подобием человека. Могу совершенно определенно заявить вам, что они представляют собой нечто гораздо большее. За последние тысячи лет роботы эволюционировали, они стали существами, которые могут обходиться без людей. Однако в процессе эволюции они ни на минуту не забывали, кто их создатели, и они вовсе не отрицают того факта, что они существа искусственного происхождения, как бы сильно ни казалось обратное. Короче, они до сих пор ощущают некую нерасторжимую связь с людьми. Я мог бы ночь напролет рассказывать вам, что я думаю о роботах и что собой представляют здешние роботы. Сюда они прилетели, потому что им не был позволен никакой религиозный опыт, потому что они были вычеркнуты из этой части жизни людей, которая как раз и представляла предмет их непреодолимого влечения. Нужно очень хорошо знать роботов, чтобы понять, откуда у них такая тяга к вере, к религии. Может быть, это всего-навсего попытка компенсации комплекса неполноценности, желание приблизиться к человеку, насколько возможно, во всем. Робот лишен многого, чем обладают люди,— огромное число ограничений заложено в него по определению. Робот не может плакать, робот не умеет смеяться. У него нет полового влечения, хотя он умеет производить на свет других роботов. По крайней мере наши роботы конструируют собратьев и делают это с такой тонкостью и совершенством, до которых, пожалуй, не додумались бы люди. Здесь, на Харизме, родилось новое поколение роботов, новая раса, я бы сказал. Но я, пожалуй, отвлекся...

— Объяснение тяги к религии как компенсации комплекса неполноценности я вполне могу принять,— сказал Теннисон.— Религия могла быть для роботов тайной, которую они хотели разделить с человечеством.

— Верно,— согласился Экайер.— Я мог бы многое вам порассказать об этом, но главное сейчас то, что тысячу лет назад группа роботов прибыла сюда, на эту планету, и создала здесь свою собственную религию. Когда-нибудь, если вам будет интересно, мы можем вернуться к этой теме.

— Конечно, очень интересно. Если у вас найдется время.

— Итак, роботы прибыли сюда,— продолжал Экайер,— и основали свой Ватикан. В основу они положили религию

людей, которая была для них очень привлекательна, но не только и не столько самим вероучением. Скорее, думаю, их восхищали ее догматы, ее структура, организация, иерархия, долгая традиция. В нашем Ватикане вы встретите многое — литургию и другие ритуалы древнего Ватикана, это нечто вроде модели, хотя мне кажется, что у роботов не было намерений слепо принимать земное католичество. Роботы никогда не притворялись и не утверждали, что их религия — земное вероисповедание, украденное и перенесенное на самый край Галактики. Наверное, если бы кто-то удосужился провести скрупулезный богословский анализ, то назвал бы эту религию синтетической: ведь роботы усвоили многие аспекты инопланетных религий или того, что называют инопланетными религиями...

— То есть фактически,— сказал Теннисон,— роботы сконструировали собственную религию, позаимствовав в процессе ее создания все то, что им понравилось?

— Вот именно. Возникла вера роботов — вера, как на нее ни посмотри. Все зависит от того, как вы лично для себя определяете религию.

— Мистер Экайер... вы уж меня простите, может быть, у вас есть какой-то титул или звание? А то я все «мистер» да «мистер»...

— «Мистер» — вполне достаточно. Зовут меня Пол. Зовите меня по имени, если хотите, мне будет только приятно. А титула у меня никакого нет. Я к религии никакого отношения не имею.

— Я как раз хотел спросить вас, как вы связаны со всем этим.

— Я — главный координатор того, что принято именовать Поисковой Программой.

— Простите, но мне это ни о чем не говорит.

— О Программе вы тут мало что услышите. Но это часть Проекта «Ватикан». Порой мне, честно говоря, кажется, что весь Ватикан сейчас — не более чем прикрытие для осуществления Поисковой Программы. Только... прошу вас, если вам случится беседовать со святыми отцами, не рассказывайте им о моей точке зрения. Многие из них продолжают очень ревностно относиться к религии.

— Знаете, честно говоря, я просто обескуражен.

— На самом деле все предельно просто,— улыбнулся Экайер.— Я бы сказал, даже логично. Идея Папы, верховного владыки, стоящего во главе Церкви, имеет огромное, определяющее значение для основателей религии. Но где было найти Папу? Им казалось, что сделать обычного робота Папой было бы святотатством. Человека сделать Папой они тоже не могли, даже если бы вздумали рукоположить его,— когда они прибыли сюда, такой возможности у них не было. Человек — существо, живущее, по меркам роботов, слишком недолго, чтобы стать во главе их Церкви, члены которой теоретически могут жить вечно. Если за ними, конечно, как следует смотреть, ухаживать. И это было то существенное ограничение, из-за которого человек в роли Папы их никак не устроил бы. Идеальный Папа, по их представлениям, должен быть бессмертным и всезнающим, непогрешимым, гораздо более непогрешимым, чем Папа-человек. И они принялись конструировать Папу...

— Конструировать... Папу? Не понял.

— Да. Компьютерного Папу.

— Боже милосердный! — воскликнул Теннисон.

— Да-да, и ничего удивительного, доктор Теннисон. Они конструируют его до сих пор. День за днем, год за годом. Уже несколько столетий подряд. Практически ежедневно Папу питают новой информацией, и с каждым годом он становится все более непогрешимым...

— Невозможно поверить... Это просто...

— Вам и не нужно в это верить. Я лично не верю. Хватит того, что в это верят роботы. Это их вера, если на то пошло. Но если посидеть и спокойно поразмыслить, то все сказанное мной обретет глубокий смысл.

— Наверное. Да, вы правы, Пол. Их вера зиждется на немедленных — то есть «непогрешимых» ответах Папы. Да, если подумать, получается, что смысл есть. А данные, информация, как я понимаю, обеспечиваются Поисковой Программой?

Экайер кивнул.

— Верно. Но прошу вас, не обращайте внимания на то, что я так прагматичен в своем рассказе, и не записывайте меня с ходу в безбожники. Может быть, я и не совсем верующий человек, но есть вещи, в которые я верю.

— Я оставлю свое мнение при себе, если позволите. Насчет информации... Каким образом ваша Поисковая Программа

осуществляет ее поиск? Вы здесь, на краю Галактики, а данные, за которыми вы охотитесь, разбросаны по всей Вселенной!

— У нас работают люди, называемые Слушателями. Не слишком хорошее определение, но мы их так привыкли называть.

— Экстрасенсы, что ли?

— Да. Но совершенно особого рода. Мы прочесываем Галактику, чтобы отыскать таких, какие нам подходят. У нас есть вербовщики, и работают они тихо и незаметно. Роботы разработали методы, позволяющие нашим Слушателям работать просто на фантастическом уровне. Их естественные способности благодаря этим методам усиливаются во много раз.

— Ваши Слушатели люди?

— Да. Все до единого. По крайней мере пока. Мы пытались работать с инопланетянами, но ничего не вышло. Может быть, когда-нибудь получится. Один из аспектов Программы как раз этому посвящен. Не исключено, что инопланетяне могли бы нас снабдить такой информацией, которая людям просто недоступна.

— И все данные, которые вы добываете, поступают в Папу?

— Большая часть. В последнее время мы стали более избирательно подходить к отбору полученной информации. Мы не вводим в Папу всю без исключения необработанную информацию. Но все полученные данные хранятся в файлах. Все данные записываются, я хотел сказать, на магнитные ленты, но это не совсем магнитные ленты. Так или иначе, все данные хранятся. Мы собрали такой информационный банк, которым гордилась бы Галактика, если бы узнала о нем.

— Но вы не хотите, чтобы об этом узнали.

— Доктор Теннисон, мы бы не хотели, чтобы Галактика вмешивалась в нашу работу.

— Мэри — Слушательница. Она думает, что нашла рай.

— Верно.

— Ну а вы, наполовину верующий, что об этом думаете?

— Я не склонен это оспаривать. Мэри — одна из лучших Слушателей. Если не самая лучшая.

— Но... рай?!

— Послушайте и постарайтесь понять. Мы знаем и отдаем себе отчет, что имеем дело не только с физическим простран-

ством. Давайте я вам пример приведу. У нас есть один Слушатель, который уже несколько лет подряд путешествует в прошлое. Но не только в прошлое и не просто в прошлое, а, по всей вероятности, в собственное прошлое. Почему он выбрал такое направление для поиска, мы не знаем, да и сам он не знает. Настанет время, и мы это выясним. Похоже, он следует по линии своих предков все дальше и дальше в глубь веков, разыскивает сородичей по плоти и крови. Шаг за шагом, тысячелетие за тысячелетием. Вчера, к примеру, он был трилобитом.

— Трилобитом?

— Древняя форма земной жизни, вымершая почти триста миллионов лет назад.

— Но... человек и... трилобит!

— Зародышевая плазма, доктор. Источник всего живого. Стоит немного уйти назад, и...

— Пожалуй, я понял,— медленно проговорил потрясенный Теннисон.

— Согласитесь, это потрясающе,— улыбнулся Экайер.

— Одно мне непонятно,— признался Теннисон.— Вот вы мне все это рассказываете. И в то же время не хотите, чтобы об этом знали. Когда я покину Харизму...

— Если покинете.

— То есть?

— Мы надеемся, что вы останетесь. Мы можем сделать вам очень выгодное предложение. Детали можно попозже обсудить.

— Но я могу отказаться.

— Сюда прилетает один-единственный корабль. Отсюда вы можете попасть только на Гастру.

— А вы абсолютно уверены, что на Гастру я возвращаться не хочу?

— У меня сложилось такое впечатление. Если вы действительно захотите улететь, сомневаюсь, что мы станем вас удерживать. Но могли бы, если бы захотели. Одно слово капитану, и он вам объявит, что у него на корабле не осталось свободных мест. Но я думаю, разумнее было бы дать вам спокойно улететь. Даже если бы вы кому-то пересказали все, о чем мы с вами беседовали, вряд ли бы вам поверили. Сочли бы очередной космической байкой.

— А вы, похоже, здорово в себе уверены.

— Абсолютно,— сказал Экайер.

Глава 10

Когда Теннисон проснулся, было еще темно. Потеряв счет времени, он лежал в мягкой, уютной, обволакивающей тишине и тьме — не спал уже, но до конца не проснулся, плохо понимая, что с ним произошло. На какое-то мгновение ему даже показалось, что он еще на Гастре. В комнате было темно, но откуда-то проникала тонкая полоска света, и, когда глаза немного привыкли к мраку, он смог разглядеть очертания предметов. Кровать была мягкая, удобная. Чувство благостной дремоты охватило его целиком, ему захотелось еще поспать, понежиться в теплых объятиях сна... Но неожиданно он понял, что что-то не так, что он не на Гастре и не на корабле. Корабль! Он рывком сел в кровати. Сон как рукой сняло. Он все вспомнил. Корабль, Джилл, Харизма...

Харизма, Боже праведный! Он сразу все вспомнил.

Руки и ноги, казалось, онемели. Он не мог пошевелиться.

«Мэри нашла рай!»

Он понял, что свет идет из-под двери, за которой гостиная. Полоска света колебалась, становилась то шире, то уже, исчезала совсем и появлялась вновь. «Это свет камина,— догадался он.— Дрова, наверное, уже давно догорели, это последние угли вспыхивают прощальным пламенем сквозь слой серого пепла...»

В темном углу комнаты шевельнулась тень, отделилась от остальных теней.

— Вы проснулись, сэр? — прозвучал дребезжащий голос.

— Да... проснулся вроде бы,— отозвался Теннисон плохо слушавшимися губами,— а ты... или вы, кто такой?

— Я Губерт,— ответила тень.— Я — ваш денщик и буду вам прислуживать.

— Я знаю, что такое денщик,— сказал Теннисон.— Это слово мне встречалось, когда я кое-что читал по истории Древней Земли. Что-то, связанное с британскими военными. Слово было такое странное, что осталось в моей памяти.

— Потрясающе, сэр,— сказал Губерт.— Я вас поздравляю. Никто не знает, что это.

Денщик вышел из комнаты. В дверном проеме его можно было разглядеть получше. Странная, угловатая, человекоподобная фигура — сочетание силы и уверенности.

— Не пугайтесь, сэр,— сказал он, обернувшись.— Я робот, но я не причиню вам вреда. Единственная моя цель — вам прислуживать. Включить свет? Вы готовы?

— Да... готов. Пожалуйста, включи свет.

На столике, стоявшем у дальней стены гостиной, зажглась лампа. Гостиная как гостиная, все как вчера: солидная, крепкая мебель, сияние металлических кнопок на обивке, мягкий блеск старого дерева, картины на стенах.

Теннисон отбросил одеяло и обнаружил, что раздет догола. Свесил ноги с кровати и встал на ковер. Потянулся к стулу, на который ночью бросил одежду. Одежды не было. Поднял руку, откинул со лба волосы, потер щеки и почувствовал, что оброс щетиной.

— Ваш гардероб пока не прибыл,— пояснил Губерт.— Но мне удалось раздобыть для вас смену одежды. Ванна вон там, завтрак готов.

— Сначала ванну,— сказал Теннисон решительно.— Душ у вас тут есть?

— Есть и ванна, и душ. Если желаете, я приготовлю ванну.

— Не стоит. Обойдусь душем. Это быстрее. А мне надо спешить. Есть работа. Что слышно о Мэри?

— Поскольку я предполагал, что вам это будет интересно,— продребезжал Губерт,— я навестил ее примерно час назад. Сестра сказала, что дела идут на лад и протеин-Х ей помогает. В ванной, сэр, вы найдете полотенца, зубную щетку и принадлежности для бритья. Когда вымоетесь, я дам вам одежду.

— Благодарю,— сказал Теннисон.— Да ты просто профессионал. Тебе часто приходится выполнять такую работу?

— Я — денщик мистера Экайера, сэр. Нас у него двое. Так что он меня вам одолжил.

Выйдя из ванной, Теннисон обнаружил, что кровать аккуратно прибрана и на ней стопкой сложена его одежда.

Робот Губерт, которого он теперь мог разглядеть как следует, был очень похож на человека — идеализированного такого, с иголочки. У него была лысая голова, и полированная металлическая поверхность не оставляла никаких сомнений в том, что она именно металлическая, но вся фигура робота была выполнена исключительно декоративно, даже иллюзия была, что он одет.

— Желаете позавтракать? — поинтересовался робот.

— Нет, пока только кофе. Позавтракаю попозже. Погляжу, как там Мэри, и вернусь.

— Кофе будет подан в гостиной,— сообщил робот.— Перед камином. Сейчас разведу огонь получше.

Глава 11

Обойдя здание клиники, Теннисон обнаружил, что позади него находится сад. Всходило солнце, и горы, подступавшие к Ватикану с запада, казались еще ближе, чем были на самом деле. Громадная стена, синева которой менялась от основания к вершинам: внизу горы были темно-синие, почти черные, а вершины искрились алмазным блеском в первых лучах утреннего солнца. Сад поразил Теннисона аккуратностью и ухоженностью. Сейчас, в эти первые утренние часы, здесь царили тишина и нежность. По саду разбегались в разные стороны вымощенные гравием дорожки, обрамленные ровно подстриженными кустиками и изящно составленными композициями цветов на клумбах. Многие кустарники и цветы цвели или отцветали. Разглядывая растения, Теннисон с трудом вспоминал названия. Вдалеке, по правую сторону, он различил три фигуры в коричневых балахонах, которые медленно, как бы в глубоком раздумье, двигались по дорожке, склонив поблескивающие в лучах солнца головы, опустив на грудь стальные подбородки. Прохлада ночи постепенно уступала теплу лучей утреннего солнца. В саду было так спокойно и красиво, что Теннисон поймал себя на мысли: «Мне тут нравится». На том месте, где пересекались сразу три дорожки, он обнаружил каменную скамью и присел на нее, чтобы полюбоваться на синюю стену гор.

Он сидел, смотрел и сам себе удивлялся — такого ощущения он не испытывал долгие годы: покой, удовлетворение своим трудом. У Мэри дела шли неплохо, возможно, она была на пути к полному выздоровлению, хотя наверняка судить было еще, пожалуй, рано. Но лихорадка отступала, пульс становился все лучше, одышка пошла на убыль. Может быть, ему показалось, но однажды он заметил кратковременный проблеск сознания во взгляде Мэри. Она была очень стара, конеч-

но, но в ее изможденном, жалком теле он чувствовал волю и силы сражаться за жизнь.

«Наверное,— думал он,— ей есть за что бороться». Она нашла рай, так сказал Экайер. Пусть это полная бессмыслица. Но если она так думает, это может быть для нее смыслом возвращения к жизни: желание узнать о рае побольше. По крайней мере то, что рассказал ночью Экайер, приобретало какой-то смысл: жизнь Мэри должна быть спасена, чтобы она могла побольше узнать о рае.

«Логики в этом нет никакой,— продолжал он беседу с самим собой.— Может быть, это какой-то местный анекдот, привычная шутка ватиканская, а может, и не ватиканская, а хорошая исключительно в кругу тех, кто занят работой в Поисковой Программе».

Хотя... нет, не похоже, чтобы Экайер шутил, рассказывая об этом. Он сказал Экайеру, и сейчас, сидя здесь, в саду на скамейке, снова повторял себе то же самое: рай, Царствие Небесное — это нечто такое, что существуй оно даже на самом деле, «найдено» в прямом смысле слова быть никак не могло. «Царствие Небесное — это состояние души» — так он сказал Экайеру, и тот не нашел что возразить. Однако было очевидно, что Экайер, человек неглупый и имевший собственное мнение, не совсем разделявший веру Ватикана, почему-то все-таки полагал, что рай может быть обнаружен.

«Бессмыслица, чушь,— твердил про себя Теннисон.— Ни капли логики. И все же,— думал он,— это, по всей вероятности, не исключительное проявление бессмыслицы, а закономерный итог целых столетий царствования бессмыслицы».

Логики не было никакой, а ведь робот всегда, во все времена был знаменит именно логикой. Само понятие роботехники напрямую основано на логике. Экайер сказал, что роботы трудились над самоусовершенствованием, эволюционировали. Трудно поверить, что процесс эволюции мог привести к снижению уровня логики — краеугольного камня в создании роботов.

«Чего-то я не понимаю,— думал он.— Есть во всей этой кажущейся нелогичности нечто такое, какой-то фактор, а может, и не один, которые мне неизвестны. Ватикан, судя по всему,— крепкий орешек, так сразу не расколешь».

Десять столетий беззаветного труда вложено в него, и труд продолжается: уникальная попытка создать непогрешимого Папу, исследование, направленное на поиск всех составляющих, из которых, как из кирпичиков, должно быть воздвигнуто могучее здание универсальной религии.

«Да,— думал он,— слишком резво взялся я судить обо всем этом. Пожалуй, жизни одного человека не хватит, чтобы обнаружить хотя бы намек на какую-то точность и справедливость. Придется думать, смотреть, слушать, спрашивать, где можно, пытаться почувствовать, что тут происходит, познакомиться с теми, кто тут работает».

Размышляя подобным образом, он вдруг изумленно поймал себя на том, что принял решение, хотя никакого решения вроде бы принимать не собирался. Если он решил смотреть, слушать, спрашивать, какой из этого вывод? Один-единственный: он решил остаться здесь.

«Ну а почему бы и нет?» — спросил он самого себя. Путь с этой планеты был только на Гастру, а в обозримом будущем именно туда ему хотелось попасть меньше всего. Здесь же было совсем неплохо, по крайней мере пока. Оставшись тут, он обретал возможность заняться своим прямым делом, и работа обещала быть ему по силам: следить за здоровьем людей, работавших в Ватикане. Ну, может быть, иногда нужно будет помочь кому-то из поселка. Жилье ему предоставили совсем неплохое, к нему приставлен робот-слуга, скорее всего, его тут ждут встречи с интересными людьми. Когда он бежал с Гастры, он думал только о том, чтобы найти убежище, а здесь нашел такое убежище, о котором даже мечтать не мог. Место, конечно, странное, но со временем можно привыкнуть. Не хуже Гастры, по крайней мере.

Он сидел на скамье и лениво водил носком туфли по гравию дорожки.

«Да,— думал он,— решение я принял гораздо быстрее, чем ожидал».

Пожалуй, он еще вчера ночью согласился бы на предложение Экайера, не прояви тот такую настойчивость и не намекни, что у Ватикана есть средства, с помощью которых его могут заставить тут задержаться. И с чего это Экайеру вдруг понадобилось угрожать ему?

«Ну ладно,— решил Теннисон,— угроза это или нет, но остаться стоит. Деваться-то все равно некуда».

Он поднялся со скамейки и пошел дальше, в глубь сада.

«Погуляю еще немного и вернусь,— решил он,— а Губерт пока завтрак приготовит».

Но дело, конечно, не в том, чтобы потянуть время до завтрака, и он это отлично понимал. Просто пройдет еще немного времени, и все здесь, в саду, изменится — солнце поднимется повыше, и все станет другим. Исчезнет это мягкое, нежное очарование, чудо раннего утра — исчезнет и не вернется, то есть, может, и вернется для кого-то другого, но не для него. Здесь, именно здесь, к нему пришло верное решение. Без мучений и душевных метаний, без сожаления он решил, что должен остаться здесь.

Впереди дорожка круто поворачивала, и на углу, на самом повороте, красовались заросли невысоких кустов с алыми цветами. Свернув по дорожке, Теннисон остановился как вкопанный. Около кустов присел, работая садовыми ножницами, робот. Алые цветы изумительной красоты были усыпаны алмазными капельками утренней росы. Драгоценными бриллиантами сверкали они на красном бархате лепестков.

Робот взглянул на него снизу вверх.

— Доброе утро, сэр,— поприветствовал он Теннисона.— Вы, вероятно, врач, который прибыл вчера вечером?

— Да, именно так,— сказал Теннисон.— А ты откуда знаешь?

Робот покачал головой.

— Не я один,— сообщил он.— Все уже про вас слышали. Тут это дело обычное. Стоит чему-нибудь произойти, и все сразу знают.

— Понятно,— кивнул Теннисон.— А скажи-ка мне, это, случайно, не розы?

— Вы не ошиблись,— ответил робот.— Это цветы с Древней Земли. У нас их тут, как видите, немного, и мы их очень бережем. Они очень редкие. Вы их узнали — наверное, видели раньше?

— Однажды,— признался Теннисон.— Очень, очень давно.

— Вы, конечно, знаете,— сказал робот, пощелкивая ножницами,— что мы и сами с Земли. Связи с планетой-прародительницей давно прерваны, но мы старательно сберегаем все, что нам осталось в наследство. А вы, сэр, когда-нибудь бывали на Земле?

— Нет,— признался Теннисон.— Ни разу. Не многие люди там бывали.

— Ясно,— кивнул робот.— Это я просто так спросил.

Он щелкнул ножницами, срезал один цветок с длинным ровным стеблем и протянул его Теннисону.

— Примите, сэр, от меня на память этот кусочек Древней Земли.

Глава 12

Енох, кардинал Феодосий, был такого маленького роста, что, казалось, еще чуть-чуть — и его совсем не станет видно под лиловой мантией, в которую он был облачен. Он бы выглядел совсем как человек, если бы его лицо под алой митрой не отливало стальным блеском. Только этот отблеск и выдавал в нем робота.

«Хотя,— сказала себе Джилл Робертс,— "выдавал" — не то слово. Ни кардинал Феодосий, ни остальные его собратья вовсе не старались подделываться под людей. Пожалуй,— решила она,— они даже гордятся тем, что роботы». Если судить по тому, чего они добились, чего достигли здесь, на Харизме,— им было чем гордиться.

Робот-послушник, который провел ее в кабинет кардинала, закрыл за ней дверь и встал там, заслонив дверной проем широченной спиной, расставив ноги и заложив руки за спину. В кабинете было темно, единственная свеча мерцала на столе, за которым восседал кардинал.

«Почему свеча? — удивилась Джилл.— Зачем она понадобилась, когда есть электрическое освещение? Показуха,— решила она.— Столько здесь показушного, витринного».

Алые, расшитые золотом занавеси свисали со стен. Если тут и были окна, они скрыты тяжелыми портьерами. Пол был покрыт ковром, в полумраке невозможно различить его цвет. Может быть, он тоже был красный, хотя в тусклом свете свечи казался черным.

«Нет, не может быть, чтобы ковер был черный,— решила Джилл.— Кому придет в голову стелить черный ковер?»

Вдоль стен была расставлена какая-то мебель, но какая именно, было неясно — призрачные тени, похожие на притаившихся перед прыжком чудовищ.

Джилл медленно пошла вперед, к столу кардинала, стараясь соблюдать этикет, с которым ее с утра ознакомили. Ей следовало подойти, опуститься на колени, поцеловать кольцо на протянутой руке кардинала, не вставать с колен, пока он не позволит, а затем стоять, пока он не разрешит сесть. Обращаться к кардиналу следовало «ваше преосвященство», но после первого обмена любезностями его можно было именовать просто «преосвященный». Что-то ей еще передали, но теперь у нее все вылетело из головы.

«Но я справлюсь,— уговаривала она себя,— бывали у меня в жизни переделки и похуже. Ну, подумаешь, нарушу немножко этикет, что такого ужасного может случиться? Не убьют же, в конце концов. Самое большее — сочтут глупой бабой, у которой ничего дурного на уме нет».

Она шла медленно, надеясь, что в таком ее шествии есть некая торжественность, но и это вызывало у нее сомнения. Кардинал запросто мог решить, что она так медленно идет, потому что у нее дрожат коленки. Но она вовсе не дрожала. Бояться робота, пусть даже кардинала, на самом краю Галактики — еще чего не хватало! Кардинал сидел не шевелясь, ждал, пока она подойдет, наверное, разглядывал ее.

Джилл остановилась примерно в трех футах от кресла кардинала. Опустилась на колени. Кардинал протянул ей руку, знаком велел ей встать, и она поднялась с колен.

— Мисс Робертс,— сказал кардинал низким и глубоким голосом.

— Ваше преосвященство.

— Прошу вас садиться.

Он указал на стул по другую сторону стола.

— Благодарю,— ответила Джилл и села на указанное место.

Мгновение в кабинете царила тишина, затем кардинал проговорил:

— Вероятно, из вежливости я должен поинтересоваться, как вы долетели и было ли приятным ваше путешествие. Но поскольку я хорошо знаю, на каком корабле вы добирались, я понимаю, что путешествие приятным быть не могло. Смею выразить надежду, что оно не было таким уж плохим?

— Не слишком плохим, ваше преосвященство. Капитан — очень любезный человек. Он делал все, что мог.

Кардинал склонился к столу, взял несколько сколотых вместе листков бумаги.

— Мисс Робертс,— сказал кардинал,— вы очень настойчивы. Мы получили от вас несколько писем.

— Да, ваше преосвященство. На которые мне не ответили.

— Мы сделали это,— объяснил кардинал,— намеренно. Мы не имеем обыкновения отвечать на письма. В особенности на такие, как ваши.

— Мне следует сделать вывод, что мое присутствие здесь нежелательно?

«Ну вот,— вспомнила она,— вот и ошибка — забыла назвать его "преосвященным"».

Было непонятно, заметил ли это кардинал, но замечания не сделал.

— Не знаю,— сказал он,— как бы вам объяснить нашу тактику, чтобы не показаться невежливым.

— Не стесняйтесь, ваше преосвященство, будьте невежливым. Я должна знать правду.

— Мы не испытываем желания,— ответил кардинал,— чтобы о нашем существовании и том, чем мы занимаемся, стало широко известно.

— Но вы могли бы, преосвященный, сообщить мне об этом раньше, до того, как я отправилась в путешествие. Я бы прислушалась к голосу разума, поняла ваше желание, вашу позицию. Но вы, вероятно, рассчитывали, что, игнорируя мои письма, не отвечая на них, вы сумеете разочаровать меня в моих намерениях?

— Мы на это надеялись, мисс Робертс.

— Как видите, ваш психологический трюк не удался, ваше преосвященство. Честное признание своей позиции помогло бы вам лучше.

Кардинал вздохнул.

— Это упрек?

— Не думаю,— ответила Джилл.— Обычно я стараюсь ни в чем не упрекать высокопоставленных лиц. Никогда не была большой любительницей вступать в споры. Но мне все-таки кажется, что я заслуживала лучшего обращения. В своих письмах я была откровенна. Я писала вам о том, что мне хотелось

бы сделать, что я надеялась сделать. Вы бы могли, ваше преосвященство, прямо и честно ответить, что мое присутствие тут нежелательно.

— Да, мы могли так поступить,— согласился кардинал.— Это действительно было бы более честно по отношению к вам и более порядочно с нашей стороны. Но... мы полагали, что такой ответ вызовет нежелательный интерес, еще больший интерес к тому, чем мы здесь занимаемся. Отказ принять вас мог означать, что наша работа носит некий секретный характер, а так оно и есть. Вместо того чтобы отбить у вас охоту лететь сюда, мы таким образом создали бы впечатление, что все происходящее здесь еще более важно и таинственно, чем вы предполагали. Да, мы работаем с минимальной оглаской и крайне заинтересованы в том, чтобы все оставалось так, как есть. Мы трудимся уже десять столетий и за это время добились некоторых результатов, но все же продвинулись не так далеко, как надеялись. Для достижения цели могут понадобиться еще многие тысячелетия, и, чтобы выполнить намеченное, мы должны трудиться без помех. Мы не хотим, чтобы про нас узнала вся Галактика.

— Ваше преосвященство, но каждый год к вам прибывает великое множество паломников!

— Это верно. Но это капля в море по сравнению с той оглаской, которая произошла бы, если бы о нас написал журналист с вашей репутацией и квалификацией. Паломники прибывают с разных планет, многие из них — приверженцы тайных культов — и что-то где-то о нас слыхали. Но именно потому, что культы у них тайные, а паломники, исповедующие их, разбросаны по многочисленным планетам и мало кто из них прилетает к нам большими группами с какой-либо одной планеты, можно с уверенностью заявить, что паломничество не носит такого массового характера, как может показаться на первый взгляд. Знания о нас рассеяны, как сами паломники. Мы никого не посвящаем в нашу веру, мы не проповедуем, не осуществляем никакой миссионерской деятельности в Галактике. У нас, собственно, и нет никакого благовестия пока, чтобы его проповедовать. Когда-нибудь настанет время, и мы обретем благовестие, но пока, как я вам сказал, его у нас нет. Однако мы не можем, не имеем права захлопнуть двери перед теми, кто ищет встречи с нами. Мы должны сделать

для них все, что можем. Кроме того, честность обязывает меня признаться, что мы рады их пожертвованиям, поскольку нас никто не финансирует...

— Позвольте мне написать о вашей работе, преосвященный, и вы получите финансирование. У вас появится любая необходимая вам поддержка.

Кардинал сделал отрицательный жест.

— Такая поддержка,— сказал он печально,— обойдется нам слишком дорого. Нам еще очень многое предстоит сделать, и мы должны следовать по избранному пути сами, и так, как мы желаем. Вслед за помощью из Галактики на нас неизбежно обрушилось бы давление, а это помешало бы нашей работе. Как бы мы ни преуспели, мы обязаны делать вид, что успехи наши невелики. Любая шумиха, любая реклама сработают против нас. Мы должны быть преданы своей мечте — созданию универсальной религии, а на все остальное просто не имеем права тратить время. Огласка уничтожит нашу цель. Вы понимаете?

— Стараюсь понять, ваше преосвященство,— ответила Джилл.— Но, право же, неужели для того, чтобы добиться цели, стоит окружать себя такой тайной?

— Мисс Робертс, именно этого мы и добиваемся. Если бы мы не скрывались, нам бы очень мешали. Нашлись бы, наверное, не только такие, кто действовал бы из добрых побуждений, но и те, кто желал бы повредить нам. Даже сейчас...

Об оборвал себя на полуслове и не мигая посмотрел на Джилл.

— Даже сейчас, преосвященный,— повторила Джилл.

— Попробуйте представить себе,— сказал он,— что даже сейчас мы обладаем кое-чем, что могло бы быть использовано на пользу Галактике, но пока никому ни при каких обстоятельствах не может быть передано, до тех пор, пока мы не убедимся, что знаем об этом абсолютно все. Существуют силы, я в этом абсолютно уверен, которые мечтали бы похитить у нас то, чем мы обладаем, украсть наши знания для своих корыстных целей, в то время как их совершенно не будет интересовать целостная картина познания, к которой мы так стремимся. Мы боимся не за себя — мы боимся за всю Галактику, может быть за всю Вселенную. Наша структура должна оставаться неприкосновенной. Когда работа будет завершена, мы обре-

тем неделимые, целостные знания, основанные на логике, которую никому не удастся опровергнуть, которая будет очевидна для любого, кто прикоснется к ней. Это Знание, эту Истину нельзя будет растащить по кусочкам и вынести на продажу с лотка. А опасность подобного разворовывания мы осознавали с самого начала. Все эти годы ощущение опасности не покидало нас. Даже сейчас мы боимся этого, даже сейчас, когда трудимся в строжайшей тайне, мы не без основания подозреваем, что кто-то крадет знания, отщипывает по кусочку, как мышка отщипывает крошки от большого куска сыра. Мы не знаем, кто это делает, как ему или им это удается, не знаем даже, какова цель этого мелкого воровства, но мы уверены, что кто-то этим занимается. Конечно, с этим можно было бы и смириться, но если мы раскроемся для всей Галактики, если вы о нас напишете...

— Вы хотите, чтобы я уехала,— грустно сказала Джилл.— Вы хотите, чтобы я повернулась и ушла...

— Мы старались быть откровенными с вами,— сказал кардинал.— Я попытался все вам объяснить. Убеждая вас, я, вероятно, наговорил много лишнего. Мы вообще могли отказаться от встречи с вами, но мы понимаем, что у вас нет намерений навредить нам, что вы, по всей вероятности, даже не задумывались, какие последствия могут повлечь за собой ваши действия. Мы искренне сожалеем о неприятностях и издержках, которые вы понесли. Нам хотелось, чтобы вы не прилетали сюда, но раз уж так вышло, мы чувствуем себя обязанными оказать вам некоторые любезности. Хотя вам, наверное, кажется, что мы принимаем вас не слишком тепло. Мы надеемся, что вы подумаете о том, что я вам рассказал, мисс Робертс. По всей вероятности, вы остановились в Доме Людей?

— Да,— ответила Джилл.

— Пожалуйста,— сказал кардинал,— не откажитесь быть нашей гостьей. Вам будет предоставлен номер, и вы можете оставаться в Ватикане сколько захотите. Естественно, мы возместим все расходы, связанные с вашим перелетом сюда. И выплатим что-то вроде командировочных за каждый день вашего пребывания здесь. Окажите нам такую любезность: будьте нашей гостьей, и у вас будет время подумать над тем, что я вам рассказал.

— Ваше приглашение — большая честь для меня, преосвященный,— сказала Джилл.— Но я не собираюсь так сразу отказываться от задуманного. Уверена, что мы еще раз встретимся и поговорим.

— Да, мы сможем еще поговорить. Но думаю, что это ничего не даст. У нас слишком разные взгляды, мисс Робертс.

— Но, может быть, вы могли бы мне рассказать о каких-то аспектах вашей работы, которые можно поведать миру без опаски. Не всю историю, конечно, но...

— Мисс Робертс, у меня к вам другое предложение.

— Другое, ваше преосвященство?

— Да. Не хотели бы вы поработать для нас? Мы можем предложить вам неплохое место.

— Место? Я не ищу работу.

— Не торопитесь отказываться, мисс Робертс. Позвольте, я кое-что вам объясню. Уже многие годы мы говорим о том, что было бы крайне желательно написать общую, авторизованную историю Ватикана-17, исключительно для внутреннего пользования. В течение столетий мы копили данные, которые должны войти в историю,— фиксировали все события с того самого дня, когда высадились на этой планете, писали отчеты о нашей работе, обо всех успехах и неудачах. Все это лежит здесь и ждет изучения и обобщения, но так уж вышло, что мы сами никогда этим не занимались. С одной стороны, руки не доходили, а с другой — у нас не было человека или робота, кому была бы по плечу такая работа. Но теперь...

— Теперь, преосвященный, вы думаете, что я могла бы написать для вас вашу тысячелетнюю историю. Детально, подробно, насколько я понимаю. Сколько же это будет страниц рукописи? Как вы себе представляете, сколько времени на это уйдет? Одна жизнь, две? Сколько вы мне за это заплатите?

— Мы заплатим хорошо, не сомневайтесь,— ответил кардинал.— Больше, гораздо больше, чем вы зарабатываете, порхая по всей Галактике и разыскивая темы для книг и статей. У вас будут оптимальные условия для работы. Любая помощь. Удобное жилище. Торопить вас никто не будет.

— Заманчиво,— сказала Джилл.

— А пока как минимум примите наше гостеприимство. Вам покажут свободные комнаты. Выберите те, которые вам боль-

ше понравятся. В Дом Людей вам возвращаться нужды нет. Мы можем забрать ваш багаж и перенести сюда.

— Мне нужно подумать, ваше преосвященство.

— Прекрасно, вот здесь и подумайте. Наши комнаты гораздо удобнее...

«Боже милостивый,— думала Джилл.— Все данные здесь, все, о чем я мечтала! Все лежит, разложенное по ячейкам памяти, и ждет своего часа!»

— Вы не ответили,— сказал кардинал.

— Ваше предложение очень мило,— ответила Джилл.— Вашим гостеприимством, я, пожалуй, воспользуюсь. Что же до остального, я должна подумать.

— Думайте сколько вам угодно. Мы не будем торопить вас с ответом. Об этом можно поговорить позднее. Но позволю себе еще раз настоятельно напомнить, что ваша помощь очень, очень нам нужна. История должна быть написана. Но для того, чтобы написать ее, нужен особый талант — человеческий талант, которым здесь, пожалуй, никто похвастаться не может. Здесь, на Харизме, с талантами не густо. Планета слишком далека и примитивна, чтобы привлекать людей. Выйдите на улицу ночью, поглядите на небо, и вы увидите, как мало на нем звезд. Галактика — не более чем далекая туманность. Но в этом есть определенные преимущества. Простор для деятельности, новизна. Первозданность, которой не сыщешь на других планетах. И горы. Для наших людей, мисс Робертс, горы — постоянный источник высочайшего наслаждения.

— Не сомневаюсь, ваше преосвященство,— ответила Джилл.

Глава 13

— Это,— объяснил Экайер Теннисону,— наш депозитарий. Здесь в виде файлов хранятся индексированные, готовые к просмотру записи и отчеты о работе, проделанной в рамках Поисковой Программы.

Помещение было очень большое. Окна отсутствовали. Бледные потолочные светильники рядами уходили вдаль. Ряды картотечных шкафов тянулись от пола до потолка ровными линиями насколько хватало глаз.

Теннисон шел за Экайером вдоль одной из таких линий. Его проводник уверенно двигался вперед, легко касаясь рукой поверхности шкафов. Теннисон, озираясь по сторонам, плелся за ним, чувствуя себя крохотной песчинкой среди этих громадин. Ему казалось, что шкафы вот-вот сдвинутся и раздавят его.

Экайер остановился и вытащил один из ящичков. Поискал или сделал вид, что ищет, среди множества маленьких хрустальных кубиков, лежавших в ящике.

— Ага, вот он,— сказал он, взяв один кубик.— Я решил взять наугад.

Он передал кубик Теннисону. Ничего особенного — прозрачный кубический кристалл, сторона которого составляла примерно четыре дюйма. Экайер задвинул ящик на место.

— А теперь,— сказал он,— если не возражаете, я хотел бы показать его вам.

— Показать?

— Да, вы могли бы посмотреть, что тут записано. А записано здесь наблюдение одного из Слушателей — то, что он видел, чувствовал, переживал. То есть вы как будто станете этим Слушателем.

Экайер смотрел на Теннисона в упор.

— Ничего страшного, уверяю вас. Больно не будет. Никакой опасности.

— Вы хотите сказать, что меня можно каким-то образом подсоединить к этому кубику?

Экайер кивнул.

— Это очень просто.

— Но зачем? — спросил Теннисон, недоумевая.— Зачем вам это?

— Затем, что я могу еще хоть трое суток распространяться о нашей работе, но толком так ничего и не сумею вам объяснить. Но если вы проведете несколько минут за просмотром кристалла...

— Это мне понятно,— кивнул Теннисон.— Но почему вы предлагаете это мне, человеку совершенно постороннему?

— Пока — постороннему, вы правы. Но мне очень хотелось бы, чтобы вы остались здесь и стали нашим сотрудником. Вы нужны нам, Джейсон. Можете вы это понять?

— Вообще-то я уже решил остаться,— признался Теннисон.— Сидел сегодня на скамейке в вашем прекрасном саду и сам не заметил, как принял решение.

— Ну вот и чудесно,— улыбнулся Экайер.— Вот и замечательно. Но что же вы молчали? Почему сразу не сказали мне?

— Потому что вы меня продолжали соблазнять,— улыбнулся Теннисон,— а мне было интересно наблюдать, как вы это делаете.

— Красиво, нечего сказать,— хмыкнул Экайер.— Но я не в обиде. Не могу вам передать, как я счастлив. Ну так как насчет кристалла?

— Я немного волнуюсь, но... если вам кажется, что это необходимо, я согласен.

— Думаю, необходимо. Для меня очень важно, да, думаю, и для вас, чтобы вы поняли, чем мы занимаемся.

— Чтобы мне стало понятнее про рай?

— Да, и не только это. Похоже, вы до сих пор настроены в этом отношении скептически.

— Да. А вы — нет?

— Не знаю,— вздохнул Экайер.— Не уверен. Все внутри меня кричит «нет!», и все же...

— Ладно,— сказал Теннисон.— Валяйте, давайте посмотрим ваш кристалл.

— О'кей. Прошу сюда.

Он вывел Теннисона из прохода между шкафами и привел в небольшую комнату, стены которой до потолка были уставлены всевозможным оборудованием.

— Садитесь вот в это кресло,— сказал Экайер.— Не волнуйтесь. Расслабьтесь, ни о чем плохом не думайте.

К креслу был подсоединен странной формы шлем. Теннисон поглядел на него с некоторым недоверием.

— Садитесь, садитесь, Джейсон,— поторопил Экайер.— Я надену на вас шлем, вложу кристалл вот в эту выемку и...

— Ладно,— вздохнул Теннисон.— Придется поверить вам на слово.

Теннисон осторожно уселся в кресло, Экайер аккуратно опустил шлем ему на голову, немного повозился, получше прилаживая его.

— Все в порядке? — услышал Теннисон его голос.

— Да, только ничего не вижу.

— Пока вы ничего видеть и не должны. Дышится нормально? Не трудно дышать?

— Нет, все нормально.

— Отлично. Начинаем.

Еще мгновение было темно, потом возник свет — призрачный, зеленоватый. Казалось, все пропитано теплой влагой. Теннисон удивленно вздохнул, но потом все стало просто и хорошо...

Вода была теплая, а ил — мягкий. Его животик был до отказа набит пищей. Никакая опасность ему не угрожала. Радостный и довольный жизнью, он зарывался поглубже в нежный, бархатистый ил. Настало мгновение, когда больше зарыться не удавалось, но он старательно шевелил ножками. Когда стало ясно, что дальнейшие старания напрасны, он оставил попытки и почувствовал себя в безопасности; он успокоился. Ему было хорошо. Слой ила над ним — все, что было нужно. Не важно, глубоко ли он зарылся, важно, что он был скрыт от глаз. Теперь ни один хищник не обнаружит его и не съест.

«Хорошо-то как,— думал он.— Двигаться не надо, нельзя двигаться... а то нападут и съедят».

У него было все, что нужно для жизни. Он ел, пока не пресытился, пока пища не утратила своей привлекательности. Ему было тепло, он был в безопасности. Он мог не шевелиться.

«Но все-таки,— думал он,— незадолго до того, как я перестал шевелиться, двигать лапками, была какая-то тревога. Что за тревога?» — спросил себя он.

До сих пор он не задавал себе никаких вопросов! До сих пор для него даже не существовало такого понятия — «вопрос»! Он был, существовал — и все. Его никогда не интересовало, что он такое.

Он беспокойно пошевелился, недовольный тем, что откуда ни возьмись появился этот вопрос и потревожил его покой. Но не это было самое худшее: что-то еще тревожило его. Ему вдруг показалось, что он — уже и не он вовсе, будто не ему пришел в голову вопрос, будто он возник не внутри него самого, а исходил откуда-то извне. А откуда? Вокруг ничего не было — только тепло неглубокого моря, нежность придонного ила, сознание того, что никакая страшная тень не ви-

сит над ним, что его никто не видит, что его не тронет страшный хищник, питающийся трилобитами...

«Боже мой! — внезапно с ужасом подумал он.— Я — трилобит!!!»

После этих слов сгустился непроницаемый мрак, но тут же рассеялся. Теннисон сидел в кресле, а перед ним со шлемом в руках стоял Экайер. Джейсон с силой выдохнул и посмотрел на Экайера.

— Пол, вы сказали, что взяли кристалл наугад. Но это не так.

Экайер улыбнулся.

— Ну, допустим, не наугад. Помните, я рассказывал вам об одном Слушателе?

— Да, о человеке, который был трилобитом. Но это оказалось настолько реально!

— Друг мой,— торжественно сказал Экайер.— Вы можете быть совершенно уверены, что это было не кино. Не развлекательный трюк. Все это время вы *были* трилобитом.

Глава 14

Вернувшись к себе, Теннисон увидел Джилл, сидевшую в кресле у камина. Теннисон кинулся к ней.

— Джилл, ты здесь! Как хорошо! А я уже волновался за тебя, хотел разыскивать.

— Губерт готовит обед,— сообщила она.— Я сказала ему, что, наверное, останусь обедать. У тебя все в порядке?

Он наклонился, поцеловал ее и уселся рядом.

— У меня все прекрасно. А у тебя как дела?

Она поморщилась.

— Не очень. Они не хотят, чтобы я писала о них. Вместо этого мне предлагают работу.

— Ты согласилась?

— Нет. Не уверена, что соглашусь. Я слышала, ты решил остаться. Это правда?

— На время по крайней мере. Чтобы пересидеть, переждать, совсем неплохое пристанище.

Она указала на одинокую розу, стоявшую в вазе на кофейном столике.

— Где ты раздобыл эту прелесть?

— Садовник подарил. Сегодня утром я тут сад нашел. Мне бы хотелось тебе его показать.

— Они предложили мне комнаты,— сообщила Джилл.— Сегодня утром я переехала. Через четыре двери от тебя. Робот, который помогал мне перебираться, сказал мне, что ты здесь. У тебя найдется что-нибудь выпить?

— Наверное, найдется. Только давай сначала я тебе сад покажу.

— Давай.

— Тебе понравится, вот увидишь!

Когда они вышли в сад, она спросила:

— Ну и чем ты так восторгался? Сад как сад. Что случилось?

— Сад тут ни при чем,— ответил Джейсон.— Просто мне кажется, что у Губерта ушки на макушке. Только скажи или сделай что-нибудь, и это моментально известно всем и каждому. Не могу поручиться, что в саду нас не подслушивают, но все-таки тут безопаснее. А поговорить есть о чем.

— Это у тебя от Гастры осталось,— сказала Джилл.— Плащ и шпага.

Он пожал плечами.

— Может, ты и права.

— Итак, ты воспользовался шансом остаться здесь. Ну что ж, ничего дурного я в этом не вижу.

— Дурного, может быть, ничего и нет,— согласился он.— Но странно. Все очень странно. Тут есть одна женщина... та самая, которую меня позвали лечить. Она утверждает, что нашла рай.

— Рай?

— Вот именно. Рай. Понимаешь, у них тут целая программа. Люди мысленно перемещаются в другие места и добывают данные, которые затем вводятся в Папу. Хотя... мне кажется, что это делается не только для того, чтобы загружать информацию в Папу. Судя по тому, что мне вчера ночью рассказал Экайер, между Ватиканом и теми, кто занят Поисковой Программой, существуют кое-какие расхождения во взглядах.

— Рай...— нахмурилась Джилл.— То есть самый настоящий рай, библейский? С золотыми лестницами, трубящими трубами и парящими ангелами?

— Что-то в этом роде.

— Но, Джейсон, это невозможно!

— Наверное, невозможно, но Мэри думает, что нашла его. Экайер в это почти верит.

— Значит, твой Экайер глуп.

— Нет, он не глуп,— возразил Теннисон.— Джилл, скажи, они тебе угрожали?

— Угрожали?

— Да, угрожали или нет? Экайер мне довольно прозрачно намекнул, что мне могут не позволить покинуть планету.

— Нет. Мне никто ничего такого не говорил. Я беседовала с кардиналом, представляешь? Лиловая мантия, алая митра. Одна свечка на весь кабинет — очень торжественно! Погоди, постой-ка... Так ты поэтому остаешься? Потому что они пригрозили, что не дадут тебе улететь?

— Нет, не совсем так. Они могли бы отпустить нас. Но угроза остается. Этим местом правит Ватикан, а как Ватикан скажет, так и будет. Это слова Экайера. Но я остаюсь потому, что так хочу,— пока. Пока мне лететь некуда. Кроме всего прочего, здесь очень неплохо. И потом, должен честно признаться: я сильно заинтригован...

— Я тоже,— кивнула Джилл.— Кардинал и слышать не хотел, чтобы я написала о них книгу или статью. Он ни слова не сказал о том, что они не позволят мне улететь. Честно говоря, я рассчитывала только на то, что он меня просто вышвырнет. А он мне работу предложил!

— *Стальной коготь в бархатной перчатке...*

— Вроде того. Вообще, довольно-таки симпатичный робот. Ох, чуть не сказала «симпатичный старичок». Довольно милый, но упрямый. Я пыталась поспорить с ним, но без толку.

— Ну а работа?

— Они хотят, чтобы я написала для них историю Ватикана, ни много ни мало. Кардинал божится, что у них тут некому этим заняться, утверждает, что робота такому обучить невозможно. Ты только представь: у них есть полное описание всего, что тут происходило с того самого момента, как сюда прибыл первый корабль. Все лежит и ждет обработки. Я, конечно, сказала «нет». Ну, то есть... если припомнить, я не отказалась наотрез. Да, вроде бы я сказала, что я должна

подумать. Но наверное, у него все-таки создалось впечатление, что я сказала «нет».

— Ну а на самом-то деле?

— Джейсон, честно, я не знаю! Подумай только! Вся их история! Лежит, дожидается, когда кто-то ее изучит и напишет. Все эти годы она была здесь, и никто к ней пальцем не притронулся.

— Но что в этом хорошего, если ты все равно не сможешь ничего отсюда вывезти?

— Вот именно. Бессмысленно. Джейсон, я похожа на мошенника?

— Ну... да, пожалуй, похожа.

— Я не смогу жить дальше, если не добьюсь своего.

— Джилл, тут что-то не так. Сначала они не разрешают тебе писать о них, а потом преподносят всю свою историю на блюдечке с голубой каемочкой. Либо они действительно хотят, чтобы история была написана, либо при любых обстоятельствах уверены, что им удастся не выпустить тебя отсюда.

— Если так,— заявила Джилл,— они много на себя берут! Не слишком ли они в себе уверены?

— Не слишком. Ровно настолько, насколько надо. Так мне и Экайер ночью сказал. Абсолютно уверены.

— Джейсон, мы, наверное, пара идиотов. Занесло нас сюда, это надо же! Конечно, если Ватикан так волнует утечка информации, единственный способ убедиться, что информация не уйдет за пределы планеты,— не дать никому отсюда выбраться.

— А паломники? Паломники прилетают и улетают.

— Кардинал мне это более или менее объяснил. Паломники, похоже, не в счет. Они с разных планет, приверженцы тайных культов, мало кем уважаемые. Их россказни никто всерьез не принимает, даже соотечественники. Религиозный дурман, одним словом.

— А Ватикану есть что прятать,— задумчиво проговорил Теннисон.— Паломники, к примеру, наверняка ничего не знают о Поисковой Программе Экайера. А Программа, пожалуй, будет поважнее самого Ватикана. Исследователи тянут знания из Галактики, из всей Вселенной, отовсюду — из пространства и времени, а может быть, у них и дальше руки доходят — за

пределы пространства и времени. Если, конечно, такие места есть. Если есть хоть одно такое место...

— Может быть, рай как раз такое место? Если вообще рай можно назвать местом.

— Главное,— покачав головой, задумчиво проговорил Теннисон,— что больше нигде ничего подобного нет. В рамках Поисковой Программы накоплены целые мили файлов с информацией, собранной за многие столетия. Все это здесь. Что они собираются со всем этим делать?

— Но... может быть, действительно скармливают Папе?

— Какому Папе, вот вопрос,— пожал плечами Теннисон.— Надо еще понять, что за Папа такой. Нет, думаю, не вся информация уходит туда. Экайер мне так и сказал, что не вся. И еще он мне кое-что сказал. Сейчас постараюсь вспомнить поточнее... Ну, будто постепенно Ватикан стал своеобразным прикрытием для выполнения Поисковой Программы. Да, вроде бы вот так он и сказал. И еще попросил, чтобы я об этом никому из Ватикана не проболтался. Дал понять, что кое-кто из старожилов здешних может быть недоволен.

— Да, у Ватикана свои заботы,— проговорила Джилл.— Кардинал мне тоже кое-что рассказал. Выглядело так, будто он мне жаловался, хотя это вряд ли. Но... он и, похоже, еще некоторые кардиналы уверены, что у них кто-то потихоньку ворует информацию. «Мелкое воровство» — именно так он сказал. А больше всего его беспокоит, что они даже не догадываются, кто или что этим занимается...

Глава 15

Енох, кардинал Феодосий, разыскал своего ближайшего помощника — Сесила, кардинала Робертса.

— Преосвященный,— сказал он,— мне кажется, нам с вами есть о чем побеседовать.

— Вы озабочены, преосвященный,— ответил Робертс.— Что происходит?

— Прибыли двое новеньких. Люди, мужчина и женщина.

— Что вам о них известно?

— О мужчине — ничего. Экайер назначил его на должность врача Ватикана. Похоже, он бежал сюда, спасаясь от возмездия.

— А вы с Экайером об этом говорили, преосвященный?

— Нет, не говорил. В последнее время с Экайером вообще стало невозможно разговаривать.

— Да, знаю,— кивнул Робертс.— Такое впечатление, будто он возомнил, что его Поисковая Программа — наше главное дело. Если хотите знать мое мнение, преосвященный, то я считаю, что он чересчур возгордился. Много на себя берет.

Феодосий вздохнул.

— Да, друг мой... Как бы мы ни восхищались людьми, попадаются среди них такие, с которыми порой очень трудно ладить.

— Ну а женщина, преосвященный?

— Я беседовал с ней утром. Она — писательница. Вы только представьте себе: писательница! Это она написала нам все эти письма. Я вам рассказывал про письма?

— Да, как будто рассказывали.

— И она хочет написать о нас.

— Написать о нас?

— Да. Это же было во всех письмах. Вы их читали или нет?

— Читал конечно. Но у меня это как-то вылетело из головы. Это, безусловно, невозможно. Просто наглость!

— Да. Наглость,— подтвердил Феодосий.

— Вы ей сказали, что это невозможно? — спросил Робертс.

— Да, но она настаивала на своем. Она очень упрямая женщина. В конце концов я предложил ей работу.

— Простите меня, преосвященный, но у нас здесь нет никакой работы!

— Работа есть,— возразил Феодосий.— Все эти годы мы говорили, что было бы хорошо, если бы кто-то взялся написать историю Ватикана. Мы мечтали о том, чтобы она оказалась на бумаге, чтобы любой мог читать и радоваться. Мы даже говорили, что хорошо было бы создать робота нового типа, который смог бы написать нашу историю. Но... похоже, роботы не приспособлены для того, чтобы писать что-то такое... художественное. Да, пожалуй, робота, который умел бы писать книги, нам не удастся сконструировать. А тут вдруг такой подарок судьбы — она прилетела сама, добровольно и может написать то, что нам нужно.

— Господи милосердный, и что же она вам ответила?

— У меня такое впечатление, что она без ума от моего предложения. Но я не об этом с вами хотел поговорить.

— Нет? А я думал, что именно об этом — о новых людях, мужчине и женщине.

— О, конечно, и о них тоже, но не только о них. В последние годы в нашу жизнь вторглись три человека...

— Три? Кто же третий?

— Третий — Декер. Кто он такой? Что нам о нем известно?

— Согласен,— кивнул Робертс.— Знаем мы о нем немного. Нам неизвестно, как он сюда попал. Он не прибыл на «Страннике», а я не знаю другого способа попасть сюда человеку. Но может быть, вы, преосвященный, знаете о нем больше? Вы ведь с ним говорили?

— Несколько лет назад,— кивнул Феодосий.— Вскоре после того, как он тут объявился. Я переоделся простым монахом и навестил его, стараясь изобразить обычное гостеприимство. Разыграл такого, знаете, тихого, скромного, но любопытного монашка. Я подумал, что с монахом он будет более откровенен, чем с кардиналом. Но я ровным счетом ничего не узнал. Ничего он мне не сказал. Человек он довольно симпатичный, но неразговорчивый, замкнутый. А теперь эти двое — мужчина и женщина. Скажите, преосвященный, зачем нам нужен врач-человек? Мы могли бы за сравнительно недолгий срок обучить кого-то из наших роботов лечить людей, и он был бы таким же знающим и умелым, как любой из докторов-людей. А может, и получше, поскольку у нас есть доступ к самым последним достижениям медицинской науки.

— Да,— вздохнул Робертс,— это я понимаю. Мы часто об этом беседовали. Периодически нам приходится искать врача для людей со стороны. Это весьма прискорбно. Нам не нужны посторонние. Старый доктор, который умер — это для людей, к сожалению, неизбежно,— был совсем, совсем неплох. Хотя, как вы, наверное, помните, поначалу мы в нем сомневались. А тот, кто заменил его, был просто невыносим. Люди в городке и в Ватикане, за исключением Слушателей, которых мы набираем не много,— все коренные жители, потомки тех, кто живет тут уже несколько столетий. Их нам бояться нечего. Они — почти одно целое с нами. А вот те, кто прибыл со стороны, представляют собой реальную опасность. Они не привыкли к нам, а мы — к ним.

— И все-таки,— покачал головой Феодосий,— даже наши люди, потомки тех, кто здесь живет уже несколько столетий, и те вряд ли согласятся лечиться у врача-робота. Это огорчает меня, преосвященный. Это указывает на глубокую социальную пропасть, которая до сих пор существует между людьми и роботами. Я так надеялся, что за столько лет эта пропасть исчезнет. Конечно, между роботами и людьми есть различия, но...

— Я склонен полагать, преосвященный друг мой,— сказал Робертс,— что подсознательно люди боятся нас, поскольку от нас, если можно так выразиться, до сих пор пахнет машинами. А спроси их об этом прямо, они конечно же начнут бить себя в грудь и утверждать, что ничего такого не думают, и сами будут верить, что говорят чистую правду, но это не так — я уверен. Что касается робота-врача, то, согласен, мы могли бы предложить им такого, но сомневаюсь, что это стоит делать. Здесь, на Харизме, мы могли бы обойтись с людьми по-разному. Могли бы, к примеру, завалить их предметами роскоши, но тогда им могло бы показаться, что мы преклоняемся перед ними, и они возгордились бы. Можно было сделать из них нечто вроде маленьких домашних зверушек — пристально следить за каждым их шагом, предупреждать все их желания, оберегать от любой опасности. Но этого нам делать не следует. Мы не имеем права оказывать на них какое бы то ни было давление. Мы должны позволить им идти своей дорогой и сохранять чувство собственного достоинства.

— В итоге мы столкнулись с дилеммой,— констатировал Феодосий.— Мы сражаемся сами с собой. Нам все время мешает то уважение, то безотчетное поклонение, которое мы испытываем перед людьми. Это ответ на их отношение к нам, и мы никак не можем от этого избавиться. Конечно, речь прежде всего о вас и обо мне, о таких, как мы. Мы созданы людьми. Мы стоим к ним слишком близко. Некоторые из роботов второго и третьего поколений могли бы избавиться от этого поклонения перед людьми. А мы пытаемся убаюкать себя, твердя, что мы нечто иное, чем продолжение рода человеческого. Да, нам хочется так думать — как можем мы думать иначе, если столько лет повторяем это наизусть? Но горькая, ужасная

правда состоит в том, что мы — продукт, создание рук человеческих.

— Преосвященный,— мягко проговорил Робертс,— вы излишне строги к себе и ко всем нам. Мы, может быть, действительно, как вы выразились, продукты, но мы так упорно трудились последнее тысячелетие, и наши труды не пропали даром — смею утверждать, мы поднялись над уровнем продуктов! Да, наше отношение к людям не дает нам покоя до сих пор. Но если вы задумаетесь, то поймете, что муки наши беспричинны. В течение столетий мы искали универсальный принцип, который мог бы быть применен ко всем — не только к людям и роботам, но ко всякому разумному существу, хоть с проблеском сознания. Преосвященный, мы оплатили свой долг. Мы заработали право быть самими собой.

— Но почему же меня так беспокоят эти трое? Не возникло ли у меня то отношение, которое испытывает ребенок по отношению к строгому отцу? Придет, посмотрит на мои шалости и накажет...

— Все мы, преосвященный, не вы один,— сказал Робертс,— согнуты, придавлены комплексом неполноценности. Это, увы, наш крест, и приходится его нести. Дайте нам еще несколько тысячелетий, и мы избавимся от него.

— Как верно вы говорите, преосвященный, как верно... По трезвом размышлении я нахожу внутри себя столько вины, столько грехов — о, это невозможно выразить словами! Порой бывают времена, простите меня, преосвященный, когда мне приходится испытывать вину за то, что мы стали создавать его святейшество. Я говорю с самим собой и спрашиваю себя: не святотатство ли это? Ведь на самом деле — его святейшество всего-навсего один из нас, никакой не святой, а просто-напросто машина, еще один значительно усовершенствованный робот, кибернетическая тень, которой мы слепо поклоняемся...

— Ваше преосвященство! — в ужасе воскликнул Робертс.— Надеюсь, вы больше никому не высказали этих еретических мыслей? Как старый друг, я могу отпустить вам этот грех, но...

— Клянусь всем святым, я никогда никому не говорил об этом,— сказал Феодосий.— Только вам, старому товарищу. Я бы и сейчас не сказал, если бы не стечение обстоятельств. Видение рая, бывшее одной из наших Слушательниц...

— Да, очень плохо,— согласился Робертс.— На братию это подействовало гораздо сильнее, чем я ожидал. Я надеялся, что слух пройдет и о нем скоро позабудут. Слушательница Мэри, как я слышал, была на пороге смерти. Умерла бы — и всей этой глупости пришел бы конец. Но этот врач...

Глава 16

Мэри поправлялась. Температура снижалась, одышка почти исчезла. Взгляд ее становился все более осмысленным, и она уже узнавала тех, кто ухаживал за ней, могла сидеть в постели.

Те, кто знал Мэри раньше, не могли не заметить разительных перемен в ее поведении. Она стала карикатурно величественной — этакая престарелая, потрепанная гранд-дама. Ворчала на Теннисона, помыкала сестрами, игнорировала предписания.

— Это все из-за рая, я уверен,— высказал как-то предположение Экайер.— Она теперь считает, что стала лучше, выше других Слушателей. Конечно, она и была одной из лучших. Многие годы она добывала для нас ценнейшую информацию. Но такой важной ни она, ни кто другой еще не разыскивали никогда. И как это ни парадоксально, я опасаюсь, что эта находка поставит на ней крест как на Слушательнице. Быть хорошим Слушателем означает преданность делу, искренность и скромность. Сама задача Слушания достигается через глубокое смирение. Слушатель призван смирять себя, укрощать свою гордыню, должен стараться свести на нет собственное «я». Очень жаль, что клоны Мэри...

— Да, насчет клонов,— кивнул Теннисон.— Ты уже както говорил мне про клоны, но коротко. Хочешь сказать, что вы ухитрились создать других Мэри?

— Примерно так,— согласился Экайер.— Когда нам попадается выдающийся по своим способностям Слушатель, мы прибегаем к клонированию. Это недавнее достижение. Смею предположить, что биоинженерной лаборатории Ватикана удалось в этом плане опередить всю Галактику. Точные, четкие повторения избранного субъекта — до сих пор не наблюдалось никаких аберраций. Хороших Слушателей найти очень трудно. Такую Слушательницу *потерять* мы просто не имеем

права и должны дублировать ее. У нас уже есть три ее клона, но пока это маленькие дети. Они растут. Но даже когда они вырастут, у нас нет гарантии, что хотя бы один из них найдет путь к раю. Мы можем надеяться, что у них будет для этого больше возможностей, чем у других Слушателей, которые с Мэри кровными узами не связаны. Да, ее дубли будут прекрасными Слушателями, но насчет рая мы все равно не можем быть уверенными.

— Значит, Мэри — ваша единственная надежда?

— Именно так,— покачал головой Экайер.— Самое печальное, что она это знает. Вот почему она стала такая важная.

— Могу я тут чем-нибудь помочь? Сделать что-нибудь такое, чтобы подкорректировать это состояние?

— Не трогай ее, Джейсон,— посоветовал Экайер.— Обращай на нее поменьше внимания. Чем больше ты будешь с ней носиться, тем больше она будет нос задирать.

Джилл решила остаться и написать историю Ватикана.

— Ничего страшного,— объяснила она Теннисону, прогуливаясь с ним под руку по саду.— Ну, представь: следующий корабль прилетит сюда с Гастры не раньше чем через пять недель. Только через пять недель можно будет подумать о том, чтобы убраться отсюда. За пять недель, если буду сидеть сложа руки и ничего не делать, я тут с ума сойду! Я не умею ничего не делать.

— Ну знаешь... могла бы, к примеру, на горы любоваться. Они такие красивые. Все время меняют цвет. Я никогда не устаю смотреть на них.

— Ну и смотри,— пожала она плечами.— А я к этим красотам совершенно равнодушна.

— А ты не боишься втянуться в работу? Вдруг в истории Ватикана тебе будет так интересно копаться, что ты просто не сможешь оторваться? Если Ватикан вообще позволит тебе оторваться... Может настать момент, когда ты будешь знать слишком много, чтобы они позволили тебе уйти.

— Рискну,— твердо сказала Джилл.— Рискну. Знаешь, я раньше и не в таких переделках бывала, но всегда успевала улизнуть в последний момент. Господи, тут же все, о чем я только могла мечтать,— вся информация! Полный, детальный отчет...

Она с головой ушла в работу. Выпадали дни, когда Теннисон вообще не видел ее. Появлялась она только к обеду и рассказывала, рассказывала...

— Просто передать тебе не могу, до чего интересно,— восхищалась она, наспех глотая еду.— Столько всего... Все, абсолютно все, что они планировали, думали, делали.

— Я тебе говорил, что втянешься,— предостерегал ее Джейсон.— Смотри, так ты никогда отсюда не улетишь. Станешь этаким книжным червячком, увязнешь в работе.

— Не бойся, не увязну,— твердо заявляла Джилл, вытирая губы салфеткой.— Где-то внутри меня никуда не делась прежняя Джилл Робертс — бесшабашная, свободная как ветер журналистка, возмутительница Галактики, ищущая сюжеты по всему свету. Настанет время... но ладно, хватит об этом. Что это мы все про меня да про меня. У тебя как дела, Джейсон?

— Я привыкаю.

— И счастлив?

— Счастлив? Трудно сказать. Что такое счастье? Удовлетворен — да. Доволен маленькими профессиональными успехами, но их мало, совсем мало. Знаешь, я никогда не был врачом-фанатиком, которому только и надо, что добиваться немыслимых высот в работе, чтобы его непрерывно похваливали. Неужели недостаточно просто делать добро ближнему? Пока те случаи, с которыми сталкиваюсь по работе, позволяют чувствовать, что я на своем месте. Пока, повторяю, пока это все, что мне нужно. С Экайером мы уже на «ты», и с остальными я неплохо лажу.

— Ну, а как поживает эта дама, что нашла рай?

— Как поживает? Будь я проклят, если знаю. Физически она почти здорова.

— Однако я чувствую, есть какое-то «но».

— Она очень переменилась. Гордая стала — страшное дело! Мы все — пыль у нее под ногами. Я не психолог, конечно, но мне кажется, с ней не все в порядке.

— Это можно понять, Джейсон. Представь, попробуй представить, что для нее значит рай! Нашла она его на самом деле или нет, все равно это для нее жутко важно. Может быть, впервые в жизни с ней произошло что-то по-настоящему значительное.

— Она-то сама уверена, что нашла рай.

— Как и половина Ватикана.

— Половина? Сомневаюсь. Я бы сказал: весь Ватикан.

— Не думаю. Мне прямо ничего не говорят, но я слышу кое-какие разговоры. Понять трудно, но не все здесь безумно счастливы, что рай найден.

— В голове не укладывается! Рай кого-то не устраивает? Уж в Ватикане-то должны быть просто на седьмом небе от счастья!

— В Ватикане не все так просто, как нам кажется, Джейсон. Это все из-за терминологии — «Ватикан», «Папа», «кардиналы» и все такое прочее. Легко подумать, что тут все насквозь христианское. Нет, это не так. Тут всего понамешано помимо христианства. Я пока еще не разобралась окончательно, но чувствую, что все тут очень сложно. Давным-давно, вероятно, когда эти бедняги только обосновались здесь, в основе их мировоззрения и было только христианство. Но роботы за долгие годы обнаружили столько всего, что теперь это уже далеко не классическое христианство. И потом, есть еще кое-что...

Она поколебалась мгновение. Теннисон молча ждал, когда Джилл заговорит вновь.

— Видишь ли, в Ватикане существует два типа роботов, две, так сказать, группировки, между которыми четкого разграничения нет. Есть старые роботы, которые прибыли с Земли. Эти до сих пор чувствуют влечение к людям, хотят быть похожими на них. Связь между людьми и роботами для них неоспорима. Совсем другое дело — молодежь, то есть роботы, которых создали уже здесь, на Харизме,— собрали, родили, сконструировали — называй как хочешь,— главное, что их сделали не люди, а другие роботы. Эти как-то по-своему враждуют — нет, не с людьми, конечно, упаси бог, но с самим отношением к людям, свойственным старым роботам. Эти стальные юнцы мечтают порвать связь с человечеством. О да, они по-прежнему осознают, что роботы в долгу перед человечеством, но хотят порвать эту связь, отделиться, доказать, что они сами что-то из себя представляют. Рай, который нашла Мэри, вызывает у них протест, поскольку само это понятие связано с человеческими представлениями. Мэри — человек, и она нашла христианский, человеческий рай...

— Не совсем логично,— вмешался Теннисон.— Не все же люди — христиане. Я вот, к примеру, не могу сказать, христианин я или нет, да и ты, думаю, тоже. Может быть, наши предки были христианами, хотя никто не мешал им быть иудеями, или мусульманами, или...

— Но согласись, все-таки многие из нас — потомственные христиане, независимо от того, придерживаемся мы христианских обычаев или нет. Во многих из нас до сих пор силен христианский тип мышления. До сих пор мы, не задумываясь, употребляем слова, отражающие краеугольные понятия христианства — «ад», «Христос», «Господь», «Спаситель». Как легко и свободно они у нас с языка слетают!

Теннисон согласно кивнул.

— Да, можно допустить, что роботы всех нас считают христианами, хотя бы в душе. И не сказал бы, что это так уж плохо — быть христианином.

— Конечно нет, Джейсон. Но когда люди начали покидать Землю, они многое растеряли на пути, многое забыли о самих себе. Многие теперь просто не знают, кто они такие — без роду, без племени.

Какое-то время они сидели молча, потом Джилл тихо и нежно проговорила:

— Джейсон... а ты уже совсем не замечаешь моего ужасного лица. Не спорь, не замечаешь. Ты — первый мужчина в моей жизни, который сумел не обращать внимания на это жуткое пятно.

— Джилл, милая,— растроганно сказал Джейсон.— Почему же я должен замечать его?

— Потому что оно меня обезображивает. Я — уродина.

— Ты — красавица, Джилл,— возразил Теннисон.— В тебе так много красоты — и внешней, и внутренней, что о такой малости легко позабыть. И ты совершенно права — я больше ничего не вижу.

Джилл прижалась к нему, он крепко ее обнял, погладил по голове.

— Держи меня крепче, Джейсон,— шептала она.— Мне это так нужно, так важно...

Это был единственный вечер. Чаще всего они и вечерами не виделись. Джилл долгими часами сидела над историей Ватикана, вытягивала из отчетов разрозненные данные, собирала

их, старалась в них разобраться и не уставала поражаться фанатизму, с которым роботы веками добивались цели.

«Это не религия,— говорила она себе.— Нет, не религия».

Порой она начинала сомневаться и убеждалась в обратном — нет, все-таки религия. Она работала, думала, и неотвязный вопрос «что такое религия?» все время преследовал ее.

Иногда ее навещал кардинал Феодосий — он приходил, тихонько усаживался на табуретку рядом с ней — такой маленький, закутанный в огромную мантию, похожий на стальную мумию.

— Вам нужна помощь? — интересовался он.— Если нужна, мы дадим вам еще помощников.

— Вы так добры ко мне, ваше преосвященство,— благодарила Джилл.— У меня вполне достаточно помощников.

И это было правдой. Ей помогали двое роботов, которые, казалось, не меньше ее самой были заинтересованы работой. Порой над письменным столом склонялись сразу три головы — два робота и женщина пытались решить какой-нибудь чересчур запутанный вопрос, расшифровать какую-нибудь строчку в записях, обсуждали тончайший богословский аспект толкования религии, стараясь точнее изложить, как мыслили, как верили те, кто записал свои мысли столетия назад.

Во время одного из визитов кардинал объявил:

— Вы становитесь одной из нас, мисс Робертс.

— Вы мне льстите, ваше преосвященство,— попыталась отшутиться Джилл.

— Я не знаю, что вы подумали, но я не это имел в виду,— возразил кардинал.— Я имел в виду ваши взгляды на вещи, столь очевидный энтузиазм в работе, вашу преданность фактам, истине.

— Если говорить об истине, ваше преосвященство, то тут ничего нового — истине я была верна всегда.

— Дело не столько в истине,— уточнил кардинал,— сколько в понимании. Я верю, что вы начинаете понимать, какова цель вашей работы здесь.

Джилл отодвинула в сторону кипу бумаг, над которыми работала, и покачала головой:

— Нет, ваше преосвященство, вы ошибаетесь, мне не все понятно. Может быть, вы будете так любезны и объясните

мне кое-что. И главный пробел в моем понимании — это то, что вас заставило покинуть Землю. Официально считается, что это произошло потому, что вас не принимали в лоно ни одной Церкви, потому, что вы были лишены возможности исповедовать какую бы то ни было религию. Это вам скажет в Ватикане любой робот, и скажет так, будто это религиозный догмат. Но здесь, в записях, я не нахожу четких подтверждений...

— Все, что происходило до прибытия сюда,— объяснил кардинал,— в отчетах не отражено. Не было нужды записывать то, что и так всем известно. Все мы знаем, почему прибыли сюда.

Джилл промолчала, хотя хотела спросить еще. Она побаивалась спорить с кардиналом, даже с кардиналом-роботом.

И он либо не заметил, что она хотела еще о чем-то спросить его, либо уверился, что достаточно полно ответил на вопрос. Больше ни о чем он в этот раз не говорил. Немного посидел сгорбившись на табуретке, потом молча поднялся, поклонился и ушел.

Дни Теннисона тоже были заполнены до отказа. Он ходил по Ватикану — наблюдал, разговаривал, знакомился и болтал с роботами. Он познакомился и с некоторыми из Слушателей. Особенно близко он сошелся с Генри, тем самым, что был трилобитом.

— Так вы, значит, смотрели мой кристалл с трилобитом? — обрадовался Генри.— Ну-ка, ну-ка, расскажите, какое же у вас было впечатление?

— Я был совершенно ошеломлен,— признался Теннисон.

— Я тоже,— сказал Генри.— С тех пор я еще ни разу не работал как Слушатель. Боюсь, честно вам признаюсь. Пытаюсь убедить себя, что дальше трилобита мне не выбраться. Трилобит — это ведь так близко к сотворению мира. Еще шаг... и человеку придется столкнуться, точнее, стать кусочком безмозглой протоплазмы, ничего не ощущающей, кроме голода и опасности. Фактически и трилобит недалеко ушел в этом смысле. Но тут вмешалось мое собственное сознание, и трилобит осознал себя. А потом... пойди я дальше назад, я бы запросто мог увязнуть в промозглой массе живого холодца.

Неплохой вариант для человека окончить дни свои, а? — хихикнул Генри.

— Но вы могли бы попробовать что-нибудь еще.

— Вы не понимаете. Да, конечно, я мог бы попробовать что-нибудь еще. Многие Слушатели отправляются в какие-то особые места и времена. Иногда им это удается, иногда — нет. Никогда нельзя быть уверенным. Слушание — занятие очень непростое. Многое в нем не зависит от собственного желания. Взять, к примеру, Мэри. Думаю, она еще раз попытается попасть в рай, а Мэри — превосходная Слушательница, и у нее это может получиться скорее, чем у кого-то другого. Но даже она ни в чем не может быть уверена. Никто никогда ни в чем не может быть уверен. Я ведь сам вовсе не стремился отправиться по линии зародышевой плазмы. Просто так вышло.

— Но почему вы не хотите больше слушать? Вряд ли вы...

— Доктор Теннисон,— нахмурился Генри,— я же сказал, что не знаю, почему меня занесло на этот путь с самого начала, почему я отправился именно в прошлое. Но я знаю точно, что после первых путешествий у меня возникло впечатление, будто я лечу вниз на безотказном парашюте. И боюсь, этот парашют до сих пор на месте, ждет меня. Поначалу я не был против. Это, пожалуй, даже забавно в каком-то роде. Очень интересно. Я побывал в роли всяких первобытных людей — это было замечательно! Страшновато бывало, не скрою — все время приходилось бояться за свою жизнь. Да, мистер Теннисон, доложу я вам, наши далекие предки не слишком большими фигурами были в свое время. Куски мяса среди кусков мяса, только и всего. Хищникам совершенно безразлично, нас жрать или кого-то еще. Белки и жиры — вот и все, что мы собой представляли. Половину времени я только и делал, что убегал от кого-нибудь. А остальное время добывал себе пищу — доедал какую-нибудь мерзкую падаль, оставленную крупными кошками и другими хищниками, иногда питался грызунами, которых мне удавалось убить, фруктами, корнями, насекомыми. Иной раз просто не по себе делается, как вспомню, что я там ел, заглатывая целиком, сырое... но ведь счастлив был, что хоть это добыл на пропитание. Но тогда меня это нисколько не смущало. Да что там греха таить — у вас, прошу прощения, желудок крепкий, доктор? — ну так

вот, знаете, до сих пор иногда... увижу гнилушку и с трудом удерживаюсь, чтобы не перевернуть ее и не посмотреть, нет ли под ней белых, жирных личинок. Они извиваются, пытаются уползти, но я им не даю — крепко хватаю и отправляю в рот. Их так приятно глотать! На вкус они немного сладковатые... И вот просыпаюсь, весь в поту от страха, под ложечкой сосет. Но за исключением таких моментов было совсем неплохо. Страшно — да, но знаете, сам по себе страх — очень интересное ощущение. Так приятно, когда удавалось удрать и показать нос большой кошке, которая гналась за тобой, да не поймала, и теперь ее можно подразнить. Вот потеха так потеха! И других забот нет, кроме как набить живот да разыскать местечко, чтобы спрятаться да поспать. Ну, еще, конечно, поиск самки и все такое прочее...

Я бы вот что еще рассказать хотел, доктор. Мне довелось побывать... в общем, это было самое лучшее из того, кем мне довелось побывать. Это был не человек и не предок человека, даже ничего близкого. Это было нечто вроде ящерицы, но я точно не знаю, и никто не знает. Экайер много времени потратил, все старался выяснить, что это такое, да так и не узнал. Он даже кое-какие книжки заказал, думал, там что-нибудь найдет, но...— и Генри развел руками.— А меня это вовсе не волновало — мне-то что. Можно, конечно, предположить, что это было нечто вроде связующего звена — какой-то праящер, от которого для палеонтологов не осталось даже косточки, чтобы раскапывать да раздумывать. Я думаю, и Экайер тоже так думает, что это существо жило в триасовый период. Я сказал «ящерица»? Нет, это, конечно, никакая не ящерица, просто слова другого подобрать не могу. Она не слишком большая была, но очень шустрая — самая шустрая из всех существ, которые жили в то время. А уж злющая... Она ненавидела всех и вся, со всеми дралась, ела все, что движется. Все, что попадалось, разрывала в клочья. Я до этого и представить себе не мог, что такое настоящая жестокость и какое наслаждение она дает... Кровожадная такая жестокость! — Генри скрипнул зубами и сжал кулаки.— Монстр, настоящий монстр, доктор, поверьте. Трилобитом я был совсем мало, этой ящерицей довольно долго пробыл. Сколько именно — точно не знаю, чувство времени исчезает, когда переселяешься в другое существо. Может быть, я там так долго и оставался, потому

что нравилось. Вы бы попросили Экайера, пусть он вам разыщет этот кристалл с ящерицей. Вам понравится, вот увидите!

— Ну... не знаю...— поежился Теннисон.— Может, и попрошу как-нибудь.

Кристалл с ящерицей он смотреть не стал. Там было множество других. Экайер был готов показать ему что угодно. Он распорядился, чтобы робот-депозитор, ответственный за хранение файлов, давал Теннисону на просмотр все, что тот пожелает. Робот предоставил в распоряжение Теннисона длинющий каталог.

«Непонятно все-таки,— не переставал удивляться Теннисон.— Человек я здесь посторонний, а передо мной — все их сокровища. Как будто я сотрудник, участвующий в выполнении Программы».

...А в Ватикане все двери были распахнуты перед Джилл. И это было так не похоже на то, что сказал ей кардинал при первой встрече — что Ватикан прямо-таки дрожит над историей и до сих пор боится, что кто-то хоть немного о них разузнает.

«Ответ,— думала Джилл,— совсем простой: Ватикан уверен, что ни за что на свете не позволит тому, кто хоть что-то узнает о них, покинуть Харизму».

А может быть, расчет был на то, что и Теннисон, и Джилл, будучи посвящены в тайны Ватикана, станут его горячими приверженцами. Ватикан — кучка фанатиков, оторванных даже от ближайших секторов Галактики, отдаленных настолько, что ни у кого не могло возникнуть искушения улететь туда. Эта преданность, эта изоляция могли, по их расчетам, возвеличить Ватикан в глазах новичков. Стоит только объяснить непосвященным, сколь велики цели и задачи Ватикана, и все встанет на свои места — у них исчезнут все желания, кроме одного: посвятить всю жизнь без остатка ему — смиренной жертве собственного всепоглощающего эгоцентризма. Только объяснить — и всю жизнь отдадут за Ватикан...

Теннисон замотал головой. Нет, не то, не так... В этом логики было явно маловато. Если бы они захотели, могли бы отправить его и Джилл укладывать вещички, пока «Странник» не отбыл на Гастру. Конечно, они уже тогда могли бы что-нибудь узнать о Ватикане, но уж не столько, сколько узнали теперь. Да, Джилл могла бы написать о том, как ее выгнали

с Харизмы, но на фоне бесконечных крестовых походов, скандалов и перебранок, раздирающих Галактику, что толку было бы от этой статьи? Ерунда, круги на воде от крошечного камушка, брошенного в бескрайний океан.

Но может быть, тогда все совсем просто? Может быть, они оба здесь действительно нужны? Да, здесь нужен врач для людей. И не исключено, что Ватикан действительно заинтересован в написании истории. Правдой было и то, что Ватикану очень трудно найти специалистов на стороне, так трудно, что как только парочка профессионалов оказалась на Харизме, на них прямо-таки набросились с предложениями остаться. Но почему-то Теннисона такой ответ не устраивал. Было непонятно, почему они с Джилл так бесценны, так необходимы Ватикану. Вновь и вновь к нему возвращалась мысль о том, что Ватикан не хочет позволить им уйти...

Один из просмотренных им кристаллов очень удивил Джейсона. Он находился внутри сознания одного из обитателей странного мира, именно внутри сознания, но пережитое им было за границами человеческого понимания. Он видел,— хотя, трезво размышляя, не мог с уверенностью сказать даже самому себе, что именно «видел»,— так вот, он побывал в мире графиков и уравнений, то есть ему показалось, что это были графики и уравнения, однако знаки и символы, из которых они были составлены, не имели ничего общего с принятыми в мире людей. Все было так, будто он находился внутри некой трехмерной школьной доски, а значки и символы окружали его, заполняли все пространство вокруг. На какое-то мгновение ему показалось, что он сам или то существо, которым он был там, было уравнением.

Он мучительно искал ответа, объяснения, пытался осторожно, мягко ощупать сознание, в которое проник, но ответа не получил. Либо это загадочное существо не догадывалось о его присутствии, либо... Самому существу, по всей вероятности, было понятно то, что оно видит, наверное, оно даже каким-то образом общалось, взаимодействовало с другими графиками и уравнениями. Но даже если это было так, Теннисон все равно ничего не понял. Мучился — и тонул в океане непонимания, неизвестности.

Но не оставлял попыток понять: он оставался в этом мире, стараясь ухватиться хоть за какой-то оттенок смысла, чтобы

оттолкнуться от этого и начать хоть что-то понимать... Но все было без толку. Когда запись на кристалле окончилась и Теннисон вернулся в привычный мир, он знал ровно столько, сколько до начала просмотра.

Не двигаясь, он сидел в просмотровом кресле.

— Нечто совсем особенное, не правда ли? — наклонился к нему робот-депозитор.

Теннисон протер глаза руками. До сих пор перед глазами мелькали значки и символы.

— Угу,— кивнул он.— А что это было?

— Сэр, мы сами не знаем.

— Зачем тогда нужно было находить это, давать мне смотреть?

— Может, Ватикан знает,— предположил робот.— В Ватикане много знают. Они умеют понимать такие вещи.

— Ну что ж, искренне надеюсь,— вздохнул Теннисон, поднимаясь с кресла.— На сегодня с меня хватит. Завтра можно зайти?

— Ну конечно, сэр. Заходите завтра. В любое удобное для вас время.

Назавтра он попал в осеннюю страну...

Ничего особенного — место как место. На этот раз было такое впечатление, что он свободен и не проник ни в чье сознание — просто сам был там, сам по себе. Вспоминая потом о своем путешествии, он не мог судить со всей ответственностью, действительно ли он где-то побывал, но ощущение реальности пережитого не покидало его. Теннисон мог поклясться, что слышал потрескивание и шорох сухих сучьев и опавшей листвы под ногами, вдыхал терпкий, как вино, запах осенних костров, перезрелых яблок, последних, случайных, задержавшихся на голых ветвях, ощущал прикосновение первых заморозков к жухлой листве. Слышал — или ему казалось, что слышал,— хруст желтой стерни под ногами, мягкий стук орешков, падавших на землю, внезапный далекий посвист крыльев улетавшей на юг стаи невидимых птиц, нежные, свежие трели крошечного ручейка, несущего на своей поверхности тяжкий груз опавших листьев. А еще были цвета — в этом он был просто уверен — золотые монетки листьев орешника, лимонная желтизна осин, красные как кровь сахарные клены, шоколадно-коричневые дубы... Над всем этим царило горько-сладкое ощущение осени, великолепие умирающего года, когда окончены все труды и провозглашено начало времени покоя и отдыха.

Ему было легко и покойно, он с радостью и готовностью погрузился в этот мир. Взбирался на холмы, спускался с них, шел берегом извилистого ручейка, останавливался и любовался багрянцем и золотом осенних лесов, поражался тому, как великолепен контраст желтизны деревьев и синевы небес. Удивительный покой сходил в его сердце. Краткий покой, наступающий в душе в самом конце жаркого лета, порядок и равновесие, царящие в ней, покуда ее не скуют холода близкой зимы. Время отдохновения, размышлений, залечивания старых ран и забывания о них и о тех превратностях судьбы, которые нанесли душе эти раны...

Потом, вспоминая об осенней стране, он сказал себе, что это — его собственный рай. Не высоченные сверкающие башни, не величественная широкая лестница, не пение торжественных фанфар — не то, что привиделось Мэри, но это был настоящий рай — спокойный, мирный осенний день, клонившийся к вечеру, опустившийся на землю, уставшую от изнурительного зноя лета, от долгого пути по пыльным дорогам.

Погруженный в собственные впечатления, он ушел в тот день из депозитария, обменявшись лишь самыми формальными фразами с роботом-депозитором. Возвратившись к себе, он попытался мысленно вернуться в осеннюю страну, но, увы, добился только того, что ощутил всю эфемерность, призрачность ее существования...

В этот вечер он сказал Джилл:

— Знаешь, у меня такое чувство, будто я ненадолго вернулся на свою родную планету, в свое детство и раннюю юность. Моя родная планета похожа на Землю. Я сам об этом судить не могу, поскольку на Земле никогда не бывал, но мне всегда говорили, что она потрясающе похожа на Землю. Ее в свое время заселили выходцы из Англии, и называлась она Педдингтон — ее назвали в честь города, если «тон» — это «town», что означает «город». Похоже, так оно и есть. Обитатели Педдингтона никогда и не задумывались, что тут что-то не так. У англичан туго с чувством юмора. Там много говорили о Древней Земле, о той Земле, на которой была Англия,

хотя позднее мне стало казаться, что это скорее была Северная Америка, а не Англия. В детстве меня страшно интересовала Англия — я кучу книжек прочел и по истории, и легенд всяких, и преданий. В нашей городской библиотеке целый отдел был...

— Кстати, о книгах,— прервала его Джилл.— Давно хотела сказать тебе, да все как-то из головы вылетает. В библиотеке Ватикана полным-полно книг — земных книг, которые сюда привезли прямо оттуда. Настоящие книги, не магнитофонные записи, не дискеты. Обложки, листы — все честь по чести. Думаю, можно договориться, чтобы ты мог прийти и почитать там все, что тебе будет интересно.

— Да, пожалуй, стоит как-нибудь выбрать денек — прийти, покопаться в книжках,— согласился Теннисон.— Так вот, я тебе про Педдингтон начал рассказывать. Очень похоже на Землю. Люди там все говорили, до чего же им повезло, что они нашли такую похожую планету. «Обитаемых планет много,— говорили они,— но далеко не все они похожи на Землю». А там, на Педдингтоне, многие деревья и растения были именно такие, какие росли на Древней Земле. И времена года там такие же. Там было такое потрясающее время — бабье лето... Деревья расцвечены всеми оттенками красок, дали подернуты дымкой... Я почти забыл об этом, а сегодня вот увидел это снова. Или мне показалось. Я вдыхал ароматы осени, жил в ней, слышал ее.

— Ты грустный сегодня, Джейсон. Не думай об этом. Пошли спать.

— Этот математический мир,— сказал Теннисон Экайеру.— Я там ничего не понял. Скажи, Пол, тот Слушатель, что нашел его, возвращался туда?

— И не раз,— ответил Экайер.

— Ну и?..

— Не удалось уловить никакого смысла. То есть — никакого.

— И часто такое случается?

— Нет, что касается математического мира, не часто. Слушатели редко видят одно и то же. Во Вселенной, где что угодно может статистически произойти минимум однажды и максимум однажды, слишком мало шансов для повторов. Это происходит, но не часто. Случаются необъяснимые наблюдения, у которых ни начала ни конца.

— Что за смысл тогда? Какая из этого выгода?

— Может быть, для Ватикана и есть какая-то выгода.

— Хочешь сказать, что вы все передаете в Ватикан?

— Естественно. Для этого, собственно, все и делается. Для Ватикана. У них есть право просматривать абсолютно все. Они просматривают кристаллы, а потом возвращают нам для хранения. Иногда они отправляются по следам Слушателей, иногда нет. У них для этого есть свои способы.

— Но для того, чтобы понять что-то в мире уравнений, кто-то должен отправиться туда лично, реально и посмотреть на все собственными глазами, а не глазами тамошних аборигенов. Я в этом уверен.

— Ну, я могу тебе сказать только одно: у Ватикана есть возможности посещать те места, которые мы обнаруживаем.

— Ты хочешь сказать, что они туда попадают физически?

— Конечно, именно физически. Я думал, ты это уже понял.

— Что ты! Даже не догадывался! Мне этого никто не говорил. Значит, это не всегда подглядывание через замочную скважину?

— Иногда поболее того. Иногда — нет. Иногда приходится довольствоваться подглядыванием.

— А почему же тогда Ватикану не отправиться в рай и не разузнать там все как следует? Я думаю...

— Наверное, они не могут, потому что не знают, где это. У них нет координат.

— Не понял. А что, Слушатели умеют определять координаты?

— Нет, этого они не умеют. Но для этого есть другие способы. Народ Ватикана в таких делах многого добился. Один из самых примитивных способов — это ориентация по картине звездного неба.

— А на кристалле, где есть запись о рае, такой картины нет? Не должно быть, если это действительно рай. Рай не должен иметь ничего общего с такими понятиями, как время и пространство. Ну а если Ватикан все-таки найдет координаты, они отправятся туда? Пошлют кого-нибудь в рай?

— Клянусь, не знаю,— ответил Экайер.— Не могу даже догадываться.

«Полный тупик»,— подумал Теннисон. Видение рая было настолько неразрывно связано с философией, тонкостями богословия, элементом чуда, что все власти предержащие должны быть напуганы до смерти. Он вспомнил, что говорила ему Джилл о различиях во взглядах роботов в Ватикане.

— Рай,— сказал Теннисон,— означает вечную жизнь, жизнь после смерти. Можешь мне ответить, нашли ли ваши Слушатели хоть какие-нибудь доказательства того, что такая жизнь существует, хоть бы какие-то признаки жизни после смерти?

— Не знаю, Джейсон. Не уверен. Честное благородное слово, не знаю. Нет возможности...

— Что значит «не уверен»?

— Понимаешь, существует много разных форм жизни. Вселенная просто-таки кишит всевозможными формами жизни — биологической и всякой другой. Среди небиологических форм жизни полным-полно разновидностей...

— Ну да,— кивнул Теннисон,— роботы, к примеру.

— При чем тут роботы, черт возьми? Ну да, извини, конечно, роботы — одна из разновидностей небиологической жизни. Произведенная, искусственная форма небиологической жизни. Но существуют природные формы небиологической жизни, понимаешь? В области созвездия Орион, например, существует пылевое облако. Небольшое скопление пыли и газа. Отсюда его трудно разглядеть даже в самый мощный телескоп. Смешение магнитных полей, газов высокой плотности, мощнейшая ионизация, тяжелые облака космической пыли. И там есть что-то живое. Может, сам газ, сама пыль. А может — и что-то еще. Можно почувствовать ритм жизни, ее пульс, и... оно разговаривает! Нет, разговором это с большой натяжкой можно назвать — «коммуникация» подойдет лучше. Уловить это можно, но понять — увы! Может быть, те формы жизни, которые там обитают, что-то пытаются сказать нам, а может быть, говорят между собой...

— Но какое отношение это имеет к жизни после смерти?

— А я разве сказал, что это имеет отношение к жизни после смерти?

— Да нет,— вздохнул Теннисон,— не говорил как будто.

Иногда Теннисон, прихватив с собой немного еды и бутылочку вина, перебросив через плечо термос с кофе, отправлялся бродить по окрестностям — ходил по узким извилистым тропкам, взбирался на невысокие холмы. И всегда перед его глазами были горы — синие и лиловые, они возвышались над окрестностями, всегда волшебные, всегда таинственные, изборожденные причудливыми тенями, сползавшими по склонам, сверкающие белизной заснеженных пиков. Долгие часы Теннисон мог сидеть, глядя на горы, устроившись на невысоких пригорках, и никогда не мог наглядеться. Загадка гор, их необъяснимая притягательность оставались нераскрытыми, сколько на них ни смотри.

Он уходил далеко от Ватикана, порой плутал, шел не по той дороге, которой ушел из дому, но в конце концов всегда находил тропинку, которая выводила его домой. Он радостно топал по ней, поднимая башмаками маленькие облачка пыли, спину его грели лучи теплого солнца, а в памяти хранилось величавое спокойствие гор. Проходило несколько дней, и он вновь отправлялся на прогулку, порой менял направление, но горы видели его всюду и следили за ним.

Однажды после полудня, возвращаясь в Ватикан по одной из нешироких дорог, он услышал позади шум мотора. Оглянувшись, он увидел сильно помятый автомобиль, за рулем которого сидел мужчина. Теннисон был удивлен не на шутку — впервые за время его одиноких вылазок ему кто-то встретился, не говоря уже об автомобиле. Он отступил с дороги в сторону, чтобы пропустить машину, но автомобиль остановился. Водитель поинтересовался:

— Вы такой любитель ходить пешком, что даже не хотите, чтобы вас подвезли немного?

У незнакомца было простое, честное, открытое лицо, умные голубые глаза.

— С удовольствием проедусь,— улыбнулся Теннисон.

— Надо понимать,— сказал мужчина, когда Джейсон уселся рядом,— вы — новый доктор из Ватикана? Теннисон, если не ошибаюсь?

— Верно,— не без удивления ответил Теннисон.— А вы?

— Я Декер. Томас Декер — к вашим услугам, сэр.

— А я тут брожу уже столько дней,— признался Теннисон,— и, представляете, вы первый, кого я встретил.

— И ничего удивительного. Только со мной вы и могли встретиться. Остальные-то по домам сидят, у каминов греются. Даже неинтересно им выйти да посмотреть, что за порогом делается. Смотрят на горы каждый божий день и только горы видят. А вот вы видите больше, чем просто горы, а, доктор?

— Гораздо больше,— не стал отрицать Теннисон.

— Ну а как насчет того, чтобы увидеть еще больше? У меня сейчас такое настроение, что я вполне мог бы для вас экскурсию провести.

— Получайте клиента,— улыбнулся Теннисон.— Никаких возражений.

— Ну что ж... Батарея заряжена, хватит на несколько часов. Предлагаю для начала взглянуть на фермы.

— Фермы?

— Ну конечно фермы. Что это вы так удивились? Вы же хлеб едите, правда? Мясо, молоко, яйца?

— Ну, естественно.

— И как вы думаете, откуда это все берется, если не с ферм?

— Как-то, признаться, в голову не приходило.

— Эти роботы, они все продумали,— объяснил Декер.— Они должны кормить своих людей, поэтому некоторые из них стали фермерами. Нужно электричество — они построили плотину и поставили электростанцию. Они пользуются и солнечной энергией, но не слишком широко. Однако такая возможность есть, и, если понадобится, они ее используют, не сомневайтесь. У них есть и ветряк, но он работает редко — нет большой потребности. Раньше он был очень нужен, когда его только построили. Но это было давно, много веков назад.— Прищелкнув языком, он продолжал: — Уж в чем, в чем, а в безделье роботов не упрекнешь. Ну вот взять хоть лесопилку для примера. Там у них стоит примитивный паровой двигатель — как вы думаете, на чем он работает? На щепках и опилках.

— Полное самообеспечение. Круговорот,— заключил Теннисон.

— А куда деваться. Приходится. Жизнь заставляет. Они ведь предоставлены сами себе. Такой вещи, как импорт, практически не существует — вернее, он есть, но крайне ограничен. Небольшие грузы, которые время от времени доставляет «Странник». Доставка влетает в копеечку. Роботы ввели строжайший режим экономии, потребности ограничены до минимума. Ведь если вам нужно немного, то и денег нужно немного, согласитесь. А денег у роботов мало. То, что они выкачивают из паломников,— и есть все их средства. У них существует небольшой отряд лесозаготовителей — эти весь год только тем и занимаются, что собирают сучья и хворост для каминов и очагов, которые тут есть у всех. Постоянная потребность — постоянное обеспечение. Все рассчитано до мелочей. У них есть мельница, чтобы молоть зерно — пшеницу и другие злаки. Не было случая, чтобы хлеба не хватило, еще и запасы делают на случай неурожая. Хотя до сих пор, насколько мне известно, неурожаев тут не было. Все примитивно до чертиков, но все работает, а это самое важное.

Теперь они ехали по более широкой дороге, чем та, на которой Теннисон повстречал Декера. Дорога пошла под уклон и спустилась в долину, покрытую желтыми полями. Акры поспевающей пшеницы золотым морем колыхались под порывами легкого ветерка.

— Скоро сбор урожая,— сообщил Теннисону Декер.— Даже ватиканская братия оторвется от своих священных обязанностей и выйдет на поля, чтобы собрать урожай. Кардиналы подвернут края лиловых мантий, чтобы не запылились. Монахи прибегут в своих коричневых балахонах — пользы от них только раз в году. Ходят с серпами, жнут вручную, ползают по полю, как муравьи. У них есть машина — сборщик соломы,— замечательно работает, все собирает, ничего не остается. Есть паровая косилка, и для нее они заранее запасают дрова.

Между полями пшеницы попадались пастбища, заросшие сочной зеленой травой, там паслись коровы, лошади, овцы и козы. В загонах похрюкивали довольные толстые свиньи. В небольших вольерах озабоченно кудахтали куры.

Декер указал в сторону горизонта.

— А там,— сказал он,— поля кукурузы, чтобы скот кормить. А вот это небольшое поле впереди — там рожь. Я же вам говорю — они все продумали. За холмами — отсюда не видать — у них есть пасека, и там целая куча ульев. А вот где-то тут должен быть... ага, вот, мы как раз подъезжаем — тут сахар-

ный тростник — для тех пирожных, что вы потом будете есть за утренним кофе.

— Совсем как на моей родной планете,— сказал Теннисон.— Я родился на аграрной планете.

Они проезжали огороды, сады — яблони, груши, абрикосы, персики — все деревья клонились под тяжестью плодов.

— А вот вам и вишневый сад,— показал Декер.— Ранние сорта. И все до вишенки собирается.

— Да...— протянул Теннисон.— Потрясающе. Вы правы, у них все продумано.

Декер весело усмехнулся:

— Ну, скажем так: у них было полно времени, чтобы все продумать. Тысяча лет, а может, и побольше того. Но все это им не понадобилось бы, не будь им нужны люди. А люди им были нужны. Не знаю, когда они привезли сюда первых людей. Мне кажется, лет через сто после того, как сами тут обосновались.

...Когда они возвращались, солнце почти село.

— Спасибо вам огромное за экскурсию,— поблагодарил Теннисон.— Честное слово, я себе такого не представлял.

— Ну а как вам в Ватикане, если не секрет?

— Недурно. Привыкаю помаленьку. То, что видел, пока нравится.

— Знаете что-нибудь про эту болтовню насчет рая?

— Да так... время от времени кое-что слышу. Пока не могу понять, в чем тут дело. Есть одна женщина, которая думает, будто нашла рай.

— Так-таки нашла?

— Не знаю,— пожал плечами Теннисон.— Лично я склонен сомневаться.

— Вы правы,— кивнул Декер.— Слухи тут все время гуляют. Не рай, так что-нибудь другое.

В это мгновение Теннисон заметил вспышку света над правым плечом Декера. Отвел взгляд и снова взглянул на то же место — над плечом Декера сверкало крошечное облачко искристой пыли. Теннисон непроизвольно поднял руку, протер глаза — сияние исчезло.

— Что, в глаз что-то попало? — спросил Декер.

— Да нет, ерунда. Пылинка, наверное. Уже все прошло.

— Может, хотите, чтобы я посмотрел? Или все в порядке?

— Нет, спасибо. Все нормально.

Декер вел машину по серпантину дороги, поднимавшейся на нагорье, где был расположен Ватикан. Горы в лучах закатного солнца казались фиолетовыми.

— Вас у клиники высадить? — спросил Декер.— Или где-нибудь в другом месте?

— У клиники, если вам не трудно,— попросил Теннисон.— Еще раз спасибо за прогулку. Было просто замечательно.

— Я иногда выбираюсь в горы,— сообщил Декер.— Порой на несколько дней ухожу. Если у вас найдется время, не хотите ли как-нибудь прогуляться со мной?

— Был бы счастлив, Декер.

— Давайте на «ты». Зовите меня Том.

— Хорошо, Том. Меня зовут Джейсон. Думаю, мне удастся выкроить пару дней как-нибудь.

— Конечно, только чтобы прогулка на нарушила твоего рабочего режима. Думаю, тебе понравится.

— Я просто уверен, что мне понравится.

— Ну, значит, на том и порешили.

Декер высадил Теннисона у клиники. Джейсон немного постоял у крыльца, глядя, как исчезает вдали громыхающая колымага. Когда машина скрылась за поворотом, он повернулся и собрался было отправиться к себе, но совершенно неожиданно для самого себя вдруг передумал и пошел в сад — тот самый, который обнаружил в первый день своего пребывания в Ватикане.

Сумерки ласковой пеленой окутывали сад, здесь царили нежность и странный, терпкий аромат поздних цветов. Сад был похож на тускло освещенную театральную сцену на фоне темно-лилового занавеса отвесных гор. Оглядывая сад, Теннисон понял, почему его потянуло сюда: это было самое подходящее место, где можно было попрощаться с уходящим прекрасным днем. Самое интересное — пока он не пришел сюда, он не понимал, как прекрасен был этот день.

«Не Декер ли,— подумал он,— сделал этот день таким замечательным?»

Но тут же прогнал эту мысль. Дело было, конечно, не в Декере. Кто такой Декер? Просто новый знакомый — человек, который никак не связан с Ватиканом и поэтому немного непохожий на тех, с кем ему приходилось встречаться до сих

пор. Но все-таки в нем было что-то такое, чего Теннисон пока понять не мог.

По вымощенной гравием дорожке к Теннисону подкатился робот.

— Добрый вечер, сэр,— проговорил он.

— Добрый вечер и тебе,— ответил Теннисон.— Прости, сразу не узнал тебя. Ты — садовник. Как поживают розы?

— Неплохо, неплохо,— ответил робот.— Большинство уже отцветает, но еще есть несколько бутонов. Через пару дней будут цветы. Чайные розы, очень красивые. Приходите полюбоваться на них.

— Непременно,— пообещал Теннисон.

Робот двинулся вперед в сторону калитки, но вдруг резко обернулся.

— Новости слыхали, сэр?

— Не уверен. О каких новостях ты говоришь?

— О сэр, значит, не слыхали! Слушательницу Мэри собираются канонизировать.

— Канонизировать? То есть... объявить святой?

— Именно, подтвердил робот.— Ватикан так думает...

— Но, прости, людей не канонизируют, пока они живы! Проходит какое-то время после смерти, пока...

— Я про это ничего не знаю, сэр. Но та, что нашла рай...

— Погоди-ка, садовник, постой минутку. Где ты об этом слышал? Кто об этом говорит?

— Ну, вся община в Ватикане. Она будет нашей первой святой. Все считают, что это просто превосходная идея. Наша первая святая, сэр. До сих пор у нас не было святых, а теперь будет своя святая, и...

— Ну а кардиналы? А его святейшество что думает по этому поводу?

— Не знаю, сэр. Мне таких вещей знать не положено. Мое дело маленькое. Но все говорят. Вот я и подумал, что вам будет интересно.

В знак прощания робот поднял руку, в которой были зажаты садовые ножницы, и удалился по дорожке, ведущей к калитке, а Теннисон остался в саду один-одинешенек.

Легкий ветерок обдал его лицо ароматом вечерних цветов и вывел из задумчивости.

— Боже милостивый,— сказал Теннисон вслух, обращаясь к самому себе,— теперь с ней совсем сладу не будет!

Глава 17

Настала ночь. В библиотеке погасили свет. Единственная лампа горела над столом Джилл. Двое ее помощников уже ушли — один по церковным делам, а второй — за сандвичами и стаканом молока для Джилл.

Джилл отодвинула в сторону стопку бумаг — записи, над которыми она работала,— и, откинувшись на спинку стула, заложила руки за голову. Посидела так, потом руками обняла плечи и поежилась.

«Где же это может быть и как это может быть? — думала она.— Что это за места такие — за пределами времени и пространства?»

Она всеми силами пыталась сконцентрировать свои познания о подобных вещах, но ей было совершенно не от чего оттолкнуться, не за что ухватиться, а в здешних записях не было ничего такого, что могло бы облегчить эту задачу. Одно было ясно — иногда роботы отправлялись в путешествия за пределы пространственно-временного континуума на кораблях собственной конструкции, приводимых в движение энергией мысли, силой разума. Она не была в этом уверена, но из записей следовало именно это.

«Господи Боже,— покачала головой Джилл,— ну и угораздило же меня влезть во все это! И как только я позволила, чтобы меня в это втянули?»

Теперь было ясно, она ни за что не сможет отказаться от этой работы, не захлопнет раскрытую на середине книгу. Она обязана узнать — а узнать надо так много... А ведь Джейсон ее именно об этом предупреждал — следовало прислушаться к его словам. «Ты втянешься,— говорил он,— и не сможешь оторваться».

Работала она настолько добросовестно, что даже неутомимые помощники пытались отговорить ее от такой скрупулезности. Один из роботов посоветовал ей прочитать все записи от начала до конца, не углубляясь в мелочи. Но она была убеждена, что без этих самых мелочей ей не удастся составить общую картину.

«Подходят ли для таких мест понятия “где” и “когда”? — думала Джилл.— Может, там другое “где” и “когда”? Нет, это неправильно. Это за пределами разума, за границей пони-

мания. Может быть,— гадала Джилл,— эти места — где-то в районе завихрений магнитных бурь и там обитают небиологические существа — не только живые, но и разумные, хотя даже представить себе такой разум было просто невозможно».

«Невозможно»,— твердила она себе, но вынуждена была признать, что такие формы жизни существовали и в пределах знакомых пространственно-временных понятий, как бы непостижимо ни было само их существование для человеческого понимания.

«Внутри пространства и времени,— рассуждала Джилл,— должны действовать физические законы, такие, какие действуют в известной нам части Вселенной,— должны существовать энергия и материя, причина и следствие, бытие и небытие... но внутри этих параметров есть место для интеллекта и мышления, которые запросто могут идти на несколько шагов впереди биологического интеллекта и биологического мышления. Это можно принять теоретически, но невозможно понять умом, представить воочию».

Самое ужасное, что она никак не могла представить себе существования чего-либо за пределами пространства и времени — страны «Нигде-никогда», которая могла преспокойно жить-поживать, не испытывая никакой нужды в пространственно-временных рамках, не повинуясь твердой руке физических законов, определяемых этими рамками.

«Мир, в котором царствует энергия мысли,— размышляла Джилл, строя догадки,— да ведь и "энергия" — понятие, которое тут никак не годится». И именно в такие миры порой отбывали роботы на своих кораблях, управляемых силой разума, путешествовали не только по обитаемой Вселенной, но даже трудно себе представить где.

Что до остальных моментов истории Ватикана — все выглядело довольно-таки просто и было изложено во всех подробностях: прибытие на Харизму, первые дни освоения планеты, строительство самого Ватикана, разработка проекта и создание до сегодняшнего дня электронного Папы, прибытие людей, начало работы в рамках Поисковой Программы, создание и усовершенствование новых типов роботов.

Было такое впечатление, что роботы самым тщательным образом продумали все еще до того, как покинули Землю. Еще там, еще тогда они знали, что им нужно,— отдаленная планета, на которую вряд ли залетят случайные путешественники, где никто не будет им мешать осуществлять задуманное. Единственное условие: планета, которую они искали, должна быть пригодной и для жизни людей, ведь сами роботы могли существовать практически на любой планете, и если бы не люди, им было бы намного проще отыскать базу для своей деятельности. Но роботы и не помышляли приниматься за осуществление проекта без помощи людей. Прямых указаний на это Джилл в записях не обнаруживала, но верила, что роботы не представляли своей работы без людей. Проверенное веками сотрудничество, партнерство с людьми существовало до сих пор, а в те далекие дни, когда Ватикан только-только зарождался, оно было и того прочнее.

А вот сколько у роботов было кораблей, на которых они прибыли, и как они раздобыли на Земле оборудование для них, этого в записях Джилл не нашла. По самой точной ее оценке кораблей должно было быть никак не больше трех. Было сделано несколько челночных рейсов на Землю и обратно, последним из них доставили материалы и оборудование, еще не собранные ко времени первой высадки. Последним рейсом прибыли и люди, чьи потомки до сих пор жили на планете. Впоследствии корабли были разобраны на части и использованы в качестве утильсырья. Но когда это сделали, было неясно.

«Скорее всего,— предположила Джилл,— не раньше чем были построены новые корабли, управляемые разумом, если они действительно были таковыми».

На первый взгляд могло показаться, что роботы сделали гораздо больше, чем можно было успеть за тысячу лет,— могло показаться, если забыть о том, что роботы не нуждаются ни в отдыхе, ни в сне. Они могли работать круглые сутки напролет в течение недель, месяцев, лет. Они никогда и ничем не болели. Им не нужны были ни отпуска, ни развлечения. Им не нужно было тратить время на еду и перекуры.

А создание роботов нового поколения и их модернизация — это же было намного проще, чем эволюция биологических форм жизни! Естественная биологическая эволюция — это смерть старых поколений и рождение новых, необходимость генетических мутаций в процессе длительного, медленного процесса

адаптации. А роботам для появления новых видов нужно только разработать новые модели и механизмы и воплотить то, что существовало на чертежах.

За спиной Джилл послышались шаги, она обернулась.

Это был Аза с молоком и сандвичами.

Он аккуратно поставил поднос на стол и бесшумно отошел в сторону.

— Чем еще я могу помочь вам, мисс?

— Ничего не нужно,— улыбнулась Джилл.— Отдохни. Посиди со мной. Поболтаем?

— Я не нуждаюсь в отдыхе,— возразил робот.— И сидеть мне вовсе не обязательно.

— Но в этом же нет ничего противозаконного.

— Противозаконного — нет, мисс.

— Даже кардиналы сидят,— убеждала она робота.— Когда его преосвященство, Феодосий, навещает меня, он всегда садится на эту табуретку и разговаривает со мной.

— Если желаете,— сказал Аза и опустился на табуретку.

Джилл взяла с подноса сандвич и откусила кусочек. Сандвич был с необычайно вкусным ростбифом. Отхлебнув молока, она спросила:

— Аза, ты не мог бы рассказать мне о себе? Ты появился на Земле?

— Нет, мисс, не на Земле.

— Значит, здесь?

— Да, здесь. Я — робот третьего поколения.

— Понятно. И сколько же здесь может быть поколений?

— Трудно сказать. Это как считать, мисс. Кто говорит — пять, а кто — и все семь.

— Так много?

— Так много. Может, и больше.

— А ты бывал когда-нибудь в тех местах, которые находили Слушатели?

— Дважды, мисс. Я совершил два путешествия.

— А за пределами пространства и времени бывал?

— Один раз.

— А ты не мог бы мне рассказать, на что это похоже?

— Не могу, мисс. Невозможно рассказать. Просто — другое место. Совсем не так, как здесь.

Глава 18

Теннисону снился математический мир. На этот раз одно из уравнений показалось ему знакомым. Да нет, не одно, а больше...

Первое, как ему почудилось, было Экайером. График и внешне неуловимо напоминал Экайера, и уравнение, которое он изображал, несло в себе что-то экайеровское, но что именно — он понять не мог. Может быть, дело в цвете — в графике преобладали серый и розовый цвета, а именно они почему-то ассоциировались с Экайером.

«Нет, цвета тут ни при чем,— думал Теннисон во сне.— Скорее всего, дело именно в тех компонентах, в тех символах, которые слагают уравнения, в зримых очертаниях графиков».

Теннисон мучился, тяжело дышал, покрывался потом, напрягался изо всех сил, пытаясь решить уравнения, но это оказалось не под силу, ведь он не знал ни условий, ни значения знаков и символов.

Он неохотно, с трудом отошел от того уравнения, что показалось ему Экайером. «Нужно посмотреть с другого места,— решил он.— Отвести взгляд и посмотреть снова — вдруг тогда все станет ясно?»

Ему обязательно, во что бы то ни стало надо узнать, Экайер ли это.

Окружающее виделось Теннисону в дымке, очертания графиков расплывались, воздух — если это был воздух — колебался, дрожал.

«Если хоть что-нибудь тут стояло на месте, я бы смог все как следует разглядеть»,— страдал Теннисон. Вся беда была в том, что вроде бы и не менялось ничего, но во всем ощущалась такая зыбкость, такая изменчивость — того и гляди, все растает.

Он исполнил свое намерение — отвел глаза в сторону и снова взглянул на то же самое место в надежде, что застанет график врасплох.

«Экайер» исчез! Пропали серый и розовый цвета. Теперь на этом месте возникли совершенно другой график и другая цепочка уравнений. Они горели ярко-лиловым и золотым цветами.

Глядя на этот график, Теннисон окаменел. Мурашки побежали по спине. В ужасе он закричал:

— Мэри! Мэри! Мэри!

Пытаясь стряхнуть оцепенение, мучительно напрягая последние силы, он попытался вырваться оттуда, где находился. Но бежать было некуда, и какая-то неведомая, невидимая сила держала его, не давая уйти.

— Нет! Нет! Нет! — кричал он, а кто-то шептал ему:

— Ну-ну-ну...— И ласковые руки гладили его...

Открыв глаза, он обнаружил, что кругом темно,— и это было странно, ведь глаза его были открыты.

Знакомый голос произнес:

— Нет-нет, Губерт, все в порядке. Просто ему снился страшный сон.

— Джилл...— слабым голосом выговорил Теннисон.

— Да, милый. Все хорошо. Я с тобой. Ты вернулся...

Он лежал на кровати. Над ним склонилась Джилл, а в дверном проеме застыл Губерт.

— Я сегодня задержалась допоздна,— объяснила Джилл.— Думала, ты уже спишь, но на всякий случай постучала, и Губерт впустил меня. Я хотела повидаться с тобой. Мне так много нужно сказать тебе, Джейсон.

— Я был в математическом мире,— сказал Теннисон.— Опять он мне приснился. Джилл, я видел Экайера — он был серо-розовый, а когда я на секунду отвел взгляд...

— Ты кричал что-то про Мэри. Там была Мэри? Райская Мэри?

Он кивнул и попытался сесть, все еще не в силах окончательно прогнать кошмарное видение.

— Мэри была лиловая и золотая,— сказал Джейсон.— И это было ужасно!

Глава 19

Двенадцать лет Декер не возвращался к катеру — да, двенадцать лет назад он ушел отсюда насовсем, а катер остался лежать в небольшом, заросшем густой травой ущелье между отвесными скалами. За годы все вокруг сильно заросло, но не настолько, чтобы катера совсем не стало видно. По всей

вероятности, не только Декер, но и никто сюда не наведывался все эти годы, потому что катер лежал так, как запомнил Декер. Он сам удивился, что легко удалось разыскать катер, не заблудиться в бесчисленных отрогах и выйти куда нужно.

— Ты здесь, Шептун? — спросил Декер.

Можно было и не спрашивать, но все-таки...

— Да, Декер, я здесь. И глухоман здесь. Он много дней подряд наблюдал за нами.

— На что мы ему сдались?

— А он просто любопытный. Интересно ему. Ты интересен и вообще люди. И мне ты интересен. Зачем ты вернулся к своему началу?

— Это не мое начало,— ответил Декер.— Начало мое не здесь, оно было далеко отсюда.

— Ну, тогда... к своему началу на этой планете.

— Скажем так. Знаешь, что это такое там лежит?

— Ты мне говорил. Спасательный катер. Устройство, которое пронесло тебя в целости и сохранности через пространство, пока не отыскало планету, на которой ты был бы в безопасности, где ты мог бы выжить. А больше ты мне никогда ничего не рассказывал. Мне, самому близкому другу...

— Ты — мой самый близкий друг?

— Если не я, назови другого.

— Увы, ты прав,— признался Декер.— Ну, слушай. Выйдя из анабиоза, я даже не представлял, куда меня занесло. Поначалу мне показалось, что это необитаемая, девственная планета, что здесь нет никакой, даже самой примитивной цивилизации. Я начал ее познавать, исследовать. За временем я не следил, но, наверное, многие недели бродил по округе и не видел ничего, кроме дикой природы, и должен тебе сказать, что это мне было по душе. Я решил, что я один-одинешенек на всей планете. Но как-то раз, на много дней отойдя от катера, я вышел на высокий горный гребень и увидел Ватикан — белоснежные, строгие здания вдали. И я понял, что не одинок, что здесь живут разумные существа, хотя тогда я даже не догадывался, кто они такие.

— Но ты не побежал туда сломя голову?

— Откуда ты знаешь, Шептун?

— Я догадываюсь, потому что я знаю тебя, Декер. Я знаю, что ты за человек — сам по себе, замкнутый, никто тебе не

нужен, никому не желаешь ничего про себя рассказывать. Отшельник. Одиночка.

— Все-то ты знаешь,— вздохнул Декер.— Несносное создание.

— От такого слышу,— сказал Шептун.— А еще гордый очень. Ох и гордый... А почему ты такой гордый, Декер?

— Если бы я знал. По-моему, я всегда такой был.

А глухоман притаился в зарослях на взгорье, на самом краю усеянного валунами плато, и смотрел на них сверху вниз. Только сейчас Декер отчетливо ощутил его присутствие. Догадываться о том, что глухоман неподалеку, он стал еще до того, как об этом объявил Шептун.

— А глухоман-то все не уходит,— сказал он Шептуну.

— Не обращай внимания,— посоветовал Шептун.— Он просто хочет смотреть на нас — и смотрит. Думает, мы не знаем, что он здесь.

Декер пожал плечами и задумался. Он вспомнил о том дне, когда впервые увидел Харизму и Ватикан, увидел и понял, что он не один на необитаемой планете. В тот день он вернулся к катеру, собрал кое-какие пожитки — инструменты, посуду — все самое необходимое — и отправился в сторону поселка, только раз остановившись, чтобы бросить взгляд на катер, лежавший в травянистом ущелье,— последний, прощальный взгляд.

Добравшись до поселка, он выбрал место на окраине и, никому ничего не говоря, принялся за постройку хижины. Валил деревья нужного размера, сдирал кору, прикатывал бревна на место постройки. Набрал камней, чтобы сложить печку и очаг, сходил в поселок и купил в небольшой лавчонке стекла для окон. Законопатил щели между бревнами мхом и глиной. Набрал дров про запас и хвороста, сложил поленницу. Вскопал и разрыхлил землю под сад и огород и еще раз наведался в поселок, чтобы купить семян и саженцев. Посадил деревья, засеял огород. Все время потом он жил тем, что давал ему собственный клочок земли. Правда, иногда он охотился, но только чтобы прокормиться. Пока в саду и огороде ничего не созрело, он разыскивал в лесу дикие растения и пересаживал на грядки. Ловил рыбу в ближайшем ручье.

Поначалу его навещали любопытствующие обитатели поселка; казалось, вопросы так и вертятся у них на языке. Как-

то заглянул монах из Ватикана — робот в коричневом балахоне, самый симпатичный из всех роботов, которых Декеру когда-либо доводилось встречать. Но почему-то Декеру показалось, что он не простой монах. Все, кто навещал Декера в первые дни, считали своим долгом наболтать ему как можно больше про Харизму и надавать советов. Декер наматывал на ус все, что ему рассказывали, а советы большей частью пропускал мимо ушей. Выболтав последние новости и не преминув дать самые полезные рекомендации, всякий норовил узнать побольше о хозяине. Декер не грубил, а попросту отмалчивался — делал вид, что не слышит вопросов,— и посетители уходили несолоно хлебавши. Кое-кто отваживался навестить его еще раз, но результат был тот же. В конце концов все махнули на него рукой.

Что, собственно, было совсем неплохо. Ему только того и надо было — чтобы все оставили его в покое. Порой, правда, он испытывал угрызения совести оттого, что так обходился со своими соседями, но всякий раз он приходил к выводу, что иначе нельзя и это — лучший выход из положения. Лучше ничего не говорить, пусть думают что хотят, нечего давать пищу для размышлений и рассказывать свою историю. Они могли сплетничать в свое удовольствие много лет.

«Почему ты вернулся к своему началу? — спросил его Шептун.— Почему вернулся к своему началу на этой планете?»

«А на самом деле, почему?» — теперь он спрашивал себя. На этот вопрос у него не было ответа. Просто потянуло сюда, и все.

«Эх, Декер, Декер,— пожурил он себя мысленно,— совсем ты из ума выжил, если уж сам про себя ничего не знаешь...»

— Декер,— прервал Шептун его раздумья,— знаешь, а этот Теннисон мне понравился.

— Да, он симпатяга.

— Он ведь увидел меня,— сообщил Шептун.— Уверен, он меня увидел. А таких, кто меня может видеть, мало. Это, знаешь, надо способности иметь, чтобы меня увидеть.

— Он тебя увидел? А откуда ты знаешь? А мне почему не сказал ничего?

— Я молчал, потому что сам не был уверен. Но я долго думал и вот теперь знаю точно. Он меня увидел и сначала не

поверил своим глазам. Протирал глаза, думал, что с ними что-то не то. Ты что, не помнишь? Ты же сам спросил у него, не попало ли ему что-то в глаз. А он сказал, что, наверное, пыль. А ты еще раз спросил, может, нужно глаз промыть, а он сказал, что не надо, что все в порядке. Ну, вспомнил?

— Да, теперь вспомнил, когда ты рассказал.

— Ну вот. Я и сам кое-что увидел. Но только мельком. Пока точно не знаю что.

— Ты не говорил с ним? Не пытался заговорить?

— Нет, говорить не пытался. Но знаешь, он человек непростой, необычный. Это точно.

— Ну ладно,— сказал Декер.— Мы с ним еще увидимся. Вот и разглядишь получше, что это в нем такое необычное.

Глухоман ушел. Он больше не прятался в зарослях среди валунов. Декер перестал ощущать его присутствие.

— Давай-ка спустимся пониже,— предложил Декер Шептуну.— Поглядим, как там катер.

Глава 20

Через полчаса после того, как Джилл ушла в библиотеку, явился Экайер. Губерт впустил его и, явно недовольный, удалился в кухню, где сердито гремел посудой. По всей вероятности, Губерта раздражало, что люди так долго просиживают за столом.

— Что-то ты рано сегодня,— отметил Теннисон.— Присаживайся, выпей чашечку кофе.

— Кофе выпью,— согласился Экайер,— но, имей в виду, рассиживаться нам с тобой особо некогда.

— Ну у меня-то времени много,— возразил Теннисон.— В клинику еще рано...

— Не так уж много, как ты думаешь. Нас с тобой удостоили великой чести. Нас благословили.

Теннисон удивленно взглянул на Экайера.

— Благословили на аудиенцию с его святейшеством.

— Ого!

— И это все, что ты можешь сказать?

— А что я, по-твоему, должен сделать? Упасть замертво? Встать по стойке «смирно»? Пасть на колени в священном трепете?

— Ну, не знаю... Мог бы, по крайней мере, выказать хоть какое-то уважение,— хмыкнул Экайер.— Это, знаешь ли, не шутки — удостоиться такой аудиенции.

— Прошу прощения. А я так сразу не догадался. А в чем дело?

— Точно не знаю. Но предполагаю, что это из-за случая с Мэри. Ну, из-за рая. Феодосий и Робертс пойдут с нами.

— Это кардиналы, что ли?

— Да, кардиналы.

— Странно,— пожал плечами Теннисон.— Ну, почему Папа желает видеть тебя — это мне, скажем, более или менее понятно. Если речь действительно пойдет о рае, то ты в этом, как говорится, по уши. А я-то тут при чем?

— Мэри — твоя пациентка. Может быть, он хочет узнать какие-то медицинские подробности. А может, дело вовсе и не в рае. Может, ему просто хочется с тобой познакомиться. Человек ты новый, а обычно новый член Ватикана всегда бывает представлен Папе. Вполне естественно, что он желает взглянуть на нового ватиканского врача. Наверняка это давно планировалось, просто время сейчас такое, напряженное.

— Подозреваю, что тут всегда время напряженное.

— В общем, да. Но иногда бывает напряженнее обычного.

Пол и Джейсон пили кофе. Губерт продолжал греметь посудой изо всех сил. Наконец Экайер не выдержал и крикнул:

— Губерт!

— Да, сэр? — отозвался робот.

— Прекрати там греметь. Имеем мы право спокойно посидеть, кофе попить? Ты что, в самом деле?

— Ну конечно, сэр,— сказал Губерт. Шум затих.

— Совсем разболтался,— пробурчал Экайер.— И ведь я сам его избаловал на свою голову. Просто не знаю, что делать.

— Пол, я хотел спросить тебя кое о чем.

— Спрашивай, только быстро.

— Видел я кристалл один, такой... математический... уравнения там, графики... Я вроде бы тебе говорил. Ты сам-то его смотрел?

— Ну... да, как будто смотрел. Только давно. Он ведь был записан несколько лет назад.

— Ты говорил, что этот Слушатель возвращался туда несколько раз, но так ничего особенного не узнал.

— Да, к сожалению,— подтвердил Экайер.— А что, ты этим увлекся?

Теннисон кивнул и поставил на столик пустую чашку.

— Что-то в этом есть. А ухватить никак не удается. Только подумаешь: вот вроде бы начал что-то понимать — ан нет, все пропадает. Может быть, если бы я умел лучше манипулировать своим сознанием, а так... просто полным идиотом себя чувствую.

— Что — так-таки ни малейшей идеи, что бы это могло быть такое?

— Никакой. Чертовщина просто. Нет, это не бессмыслица, говорю же, что-то есть, но что? Я пытался себе представить, что только мог, но это ни с чем не ассоциируется, ничего не напоминает.

— Ты только не волнуйся,— посоветовал Экайер.— Я тебе мог бы кое-что и позанятней показать. Что ты, ей-богу, зациклился на этом кристалле? Все хранилище к твоим услугам, в любое время, когда пожелаешь.

— У меня, честно говоря, других дел хватало. Но вообще, положа руку на сердце, я стал побаиваться собственных впечатлений. И так, видишь, математический мир мне уже сниться начал. А осеннюю страну я просто забыть не могу. Тоскую по ней, тянет еще раз посмотреть. Но что-то меня удерживает — сам не знаю почему...

Экайер решительно допил кофе.

— Пора,— сказал он.— Пошли, навестим Папу.

Глава 21

Папа оказался всего-навсего грубо выполненным портретом — человеческим лицом, нарисованным на металлической пластине, укрепленной на голой каменной стене. Теннисону это лицо показалось похожим на фотографию человека из девятнадцатого столетия — давным-давно он видел ее в книге, найденной в библиотеке. А еще, как ни странно, резкие, угловатые линии, которыми был выполнен набросок, наводили на мысль о головоломке, которую складывают из отдельных кусочков. Лицо не производило впечатления живости, цельности, все время приходилось ловить себя на том, что рассматриваешь отдельные части, а лица целиком не видишь. Да, это был небрежный набросок, самый примитивный рисунок; символичность, приблизительность его ничем не была прикрыта — видимо, ему и не пытались придать никакого величия, могущественности. А может быть, наоборот — за счет внешней простоты пытались сообщить лицу большую выразительность?

Маленькая приемная, в которой они сидели, тоже была весьма скромной — это была всего-навсего ниша, вытесанная в скальной породе, из которой сложен горный кряж — основание Ватикана. Четыре голые каменные стены, а посередине одной из них — металлическая пластина, знак Папы. Чтобы попасть сюда, Теннисон и его спутники спустились по множеству лестниц и галерей, выбитых в твердом граните. Не было никаких сомнений — Папа-компьютер упрятан в самом сердце горы.

«Не исключено,— подумал Теннисон,— что существуют и другие приемные и там тоже выставлены такие лики Папы, а может быть, есть помещения и побольше, и лики побольше, ведь наверняка бывают случаи, когда вся ватиканская община должна собираться вместе и представать перед его святейшеством. Мульти-Папа,— думал Теннисон,— многоликий и вездесущий».

Папа заговорил. Голос у него был негромкий, одновременно мягкий и холодный. Абсолютно непохожий на голос человека, но и на голос робота тоже. Роботы никогда не разговаривали с человеческими интонациями, но порой в их речи проскальзывали слова, которые они произносили, вкладывая в них что-то смутно напоминающее человеческую теплоту. Этот же голос был начисто лишен каких бы то ни было эмоций, никакого тепла в нем не было и в помине. Не человек, не робот... но все-таки не такой механический голос, которого можно было ожидать от машины. Он произносил слова с поразительной четкостью, и мысль, стоявшая за сло-

вами, была такая же четкая и безупречная — машинная, компьютерная, электронная мысль.

— Доктор Теннисон,— сказал Папа.— Расскажите мне о Слушательнице Мэри. Каково, по вашему мнению, ее психическое состояние?

— Я тут мало чем могу быть полезен, ваше святейшество,— ответил Теннисон.— О ее физическом состоянии — пожалуйста, могу рассказать. Я не психиатр.

— Тогда какой от вас толк? — сказал Папа.— Был бы у нас врач-робот, о чем мы неоднократно говорили, он бы разобрался в состоянии ее психики.

— Тогда,— сказал Теннисон,— создайте такого врача.

— Вам известно, ваше святейшество,— вступил в беседу кардинал Феодосий,— что люди в Ватикане не стали бы доверять врачу-роботу. Как вы справедливо отметили, мы уже не раз обсуждали этот вопрос...

— Это не имеет отношения к делу,— возразил Папа.— Вы придираетесь к моему замечанию, чтобы уйти от поставленного вопроса. Вы что скажете, Экайер? Вы как-то исследовали ее психику?

— Нет, ваше святейшество,— ответил Экайер.— Ее психику мы не исследовали. Я, ваше святейшество, тем более не имею опыта в исследовании человеческой психики. Все, что я могу,— это описать поведение Слушательницы Мэри. До сих пор все то время, что она у нас работала, она отличалась мягким, добрым характером, была предана работе. Но с тех пор, как она нашла рай или думает, что нашла его, она сильно переменилась. Она страшно заважничала, возгордилась, и с ней стало трудно общаться.

— И вас это нисколько не удивляет? Поразительно. Мне это представляется совершенно немыслимым, абсолютно нелогичным. Если она действительно нашла рай, как утверждает, то было бы гораздо логичнее, если бы после такого события в ее жизни она стала еще более преданной и смиренной. Гордыня, о которой вы тут рассказываете, не к лицу истинной христианке. Надеюсь, вам это известно.

— Ваше святейшество, что касается меня,— ответил Экайер,— то я сам не вправе называть себя истинным христианином. Вы мне льстите.

— А Слушательница Мэри? Она христианка?

— Ваше святейшество, я в этом не уверен. Как бы то ни было, вы должны понимать, что Поисковая Программа не имеет ничего общего с вопросами богословия.

— Странно. А зря. Стоило бы вам уделять этому побольше внимания.

— Ваше святейшество,— вмешался кардинал Феодосий.— Вы сегодня настроены предвзято. Позволю себе заметить, что такое отношение не делает вам чести. Вы недооцениваете деятельность руководителя Поисковой Программы, нашего друга и соратника. Многие годы он оказывал нам неоценимую помощь.

— Преосвященный,— забеспокоился кардинал Робертс.— Не кажется ли вам, что вы много себе позволяете?

— Нет, не кажется,— упрямо проговорил Феодосий.— Совещание у нас неофициальное, и нужно с уважением выслушивать мнение каждого. Все вопросы следует обсуждать откровенно и спокойно.

— До сих пор никто из присутствующих,— сказал Папа,— и не пытался обсудить никаких вопросов. Обнаружение рая или предполагаемое его обнаружение создало ситуацию, которая выходит из-под контроля. Известно ли кому-нибудь из присутствующих, что в общине все сильнее распространяется стремление канонизировать Слушательницу Мэри, провозгласить ее святой? До сих пор мы еще никого не канонизировали, а если бы и собирались это сделать, должны были бы дождаться, пока кандидат на канонизацию спокойно отойдет в мир иной.

— Ваше святейшество,— вмешался кардинал Робертс.— Мы все прекрасно знаем то, о чем вы говорите. Все мы осознаем всю серьезность создавшейся ситуации, всю таящуюся в ней опасность. Идея канонизации на первый взгляд представляется совершенно невозможной, но на данном этапе было бы неразумным открыто вмешаться и выступить против настроения масс. Мы не можем обойти стороной тот факт, что многие, пожалуй большинство молодежи, младшей братии Ватикана, несмотря на то что минуло столько лет, все еще увлечены той простотой, той великой надеждой, которую обещает христианская вера.

— О чем вы, кардинал? О каком обещании, о какой надежде? — вопросил Папа.— Это полная бессмыслица. Ни один робот, каким бы верующим ни был, безусловно, не может питать никаких надежд на загробную жизнь. Зачем ему такие надежды? У него не может возникнуть такой потребности, если только он будет как следует о себе заботиться и содержать себя в исправности.

— Пожалуй, это наша вина,— вмешался Феодосий.— Многие из наших послушников — фермеры, садовники, лесозаготовители, рабочие, даже многие из монахов — исключительно простодушны. Для них главная идея христианства, пусть даже в несколько извращенном виде, являет собой могущественный стимул. Они многого в христианстве не понимают, это правда, но на Земле, много веков назад, массы людей, утверждавших, что они — христиане, понимали еще меньше. Наши люди и роботы не знают того, что знаем мы, более посвященные, но мы никогда и никому не пытались ничего объяснить. Нам известно, что жизнь и разум могут существовать в самых разнообразных формах, как в биологических, так и в небиологических; самые непостижимые виды разума обнаруживаем мы за пределами пространства и времени. Мы знаем, что существует другая вселенная, а может быть, и третья, и четвертая, хотя пока не можем утверждать этого. Мы только догадываемся о том, что существует некий универсальный Принцип, гораздо более сложный, чем тот, что правит в пространственно-временной Вселенной. Следовательно, мы вправе предположить, что, если рай и существует, это ни в коем случае не символический христианский рай, не «Земля избранных», не «Остров счастливой охоты» — как бы это ни называлось в других вероисповеданиях. Не может это быть настолько упрощенно и материально, как широкая золотая лестница и гордо парящие ангелы...

— Все это верно,— сказал Робертс,— но проблему посвящения в эти знания нашей братии мы не раз обсуждали и всякий раз сходились на том, что всего целиком сообщать им не стоит. Просто страшно себе представить, какие кривотолки, какие безумные интерпретации повлекло бы за собой раскрытие им даже отдельных фрагментов того, что нам известно! Да, мы создали элиту внутри Ватикана, узкий круг посвященных. И только эта элита имеет доступ к знанию во всей его

полноте. Может быть, это и ошибка, заблуждение, но я думаю, что такая тактика оправдана опасностью раскрытия всех фактов. Раскрой мы карты полностью — и мы неизбежно столкнемся с уймой ересей. Просто невозможно будет продолжать работу, если каждый робот будет убежден, что именно он, и никто другой, все уяснил правильно, и будет считать своей священной обязанностью убедить в этой правоте заблудших собратьев. Начнутся распри, раскол, которые окончательно разъединят нашу братию. Было бы разумнее — к этому выводу мы приходили всякий раз — оставить все как есть. Пусть остальные пребывают в относительном неведении, исповедуют приблизительное христианство.

— Болтовня! — резюмировал Папа ледяным, холодящим душу голосом.— Что это, как не досужая болтовня? И самое отвратительное, что вы развязали языки в присутствии двоих людей, которым совершенно необязательно слушать все это.

— Что касается меня, ваше святейшество,— возразил Экайер,— то многое из сказанного мне давно знакомо. И у меня на этот счет были и есть собственные сомнения и предположения. Что же до моего друга, доктора Теннисона...

— Да,— прервал его Папа, не дав закончить фразу,— вы что скажете, доктор Теннисон?

— За меня можете не беспокоиться, ваше святейшество,— ответил Теннисон.— Если вас волнует, не брошусь ли я сломя голову в единоличный крестовый поход, чтобы донести правду до остальных членов Ватикана, то могу вас заверить, что не испытываю ни малейшего желания. Я намерен остаться в стороне и не без интереса наблюдать за всем происходящим, не вмешиваясь.

— Насчет другой вселенной,— проговорил Робертс, обращаясь к Папе,— нет нужды опасаться, что слух об этом смогут распространить двое людей, которые недавно присоединились к нам. Они не улетят отсюда.

— Не знаю, не знаю,— хмыкнул Папа.— Есть еще человек Декер. Вообще неизвестно, откуда он взялся. Выяснил кто-нибудь из вас наконец, как он появился здесь?

— Нет, ваше святейшество, к сожалению, мы ничего пока об этом не знаем,— ответил кардинал Феодосий.

— Вот видите! Если один из людей сумел пробраться сюда так, что мы об этом не узнали, где гарантия, что он или кто-

то другой не сумеет с таким же успехом ускользнуть? Люди — хитрый, изворотливый народец. Следует получше следить за ними.

— Они — наши собратья, ваше святейшество,— возразил Феодосий.— Они всегда были и навсегда останутся нашими собратьями. Существует нечто вроде негласного договора между роботами и людьми. Долгие годы мы шли с людьми плечом к плечу.

— Они эксплуатировали нас,— уточнил Папа.

— Они дали нам все, что у нас есть,— не согласился Феодосий.— Не будь людей, и роботов бы не было. Они создали нас по своему образу и подобию — больше никто во Вселенной, ни одна цивилизация не сделала ничего такого. Другие цивилизации создавали машины, но не роботов.

— И тем не менее,— вмешался Теннисон,— только что было сказано, что мы не можем улететь отсюда — ни я, ни женщина, моя спутница. Это что, и есть проявление братства, о котором вы так замечательно разглагольствуете? Хотя... я чего-то в этом роде и ожидал.

— Вы спасались бегством,— возразил Феодосий.— А мы предоставили вам убежище. Вправе ли вы требовать большего?

— Ну а Джилл?

— Джилл,— ответил Феодосий,— другое дело. Убежден, она сама не хочет покидать нас.

— Ну, если на то пошло, и у меня нет особого желания улетать отсюда. Но мне хотелось бы верить, что я буду иметь такую возможность, если желание возникнет.

— Доктор Теннисон,— жестко сказал Папа.— Мы не для того собрались, чтобы обсуждать, можно вам улететь или нельзя. Оставим это до другого раза.

— Договорились. Будьте уверены, я не премину к этому вернуться.

— Да-да, конечно,— сказал Экайер.— Надо будет обязательно еще поговорить об этом.

— А теперь,— предложил Папа,— давайте все-таки вернемся к тому, с чего начали, то есть к вопросу о рае.

— У меня такое впечатление,— сказал Экайер,— что проблема не так уж сложна. Вопрос можно поставить так: существует рай или не существует? Если не существует, то и разговаривать не о чем. Почему бы не отправить туда экспедицию и не убедиться? У Ватикана, насколько мне известно, есть возможность перемещаться куда угодно...

— Но координат ведь нет,— сказал Робертс.— Кристалл с записью наблюдения Слушательницы Мэри не содержит координат. Прежде чем отправиться в путь, нужно знать координаты.

— Мэри может сделать еще одно наблюдение,— предложил Теннисон.— И может быть, во время следующего наблюдения она сможет определить координаты.

Экайер покачал головой.

— Сомневаюсь, что она захочет проделать это еще раз. Мне кажется, она побаивается.

Глава 22

День был туманный. Полоса низких туч перерезала горы пополам. Земля, казалось, покрылась клочьями серой шерсти. Тропинка, по которой шагал Теннисон, пошла на подъем, а когда он взобрался повыше, туман немного рассеялся и он разглядел хижину на вершине холма. Наверняка это и было жилище Декера. Джейсон не был уверен, что застанет хозяина дома,— было вполне вероятно, что тот отправился на многодневную охоту. Теннисон на всякий случай решил, если Декера дома не будет, вернуться обратно в Ватикан. Настроение у него было самое что ни на есть прогулочное — так или иначе, он собирался бродить до вечера.

Когда Теннисон почти поравнялся с домом, из-за угла показался Декер. Он тащил под мышкой охапку хвороста, но ухитрился помахать свободной рукой и прокричать приветствие, которое несколько приглушил сырой, плотный воздух.

Дверь была открыта. Теннисон переступил порог. Декер пошел ему навстречу. Подойдя, крепко пожал протянутую руку.

— Извини, что не встретил тебя,— улыбнулся он.— Хотелось побыстрее от дров отделаться. Тяжеловато, сам понимаешь. Ну, присаживайся к огню, грейся, а то прохладно сегодня.

Теннисон стянул с плеча рюкзак, сунул туда руку и вытащил бутылку.

— Вот, держи,— сказал он, подавая бутылку хозяину.— Думаю, не помешает?

— Помешает? Шутник! — обрадованно проговорил Декер, поднося бутылку поближе к свету.— Да ты просто спаситель! Я последнюю прикончил на той неделе. Чарли время от времени привозит мне парочку, да не с каждым рейсом. Я не в обиде — ему и самому, наверное, не хватает. Он ведь бутылочки-то, мягко говоря, прикарманивает, знаешь?

— Угу. Если Чарли — это капитан «Странника». Я не знаю его имени.

— Он самый,— подтвердил Декер.— А ты с ним хорошо познакомился?

— Можно сказать, вообще не познакомился. Так — болтали о том о сем. Он мне рассказывал про Померанец.

— А... это планета его мечты. Дело понятное. У каждого есть любимая планета. А у тебя, Джейсон?

Теннисон пожал плечами.

— Я об этом как-то не задумывался.

— Ну ладно, что это мы стоим? Ты давай проходи к огню, присаживайся. Хочешь — положи ноги на камень. Не бойся, ничего не сломаешь. Я сейчас к тебе присоединюсь, вот только стаканчики чистые найду. А вот льда нету, так что не обессудь.

— Да брось ты, какой лед в такую погоду?

Как ни странно, внутри хижина была просторнее, чем казалось снаружи. В одном из углов единственной комнаты была устроена кухня. Там стояла небольшая, сложенная из камня плита, над ней на стене были прибиты полки, уставленные нехитрой утварью. На плите пыхтел котелок с каким-то варевом. Около другой стены стояла деревянная кровать, над ней — полка с книгами. В углу, рядом с очагом, стоял стол, на нем лежало несколько обработанных и не до конца обработанных камней. Теннисон вспомнил, что капитан «Странника» что-то говорил насчет ювелирных занятий Декера.

Декер вернулся со стаканами. Вручив один из них Теннисону, он откупорил бутылку и налил виски гостю и себе. Откинувшись на спинку стула, сделал большой глоток.

— Господи, красота какая,— с наслаждением проговорил он немного погодя.— Успеваешь забыть, как это прекрасно. Всякий раз забываю.

Довольно долго они сидели молча, потягивали виски, глядели на огонь. Наконец Декер нарушил молчание и поинтересовался:

— Ну как делишки в Ватикане? Хоть на отшибе живу, но и до меня кое-какие слухи доходят. Но, похоже, вся округа прямо-таки кишит слухами. Просто не знаешь, чему верить. Я на всякий случай не верю ничему.

— Правильно делаешь. Может быть, в этом и есть высшая мудрость. Я-то живу в Ватикане — и то в половину всего, что слышу, верю с трудом. Надеюсь, когда обживусь, смогу лучше разбираться, чему верить, а чему нет. Кстати, вчера я имел счастье беседовать с его святейшеством.

— Да ну?

— Что ты этим хочешь сказать?

— Да так, просто вырвалось. Ну и какое у тебя впечатление?

— Честно говоря, я разочарован,— ответил Теннисон.— Я ожидал большего. Нет, конечно, когда он отвечает на важные, глобальные вопросы, он — сама мудрость. А вот что касается повседневных мелочей, то тут он такой же профан, как все мы. Может, даже и побольше нас. Я был уверен, что мелочи, суета всякая, его совсем не занимают.

— Ты не насчет ли рая?

— Прости, Том, а ты откуда про это знаешь?

— Слухи. Я же говорю тебе: тут слух на слухе сидит и слухом погоняет. «Рай, рай»,— только об этом в поселке и говорят.

— В Ватикане то же самое. Мне кажется, что тут дело проще простого: либо Мэри нашла рай, либо нашла место, которое приняла за рай. Думаю, у Ватикана есть возможность слетать да поглядеть. Но они машут руками и твердят: «Нет координат!» Наверное, Мэри могла бы еще разок вернуться туда и попробовать узнать координаты. Но Экайер сомневается, что она на это согласится. Ему кажется, что она боится.

— А ты что думаешь?

Теннисон пожал плечами.

— Кому интересно мое мнение?

— И все-таки?

— Ну... я думаю, что Ватикан — официальный Ватикан — хочет умыть руки. Это не Мэри боится, а они. Нет, может быть, Мэри тоже боится, но Ватикан боится вместе с ней. Никто из главных не желает знать, что это такое и с чем его едят. И мне кажется, что больше всего они боятся самого рая.

— Ты совершенно прав,— кивнул Декер.— Кардиналы и прочие тузы богословия уже целую тысячу лет бьются над массой проблем. Надо отдать им должное — они далеко не тупицы. Они натащили тонны информации со всей Вселенной — что бы мы ни считали Вселенной. Очень может быть, что это вовсе не то или не совсем то, о чем мы с тобой думаем. Все эти данные введены в Папу, а его святейшество, как всякий точный компьютер, занимался их корреляцией, сопоставлением и, не исключено, на сегодняшний день сопоставил до такой степени, что им уже кажется, что в общих чертах они уже ухватили нечто главное, глобальное. У них уже начала вырисовываться пускай несколько уязвимая, но довольно красивая картина. Самые разнообразные ее фрагменты большей частью неплохо стыкуются, но все равно в ней наверняка есть белые пятна и даже кое-какие противоречия. Но если сделать некоторые допуски в базовой теории, то противоречиями вполне можно пренебречь. Ватикан, скорее всего, питает надежды, что за следующую тысячу лет они сумеют все утрясти и привести в полное соответствие. И вдруг какая-то простая смертная отправляется в рай, и этот рай — догматический, христианский рай — рушит на корню их замечательную, наполовину выстроенную теорию. Есть от чего руками замахать и напугаться — ведь это одно-единственное свидетельство запросто разрушит все то, чем они столько лет так упорно занимались!

— Я не уверен, что все так просто, как ты сказал,— возразил Теннисон.— То есть это правильно, но, похоже, не все. Может быть, что, помимо всего прочего, Ватикан боится повального, чистосердечного обращения низов к христианской вере. Обычные, рядовые роботы до сих пор испытывают к ней сильное влечение. Не следует забывать, что многие

роботы здесь из первого поколения,— они сделаны на Земле и, следовательно, сильнее связаны с людьми, чем те, более современные, что появились на свет уже здесь после исхода с Земли. Христианство даже сейчас, через пять тысячелетий после Рождества Христова — вера, исповедуемая огромным количеством людей. Ватикан отнюдь не против того, чтобы большинство роботов продолжали, так сказать, поверхностно воспринимать христианскую веру, но если они в ней укрепятся, если воцарится фанатизм, это вызовет жуткое замешательство, беспорядки и нанесет ощутимый вред той работе, которую ведет Ватикан. Думаю, разговоры о рае в этом плане — вполне веская причина для беспокойства.

— Несомненно, это так,— согласился Декер.— Но все-таки я просто уверен, что больше всего Ватикан страшится любого фактора, способного разрушить созданную им картину мира.

— А тебе не кажется,— спросил Теннисон,— что логичнее было бы проявить нормальное любопытство? Что толку зарывать головы в песок и надеяться, что, если они ничего не будут делать, рай возьмет да испарится?

— Кто знает... Может быть, со временем они и предпримут что-нибудь практическое. Повторяю: они очень и очень неглупы. Сейчас они просто-напросто приходят в себя после шока. Дай время — и они снова обретут почву под ногами.

Он потянулся за бутылкой и приветственно поднял ее. Теннисон протянул свой пустой стакан. Налив виски, Декер подлил и себе и опустил бутылку на пол.

— Вообще, если задуматься, дело нешуточное,— проговорил Декер, отхлебнув виски.— Понятие, пронесенное через века, в муках, самой обычной формой жизни на заурядной планете под скромным солнцем, ставшее закономерным продолжением веры, ее кульминацией, только ею поддерживаемое и питаемое,— и вот теперь оно угрожает тысячелетним стараниям группы исключительно умных роботов! Нет, я не хочу сказать, что человек — самое глупое существо в Галактике, но все-таки и не самое умное. Разве возможно, Джейсон, чтобы человек только за счет горячего желания и искренней надежды отыскал бы истину, которая...

— Я не знаю,— признался Джейсон.— Думаю, никто не знает.

— А ведь мысль интригующая, согласись.

— Мысль пугающая,— уточнил Теннисон.

— Эх, жаль, что в Ватикане смотрят на вещи так однобоко, что они так беззаветно преданы своим попыткам отыскать истину в последней инстанции, универсальную веру для всей Вселенной... А ты хоть что-нибудь знаешь, до чего они уже докопались?

— Понятия не имею,— ответил Теннисон.

— А я почти уверен, что уже сейчас они знают ответы на массу вопросов, которые другим и в голову не приходили. Они наверняка уже очень глубоко забрались под кору вселенского Знания. Реши они уже сейчас воспользоваться тем, чем владеют, и они просто положат на лопатки всю Галактику! Слава богу, они об этом и не помышляют. Они настолько заняты своими делами, что даже не задумываются о таких понятиях, как «слава» или «могущество».

Декер поставил стакан на каминный камень, встал и отправился в тот угол, где была кухня, приподнял крышку котелка и помешал варево.

В это мгновение в нескольких дюймах от крышки стола, на котором лежали камни, возникло маленькое облачко искристой пыли. Пылинки поблескивали в отсветах пламени очага. Теннисон резко выпрямился, рука, державшая стакан, дрогнула, и немного виски выплеснулось ему на колени. Он вспомнил, что в тот день, когда он познакомился с Декером, он видел точно такое же облачко пыли над правым плечом Декера. Тогда он отвернулся, а когда снова посмотрел, облачко уже исчезло. Теперь, как он ни жмурился и ни таращил глаза, облачко оставалось и никуда не исчезало. Висело над столом — черт знает что такое!

Декер вернулся к огню, взял стакан и уселся на стул.

— Как насчет того, чтобы поужинать со мной? — спросил он.— У меня нынче жаркое. Хватит на двоих, даже останется. Сейчас замешу тесто, испеку хлеб. Горячий, пальчики оближешь! Кофе, увы, кончился, а чай есть.

— Чай — это просто отлично!

— А потом заведу «старушку Бетси» и отвезу тебя домой. А то темно уже будет, неровен час — заблудишься. А хочешь — оставайся ночевать. Кровать я тебе уступлю, и лишнее одеяло найдется. А сам на полу устроюсь.

— Я бы с радостью, но мне обязательно нужно вернуться сегодня.

— Ну, нет так нет. Только скажи когда.

— Том,— осторожно проговорил Теннисон.— Знаешь, у меня поначалу было такое впечатление, что ты человек крайне необщительный. Мне говорили, будто ты вообще отшельник.

— Чарли небось?

— Да, наверное. Я больше ни с кем про тебя не говорил. И никого не спрашивал.

— А и спросил бы, тебе любой то же самое сказал бы.

— Мне и в голову не приходило кого-то спрашивать.

— Даже меня не спрашиваешь. Когда я сюда попал, как я здесь очутился? И почему?

— Ну, если на то пошло, ведь и я тебе о себе ни слова не сказал,— пожал плечами Теннисон.— Хотя мог бы. Правда, в моей истории ничего такого интересного нет.

— Поговаривают,— сказал Декер,— будто бы ты спасался бегством. По крайней мере, так болтают в деревне.

— Все точно,— подтвердил Теннисон.— Желаешь узнать подробности?

— Не имею ни малейшего желания. Давай-ка лучше я тебе подолью.

Оба умолкли и сидели, потягивая виски и глядя на огонь.

Декер поерзал на стуле.

— Если не возражаешь, я бы хотел еще немного о роботах поговорить. Понимаешь, чтобы правильнее понять точку зрения Ватикана, нужно, по-моему, задать себе вопрос: «Что такое робот?» Слишком часто мы все упрощаем и считаем робота механическим человеком, а ведь это далеко не так. И больше и меньше одновременно. Подозреваю, что роботы частенько считают себя чем-то вроде «немножко других людей», и тут они точно так же ошибаются, как мы. Странно, правда, что люди и роботы ошибаются одинаково?

Самый первый вопрос, который следовало бы себе задать: способен ли робот любить? Дружелюбие — да, чувство долга — да, логика — да. Но как быть с любовью? Способен ли робот питать искреннюю привязанность к кому-то или чему-то? У роботов нет семей, детей, никаких родственников по крови. Любовь — эмоция биологического порядка. Нам не

следует ждать такой эмоции от робота, так же как роботу не стоит надеяться, что он может ее испытать. Ему некого любить, не о ком заботиться, некого защищать — ему даже о самом себе особо заботиться не надо. При минимальном ремонте он может существовать практически вечно. Для него не существует понятия старости, которой мы все так боимся. Ему не надо копить гроши на черный день, на похороны. Что же до личной жизни, каких-то близких отношений друг с другом, то об этом и говорить не приходится. И из-за всего этого в жизни робота возникает зияющая, ничем не заполненная дыра.

— Но, прости,— возразил Теннисон,— может быть, он сам вовсе и не помышляет, что с ним что-то не так. Ему-то откуда знать, что у него чего-то не хватает?

— Согласен, это было бы так, если бы роботы жили сами по себе, отдельно от биологических форм жизни. Но они так не живут и, подозреваю, не могут жить. Они привязаны к людям, их к людям тянет. И, наблюдая за людьми столько лет, они должны были хотя бы подсознательно почувствовать, чего они лишены.

— Вероятно, ты клонишь к тому, что, будучи лишенными возможности любить и ощутив ту самую пустоту, о которой ты сказал, они обратились к религии, надеясь верой заполнить эту пустоту. Но, прости меня, смысла в этом маловато. Ведь религия немыслима без любви.

— Ты забываешь,— сказал Декер,— что любовь — не единственное, на чем основана религия. Есть еще вера. Причем порой — вера прямо-таки слепая. А робот сконструирован так, что очень долгое время может существовать именно за счет слепой веры. У меня сильное подозрение, что если бы робот стал религиозным фанатиком, он посрамил бы многих людей.

— Но тогда другой вопрос,— проговорил Теннисон.— То, чем владеет Ватикан, то, к чему он стремится,— религия или нет? Почему-то мне часто кажется, что это не так.

— Может быть, поначалу это была религия,— предположил Декер.— И по сей день многие простые ватиканцы искренне верят, что главная их цель, которой они посвятили жизнь,— религия. Но направленность деятельности Ватикана с годами сильно изменилась. В этом я просто уверен. Сейчас

они ведут поиски на уровне типов вселенных. Кардиналы, наверное, скажут, что они ищут вселенскую, универсальную истину. Что, если задуматься хорошенько, больше соответствует типу ментальности роботов, чем какая бы то ни было вера. Но если они достигнут чего-то в конце пути, по которому пошли, и это что-то, к их некоторому удивлению, окажется-таки истинным, универсальным, вселенским богословием, они и этому будут рады.

— Ну а если это окажется чем-то другим,— закончил его мысль Теннисон,— они тоже возражать не станут?

— Точно,— кивнул Декер.

А маленькое облачко алмазной пыли все еще висело над столом. Казалось, оно, как птица, пытается защитить, спасти камни, укрыть их крылом. Иногда облачко как будто поворачивалось, и пылинки поблескивали всеми цветами радуги в отблесках пламени, но большую часть времени оно неподвижно висело на одном и том же месте над столом.

На языке Теннисона вертелся вопрос, но он сдержался и промолчал. Декер наверняка сам прекрасно видел загадочное облачко и, судя по всему, понимал, что гость его тоже видит. Если и говорить об этом, то начать должен Декер. Декер молчал, значит, так тому и быть.

Декер заговорил, но совсем о другом:

— Прошу прощения, я опять про это. Про рай. Ты видел запись?

— Это не совсем запись. Это такой кристалл. Кубик. Нет, не видел. Другие видел, а этот, где рай, не видел. Знаешь, у меня даже как-то язык не повернулся попросить, чтобы мне его показали. Мне кажется, это что-то такое... очень личное, что ли.

— Слушай, ты же говорил, что Ватикан мог бы слетать и посмотреть.

— Ну да,— кивнул Теннисон.— Но координат нет.

— А я догадываюсь, где это может быть,— сказал Декер неожиданно и замолчал.

Теннисон весь напрягся. Декер молчал.

Наконец Теннисон не выдержал.

— Догадываешься? — спросил он шепотом.

— Да. Я знаю, где рай.

Глава 23

— Просто голова кругом идет,— признался Экайер.— Ничего не понимаю. Теперь Мэри заявила, что хочет совершить еще одно путешествие в рай.

— Если получится,— уточнил Теннисон.

— У нее? Получится,— убежденно кивнул головой Экайер.— Должно получиться. Она — самая лучшая из наших Слушателей. Во всяком случае, способна совершить повторное путешествие. Понятия не имею, какими именно качествами обладают Слушатели, чтобы безошибочно возвращаться в одно и то же место. Но за годы многие Слушатели доказали, что такие способности у них есть. Если бы мы могли понять, что это за качества, то попробовали бы обучить этому искусству остальных. Но хватит об этом. Меня волнует другое: почему Мэри вздумалось проделать это сейчас? Ведь несколько дней назад она и слышать об этом не желала!

— Ну, может быть, ей хочется сделать что-нибудь такое, чтобы снова привлечь внимание к своей особе,— предположила Джилл.— Ведь вы оба старательно пытались ей внушить, что не такая уж она важная птица.

— А что еще мы могли сделать? — развел руками Экайер.— Я чувствовал, что это необходимо, и, похоже, Джейсон был солидарен со мной.

— Вот уж не знаю, правы вы были или нет,— хмыкнула Джилл,— но тактика ваша сработала на все сто. Ну а теперь, раз уж она собралась в путь, есть ли хоть какая-то возможность убедить ее в необходимости добыть координаты?

— Поговорить можно, конечно,— неуверенно произнес Экайер.— Весь вопрос в том, как она к этому отнесется, Джилл, а может, ты с ней попробуешь побеседовать? Ну, как женщина с женщиной?

— Сомневаюсь, что у меня выйдет,— покачала головой Джилл.— Ведь мы с ней ни разу не виделись. Вряд ли она отнесется ко мне с доверием. Может получиться наоборот: она решит, что все ополчились против нее.

— А Декер,— неожиданно вступил в разговор Теннисон,— похоже, знает, где рай. Я вчера с ним разговаривал.

— Что за чушь? — воскликнул Экайер.— Откуда ему-то знать? И как он *может* знать?

— Он не сказал, а я не спрашивал. Он человек не слишком разговорчивый. Сам скажет — и спасибо. А вопросы ему задавать бессмысленно. Может быть, он и ждал, что я спрошу, но я не решился. Сказал и сказал.

— А зря,— проговорила Джилл.— Надо было попробовать. Вдруг он хотел, чтобы ты спросил?

— Нет,— покачал головой Теннисон.— Нет, не стоило спрашивать. Я, конечно, могу ошибаться, но у меня такое чувство, что это была какая-то проверка. Он мне как бы давал некоторую свободу, возможность спросить о других вещах, но я ни о чем не спрашивал. И похоже, это ему по душе. Клянусь, у меня не раз прямо-таки язык чесался — взять и спросить, но я сдерживался. Человек он непростой, странный. Но нам было так хорошо вдвоем, что не хотелось все испортить.

— Пожалуй,— задумчиво проговорил Экайер,— мы слишком долго списывали Декера со счетов, полагая что он — всего-навсего чудак. Псих-одиночка, так сказать. Джейсон, ты первый, с кем он более или менее близко сошелся. Это очень хорошо, и тебе не следует от этого отказываться. У меня такое ощущение, что Декер не так прост, как кажется, что он гораздо более значителен, чем мы привыкли думать.

Губерт принес полный кофейник свежесваренного кофе, наполнил горячим напитком чашки и молча вернулся на кухню.

— Все еще дуется на меня,— шепотом сообщил Экайер.— Я ему вчера взбучку задал.— Повернувшись к Теннисону, он добавил, не повышая голоса: — Но порой это просто необходимо, чтобы он не слишком нос задирал.

— Надо отдать ему должное,— возразил Теннисон,— кофе он варит просто восхитительный.

— А я вот о чем хотела тебя спросить, Пол,— сказала Джилл, нахмурившись,— скажи-ка, Мэри — человек? Еще человек? Все ли Слушатели — люди?

— Ну и вопрос,— изумился Экайер.— Конечно, Мэри — человек.

— Понимаешь... Ведь у Слушателей было столько — даже не знаю, как получше выразиться,— запредельных, что ли,— да, запредельных опытов, что они, так сказать, долгое время были существами из других миров, вот мне и стало инте-

ресно, сумели ли они при этом остаться людьми, и насколько?

— Да, понял,— кивнул Экайер.— Меня это тоже всегда интересовало. Но, видишь ли, я всегда сохранял свой интерес при себе. Не отваживался с кем-нибудь из них заговорить об этом. Общение с экстрасенсами — дело тонкое, тут осторожность нужна. Все они — люди особого сорта, ярко выраженные личности. Может быть, в этом и состоит их иммунитет, если можно так выразиться. Не исключено, что выраженная личность — это и есть главная предпосылка для того, чтобы стать экстрасенсом. Однако и у них случаются срывы. Бывали в нашей практике случаи, когда Слушатели упорно отказывались еще раз отправиться туда, где уже побывали. Куда-то еще — ради бога, но обратно — ни за что на свете. Но наотрез отказаться работать — такого еще не бывало ни разу. Тяжелых поражений психики мы не наблюдали.— Экайер допил кофе и сказал: — Ну, пойду, пожалуй. Попробую потолковать с Мэри. Джейсон, составишь мне компанию?

— Боюсь, нет,— отказался Теннисон.— Сомневаюсь, что я ее любимый собеседник.

— Ох... сейчас и я не самый любимый,— вздохнул Экайер.— Ну ладно, я пошел. Пожелайте мне удачи.

После того как Пол ушел, Джилл и Джейсон какое-то время сидели молча. Молчание нарушила Джилл:

— У меня такое чувство, Джейсон, что мы на пороге какого-то открытия. Какого — не знаю, но прямо-таки кожей чувствую.

Теннисон неуверенно кивнул.

— Да... Если Мэри вернется в рай и найдет больше, чем в прошлый раз...

— Понимаешь, я страшно растеряна,— сказала Джилл.— Просто не понимаю, что происходит. Весь Ватикан как-то странно разделился. Но что за причина для разделения? Нет, я, конечно, кое-что понимаю, но далеко не все. Самое скверное — я никак не могу решить для себя, что же такое Ватикан: религиозный центр или научный? И что они стремятся обнаружить?

— Сомневаюсь,— покачал головой Теннисон,— что Ватикан хотя бы приблизительно представляет, что хочет обнаружить.

— И еще... Я вот думала о кардинале — если не ошибаюсь, Робертс его зовут — ну, тот, который заявил, что нам не дадут улететь.

— Я не забыл. Сказал это как само собой разумеющееся, будто приговор вынес. Но не знаю, насколько такое решение твердо и бесповоротно.

— Для меня лично, если честно,— сказала Джилл,— этот приговор носит чисто академический характер. Прямо сейчас я никуда не собираюсь улетать. Я только-только начала разбираться в истории Ватикана. Вот когда я напишу книгу... Мою книгу...

— Твою? А я думал, что это будет ватиканская книга.

— Мою книгу,— упрямо повторила Джилл.— Мою. Она будет выпущена миллиардным тиражом. И я потону в деньгах. И мне больше никогда не придется работать. Смогу себе позволить все, что ни пожелаю.

— Ага,— ухмыльнулся Теннисон.— Если сможешь удрать с Харизмы.

— Послушай, дружок: Джилл летит куда хочет и тогда, когда хочет. Еще не было такого места, откуда она не смогла бы выбраться, еще никто не завязал такого узла, чтобы она не смогла его распутать.

— Ну что же, желаю удачи,— улыбнулся Теннисон.— Только когда соберешься сматывать удочки, меня-то захватишь с собой?

— Если захочешь,— сказала она, взглянув ему прямо в глаза.

Глава 24

Все было совсем как тогда — широкая поющая дорога, сотканная из света и музыки, уходила вдаль и где-то там, далеко-далеко, как стрела, достигала цели — там, откуда лилось величественное сияние, заря славы и могущества. А она плыла, парила над дорогой в пространстве, излучавшем боль пустоты, щемящую сладкую боль. Она опускалась все ниже, все ближе к дороге, но не так быстро, как хотелось. Ей так хотелось побыстрее ступить на дорогу...

«На этот раз,— говорила она себе,— я буду умнее и все разгляжу получше. Постараюсь узнать какие-нибудь приметы и понять, где нахожусь, а потом смогу рассказать им всем, где была, и докажу, что это рай. Тогда мне не поверили, а теперь должны поверить. Никаких сомнений у них не должно остаться, никаких колебаний. Координаты, сказал Экайер, но что такое координаты? Какие я могу найти координаты, чтобы заставить их поверить? Никаких, кроме веры. Я такую веру должна донести до них, чтобы они не стали спорить и сомневаться, чтобы раз и навсегда поняли, что я — та, что нашла для них рай.

Знаю я, чего они хотят,— думала она.— Они хотят, чтобы я им карту принесла, чтобы они могли привести в рай свои глупые машины. Вот тупицы! Они думают, что в рай можно попасть физически, никак не могут понять, что для простых смертных рай — как это сказал зануда доктор? — состояние сознания. Что он понимает?

Он не прав,— думала Мэри.— У него такое профессиональное лицо врача, он так предан своей науке. Рай — это не состояние сознания, это состояние благодати. И только я, однаединственная из всех, достигла этого состояния и могу отыскать рай».

Мэри парила над дорогой и, пока ее ноги не коснулись поверхности, продолжала говорить сама с собой. Она думала о том, какого труда стоило ей обретение благодати. Нет, труда в этом не было никакого — были только стремление, жажда всепоглощающего чувства чистоты, святости, смиренное посвящение всей себя священной воле, благой милости. Но как бы ни было велико стремление, раньше ей удавалось только слегка коснуться края покрова святыни, но никогда не приходилось ухватиться за него покрепче. Тогда, в эти мгновения, она чувствовала себя униженной, поверженной, ей приходилось свыкаться с мыслью, что она должна вернуться в ту пустоту, на которую была обречена, и смириться со своим положением. Но ведь сейчас, именно сейчас, она была так близка к цели — дорога славы простиралась перед ней!

Ее ноги коснулись поверхности дороги — хотя это было совсем не похоже ни на одну из дорог, по которым она ходила раньше. Чувство невесомости не покинуло Мэри. Далекий великолепный свет манил ее, но она вдруг засомневалась, что

сумеет дойти до него, ведь это было так далеко, так недостижимо... А вдруг она упадет без чувств в середине пути, так и не добравшись до великолепных, сверкающих белизной башен?

Но опасения были напрасны — идти оказалось изумительно легко и просто. Ей казалось, что она не делает ни шага, а ее влечет и влечет вперед по дороге. Чудная музыка окружала ее, неслась отовсюду; на мгновение ей показалось, что сама музыка, которая наполняла все кругом, и несла ее вперед, к свету.

Вокруг нее клубился туман, она видела только дорогу и чудесный, манящий свет впереди, но неизвестность и невесомость были полны великой, несказанной радости, и она неслась вперед; казалось, ласковый невидимый прибой увлекал ее к далекому родному берегу. Музыка изменилась, стала более торжественной; Мэри показалось, что далекое сияние стало ярче. Она невольно зажмурилась.

Внезапно музыка умолкла, и Мэри ощутила, что движение прекратилось, что больше ничто не несет ее вперед и она твердо стоит на ногах. Изумленная, она открыла глаза. Свет больше не слепил глаза. Сияние осталось, но стало более мягким, и она увидела перед собой стройные величественные башни — белые на фоне ярко-голубого неба. Издалека, откуда-то из-за башен, доносился похожий на музыку шум падающей воды. Каждая капелька издавала свой четкий звук, и они соединялись в великолепной, чарующей гармонии.

Она непроизвольно поискала глазами ангелов, но их не было.

«Может быть,— подумала она,— они летают так высоко, что глаза простого смертного не в силах разглядеть их?»

Неподалеку она увидела лестницу — широкую и крутую, со ступенями из чистого золота. Она вела к вершинам башен и уходила ввысь, превращаясь в тонкий золотой шпиль.

«Ох, как высоко,— мысленно вздохнула Мэри.— Но я дойду, доберусь. До самого конца, ступень за ступенью. А там, на вершине, зазвучат трубы, и небожители торжественно встретят меня».

Только она занесла ногу над первой ступенью, как туман по обе стороны от лестницы начал рассеиваться и ее взору предстало множество людей, столпившихся у подножия. Тут же стояли шатры и хижины, другие легкие постройки, и всю-

ду, насколько хватало глаз,— люди, люди. Столько народу она ни разу в жизни не видела. Почему-то, она не могла понять почему, она видела и шатры, и хижины, и людей нечетко, и ей казалось, что она слышит визг и крики, что на нее надвигается какая-то дикая, страшная волна ужаса, исходящего от этой огромной толпы.

В безмолвной панике Мэри бросилась бегом по лестнице. От страха и отчаяния она быстро выбилась из сил, стала задыхаться. Наконец, измученная до предела, она упала на ступени, цепляясь за гладкую поверхность в страхе, что сорвется, упадет и опять окажется в бездне ужаса.

Полежав немного, она почувствовала, что дышится легче. Тогда она осторожно поднялась на ноги и посмотрела вниз. Клубы тумана вновь сомкнулись и скрыли от взора толпы людей у подножия лестницы.

Выпрямившись во весь рост, Мэри снова стала взбираться по лестнице. Далекая музыка стала громче, но все равно звучала еще очень, очень далеко, и Мэри показалось, что она совсем не приближается к башням. На самом верху лестницы она разглядела крошечную черную точку, колеблющуюся в лучах золотого света. Мэри остановилась, пытаясь разглядеть, что это такое. Поначалу она решила, что ей показалось. Но точка оставалась на месте, плясала в золотых лучах света, отраженного от поверхности ступеней.

«Кто-то вышел встретить меня,— решила Мэри.— Кто-то спускается по золотой лестнице, чтобы приветствовать меня, входящую в рай».

Она заторопилась к тому, кто шел ей навстречу. Точка постепенно вырастала и наконец приняла очертания человеческой фигуры. Идущий навстречу Мэри передвигался на двух ногах. Крыльев видно не было. Мэри пожалела, что у того, кто спускался к ней, нет крыльев, но постаралась успокоить себя.

«Не у всех же в раю крылья»,— думала она. И, подумав так, она поняла, что на самом деле очень мало знает об обитателях рая. В том раю, который она себе представляла, жили ангелы, но человекоподобное существо, приближавшееся к ней, ангелом явно не было.

Но и человеком оно тоже не было! Чем ближе Мэри к нему подходила, тем яснее это становилось. Похож на человека, да, но не человек и совсем не божественное существо.

Во-первых, он был... черный!

Изумленная, напуганная, Мэри остановилась и воззрилась на того, кто шел навстречу. У существа были длинные, острые ушки, узкое, лисье личико. Тонкие сухие губы, широкий, растянутый рот. Желтые, как у кошки, прищуренные глаза. И весь он был черный, как начищенные ботинки.

Она была так зачарована, загипнотизирована его лицом, что смотрела на него не отрываясь и не замечала, какая у него фигура, какое тело. Кроме лица, она не видела ничего.

Он остановился на две ступени выше Мэри. Некоторое время он в упор разглядывал ее. Потом он вытянул руку с указующим перстом — так указывают на провинившегося ребенка строгий учитель или родители. Его голос прогремел как раскат грома.

— Ничтожество! — крикнул он.— Ничтожество! Ничтожество!

Обезумев от ужаса, Мэри повернулась и бросилась вниз по лестнице. Единственное слово, сказанное странным существом, звучало у нее в ушах. На бегу она оступилась, подвернула ногу, упала и покатилась по ступеням. Она пыталась за что-нибудь уцепиться, но безуспешно. Катилась, падала, ударялась головой о ступени.

Наконец она остановилась и поняла, что лестница кончилась. Она сидела, несчастная, униженная, у подножия лестницы, на дороге. Туман исчез, и она снова увидела людей около лестницы, не осмелившихся ступить на нее, будто некая невидимая преграда не пускала их. Люди толпились по обе стороны от дороги, смеялись над Мэри, хохотали, тыкали в нее пальцами и гримасничали.

Мэри вскочила и обернулась к лестнице. Тот, кто вышел встретить ее, стоял на нижней ступени. Он снова указал на нее пальцем и крикнул:

— Ничтожество! Ничтожество! Ничтожество!

Глава 25

Джилл ушла в библиотеку. Губерта не было уже около часа. Теннисон в одиночестве сидел перед камином и смотрел на огонь. У него оставалось совсем немного времени до начала

приема в клинике, но, судя по всему, вряд ли там была большая очередь. В Ватикане и на Харизме вообще люди болели на удивление редко. Кроме Мэри, ни одного тяжелобольного у Теннисона пока не было. Жалобы поступали самые обычные: зубная боль, простуда, боли в пояснице, расстройство желудка, растяжение лодыжки — вот, собственно, и все.

А Мэри опять отправилась в рай. Теннисон, борясь с утренней дремотой, лениво размышлял о том, что ее заставило принять такое решение, ведь до последнего момента она упорно отказывалась. Почему она решилась? Может быть, думала, что на этот раз обнаружит какие-то доказательства, способные убедить всех, что она действительно нашла рай? Или сама вернется в сомнении? «Это не рай, не может быть, чтобы это был рай»,— убеждал он себя. Сама идея казалась ему донельзя нелепой, что-то было в этом из области вызванных фанатизмом видений и откровений, которыми изобиловала средневековая история Земли.

Не отрывая взгляда от огня, Теннисон вытянулся в кресле.

«Еще чуть-чуть посижу,— уговаривал он себя,— и на работу. Может, меня люди ждут».

Подумав об этом, он ощутил что-то вроде легкого недовольства и тут же выругал себя — с чего бы это? Как это его, врача, может расстраивать, что его ждут больные? Он заставил себя выпрямиться, повертел головой, оглядывая комнату. В комнате, кроме него, никого не было, и в этом не было ничего странного — он прекрасно знал, что, кроме него, здесь никого нет и быть не может. Да, он был один, но вдруг он понял, что тут есть кто-то еще.

Он встал, прошелся по комнате, повернулся спиной к камину, чтобы осмотреть вторую ее половину, пытаясь обнаружить, кто же здесь прячется. Никого. Ничего. Никто нигде не прятался. Он был в этом уверен. Но волнение не проходило. Уверенности, что в комнате никого, кроме него, нет, не возникало. Наоборот, он все более и более убеждался, что кто-то есть.

Теннисон заставил себя заговорить — ему было легче убить кого-нибудь, чем что-то сказать.

— Кто здесь?

Словно в ответ он увидел в углу, над спинкой кресла-качалки, стоявшего около стола с мраморной крышкой, мягкое сияние колеблющегося облачка алмазной пыли.

— А, это ты,— успел выговорить Теннисон, как облачко тут же исчезло. Над спинкой кресла ничего не было. Да, но тот, кто перестал быть виден, не исчез.

Теннисона обуревали вопросы. «Кто ты? Что ты? Почему ты здесь?» Но он молчал. Он стоял окаменев, не двигаясь, и не отрываясь смотрел в угол, где только что видел облачко пыли.

Кто-то заговорил с ним внутри его сознания:

— Я здесь. Здесь, внутри твоего сознания. Хочешь, чтобы я ушел?

Теннисон уловил и понял сказанное.

— Нет,— мысленно ответил он.— Нет, не уходи. Но будь добр, объясни, что происходит? Ты принадлежишь Декеру? Ты принес мне весточку от Декера?

— Я не принадлежу Декеру. Я никому не принадлежу. Я — свободное существо и друг Декера. Вот и все. Я могу говорить с ним, но не могу быть частью его.

— А частью меня — можешь? Почему ты можешь быть частью меня, а частью Декера — нет?

— Я — Шептун. Так меня зовет Декер. Можешь считать это моим именем.

— Ты не ответил на мой вопрос, Шептун. Почему частью меня ты можешь быть, а частью Декера — нет?

— Я — друг Декера. Он — мой единственный друг. Я пытался подружиться со многими, и они тоже могли бы стать мне друзьями, но они не слышали меня, не узнавали. Не чувствовали, что я рядом.

— Ну и что? А я при чем?

— Я пытался проникнуть в Декера, но это оказалось невозможно. Разговариваю с ним, да, но не проникая в сознание. А ты мне подходишь. Я понял это сразу, как только увидел тебя.

— И теперь ты готов покинуть Декера? Нет, Шептун, ты не можешь так поступить с ним. И я не могу с ним так поступить. Я не имею права отнять у него друга.

— Я его не покину. Но позволь мне быть с тобой.

— Хочешь сказать, что не настаиваешь?

— Нет, не настаиваю. Скажешь «уйди», и я уйду. Скажешь «войди», и я войду. Но... прошу тебя, пожалуйста!

«Безумие! — подумал Теннисон.— Это настоящее безумие! Галлюцинация. Ничего нет. Мне все это просто кажется».

Дверь резко распахнулась. На пороге стоял Экайер.

— Джейсон, скорее! — выкрикнул он, не входя.— Пойдем со мной! Ты должен пойти со мной немедленно.

— Конечно,— кивнул Теннисон.— А что случилось?

— Мэри вернулась из рая! — ответил Экайер.— И она очень в плохом состоянии.

Глава 26

Декер вновь пережил те страшные минуты. Годами он не вспоминал об этом, не думал, но вот сходил к катеру — и ничего не мог поделать. Вновь разрезал ножницами финишную ленточку памяти, и старые, запыленные воспоминания ярко и отчетливо встали перед ним.

Он протянул руку и коснулся поверхности металлического ящичка, стоявшего на столе. Этот ящичек он принес с катера. «Там есть все,— думал он,— в этих записях, что сделаны на корабле». Но открыть ящичек и просмотреть записи он не решался.

«Наверное,— думал он,— не стоило искушать себя и забирать черный ящик с катера. Пусть бы лежал там, такой же забытый и заброшенный, как катер.

Почему же я так боюсь,— спрашивал он себя,— просмотреть записи? Может быть, я боюсь того ужаса, кошмара, который там записан? Мог ли там быть страх? Можно ли его было записать? Мог ли он сохраниться там, такой же дикий и ясный, как в тот день, много лет назад?»

Он зажмурился, спрятал лицо в ладонях, попытался вспомнить...

Он знал корабль как свои пять пальцев, водил его долгие годы, помнил его весь, до последнего винтика, любил его, гордился им, разговаривал с ним в часы одиночества в черных безднах пространства. Порой ему казалось, что корабль отвечал ему...

Он помнил все, но была одна-единственная деталь, в которой он не был уверен, и сомнения его могли развеять только записи. А то, что мучило его и не давало покоя, там наверняка было. Записи велись с предельной скрупулезностью. Регистрировались такие параметры, как местонахождение корабля,

расстояние до различных объектов, их координаты с точностью до многих цифр после запятой; для каждой звезды и планеты записывались температура, давление, химический состав атмосферы, сила притяжения, данные о формах жизни, если таковые обнаруживались, о наличии скрытой опасности. Но эмоции? Могли ли быть зарегистрированы эмоции? Мог ли быть записан тот всепобеждающий ужас, который погнал его вышколенную верную команду в безумном порыве к спасательным катерам?

Декер сидел у стола, пальцы его лежали на поверхности ящичка. Он зажмурился, пытаясь припомнить и убеждаясь уже, наверное, в десятый раз за последние несколько дней, что одна-единственная подробность упорно ускользала от него, а он никак не мог ее вспомнить.

...Тогда они направлялись в самый центр системы Кунскин, и их завертело в космическом смерче.

«Странно,— думал он,— а ведь до того момента я и слышать не хотел ни о каких смерчах, считал, что это обычная выдумка, легенда,— смерч, который способен подхватить корабль и перебросить в другое время или пространство».

Разговоры о таких смерчах можно было услышать в каждом баре на любой из планет фронтира, но то, как о них рассказывали, возводя глаза к небу, колотя себя в грудь и клянясь всем святым на свете, мало в чем убеждало, рождало сомнения даже в теоретической возможности существования таких смерчей.

Короче говоря, смерч это был или нет, но с их кораблем случилось что-то непостижимое и ужасное. Все шло как обычно, как всегда бывает при выполнении пространственно-временных полетов,— корабль, казалось, повис без движения в черной, непроглядной пустоте, и вдруг его ни с того ни с сего начало бросать из стороны в сторону, вертеть, качать, будто бы чья-то громадная рука выхватила его из пустоты пространства. Декер помнил, что он стоял перед одним из обзорных экранов и глядел в безликую тьму за бортом корабля, не уставая удивляться тому, что глазу не за что было зацепиться. У пустоты нет ни названия, ни образа. Было черно и пусто, но ведь для того, чтобы понять, что такое «черное», нужно видеть рядом какой-то другой цвет для сравнения. Так вот, было чер-

но, потому что больше ничего не было и черноту не с чем было сравнить, и пусто было не потому, что чего-то не хватало, а потому, что больше ничего не было. Никого и ничего. Скорее всего, ничего и быть не могло. Не раз он удивлялся себе — и с чего его влекло в эту бездонную черную пустыню, но сколько он ни думал, не мог себе ответить.

Неожиданно палуба задрожала, закачалась под ногами, его швырнуло на пол. Он ударился о палубу и покатился в ту сторону, куда накренился корабль. Пытался найти точку опоры, ухватиться за ускользающие предметы, но едва он хватался за что-нибудь, пальцы тут же срывались. Он стукнулся обо что-то твердое и покатился дальше. Потом еще сильнее ударился обо что-то головой, в глазах вспыхнули искры, и все потемнело.

Наверное, на какое-то время он потерял сознание, но надолго или нет — не понял. Он много раз пытался вспомнить, сколько же прошло времени, но никак не мог.

Придя в себя, он попытался встать на ноги, встал и добрался до одного из кресел, стоявших перед пультом управления. В голове звенело, а где-то вдали, в глубине корабля, слышались отдаленные голоса насмерть напуганных видавших виды звездолетчиков, утративших над собой всякий контроль.

«Что они, взбесились, что ли?» — думал он тогда. Но можно было не задавать этого вопроса — было понятно, что случилось с командой. Ужас, наполнивший корабль, добрался до Декера и коснулся его, нанес ему удар под дых, словно был чем-то осязаемым, физическим, а не эмоцией. Где-то вдали, перекрывая крики, звучал голос, который Декеру был незнаком, и именно этот голос, казалось, излучал страх, наполнивший корабль. Слов нельзя было разобрать, но сам звук генерировал непрекращающийся кошмар, дикую, животную панику.

Корабль перестал трястись и раскачиваться. Это произошло так резко, что у Декера снова подкосились ноги. Но он удержался за спинку кресла. Его мутило, волны страха не отступая били, колотили по нему, словно злейший враг, смертельный противник.

Самое удивительное, что, кроме криков команды и незнакомого голоса, не было слышно ничего, а страх буквально

пронизывал все кругом. На какое-то мгновение Декеру почудилось, что слова, которые произносил жуткий голос, обращены к нему, к нему одному. Вопли перепуганной команды стихли, и вскоре он ощутил толчки и услышал выхлопы — это отчаливали спасательные катера.

Теперь он уже более или менее твердо стоял на ногах. Он поднял руку к голове и почувствовал, что в одном месте волосы слиплись. Взглянув на руку, он обнаружил на ней кровь. Отойдя от кресла, побрел к ближайшему иллюминатору. Добрался, вцепился руками в холодный металл, припал лицом к гладкой поверхности стекла.

Внизу, в опасной близости от корабля, виднелась поверхность планеты. Декер заметил какие-то строения — картина их расположения напоминала колесо, спицы которого сбегались к некоему центру, и этот центр лежал прямо под ним. Корабль, понял Декер, попал на орбиту спутника планеты и все приближается к поверхности. Если бы он не был так напуган, то уже давно расслышал бы, как корабль со свистом рассекает атмосферу.

Хотелось спрятаться, сжаться в комочек, упасть куда-нибудь, как падает с дерева осеннее яблоко, зарыться в траву и перезимовать. Декер еще крепче вцепился в металлическую раму иллюминатора. В этом не было никакого смысла, но он держался как за соломинку, и пальцы его, казалось, срослись с ледяным, гладким металлом. Он смотрел вниз и уже более ясно видел воображаемую ось, к которой сбегались спицы-дороги. Ось представляла собой возвышение, утыканное каменными шпилями и вздымавшееся над окружающей равниной. Он видел, что дороги не обрывались у подножия величественного каменного исполина, а взбирались по холму и заканчивались только на самой вершине. На краткое мгновение он остановил взгляд на центральной постройке, и ему почудилось, что тонкие шпили тянутся к нему, приближаются, стремясь проткнуть его насквозь... Одного взгляда хватило, чтобы понять — именно оттуда исходит тот дикий, леденящий ужас. Из груди вырвался хриплый вопль, он отшатнулся от иллюминатора и замер. Наконец в нем проснулся профессиональный инстинкт, дали о себе знать долгие годы тренировок, опыт, и он бросился к пульту управления. Одним рыв-

ком он выхватил из гнезда на пульте черный ящик — полетный дневник, сунул его под мышку, повернулся и бросился прочь из отсека.

На бегу он пытался припомнить, сколько выхлопов слышал — два или три.

«Два, два,— твердил он себе,— я не мог ошибиться. Если два, то остался еще один спасательный катер».

При мысли о том, что он мог не услышать еще один выхлоп, его прошиб холодный пот.

Но память не подвела его. Толчков было только два. Третий катер был на месте.

Глава 27

Мэри металась в постели и пыталась сесть.

— Они выгнали меня! — крикнула она.— Они вышвырнули меня из рая!

Без сил она упала на подушку. В уголках рта пузырилась пена. Ее глаза были широко открыты, но взгляд, казалось, ничего не выражал.

Сестра подала Теннисону шприц, он воткнул иглу в предплечье Мэри и медленно ввел лекарство. Отдал шприц сестре.

Мэри подняла руку. Пальцы судорожно сжимались, хватая воздух. Она некоторое время шевелила губами и наконец пробормотала:

— Большой... черный... Он тыкал в меня пальцем...

Она дернулась и расслабилась. Голова опустилась на подушку. Веки прикрыли обезумевшие глаза. Она пыталась поднять руку, шевеля пальцами, но вскоре пальцы разжались, и рука упала на простыню.

Теннисон оторвал взгляд от Мэри и посмотрел на Экайера, стоявшего по другую сторону кровати.

— Расскажи, что случилось,— попросил он.— Подробно, как было.

— Она вернулась из наблюдения. Я понимаю, звучит нелепо, но лучше не скажешь. Она вернулась из наблюдения совершенно обезумевшая. Думаю, от страха...

— Такое бывает? Бывало такое с другими Слушателями?

— Иногда,— кивнул Экайер,— но редко. То есть очень редко. Бывало, что по возвращении некоторые испытывали страх, но такой... как бы сказать... поверхностный. Скорее испуг, чем страх. В таких ситуациях они быстро осознают, что эксперимент окончен, что они снова дома, что ничто им не угрожает. Порой наблюдение оставляет какой-то след. Им может сниться пережитое. Но все это быстро проходит. Такого кошмара, как у Мэри, я еще ни разу не видел.

— Скоро ей станет лучше,— сказал Теннисон.— Я ввел ей сильное успокоительное средство. Несколько часов она будет крепко спать, а когда очнется, у нее будет немножко кружиться голова. Поскольку психика ее несколько подавлена, она будет что-то помнить, но воспоминания не будут столь остры и болезненны. А потом посмотрим.

— Она все еще думает, что нашла рай...— покачал головой Экайер.— Ее выбросили оттуда, а она думает, что нашла рай. Вот что ее так потрясло. Представь себя на ее месте. Ты нашел рай, а тебя оттуда — пинком под зад...

— Она еще что-нибудь говорила? Кроме того, что сказала сейчас?

Экайер пожал плечами.

— Совсем немного. Там был кто-то большой и черный. Он толкнул ее, и она покатилась по лестнице — по золотой лестнице. Она уверена, что вся в синяках.

— Но на ней нет ни царапинки!

— Безусловно, но она в этом уверена. Это наблюдение, Джейсон, было для нее очень реально, живо по своей жестокости.

— Ты еще не смотрел кристалл?

— Пока нет. Честно говоря, не горю желанием. Хотя сознаю, как это важно...

— Понимаю,— кивнул Теннисон.

— Больше всего меня волнует сам рай, его обитатели. Что бы там такое ни творилось, кто бы они ни были, они явно заметили, что за ними наблюдают. Они могли пойти за Мэри, выследить нас, и... В общем, нам следует принять какие-то меры.

— Думаю, ты зря так волнуешься. Не представляю, как они могли следить за ней. Как они могли ее заметить-то? Она же там не в телесной оболочке была.

— О боже! — всплеснул руками Экайер.— Если бы я знал! Нельзя, ни в коем случае нельзя было позволять ей идти туда еще раз. Нужно было предвидеть, как это опасно!

— Нет,— упрямо качнул головой Теннисон.— Прости, но я не думаю, что ее там могли заметить, что могли обнаружить Проект.

— Но этот черный человек, этот демон зла — он же сбросил ее с лестницы!

— Допустим,— согласился Теннисон,— допустим, сбросил. Хотя лично я склонен полагать, что сбрасывать ему было некого. Мэри там не было. Самой Мэри, живой. Но даже если допустить такую дичайшую вероятность, что она все-таки побывала там реально, тебе себя винить совершенно не в чем. Ты ничего не мог знать заранее, ничего не мог предвидеть.

— Видишь ли, до сих пор в других мирах еще ни разу не было таких вот непосредственных реакций на внедрение Слушателей. Обычно наши люди — не более чем наблюдатели. Если же они больше чем наблюдатели, то они становятся кем-то или чем-то вроде обитателей этих миров, либо налаживая с ними особые связи, либо так программируя свое сознание, что им удается вселяться внутрь этих обитателей. Я не знаю, как они это делают, что предпринимают, когда попадают куда-то, да и от них самих помощи мало — они не могут объяснить, как это у них получается. Такое, как у Мэри, произошло впервые. Ведь до сих пор наши люди внедрялись в другие миры не в своем физическом облике. А Мэри внедрилась именно как Мэри. Как она думала, она была в раю, была наяву и встретила там этого человека, и он столкнул ее с лестницы...

— Так она говорит,— уточнил Теннисон.

— Знаешь что,— нахмурился Экайер.— Я почти уверен, что все так и было. Кристалл все покажет именно так.

— Это понятно. Если все было так, как она говорит, все должно быть в записи. Но это опять-таки фиксация того, что она думала, а не того, что́ было на самом деле. Но пусть даже так — пусть кристалл покажет реальность,— почему ты уверен, что за ней удалось проследить, узнать, куда она девалась?

— А я и не говорю, что уверен,— пожал плечами Экайер.— Но считаю, что это не исключено. Может быть, она нас,

так сказать, подставила. Тот, кто выгнал ее, может быть, на самом деле вовсе не таков, каким она его видела и запомнила. Он мог быть кем-то или чем-то необъяснимым, непонятным для нее, но ее человеческий разум, человеческие представления облекли его сущность в форму, понятную человеку. Это — средство самозащиты.

— Не разделяю твоих опасений. Роботы из Ватикана, к примеру, отправляются в своем физическом облике на этих мыслительных кораблях — или как там они у них называются? — куда им вздумается, в те миры, которые разыскивают ваши Слушатели,— и ничего!

— Да, это так,— кивнул Экайер.— Но тут есть разница. Роботы отправляются в путь не вслепую, а выбирают цель очень осторожно.

Мэри дышала спокойно и ровно — успокоительное средство подействовало.

— Скоро она будет в порядке,— уверенно заявил Теннисон.— Худшее позади. Просто ей надо немного отдохнуть. А потом нужно подумать, чем ее отвлечь. Это возможно? Подумай, чем ее отвлечь от воспоминаний. И ни в коем случае нельзя позволять ей еще раз отправиться туда, где она была. Это я тебе как врач говорю. Если такой уверенности нет, следовало бы ее совсем отстранить от работы в Поисковой Программе. Но поскольку это может ее сильно огорчить, подумай, как переключить ее на что-то другое. Может быть, новые наблюдения помогут ей забыть о происшедшем. Вряд ли ей встретится что-нибудь еще, так же травмирующее психику, как рай.

— Ладно...— неуверенно проговорил Экайер.— Когда она придет в себя, попробую с ней потолковать. Посмотрим.

— Я попозже еще загляну к ней,— пообещал Теннисон.— А сейчас пойду на прием, меня там ждут, наверное.

Больных оказалось немного. Окончив прием, Теннисон решил к Мэри пока не заходить. Действие снотворного еще продолжалось, а если бы что-то случилось, сестра сообщила бы ему.

День был в самом разгаре. Погода стояла чудная. Темно-синие громады гор величаво красовались на фоне нежно-голубого неба. Глядя на горы, Теннисон ощутил, что хочет

побыть в совершенно определенном месте — там, где он привык размышлять в одиночестве. За последние дни, даже за последние часы, столько всего произошло, что надо было подумать.

В саду было пусто. Обычно тут бродили несколько монахов, но сейчас не было ни души. Теннисон подошел к скамейке, стоявшей неподалеку от розовых кустов. Цвел только один-единственный куст, да и с того ветер уже был готов сорвать бледно-желтые лепестки.

Он уселся лицом к горам.

«Странно,— думал Теннисон,— что они так сильно манят меня к себе. Надо будет обязательно воспользоваться предложением Декера и отправиться на прогулку. Хотя... если идти на несколько дней, как говорил Декер, все равно далеко не уйдешь — разве что в ближние предгорья...

А еще,— решил он,— надо обязательно в ближайшие дни заглянуть к Декеру и потолковать с ним о Шептуне... Шептун,— подумал он,— ну и имечко! И что же он такое? Что за существо такое, которое умеет проникать в чужое сознание, может становиться частью кого-то? Как это он сказал? "Я внутри твоего сознания и смогу стать частью тебя",— так, что ли? Или это все-таки были игра воображения?»

Теннисон потряс головой, стараясь отогнать воспоминания,— они были не слишком приятны. В конце концов он решил не думать об этом вовсе. Самое разумное — сходить к Декеру и спросить его об этом. А пока — и думать нечего. Декер явно знает о Шептуне больше.

Послышавшиеся на дорожке шаги прервали размышления Теннисона. Он поднял голову. Перед ним стоял садовник.

— Снова ты? — без особой радости спросил Теннисон.

— А кто же еще? — удивился садовник.— Кому же еще тут быть, как не мне? Я работаю и имею полное право здесь находиться. Как, впрочем, и в любом другом месте.

— А я разве сказал, что ты не имеешь права тут находиться? Просто так уж выходит, что всякий раз, когда я сюда прихожу, тебя встречаю.

— Садик маленький. Трудно разминуться,— объяснил садовник.

— Розы теперь, наверное, не скоро зацветут? — спросил Теннисон.— Гляжу, только одна осталась.

— Зато красивая,— уточнил робот.— Вы не находите?

— Просто прекрасная,— согласился Теннисон.

Садовник пощелкал ножницами, но уходить явно не собирался.

— К превеликому своему огорчению, я узнал, что Мэри снова больна,— сказал он.

— Да, очень больна,— кивнул Теннисон.

— Я узнал также, что она снова побывала в раю.

— А вот об этом я ничего не знаю,— откровенно солгал Теннисон.— Я врач, она больна, я ее лечу — вот и все.

«Не садовника это дело»,— подумал он.

Глава 28

С Земли роботы завезли на Харизму мышей. Не нарочно, конечно, но, как бы то ни было, мыши прибыли с ними.

Впервые Джилл заметила мышей, когда задержалась в библиотеке на ночь. В первую же ночь она познакомилась с одной мышкой. Потом прибегали и другие — она порой замечала их быстрые тени, но с самой первой они подружились. Она приходила к Джилл в одинокие ночные часы, осторожно выглядывала из-за стопки бумаг или горки кристаллов, ее тонкие круглые ушки всегда были настороже, готовые уловить любой шорох. Розовый носик непрерывно двигался, пытаясь унюхать самый тончайший запах. Убедившись, что все в порядке, что никого, кроме Джилл, тут нет, она выходила, не слишком уверенная, что ее визит будет воспринят с восторгом, и радостно делила с Джилл полночную трапезу, которая для нее состояла из крошек хлеба и сыра. Она брала крошки маленькими лапками, усаживалась, выпятив толстенький светлый животик, и жевала драгоценную еду, не спуская с Джилл маленьких, ярких, похожих на черные блестящие бусинки глаз.

Джилл говорила с мышкой, стараясь произносить слова как можно тише, почти шепотом,— она была уверена, что громкий звук напугал бы мышку. Маленькая Беженка — так она окрестила свою полуночную подружку. Маленькая Беженка с Земли. Порой, когда мышка не была так увлечена крошкой или корочкой, она что-то пищала в ответ — и писк

был весьма приветливый. Судя по всему, она хотела дать Джилл понять, что она ей тоже нравится.

Поначалу Джилл испугалась, подумав, что мыши могут здорово навредить библиотеке, но потом успокоилась, ведь библиотека не была таковой в том смысле, в каком она привыкла думать. Драгоценные земные книги лежали в герметических футлярах, которые хранились в застекленных шкафах, так же как все остальные письменные источники информации. Ленты с записями и кристаллы лежали в стальных сейфах. Даже запасы чистой бумаги хранились в металлических ящиках. Нет, мыши не имели никакой возможности добраться до бумаги.

И вообще — их было не так много. Наверное, не больше дюжины, и, кроме новой подружки Джилл, которая регулярно приходила за своей долей ночной трапезы, они появлялись крайне редко. Как-то раз, покончив со скромными дарами Джилл, Беженка исчезла. Это удивило Джилл. Мышка была совершенно спокойна, в ее поведении не было никакой тревоги. Она расправилась с крошками, как обычно, и исчезла. Вот тут-то Джилл впервые задумалась о том, куда убегает мышка после еды. Она ни разу не пыталась проследить, куда исчезает мышка. Да это ее и не волновало. Пришла и ушла. Но почему-то в ту ночь Джилл стало интересно, куда уходит ее подружка. Ей это стало так интересно, что она даже рассердилась на себя.

«Что мне за дело? — подумала она.— И чего это мне вдруг взбрело в голову? Ну, узнаю, найду норку, а дальше-то что?»

Джилл решила больше не думать о такой очевидной чепухе, но мысль привязалась и не покидала ее. Нет-нет да приходила в голову. Однажды ночью совершенно случайно она проследила взглядом за убегавшей Беженкой и заметила ее путь. Мышка спрыгнула со стола на пол, побежала вдоль стены, обитой панелью, и... исчезла в стене, не замедлив быстрого, уверенного бега. Казалось, что она прямо-таки прошла сквозь стену.

Удивленная Джилл встала из-за стола, не спуская глаз с того места в стене, где исчезла мышь. Подошла к стене, опустилась на колени, провела рукой по стене у самого пола — норки не было. Панель вплотную примыкала к полу. Или нет? Самыми кончиками пальцев она ощупала стык... и обнаружила узкую щель — не шире дюйма,— но, наверное, для

мышки этого было достаточно, к тому же она знала, где находится щелка.

— Маленький бесенок! — сказала Джилл негромко.

Длина щелки тоже была невелика — несколько дюймов, а по обе стороны от нее панель плотно соединялась с полом. «Может быть, пол просел?» — подумала Джилл. Пощупала ладонью — нет, пол был идеально ровным.

Тогда она попыталась просунуть кончики пальцев в щель — там было пусто. Джилл уцепилась за панель с другой стороны и потянула... С тихим скрипом и треском в стене открылась дверь! За дверью оказалась крошечная кладовка. В стену был вбит крючок, на нем висела лиловая мантия кардинала. На полу стояла пара сандалий. В одном из углов стояла корзина для бумаг. Вот и все — мантия, сандалии и корзина. Сильно пахло мышиными экскрементами.

Джилл протиснулась в кладовку, взяла корзину и вышла, прикрыв за собой дверь.

Вернувшись к столу, Джилл принялась за изучение содержимого корзины. Она была полна скомканной бумаги. На самом дне лежало большое мышиное гнездо, сооруженное из бумаги,— вероятно, им пользовалось не одно поколение мышей, и каждый новый его обитатель служил делу умножения потомства.

Отобрав относительно хорошо сохранившиеся листки, Джилл сложила их на столе в стопку. Когда на дне осталось только мышиное гнездо, Джилл начала внимательно просматривать бумаги.

Поначалу было совсем неинтересно. Несколько листков содержали какие-то математические расчеты — ничего впечатляющего. На одном листке стоял перечень дел, которые следовало переделать. Большинство пунктов было вычеркнуто — надо понимать, это означало, что дела выполнены. Кое-какие листки были испещрены непонятными значками — возможно, когда-то они что-то и означали, но теперь выяснить это не представлялось возможным. На одном листке сохранилось начало письма — собственно, всего две строчки — без даты и адреса: «Ваше Преподобие, последние несколько дней я размышлял о том деле, о котором мы с вами беседовали в саду, и пришел к выводу, что...» Дальше все съели мыши. Еще на одном листе Джилл прочла: «Темы для обсуждения с его свя-

тейшеством», но, кроме заглавия, больше ничего не было. Далее следовал совершенно загадочный листок: «666 буш. пшеницы, 30 куб. хорошего, прочного, долго горящего дерева, 150 фун. лучшего картофеля, 7 т меда» — и все. Были и другие листки и обрывки бумаги, и, наверное, тот, кто задался бы целью их расшифровать, узнал бы много интересного, но почему-то Джилл решила, что сейчас не время приниматься за их изучение. Она аккуратно сложила все бумажки в стопку, тщательно разгладив каждую. Она решила, что обязательно как-нибудь выкроит время и изучит все до одной более внимательно. Кто знает — а вдруг именно там и таится ключ к разгадке тайны Ватикана?

Приняв такое решение, она неожиданно для себя поняла, как глубока ответственность, которую она возложила на себя, как важна задача, ради решения которой она просматривала даже совершенно пустяковые на первый взгляд обрывки бумаги в надежде отыскать какую-нибудь крошечную заметку на полях, которая как раз и могла бы дать ответ на все вопросы! Нет, не такой она представляла себе эту работу, когда давала согласие остаться... Тогда она думала, что это всего-навсего разумный компромисс с собой, некое оправдание своей задержки здесь, занятие, чтобы не слоняться без дела, не сидеть сложа руки. «Ты втянешься»,— сказал Джейсон и оказался прав. Только втянулись они оба — и он ничуть не меньше, чем она, хотя он-то как раз не притворялся, не утверждал, что горит желанием здесь остаться. Разве не она планировала остаться тут, если ей позволят выполнить репортерскую работу, ради которой она так сюда стремилась?

«Если бы сейчас мне предложили улететь с Харизмы,— подумала она,— согласилась бы я или нет?» — и поняла, что ответить не может.

В самом низу бумажной стопки она обнаружила несколько сколотых скрепкой листков, исписанных витиеватым почерком. Джилл принялась за чтение, с трудом разбирая слова:

«Я, Енох, кардинал Феодосий, записал это для себя, осознавая, что настоящая информация не может войти в официальный отчет. То, о чем я пишу, не было помещено в отчет умышленно. Я записываю свои воспоминания как предупреждение самому себе, только себе самому, хотя, может быть, они пригодятся и другим. Но сейчас я не имею намерений ни с кем делиться впечатлениями. Я делаю эти записи не потому, что боюсь запамятовать,— забывчивостью я не страдаю, но потому, что хочу передать словами свои чувства, свои эмоции (если у меня есть чувства и эмоции) и мои опасения, в особенности опасения, пока время не стерло остроту впечатлений.

Я считаю, что описываемое мною было случаем, редкой случайностью, хотя последствия этой случайности могут оказаться весьма и весьма прискорбными. Долгое время мы чувствовали себя в безопасности в своем одиноком, изолированном от мира убежище, расположенном на самом краю Галактики, где так мало звезд, да и наша собственная звезда так мала и невыразительна, что вряд ли привлекла бы к себе чье-то внимание. Но теперь, с тех пор как случилось то, о чем я хочу написать, я уже не так уверен в нашей безопасности. Хотя никто из моих соратников не проявил никакого беспокойства по этому поводу, а я, в свою очередь, ни с кем не поделился своими опасениями и тревогой.

Именно потому, что я принужден молчать о том, что пережил, и из страха, что с течением времени я избавлюсь от мучающего меня страха, я пишу эти воспоминания для себя как напоминание себе, как подтверждение того, что я пережил этот страх, о котором ни в коем случае не следует забывать, когда мы будем строить планы на будущее.

Вчера нас *посетили*. Пришельцы были совершенно не похожи ни на одно из виденных мною ранее существ. Не исключено, что многие на планете видели что-то, но, скорее всего, если кто-то и видел, то не более чем странные пузыри. Мне довелось видеть тех, кто летал в этих пузырях, поскольку я уверен — пузыри были всего-навсего транспортными средствами. Несколько мгновений я был лицом к лицу с одним из тех, кто был внутри пузырей. Именно лицом к лицу — могу поклясться, что это было лицо. Не лицо человека, не лицо робота — оно было похоже на зыбкий, колеблющийся дым, но в нем проглядывали очертания странного лица. Оно все время меняло форму, растягивалось и сжималось как резиновое. Я никогда не смогу забыть выражения этого лица, ведь я видел его так близко, на расстоянии не более тридцати футов. Это была презрительная усмешка — будто Всемогущий Господь взирал на стадо свиней. Я внутренне содрогнулся, поймав на себе этот взгляд, и почувствовал себя маленьким, ничтожным, презренным существом. Мне стало нестерпимо жаль себя и себе подобных: все, чем мы занимались столько лет, представилось мне возней скарабеев в навозной куче, мелким и низменным.

Пузырей было около дюжины, хотя сомневаюсь, что кому-то пришло в голову сосчитать их. Они быстро появились и так же быстро исчезли — задержались всего-то, наверное, минут на десять, если не меньше.

Они быстро осмотрели нас — возможно, им и не нужно было тратить на нас много времени. Наверное, даже этого им вполне хватило, чтобы все про нас узнать. Они смотрели на нас без всякого интереса, ибо поняли, кто мы такие, чем занимаемся, и, скорее всего, решили, что мы просто ничтожества.

Может быть, они и не представляют для нас опасности, но главное — они знают о нас, с каким бы пренебрежением они к нам ни отнеслись. Вот поэтому-то я и не могу больше чувствовать себя в безопасности. Может быть, они нам ничего плохого и не сделают, но само чье-то знание о нас — уже опасность. Представить только: если они случайно обнаружили нас, просто так, от нечего делать, разглядели нас, то могут существовать и те — они наверняка есть,— кто по неведомым нам причинам ищет нас.

Мы так стремились к изоляции, отдаленности. Мы выдержали наплыв паломников — даже поощряли его,— и не только потому, что нам нужны деньги. Мы были уверены, что, даже если паломники будут рассказывать о нас, никто не придаст их словам особого значения — сочтут нас представителями еще одного презренного, ничтожного культа. Но видимо, наши расчеты оказались неверны, а если так...»

На этом месте записи обрывались. Джилл старательно разгладила смятые странички, аккуратно сколола их скрепкой, свернула в трубочку и положила в карман. Еще ни разу она не отваживалась выносить из библиотеки какие-то материалы, но тут решила поступиться правилами.

«Енох, кардинал Феодосий,— думала она,— этот угрюмый старый робот... Неужели это он написал?»

В этом металлическом черепе скрывался ум гораздо более тонкий и изощренный, чем она предполагала.

Глава 29

Декер возился в огороде. Еще в первый раз Теннисон отметил, какой у него там образцовый порядок — ровные, ухоженные грядки, ни единого сорняка. Декер неторопливо орудовал мотыгой.

Теннисон остановился у изгороди и стал ждать. Наконец Декер его заметил, отряхнул мотыгу от земли, положил ее на плечо и направился по дорожке между грядками навстречу Теннисону.

— Давай уйдем с солнцепека,— предложил он,— а то жарковато нынче.

Он зашагал впереди, к тому месту, где падала тень от двух развесистых деревьев. Под ними стояли два самодельных деревянных стула и низкий стол, а на столе — кувшин.

Декер сел, взял кувшин и протянул Теннисону.

— Всего-навсего вода,— сказал он.— Теплая, наверное, но во всяком случае — мокрая.

Теннисон покачал головой.

— Ты первый,— сказал он.— Ты же работал.

Декер кивнул, поднял кувшин, выпил воды и передал его Теннисону. Вода действительно была теплая, но, как справедливо заметил Декер, мокрая. Теннисон поставил кувшин на место и уселся по другую сторону стола.

— Я всегда ставлю тут кувшин, когда работаю,— объяснил Декер.— До дома далеко бежать, если пить захочется.

— Прости, я тебя оторвал от дел. У тебя найдется еще одна мотыга? Я неплохо умею мотыжить.

— Бог с тобой! Совсем ты мне не помешал. Честно говоря, я даже рад, что ты помог мне вовремя остановиться. Я просто порядок навожу, так сказать. На самом деле тут ничего делать не надо.

— Том, мне нужно с тобой кое о чем поговорить,— решительно сказал Теннисон.— Понимаешь, я не знаю, друзья мы или нет. Мне кажется, что это так, но все зависит от того, что каждый из нас считает дружбой.

— Давай считать, что мы друзья,— предложил Декер,— пока ничего другого не придумали.

— Короче говоря, речь о Шептуне.

— А-а-а, значит, он до тебя добрался.

— Точно. А ты откуда знаешь?

— Я не сомневался, что он это сделает. Он, видишь ли, был просто очарован тобой. Он мне сам сказал. Поэтому я и решил, что он обязательно тебя достанет.

— Но он не просто явился ко мне. Он стал... черт подери, как бы это получше выразиться...— Теннисон беспомощно

зашелкал пальцами,— ну да — частью меня. Он проник ко мне в сознание. По крайней мере, он заявил, что может быть частью меня. Но сам я в этом не уверен. Если он и проник в меня, то пробыл во мне недолго.

— Ты прогнал его?

— Нет. Он пообещал уйти, как только я захочу этого. Тут он вел себя по-джентльменски.

— И что же произошло в таком случае?

— Как раз в это самое время вошел Экайер — вернее, вбежал — и сообщил, что с Мэри очень плохо.

— И что же с Мэри?

— Она опять побывала в своем раю, и что-то ее ужасно напугало. Она до сих пор невменяема, так что ее даже расспросить толком невозможно.

— Выходит тогда, что это вряд ли был рай?

Теннисон задумчиво покачал головой.

— Трудно сказать. Пока ничего нельзя понять. Ну да ладно, я ведь не об этом, собственно. Если позволишь, я хотел бы о Шептуне потолковать. Я ему сказал, что, если он принадлежит тебе, я ни в коем случае не намерен его у тебя отбирать.

— Не знаю, принадлежит ли он мне. Думаю, нет. Мы с ним друзья, это правда. Но это все. И вообще — это долгая история. Много лет он играл со мной, дразнил меня. Временами было — я тебе доложу. Как вспомню... Теперь, конечно, смешно, я ведь знаю, что он совершенно не опасен. А тогда... Ты представь только: я в лесу, один-одинешенек, а он, невидимка пакостный, пугает меня. Заставлял меня часами гоняться за ним по лесу, искать его. Он уже тогда начал говорить со мной — не голосом, конечно,— слова звучали у меня в сознании. Да ты, наверное, уже понял, как это бывает.

— Да,— кивнул Теннисон,— он говорил со мной.

— Честно говоря,— продолжал Декер,— поначалу я думал, что он какой-нибудь кровожадный хищник, этакий суровый каннибал с извращенным чувством юмора. Пару раз мне удалось увидеть его — или нечто, что я за него принял. Руки чесались подстрелить, но я так ни разу и не решился нажать на спусковой крючок — сам не знаю почему. Подозреваю, что к тому времени мне уже начал нравиться этот маленький парнишивец, хотя надоел он мне до смерти — можно меня понять, правда? Страшно неприятно ощущать, что вечно кто-то прячется у тебя за спиной. Потом он признался, что все это творил только ради того, чтобы проверить, друг я ему или нет. То, что я ни разу не выстрелил, убедило его в этом, и, когда он наконец появился, я имел возможность удостовериться, что он вовсе не хищник, а всего-навсего крошечное облачко алмазной пыли.

— И с тех пор он жил с тобой?

— Не совсем так. Он есть, и его нет. То он тут, то нет его. Ты заметил ограненные камни на столе?

— Да, видел.

— Это Шептуна работа. Как он ухитряется это проделывать — до сих пор не знаю. Подозреваю, что он умеет манипулировать молекулами — разрушать их, удалять с тех участков, которые избрал для обработки. Я в этом полностью не уверен — просто нужно же хоть какое-то объяснение найти. Еще он помогает мне искать камни. Опять-таки как он это проделывает — ума не приложу. Он находит их и говорит мне, где искать. Когда камни найдены, он отбирает кое-какие для себя, чтобы потом обрабатывать.

— Но... ты же разговариваешь с ним. Мог бы спросить его. Может быть, он бы тебе ответил?

— А я так не думаю, Джейсон. Понимаешь, мы ни о чем таком сложном не разговариваем. Порой я чувствую себя с ним неловко, каким-то, прости меня, недоумком. Теперь, когда ты рассказал, как у тебя с ним дело было, я начинаю догадываться, где собака зарыта. Он пытался проникнуть в мое сознание, но у него ничего не вышло.

— Похоже, ты в точку попал,— кивнул Теннисон.— Он мне так и сказал. Сказал, что пытался проникнуть к тебе в сознание, но не сумел.

— Значит, в твое сознание он может проникнуть?

— Том, откуда же мне знать? Он сказал мне, что побывал в моем сознании. Я же ничего утверждать не могу. Я не могу подписаться под его словами. Но если он там и был, то, повторяю, недолго. Минуту-другую, а потом вбежал Экайер. И потом... знаешь, я не уверен, что мне нравится то, что делает Шептун. Я почему-то не в восторге от того, что кто-то

будет гулять у меня в голове. Знаешь, мне меня самого вот так хватает.— Теннисон провел рукой по горлу.— Вряд ли там найдется место для кого-нибудь еще.

— Ты зря не волнуйся,— успокоил его Декер.— Шептун — добрая душа. Зла от него никакого. Просто ему одиноко. Я ему в этом немножко помог. Ему очень нужны друзья, а я пока — его единственный друг — был и есть. Самому странно, что я чувствую к нему симпатию. Чтобы человек дружил с облачком пыли... сам понимаешь, странновато, а? Я чувствую, что он чужак, совсем, как говорится, из другого теста, но это меня не пугает. А что он такое...

— Вот-вот, *я как раз и хотел спросить тебя* — что он такое?

— Я его об этом никогда не спрашивал. Я считал, что это не мое дело. А сам он никогда этой темы не касался. Был однажды случай — казалось, вот-вот расскажет, но он ничего не сказал. Наверное, это непросто. Я сам над этим подолгу голову ломал, но, откровенно говоря, мало до чего додумался.

— Значит, у тебя нет возражений относительно того, чтобы он проник ко мне в сознание? Том, я понимаю, как глупо это звучит, но ты меня пойми. Для меня это дико, непонятно, незнакомо.

— Никаких возражений,— улыбнулся Декер.— Если тебе не страшно, можешь смело впускать его. Кто знает — может быть, именно тебе он расскажет нечто такое, что нужно знать вам обоим. Он ведь уже очень давно на этой планете. Наверное, он тут был еще до того, как возник Ватикан. Может, он сумеет тебе что-нибудь и про Ватикан рассказать. Во всяком случае, это его страшно интересует. Он какое-то время там вертелся. Но, похоже, мало что выяснил.—Декер поднялся со стула.— Выпьешь со мной, если я разыщу бутылочку?

— Что за вопрос?

— Тогда подожди здесь. Схожу в дом, поищу. Слишком хороший день нынче, чтобы томиться в доме.

— Совершенно с тобой согласен,— улыбнулся Теннисон.

Дожидаясь возвращения хозяина, Теннисон поудобнее устроился на стуле. Прямо перед ним тянулась ровная садовая дорожка. По обе стороны от нее стояли обкопанные деревья. Вдали запела птица. Теннисон заслушался, но ее про-

зрачная трель, увы, оборвалась. Легкий ветерок шевелил листву. Даже солнечный свет излучал покой и тишину.

Слева, внизу, были видны строения Ватикана — здания, казалось, вросли в землю корнями, да что там в землю — в само мироздание.

«Спокойное учреждение в спокойном мире,— подумал Теннисон.— Нет, в таком месте, в таком мире не может быть ничего дурного... Где-то там библиотека, а в библиотеке работает Джилл...»

Теннисон попытался определить, в каком именно здании находится библиотека, но с такого расстояния это оказалось невозможно.

«Джилл работает слишком много,— думал он,— каждый день часами корпит над надписями. Работа стала просто-таки наркотиком для нее. Она даже перестала говорить о возможности когда-нибудь покинуть Харизму».

Покачиваясь на стуле, закинув руки за голову, Теннисон попытался вызвать в сознании образ Джилл, представить ее за рабочим столом в сумеречном свете лампы. Он вспомнил тот вечер, когда Джилл впервые поделилась с ним своими догадками. И все время перед глазами маячило проклятое красное пятно на ее щеке. Нет, он почти не замечал его, но всякий раз, когда видел его, ему становилось нестерпимо жаль ее...

Он так погрузился в мысли о Джилл, что не заметил, как вернулся Декер. Он принес бутылку и два стакана.

— Выпьем,— сказал Декер и посмотрел сквозь бутылку на солнце.— Увы, это все, что осталось. Правда, через пару дней появится Чарли. Должен привезти мне еще.

— Наплюй на Чарли,— посоветовал Теннисон.— Я тебе в следующий раз принесу парочку. У Экайера есть запас. Там гораздо больше, чем нам с ним нужно.

Декер усмехнулся.

— Вот ведь интересно,— приподнял он брови, разливая виски по стаканам,— ты даже глазом не моргнул, когда я сказал, что через пару дней тут будет Чарли. Значит, ты не собираешься с ним словечком перемолвиться насчет того, чтобы он взял тебя с собой?

— Рановато еще. Полагаю, на Гастре меня еще не успели забыть. Не исключено, что кто-то до сих пор слоняется в порту

и поджидает меня. Но... даже если это не так, улетать мне пока неохота.

— Ну а Джилл?

— Она, пожалуй, тоже не против задержаться еще. Закопалась в своих исторических изысканиях.

— Оба вы попались на ту же удочку, что и я в свое время. И это, клянусь, неплохо, совсем неплохо. Харизма — прекрасная планета для жизни. Мягкий климат, щедрая земля. Мирный народ. Разве может быть что-то лучше? И главное, никто не пристает с расспросами.

— Так ты поэтому тут остался?

— Отчасти. С одной стороны. А еще из-за того, что меня выкинуло на двести лет назад из моего времени. Будет время, я как-нибудь соберусь с духом и поведаю тебе свою историю. Пока скажу только, что я вынужден был покинуть корабль. Команда бежала и бросила меня одного, но, на счастье, оставила мне последний спасательный катер. Не думаю, что они это сделали нарочно, вряд ли у них была возможность обо мне вспомнить и побеспокоиться. Они были жутко напуганы. В общем, я успел впрыгнуть в катер, где погрузил себя в искусственный анабиоз. Катер доставил меня сюда живого и невредимого — он сам отыскал планету, которая годилась для жизни. Но к тому времени, когда я проснулся здесь, прошла пара столетий. Так что я — ходячий анахронизм, человек, выброшенный на двести лет из своего времени. Снова вернуться в Галактику — нет, упаси бог, я просто с ума сойду. Здесь же моя отсталость от времени мало чувствуется — большинство людей не меньше меня отстали от жизни. Кстати, не исключено, что и роботы тоже. В чем-то они ни на йоту не изменились по сравнению с тем, какими прилетели сюда. Зато в другом они обскакали всю Галактику на миллион лет вперед. А может, и всю Вселенную.

— Но в чем? Вот вопрос.

— Не имею понятия. Все, что у них есть, хранится за семью печатями.

— И еще они боятся. Знаешь, Джилл нашла в библиотеке запись воспоминаний одного из кардиналов. Даты там нет, поэтому непонятно, когда было написано. Говорится там о пришествии странных чужаков, которые прибыли, как там

сказано, в каких-то пузырях. Очень похоже на обследование планеты. Они пробыли тут совсем недолго, однако кардиналу этого вполне хватило, чтобы здорово перетрусить.

— Понятно,— кивнул Декер, отхлебнув немного виски.— Существует легенда об этом посещении. Наверное, это было немало лет назад. «День, когда прилетели пузыри». Я думал, что это всего-навсего народное сказание, но раз есть свидетельство кардинала, можно верить, что в основе легенды лежит реальный факт.

— Но почему роботов это так напугало? Пришельцы пробыли тут совсем недолго и ничего плохого не натворили.

— Тут вот что надо иметь в виду: робот по определению — не романтик, не искатель приключений. Он старается все воспринимать усредненно. Никогда не рискует — ни боже мой! Предельная осторожность во всем и всегда. Вот истинное различие между людьми и роботами, если угодно. Люди вечно рискуют, лезут на рожон. Робот — никогда. Кто знает, может быть, в этом выражается их комплекс неполноценности. Нет, они любят произносить высокопарные речи, делать вид, что вершат великие дела. Но настоящее величие, как мне кажется, со страхом ничего общего иметь не должно. Эти же шарахаются от собственной тени. А ведь до той поры их ничто не пугало. И тут — на тебе, сюрприз!

Глава 30

Садовник Джон преодолел множество лестничных пролетов и галерей под Ватиканом и наконец приблизился к «святая святых».

Джон подошел к небольшой двери, из ящичка на поясе достал ключ и отпер дверь. В маленькой комнате стоял всего один стул. Джон прикрыл за собой дверь. Щелкнул замок. На стене, против которой стоял стул, в камень была вмурована металлическая пластина.

Садовник опустился на стул.

На пластине медленно, постепенно вырисовалось изборожденное морщинами лицо.

— Рад тебя видеть, Джон,— раздался голос Папы.— Что привело тебя ко мне на этот раз?

— Я пришел, ваше святейшество,— сказал Джон,— чтобы рассказать вам кое-что о нашей жизни. Надеюсь, на этот раз вы с большим вниманием отнесетесь ко мне. Я там, наверху, не ерундой занимаюсь, разыгрывая из себя садовника, которому больше делать нечего, как только с розочками возиться. Я работаю на вас, делаю дело, которое вы не можете доверить своим тупицам кардиналам. Я шпионю для вас, слушаю все, о чем болтают,— для вас, распускаю слухи — тоже для вас. Так что уж сделайте милость, ваше святейшество, хотя бы выслушайте меня.

— Я тебя всегда выслушиваю, Джон,— возразил Папа.

— Не всегда,— упрямо сказал робот.

— Ладно, на этот раз выслушаю, Джон.

— Ходят слухи,— начал Джон,— не более чем слухи, но очень упорные. Суть их в том, что Слушательница Мэри второй раз побывала в раю и ее оттуда выгнали.

— Не слыхал.

— Естественно! Кто вам скажет? Кардиналы, что ли? Им бы только ходить да...

— В свое время,— резко оборвал его Папа,— они, безусловно, явятся ко мне и все расскажут.

— Ага, в свое время. После того, как все обсудят между собой и решат, как вам это получше преподнести.

— Они хорошие и верные слуги,— не соглашался Папа.— Они делают что положено и преданы мне.

— Верно подмечено,— не унимался садовник.— Только не потому, что преданы, а потому, что хотят извратить направление вашего мышления и нашу цель заодно. Ваше святейшество, когда Ватикан только-только образовался, целью его был поиск истинной религии. Мы честно и откровенно признавали, что земная религия нас не устраивает и мы ищем лучшую, более истинную, самую истинную. Вы, ваше святейшество, до сих пор этим занимаетесь?

— Думаю, что да,— ответил Папа.— Помимо всего прочего.

— Вот-вот. Вот именно — помимо всего прочего. Слишком много стало этого «всего прочего»! Технологические системы, философские направления. Все это так далеко от того, чему мы собирались себя посвятить!

— Если речь о философии, Джон, то тут ты заблуждаешься. У философии как раз очень много общего с нашей первоначальной целью. Но если я тебя правильно понимаю, ты готов отказаться от «всего прочего» ради безумного, фанатического поиска той веры, которую, как нам когда-то казалось, мы в состоянии обрести.

— Когда-то? А теперь вам уже так не кажется, ваше святейшество?

— Если ты спрашиваешь меня о том, верю ли я до сих пор в логику и необходимость поиска, ответ будет таков: да, верю. Но то, что казалось простым тысячу лет назад, теперь уже таким не кажется. Дело тут не только в вере, не только в том, чтобы найти вероисповедание, божество, божественность; не уверен, что «божественность» — самый подходящий термин. Дело в том, чтобы разрешить загадку выживания и эволюции систем, разработанных людьми, живущими в них. Такие системы разыскивают для нас наши Слушатели. И только в результате изучения этих систем и размышления о существах, населяющих эти системы,— теперь-то я в этом просто уверен — мы сможем найти ответы, которые приведут нас к тому, что ты зовешь истинной религией.

— Ваше святейшество, вы изволите смеяться надо мной?

— Ну что ты, зачем мне над тобой смеяться, Джон? Мы слишком долго работаем вместе, чтобы я мог себе такое позволить. Но у меня постепенно складывается впечатление, что за годы наши точки зрения на многое стали несколько различаться. Мы изменились.

— Если на то пошло, вы изменились гораздо больше меня, ваше святейшество. Я до сих пор — простой робот, который прибыл сюда с Земли. И мои убеждения гораздо ближе к нашему первоначальному плану, чем ваши. Я участвовал в вашем создании, и мы все старались вложить в вас величие, мудрость, стремление к святости. Но вы... вы должны простить мне эти слова — вы уже не тот, кого мы создавали.

Папа издал звук, который, не будь он машиной, можно было бы посчитать смешком.

— Да, конечно, я уже не тот. Да и как можно было ожидать, что я не буду изменяться? Неужели ты думал, что я буду раз и навсегда таким, каким вы меня создали? Разве я мог не

меняться, постоянно вбирая в себя новые факты, новые мысли? Естественно, я теперь уже не робот «в чистом виде», я успел растерять многое из той вашей «человечности», что вы заложили в меня. Я стал... сейчас подумаю, как лучше сказать... более чужаком, что ли. За века в меня попало столько всего инопланетного — большей частью, кстати говоря, просто чепухи, мусора,— а от человека и от робота во мне стало намного меньше, чем раньше. Этого не мог ожидать даже ты, Джон. Это было совершенно необходимо. Мне пришлось развить в своей структуре отдельные фрагменты, чтобы решать проблемы, связанные с чужеродными понятиями. Конечно, я изменился. Я уже не просто инструмент, созданный вами, роботами. Признаться, я удивлен, что ты этого не знал. У меня колоссальный банк данных — он каталогизирован и ждет переработки в матрицу. Это колоссальная работа. Должен тебе признаться, Джон, я уже не раз имел возможность с горечью убедиться, что в триллионах моих ячеек памяти обязательно находятся такие, которые не стыкуются одна с другой даже тогда, когда кажется, что должны состыковываться замечательно. Увы, их приходится, образно говоря, вынимать и класть на полочку до тех пор, пока не прибудет новая информация, которая позволит двум, трем, дюжине ячеек объединиться и в результате дать что-то ценное, логичное. Джон, мне не стыдно признаться тебе, что порой я буквально трещу по швам от обилия неразрешенных вопросов — или наполовину неразрешенных,— порой, как в головоломке, недостает одного-двух кусков, чтобы образовалось нечто целое. Но есть и такие головоломки, которым не сложиться никогда, и я никогда не найду ответа-кусочка. Это ваша беда, роботов. Вы хотите получать ответы, а у меня порой их нет. Как я уже сказал тебе, Вселенная не так проста, как нам когда-то казалось. Я — долгосрочный проект, а вы требуете у меня скоропалительных, немедленных ответов.

— Не сказал бы, ваше святейшество, что тысяча лет — это немедленно.

Папа вновь издал звук, напоминающий короткий смешок.

— В моем понимании это очень, очень мало. Если я проживу миллион лет...

— Проживете. Мы об этом позаботимся.

— Ну что ж,— сказал Папа,— тогда есть некоторая надежда, что мы придем к вашей цели.

— К нашей цели? Ваше святейшество, вы так говорите, что можно подумать — это не ваша цель!

— Да, конечно, и моя тоже. Но нельзя игнорировать другие аспекты нашей работы. Невозможно предугадать, к чему приведет тот или иной этап исследований,— очень часто направления непредсказуемы.

— Ваше святейшество, вы позволили Ватикану свернуть с прямой, верной дороги, это вы дали ему пойти скользкими путями, по этим самым непредсказуемым направлениям. Кардиналы борются за власть...

— Не могу не согласиться,— сказал Папа,— что некоторые из моих кардиналов оказались никчемными, но это не так уж плохо. С точки зрения административных навыков у них все в порядке. Ну, к примеру, кто осмелится отрицать, что программа паломничества выполняется весьма успешно?

— Вы меня просто убиваете своим цинизмом, ваше святейшество! Отчего вы вспомнили о программе паломничества? Мы поддерживаем ее только из финансовых соображений. Мы пичкаем этих убогих паломников жуткой смесью религиозных понятий, которые они не в силах усвоить, и в том, что они получают от нас,— ни на грош правды и искренности. И самое худшее, что они именно потому и верят в то, что мы им предлагаем, что ничегошеньки в этом не понимают!

— Слишком мало правды, говоришь? Я бы мог спросить у тебя: «Что есть правда?», «Что есть истина?», но не буду, потому что ты станешь отвечать и еще больше огорчишь меня. Нет, я не совсем согласен с тобой относительно программы паломничества и продолжаю стоять на своем: программа приносит-таки некоторый доход, и мы нуждаемся в нем, а кроме того, она служит неплохим прикрытием, создавая нам репутацию приверженцев глупого культа на тот случай, если нами кто-то всерьез заинтересуется,— правда, в этом я сильно сомневаюсь.

— Я не разделяю вашего отношения к этой проблеме,— упрямствовал робот.— В программе паломничества мы избрали принцип плавания по течению, а этого мало. Мы можем и должны сделать гораздо больше. Мы обязаны заботиться о каждой душе, которая жаждет...

— Вот за что я всегда так ценил тебя, Джон, так это за твою вечную заботу о душах заблудших и о собственной в частности, тогда как ты должен понимать, что никакой души у тебя нет.

— А я не знаю, что у меня нет души! — огрызнулся робот.— Мне удобнее думать, что она у меня есть. Вполне резонно считать, что всякое разумное существо наделено душой.

— Что бы ею ни было,— уточнил Папа.

— Да, вот именно,— подтвердил Джон.

— Никто больше не осмеливается так разговаривать со мной,— сказал Папа.— И я ни с кем так не говорю, как с тобой. Вот почему я так ценю тебя, вот почему ты — мой друг, хотя, послушав наш разговор, вряд ли кто-нибудь сказал бы, что мы — друзья. Знаешь, было время, когда я подумывал, не сделать ли тебя кардиналом, но в роли садовника ты способен принести мне больше пользы. А ты сам-то не хотел бы стать кардиналом?

Джон захлебнулся от удивления и издал какой-то нечленораздельный звук.

— Ну вот и славно. Я так и думал,— резюмировал Папа.— Ты как садовник опасен, а как кардинал был бы опасней в сто раз. А теперь отвечай мне, и немедленно, не вздумай заговаривать зубы и сочинять: ведь это именно ты поднял суету относительно канонизации Мэри?

— Да, я,— дерзко ответил робот.— И мне нечего стыдиться. Народу нужны святые — преданным роботам в Ватикане и верным людям в поселке. Вера их скудеет, ей нужна поддержка. Что-то нужно такое... мощное, величественное, чтобы еще раз подтвердить правильность избранной нами цели, ради которой мы прибыли сюда. Но если Мэри выгнали из рая...

— Джон, ты в этом уверен?

— Нет, я же сказал вам, что это не более чем слухи. Мэри осуществляла какое-то наблюдение и вернулась из него совершенно потрясенная. Чем, почему — не знаю. Экайер упрется и не желает передавать оба кристалла в Ватикан. А наш новичок — этот маленький доктор — упорно избегает моих вопросов. Он знает все, что знает Экайер. И оба они — негодяи!

— Не нравится мне эта идея с канонизацией,— проворчал Папа.— Это шаг назад, к земному христианству. Не то чтобы

христианство было так уж дурно само по себе, но ему было далеко до того, чем оно притворялось. Я говорю в прошедшем времени, хотя отлично знаю, что христианство существует до сих пор. А употребил прошедшее время я потому, что не имею понятия, как оно развивалось, чем стало.

— Смею вас уверить,— язвительно проговорил Джон,— что и оно претерпело кое-какие изменения. Не стал бы называть это «развитием», честно говоря, но изменения налицо.

— Вернемся к вопросу о канонизации. Если слухи верны, твое предложение канонизировать Мэри теперь будет выглядеть не так привлекательно. Мы не можем объявить святой женщину, которую выгнали из рая.

— Вот именно это я и пытаюсь вам растолковать! — обрадовался Джон.— Нам позарез нужна святая как символ, как спасательный круг, за который наша вера могла бы ухватиться и удержаться на плаву. Я ждал, когда появится святая или святой, и теперь мы просто не имеем права упускать такой случай! Ватикан во что бы то ни стало должен получить кристалл с записью о рае — этот, самый последний,— и либо уничтожить его, либо спрятать. Мы со всей ответственностью должны подойти к сокрытию того факта, что ее изгнали из рая.

— Джон,— строго проговорил Папа,— ты должен отдавать себе отчет в том, что это не рай.

— Нисколько не сомневаюсь.

— Но тебе хочется, чтобы вся наша братия поверила в рай?

— Ваше святейшество, это необходимо! Нам нужна святая, нам нужен рай!

— А ведь мы только что толковали о поисках более истинной религии. Теперь же...

— Ваше святейшество!

— Знаешь, Джон, что я тебе скажу? Если нам действительно нужен святой, то у меня на это место есть кандидат получше Мэри. Умный, амбициозный робот, настолько ослепленный любовью к народу и верой в его спасение, что отказался от возможности занять высокий пост в Ватикане ради того, чтобы до конца дней своих возиться с розами.

Джон истерично взвизгнул — редкий случай для робота.

Глава 31

Старожилы Харизмы, стражи лесов, пустынь и вод — глухоманы — вели неторопливую соседскую беседу, которой никто не слышал и не замечал, кроме них самих. Они переговаривались через всю планету легко и просто, исполненные уважения друг к другу, давая каждому возможность высказаться.

— Было время,— сказал тот, что обитал на плодородной, цветущей равнине, тянувшейся до самого горизонта позади уже знакомого нам горного хребта,— было время, когда меня очень волновал металлический народец, обосновавшийся на нашей планете. Я боялся, что они расплодятся, доберутся до нашей земли, наших деревьев, что начнут выкапывать наши драгоценные минералы, отравят наши воды, опустошат земли. Но еще более я обеспокоился, когда узнал, что металлический народец — дело рук другого народца — органического, который в свое время создал их себе как слуг. Но я наблюдал за ними долгие годы и решил, что они совсем не опасны.

— Да, они — народец очень милый,— подхватил глухоман, живший на холме повыше хижины Декера, откуда он лучше остальных мог наблюдать за Ватиканом.— Они пользуются нашими богатствами, но делают это мудро — берут не более того, что нужно, и следят за тем, чтобы почва не истощалась.

— Поначалу,— вступил в разговор тот, что жил среди высоких скал к западу от Ватикана,— меня пугало, что они так интенсивно используют дерево. И тогда, и теперь им нужно много дерева. Но и деревом они пользуются экономно, никогда не берут лишнего. И часто даже сажают молодые деревца, чтобы заменить срубленные.

— Нет, что ни говори, а соседи они неплохие,— сказал глухоман, что жил на берегу океана, на другом краю планеты.— Если нам и суждено было иметь соседей, то лучше не придумаешь. Повезло нам с ними.

— Да, повезло,— согласился тот, что жил в долине.— Но не так давно мы были вынуждены убить...

— Да, но то не был представитель металлического народа,— возразил глухоман, живший неподалеку от хижины Декера.— И с ним вместе были другие — представители той самой органической расы, о которой мы уже говорили. Тут их довольно много, и появились они вместе с металлическим народом. Те, что живут тут давно,— потомки прибывших вместе с металлическим народом. И они не имеют дурных намерений относительно нас и нашей планеты. К сожалению, они нас побаиваются, и от этого их отучить трудно. В числе убитых был чужой, он был здесь новичком и, осмелюсь заметить, весьма отличался от тех, кто тут давно обитает. У него было приспособление, которое, как он думал, могло помочь ему расправиться с нами, хотя зачем ему это понадобилось, не представляю.

— Безусловно,— сказал тот, что жил высоко в горах,— мы этого допустить никак не могли.

— Да, не могли,— согласился глухоман Декера,— хотя мне очень жаль, что пришлось поступить именно так. Особенно жалко, что пришлось убить и тех двоих, что сопровождали новичка, который задумал нас прикончить. Если бы они не пошли с ним, все не было бы так безнадежно.

— Увы, мы не могли ничего поделать,— подтвердил тот, что жил у океана.

На мгновение они умолкли и стали молча показывать друг другу то, что видели и ощущали: широкую, ровную степь, уходившую вдаль во все стороны до самого горизонта; травы, колыхавшиеся под порывами ветра, словно морские волны; нежные полевые цветы — братья травы; широкую полосу песчаного берега, протянувшуюся на многие мили вдоль океана, вздымавшего зеленые волны, обрамленные белыми кружевами пены; птиц, похожих и не похожих одна на другую, летающих над волнами и гнездящихся на песке, в одиночку и целыми стаями парящих и кружащихся в прекрасном воздушном танце; глубокую, потаенную торжественность густых лесов; землю в лесу — чистую, без подлеска; ровные, темные стволы деревьев, аллеями уходящие в туманно-синее далеко; поросшее деревьями и кустарником глубокое ущелье, по обеим сторонам которого то тут, то там торчали острия скал. Здесь обитали маленькие дружелюбные существа — птицы и зверушки, которые попискивали, порхали и ползали среди скал и упавших, отживших свое деревьев, и звуки этой жизни сливались

с хрустальным звоном ручейка, что пенился на каменистом дне ущелья...

— Нам повезло,— прервал молчание глухоман, живший неподалеку от поющего ручья.— Нам удалось, не прикладывая особых усилий, сохранить нашу планету такой, какой она была создана. Как хранители, мы были призваны только следить за тем, чтобы все оставалось как есть. Нам повезло — сюда ни разу не прилетали захватчики, которым хотелось бы использовать нашу планету в своих целях, испортить ее, изуродовать. Иногда я удивлялся — и как это нам удается справляться со своими обязанностями?

— Мы должны справляться,— сказал глухоман, живший в горах над Ватиканом.— Мы инстинктивно должны чувствовать, как поступать.

— Но мы допустили одну серьезную ошибку,— посетовал глухоман Декера.— Мы позволили пыльникам улететь.

— А что мы могли поделать? — возразил тот, что жил на равнине.— Мы никак не могли предотвратить их исхода. Да и нельзя было этого делать: они разумные существа и вольны поступать как считают нужным.

— Что и произошло,— резюмировал глухоман, живший у океана.

— Но все же,— возразил глухоман, обитавший в далекой пустыне,— они родились здесь и выросли. Они были частью планеты, а мы позволили им покинуть ее. С их уходом планета чего-то лишилась. Я частенько размышлял о том, что было бы, если бы они остались.

— Уважаемые хранители,— вступил в разговор глухоман, живший в чаще леса,— полагаю, что такие гадания бессмысленны. Они улетели давным-давно. Может быть, когда-нибудь им вздумается вернуться и оказать какое-то воздействие на родную планету, но сие нам неизвестно, и мы никогда не сможем этого узнать. Не исключено, что планета вовсе не пострадала от того, что они ее покинули. Может быть, их влияние, останься они тут, оказалось бы и отрицательным. Я вообще удивлен, что мы затронули эту тему.

— Мы ее затронули, потому что один из них остался,— пояснил глухоман, живший неподалеку от Декера,— и живет рядом с одним из органических существ — из тех, что создали металлический народец. Другие улетели, а он остался. Я много думал — почему? Может быть, его просто забыли тут. А может быть, оставили намеренно. Он ведь детеныш, совсем маленький.

Глава 32

Радужное облачко искристой пыли покачивалось в воздухе над резной спинкой стула, стоявшего около стола с мраморной крышкой.

— Вернулся, стало быть,— проговорил Теннисон мысленно.

— Пожалуйста! — сказал Шептун.— Ну пожалуйста.

— Нет, я не собираюсь уступать тебе,— отозвался Теннисон.— Но поговорить пора.

— Давай,— обрадовался Шептун.— Давай поговорим. Я с превеликой радостью расскажу тебе о себе. Больше никто-никто на свете не знает, что я и кто я.

— Ну, валяй рассказывай.

— Глухоманы называют меня пыльником, а Декер зовет Шептуном, а...

— Меня совершенно не интересует, кто тебя как называет. Ты давай выкладывай, что ты такое.

— Я — неустойчивый конгломерат молекул, все молекулы диссоциированы и составляют единое целое — меня. И каждая из молекул, может быть даже каждый атом меня, разумны. Я — уроженец этой планеты, хотя я не помню ее начала и не знаю конца. Не исключено, что я бессмертен, хотя я об этом никогда не задумывался. Хотя, скорее всего, так оно и есть. Меня, например, нельзя убить. Даже когда я весь рассеян, так сильно, что все атомы отстоят друг от друга на целую вечность, каждый из них хранит в себе меня целиком, содержит и чувства мои, и разум.

— Вот это да,— восхитился Теннисон.— Потрясающий ты парень! Бессмертный, разумный, вездесущий, и никто тебя пальцем тронуть не может. Все у тебя есть.

— Нет, не все. К сожалению, не все. У меня есть разум, и, как разумное существо, я стремлюсь к познанию, к знаниям. Но мне недостает инструмента для познания.

— Стало быть, ты ищешь этот инструмент?

— Слишком грубо сказано.

— Надо понимать, ты меня хочешь использовать как инструмент для познания? И что же тебе хочется узнать?

— Мне нужно узнать о Ватикане. О том, что за работу они проводят. Мне нужно попасть в те миры, которые отыскивают Слушатели. Я давно пытаюсь это сделать, но пока узнал мало, очень мало. Проникнуть в мыслительные процессы машин нет никакой возможности. Мне такой тип разума не подходит. Но и самые слабые мои попытки что-либо разузнать уже вызвали подозрения в Ватикане. Они думают, что кто-то шпионит за ними, но не знают, кто и зачем. Они хотят отыскать меня, но найти не могут. Даже не догадываются, наверное, что я существую.

— Так ты думаешь, что я мог бы тебе помочь? Ты уверен, что я захочу?

— Ты можешь мне помочь. В этом нет сомнений. Ты ведь имеешь возможность смотреть записи на кристаллах. Если бы ты позволил мне войти в твое сознание, то я мог бы посмотреть их вместе с тобой и тогда мы оба...

— Но, Шептун, почему именно я? Есть ведь, к примеру, Экайер.

— Я пытался. Но он меня не чувствует. Он не более восприимчив к моему присутствию, чем роботы. Он не понимает, что я рядом, даже не видит моего сияния. Декер видит сияние, и я могу с ним разговаривать. Но он не имеет возможности смотреть кристаллы, и в сознание к нему я войти не могу. Остаешься только ты, ну и кое-кто еще.

— Кто же?

— Та, которую ты зовешь Джилл.

— Ты уже говорил с ней?

— Нет, не говорил. Но, наверное, смог бы. Ее сознание тоже не закрыто для меня.

— Слушай, что я тебе скажу, Шептун,— строго сказал Теннисон.— Оставь Джилл в покое. Не смей ее трогать. Понял?

— Понял. Не буду ее трогать.

— Значит, ты хочешь смотреть кристаллы вместе со мной. Это все?

— Не все. Но это самое главное.

— А теперь скажи зачем. Зачем тебе смотреть кристаллы?

— Чтобы отыскать свою родню.

— Кого-кого? — удивился Теннисон.— Какая такая родня?

— Давным-давно, так давно, что границы времени теряются и расплываются, когда начинаешь об этом думать, я был маленькой частичкой, одной из многих частичек большого облака, состоящего из множества других пыльников, или других Шептунов,— как тебе больше нравится. Облако это состояло из множества мне подобных, и у него была судьба, и была цель. Эта цель — познание Вселенной.

— Ты мне зубы не заговаривай,— посоветовал Теннисон.

— Но это правда, чистая правда! Мне нет резона лгать тебе, ведь ты можешь уличить меня во лжи, и тогда я потеряю всякую надежду на сотрудничество с тобой.

— Да, верно. Врать тебе смысла нет, это точно. Ну и что стряслось с этим твоим облаком?

— Все ушли. Оставили меня одного,— ответил Шептун.— Почему, зачем — я не знаю. Знаю только, что они ушли изучать Вселенную. Долгие горькие часы я провел гадая, почему они покинули меня. Но даже оставшись один-одинешенек, я должен исполнять свое предназначение. Я обязан изучать Вселенную.

— Должен — значит должен. Валяй изучай. Я не возражаю.

— Смеешься? Не веришь мне?

— А с какой стати мне тебе верить? Ты рассказал мне, чего ты хочешь и как тебе нужна моя помощь. Но позволь спросить: мне-то что до этого? Что я с этого буду иметь, кроме твоего прекрасного общества?

— Ты тяжелый человек, Теннисон.

— Но не глупый. И никому не позволю использовать меня. Мне кажется, что тут должно быть что-то вроде сделки.

— Сделка? — обрадовался Шептун.— Да, конечно, сделка.

— Нормально...— покачал головой Теннисон.— Сделка с дьяволом.

— Кто из нас дьявол? Если я правильно понимаю суть этого понятия, то я — вовсе не он. И ты, как мне кажется, тоже.

— О'кей, значит, не с дьяволом.

— Я немного побродил в твоем сознании без разрешения. За что прошу простить меня.

— Ты прощен. Если действительно немного.

— Правда, правда, совсем недолго. Буквально несколько мгновений. В твоем сознании я успел заметить два мира. Осеннюю страну и математический мир. Который из них ты хотел бы посетить? Не просто увидеть, не просто посмотреть, а именно — посетить.

— Хочешь сказать, что можешь перенести меня туда? Что я могу попасть в эти миры?

— Да, со мной ты можешь попасть в эти миры. И лучше понять их, хотя в этом я не до конца уверен. Но ты обязательно сможешь увидеть их более ясно, лучше ощутить.

— Даже рай?

— Но ты не видел такого кристалла!

— Да, не видел,— согласился Теннисон.

— Ну как?

— Ты предлагаешь мне посетить один из миров и вернуться обратно?

— Конечно, и вернуться. Обязательно. Ты же никогда не уходишь туда, откуда нельзя вернуться.

— Значит, ты перенесешь меня...

— Нет. Мы пойдем вместе.

«Это невозможно,— подумал Теннисон.— Кошмар какой-то! Либо я снова сплю, либо этот пройдоха, жулик несчастный...»

— Это возможно,— возразил Шептун.— И я не жулик. Ты ведь думал о математическом мире? Ты его видел во сне. Он не дает тебе покоя.

— Я там ничего как следует не разглядел. Многое было скрыто от меня. Почти все. Но я понимал, что там что-то есть. Понимал, но не видел.

— Ну так пойдем со мной — и увидишь.

— И... пойму?

— Нет, я не уверен, что мы поймем. Но одна голова — хорошо, а две — лучше.

— Ты меня искушаешь, Шептун. Ох, искушаешь... Не рискую ли я с тобой, а?

— Никакого риска, уверяю тебя, друг! Можно я буду звать тебя другом?

— Другом! Пока рановато, Шептун. Зови лучше партнером. У партнеров тоже должно быть доверие друг к другу. Но если ты обманешь меня...

— Если я обману?

— Об этом узнает Декер, и ты лишишься единственного друга.

— С твоей стороны непорядочно угрожать, партнер.

— Возможно.

— Но ты стоишь на своем.

— Да, я стою на своем,— упрямо заявил Теннисон.

— Значит, ты не против того, чтобы отправиться вместе в математический мир?

— Да, но... нужно же посмотреть кристалл.

— Нет нужды. Все запечатлено у тебя в сознании.

— Да, но плохо, несовершенно. Я не видел всего. Многие детали отсутствуют.

— Ошибаешься, там все есть. Нужно только покопаться. Ты и я, вместе, сумеем сообща разглядеть все получше.

— Сообща,— повторил Теннисон.— Выходит, мы сообщники. Не нравится мне такое слово.

— Ну, если хочешь, назови единством. Нас будет не двое, мы будем вместе одно целое. А теперь... подумай хорошенько о математическом мире. Вспомни его как можно лучше. Попробуем проникнуть туда.

Глава 33

Енох, кардинал Феодосий, вошел в библиотеку и опустился на табуретку рядом с Джилл, больше похожий на разодетое чучело, чем на кардинала.

— Надеюсь,— обратился он к Джилл,— вы не имеете ничего против визитов старого занудного робота, которому некуда девать время?

— Преосвященный, я очень рада, что вы заходите ко мне,— сказала Джилл.— Мне так нравится с вами беседовать.

— Странно...— покачал головой кардинал. Он поставил ноги на низенькую скамеечку и обхватил себя руками ниже груди, словно у него болел живот.— Разве не странно, что у

таких разных существ, как вы и я, есть о чем побеседовать? Должно быть, у наших бесед интересные темы. Вы согласны со мной?

— Да, преосвященный, согласна.

— Я проникся к вам большим уважением,— сказал кардинал.— Вы работаете упорно, с большим энтузиазмом. У вас острый, пытливый ум, вы ничему не позволяете ускользнуть от вашего внимания. Ваши ассистенты хорошо отзываются о вас.

— Хотите сказать, что ко мне приставлены шпионы, которые вам обо мне докладывают?

— О нет,— сказал кардинал, протестующе подняв руку.— Вы прекрасно понимаете, что я не хотел этого сказать. Но иногда, когда мне случается с ними беседовать, ваше имя упоминается. Вы им очень нравитесь, Джилл. Вы думаете как робот — так они мне сказали.

— Надеюсь, что это не так.

— Но что же дурного в мышлении робота, мисс Робертс?

— Ничего, наверное. Но для меня мышление робота не годится, вот и все. Я должна думать как человек.

— Люди — странный народ,— задумчиво промолвил Феодосий.— К такому выводу я пришел, наблюдая за ними много лет. Вы, может быть, не знаете, как роботы восхищаются людьми, как преклоняются перед ними. Люди — один из излюбленных предметов разговоров, мы проводим долгие часы в беседах о них. Я уверен, что прочные отношения между людьми и роботами вполне возможны. Существуют мифы, в которых описывается подобная близость. У меня лично ни с кем из людей таких отношений не было, и теперь я начинаю ощущать, как мне этого всю жизнь не хватало. Должен раскрыть вам маленькую тайну: мне стало казаться, что во время моих визитов к вам между нами стало возникать что-то напоминающее такие отношения. Надеюсь, вы не возражаете против таких мыслей?

— Ну что вы, конечно нет. Для меня это большая честь.

— До сих пор,— продолжал кардинал,— у меня с людьми были только краткие, исключительно деловые контакты. Экайер — единственный из людей, с кем меня связывают более или менее продолжительные отношения.

— Пол Экайер — очень хороший человек,— сказала Джилл.

— Хороший. Да, пожалуй, хороший. Несколько упрямый, правда. Он целиком посвятил себя своим Слушателям.

— Но это его работа,— возразила Джилл,— и он ее делает хорошо.

— Это верно, но порой он будто забывает, ради кого делает эту работу. Он берет на себя больше ответственности, чем на него возложено. Сам процесс работы становится для него главным. Но его Программа — это программа Ватикана. А он порой ведет себя так, будто это его личное дело.

— Ваше преосвященство, к чему вы клоните? Может быть, вас слишком беспокоит случай с Мэри?

Кардинал поднял голову, внимательно посмотрел на Джилл и улыбнулся.

— Мисс, я понимаю ваших ассистентов. Вы, пожалуй, слишком умны, больше, чем нужно.

— Да что вы,— махнула рукой Джилл.— Как раз наоборот, чаще я слишком глупа, когда пытаюсь быть умной.

— Меня беспокоит,— сказал робот,— этот случай со святой. Я не уверен, что нам необходима святая. Она может доставить нам больше хлопот, чем кажется. А что вы думаете об этом, мисс Робертс?

— Я никогда специально не думала об этом. Слышала какие-то разговоры, вот и все.

— Экайер не торопится передавать нам второй кристалл, где записано повторное посещение рая Слушательницей Мэри. У меня такое ощущение, что добровольно он его не отдаст. Я не знаю, что произошло. И думаю, никто не знает. Ходят самые нелепые слухи.

— И наверное, все они далеки от истины.

— Скорее всего. Обычно в слухах мало правды. Но почему Экайер не передал нам этот кристалл?

— Ну, может быть, он слишком занят? У него так много всяких дел. А что, он всегда немедленно передает кристаллы в Ватикан?

— Да нет, не всегда. Обычно он передает их, когда сам пожелает.

— Ну вот видите! Он, наверное, просто сам еще не успел посмотреть.

— Ох, не знаю,— растерянно покачал головой кардинал.— Экайер — близкий друг Теннисона, а Теннисон знаком с Декером.

— Ваше преосвященство, вы говорите так, будто они втроем сговорились против вас. При чем тут Теннисон и Декер? Вот уж кого вам совершенно нечего бояться. Экайер и Теннисон работают на Ватикан. А уж Декер вообще ни при чем.

— Вы могли бы помочь мне.

— Не уверена. А почему вы так думаете?

— Вам все должно быть известно. Вы спите с Теннисоном.

— Стыдно, ваше преосвященство,— возмущенно проговорила Джилл.— Я не знала, что роботы обращают внимание на такие вещи!

— О, в том смысле, в котором вы подумали, нас это нисколько не волнует. Просто Теннисон мог сказать вам об этом.

— А ведь вас, преосвященный, волнует не то, что Мэри могут объявить святой, не так ли? — поинтересовалась Джилл.— Дело в рае, верно? Но если вас это так беспокоит, почему бы вам не отправить туда своих сотрудников — пусть бы они выяснили, что там такое.

— У нас нет координат, и мы не знаем, где его искать.

— А я думаю, что вы боитесь,— уверенно сказала Джилл.— Ваше преосвященство, признайтесь, что боитесь. Даже если бы у вас имелись точные координаты, вы бы побоялись туда отправиться. Вы боитесь того, что можете найти там.

— Дело не в этом,— покачал головой кардинал.— Да, я действительно боюсь, но у страха моего другая причина, гораздо более серьезная. Меня пугает нынешняя ситуация в Ватикане. Столько столетий дела у нас шли хорошо! Были и успехи, и неудачи, были расхождения во мнениях, но никогда до сих пор я ни на йоту не сомневался, что наше учреждение выстоит. Оно казалось мне таким же прочным, как та могучая скала, на которой оно покоится. Но теперь я чувствую, что в недрах несокрушимой твердыни зародились какие-то сдвиги, будто почва стала колебаться под ногами,— не знаю, хорошо ли я передаю свои ощущения, но ясно чувствую предвестье смуты, которая может сокрушить все устройство и принципы, на которых оно основано. Откуда ветер дует, я не знаю, но уверен, что где-то скрывается некий энтузиаст, активный разрушитель устоев, который все время подогревает эту тая-

щуюся, тлеющую смуту, подбрасывает поленья в огонь. Я уже давно понял, что кто-то — тот же смутьян или кто-то другой — потихоньку крадет из сокровищницы наших знаний. Не слишком нагло, не чересчур открыто, а как крошечная мышка, откусывающая потихоньку от головки сыра весом в целую тонну. Не знаю, одно и то же ли это лицо, а если нет, то связаны ли они между собой,— не могу даже догадываться. Знаю одно: Ватикан должен устоять, с нами ничто не должно случиться, и никому не должно быть позволено мешать нам. Слишком многое поставлено на карту.

— Ваше преосвященство,— попыталась успокоить его Джилл,— мне кажется, вы напрасно так волнуетесь. У вас все так хорошо организовано и продумано. Ватикан слишком силен, чтобы кто-то или что-то могло его разрушить.

— Не его, мисс Робертс, не сам Ватикан, но цель, которой он посвятил себя. Давным-давно — вы, вероятно, знаете об этом, поскольку уже довольно глубоко изучили нашу историю,— мы прибыли сюда в поисках истинной веры. Сейчас среди нашей братии можно отыскать таких, кто уверен, что мы от этой цели отказались, что мы предали ее ради технических и философских знаний, не имеющих с верой ничего общего. Я уверен, что те, кто так думает, глубоко заблуждаются. Мое искреннее убеждение состоит в том, что вера, безусловно, связана со знанием — не со всяким знанием, конечно, а с особенным, очень специфичным. Но для того, чтобы достичь такого знания и прийти к единственно верному ответу, нам нужно для начала ответить на множество вопросов. Может быть, порой мы идем по ложному следу, но мы не имеем права пренебрегать и ложными следами — это дает возможность убедиться, что они ведут в тупик, где нет ничего — то есть нет ответа.

— Выходит, ваш взгляд на вещи изменился,— отметила Джилл.— Насколько я смогла понять из изучаемых мной материалов, раньше вера ставилась выше знания.

— Да, в каком-то смысле, в первом приближении, так сказать,— вы правы. Просто мы сами поначалу не понимали, что вера должна быть основана на знании, она не может быть слепой, нельзя без конца повторять неправду в надежде, что от многократного повторения она станет правдой. Нам не нужна ложь. Нам нужны знания.

Кардинал умолк и, глядя на Джилл прямым, немигающим взглядом робота, поднял руку и торжественно очертил в воздухе круг. Джилл догадалась, что этим жестом он изобразил Вселенную, все во времени и пространстве за пределами этой комнаты, где они сидели.

— Где-то там,— сказал он,— есть кто-то или что-то, кто знает ответы на все вопросы. И среди множества ответов есть тот, который мы ищем. Именно его мы обязаны узнать. А может быть, нам нужно узнать все ответы, каждый из них, и они укажут путь к единственно верному. Как бы то ни было, задача наша — поиск ответа. И мы не имеем права отступить, поддаться слабости, соблазниться славой и могуществом. Не важно, сколько на это уйдет времени, но наша задача должна быть выполнена.

— Но рай может стать основой самообмана, которого вы так опасаетесь.

— Мы не имеем права рисковать.

— Но вы должны понимать, что это не рай. Не тот старый христианский рай с парящими ангелами, звучащими трубами и золотыми мостовыми!

— Умом понимаю, мисс Робертс, что этого не может быть,— а что, если так оно и есть?

— Значит, вот вам и ответ.

— Нет. Нам не такой ответ нужен. Нам нужен не просто ответ, а ответ ответов. Если мы удовлетворимся таким ответом, то перестанем искать главный ответ.

— Ну что я могу вам посоветовать? — пожала плечами Джилл.— Тогда отправляйтесь туда и докажите, что это не рай. А потом возвращайтесь и продолжайте работу.

— Мы не можем рисковать,— повторил кардинал.

— В каком смысле? Вы боитесь, что там действительно рай?

— Не только. Ватикан в любом случае не выиграет. Это будет то, что вы, люди, зовете ничьей. Если это не рай, мы столкнемся с тем, что многие из наших сотрудников разочаруются в Слушателях, перестанут им доверять. Как вы не понимаете? Если будет доказано, что Мэри ошиблась, поднимется страшный вой, все станут орать: «Долой Слушателей! Их работа ни гроша не стоит!» А ведь Поисковая Программа

Экайера — наш единственный, самый мощный инструмент. Он должен быть вне сомнений, слухов и какой бы то ни было критики. Если Программа не выстоит, пройдут столетия, прежде чем мы восстановим утраченное, если вообще можно будет что-то восстановить.

Джилл испугалась.

— Ваше преосвященство, вы не должны позволить этому случиться! — воскликнула она.

— Бог не допустит этого,— проговорил кардинал.

Глава 34

Раньше мир уравнений виделся Теннисону сквозь дымку, его очертания были искажены колеблющимся, плывущим маревом — так в жаркий солнечный день виден другой берег озера, поверхность которого сияет радужными бликами, отражая палящие лучи. Теперь же все было видно четко и ясно. Он стоял на твердой почве, а перед ним ровными рядами, насколько хватало глаз, выстроились разноцветные кубоиды, испещренные значками и графиками. Вдали угадывалась линия горизонта, она поднималась кверху наподобие края огромной чаши, и там, далеко-далеко, край ее соприкасался с опрокинутой чашей небес. Поверхность планеты — если это была планета — была покрыта горохово-зеленым ковром, но это не была трава. Что именно — Теннисон пока понять не мог.

— Шептун! — позвал Теннисон.

Ответа не последовало. Шептуна не было. Он был один. Или нет, не один. Шептун тоже был здесь, но не как нечто отдельное. Здесь, в незнакомом, чужом мире, Теннисон находился не сам по себе — тут были он и Шептун, соединенные в одно целое.

Он застыл, пораженный внезапной догадкой, не понимая, откуда это стало ему известно. Шли мгновения, и он догадался, что додумался до этого не он, Теннисон, а Шептун, который сейчас был его неотъемлемой частью. Но кроме этого Шептун никак не обнаруживал своего присутствия. «Интересно,— подумал Теннисон,— а как себя чувствует Шептун? Кажется ли ему, что он сам по себе, или он тоже осознает себя частью единого целого? Чувствует ли он мое присутствие?»

Но ответа на его безмолвный вопрос не последовало. Шептун не давал знать, так ли оно на самом деле.

Самое удивительное, что Теннисон ощущал реальность своего присутствия в математическом мире: не смотрел на него со стороны, а лично там находился. Он чувствовал твердую поверхность под ногами и дышал легко и свободно, словно на планете земного типа. Он попробовал оценить параметры окружающей среды — состав атмосферы, ее плотность, давление, силу притяжения, температуру воздуха. Производя в уме вычисления, он поразился. Подсчеты были весьма приблизительны, но он понимал, что все параметры намного лучше,— условия были не просто подходящими для жизни, а идеально подходящими.

Кубоиды оказались расцвечены разнообразнее и ярче, чем тогда, когда он смотрел кристалл и видел их во сне. Уравнений и графиков на их поверхности было намного больше. Приглядевшись к ближайшей группе кубоидов, он заметил, что все они — разного цвета, а уравнения и графики на их поверхности совершенно разные. Каждый из них нес в себе нечто индивидуальное.

Он до сих пор не сдвинулся с места, и та часть, которую мучили сомнения относительно его присутствия здесь,— наверное, собственно Теннисон — не давала ему сделать ни единого движения. Наконец он сумел преодолеть оцепенение и сделал первый осторожный шаг, чтобы удостовериться в том, что может двигаться. Уравнения-кубоиды стояли неподвижно, и Теннисон решил предпринять попытку контакта и начать двигаться. «Неужели,— подумал он,— я буду стоять тут и глазеть, а потом уберусь восвояси? Тогда между теперешним посещением этого мира и предыдущими не будет никакой разницы».

Он медленно, шаг за шагом приближался к кубоидам. Подойдя к одному из них довольно близко, Теннисон прикинул его «рост», то есть — высоту. «Рост» кубоид имел приличный — что-то около восьми футов, и Теннисон смотрел на его верхнюю часть, запрокинув голову. В длину кубоид был раза в два больше. Теннисон не мог определить ширину кубоида оттуда, где стоял, но он вышел из положения и взглянул на другой кубоид, который был развернут к нему боком, и понял, что ширина кубоида составляет около девяти футов.

«Наверное,— подумал Теннисон,— размеры у них могут быть разные». Но те, что стояли к нему поближе, казались совершенно одинаковыми.

Передняя поверхность кубоида, к которому он подошел поближе, была бордового цвета, на ней были изображены уравнения преимущественно оранжевые, но кое-где вкраплялись красный, желтый, зеленый цвета. Он попытался решить в уме самое длинное уравнение, но оказалось, что значки, которыми оно было написано, Теннисону незнакомы.

Тот кубоид, по которому Теннисон определил ширину, был ярко-розовым, уравнения на нем — зеленые, а сзади него стоял еще один, пепельно-серый в рыжих крапинках. Уравнения на нем были лимонно-желтые, а графики — сиреневые. Этот кубоид выглядел забавно, казался «веселее» остальных.

Пока Теннисон приближался к кубоидам, с их стороны никакой реакции не последовало, они оставались неподвижными.

Только сейчас Теннисон обнаружил, что в этом мире совершенно нет звуков. Это был мир безмолвия. «Так вот почему я здесь не в своей тарелке,— понял Теннисон.— Ведь я так привык к тому, что меня всю жизнь сопровождают звуки — хоть какие-нибудь. Даже когда лежишь в блаженной тишине, нет-нет да и раздастся какой-нибудь звук — то скрипнет рассохшаяся половица, то легкий ветерок пошевелит листву за окном, то муха зажужжит от обиды, ударившись в оконное стекло...» Здесь же не было ничего, полное беззвучие.

Он отважился еще ближе подойти к бордовому кубоиду. Было интересно идти, не производя никаких звуков. Подойдя к кубоиду вплотную, Теннисон, сам толком не понимая, что делает, вытянул руку и коснулся поверхности кубоида указательным пальцем — осторожно, готовый в любое мгновение отдернуть руку, словно кубоид мог оказаться горячим или был способен укусить за палец. Ничего не произошло. На ощупь кубоид оказался гладким, не теплым и не холодным. Осмелев, Теннисон коснулся его всей ладонью. Ладонь плотно прижалась к кубоиду, и Теннисон с удивлением ощутил, что он прогнулся под рукой. Казалось, что он положил руку на желе или холодец.

На поверхности кубоида произошло какое-то движение, и Теннисон в испуге отпрянул. Он увидел, как задвигались

уравнения, зашевелились графики — сначала медленно, лениво, потом все быстрее и быстрее. Вскоре за мельканием уравнений и графиков уже невозможно было уследить: они растворялись, исчезали, вливались одно в другое, возникали новые комбинации значков и тут же исчезали, следом возникали следующие, совсем другие.

«Он, этот не знаю кто, говорит со мной,— понял Теннисон.— Да, пытается говорить, хочет перебросить мостик через пропасть, разделяющую нас!»

Теннисон как зачарованный смотрел на кубоид, пытаясь уловить смысл причудливой пляски значков и их комбинаций. Временами ему казалось — вот он, смысл, я все понял, но стоило уравнению немного измениться — и только что обретенное понимание рассеивалось, пропадало, словно его и не было, будто он что-то написал мелом на доске, а кто-то безжалостно стер написанное.

Не отрывая взгляда от обращенной к нему поверхности бордового кубоида, краем глаза он заметил сбоку какое-то движение и резко отступил в сторону. Но бежать оказалось некуда и спрятаться негде. К нему приближались другие кубоиды. Они постепенно смыкались в плотное кольцо, отрезая Теннисону пути к отступлению. На поверхностях кубоидов, обращенных к Теннисону, двигались, прыгали, перемещались графики и уравнения. Зрелище было не для слабонервных: не было слышно ни единого звука, а Теннисону казалось, что они хором кричат на него.

Подходили все новые и новые кубоиды, и некоторые из них, желая получше разглядеть пришельца, взбирались сверху на своих собратьев. Вновь прибывшие лезли еще выше — казалось, какой-то невидимый каменщик-великан громоздил стену из неподъемных блоков и окружал ею Теннисона. Кольцо смыкалось все плотнее, и у Теннисона закружилась голова от непрерывной смены цветов и пляски значков в графиках и уравнениях. Теперь ему казалось, что они уже не с ним разговаривают, а собрались на какое-то сверхважное совещание и решают срочный вопрос. Уравнения усложнялись немыслимо, графики извивались, вертелись, перекручивались.

Кубоиды стояли вокруг Теннисона плотной, нерушимой стеной, и вдруг неожиданно стена рухнула прямо на Теннисона! Он в страхе закричал — но пока она падала, страх сменился удивлением, казалось, он погружается в бездну. Теннисон не ушибся, не поранился. Целый и невредимый, он стоял в куче упавших кубоидов. В какой-то момент он испугался, что может утонуть в них, что его засосет, затянет, разотрет в порошок, что ему не хватит воздуха. Он живо представил, как его рот и горло заполнит липкое, вязкое желе, как оно попадет ему в легкие...

Но ничего не произошло. Он погрузился в непонятное пространство, но никакого неудобства не ощутил. Он попытался вынырнуть, чтобы вдохнуть, но вскоре понял, что не утонет и воздух ему не нужен. Кубоиды поддерживали его со всех сторон, и ему нечего было бояться. Они не говорили ему этого, но он почему-то это знал. Наверное, эта мысль каким-то непостижимым образом вошла в него.

Кубоиды двигались вокруг, некоторые проходили сквозь него, оставаясь внутри него на некоторое время. Ему стало казаться, что он сам стал кубоидом. Он чувствовал, как внутри него циркулируют графики и уравнения, как они обнимают его, проплывая рядом. Некоторые из них соединились вместе и построили для него странный, немыслимой конструкции... дом! Теннисон скользнул в свой дом, не понимая, что он, но совершенно удовлетворенный своим новым состоянием.

Глава 35

Компания Слушателей собралась за кофе.

— Что слышно про Мэри? — спросила Энн Гатри.

— Да ничего,— ответил Джеймс Генри.— Либо никто не знает, либо знают, да не говорят.

— И никто ее не навещал? — спросила Энн.

— Я заходил к ней,— сообщил Герб Квинн.— Меня впустили на минутку. Но она спала.

— Наверное, ее пичкают успокоительными,— высказала предположение Жанет Смит.

— Не исключено,— кивнул Герб.— Сестра меня быстренько выпроводила. Похоже, они посетителей не жалуют.

— Честное слово,— покачала головой Энн,— я бы была намного спокойнее, если бы тут был старый док. Этот новенький... не знаю, что и сказать.

— Ты про Теннисона?

— А про кого же?

— Ты не права,— сказал Джеймс Генри.— Он — парень что надо. Я с ним разговаривал несколько недель назад. Мне он понравился.

— Но ты же не знаешь, что он за врач.

— Что верно, то верно. Я к нему не обращался.

— А я у него была,— сообщила Мардж Стриттер.— У меня недавно горло разболелось, и он меня быстро вылечил. Очень симпатичный человек, вежливый, обходительный. А старый док временами бывал грубоват.

— Это точно,— согласился Герб.— Помню, он меня крыл на чем свет стоит за то, что я якобы не следил за своим здоровьем.

— Не по душе мне слухи, которые распускают о Мэри,— покачала головой Энн.

— А кто от них в восторге? — хмыкнул Герб.— С другой стороны, когда в Ватикане не ходили хоть какие-нибудь слухи? Лично я предпочитаю ничему не верить.

— А я думаю, что все-таки что-то стряслось,— сказала Жанет.— Нет дыма без огня. Не зря же ей так плохо. Наверное, она испытала что-то вроде шока. Это ведь так бывает со всеми нами время от времени.

— Да, но до сих пор мы выкарабкивались,— возразил Герб.— Денек-другой, и все в норме.

— Мэри стареет,— покачала головой Энн.— Может быть, ей уже не стоит работать. Пора на покой. Клоны ее подрастают и смогут заменить ее.

— Не нравится мне эта идея с клонированием,— пробурчала Мардж.— Нет, я знаю, что смысл в ней глубокий и вся Галактика широко применяет клонирование. Но все-таки есть в этом что-то ущербное, а может, даже греховное. Думаю, каждый, кто занимается клонированием, может вбить себе в голову, что он — Господь всемогущий. А это опасно и противоестественно.

— Но в этом нет ничего нового,— пожал плечами Джеймс.— Творцами себя мнили многие на протяжении всей истории самых разных цивилизаций — не только человеческой. Взять хотя бы ту цивилизацию, в которую как-то раз попал Эрни. Ну, вы помните, несколько лет назад?

— Ага,— кивнул Герб.— Те самые, что создают новые миры и населяют их кем попало по своему разумению...

— Точно,— подтвердил Джеймс.— Хотя... им не откажешь в логике. Ведь не скажешь, что они брали кучку палочек, посыпали ее пылью и произносили над ней заклинания. У них все досконально продумано. При создании планеты учитываются все факторы. Никаких глупостей. Все части пригнаны одна к другой, как в головоломке. Столь же продуманно решается и вопрос с заселением созданных планет — порой, конечно, существа, которых они внедряют в новые миры, совершенно немыслимы, но сработаны на совесть.

— Ну да,— кивнул Герб.— Все правильно. А что потом? Каждый из созданных миров становится живой лабораторией с экстремальными, стрессовыми условиями, и население подвергается разнообразным испытаниям, принуждено сталкиваться с ситуациями, от решения которых зависит их жизнь. Вы представляете себе: разумные существа выступают в роли подопытных животных. Конечно, таким образом создатели миров получают массу информации, до тонкости изучают всякие социальные проблемы, но это, безусловно, жестоко по отношению к населению планет. И бесцельно, на мой взгляд.

— А может быть, какая-то цель в этом есть,— предположила Жанет.— Пойми, я вовсе не оправдываю подобную практику, но цель у них наверняка есть. Может быть, не такая, какую бы мы одобрили, но...

— Я ничего об этом не знаю,— сказала Энн.— Но склонна сомневаться. Обязательно должна существовать какая-то универсальная, вселенская этика. Во всем пространстве и времени должны существовать вещи безусловно хорошие и безусловно дурные. И мы никак не можем простить и оправдать жестокую цивилизацию, совершающую дурные поступки, на том основании, что она дурна и порочна, а потому другой способ поведения ей неведом.

— Такой спор,— махнул рукой Джеймс,— можно продолжать вечно.

— А Эрни удалось определить координаты этих создателей планет?

— Думаю, нет,— сказал Герб.— Он возвращался туда несколько раз. У него даже появился интерес к ситуациям, создаваемым в тех мирах, которые эта цивилизация пекла как

блины. Но в конце концов интерес пропал, и он решил больше туда не возвращаться.

— Пожалуй, он был прав,— задумчиво проговорил Джеймс.— И ему повезло, что он сумел вовремя выбраться оттуда. Порой просто ничего нельзя поделать с собой — начинает тянуть туда. Мэри же потянуло обратно в рай.

— А я вот о чем думаю,— проговорила Мардж.— Помните, несколько лет назад Бетси напоролась на выживший из ума старый компьютер? Где-то в одной из шаровидных туманностей, как раз за границей Галактики. Этот компьютер до сих пор правит целой армадой фантастической техники, созданной с совершенно непостижимой, загадочной целью. Состояние дел там, похоже, в полном развале — техника постепенно выходит из строя из-за отсутствия должного ухода. Чем должны заниматься все эти машины, Бетси выяснить не удалось. Вся планета была похожа на свалку ржавой рухляди. Скорее всего, когда-то там существовала разумная биологическая жизнь, но она ли создала всю эту технику, Бетси выяснить не удалось. Органической жизни там на сегодняшний день либо совсем не сохранилось, либо те ее представители, что ухитрились выжить, скрываются.

— Бетси продолжает работать над этим,— уточнила Энн.

— Да, скорее всего, какое-то время она еще будет этим заниматься,— согласился Герб.— Ватикан проявляет особый интерес к этому компьютеру-маразматику. Им, наверное, хочется выяснить, как он сошел с ума. Прямо никто ничего не говорит, но, я думаю, в Ватикане опасаются, как бы чего-нибудь в этом роде не стряслось с его святейшеством.

— Но Папа не такой уж старый,— возразила Мардж.— И вряд ли у кого-то есть основания подозревать его в старческом слабоумии.

— О да,— улыбнулся Джеймс.— Он у нас еще хоть куда, мальчишка, можно сказать. Но время идет. Пройдет, скажем, миллион лет... Ватикан может смотреть на миллион лет вперед.

— Нисколько в этом не сомневаюсь,— кивнул Герб.— Роботы — самые упрямые создания на свете. Вот уж кто не отступится от задуманного ни за какие коврижки. А уж ватиканские роботы всех упрямцев переупрямят. А уж через миллион лет... Вся Галактика будет у них в руках, это я вам точно говорю.

Глава 36

Джилл решила, что пора наконец навестить Мэри. Она пришла в клинику и разыскала палату, где лежала Мэри. В дверях ее встретила сестра.

— Вы можете побыть у нее буквально несколько минут,— предупредила она Джилл.— Не разговаривайте с ней, прошу вас.

Джилл сделала несколько шагов, но остановилась, не спуская глаз с мертвенно-бледной женщины на кровати. Тело с трудом угадывалось под простыней, до того Мэри исхудала. Седые волосы разметались по подушке. Руки были сложены на груди поверх простыни, скрюченные пальцы сплелись так, что казалось, никогда не расцепятся. Тонкие сухие губы были плотно сжаты. Скулы и подбородок, обтянутые тонкой, как пергамент, желтоватой кожей, резко выступали на изможденном, изборожденном морщинами лице.

«Живые мощи,— подумала Джилл.— Мумия, настоящая мумия! Точь-в-точь как тот средневековый отшельник, который умудрился довести себя до такого состояния изнурительным постом. Да-да, я видела такой рисунок в одной древней книге. И эту несчастную собираются провозгласить святой!»

Глаза Мэри медленно приоткрылись — словно это стоило ей величайшего усилия. Голова ее была повернута так, что казалось, она смотрит на Джилл.

Губы вяло зашевелились, и хриплый шепот разорвал могильную тишину палаты.

— Кто ты? — спросила Мэри.

Невольно понизив голос, Джилл прошептала:

— Я — Джилл. Вот пришла навестить вас.

Губы Мэри скривились в усмешке.

— Не-е-т. Ты не Джилл... Про Джилл я слыхала... но никогда ее не видела... А тебя я видела... где-то я тебя видела...

Джилл медленно покачала головой, пытаясь успокоить больную.

— Я узнаю тебя,— упрямо шептала Мэри.— Давным-давно мы с тобой разговаривали, а вот где — не помню...

Сестра подошла к Джилл и хотела ей что-то сказать, но в этот момент Мэри снова заговорила.

— Подойди поближе...— попросила она.— Подойди, дай мне разглядеть тебя... Я сегодня плохо вижу. Наклонись... я разгляжу тебя...

Джилл послушно подошла к кровати и наклонилась к больной.

Руки Мэри с трудом разъединились. Мэри подняла руку и коснулась щеки Джилл.

— Да-да,— проговорила она, слабо улыбнувшись,— я тебя знаю.

Рука ее тут же упала на простыню, веки сомкнулись.

Сестра потянула Джилл за рукав.

— Мисс, уходите,— потребовала она.— Вам надо уйти.

— Сама знаю, что надо,— отрезала Джилл и, вырвав руку, повернулась и вышла из палаты.

Выйдя из клиники, она глубоко, всей грудью вдохнула. Ей казалось, что она вышла из тюрьмы на волю. «Там, в палате, смерть,— сказала она себе.— Смерть и... что-то еще...»

Солнце клонилось к западу, посылая планете последнее закатное тепло, ласковое, баюкающее. Сейчас, только сейчас, впервые за все время, что она прожила на Харизме, Джилл вдруг заметила красоту окружающего мира. Этот мир перестал быть для нее чужим, странным местом, где стояла непостижимая громада Ватикана, он стал родным и близким — здесь она жила, здесь ей было хорошо.

Ватикан был частью этого мира, он пустил корни в его землю и теперь рос здесь, как растут деревья и трава. К востоку и югу простирались сады и огороды — пасторальный, идиллический оазис, окружавший здания Ватикана и поселка и роднивший Ватикан с планетой. На западе высились горы — скопление причудливых теней, театр, в котором никогда не прекращалось представление. Горы, в которые Джейсон влюбился с первого взгляда. А она тогда пожимала плечами и удивлялась — что он в них такого нашел? Горы как горы.

«Как я ошибалась,— думала Джилл, щурясь от лучей заходящего солнца.— Горы — друзья, по крайней мере могут быть друзьями».

Красота гор входила в нее день за днем, и теперь она смотрела на них с радостью и восторгом, покоренная их величием. Глядя на них, она осознавала, что найдена некая точка опо-

ры, нечто незыблемое и вечное. Посмотришь — горы на месте, значит — стоит жить.

«Просто до сих пор,— поняла она,— у меня не было времени остановиться и посмотреть на горы. Я была не права, а Джейсон — прав».

И как только она произнесла мысленно имя Теннисона, она поняла, что хочет видеть его. Раз его не было в клинике, то, скорее всего, он пошел к себе. Хотя — как знать, может быть, по обыкновению отправился на большую прогулку — не исключено, пошел навестить Декера.

Когда она постучала в дверь Теннисона, ей никто не ответил. «Наверное, лег вздремнуть»,— решила Джилл. Она толкнула дверь, дверь отворилась. На Харизме никто не запирал дверей — в замках нужды не было.

В гостиной было пусто. На кухне никто не гремел посудой, значит, не было и Губерта. На каминной плите играли блики заходящего солнца.

— Джейсон! — негромко позвала Джилл. Она сама не знала, отчего ей вздумалось говорить так тихо. Наверное, потому, что в комнате было так тихо. Она увидела в зеркале над камином свое отражение — одинокую фигурку посреди пустой комнаты и бледное лицо с уродливым красным пятном.

— Джейсон! — повторила она громче.

Не получив ответа, Джилл вошла в приоткрытую дверь спальни. Кровать была убрана, покрыта разноцветным пледом. Дверь ванной была открыта, значит, Джейсона точно не было дома.

Немного расстроившись и глядя в пол, Джилл распахнула дверь из спальни в гостиную и, к своему удивлению, увидела Джейсона, стоявшего к ней спиной. Джилл обошла его сзади... Лицо его было непривычно суровым, словно окаменевшим. Казалось, он не видит ничего вокруг.

«Откуда он взялся? — подумала Джилл.— Как я могла его не заметить? Дверь не скрипела, да и в спальне я не так долго пробыла, чтобы он успел войти!»

— Джейсон! — воскликнула она.— Что с тобой?

Он поднял голову и посмотрел на нее, не узнавая.

Джилл подошла к нему совсем близко, заглянула в глаза, обняла за плечи, тряхнула...

— Джейсон, да что с тобой?!

Его взгляд, по-прежнему устремленный куда-то сквозь нее, немного прояснился.

— Джилл,— проговорил он срывающимся голосом, как будто и впрямь только что заметил ее.— Джилл... Я был далеко...— проговорил он, нежно обнимая ее.

— Ясно. И где же ты был?

— Не здесь... В другом месте.

— Джейсон, не надо! В каком другом месте? Что ты говоришь?

— Я был... в математическом мире.

— В том, который ты видел во сне? Опять страшный сон?

— Да, но... теперь это был не сон. Я там был наяву. Ходил по поверхности, и... Мы были там с Шептуном.

— Шептун? Это то маленькое облачко алмазной пыли, о котором ты мне рассказывал?

— Мы там были как единое целое,— не ответив на вопрос, сказал Теннисон.— Вместе.

— Ну-ка, давай садись в кресло,— приказала Джилл.— Выпить хочешь?

— Нет, не нужно ничего,— покачал головой Теннисон.— Только не уходи никуда, побудь со мной.

Он поднял руку и нежно погладил Джилл по щеке — той, которую безжалостно изуродовало красное пятно. Он привык делать это — казалось, он показывал ей, что любит, несмотря на физический недостаток. Поначалу она отстранялась, будто эта ласка напоминала ей о существовании пятна. А он, с тех пор как они встретились, ни разу, ни единым словом не обмолвился, что помнит о проклятом пятне. А она, думая об этом, понимала, что именно поэтому так любит его — единственного мужчину, который сумел полюбить ее, преодолев отвращение,— нет, не преодолев, а просто не испытывая ничего похожего на отвращение,— он действительно не замечал страшного пятна, забыл о нем. И она больше не противилась его ласке и нежности, воспринимая их как милосердие.

Теплая ладонь скользила по щеке Джилл. В зеркале над камином Джилл видела свое отражение, она видела, как движется рука Джейсона, поглаживая ее щеку, и любовь была в этом движении...

И вдруг, когда рука Джейсона еще не успела оторваться от ее лица, Джилл задохнулась от изумления.

«Нет-нет! — мысленно проговорила она.— Этого не может быть! Это воображение, просто такое мгновение, когда вдруг кажется, что мечта сбывается! Ничего я не вижу, все это мне только кажется. Пройдет секунда-другая, и чары рассеются, и все станет как было...»

Она стояла не шевелясь, а секунды шли и шли... Джилл закрыла глаза и снова открыла, а мечта сбывалась и сбывалась...

— Д-джейсон...— запинаясь, выговорила Джилл.

Он молчал.

— Джейсон! — крикнула Джилл, не помня себя от счастья. Щека была гладкая. Опухоль исчезла!!!

Глава 37

Место, где можно было заночевать, Декер отыскал задолго до заката. У подножия холма бил родник, давая начало небольшому ручейку, который, весело щебеча, сбегал в долину. Густые заросли невысоких кустов тянулись к северу от ручья, обещая защиту от ночного ветра,— по ночам со стороны заснеженных горных вершин всегда дул холодный ветер. На самом берегу ручья лежало поваленное дерево, упираясь одним концом в кучу валунов. Значит, и дров для костра хватит.

Декер принялся за работу. Нарубил сучьев, развел костер, приготовил дров на ночь и укрыл их от ночной росы. Наполнил кофейник родниковой водой и подвесил над костром, потом достал из рюкзака две рыбины. Он их поймал раньше, по пути, вычистил и завернул в сырые листья. Теперь он достал сковороду и положил на нее рыбу. Ружье он поставил поблизости — прислонил к большому валуну, чтобы на всякий случай было под рукой. Сделал он это чисто автоматически — ему крайне редко доводилось пользоваться ружьем во время вылазок в горы, но природная осторожность заставляла его все время думать о том, что оно, неровен час, может пригодиться.

Шептуна с ним на этот раз не было, да и быть не могло. Ведь он не знал, что Декер собирается в горы. Да, по сути дела,

он и не собирался — просто взял и пошел. Он сам не знал зачем. В этом не было никакой необходимости. Все вышло само собой. Делать по дому было нечего, сад и огород вскопаны, дров на зиму заготовлено с избытком. Готовясь к вылазке, он не задавал себе никаких вопросов. Решил, что поищет по пути камней — вдруг повезет. Подумал: а что, если сходить в Ватикан и узнать, не свободен ли Теннисон — может быть, захочет к нему присоединиться, но потом махнул рукой, решив, что время для Теннисона вряд ли подходящее. Как штатный врач Ватикана, он, наверное, не спускает глаз с Мэри. «Как-нибудь в другой раз»,— решил Декер.

Не то чтобы ему хотелось идти одному. Теннисон ему нравился, это был первый человек за долгие годы, который ему по-настоящему понравился.

«Чем-то он похож на меня,— думал Декер.— Не болтает попусту, лишних вопросов не задает, а если и задает, то такие, на которые нетрудно ответить. Ему не откажешь в воспитании и дипломатичности. И еще — он не врет и говорит искренне и просто о самых трудных вещах. Вот заговорил же он первый о Шептуне — тема нелегкая, что тут говорить, но он все рассказал прямо, с подкупающей честностью, так что мы оба не почувствовали ни неловкости, ни смущения».

Склонившись над костром и переворачивая поджарившуюся с одного бока рыбу, Декер вдруг почувствовал, что ему хочется, чтобы Шептун сейчас был рядом. Если бы Шептун знал, что Декер идет в горы, он, наверное, увязался бы за ним. Шептуну нравились их совместные вылазки. Побеседовать им всегда было о чем, а уж про камни и говорить нечего — Шептун просто обожал поиски камней, прямо впадал в спортивный азарт. Но никогда не хвастался, если находил камень, мимо которого Декер прошел, не заметив.

Когда Теннисон рассказал ему о своей встрече с Шептуном, Декер сразу понял, что теперь они будут видеться реже, чем раньше. В этом был свой плюс — порой, когда Шептун уж очень надоедал, Декеру хотелось побыть одному. Но он был уверен, что старая дружба не кончится, ведь они с Шептуном так долго были вместе, вряд ли он бросит его насовсем. Просто сейчас Шептун увлечен Теннисоном и мечтает с его помощью осуществить какие-то свои давние замыслы. Осуществит и вернется, Декер не сомневался. Может быть, даже очень скоро вернется. Придет, увидит, что Декера нет дома, и по следам приплетется сюда.

Кофейник зашипел, забулькал, и Декер протянул руку, чтобы снять его с рогульки над костром. Но вдруг кофейник взорвался у него в руках! Кипящий кофе забрызгал лицо и грудь, а сама посудина отлетела в сторону, движимая невидимой силой.

Не обращая внимания на ожоги, Декер бросился за ружьем, и не успел он его схватить, как прогремел другой выстрел — со стороны холма, выше того места, где Декер устроил привал.

Не выпуская из рук ружья, Декер упал на землю за валуном, с трудом удерживаясь, чтобы не выглянуть. Стреляли явно из-за груды камней на полпути к вершине холма, но, казалось, там никого не было.

— Поторопился, ублюдок,— сказал Декер вслух.— Нет бы поближе подобраться, тогда выстрел бы удался наверняка. Нервничает он, что ли?

Простреленный кофейник валялся в добрых десяти футах от костра. Рыба на сковороде аппетитно потрескивала.

«Проваляюсь тут, так она, чего доброго, сгорит,— огорченно подумал Декер.— Вот незадача! Просто слюнки текут, как рыбы хочется!»

И кому вздумалось стрелять в него? Кто мог хотеть его смерти? Он был уверен: целились именно в него — не в кофейник же, в конце концов. Нет, хотели именно убить, а не напугать.

Осторожно выглянув из-за камня, он обшарил взглядом склон холма, готовый уловить самое легкое движение.

«Эх, будь со мной Шептун,— думал он,— не случилось бы беды. Он бы давным-давно учуял того, кто крался следом». Значит, этот кто-то знал, что Шептуна с ним нет? «Чушь,— решил Декер.— Откуда кто-то может знать, со мной Шептун или нет?»

На Харизме ни одна душа не знает про Шептуна. Сам он никогда о нем никому не рассказывал, а уж видеть Шептуна, насколько он знал, тем более никто не мог. Единственный, кто знал о нем, был Теннисон.

«Мог Теннисон проболтаться Экайеру? — гадал Декер.— Маловероятно. Они приятели, это верно, но Джейсон не

станет рассказывать ему о Шептуне. Разве что Джилл мог рассказать, от нее у него тайн нет. Да что толку гадать на кофейной гуще из простреленного кофейника? — попытался Декер пошутить сам с собой.— Совершенно бессмысленное занятие».

Был бы Шептун рядом или нет, раз о его существовании никто не догадывался, не мог его видеть, значит, никому не было известно, он рядом с Декером или нет. Следовательно, за Декером мог охотиться кто угодно. Значит, этому охотничку просто повезло, и он застал Декера врасплох, когда Шептуна рядом не было, вот и все. Не Теннисон же, в конце концов, был там, на холме. Никаких причин убивать его у Теннисона не было. Да если бы и были — все равно это не в его стиле.

Винтовка... Да, несколько винтовок на Харизме имелось. Совсем немного — по пальцам пересчитать можно. Время от времени, крайне редко, кто-нибудь отправлялся в лес в поисках дичи. Но то были мелкокалиберки, а тот, кто находился на холме, палил в Декера из крупнокалиберного ружья.

Декер призадумался — кому могло взбрести в голову прикончить его? Но, поскольку он никого не припомнил, как ни старался, пришлось отбросить эту мысль. Ни у кого не могло быть веских причин, чтобы решиться на такое. Да, кое-кто мог быть на него обижен — может, он кому и брякнул что-то невежливое или даже оскорбительное, но не настолько же! Однако кто-то же хотел убить его и сейчас сидел в засаде, ожидая, когда он покажется из-за камня, чтобы послать еще одну пулю — на сей раз наверняка.

Выстрел не заставил себя ждать. Осколки гранита брызнули в стороны, несколько острых кусочков камня больно впились Декеру в щеку и шею. Пуля, по всей вероятности, угодила в валун.

«Вот ты где,— догадался Декер, успев заметить крошечную вспышку от лучей закатного солнца.— Что же это там сверкнуло?» — силился понять Декер, но не мог. Он аккуратно пристроил ружье на краю камня, навел на замеченную точку, прицелился поточнее, поймал точку на «мушку».

Было тихо. Ничего не происходило. Никто не шевелился. Убийца ждал. Декер пристально смотрел туда, где заметил вспышку... Ага, вот показалось плечо, а вот, похоже, и голова...

Декер долго прицеливался. Плечо и голова наполовину в тени, плохо видно... Он вздохнул, задержал дыхание и нажал на спусковой крючок...

Глава 38

Теннисон проснулся незадолго до рассвета. Джилл крепко спала рядом, дышала ровно и безмятежно. Теннисон осторожно, чтобы не разбудить ее, поднял свою подушку, прислонил к спинке кровати и сел, прижавшись к ней спиной. Было тихо и спокойно. Призрачный, бледный предрассветный сумрак проникал в окна гостиной, а в спальне было совсем темно — ставни были плотно закрыты. На кухне что-то бормотал, разговаривая сам с собой, холодильник.

Теннисон украдкой взглянул на Джилл — хотел убедиться, по-прежнему ли на ее щеке нет пятна, но она лежала на левом боку. К тому же было так темно, что он все равно ничего не разглядел бы, как бы Джилл ни лежала.

Прошло время, а сомнения не оставляли его. Ведь багровое пятно действительно исчезло. Но Теннисон никак не мог поверить в это.

«Нет-нет, это, безусловно, лишь временное явление, и опухоль скоро снова появится на прежнем месте»,— повторял он мысленно.

Он поднял правую руку, поднес поближе к глазам, повернул вправо, влево. В темноте он с трудом различал ее очертания. Рука как рука. Никаких изменений. Все как обычно, и в темноте не светилась.

И все-таки ее прикосновение...

Ночь была теплая, но Теннисон поежился от озноба. Опустил руку, закрыл глаза и попытался припомнить, как все было, постарался мысленно раздвинуть складки занавеса, отделявшего его от математического мира...

Кубоиды окружали его со всех сторон, вертелись безумной каруселью, неуемным вихрем, пробегали сквозь него, а некоторые оставались внутри него. Было мгновение, когда ему показалось, что он сам превратился в такой же кубоид — не то сжался, не то вырос... Он пытался припомнить, каким он

стал, но не мог, потому что и тогда не мог этого понять и представить. Нет, конечно, если он и стал каким-то графиком, то не таким чудовищно сложным, какие плавали вокруг и сквозь него в океане зыбкого желе. Наверное, он мог стать только самым простым уравнением — элементарной расшифровкой, подтверждением самого себя. Когда кубоиды выстроили для него дом, он скользнул туда и свернулся там калачиком, не понимая, где находится и что с ним, но ему было хорошо и удобно. Мысли его были просты и ясны, что, вероятно, соответствовало простоте того уравнения, которым он был.

«Может быть,— думал он,— кубоиды выстроили для меня дом, чтобы защитить от сложности графиков и уравнений, мечущихся за его пределами?»

И вдруг, совершенно неожиданно, математический мир исчез, и он очутился в своей гостиной, у камина. Он снова был самим собой, но не совсем таким, как раньше, потому что вынес что-то из математического мира, какую-то новую способность, иное качество, которого у него до сих пор не было. А теперь он получил подтверждение наличия этой новой способности.

«Может быть, еще что-то проявится? — мучился он в поисках ответа.— Кто я теперь? Что я такое?»

Тот же вопрос он задавал себе тогда, когда находился в доме, выстроенном для него кубоидами.

«Я — человек? — спрашивал он себя.— Я еще человек? Боже, сколько чужеродного проникло в меня, и могу ли я после этого оставаться человеком?

Может быть,— думал он,— обитатели математического мира каким-то образом поняли, что я врач, целитель, и решили меня немного... переделать? Переделать с одной-единственной целью — чтобы я стал более хорошим целителем? С одной ли? Или они вмешались в другие аспекты моего существа?»

Эти мысли заставляли его бояться, и чем больше он думал, тем больше боялся. Он перешел границу, которую переходить не следовало. Он не имел права туда идти — и вышел не таким, каким пришел. Он изменился, а ему не хотелось перемен. Люди вообще не любят перемен, а перемены в себе самом — просто кошмар!

Но, с другой стороны, чего бояться? Ведь те перемены, что произошли в нем, как бы ни были они малы или, наоборот, значительны, дали ему возможность преподнести такой прекрасный подарок Джилл, пусть даже он сделал это непроизвольно, бессознательно. Такого подарка ей не сделал бы никто.

А раз дело в этом, то бояться нечего. В конце концов, самое главное — Джилл. Пускай в будущем ему придется пострадать, поплатиться за то, что произошло, он не пожалеет. Любая цена, которую ему пришлось бы заплатить, ничто по сравнению с тем, что ему удалось сделать. Он получил свою награду сполна в то мгновение, когда коснулся щеки Джилл.

Эти мысли успокоили Теннисона. Он спокойно лежал, и ему не хотелось шевелиться — он просто тихо лежал и смотрел перед собой. Светало. Теннисон размышлял, как ему удалось проникнуть в математический мир наяву. Было ясно, что он туда не попал бы, если бы Шептун не помог. А вот чтобы понять, как это удалось Шептуну, нужно его как следует расспросить.

Осторожно повернув голову, он оглядел спальню в поисках какого-нибудь признака, знака, указывающего, что Шептун здесь, рядом. Никаких следов — ни искорки, ни свечения. Он подумал, что, может быть, Шептун до сих пор находится внутри его сознания, но скоро понял, что и там его нет. Это было немного непривычно — за время пребывания в математическом мире он успел привыкнуть к тому, что Шептун где-то внутри него.

Теннисон был готов снова задремать, но что-то помешало ему. Сначала он не понял, в чем дело, но потом расслышал тихий стук в дверь. Он вскочил, сел на край кровати и стал искать ногами шлепанцы.

Джилл заворочалась и что-то вопросительно пробормотала.

— Все в порядке,— успокоил ее Теннисон.— Лежи, спи. Пойду посмотрю, кого там принесло.

Шлепанцы он так и не нашел и отправился из спальни в гостиную босиком. Прикрыв за собой дверь спальни, он снова услышал робкий стук.

Не включая свет, Теннисон пробрался к входной двери на ощупь, обходя стулья и столы. В первое мгновение, открыв

дверь, он не сообразил, кто стоит на пороге. Протер глаза и узнал Экайера.

— Джейсон, тысяча извинений. Я понимаю, в такую рань...

— Да ничего, все нормально, я уже не спал. Проходи, Пол.

— У тебя найдется что-нибудь выпить? Немного бренди, если есть.

— Конечно,— кивнул Теннисон.— Садись к огню. Сейчас дровишек подброшу.

Он закрыл дверь и внимательно взглянул на Экайера. На том были брюки и куртка.

— Рано встал,— спросил он,— или не ложился?

— Не ложился,— мотнул головой Экайер, добрался до кушетки у камина и прилег на нее.

Джейсон разыскал бренди, налил полный стакан и подал Экайеру.

— Да, вид у тебя неважный,— отметил он.

— Можно себе представить,— кивнул Экайер, сделав большой глоток.— Всю ночь на ногах. Понимаешь, случилась совершенно невероятная вещь. Такого никогда не было. То есть на моей памяти не случалось.

Теннисон подбросил в камин крупное полено, поворошил кочергой угли, дождался, когда полено разгорелось, и вернулся к кушетке. Сел рядом с Экайером, положил босые ноги на кофейный столик. Ноги постепенно согрелись.

Экайер отхлебнул бренди и спросил:

— Не составишь мне компанию, а?

— Рановато вроде,— покачал головой Теннисон.

— Ну ладно, а я выпью, поскольку еще не ложился.— И глотнул еще.

— Значит, ты явился, чтобы рассказать мне о чем-то. Если так, то чего же тянешь? Передумал, что ли?

— Нет, никак не могу начать. Прости, но это очень больно и горько...

Теннисон молчал. Экайер мрачно прихлебывал бренди.

— Дело было так,— наконец сказал Экайер.— Я все оттягивал с просмотром второго «райского» кристалла. Это тебе известно. Ты сам меня за это ругал. Джейсон, скажи, ты первый кристалл смотрел?

— Нет,— покачал головой Теннисон.— Все время ощущал какое-то внутреннее сопротивление. Может, побаивался. Как

только задумывался об этом, тут же ощущал какую-то странную неловкость. Я знаю, надо было посмотреть. Может быть, я бы увидел и понял что-то такое, что помогло бы мне лучше лечить Мэри.

— Вот-вот,— сказал Экайер, подняв вверх указательный палец.— Оно самое. А у меня такая же петрушка была со вторым кристаллом. Все откладывал на потом, выдумывал причины для проволочки. Может быть, тоже побаивался того, что могу увидеть, как и ты. Не знаю. Пытался анализировать свои чувства, чуть не спятил. Наконец вчера вечером я решил побороть свою слабость...

— Посмотрел, значит?

— Нет, Джейсон, не посмотрел.

— Почему же нет, черт бы тебя побрал? Испугался в последний момент?

— Нет. Просто его не было.

— Чего не было-то? Момента?

— Нет. Кристалла не было.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что сказал. Нет его. Там, где он хранился, его нет. То есть нет там, куда мы его положили — я и старина Эзра. Ну, ты же знаешь Эзру, депозитора?

— Знаю.

— Так вот, Эзра все делает чрезвычайно педантично. У него во всем полнейший порядок. Ничего не упускает, ни единой мелочи. Я с ним столько лет проработал и доверяю ему больше, чем самому себе.

Теннисон молча слушал.

— Когда поступает новый кристалл,— продолжал Экайер,— я передаю его Эзре, и он кладет его в сейф. После того как я просмотрю кристалл, он может быть передан в Ватикан, а когда нам его возвращают, он помещается в одну из ячеек депозитория. Чаще всего кристалл не передается в Ватикан немедленно, а порой не передается вовсе, если мы решаем, что он не представляет особого интереса. В этом случае он тоже помещается в ячейку. У Эзры на этот счет своя система. Уж не знаю, как он ориентируется в огромной массе кристаллов, но стоит попросить его найти тот или другой, и он тут же находит, не сверяясь ни с какими каталогами. Может, у него па-

мять такая блестящая — не знаю. Насколько мне известно, никакой особой системы учета у него нет. И в этом, согласись, есть преимущества по части секретности.

Теннисон понимающе кивнул.

— Стало быть, Эзра единственный, кто знает все досконально.

— Вот именно. Мне известно расположение нескольких кристаллов, которые я могу отыскать без помощи Эзры, но их немного.

— Но, если я правильно понял, до тех пор, пока ты не просмотришь кристалл, он находится в сейфе. «Райский» кубик был помещен в сейф, а теперь его там нет — ты это хочешь сказать?

— Да, Джейсон, именно это я и хочу сказать. Эзра открыл сейф, а кристалла там не оказалось. Были три других, которые я не успел просмотреть, а «райского» и след простыл.

— Может быть, перепутали маркировку?

— Да нет, что ты. Я, правда, тоже сразу так подумал и поэтому тут же осмотрел все три кристалла. «Райского» среди них не было. Всякая дребедень, только что поступившие материалы последних наблюдений.

— Пол, кто еще мог открыть сейф?

— Никто. То есть никто, кроме меня и Эзры.

— Ясно. Значит, это Эзра.

— Не верю,— тряхнул головой Экайер.— Хранилище — вся жизнь Эзры. Смысл его существования — Поисковая Программа. Без нее он — ничто. Ноль без палочки. Говорю же тебе, я верю ему больше, чем себе. Он в Программе работает дольше меня. Когда я приступил к работе, он уже много лет трудился.

— Ну а если кто-то из Ватикана...

— Ни малейшей возможности. Даже Папа не мог бы. Эзра предан Программе, а не Ватикану.

— Ну а вдруг кто-то узнал комбинацию на замке? Такое вероятно?

— Маловероятно, но в принципе...

— Так. Кристалл мог быть помещен в другое место?

— Нет. Эзра убрал его в сейф. Это было у меня на глазах. Я стоял рядом и видел. Он положил кристалл в сейф и запер дверцу.

— Ну и что ты думаешь?

— Боже, Джейсон, я не знаю! Кто-то украл кристалл!

— Потому что не хочет, чтобы его смотрели?

— Думаю, дело именно в этом, Ватикан сейчас раздирают канонические споры. Те, кто хочет канонизировать Мэри...

— ...хотели бы заодно покончить и с Программой,— закончил его мысль Теннисон.— И дискредитировать тебя.

— Я не могу быть уверен полностью, но... если это так, то они не упустили своего шанса, вот и все.

Оба умолкли. Полено, подброшенное Теннисоном в камин, ярко пылало. Утреннее солнце заливало комнату ясными лучами.

— Но это еще не все,— проговорил Экайер вполголоса.— Еще не все я тебе сказал.

— Что же еще случилось? Куда уж больше.

— Первый кристалл, первый «райский» кристалл тоже исчез. Его тоже нет на месте.

Глава 39

Что там Ватикан — вся Харизма просто бушевала!

«МЭРИ СОВЕРШИЛА ЧУДО! ОНА КОСНУЛАСЬ РУКОЙ ЩЕКИ ДЖИЛЛ, И ОПУХОЛЬ ИСЧЕЗЛА!»

Медсестра уверяла, что своими глазами видела, как это случилось. Да, Мэри попросила Джилл наклониться к ней поближе — так, чтобы она смогла коснуться ее щеки. И как только коснулась, опухоль сразу и исчезла — как не было!

Чудо! Чудо! ЧУДО!!!

Никто не сомневался — это было чудо в прямом смысле слова. Все, кто видел Джилл, убедились — пятно с ее лица пропало!

Как только все заорали о «чуде», Джилл предпочла скрыться с глаз долой.

Взволнованная группа кардиналов бросилась докладывать его святейшеству, а его святейшество, который был, прямо скажем, не в восторге от этой новости, скрежетал, фырчал и издавал всякие другие нечленораздельные звуки, выражавшие крайнее недовольство, но все-таки пытался убедить кардина-

лов не терять головы, пока не будут получены более достоверные сведения.

Когда же один из кардиналов высказался относительно того, что теперь-то уж пора произвести прославление Мэри по всем подобающим канонам, Папа резко воспротивился и заявил, что время еще не настало. Кардинал был не на шутку огорчен.

Однако всеобщее торжество началось само собой. Рабочие с ферм, садов и огородов побросали инструменты и присоединились к торжественной процессии, направлявшейся в Ватикан. Дровосеки, забыв в лесу топоры и пилы, выбегали из леса. Монахи и послушники оставляли дела и мчались, чтобы влиться в ликующую толпу. Охранники Ватикана бросили бесплодные попытки удержать массу людей и роботов, рвущихся в Ватикан. В высокой базилике яблоку негде было упасть — все вставали на колени и молились. Сначала колокола молчали, но наконец, словно отчаянно пытаясь воззвать к безразличному Ватикану, зазвонили. Все были счастливы, так счастливы, что и сказать нельзя!

Толпы народа собрались возле клиники, выкрикивая имя Мэри, заполнили маленький сад, истоптали клумбы, переломали кусты. Охранники беспомощно отступили перед громадной волной народа.

Крики разбудили Мэри. Она слышала, как множество голосов повторяет ее имя. Да, в этом не было сомнений — «Мэри! Мэри! Мэри!» — скандировала толпа. Сестры рядом не было — она ушла в другую палату, откуда было лучше видно происходившее под окнами.

Собрав все силы, Мэри сползла с кровати, ухватилась за стул, оперлась на его спинку и выпрямилась. Медленно добрела до двери, постояла, отдышалась, слабой рукой толкнула дверь и пошла по коридору, перебирая руками по стене. В конце коридора широкие двери были распахнуты настежь, оттуда лился солнечный свет и свежий, пьянящий воздух.

Толпа увидела Мэри, как только та появилась в дверях. Она стояла, опираясь на косяк двери, чтобы не упасть. Крики утихли. Все не отрываясь смотрели на ту, в святости которой теперь ни у кого не было сомнений.

Мэри с трудом подняла руку, попыталась разжать скрюченные пальцы. Это получилось не сразу. Наконец вытянула

указательный палец по направлению к тем, кто собрался приветствовать ее, и визгливо, хрипло прокричала, безжалостно разрывая тишину острым ножом голоса:

— Ничтожества! Ничтожества! Ничтожества!!!

Глава 40

— Похоже, Декера дома нет,— сказал Теннисон Экайеру.

— Почему ты так решил?

— Дым из трубы не идет.

— Это еще ни о чем не говорит.

— В принципе да. Но когда Декер дома, у него всегда зажжен очаг. Хотя бы небольшой огонь, чтобы в случае надобности можно было развести посильнее, не разжигая заново. Не было случая, чтобы он был дома, а из трубы не шел хотя бы тоненький дымок.

— Ну, попытка не пытка, как говорится. Давай все-таки зайдем посмотрим. Нет так нет.

Они продолжили восхождение по склону холма. Наконец перед ними открылся вид на хижину, сад и огород. Колымага Декера стояла справа от дома. Между двумя деревьями была аккуратно сложена, укреплена и укрыта от дождя поленница. В сторону гор тянулся сад с ухоженными, обкопанными деревьями, ровные зеленые ряды грядок с овощами. На клумбе догорали поздние цветы.

— Просто замечательно! — восхитился Экайер.— А я тут ни разу не был.

— Что, никогда не встречался с Томом? Это ты серьезно?

— Вполне. С ним не так-то просто увидеться. Он так себя поставил, что с ним трудно общаться. А ты думаешь, он станет с нами говорить?

— Не сомневаюсь. Он вовсе не дикарь. Вполне цивилизованный, образованный человек.

— А он что, тебе вот так прямо и сказал, что знает, где рай?

— Да, у него вырвалась однажды такая фраза. Но больше он об этом никогда не упоминал, а я не спрашивал. Боялся, что такой вопрос смутит его. Я решил: придет время — сам скажет.

— Как было бы здорово, если бы удалось сейчас уговорить его рассказать об этом! Надо постараться убедить его, что это важно для нас. Ведь теперь, когда кристаллы пропали, у нас нет ни единого шанса узнать координаты, которые нам так необходимы. Не исключено, что мы бы этого не узнали, даже если бы кристаллы остались у нас. Но теперь все просто безнадежно. А кто-то должен отправиться в рай.

— Я не перестаю надеяться,— сказал Джейсон,— что Том действительно знает. Надеюсь, но не уверен. Было время, мне казалось, что он точно знает, а теперь все так запуталось, и я уже ни в чем не уверен. Он говорил мне, что его корабль попал в беду, была катастрофа и ему пришлось спасаться на катере. Вот так он попал сюда — его доставил катер.

— Ну, не знаю...— покачал головой Экайер.— Думаешь, он не обманывал тебя? Давай обойдем вокруг дома.

Они обошли хижину, зовя Тома, но ответа не было. Вернулись к двери. Экайер постучал, но никто не отозвался. Они подождали. Наконец Экайер спросил Теннисона:

— Как думаешь, можно войти?

— Давай войдем. Думаю, Том не возражал бы. Ему прятать нечего.

Экайер поднял язычок задвижки, и дверь открылась. Внутри было темно, и они немного постояли на пороге, пока глаза не привыкли к темноте.

В доме было прибрано. Все стояло и лежало на обычных местах.

Теннисон огляделся.

— Нет ружья,— сообщил он.— Обычно оно висит вон там, на стене около очага. Рюкзак и спальный мешок всегда лежали на полке. Их тоже нет на месте. Значит, скорее всего, он отправился на очередную вылазку. Охотится или камни ищет.

— Это надолго?

— Не знаю. Он как-то приглашал меня пойти с ним. «Если у тебя будет несколько свободных дней» — так он сказал. Значит, он уходит на несколько дней. Мне кажется, он скоро вернется.

— Джейсон, у нас очень мало времени. Богословы в любой момент могут сесть нам на шею. А если мы хоть словечком обмолвимся, что у нас есть прекрасная возможность отправиться в рай и взглянуть на него своими глазами, они отступятся.

— Ты их действительно боишься, Пол?

— Видишь ли, если они успеют вооружиться как следует, то могут запросто прикрыть Поисковую Программу. Они все время об этом мечтали. Мы им как кость в горле. Либо совсем прикроют нас, либо начнут диктовать свои условия, либо — того хуже — станут по-своему интерпретировать результаты нашей работы. Я не о себе лично пекусь, пойми. Мне они ничего плохого сделать не могут. Я могу остаться здесь, и они даже заботиться обо мне будут. Они могут даже соблаговолить разрешить мне немножко заниматься Программой, чтобы я мог себе самому сказать — мол, занят чем-то, и слава тебе господи. Я такого позволить не могу. Программа — это душа Ватикана, поверь мне. Нет, ради бога, пусть они ведут свои богословские разборки как им заблагорассудится, но настоящая работа может идти только в рамках Поисковой Программы.

— Но у тебя должна быть какая-то поддержка внутри Ватикана.

— Она, скорее всего, есть. Но насколько сильная, вот в чем вопрос. Это кое-кто из кардиналов, в других я не уверен.

— А его святейшество?

— Полагаться на Папу — толку мало. Это холодный, механический ум. Никогда не угадаешь, что ему в голову взбредет. Он настолько набит всяческой информацией, которую ему поставляют Слушатели, что, несмотря на колоссальные потенциальные возможности, просто не в силах осмыслить злободневные проблемы сиюминутной важности. Думаю, сейчас и он в большом затруднении. Он ведь создан на века, и лучше всего ему удаются долгосрочные прогнозы. Так что трудно сказать, способен ли он справиться с теперешней ситуацией в Ватикане.

— У меня создалось впечатление,— сказал Теннисон,— что Ватикан плохо представляет себе свою деятельность без Поисковой Программы, без Слушателей. Я немало слыхал о том, чего они могут добиться именно благодаря вашей работе. У них есть сложнейшие устройства — корабли, движимые энергией мысли. Зачем они им без вас? И что у них есть еще, в таком случае?

— Не думаю, что мне известно все, чем они располагают. Но думаю, у них всего полно. Про клонирование ты уже знаешь. А иногда им даже стартовая клетка не нужна. Фрагмента вполне достаточно, чтобы они могли построить модель ДНК и использовать ее как основу. Искусственная, инженерная жизнь всевозможных видов. Любые путешествия в пространстве и времени. Похоже, они уже овладели энергией нейтрино. Именно это позволяет им с такой легкостью путешествовать куда бы то ни было. Во времени — не только в прошлое и в будущее, но и в других направлениях. Да, не делай большие глаза. Ты не слыхал, что во времени бывают другие направления? Ну что ж, я тоже в свое время удивился, когда услышал об этом. Словом, они умеют посещать и прошлое, и будущее и изменять и то и другое, как им захочется, и если еще не могут, то очень скоро сумеют — как только окончательно доработают методику да освоят переход в направления, отличные от прошлого и будущего. Может быть, тогда они сумеют попадать в альтернативные миры и вселенные. Я не знаю. Для меня все это слишком сложно. Но чем бы они ни располагали — главное, что у них в руках ключи к путешествиям в разные стороны времени и пространства. Ну, убедил я тебя в чем-нибудь?

— И, располагая всем этим, они ни за что от этого не откажутся.

— Не все. Богословская группировка — дело особое. Некоторые из них совершенно откровенно полагают, что Ватикан отклонился от заданного курса, предал главную цель. Другие — их большинство — элементарным образом напуганы. Вселенная оказалась сложнее, чем они думали. В ней оказалось гораздо больше странностей и непонятностей, чем им казалось. И естественно, им просто страшно становится от тех данных, что добывают наши Слушатели. Они начинают чувствовать себя беззащитными перед колоссом Вселенной. И ищут, где бы спрятаться.

— А ведь мы могли бы сблефовать,— предложил Теннисон.— Что, если взять да распустить слух о том, что мы знаем, как добраться до рая? Ведь они до смерти не хотят, чтобы кто-нибудь попал туда. Если бы кто-то сумел проникнуть туда и доказать, что это вовсе не рай, это разом выбило бы почву у них из-под ног. Такой слух мог бы остановить их на какое-то

время, по крайней мере, у нас было бы больше шансов.

Экайер решительно покачал головой.

— Нет, это не годится. Если мы сблефуем, а они выведут нас на чистую воду, это только укрепит их позицию, и они станут уверены в себе как никогда. Если мы решимся на такое заявление, мы должны быть вне всяких придирок.

— Да, пожалуй, ты прав,— кивнул Теннисон.

— Джейсон, ты вот что вспомни: когда Декер сказал тебе, что знает, где находится рай, как тебе показалось — есть у него какое-то документальное подтверждение или это просто слова?

— Ты имеешь в виду нечто вроде лоции?

— Да, что-то в этом духе. Знаешь, на кораблях бывают такие устройства, где фиксируется весь полет. Он попал в космическую катастрофу, так? А мог он забрать с корабля «черный ящик», прежде чем спасся на катере?

— Правду говоря,— сказал Теннисон, нахмурив брови,— у меня именно такое впечатление и было,— что он не просто слова на ветер бросает, а у него есть какое-то фактическое подтверждение. Но он молчал об этом. Так что я сам не знаю, почему это мне в голову пришло. Я действительно все время так думал, но теперь, говорю тебе, я ни в чем не уверен...

— Джейсон, а мы не могли бы...— осторожно проговорил Экайер и, растерявшись, оборвал фразу, не договорив.

Теннисон понял его, но ответил не сразу.

— Это против моих принципов. Том — мой товарищ, он мне доверяет. Я не могу, Пол, прости.

— Но, Джейсон, мы должны узнать! Я должен узнать!

— Не знаю,— покачал головой Теннисон.— Может быть, ты и прав. Но, умоляю, Пол, аккуратно! Следует все поставить на свои места.

Они приступили к поискам. Теннисон заметил, что обработанные Шептуном камни лежали не на столе, а в небольшой коробочке, что стояла на полке.

Ничего похожего на то, что им хотелось обнаружить, они не нашли.

— А может быть, он хранит его не в доме? — предположил Экайер.

— Если у него вообще есть то, что нам нужно,— ответил Теннисон, по-прежнему чувствовавший себя в высшей сте-

пени неловко.— А если и есть и он действительно спрятал, то нам не найти ни за что на свете.

А про себя подумал, что, наверное, об этом может знать Шептун.

— Есть одна возможность...— вырвалось у него.

— Какая? — спросил Экайер с надеждой.

Теннисон пожал плечами.

— Да нет, это ерунда. Считай, что я ничего не говорил.

Он ни разу не рассказывал Экайеру о Шептуне. Слава богу, успел вовремя язык прикусить. Не стоило об этом пока.

«Да,— думал он,— есть, есть такая возможность, если Шептун поможет. Если он смог перенести меня в математический мир, то почему бы и не в рай, в конце концов? Нет, это не выйдет. Ведь я не видел "райских" кристаллов...»

Кроме него и Декера о Шептуне знала только Джилл, и он решил, что пока все пусть так и остается.

Вот как получилось — их единственной надеждой оказался Декер. Если он знает такое, что сможет лишить богословов последнего шанса, они спасены. Если нет — Поисковая Программа будет ликвидирована или ограничена до предела, а Ватикан станет тем, чем он собирался стать с самого начала,— стаей гончих роботов, мчащихся, высунув языки, за призраком духовной истины...

«Шептун,— думал Теннисон,— скорее всего, ушел вместе с Декером, значит, придется ждать их возвращения, чтобы узнать, не блеснет ли хоть слабый лучик надежды».

Теннисон и Экайер вышли из хижины, закрыли дверь, заложили задвижку. Немного постояли на вершине холма, глядя на Ватикан. Яркий полуденный свет четко выделял белое пятно зданий на изумрудном фоне лесов и коричневом — гор.

Созерцание нарушил громкий звон колоколов.

— Колокола? — изумился Экайер.— Почему они звонят в колокола? Сейчас не время. К тому же слишком громко. Что-то случилось.

Тут ветер переменился, и до них донесся звон во всей своей мощи — гулкий, полнозвучный, требовательный.

— Это большие колокола базилики! — воскликнул Экайер.— Что там, хотел бы я знать, творится?

И оба опрометью бросились с холма вниз.

Глава 41

Джилл сжимала кулаки от злости и бессилия.

«Никогда,— повторяла она про себя,— никогда в жизни меня еще так не унижали и не бесили! И как только эта тупица медсестра до такого додумалась? И как посмела наврать?»

Джилл хлопнула дверью. Джейсона дома не было. Она присела на кушетку перед камином, но быстро поняла, что сидеть на одном месте не в состоянии. Она вскочила и стала ходить по гостиной.

Нет, то, что случилось, не имело никакого отношения к Мэри, что бы там ни выдумывала эта безмозглая сестра. Если уж кто и совершил чудо, так это Джейсон,— да и потом, чудо ли это? Наверняка, если как следует поломать голову, можно было бы найти этому разумное объяснение. «Но самое ужасное,— думала Джилл, расхаживая по комнате,— что я сама толком ничего не понимаю и объяснить не могу! Джейсона нет, да если бы и был, вряд ли бы что-то сказал». Ей хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать воплей на улице.

Она подошла к кушетке, села и уставилась на крошечные язычки пламени, облизывавшие догоравшие в камине дрова.

«А ведь я не смогу все время прятаться,— думала она.— Придется когда-нибудь выйти и предстать перед теми, кто сейчас вопит там, под окнами клиники».

А больше всего ей хотелось лечь, свернуться клубочком, спрятаться от всех и зализывать душевные раны — боль публичного оскорбления. Она воспринимала случившееся как оскорбление, и не иначе. Но как все внутри ни противилось, она понимала, что нужно жить дальше и принять случившееся как неизбежность. Ватикан ей дурного сделать не мог — да пусть бы кто-нибудь попробовал сделать ей что-то дурное! Она стала успокаивать себя:

«Ну-ну, Джилл Робертс, что это ты взялась нюни распускать? Стыд какой! Бывали у тебя передряги и похлеще! Кого ты боишься? Дребезжащих роботов и безумной старухи? Вот уж брось! Немедленно перестань и возьми себя в руки, слышишь?

И из Ватикана они меня не выкинут — дудки! Я крепко стою на ногах, и об отъезде не может быть и речи. Гляди-

ка...— удивилась она собственным мыслям,— было ли у меня в голове что-нибудь подобное, когда я попала сюда?»

Нет, конечно нет. Тогда все было иначе. Досада, разочарование, возмущение хитрой игрой кардиналов — ведь не отвечали на письма, а когда приехала, отказались помочь в осуществлении планов. Как много воды утекло за эти короткие месяцы! За это время она поняла, как важен Ватикан — не только для роботов, но и для людей, и не только для тех, что жили здесь, на Харизме, но и везде. Здесь были грандиозность и величие — в самом прямом смысле слова, величие понятий и мыслей,— и от этого нельзя было отвернуться. Теперь она ощущала себя в каком-то смысле частичкой чего-то целого, и ей хотелось, чтобы это не кончалось. Этого хотел и Джейсон, ведь и он стал участником происходящего. Да теперь она бы только из-за Джейсона не улетела, только из-за того, что он счастлив здесь. Нет, она не смогла бы его покинуть, особенно теперь, после того, что случилось вчера, когда он коснулся ее щеки и стер с нее проклятое клеймо.

«А ведь это действительно было клеймом»,— думала она. Как бы ни старалась она относиться к своему увечью с неженской трезвостью и безразличием, как бы ни выставляла напоказ то, что спрятать было невозможно.

Но не Джейсон, не только Джейсон держал ее здесь. Еще — старый кардинал Феодосий, тот самый, что навещал ее каждый день, усаживался на табуретку и разговаривал с ней часы напролет — так, будто она была роботом или он — человеком. Кое-кто посчитал бы его брюзгой и маразматиком, но ничего этого не было и в помине, теперь она это понимала и готова была поспорить с любым, кто стал бы потешаться над кардиналом. И еще он добрый. Джилл раньше и в голову не приходило, что робот может быть добрым, а Енох был добрым, внимательным, предупредительным и заботливым. Поначалу она немного побаивалась его и, согласно строгому этикету, называла преосвященным, но сама не заметила, как вышло, что они стали просиживать в библиотеке часы, как заболтавшиеся допоздна школьные подружки. И он нисколько не возражал против подобной фамильярности, неформальности их бесед — похоже было, что он не прочь немного отвлечься от забот и поболтать с той, что так недавно в Ватикане, и по-

стоянно забывал, сколько ему лет и какой высокий пост он занимает.

Джилл понемногу приходила в себя. Мысли ее переключились на математический мир, о котором столько рассказывал Джейсон. Он старался как мог описать ей все, что видел и чувствовал там, но, судя по всему, это было такое место, впечатления от которого передать было непросто, ибо почти невозможно облечь в слова.

А на улице по-прежнему звучали крики.

«Кого они зовут? — прислушалась Джилл.— Уж не меня ли? Хотят еще раз убедиться, что чудо свершилось? Господи, какие же они все дураки, какие непроходимые тупицы!»

Чтобы отвлечься от воплей за окном, она снова задумалась о математическом мире. «Есть вещи, которые словами не передать»,— сказал Джейсон. Что же это за мир? Что за цивилизация, настолько самодостаточная, что основывается на логике, настолько развитой и несравнимой с людскими представлениями, как слияние атомов несравнимо с изготовлением примитивных орудий из камня? Компания странных кубиков, сидящих на бескрайней зеленой равнине и манипулирующих сложнейшими символами... Чем они занимались? Играли в хитроумную игру или решали проблемы величайшей важности? Что значили эти уравнения и графики? Были ли они зрительным выражением инородного мышления? Может быть, это была компания мудрецов, собравшихся для дружеской беседы и обсуждавших какую-нибудь невероятную гипотезу, а может быть, они проводили время в долгом, медленном поиске и формулировании универсальных истин? Может быть, обитатели математического мира когда-то, давным-давно, добрались до границ пространства и времени, а потом вернулись на свою прародину, где бы она ни была? Может быть, они где-то путешествовали поодиночке, а теперь собрались все вместе и им было что порассказать друг другу?

«Насколько же, наверное,— думала Джилл,— они были потрясены внезапным вторжением Джейсона — представителя формы жизни, образчики которой, может быть, и встречались им когда-то, да они их давным-давно позабыли, а может, и не видали никогда. Нечего удивляться, что они так переполошились, глазам своим, если можно так выразиться, поверить

не могли,— даже дом построили для Джейсона, не иначе как для того, чтобы упрятать его подальше, чтобы подумать, пока его не видно, что же это такое свалилось на их головы. Господи, какие головы... Но ведь одарили! Одарили, как гостеприимные хозяева могут одарить чужеземца, который случайно забрел в гости!»

Джилл устроилась поудобнее... и вдруг заметила в темном углу гостиной слабое свечение.

«Так,— сказала она себе,— поздравляю вас, мисс Робертс, допрыгалась, голубушка. Вот вам и галлюцинация...»

Но видение не пропадало — свечение собралось в сверкающий блестками шарик — маленькую искрящуюся сферу.

— Шептун? — мысленно спросила Джилл, стараясь произнести слово так, как ей рассказывал Джейсон.

— Ты видишь меня, Джилл? — спросил Шептун.

— Я вижу тебя, Шептун.

— И слышишь меня, Джилл?

— Да, я слышу тебя.

Она оцепенела от изумления, думая: «Нет, это невозможно. Джейсон никогда не говорил, что Шептун может прийти ко мне и заговорить!»

— Джейсон велел мне не трогать тебя,— сказал Шептун.— Я сказал ему, что я и с тобой мог бы разговаривать, но он запретил. Но, Джилл, я должен был прийти к тебе!

— Все нормально,— успокоила его Джилл.— Ничего не бойся.

— Может быть, ты сумеешь видеть лучше Джейсона. Сумеешь лучше разглядеть.

— Разглядеть? Что разглядеть?

— Обитателей математического мира.

— Нет! — воскликнула Джилл.— Нет, только не это!

— Почему? Думаешь, это страшно?

— Да, мне страшно. Они такие... ужасные!

— Но им ты обязана тем, что случилось с твоим лицом.

— Что правда, то правда.

— Джейсон вернулся с подарком. Они и тебе сделают подарок. У них много чего есть.

— Почему они должны мне что-то дарить?

— Не знаю. С Джейсоном я много узнал, но не все.

— Джейсон мне ничего такого не говорил.

— Джейсон не мог видеть и узнать всего, что узнал я. Мы видели и узнавали там по-разному, потому что мы сами разные. Думаю, я тоже не мог постичь того, что постиг он.

— Но разве я сумею понять больше Джейсона?

— Может, не больше, но — по-другому. Джейсон видел то, чего не увидеть тебе, а ты увидишь то, чего ему не увидеть.

— Но... Шептун, я все равно не могу туда отправиться! Я же не видела этот кристалл!

— Я был там,— сказал Шептун.— Этого достаточно. Математический мир запечатлен во мне. Я смогу найти дорогу.

— Шептун, я не знаю... Шептун, я не могу!

— Ты боишься? Не бойся! Мы же с Джейсоном вернулись. Это не опасно.

— Как ты можешь судить? Может, вам просто повезло?

— Но это очень важно, Джилл.

— Я должна подумать.

— Ну вот... Джейсон говорил, чтобы я не приставал к тебе, теперь он рассердится.

— На этот счет не волнуйся. Я же сказала.

— Я больше не буду. Скажешь «уйди», и я уйду.

«Не могу! Не могу! — твердила про себя Джилл.— А вдруг я там сойду с ума или превращусь в статую? И зачем это мне? Джейсон уже был там. Не надо мне туда! А все-таки...»

Джилл упрямо закусила губу.

— Никогда в жизни,— сказала она Шептуну,— я ни от чего такого не отказывалась. Не отказалась от Харизмы, к примеру. Всегда, если где-то было что-то достойное интереса, я первая мчалась туда и смотрела.

И это было так. Она, прирожденный репортер, отправлялась куда угодно — не важно, что внутри она дрожала от страха при мысли о том, что может встретиться ей на пути к цели. Но она шла вперед, сжав зубы. Случались всякие переделки, но она всегда ухитрялась вернуться и привозила с собой испещренные записями блокноты и рулоны кинопленки. Нервы на пределе, зато полно материала.

— Ладно,— сказала она решительно.— Я пойду. Значит, ты можешь взять меня туда, Шептун? Несмотря на то что я не видела кристалл?

— Сначала я должен войти в твое сознание, чтобы мы стали одним целым.

Джилл немного растерялась. Мысль о том, что кто-то войдет в ее сознание, напугала ее. И кто, главное, кто? Непостижимое существо, не похожее ни на одно из прежде виденных...

Но она успокоила себя: это странное существо побывало в сознании Джейсона, и с Джейсоном ничего страшного не случилось.

— Ладно,— сказала она Шептуну.

И тут же оказалась в математическом мире. Даже вдохнуть не успела.

Все оказалось точно таким, как рассказывал Джейсон: зелень плоской равнины, незаметно сливавшаяся с голубизной небес... На зеленом ковре восседали кубоиды, испещренные уравнениями и графиками,— яркие, разноцветные. Они проявляли свойственные им признаки жизни: уравнения подрагивали, сменяли друг друга, плыли...

«Какая досада,— подумала Джилл.— Нужно было фотокамеру захватить, да и кинокамера не помешала бы. Что стоило перебросить футляры через плечо — они бы перенеслись сюда со мной вместе! Вот — перенеслась же моя одежда, не голая же я тут стою, значит, можно было взять и камеры...»

— Шептун! — окликнула она спутника, намереваясь спросить у него, каким образом осуществляется перенос в этот мир. Но Шептун не ответил, а в сознании Джилл не было никаких признаков его присутствия. Впрочем, этого следовало ожидать: Джейсон говорил, что с ним было то же самое. Он тоже звал и искал Шептуна, но облачка алмазной пыли не видел — они были здесь как единое целое.

Наверное, его разреженные атомы смешались с атомами мозга Джейсона. А теперь то же самое произошло с ней.

— Шептун,— упрямо позвала Джилл.— Ну-ка брось шутить и ответь мне. Дай хоть какой-нибудь знак, что ты здесь.

Шептун молчал.

«А вдруг,— подумала Джилл,— маленький плутишка забросил меня сюда, а сам остался дома?»

Подумала — и тут же решила, что это мало похоже на правду. Шептун, как она поняла, был прирожденным романтиком, искателем приключений, неутомимым исследователем

Вселенной. Но для того, чтобы изучать ее, ему нужен был проводник, который показывал бы дорогу. Однажды ему показали дорогу — и теперь он, судя по всему, знал, как добраться сюда, но он взял ее с собой.

— Ну ладно,— сказала она сердито,— если тебе так нравится, можешь прятаться дальше. Без тебя обойдусь.

«И как только я решилась отправиться сюда? — недоумевала Джилл.— Зачем мне это понадобилось? Репортерский инстинкт? Или желание побывать там, где побывал Джейсон, в надежде, что здесь отыщется нить, которая еще крепче свяжет нас? Куда крепче, глупости какие! Или я попалась на удочку Шептуна, и он соблазнил меня болтовней о том, что я смогу увидеть больше, чем Джейсон, и лучше пойму математический мир?»

Джилл тряхнула головой. Ни одно объяснение не годилось, и все-таки она здесь, а раз уж она здесь, надо попробовать взять интервью у здешних обитателей.

«"Взять интервью" — звучит неплохо, но как? Как с ними общаться? Я буду рот раскрывать, а они будут отвечать своими уравнениями, но ни они, ни я не будем иметь ни малейшего понятия, о чем, собственно, речь».

Однако, прогнав сомнения, Джилл решительно направилась к кубоиду, который был к ней поближе: розово-красный с дымчато-лиловыми уравнениями и кошмарно запутанным, витым-перевитым графиком ядовито-желтого цвета.

— Я — Джилл Робертс! — громко и четко представилась Джилл.— Я пришла поговорить с вами.

Ее слова безжалостно разорвали тончайшую вуаль тишины, наброшенную на этот мир, и ей показалось, что розово-красный кубоид весь как-то съежился и побледнел. Через мгновение он зашевелился и начал медленно отползать в сторону. Джилл подумала: «Удрать хочет!»

«Ну вот,— огорчилась она,— как глупо вышло... Мне ведь Джейсон говорил, какой это спокойный, тихий мир, а я не успела появиться, как тут же начала вопить. Да и что я сказала-то? Глупее не придумаешь! Сообщила им, что я — Джилл Робертс, а они, даже если и услышали меня, разве они имеют понятие, что такое "джиллробертс"? Нет, если и говорить с ними, то, наверное, так, как с Шептуном. И нужно им сказать не кто я такая, а что я такое... Нет, и это не пойдет.

Как это, интересно, я могу им сказать, что я такое? Как я, как любой другой человек, другая форма жизни может объяснить еще одной форме жизни, что она такое?

Может быть,— думала Джилл,— стоит начать с того, что я — органическое существо. Но откуда им знать, что значит "органическое". Ну, допустим, расслышат, но ведь значения этого слова они не знают. Нет, не поймут. Значит, надо начинать с еще более примитивного уровня. Придется объяснить им, что такое "органика". Может быть, если мне удастся достаточно просто и доступно сформулировать это понятие, они поймут меня, ведь они, вероятно, встречались когда-нибудь с другими формами органической жизни? Да и потом, может быть, и они сами — органические существа,— отчего я их сразу в неорганические записала?

Итак, как же мне свести понятие "органическая жизнь" к самому примитивному уровню? И вообще, положа руку на сердце, что такое "органическая жизнь"? Хотела бы я знать... Будь тут Джейсон, он бы, вероятно, смог помочь. Он ведь врач и наверняка знает, что это такое. Как же это объяснить? Что-то там было насчет углерода, но что?»

Нет, Джилл не помнила ровным счетом ничего. Проклятье, проклятье, ПРОКЛЯТЬЕ! А еще журналист — человек, который должен знать обо всем на свете! И ведь считала себя всезнайкой, а дошло до дела, и оказывается — самых элементарных вещей не знает! Прежде, готовясь к интервью, Джилл имела привычку загодя узнавать как можно больше о предмете своего интереса, чтобы не попасть впросак с глупыми вопросами. Но тут... даже если бы у нее было время на подготовку, как можно было подготовиться? Никаких предварительных материалов. Нет, может быть, где-то такие материалы и были, но не в мире людей.

Да, пытаться сделать что-то самостоятельно в этом мире — полное безумие. Но здесь Шептун, он часть ее самой, и он должен как-то участвовать в происходящем. Вместе с ней, как одно целое. А он как назло спрятался где-то и не помогает...

Розово-красный кубоид прекратил отступление и остановился на некотором расстоянии от Джилл. Ушел он, правду сказать, недалеко. К нему потихоньку подходили другие кубоиды. Скоро вокруг него собралась целая компания.

«Думают напасть, не иначе,— решила Джилл,— как на Джейсона».

И, решив, что лучший способ защиты — нападение, она смело шагнула к розово-красному кубоиду. Пока она шла, с его передней поверхности стерлись все уравнения и даже кошмарная канитель графика. Поверхность стала совершенно пустой, ровного розово-красного цвета.

Джилл подошла к кубоиду вплотную. Подняла голову и разглядела в нескольких футах над собой его вершину. Передняя плоскость кубоида оставалась пустой. Все остальные кубоиды, собравшиеся неподалеку, не двигались. Замерли и значки, и графики на их поверхности.

Несколько мгновений ничего не происходило. И вдруг... на передней плоскости розово-красного кубоида стало появляться что-то новое. Рисунок был ярко-золотой, какой-то радостный.

Линии возникали неуверенно — так рисовал бы маленький ребенок, рука которого еще не окрепла...

Сначала ближе к верху плоскости нарисовался треугольник — равносторонний, вершиной вниз. Затем к нему примкнул другой треугольник — побольше, вершиной вверх. Потом, после некоторого раздумья, на рисунке появились две параллельные прямые, выходящие из основания нижнего треугольника.

Джилл смотрела на рисунок, не веря своим глазам, и наконец у нее вырвалось:

— Но... это же... я! Верхний треугольник — голова, нижний — туловище, тело, одетое в платье, а две палочки — ноги!

Затем с одной стороны от рисунка возникла извилистая загогулина и пять точек.

— Это знак вопроса? — спросила Джилл неизвестно кого. И решила: — Да, это знак вопроса. Они спрашивают меня, что я такое!

«Вот-вот,— сказал Шептун внутри ее сознания.— Тебе удалось привлечь их внимание. А теперь моя очередь...»

Глава 42

В кабинете кардинала горели свечи, но все равно было темно. Темнота, казалось, пожирала слабый свет свечей. Причудливые очертания мебели напоминали фантастических чудовищ —

не то дремлющих, не то приготовившихся к прыжку. У двери, расставив ноги, застыл робот-охранник. Кардинал восседал на высоком стуле с прямой спинкой, закутавшись в лиловую мантию.

— Доктор Теннисон,— сказал он.— За все время вашего пребывания в Ватикане вы впервые удостоили меня своим посещением.

— Я знаю, как вы заняты, ваше преосвященство,— сказал Теннисон.— И потом, до сих пор в этом не было необходимости.

— Сейчас такая необходимость возникла?

— Думаю, да.

— Вы пришли ко мне в трудное время. Такого трудного времени в Ватикане еще не бывало. Это глупцы...

— Именно поэтому я и пришел к вам,— решительно оборвал кардинала Теннисон.— Джилл...

— От человека,— продолжал кардинал, словно не обратив внимания на то, что его прервали,— еще можно было ожидать такого. Люди эмоциональны. Слишком эмоциональны. Порой мне кажется, что вам недостает здравого смысла. От роботов я такого не ожидал. Мы — народ уравновешенный, порой даже флегматичный. Да, наверное, и вы бы не подумали, что роботы способны довести себя до такой истерии. Прошу простить. Вы хотели поговорить о Джилл?

— Да, хотел.

— Джилл, доктор Теннисон,— самая лучшая из всех людей, с кем мне когда-либо довелось встречаться. Она, можно сказать, породнилась с нами. Ей интересны мы, ей интересен Ватикан. Вы, конечно, знаете, как упорно она трудится.

— Безусловно.

— Когда она пришла к нам впервые,— продолжал кардинал,— ее интерес к нам был более чем поверхностный. Она хотела написать о нас, но, как вам известно, мы не могли этого позволить. Некоторое время я считал, что ей следует улететь отсюда первым же рейсом. Но мне этого не хотелось, потому что уже тогда, задолго до того, как убедился в этом сам, я догадывался, какой она талантливый и преданный делу историк,— именно такой, какой нужен и какого мы никак не могли разыскать. Джилл хотела написать нашу историю для

других, а теперь пишет для нас. И все мы счастливы. Вам, наверное, кажется странным, что нам понадобилась собственная история?

— Нет, почему же,— пожал плечами Теннисон.— Я, конечно, не психолог, но думаю, что она нужна вам потому, что вы проделали работу, которой не без основания гордитесь.

— Да,— кивнул кардинал.— Нам есть чем гордиться.

— Ну и вам, естественно, хочется, чтобы проделанный вами путь не был предан забвению. И чтобы через миллион лет представители самых разных форм жизни узнали о том, что вы жили здесь, а может быть, и до сих пор живете, если, конечно, вы просуществуете миллион лет.

— Просуществуем,— кивнул кардинал.— Если не я, то другие роботы, мои соратники, будут здесь и через миллион лет. Ватикан будет здесь. Ведь известно, что на Земле тысячелетиями существовали корпорации, основатели которых давным-давно умерли. Эти корпорации существовали потому, что представляли собой идеи, воплощенные в материальной форме. Ватикан, конечно, не корпорация в прямом смысле слова, но он — идея, облеченная в материальную форму. Он выживет. Он может подвергнуться изменениям, у него могут быть взлеты и падения, эволюции и кризисы, но идея не умрет. Идея будет жить. Идеи, доктор Теннисон, не так просто убить.

— Все это замечательно, ваше преосвященство,— сказал Теннисон.— И я высоко ценю ваше мнение как по этому, так и по другим вопросам. Но я пришел к вам, чтобы поговорить о Джилл, чтобы сказать вам, что она...

— Да-да, Джилл,— проговорил кардинал.— Я искренне огорчен, что ее коснулась эта суета вокруг так называемой святой. Как это у вас, людей, говорится? «Попала в переделку»? Так? Бедная девочка, представляю, как ей тяжело,— все тычут в нее пальцами и вопят о чуде. Считают, что она и есть живое свидетельство чуда. А вы, доктор, можете объяснить, что произошло? Я, конечно, ни капельки не верю, что случай с лицом Джилл — дело рук Мэри, и...

— Ваше преосвященство! — резко оборвал кардинала Теннисон.— Сейчас не время это обсуждать. Я пришел сказать вам, что Джилл исчезла. Я ее искал везде и нигде не мог найти. Вот и пришел к вам, чтобы спросить, не знаете ли вы, где она может быть.

— Бедняжка...— покачал головой кардинал.— Наверное, спряталась куда-нибудь, убежала от этой толпы обезумевших фанатиков.

— Но куда она могла убежать? Она мало где бывала. Работа и дом — вот и все.

— Доктор, скажите мне все-таки откровенно, что произошло? Как могла исчезнуть опухоль? Дело не в Мэри, я уверен. Тут что-то другое. Вы врач, и у вас должны быть какие-то соображения на этот счет. Может быть, это, как вы говорите, спонтанная ремиссия, самоизлечение?

— Ваше преосвященство, клянусь вам, я не знаю! Я пришел просить у вас помощи. Подскажите, ради бога, где ее искать?!

— В библиотеке смотрели?

— Был я в библиотеке. Везде был.

— В саду за клиникой?

— Да. Я же сказал: везде. Преосвященный, вы бываете у нее в библиотеке, подолгу беседуете с ней. Может быть, она хоть слово обронила, чтобы понять...

Разговор прервал громкий стук в дверь кабинета. Теннисон обернулся.

— Глухоман! — прокричал возникший в дверном проеме робот в коричневом монашеском балахоне.— Ваше преосвященство, там глухоман!

— Глухоман? — вскричал кардинал.— Что — «глухоман»? Где глухоман?! Объясни толком, в чем дело?!

— Глухоман идет! — надрывался робот.— Глухоман... спускается по эспланаде.

— Откуда ты знаешь, что это глухоман? Ты разве когда-нибудь видел глухомана?

— Нет, ваше преосвященство, я не видел. Но только все кричат, что это глухоман. Все кричат и бегут кто куда. Все жутко напуганы.

— Если это действительно глухоман, нечему удивляться. Понятно, почему они напуганы.

Из открытой двери доносились крики, топот ног в длинных коридорах.

— По эспланаде? — спросил Теннисон монаха.— К базилике?

— Да, доктор,— кивнул перепуганный робот.

Теннисон обернулся к кардиналу.

— Ваше преосвященство, а вам не кажется, что стоит выйти и узнать, чего хочет глухоман?

— Ничего не понимаю...— растерянно проговорил кардинал.— Ни один глухоман никогда не являлся в Ватикан. Давно, очень давно, когда мы только прибыли сюда, мы порой видели их издалека. Они никогда не приближались. Да, только издалека мы их видели, и, честно говоря, не пытались рассмотреть поближе. Мы им никогда не докучали, а они не мешали нам. Потом о них стали рассказывать чудовищные вещи, но это потом...

— Насколько я знаю, они убили молодого врача — моего предшественника, и еще двоих людей, которые были с ним.

— Да, это правда, но эти глупцы отправились охотиться на них. На глухоманов нельзя охотиться! Нужно совсем голову потерять, чтобы решиться на такое! Первый и единственный раз глухоманы проявили жестокость.

— Ну что ж,— пожал плечами Теннисон.— Значит, можно предположить, что у того, что пришел сейчас, ничего дурного на уме нет.

— Да, думаю, он ничего дурного сделать не хочет,— кивнул кардинал.— Но люди боятся, и их можно понять, ведь они наслушались страшных историй о глухоманах. Вот и бегут. Да, это можно понять.

— Ваше преосвященство, я намерен выйти к нему,— заявил Теннисон.— Вы пойдете со мной или нет?

— Думаете, стоит выйти?

— Да, думаю. Просто выйти и узнать, чего ему надо.

— Пожалуй, вы правы. Пойдемте. Но нас, предупреждаю, будет только двое — вы и я.

— Отлично. Вполне достаточно. А как мы будем с ним разговаривать? На каком языке?

— Древние легенды утверждают, что общаться с глухоманами можно.

— Ну и замечательно. Вперед!

Теннисон пошел впереди, Феодосий — за ним, а охранник и монах следовали на почтительном расстоянии сзади.

Пока они одолевали бесчисленные коридоры, ведущие к выходу из подземелий Ватикана, Теннисон мучительно старался припомнить все, что до сих пор слышал о глухоманах.

Получалось до обидного мало. Глухоманы жили здесь, на Харизме, до того как сюда прибыли роботы. Между роботами и глухоманами происходили лишь эпизодические, случайные контакты. За годы сформировалось убеждение в том, что глухоманы — кровожадные каннибалы. Эти истории рассказывали друг другу поздно вечером в уголках у каминов. Но была ли у этих басен реальная основа — этого Теннисон не знал. Да, за все время, пока он жил здесь, кроме случая с убийством молодого врача, никаких особых разговоров о глухоманах он не слышал.

Они вышли наверх. Неподалеку справа высилось величественное здание базилики, а перед ним тянулась широкая линия мощеной эспланады, спускавшейся с востока. На эспланаде не было ни души, все разбежались — и роботы, и люди. Но с крыш зданий по обе стороны от эспланады свешивались головы любопытных — все-таки хотелось поглядеть, что происходит. В Ватикане царила мертвая тишина, лишь где-то вдалеке слышались крики.

Внизу, в самом конце эспланады, была видна громадная фигура. На расстоянии она казалась меньше, но Теннисон прикинул в уме ее размеры и поежился. Глухоман был, что называется, великаном.

Теннисон устремился бегом вниз по лестнице к дорожке, что вела к эспланаде. Кардинал с трудом поспевал за ним, а монах и охранник безнадежно отстали.

На возвышении около базилики Теннисон и кардинал остановились и решили ждать глухомана тут.

— Доктор... он вертится! — прошептал кардинал.

Так оно и было. Глухоман представлял собой гигантскую черную сферу, приподнятую над поверхностью земли футов на двадцать. Сфера двигалась вперед, одновременно вращаясь вокруг своей оси. На черной, почти безукоризненно гладкой поверхности сферы были видны какие-то более светлые отметины.

— Странно...— растерянно проговорил кардинал.— Очень, очень странно... Доктор, вам доводилось видеть что-либо подобное?

— Нет, не доводилось,— ответил Теннисон.— А что же вы так удивились? Вы же говорили, что видели глухомана издали?

— Не я лично. Кое-кто из наших. Мне говорили, что они круглые... но вы же знаете, что верить рассказам... Нет, я сам никогда ни одного не видел.

Глухоман остановился у подножия холма, на котором высилась базилика. Вращение прекратилось, и он опустился на мостовую.

Светлые пятна на поверхности сферы оказались небольшими выростами.

«Наверное, рецепторы,— решил Теннисон.— Зрение, слух, обоняние, мало ли что еще...»

Кардинал молчал, выпрямившись во весь рост, как солдат в строю.

Из правого бока глухомана появилось нечто вроде конечности. Она росла, удлинялась... Наконец конечность погрузилась в некое углубление на поверхности сферы и что-то вынула оттуда. Вытянувшись еще дальше, она опустила то, что вынула, на мостовую. Это было... человеческое тело! Осторожно, почти бережно, глухоман уложил тело лицом вверх.

— О боже! — в ужасе вскричал Теннисон.— Это... Декер!!!

Он бросился вниз, но на пути остановился. «Рука» глухомана снова нырнула в «карман» и вытащила оттуда один за другим несколько предметов: ружье, свернутый спальный мешок, рюкзак, походный топорик и искореженный кофейник.

Затем из левого бока глухомана выросла вторая «рука» и нырнула в другой «карман». Оттуда она вытащила другое тело и опустила на мостовую рядом с телом Декера. Это был робот с оторванной головой. Рядом с ним на мостовую легло еще одно ружье. «Пальцы» глухомана осторожно сложили части погибшего робота и положили рядом с ним винтовку.

«Руки» глухомана втянулись внутрь, и он снова превратился в идеальную сферу.

Раздался странный глуховатый низкий звук, похожий на рокот громадного барабана. Казалось, сам воздух вокруг задрожал, завибрировал. Постепенно на фоне гудения стали слышны слова — произнесенные на человеческом языке. Они звучали медленно и торжественно.

— Мы — хранители,— говорил глухоман.— Мы бережем эту планету. Мы не позволяем, чтобы здесь происходили убийства. Убивать, когда нет еды, дабы сохранить жизнь в теле,—

можно. Для некоторых это необходимо, чтобы сберечь жизнь. Но убийств по другой причине не должно быть никогда.

Гудение прекратилось. Несколько мгновений было тихо. Затем снова раздался гул, и послышались слова:

— Мы жили с вами в мире. И хотим жить в мире. Не позволяйте такому случиться вновь.

— Но, сэр! — плохо понимая, как следует обращаться к глухоману, прокричал Теннисон; собственный голос ему самому показался тонким и слабым.— Не так давно вы сами убили троих людей!

На фоне гудения раздались слова:

— Они пришли охотиться на нас. Они имели намерение убить нас. Это непозволительно. Никто не имеет права нас убивать. Мы убили, чтобы спасти себя. Мы убили, потому что не хотели, чтобы эти люди ходили по нашей планете.

Гудение утихло, и глухоман снова завертелся и стал постепенно удаляться по эспланаде.

Теннисон сбежал вниз и упал на колени рядом с телом Декера. Он надеялся, что тот еще жив! Теннисон припал ухом к его груди. Увы, Декер был мертв, мертв уже несколько часов.

Теннисон беспомощно обернулся. Кардинал медленно спускался с холма. Позади него кто-то бежал. Когда бежавший обогнал кардинала, Теннисон узнал Экайера.

— Джилл вернулась! — крикнул он, задыхаясь от быстрого бега.

Добежав до Теннисона, Экайер остановился и перевел дух.

— Она была в математическом мире с Шептуном. Она сказала...

Тут его взгляд упал на мостовую, и он в ужасе умолк.

— Что... тут произошло?!

— Декер убит. Глухоман принес его домой.

— Значит, это правда, что глухоманы убивают?!

Экайер сжал кулаки так, что костяшки пальцев побелели.

— А я не верил!

— Нет, Пол,— покачал головой Джейсон.— Глухоман тут ни при чем. Посмотри, кого он еще принес.

Экайер склонился над изуродованным роботом.

— Д-джейсон,— проговорил он сдавленным шепотом,— знаешь, кто это?

— Нет,— пожал плечами Джейсон.— Какой-то робот.

— Это наш милый Губерт,— сказал Экайер.— Тот самый, что варил такой прекрасный кофе...

Глава 43

— Лично мне картина происшедшего ясна,— сказал Теннисон.— Декер был ранен в грудь. Одно легкое задето. Видимо, он быстро умер. Но прежде чем умереть, он успел ответить Губерту метким выстрелом. Пуля снесла роботу полголовы. Мозг — всмятку: кучка спутанных проводов. Он ненадолго пережил Декера.

— А я вот чего никак не пойму,— нахмурился Экайер.— Как вышло, что они оба оказались в такой глуши и принялись палить друг в друга? И потом — Губерт! Губерт, трусишка и подхалим! Не скажу, чтобы он был таким уж образцовым слугой, но все-таки старался как мог. Пожалуй, я его даже по-своему любил. Он мне служил много лет. А Декер? Что Губерту до Декера? Мне кажется, он его и не видел ни разу в жизни. Нет, то есть за глаза-то он его знал. На Харизме все знают, кто такой Декер.

— А винтовка? — спросил Теннисон.— Как попала к Губерту винтовка, вот вопрос. Ведь это та самая, которую взял с собой прежний доктор, когда отправился охотиться на глухоманов.

— Ну вот это как раз объяснить несложно. Наверное, винтовку подобрали роботы, когда выносили из леса тела убитых. Валялась где-нибудь. Роботам она была совершенно ни к чему. Они оружием не пользуются.

— Один, как видишь, воспользовался,— с горечью проговорил Теннисон.— Какой позор! Декер был прекрасным человеком. Мне он с первой встречи понравился. Он был мне другом. И единственным поводом отправить его на тот свет было то, что он знал, где рай, я в этом не сомневаюсь.

— Тут я с тобой согласен,— кивнул Экайер.— Но только никак в голове не укладывается, что у Губерта могло быть что-то общее с богословами. Я, правда, с ним об этом не беседовал никогда, поэтому мне трудно судить, что он по этому поводу думал. Но он был не такой робот, чтобы...

— Он мог слышать наши разговоры,— предположила Джилл.— Вечно он торчал на кухне и, по-моему, подслушивал. Он запросто мог услышать, как мы говорили о Декере, о том, что, вероятно, Декер знает, где находится рай.

— Верно,— согласился Экайер.— Он был очень любопытен и любил посплетничать. Весь Ватикан — огромная фабрика сплетен. Но за все те годы, что он был моим слугой, Джейсон, клянусь тебе, большого вреда от него не было, пока я не отправил его к тебе.

— Ошибся, как видишь,— сказала Джилл.— Он оказался далеко не так безобиден.

— Давай попробуем взглянуть на происшедшее по-другому,— предложил Теннисон.— Оба «райских» кристалла исчезли — похищены, скорее всего. Декер убит. Когда мы обыскивали его хижину, мы имели возможность убедиться — того, что мы ищем, там нет. Не исключено, что кто-то, может быть Губерт, обыскал хижину до нашего прихода и либо нашел то, что искал, либо не нашел. Если не нашел, то мог, как и мы, подумать, что Декер спрятал «черный ящик» где-то еще. Если так, то никаких шансов разыскать его не осталось. Если «ящик» найден, следовательно, он сломан и выброшен, а если не найден, возможности найти его практически нет. Теперь, когда нет ни кристаллов, ни «черного ящика» и Декер мертв, никаких шансов добраться до рая не осталось.

— Но, может быть, Мэри? — спросила Джилл.

— Нет,— твердо ответил Теннисон.— У нее коматозное состояние. Она может и до утра не дотянуть. Зрелище толпы фанатиков доконало ее. Она упала в обморок, и ее пришлось нести в палату на руках.

— Значит, у нас ничего, совсем ничего не осталось,— обреченно проговорила Джилл.

— И это как нельзя на руку богословам,— вздохнул Экайер.— Мертвая Мэри станет более подходящим объектом для канонизации, чем живая. Живая и невредимая святая — в этом есть что-то святотатственное. А когда она умрет, у них будет замечательная возможность довести свое дело до конца. У Ватикана появится первая собственная святая, споры о рае утихнут, все будут верить, что святая Мэри нашла его, и...

— Да, но этому могут воспротивиться кардиналы,— возразила Джилл.— Не все они за такой поворот событий. Феодосий, насколько мне известно, против.

— Наверное, они могли бы что-то сделать,— сказал Экайер,— если бы не побоялись столкнуться с откровенным бунтом. Даже если бы смута началась, то у них была бы возможность погасить, подавить ее... но это было бы ужасно для самого Ватикана. Ведь Ватикан — это средоточие покоя, стремления к святости. Кардиналы побоятся, я уверен.

— Но если богословы победят,— сказал Теннисон,— а теперь, похоже, так оно и будет, Поисковой Программе конец, а без нее...

— Вот над этим,— кивнул Экайер,— и следовало бы нашим кардиналам призадуматься. Они ведь всегда отличались умением предвидеть. Может быть, они отступят на какое-то время, но потом снова начнут упорно, как муравьи, восстанавливать свое детище, пока Ватикан не станет таким, каким они его себе представляли с самого начала. Ведь для робота время ровным счетом ничего не значит. Вечность к его услугам.

— Погоди, Пол,— сказал Теннисон.— Это для роботов, но не для нас, и не для тебя прежде всего. Да, кардиналы, благосклонно относящиеся к Поисковой Программе, вряд ли позволят, чтобы Ватикан был перевернут вверх тормашками. Это понятно. Но это может произойти уже не при твоей жизни. Либо мы победим сейчас, либо ты, лично ты, проиграешь навсегда.

— Мне ли этого не понимать,— вздохнул Экайер.— Знаешь, о чем я думаю...— Он повернулся к Джилл.— Совсем недавно Джейсон мне немного рассказал о существе, которое он зовет Шептуном, и о том, как они вместе побывали в математическом мире. Теперь, как я понимаю, там побывала и ты. Ведь ты именно там была, пока мы тут искали тебя, сбившись с ног?

— Джилл, не бойся, расскажи,— посоветовал Теннисон.— Декера теперь нет в живых, и его тайну можно раскрыть.

— Наверное, это не единственная его тайна,— сказал Экайер.— Он был человеком особенным. В общем, с тех пор как Джейсон рассказал мне о Шептуне, я думал...

— Если ты думал,— прервала его Джилл,— что Шептун мог бы сопроводить нас в рай, то, мне кажется, ты ошибаешься. Он перенес Джейсона в математический мир потому, что Джей-

сон видел кристалл. Я кристалл не видела, и меня Шептун перенес туда потому, что уже знал дорогу. Джейсон показал ему дорогу, и Шептун запомнил ее.

— Следовательно, координаты ему не нужны?

— Не нужны, верно. Координат математического мира не было, и Шептуну хватило воспоминаний Джейсона. Наверное, он пользуется не координатами, а чем-то другим.

— Тогда почему не рай?

— А потому, что ему нужно проникнуть в сознание того, кто видел кристалл с записью о каком-то конкретном мире.

— В сознание? Именно в сознание?

— Да.

— А почему бы ему не проникнуть в сознание Мэри?

— Мэри в коматозном состоянии. Ее сознание, ее память опустошены, стерты,— сказал Теннисон.— Но даже когда она была здорова душой и телом, к ней в сознание он проникнуть не мог.

— Хочешь сказать, что он не ко всем...

— Послушай, Пол, вот тебе пример: уж как Шептун был близок с Декером, а в его сознание проникнуть не мог, как ни стремился.

— А в твое и Джилл проникает? Что же в вас такого особенного?

— Не знаю. Я думал об этом. Понимаешь, многие люди, большинство людей, не способны даже видеть Шептуна. Ты, например, не можешь, это я точно знаю. Шептун пытался с тобой познакомиться. Он пробовал тебе явиться, но ты его не увидел.

— Откуда тебе это известно?

— Он мне сам сказал. Думаю, он тут со многими пытался контакт наладить, и с тем же результатом. А роботы — вообще исключено. У них «другой тип сознания» — так он сказал. Он много лет бродил по Ватикану, все информацию искал. Он просто помешан на информации, на знаниях. Цель его жизни — постижение Вселенной, ее изучение. Кое-что он в Ватикане разнюхал, но совсем немного. Да и то, что узнал, далось ему с большим трудом.

— Так вот о ком говорил мне Феодосий! — воскликнула Джилл.— Значит, Шептун и есть та мышка, которая откусывает крошечные кусочки от громадины ватиканских знаний! Феодосий так мне и говорил. А им никак не удается выследить воришку. Теперь понятно почему.

— Значит, ни единого шанса,— обреченно проговорил Экайер.

— Я в этом просто уверен,— кивнул Теннисон.

— Да, дела...— проговорил Экайер, сжав кулаки.— Смирились и сидим. Боже, а ведь как задумаешься, от чего мы отказываемся! Вся Вселенная перед нами, а мы отказываемся. И все это из-за безумного поиска истинной религии!

Теннисон положил руку ему на плечо.

— Пол, мне бы очень хотелось помочь тебе. И Джилл, я думаю, хочет того же. Мне очень жаль. Так получается, что я огорчаю тебя.

— Да что ты! — отмахнулся Экайер.— Это же не твои трудности.

— Почему же не мои? Разве это только Ватикана касается? Нет, дружок, тут дело посерьезнее. Все на свете выиграют, если мы найдем ответ.

— Надо искать какой-то выход,— убежденно проговорила Джилл.— Рано сдаваться, рано лапки кверху поднимать. Я, например, могу поговорить с Феодосием.

— И чего добьешься? — скептически усмехнулся Экайер.— Он замашет руками, успокоит тебя, скажет что-нибудь вроде: «Не надо так волноваться, деточка, пройдет время, все встанет на свои места...»

Теннисон поднялся.

— Я должен взглянуть на Мэри.

— Я с тобой,— сказал Экайер, вставая.— Джилл, может, и ты сходишь с нами?

— Нет,— замотала головой Джилл.— Не хочется. Я лучше займусь обедом. Пообедаешь с нами, Пол?

— Спасибо. Очень хотелось бы, но дел по горло.

Когда она вышла из комнаты, Экайер тихо спросил у Теннисона:

— Извини, я при Джилл не хотел спрашивать, но все-таки, что же случилось с ее лицом?

— Дай срок,— улыбнулся Теннисон,— мы тебе все-все расскажем, я тебе обещаю, Пол.

Глава 44

Так хочется обо всем рассказать тебе, Джейсон, но в голове все перепуталось,— призналась Джилл.— До сих пор опомниться не могу. В общем, когда я смотрела на этот рисунок, я точно поняла, что справа — знак вопроса. Он спрашивал, что я такое, а я ломала голову, как ответить, и тут у меня в сознании заговорил Шептун и сказал, что теперь его очередь.

— И вступил в разговор?

— Да. То есть не он, а мы вместе. Я догадывалась, что происходит, но не понимала смысла... Помнишь, давным-давно на Земле было такое устройство — телеграф? Сигналы передавались по проводам, и тот, кто не знал кода, мог часами слушать сигналы и ничего не понимать. Или представь себе, что ты слышишь, как двое чужаков по-своему квакают или хрюкают. Для них это слова, для тебя — пустой звук.

— Ты сказала «телеграф». Это что, действительно были сигналы?

— Да какие-то сигналы, но было еще много всяких звуков, и знаешь, мне казалось, что это я их издаю — непонятно как и зачем, и в мозгу у меня проносились вихри совершенно безумных мыслей — явно не моих. Наверное, это были мысли Шептуна. Порой мне казалось, будто я начинаю улавливать какой-то оттенок смысла, я пыталась ухватиться за него, как за ниточку, но ниточка обрывалась, и я опять переставала что-либо понимать. И что странно: в обычной ситуации я бы просто взбесилась, стала бы всеми силами добиваться своего, старалась бы узнать, что за существо со мной разговаривает. А там мне так спокойно было. Не помрачение сознания, нет. Я все нормально видела и воспринимала, только время от времени мне начинало казаться, что я уже не я, и еще я видела себя со стороны... Во время нашего «разговора» то существо, что стояло ко мне ближе других, и остальные, что собрались неподалеку, непрерывно показывали разные уравнения и графики — медленно, не спеша,— причем самые простые, как будто говорили с ребенком. Знаешь, когда взрослые начинают подражать детскому лепету — вот такое было впечатление. Я тогда подумала, что, наверное, этот кубоид не меньше моего смущен. Наверное, для него те звуки, что я издавала,— пощелкивание и треск, имели не больше смысла, чем для меня — его графики и уравнения.

— Не исключено, что Шептун что-то понимал,— предположил Теннисон.— Ведь беседу вел, в конце концов, он. Он был в роли переводчика.

— Если так, то он работал в одну сторону. Мне он ничего не переводил. Хотя я тоже как-то в разговоре участвовала. Мы подошли поближе — то есть я подошла — к розово-красному кубоиду, и всякий раз, когда мне — вернее, Шептуну — что-то было непонятно, я указывала пальцем на определенное уравнение или график, и кубоид все переписывал заново — медленно и терпеливо, иногда по несколько раз, пока Шептун наконец не понимал что-то.

— А ты? Ты понимала?

— Только кое-что. Какие-то обрывки. А теперь, вернувшись домой, вообще почти все забыла. Мое человеческое сознание плохо воспринимало такой тип подачи информации. Многое казалось просто нелепо, по человеческим понятиям. Казалось, никакой логики нет. Знаешь, что я думаю?

— Ну?

— Мне кажется, что в математическом мире действует какой-то другой тип логики. Совершенно парадоксальный. Там одно и то же понятие в одном контексте звучит утвердительно, а в другом — отрицательно. Все время я сталкивалась с такими моментами: ухватишь смысл, думаешь, ну вот, поняла наконец, слава тебе, Господи, как тут же возникало что-то новое, и это новое напрочь, начисто стирало то, что минуту назад было понятно. Не знаю. Просто не знаю. Там-то я еще хоть что-то понимала, а здесь — вообще ничего. Шептун уговаривал меня пойти туда, так как считал, что я могу все увидеть по-другому. Не так, как ты. Насколько я знаю, с тобой там ничего подобного не происходило?

— Нет. Такого действительно не было. Никаких разговоров.

— И дело тут, наверное, вовсе не в том, что мы с тобой разные. Мне кажется, дело в Шептуне. Наверное, он многое передумал со времени первого посещения математического мира и многое успел понять. Второй раз ему было легче.

— Джилл,— проговорил Теннисон, гладя ее руку,— мне очень жаль, что тебе пришлось пережить это. Это было вовсе не обязательно. Я говорил Шептуну, чтобы он не трогал тебя...

— Да, я знаю, он мне сказал.

— А где он сейчас?

— Не знаю. Я вернулась. И больше его не видела. Его не было ни в комнате, ни у меня в сознании. Откуда у меня эта уверенность — сама не знаю.

— Интересно, он знает, что Декер погиб? Наверное, это его сильно огорчит. Они ведь такими друзьями были. Декер делал вид, что ему все равно, когда Шептун перебрался ко мне, но я точно знаю, что ему было не все равно.

Джилл подлила Теннисону кофе.

— Между прочим, я пирог испекла,— сообщила она.— Хочешь, отрежу кусочек?

— Да, но попозже,— улыбнулся Теннисон.— Когда переварю жаркое. Было очень вкусно.

— Правда?

— Клянусь!

— Джейсон...— задумчиво проговорила Джилл.— Ты думаешь, это богословы убили Декера?

— И рад бы не думать, но ведь все сходится. Пропали кристаллы, погиб Декер. Они отрезали нам все ходы-выходы. Если бы у нас хотя бы кристаллы остались, Шептун, наверное, мог бы нам помочь добраться до рая. И координаты были бы не нужны. Он, как охотничий пес, может брать самый слабый след. А во Вселенной столько всяких следов.

— Джейсон, а вдруг мы все ошибаемся? Ты, и я, и Пол? Вдруг ватиканские богословы правы? Может быть, истинная вера важнее познания Вселенной?

— Джилл, я думаю, все дело в том, что первично. Ватикан принял такое решение давным-давно, а теперь кто-то стремится все повернуть вспять. Они решили, что сначала нужно добыть знания, а знания помогут прийти к вере. Я не знаю, верное это решение или нет, но мне кажется, что не слишком верное.

— Наверное, мы так никогда и не узнаем.

— Нам — тебе и мне,— наверное, не суждено. Но кто-нибудь когда-нибудь узнает.

— А сейчас? Что происходит сейчас?

— Это тоже непросто понять.

— Ой, Джейсон, знаешь, я что-то начинаю понимать... Ко мне начинают возвращаться какие-то кусочки воспоминаний о математическом мире, какие-то ощущения...

— Ну что ж, будет идти время, и ты будешь вспоминать больше и больше. Так бывает.

— У меня там было ощущение, будто я устала и отдыхаю. Есть в этом какой-нибудь смысл?

— Не сказал бы, что очень большой,— улыбнулся Теннисон.— Ты просто пытаешься перевести чужеродные понятия на человеческий язык.

— И еще... Что-то связанное с игрой и сильное возбуждение, азарт оттого, что можно научиться играть в новую игру.

— Вот в этом, пожалуй, кое-что есть. Но не исключено, что смысл совсем другой. В общем, как бы то ни было, ты действительно увидела и узнала гораздо больше меня. Когда появится Шептун, нужно будет расспросить его как следует, может быть, он сумеет нам объяснить получше.

— Надеюсь. Уж он-то там побольше меня понял.

Послышался тихий стук. Теннисон подошел к двери и распахнул ее. На пороге стоял кардинал Феодосий.

— Как хорошо, что вы зашли, ваше преосвященство,— сказал Теннисон.— Входите, пожалуйста. Мы рады.

Кардинал переступил порог, и Теннисон прикрыл дверь.

— Сейчас я подброшу дров в камин,— сказал он,— можно будет посидеть, поговорить.

— Я бы с удовольствием,— сказал кардинал,— но у нас нет времени. Его святейшество благословил вас обоих прибыть на аудиенцию.

Джилл встала из-за стола.

— Не понимаю,— нахмурилась она.

— Его святейшество очень ценит вас обоих.

— Вы пойдете с нами? — спросил Теннисон.

— Я провожу вас туда, но не останусь. Он сказал, что примет только вас. Только вас двоих.

Глава 45

Шептун ликовал. Он прыгал и веселился. Он скатывался вниз по плоскости магнитного потока, как дети на санках с горы. Он исполнял фантастический танец в самом центре мятущегося скопления ионов. Он проносился как комета сквозь ядро взры-

вающейся Галактики. Бегал наперегонки со вспышками излучения сверхновой звезды. Пролетал через поля пульсаров.

Наигравшись вдоволь, он остановился неподалеку от красного карлика и немного погрелся у алого пламени. Тут было темно и пусто, и единственный свет исходил от красного карлика. Только далеко-далеко в глубине космоса виднелось какое-то величественное сияние. Шептун чувствовал себя маленьким и одиноким в бесконечном пространстве — и это было странно, ведь он не должен был знать, что такое одиночество, он, порождение времени и пространства, в котором не было места одиночеству.

Он не знал, где находится, но не думал об этом. Где бы он ни был, он дома. Откуда это было ему известно, он не знал, но и не задумывался об этом. Куда бы его ни занесло, он всегда и везде будет дома. Так что ему было совершенно безразлично, где он находится.

Он улегся в пространстве перед красно-черной звездой и услышал Песнь Вечности — вибрацию космоса. Он чувствовал смутные признаки жизни в этом уголке Вселенной, улавливал сигналы разнообразных форм жизни, понимал достижения каждой из них. Вся сумма этих достижений являла собой гигантский шаг к решению невероятных вопросов, ответы на которые, будучи соединены и осмыслены, должны были привести к ответу на главный и последний вопрос.

«Вот оно — мое призвание,— думал Шептун.— Мое призвание, моя цель. Я должен разыскать свой народ и другие народы, те, что в пустоте и одиночестве пространства ищут дорогу к свету».

Потом красный карлик и окружавшая его темнота исчезли, и он снова оказался в центре кольца, образованного кубоидами. Шептун разыскал среди них розово-красный кубоид. Передняя плоскость его сначала была пуста, но постепенно на ней, как на фотобумаге, стало проявляться уравнение — бледные, туманные, расплывчатые очертания символов постепенно становились все более четкими. Шептун устремил свое сознание к этому уравнению, соединился с ним, и смысл его стал ему понятен. Когда это произошло, розово-красная школьная доска стала чистой; Шептун направил к ней поток своего сознания, и на ней робко, осторожно стало возникать новое

уравнение. Постепенно оно стало таким же ясным и четким, как предыдущее. Это уравнение передал розово-красному кубоиду Шептун, это была его первая фраза на языке обитателей математического мира, и ее могли прочитать все остальные кубоиды!

«Я разговариваю с ними! — радостно подумал Шептун. Он был счастлив и горд.— Теперь они поймут меня, а я — их!»

Уравнение, переданное Шептуном, поочередно написали на своих плоскостях остальные кубоиды, и Шептун почувствовал, как они удивлены и рады, что в их мире появился кто-то умеющий разговаривать с ними на их языке. Их одиночеству пришел конец, но они не были огорчены — наоборот, чувствовалось, что это им нравится.

Уравнение Шептуна стерлось, и довольно быстро его сменило новое.

Розово-красный кубоид отвечал ему.

Шептун настроился на долгую беседу с новыми знакомыми.

Глава 46

Теннисон и Джилл сели. В маленькой комнате, кроме двух стульев, ничего не было — четыре голые каменные стены. На металлической пластине, вмурованной в одну из них, медленно проступили черты уже знакомого Теннисону лица. Через некоторое время голос Папы произнес:

— Рад, что вы пришли навестить меня.

— Мы счастливы, ваше святейшество, присутствовать здесь.

— У меня много советчиков,— сообщил Папа,— и советы они мне дают порой весьма противоречивые, так что мне иногда трудно склониться к тому или иному мнению. Если вы не возражаете, я бы хотел посоветоваться с вами. С людьми. Среди моих советников преобладают роботы. Правда, за долгие годы моего существования тут бывали и люди, но их было немного, и мало кто из них откровенно делился со мной мыслями. Есть Экайер, но он не намного превосходит остальных, поскольку выражает только свою личную точку зрения на вещи. Он настолько погружен в Поисковую Программу...

— Он предан своей работе, ваше святейшество,— возразил Теннисон.

— Не спорю, это так. Вот я о чем хотел вас спросить... У вас, людей, не возникает протеста относительно того, что это место зовется Ватиканом?

— Никакого,— ответила Джилл.

— А вы, случайно, не христиане?

— Этот вопрос, ваше святейшество, мы не раз обсуждали между собой,— сказала Джилл.— И не можем с уверенностью ответить на него. У нас обоих в роду были христиане. Вряд ли мы сказали бы вам больше, если бы ответили, что мы не иудеи, не мусульмане, словом, не представители других религий, которые создало человечество.

— Но мы не настоящий Ватикан в прямом смысле слова,— сказал Папа.— Вообще не Ватикан, строго говоря. Мы называемся Ватикан-17, хотя числительное редко добавляется к нашему названию. Я точно не знаю, но, видимо, в то время, когда мы возникли, существовало еще шестнадцать Ватиканов, разбросанных по такому же числу солнечных систем, населенных людьми. Полагаю также, что земной Ватикан до сих пор остается головным учреждением, если я верно выразился, а остальные являются его филиалами — не уверен, что употребил верный термин. На самом деле мы этим никогда не интересовались. Думаю, если бы мы начинали нашу деятельность сегодня, мы вряд ли остановили бы свой выбор на этом названии. И если бы меня начали конструировать сегодня, сомневаюсь, что меня назвали бы Папой. Когда здесь все только начиналось, у роботов были сильны воспоминания о Земле, о тех чудесах, которые были связаны с великой земной религией. Так я стал Папой, а это место — Ватиканом. Думаю, это наверняка вызвало бы порицание со стороны главного Ватикана. Но это случилось только потому, что создатели здешнего учреждения питали глубочайшее уважение к христианству Древней Земли. Несмотря на то что наши основатели на Земле были лишены права причастия, они до сих пор полны любви к этой древней вере.

— Нам это вполне понятно,— сказал Теннисон.— Нам ясны побудительные мотивы выбора терминологии.

— Как Папа,— продолжал его святейшество,— я должен быть непогрешимым. Считается, что я должен знать все ответы. Наше сообщество ищет во мне руководителя. Как сложнейший компьютер, я устроен так, что могу отвечать на во-

просы, связанные с долгосрочным прогнозированием, а на злободневные вопросы мне отвечать труднее. Задайте мне вопрос, ответ на который может оказаться ценным, важным через десять тысяч лет,— я подумаю немного и дам ответ с неплохой долей вероятности. Попросите у меня ответа на вопрос, который связан с делами дня завтрашнего, и я буду не так уверен в его правильности. Понимаете, какие у меня трудности?

— Да, пожалуй,— кивнула Джилл.

— Но меня больше всего беспокоит,— сказал Папа,— проблема веры как таковой, как бы странно это ни звучало из уст Папы. Понимаете, во Вселенной разные народы создали огромное количество верований, основанных на самых разнообразных понятиях природы божественности. Вам ясно, о чем я говорю?

— Ваше святейшество, мы слушаем вас очень внимательно,— сказал Теннисон.

— Так вот... Как я уже сказал, число религий во Вселенной огромно. Но все-таки Вселенная по числу вероисповеданий не превзошла Землю. Как вы думаете, сколько могло быть религий на Земле?

— Мне как-то в голову не приходило подсчитывать,— пожала плечами Джилл.— Вряд ли я могла бы назвать точное число. Знаю только, что их было великое множество.

— И все разные,— подхватил Папа.— И каждая спорила с другими не на жизнь, а на смерть, доказывая свою истинность и единственность. Веками на протяжении истории человечества люди разных вероисповеданий уничтожали друг друга, чтобы доказать, что их вера лучше. Вера, основанная на убийстве других... Вам это понятно? Как вы могли бы это объяснить? И чем?

— Безумием человечества,— ответил Теннисон.— У нашей расы, ваше святейшество, множество пороков.

— И все-таки за что-то вас любят роботы! Ваш народ создал нас. Ваш интеллект, ваши руки создали нас. Мы произошли от вас. Вы нас сделали и усовершенствовали. Значит, в вас были не только пороки, но и много добра. Значит, вам должны быть свойственны и любовь, и благородство.

— Ваше святейшество, наши философы многие годы бились над решением вопросов, которые вы задаете,— сказал Теннисон.— Они не новы для нас.

— Значит, вам должна быть знакома и проблема, которая теперь стоит перед Ватиканом. Я, производное от робота, производного от человека, спрашиваю вас об этом. Не обещаю, что воспользуюсь вашим советом,— мне нужно рассмотреть много фактов,— но сейчас я позвал вас для того, чтобы выслушать, что вы, лично вы, думаете об этом. Вот почему я позвал вас одних и удалил кардинала. Ну, говорите же. Прошу вас как близких друзей, говорите откровенно, без стеснения.

— Да, но...— запнулся Теннисон.— Видите ли, ваше святейшество, мы прибыли сюда вовсе не как друзья Ватикана. Я бежал от людского самосуда и стал здесь врачом Ватикана, поскольку ваш врач погиб. Джилл прибыла сюда как писательница. Она хотела написать о вас, но вы оказались категорически против этого.

— Но с тех пор прошло время, и вы оба доказали нам свою преданность. Вы породнились с Ватиканом. Знаю, сначала вы были напуганы угрозой, что мы не дадим вам улететь отсюда, но теперь, как я понимаю, и нам трудно с вами расстаться, да и вы сами не склонны возвращаться к этому вопросу. Могу я поинтересоваться, что послужило причиной изменения ваших намерений?

— Трудно сказать,— задумался Теннисон.— Вопрос непростой. Хотя... нет, ваше святейшество, причин так много, что я устал бы перечислять и вас бы замучил.

— Для меня причина в том,— сказала Джилл,— что тут очень спокойно. Жаль, если этот покой кончится. Я так полюбила маленький садик за клиникой, вид на пшеничные поля, на горы...

— Горы? — удивился Теннисон.— Тебе нравится смотреть на горы? Ты ведь была к ним равнодушна как будто?

— Я успела полюбить их, Джейсон. Да, я столько времени на них смотрела, а увидела только вчера. Увидела так, как видишь их ты.

— Ваше святейшество,— обратился Теннисон к Папе,— давным-давно, в средние века, на Земле было много монастырей. Люди уходили туда, жили там христианской жизнью, по христианским канонам. Если бы вы спросили их, зачем им это, они бы ответили, что поступили так из любви к Христу, что для них это путь служения Богу. Но я склонен думать, что они уходили в монастыри, чтобы укрыться от жестокости мира, чтобы переждать там тяжелые времена. Там они находили тишину и покой. Мне кажется, они не становились более верующими оттого, что жили в монастырях, но они сами, наверное, думали, что все обстоит именно так. Что касается меня, то здесь, у вас, я обрел как раз то, что искал всю жизнь,— спасение от жестокости и суеты мира.

— Понимаю,— сказал Папа.— Именно это нам и хотелось бы сохранить. Покой, тихое место, где мы могли бы без помех продолжать свою работу. Но весь вопрос в том, над чем нам следует работать!

Теннисон пожал плечами.

— Ваше святейшество, если вы хотите спросить, следовать ли вам по пути веры или по пути знания, то я бы выбрал знание, поскольку мне представляется, что вера должна рождаться из знания, а не наоборот. Спросите дюжину, сотню людей, исключая, конечно, ватиканских доктринеров, и вы получите совершенно разные ответы. Кто-то ответит так же, как я, а другие изберут веру. Думаю, вероятность правильного ответа такая же, как существование единственно истинной веры.

— А истинное знание?

— Думаю, такое может существовать. Но мне этого не узнать никогда. Простите, ваше святейшество, думаю, и вам тоже.

— Наверное,— задумчиво проговорил Папа,— наши милые роботы допустили какой-то просчет в моей конструкции. Нагрузили меня тем самым пиететом, которым сами были переполнены. Вообще-то я склонен согласиться с вами. Однако стоит мне принять такое решение, как Ватикан треснет по швам. Начнется смута, пойдут бесконечные споры, они затянутся на долгие годы, и вдобавок это мало чего хорошего добавит к моему образу — образу Папы. Что бы вы по этому поводу ни думали, образ Папы многое значит для каждого из нас.

Джилл и Джейсон молчали.

— Вы, люди,— продолжал Папа,— способны испытывать любовь и ненависть. Нам не дано ни то ни другое. Вы можете мечтать — это мне доступно, но я мечтаю совсем не так, как вы. У вас есть искусство — музыка, живопись, я знаю об их

существовании, осознаю цель, которой они служат, догадываюсь о том, какую радость, какое наслаждение они могут приносить, но, увы, я не способен на них реагировать.

— Ваше святейшество,— сказала Джилл,— но ведь сама вера может быть если не искусством, то источником величайшего наслаждения.

— Не сомневаюсь,— согласился Папа.— Вы затронули очень важную тему. Но не будете же вы утверждать, что жажда веры у роботов недостаточно сильна? Именно эта жажда и создала Ватикан, именно поиски истинной веры и вели нас тысячу лет по нашему пути. Но не может ли быть, что существует много истинных вер?

— Почему же не может быть? — ответил Теннисон вопросом на вопрос.— Только мне кажется, что все же должна существовать некая универсальная вера, такая, какую бы приняли все до единого разумные существа. Такая вера должна существовать обязательно, как должна существовать единственная истина — непререкаемая, неделимая. Не удивлюсь, если окажется, что это одно и то же.

— Именно поэтому вы считаете, что нам следует устремиться по пути поисков истины, что это будет более верный путь, чем поиски веры самой по себе?

— Да, я так думаю,— кивнул Теннисон.— Поиски истины обеспечат вам кое-какие точки опоры. В поисках веры вы таких точек опоры лишены.

— Внутри меня накоплен колоссальный запас знаний,— сказал Папа.— Их так много, этих знаний, добытых для меня нашими Слушателями, что порой мне самому трудно выбрать. Мне приходится отчаянно рыться в кладовой собственных знаний, чтобы отыскать один-единственный бит информации, который мог бы послужить ответом на заданный вопрос. Загадок такое количество, и мне приходится одновременно оценивать множество ответов, которые влекут за собой все новые и новые загадки. Я упорно этим занимаюсь, но порой задаюсь вопросом: а вдруг необходимые мне для ответа биты информации еще не найдены Слушателями? Они, конечно, много где побывали, но все равно лишь слегка прикоснулись к громаде вселенского Знания...

— Это означает, ваше святейшество,— прервал Папу Теннисон,— что Слушателям должна быть предоставлена возможность продолжать работу. Может быть, один из них завтра отыщет тот самый недостающий бит информации, а может быть, на его поиски уйдут годы — сотни, тысячи лет, но если Слушатели прекратят работу, ответ не будет найден никогда.

— Знаю,— сказал Папа.— Знаю. А ведь находятся такие, кто утверждает — и знаете, прямо-таки гордость написана на их всезнающих металлических физиономиях,— будто бы я утратил чувство реальности, будучи замурованным в камне здешних гор. Я знаю, что они не правы, но не представляю себе, как их переубедить. Я думаю, что тот реальный мир, о котором они берутся судить,— это и не мир вовсе, а провинциальный мирок, ограниченный рамками знакомой им территории и привычных понятий и условий. Они ни на йоту не задумываются о том, что реальный мир за пределами Харизмы, на другой планете, может оказаться вовсе не таким, как здесь. А ведь такая планета может быть совсем близко отсюда. Реальность Вселенной закрыта для них, заслонена их собственным ограниченным пониманием вещей. Нет, все-таки я склонен верить, что я существую в более реальном мире, чем они.— Папа на мгновение умолк, потом заговорил вновь: — Я перерос их. Вот что произошло. Я перерос их. Но ведь они сами этого хотели. Они хотели, чтобы я был непогрешим, как Папа на Земле. Но когда я перерос их, я их разочаровал. Непогрешимость на одной планете и во всей Вселенной — разные вещи.

Глава 47

— К чему это все было, как ты думаешь? — спросила Джилл, когда они вернулись к Теннисону.

— В Ватикане раскол,— ответил Теннисон.— И Папа единственный, кто об этом знает.

— Не слишком-то мы ему помогли.

— Да что ты...— махнул рукой Теннисон.— Совсем не помогли. Мы его скорее разочаровали. Понимаешь, роботы до сих пор, как дети малые, верят в людей, считают нас какими-то волшебниками, чародеями, думают, что мы можем нырнуть в глубину и вынырнуть с готовым ответом. Они увязнут в трясине по уши — мы протянем руку и вытянем их. Отцовский образ — ну, ты понимаешь, «папочка все может, он боль-

шой и умный». Папа в этом смысле не далеко ушел. Он понимал, наверное, умом, что помочь мы ему вряд ли сможем, но надежда такая у него была. Теперь он в нас полностью разочаровался.

Теннисон встал, подбросил в огонь пару поленьев, вернулся и сел рядом с Джилл на кушетке.

— Поисковая Программа — вот тот цемент, который не дает зданию Ватикана рухнуть и развалиться. Экайер говорил мне об этом еще тогда, когда мы только-только появились здесь. Он говорил, что Ватикан — всего-навсего прикрытие для работы в рамках Поисковой Программы. Я тогда, честно говоря, думал, что он попросту бравирует, пытается убедить меня в своей важности. Но я успел убедиться, что в этом есть большая доля истины. При наличии Поисковой Программы Ватикан — это динамичный проект с прогнозируемым исходом работы. Без нее — оголтелый поиск неизвестно чего. Без нее будут пустые споры, множество занудных философских диспутов, родятся еретические течения и начнут борьбу за истину в последней инстанции с нынешней линией. Но без Слушателей Ватикан в его теперешнем состоянии не продержится следующую тысячу лет. А если и продержится — толку будет мало.

— Но его святейшество сказал,— возразила Джилл,— что располагает колоссальным объемом информации за счет тех данных, которые сообщены ему Слушателями. На сегодняшний день он уже во многом разобрался, но все равно работы у него полно. Разве он не может продолжать, имея то, что у него есть сегодня? Мне показалось, что именно этим он и хочет заниматься. Располагая таким банком данных...

— Да как ты не понимаешь? — всплеснул руками Теннисон.— Все зайдет в тупик. Никому дела не будет до этого банка данных! Сам он, ради бога, может продолжать копаться в нем, как в бабушкиной шкатулке с драгоценностями, но чтобы банк данных работал по-настоящему, он обязательно должен пополняться. Все равно что в костер дрова подбрасывать — иначе погаснет. Победят богословы — и всему конец. Они закроют Программу Экайера, Слушатели прекратят работу — и конец.

— Умерев однажды, Ватикан не возродится.

— Вот именно,— кивнул Теннисон.— А мы, Джилл, сидим тут и спокойно смотрим, как погибает одна из самых величайших исследовательских программ, когда либо существовавших в Галактике. Одному Господу Богу ведомо, как много Галактика потеряет. Никто не в силах оценить последствий провала этой работы для людей и для самих роботов, ибо, по моему теперешнему мнению, люди и роботы — одна раса. Они принадлежат нам так же, как мы — им.

— Джейсон, нужно что-то делать. Ты и я — мы должны что-то делать. Только мы и можем сделать что-то.

— Есть еще Экайер.

— Да, есть еще Экайер, но... он чересчур ватиканец.

— Наверное, ты права. Он не настолько заморочен, как люди на Харизме, но не до конца свободен от тенденциозности. Ты совершенно правильно сказала — он чересчур ватиканец.

— Джейсон, но что мы можем сделать?

— Милая моя, если бы я знал! Ни единой мысли в голове. Хотя нет, одна есть. Если бы могли попасть в этот рай...

— И добыть доказательства. Обязательно нужно добыть доказательства.

— Это обязательно. Не будет доказательств — нас никто и слушать не станет. Но об этом как раз особо беспокоиться нечего. Нам туда не попасть.

— Знаешь, я тут кое о чем подумала...

— О чем же?

— Что такое на самом деле рай? Что, если Мэри права?

— Я уже говорил, но могу повторить: рай — это не географическое понятие. Это состояние души.

— Джейсон, перестань! Что ты заладил... Твердишь эту фразу автоматически! Не надо. Послушай... Я рассказывала тебе об обитателях математического мира. Я говорила: не исключено, что они оперируют альтернативной логикой. А что, если вся Вселенная построена на различных логических системах? Разве не может тогда оказаться, что наши человеческие суждения бессмысленны, ущербны? Разве мы не можем ошибаться?

— Ты что, пытаешься доказать мне, что рай может существовать?

— Я этого не говорю. Я у тебя хочу спросить: если бы он существовал, что бы ты стал делать?

— Хочешь узнать, принял бы я это?

— Да, именно об этом я тебя спрашиваю. Если бы ты потрогал рай руками?

— Наверное, я бы здорово растерялся.

— Отвечай — принял ли бы?

— Ну... пришлось бы, наверное. Но как бы я мог с уверенностью утверждать, что это рай, если там, допустим, не было бы золотой лестницы и ангелов?

— Очень может быть, что как раз этого там не окажется. Это старые сказки. Таким себе представляли рай люди в далекие времена, о таком рае они мечтали. Таким для них было место, где они хотели жить вечно. Но мне кажется, ты можешь себе представить рай.

— Ага,— кивнул Теннисон.— Могу. Хорошее местечко для рыбалки, тропинки в лесу, горы, на которые приятно любоваться. Отличные недорогие рестораны, где у меня есть приятели-официанты, не просто обслуга, а именно приятели, ну, еще — друзья, с которыми интересно поболтать, хорошие книжки для чтения и раздумий и ты...

— Вот так ты себе представляешь рай?

— Да нет, конечно, это я так, пошутил. Дай время, я еще что-нибудь к этому прибавлю.

— Да ну тебя! — возмутилась Джилл.— И так голова кругом идет. Я совершенно запуталась. Ватикан, математический мир, Шептун — с ума сойти можно. Я уже порой склонна поверить, но бывают мгновения, когда я жутко злюсь на себя за это. Его святейшество говорил о чувстве реальности. Вот я живу здесь и знаю, что это реально, а иногда брожу одна, думаю об этом, и чувство реальности покидает меня, и я говорю себе, что это невозможно. Что об этом можно только мечтать. И ты, Джейсон, здесь, со мной. И это тоже из области невозможного...

Джейсон обнял ее, и она крепко прижалась к нему. Пламя танцевало в камине, вокруг было тихо, и казалось, весь мир тих и спокоен — за себя и за них двоих.

— Джейсон, я так счастлива...

— И я, Джилл. Давай так посидим еще.

— Ты бежал с Гастры и попал сюда. И я бежала. Не от кого-нибудь, не откуда-нибудь, даже не от себя самой. Просто бежала. Всю жизнь только и делала, что бежала...

— Ну вот... Теперь больше не бежишь...— говорил он, гладя ее по голове.

— Нет, не бегу. Ты рассказывал его святейшеству о монастырях на Древней Земле. Здесь наш монастырь — любимая работа, укрытие от суетного мира, счастье и покой в душе. Только... может быть, мне здесь не место?

— Это почему же?

— Ну... в древних монастырях женщин ведь не было?

— Вообще-то не было. Но время от времени монахам удавалось соблазнить кого-нибудь...

Пламя камина выхватило из темноты светящееся облачко пыли.

Теннисон резко выпрямился.

— Джилл,— сказал он.— Шептун здесь.

— Декер...— пробормотал Шептун.— Декер, Декер, Декер...— повторял он.— А я только сейчас узнал. Я там бегал, играл, а его...

— Иди ко мне, малыш,— позвала Шептуна Джилл.— Иди ко мне скорее. Я поплачу, погорюю вместе с тобой.

— Иди к нам,— сказал Теннисон.

И он пришел к ним, и они разделили его скорбь и утрату.

Глава 48

Енох, кардинал Феодосий, в одиночестве бродил по саду за клиникой. В саду, кроме него, не было ни души — даже садовника Джона. Да и что ему было делать в саду ночью? На черном бархате небес мерцали редкие звезды. Их было не более десятка, и они были так далеко одна от другой. Струился бледный свет дальних галактик. Над восточным краем горизонта тускло горела полоса Млечного Пути, родной Галактики. Над ним светились неяркие пятнышки шаровидных туманностей.

Шаги кардинала гулко отдавались в тишине. Он шел, сцепив руки за спиной, низко склонив в раздумье металлическую голову.

«Мы можем заблуждаться,— думал он.— Если мы так ошиблись с глухоманами, значит, и от других ошибок не застрахо-

ваны. Ничто на свете не должно быть таким, каким мы его себе представляем.

Многие годы мы считали глухоманов кровожадными хищниками. Мы думали, что они — беспощадные лесные убийцы, что встреча с ними означает смерть. А они всего-навсего ревниво охраняли свои леса, свой мир, следили за нами... А один из них принес домой мертвого Декера и мертвого Губерта, принес их к нам и бережно положил на мостовую перед базиликой, чтобы они покоились в мире. И сказал, что они, глухоманы,— хранители и что они против бессмысленных убийств, и призвал нас не совершать убийств в будущем...»

«Хранители? — спросил себя Феодосий.— Они — хранители этого мира?» И сам себе ответил, что так оно и есть.

«Они смотрели, чем мы занимаемся, все эти годы и не вмешивались в наши дела. Вероятно, они не вмешивались потому, что мы ухитрялись не нарушать законов добрососедства.

А они следили за нами и даже выучили наш язык. Они знали, как с нами разговаривать, но до сих пор никогда не говорили — видимо, потому, что в этом не было необходимости. Наверное, между собой они говорят совсем по-другому — глухоман разговаривал с нами с видимым усилием. Но он старался говорить по-нашему, потому что знал — его языка мы не поймем.

Мы прожили здесь, на Харизме, целую тысячу лет благодаря их долготерпению и гостеприимству. Они позволили нам жить своей жизнью, заниматься своим делом и не делали нам ничего дурного... вот только убили троих людей, и это укрепило нас во мнении, что они — злобные хищники. Но тех людей глухоманы убили только потому, что люди намеревались убить их самих. В этом смысле их действия вполне понятны и оправданны. И люди, и роботы поступили бы точно так же — они убили бы того, кто пришел бы к ним с недобрыми намерениями.

А ведь я слыхал, что с глухоманами можно разговаривать! — мысленно сокрушался Феодосий.— Но думал, что это все из области фантазий. Вряд ли, конечно, кто-то на самом деле раньше говорил с ними, но вот прямое доказательство того, что в каждом вымысле есть доля правды...

Сколько времени потрачено зря,— думал он с горечью,— как постыдно много! Все эти годы, столетия глухоманы были рядом — не враги, а, наоборот,— потенциальные товарищи, соратники, народ, с которым стоило сойтись, познакомиться, и это знакомство могло бы повлиять на нашу жизнь, а может, и на их жизнь тоже. Бесспорно, поселившись на чужой планете, всякий призван познакомиться с ее хранителями. Ведь планет, на которых есть такие хранители, очень мало — может быть, Харизма — единственная в своем роде. Если бы мы знали об этой ее уникальности, все могло бы сложиться иначе...

Глухоман принес домой Декера и Губерта... Но почему Губерт решился на такое? Почему он убил Декера? Теннисон, похоже, не сомневается, что виновником происшедшего был именно Губерт. Возможно, Губерт действовал от имени богословов...»

Феодосию не хотелось, очень не хотелось в это верить.

«Да,— думал он,— я легко поверил, что богословы замешаны в краже кристаллов с записями о рае, но кража и убийство... Как мог робот убить человека? Декера или кого-то другого? Ну, один робот, безумец, это еще как-то можно понять, но если Губерт действовал на стороне богословов, за этим стояли и другие роботы. Значит, их много...» — Мысль об этом мучила Феодосия, в нем боролись гнев и страх.

Теннисон сказал ему — быстро, на ходу,— что Декер мог быть убит потому, что располагал какой-то информацией о рае. Но Теннисон на Харизме был новичком, и как бы он кардиналу ни нравился, тот внутренне сопротивлялся тому, что Теннисон мог верно оценить происходящее здесь. Однако Теннисон был другом Декера, может быть его единственным другом. Декер мог сказать Теннисону, что знает про рай, но какая вера словам Декера? Сам он был человеком ниоткуда. То, что он не прибыл на борту «Странника», Ватикан выяснил давным-давно. Но если не на «Страннике», то как он мог попасть сюда? Сам он об этом помалкивал и ни с кем дружбы не водил, пока не появился Теннисон. Вообще ни с кем о себе не разговаривал.

«Странный он был человек, непонятный,— думал кардинал.— Но ведь ошиблись мы с глухоманами, значит, могли

ошибаться и насчет Декера. Господи, сколько еще могло быть у нас ошибок?

Мы прибыли сюда давно, чтобы здесь обрести то, о чем до сих пор взахлеб толкуют богословы,— самую полную, самую истинную веру. Сколько лет прошло, а теперь нужно все начинать сначала. Положа руку на сердце — далеко ли мы продвинулись по пути своих изначальных стремлений? Не движет ли нами, хотя мы не признаемся в этом открыто, материалистическая этика тех людей, что создали нас по своему образу и подобию не только телесно, но и духовно и, создав, немилосердно нас эксплуатировали? Немилосердно? Да, но все-таки они были добрые. В глубине души они считали нас своими собратьями. Они смотрели на нас и видели себя, а мы точно так же смотрели на них. Нет, конечно, мы и они — одна раса. Если бы они нас спросили, чем мы здесь занимаемся, мы бы с радостью поделились с ними всем, что имеем, чего достигли. Да, мы всеми силами стараемся скрыть нашу деятельность от Галактики, но ни в коем случае не от людей, населяющих ее. От других в Галактике — да, но не от людей. Мы бы отдали им все, что у нас есть, а они поделились бы с нами тем, что есть у них, разбросанных, далеких друг от друга. Влияние людского материализма — это ведь не так плохо на самом деле. Ведь если бы люди были лишены материалистических устремлений, они бы не старались так упорно все время улучшать свою жизнь и сейчас были бы не более чем одним из видов млекопитающих и населяли бы родную планету наравне с животными. И тогда не было бы ни роботов, ни Ватикана.

Если это так,— думал Феодосий,— то в нашем материализме не так много греха, как твердят наши богословы. Если бы люди, наши собратья, не стремились возвысить свое положение в мире, они бы никогда не достигли таких высот разума, духа и не создали бы ту великую религию, которой мы до сих пор восторгаемся. Они бы до сих пор блуждали впотьмах, в дебрях языческих культов, ковырялись бы в глине и палочках, лепили бы божков и просили бы у них защиты от страха, темноты и злых духов, дрожа от ужаса в углах пещер...

Люди, наши собратья, шли длинной дорогой, падали и спотыкались, и дорога их была длиной в три миллиона лет,

и мы повторяем их путь сомнений и поисков здесь всего лишь тысячу лет. Если здесь мы споткнемся и упадем на распутье, совершим величайшую ошибку, то будем не хуже и не ниже их, и так же как они много раз исправляли допущенные ошибки, мы сумеем исправить свою...

Главное, чтобы Ватикан сохранился, выжил. Тогда даже если споткнемся и упадем, мы сможем встать и идти дальше к своей цели.

Многим не нравится,— думал Феодосий,— что мы имеем обыкновение заглядывать в будущее, но ведь для нас столетие — всего секунда, не больше...»

Он остановился на посыпанной гравием дорожке, поднял голову и устремил взор на восток, где далеко и величественно сиял Млечный Путь. Кардинал смотрел на родину человечества, на свою родину.

Там, на востоке, где-то посреди остроконечных холмов, выше того места, где стояла хижина Декера, как ему говорили, иногда появлялся один из глухоманов. Может быть, он наблюдал за Декером.

«Но зачем глухоману понадобилось наблюдать за Декером? — подумал кардинал и не нашел ответа.— Пожалуй,— решил он наконец,— следует отдать дань вежливости и сделать ответный визит. Да, нужно будет сходить и поговорить с этим глухоманом».

Глава 49

— И все это время,— спросила Джилл у Шептуна,— ты был в математическом мире?

— Да. Я остался там и разговаривал с ними.

— А ты умеешь с ними разговаривать? Когда я была там, мне показалось...

— Умею. Теперь умею,— ответил Шептун.

— И можешь сказать нам, кто они такие?

— Они — старички-философы.

— Ничего удивительного,— вступил в разговор Теннисон.— Насколько я помню, все философы на Земле были почтенного возраста. Они говорили медленно, тщательно взвешивая каж-

дое слово, сознавали собственную мудрость и не позволяли другим забывать о ней.

— Они — философы, вышедшие из употребления,— уточнил Шептун.

— Как это — «вышедшие из употребления»?

— Они уже слишком старые, чтобы приносить какую-то пользу. Они никому не нужны. Наверное, они очень отстали от времени. Если бы они были людьми, у них, наверное, выросли бы длинные-предлинные бороды и они бы сидели, прикрыв глаза, и бормотали что-то в эти длинные бороды... Они отделены от своих более молодых собратьев и живут на ограниченном пространстве. А время проводят в играх.

— В «крестики-нолики»? Или в шашки?

— Нет, не в такие игры. Они ставят вопросы и решают их. Порой на это у них уходит много времени, потому что вопросы непростые.

— Ставят вопросы? Перед ними стоят вопросы? Но ведь ты сказал, что они уже никуда не годятся и никому не нужны!

— Я сказал, что они сами себе ставят вопросы. Те проблемы, которые они решают,— гипотетические проблемы. Такие, на решение которых никто другой не стал бы тратить время. Может быть, это этические проблемы, а может быть — моральные, а может, еще какие-то. Они пытались объяснить мне, но...

— Значит, все эти графики и уравнения — действительно задачи? — спросил Теннисон.— Не просто старческая болтовня?

— Настоящие задачи,— подтвердил Шептун.— Они могут и просто говорить, но чаще всего решают задачи. Большой нужды разговаривать между собой попусту у них нет. Они слишком хорошо друг дружку знают.

— Значит, они пенсионеры, так, что ли? В отставке. Ты понимаешь, что значит «в отставке»?

— Не уверен.

— Ну, видишь ли... когда человек проработал большую часть отпущенного ему на жизнь времени, он уходит в отставку, на пенсию. Он не должен больше работать. Все время у него свободно. И он может заниматься чем захочет.

— Похоже, это так,— сказал Шептун.

— Значит, мы угодили в дом престарелых! — воскликнула Джилл.— Кучка старичков, которым некуда девать свободное время! Вот это да!

— Нет, не так,— возразил Шептун.— Они думают, что у них все еще есть работа. И потому так упорно трудятся. Но их очень огорчает, что те задачи, которые они решают, не насущны, не злободневны — что это не настоящая работа. Они очень хотят настоящей работы, но им не разрешают.

— А остальные где? Те, кто не на пенсии?

— Где-то. Близко или далеко — не могу сказать. Они делают настоящую работу.

— Ну а наши знакомые, пенсионеры? Они-то способны хоть на что-нибудь?

— Они отправили меня,— сказал Шептун,— не знаю куда. Не в какое-то определенное место. Я не понял, где я был. Но я катался по магнитному потоку, и танцевал с ионами, и грелся в лучах красного карлика...

— Что, по-настоящему отправили? — спросил Теннисон.— Не просто показали тебе все это? Переместили атомы?

— Да. Переместили мои атомы,— подтвердил Шептун.

— А зачем? — поинтересовалась Джилл.

— Потому что они поняли, что я этого хочу. Они угадали мои желания. А может быть, они хотели показать мне, что они умеют. Но я так не думаю. По-моему, то, что они для меня сделали,— для них сущие пустяки. Просто они проявили доброту, милосердие, узнав, чего я хочу. А я говорил с ними про рай.

— Про рай?!

— Ну да. Вы же хотите попасть в рай? Я не ошибаюсь?

— Нет, ты не ошибаешься,— ответил Теннисон.— Не ошибаешься. Но нет координат, нет никаких данных...

— Вам нужно поговорить со мной про этот рай, чтобы я мог прочитать все в вашем сознании. Расскажите мне все-все, что вы знаете про это место — рай.

— А потом?

— А потом я еще раз поговорю с ними. Скажу, что вы очень хотите туда попасть. И что вы этого достойны. А они постараются, я знаю. Для них это будет настоящая работа, о которой они мечтают. Ох, как они будут рады! У них сразу

засверкают уравнения, замелькают графики, и они начнут вспоминать все, что они знают...

— Но послушай, даже если они найдут рай, определят, где это находится, смогут ли они нас отправить, перенести туда?

— Меня же отправили,— сказал Шептун.— И не только туда!

Глава 50

Мэри умерла утром. Мертвая, она казалась еще более истощенной, чем живая. Теннисон глядел на тело, укрытое простыней, и видел только складку на белой ткани. Когда у него умирал пациент, он чувствовал себя виноватым в том, что случилось. Так было и на этот раз. Он думал, что, наверное, мог бы лучше выполнить свой долг, был недоволен собой.

«Неудача, провал,— твердил он, глядя на жалкие, бестелесные останки Мэри.— Но ведь поначалу мне повезло, мне удалось ее вытащить. Тут не я виноват, а этот черный человек, что указал на нее пальцем и смертельно унизил на золотой лестнице рая. После этого случая она больше не хотела жить, не боролась за жизнь, и смерть ответила на ее выбор и холодно, спокойно вошла в нее».

— Мне очень жаль, доктор,— прошептала сестра, тронув его за локоть.

«Она все понимает»,— подумал Теннисон.

— Мне тоже,— кивнул он и добавил: — Я восхищался ею.

— Вы ничего не смогли бы поделать. Никто ничего не мог бы поделать, доктор.

Она повернулась и ушла. Теннисон еще немного постоял у постели умершей и последовал за сестрой.

Выйдя в вестибюль, Теннисон увидел Экайера. Тот встал со стула для посетителей и застыл на месте в ожидании.

— Все кончено,— сказал Теннисон.

Экайер сделал несколько шагов ему навстречу, и они остановились, глядя друг другу в глаза.

— Она была самая лучшая...— проговорил наконец Экайер.— Самая лучшая из всех Слушателей... Джейсон, там, на улице, собрался народ. Нужно пойти сказать им. Я пойду.

— Я с тобой,— кивнул Теннисон.

— Вот ведь как получается в жизни,— вздохнул Экайер.— Мэри была не просто прекрасной Слушательницей. Это было делом всей ее жизни. И именно она, Мэри, провозгласила конец этого дела.

— Ты что, уже что-нибудь слышал определенное? Тебе прямо сказали?

— А разве обязательно, чтобы сказали прямо? Все могут тихо и постепенно спустить на тормозах. Будут отдавать новые распоряжения, потом ненавязчиво вмешаются в сам процесс работы и потихоньку все прикроют. И в один прекрасный день, даже не понимая, как это вышло, мы узнаем, что нашей работе конец.

— Что же ты будешь делать, Пол?

— Я? Останусь здесь. Деваться мне некуда. Обо мне позаботятся. Ватикан за этим присмотрит, будь уверен. Уж мне-то они, по крайней мере, должны. Позаботятся и о Слушателях. Здесь мы проживем остаток дней своих, а когда уйдет последний из них, все будет кончено навек.

— А я на твоем месте не стал бы так сразу все хоронить,— возразил Теннисон.

На мгновение он задумался, не рассказать ли Экайеру о том, о чем ему и Джилл рассказывал Шептун. Ему так хотелось подарить Экайеру хоть капельку надежды!

— Что-нибудь знаешь? — спросил Экайер.

— Да нет, пожалуй, ничего.

«Не стоит пока ему говорить,— решил Теннисон.— Надежда маленькая, можно сказать — почти никакой. В то, что предложил Шептун, верится с трудом. Невозможно это, нереально,— твердил про себя Теннисон, шагая по коридору рядом с Экайером.— Вряд ли обитатели математического мира сумеют разыскать то место, которое Мэри называла раем. Рая могло не быть вовсе. И он мог оказаться где угодно. В другой галактике. В другой вселенной. А может быть, и не так далеко? Декер говорил, что, наверное, знает, где это. Значит, есть вероятность, что он побывал там или неподалеку. Но это не свидетельство. Ведь Декер точно ничего не сказал и теперь уж никогда не скажет».

Экайер распахнул дверь на улицу и ждал Теннисона на пороге. Маленькая площадка перед калиткой была полна наро-

ду. Когда Теннисон шел в клинику, людей было совсем немного, а сейчас... Но все молчали. Не было слышно ни шепотка, ни вздоха.

Экайер сделал шаг вперед. Все взгляды устремились на него.

«Ведь все знают, что сейчас скажет Экайер,— подумал Теннисон.— Знают, но ждут слов Экайера о том, что Мэри обрела покой, будут терпеливо ждать этих слов, означающих, что теперь у них есть святая».

Экайер заговорил тихо, не повышая голоса.

— Мэри обрела покой,— сказал он.— Она отошла в мир иной всего несколько мгновений назад. Она умерла спокойно, с улыбкой на устах. Спасти ее было невозможно.

Раздался дружный вздох толпы. «Вздох облегчения?» — подумал Теннисон. Ожиданию пришел конец.

А потом чей-то гулкий, звенящий голос — скорее робота, чем человека — начал читать поминальную молитву, к нему стали присоединяться другие, и вскоре пение могучего хора разнеслось по всему Ватикану. Кто стоял, кто упал на колени; через несколько мгновений мерно и громко загудели большие колокола базилики.

Экайер повернулся к Теннисону.

— Ты, наверное, хочешь помолиться вместе со всеми? — спросил Теннисон.— Не обращай на меня, безбожника, внимания.

— Да нет...— покачал головой Экайер и заговорил совсем о другом: — Знаешь, если бы Мэри могла это увидеть, она была бы счастлива. Ведь она верила по-настоящему. Всегда ходила на мессу, часами простаивала на коленях, вознося молитвы Господу. Не для виду, не напоказ. Вера была ее жизнью.

«Наверное, именно поэтому она и нашла рай»,— подумал Теннисон, но вслух ничего не сказал.

Они шли рядом и молчали. Потом Экайер спросил:

— Какое у тебя настроение, Джейсон?

— Грустно,— ответил Теннисон.

— Ты не виноват. И не должен чувствовать себя виновным.

— Нет, виноват,— покачал головой Теннисон.— Врач всегда чувствует себя виноватым. Это врожденное качество, та

цена, которую приходится платить за то, что стал врачом. Но это пройдет.

— У меня куча дел. Обойдешься без меня?

— Пойду прогуляюсь,— сказал Теннисон.— Думаю, прогулка будет мне на пользу.

«Точно, нужно прогуляться»,— решил он. Джилл ушла в библиотеку, сказала, что надеется за работой отвлечься от мрачных мыслей. Вернуться к себе? Без Джилл там скучно и тоскливо. Оставалось одно — пойти прогуляться.

Он вышел из Ватикана и побрел, сам не зная куда. Облегчения он не чувствовал. Звон колоколов усиливал раздражение и душевное беспокойство.

Минут через пятнадцать он обнаружил, что поднимается по холму к хижине Декера. Он резко остановился, повернулся и пошел обратно. Нет, к хижине он идти не мог, просто не мог. Должно пройти время, прежде чем он снова сможет туда пойти.

Он свернул на боковую тропинку. Она вела к пригорку, откуда он часто любовался горами. Он шел, а вслед ему звонили колокола.

Дойдя до любимого пригорка, он уселся на невысокий валун и стал смотреть на горы. Солнце стояло высоко и ярко высвечивало бледно-голубые предгорья, по которым взбирались вверх темно-зеленые языки лесов. Заснеженные пики сияли, как сахарные головы.

«Как все меняется,— думал Теннисон.— Через час все будет по-другому, не так, как сейчас. Горы меняются ежеминутно, и в нашем понятии они вечны. Но когда-нибудь их тут не станет. Пройдут тысячелетия, и они сровняются с долинами, и все живое, что сейчас прячется в лесах и скалах, сойдет в долины и навсегда забудет, что тут некогда были горы... Ничто не остается неизменным. Ничто не вечно.

А мы стремимся к знаниям. Обливаясь потом, задыхаясь, карабкаемся вверх по их крутым склонам. Мучительно ищем ответа, ожидая, что он окажется окончательным, а когда находим ответ, то вместе с ним возникает и новый вопрос, и так без конца. И все-таки мы не оставляем попыток — мы не можем иначе. Это наш крест».

Теннисон вытянул перед собой руки. Он смотрел на них по-другому, не так, как прежде, как будто раньше никогда не

видел. Одно-единственное легкое касание этих пальцев, одно-единственное любовное прикосновение — и опухоль исчезла с лица Джилл.

«Теперь в этом нет сомнений,— думал он.— Огромное мерзкое пятно было на ее щеке, а я прикоснулся — и оно исчезло. Что же это такое? Спонтанная ремиссия? Нет, не может быть, так спонтанная ремиссия не происходит. На спонтанную ремиссию уходит какое-то время, а тут опухоль исчезла моментально».

Они говорили о происшедшем между собой, и сами не верили в то, что говорили. «Это подействовала сила,— говорила Джилл,— которой тебя наделили обитатели математического мира. Это дар одного мира другому миру».

Теннисон разглядывал руки, поворачивал их так и сяк. Руки как руки, такие же, как всегда. Он заглянул внутрь себя, но и там никаких изменений не обнаружил. Все как обычно.

«А может быть,— думал он,— в людях дремлют многие скрытые способности, эволюционные по природе,— спят и ждут своего часа. Вся история человечества пестрит сказками о чудесах типа исцеления наложением рук. Многие клялись и божились, что такое происходило, но нигде не было тому документальных подтверждений.

А тут еще Шептун... Шептун тут давно, но до появления на Харизме Декера никто не мог его увидеть. Декер не только видел Шептуна, но и разговаривал с ним. Но в сознание к Декеру Шептун войти не мог. А ко мне и Джилл вошел. Какая разница была между нами и Декером? Может быть, и это — признаки скрытых талантов, которые сейчас у людей только в зародыше и развиты в неравной степени? Вероятно, можно быть носителем какой-то способности, даже не подозревая о ее существовании».

Но все-таки случай с Джилл под такие объяснения никак не подходил. Десятки раз он проводил рукой по изуродованной щеке любимой, но только когда он возвратился из математического мира, противное пятно исчезло. Следовательно, способность творить чудеса была не врожденной. И обрести ее он мог только там.

Он снова взглянул на руки. Самые обычные руки, которыми он пользовался всю жизнь.

Теннисон встал с камня и сунул руки в карманы, чтобы больше не смотреть на них. Колокола базилики все еще звонили. Можно было погулять еще, но не хотелось.

«Пойду-ка домой,— решил он.— Джилл еще не вернулась, без нее будет скучно, но, пожалуй, можно будет найти чем заняться. Может быть, попробовать приготовить к обеду что-нибудь экзотическое? Ох, вряд ли получится что-то съедобное. Конечно, хорошо бы порадовать Джилл, да ведь она не станет есть мою стряпню. Тоже мне, сюрприз получится... И Губерта нет...»

Тропинка круто повернула, и Теннисон застыл на месте. Навстречу ему по пригорку взбиралась знакомая фигура. На том, кто шел вверх по пригорку, была лиловая мантия с подоткнутыми полами, чтобы не испачкать. Это был кардинал Феодосий. Красная митра, украшенная бриллиантами, красовалась на его металлической голове.

— Преосвященный! — воскликнул Теннисон.— Вот уж не думал не гадал вас встретить. Не знал, что вы любитель прогулок.

— Я-то нет,— сказал Феодосий, поравнявшись с Теннисоном,— а вот вы, я слышал, ходок.

— Да, я люблю побродить. Давайте как-нибудь выберем время и погуляем вместе. Мне было бы приятно. Тут столько красивого. Думаю, вам бы тоже понравилось.

— О какой красоте вы говорите, доктор Теннисон? О красоте природы?

— Конечно. Мы забрались бы с вами повыше в горы. Там такие прекрасные цветы растут вдоль тропинок...

— Красота — в глазах смотрящего,— сказал кардинал.— В данном случае — в ваших глазах, но не в моих. Когда вы, люди, создали нас, роботов, вы не дали нам многого, в том числе и того, что вы называете восприятием красоты. Для меня существует другая красота. Красота логических построений, величие абстракций, о которых можно размышлять часами.

— Очень жаль. Вы действительно многого лишены, раз у вас нет чувства красоты.

— Но и вам, наверное, недостает многого из того, чем мы богаты, не правда ли?

— Прошу прощения, ваше преосвященство, у меня и в мыслях не было вас обидеть.

— Не волнуйтесь,— сказал кардинал.— Я вовсе не обиделся. Мне сейчас так хорошо, что я просто не в состоянии обижаться. Эта прогулка — настоящее приключение для меня. Не припомню, чтобы я когда-нибудь забирался так далеко от Ватикана. Но дело в том, что я не просто гуляю. Я ищу глухомана.

— Глухомана? — переспросил Теннисон.— Зачем, ваше преосвященство?

— Затем что глухоманы — наши добрые соседи, а мы так долго игнорировали их и неверно о них думали. Надеюсь разыскать того, что живет в горах, за хижиной Декера. Вы о нем ничего не знаете?

— Декер мне ничего не говорил,— ответил Теннисон.— А вы уверены, что найдете его там?

— Не знаю,— ответил кардинал.— Так говорят. Говорят, что много лет один глухоман жил неподалеку от хижины Декера и оттуда наблюдал за нами.

— Если глухоманы наблюдали за вами целую тысячу лет, они должны кое-что знать о вас,— проговорил Теннисон.

— Гораздо больше,— вздохнул кардинал,— чем нам казалось. Прошу простить, но мне нужно идти. Наверное, глухомана будет непросто разыскать. А вы, доктор, загляните ко мне как-нибудь на днях, потолкуем.

— Благодарю,— сказал Теннисон, слегка поклонившись.— Не премину воспользоваться вашим приглашением.

Он немного постоял на тропинке, глядя вслед кардиналу. Когда тот исчез за невысоким холмом, Теннисон повернулся и пошел по тропинке вниз к Ватикану.

Подойдя к своей двери, он привычно протянул руку к дверной ручке, но тут же резко отдернул, вспомнив, что дома никого нет. Там его ждали только пустота и тишина. Наконец он решился, повернул ручку, распахнул дверь настежь и вошел в гостиную.

Ни пустоты, ни тишины не было и в помине! В камине ярко пылал огонь. Джилл вскочила с кушетки и бросилась ему навстречу. Он обнял ее, крепко прижал к себе.

— Как я рад, что ты здесь,— прошептал он, целуя ее.— А я так боялся, что тебя нет!

Джилл мягко высвободилась из его объятий.

— Я не одна,— сообщила она.— Шептун вернулся.

— Не вижу,— удивленно сказал Теннисон, оглядев комнату.

— А он у меня в сознании,— сказала Джилл.— И к тебе тоже просится. Он пришел, чтобы взять нас в математический мир.

— Рай?!

— Да, Джейсон. Обитатели математического мира нашли дорогу в рай. Они могут отправить нас туда.

Глава 51

Ближе к вечеру Феодосий отыскал глухомана.

Он подошел к нему и остановился, ожидая, когда глухоман его заметит. Но Старик никак не показывал, что замечает его. Тогда Феодосий заговорил:

— Я пришел навестить вас.

Глухоман начал вибрировать, раздался гул, как после удара в громадный барабан. Наконец эти звуки начали складываться в слова.

— Добро пожаловать. Мне кажется, я узнаю тебя. Ты стоял на лестнице, когда я принес Декера домой?

— Да, это был я. Я — Енох, кардинал Феодосий.

— А-а-а... Так ты и есть тот самый кардинал. Слышал о тебе, слышал. Скажи мне, а то органическое существо, что стояло рядом с тобой, это, случайно, не доктор Теннисон?

— Да, это Теннисон. Он был другом Декера.

— Я это понял,— сказал глухоман.

— Вы говорите, что слышали обо мне. Вы знаете многих из нас. Мы вам знакомы?

— Я ни с кем не знаком,— ответил Старик.— Я наблюдаю. Только наблюдаю.

Поначалу глухоман произносил слова с напряжением, но постепенно речь его стала более плавной и непринужденной.

— Пожалуй, мы были для вас не такими уж добрыми соседями,— сказал кардинал,— и я хочу попросить у вас прощения за это. Я должен был явиться к вам с визитом много столетий назад.

— Вы нас боялись,— сказал глухоман.— Вы нас очень боялись, и мы ничего не делали, чтобы унять ваш страх. Однако

боялись вы напрасно, ведь мы вам ничего дурного не делали. Но до ваших страхов нам особого дела нет. Нас беспокоит наша планета, а вы — всего-навсего временное явление на ее поверхности. Поэтому вы нас волнуете только своим поведением на планете.

— Смею надеяться, что к планете мы относимся достаточно бережно,— сказал кардинал.

— Да, это правда. И за это мы вам очень благодарны. И пожалуй, вы заслуживаете большего, чем просто благодарность. Вы заслуживаете, чтобы вам была оказана помощь. Тебе, кардинал, знаком пыльник?

— Пыльник? — удивленно переспросил кардинал.

— Декер называл его Шептуном. Может быть, он знаком тебе под этим именем?

— Никогда не слыхал о таком,— покачал головой кардинал.

— Когда-то их было много на этой планете. А потом они все улетели. Но одного оставили. Совсем маленького, детеныша.

— Этот детеныш и есть Шептун? Пыльник Декера?

— Верно. Он остался тут совсем один, такой маленький. Но он подает большие надежды. Мы гордимся им.

— Хотелось бы познакомиться с ним,— сказал кардинал.— Странно, но я о нем даже не слышал.

— Сейчас ты не сможешь с ним познакомиться. Он ушел. Ушел вместе с Джилл и Теннисоном. Они все вместе отправились на поиски рая.

— Рая?! — выдохнул Феодосий.— Вы сказали «рай»? Я не ослышался?

— Ты слышал об этом рае? Он что-то значит для тебя?

— Не только для меня. Для всех нас. Очень много значит. Не могли бы вы сказать мне, что это такое?

— Я ничего не могу сказать тебе, кроме того, что эти трое отправились туда. В путешествии им помогают другие существа, кубоиды из мира, который отыскали Слушатели очень давно.

— Просто поразительно, как много вам известно о нас и нашей работе!

— Мы храним планету,— объяснил глухоман.— И нам представлялось разумным иметь хотя бы приблизительное представление о том, что здесь делается.

— Значит, рай? — спросил Феодосий не то себя, не то глухомана.

— Правильно, рай,— подтвердил глухоман.

Он умолк, гудение прекратилось. Кардинал понял, что оставаться смысла не имеет. Он резко повернулся и пошел вниз с холма, цепляясь мантией за колючие кусты. На ветках оставались клочки лилового шелка.

У подножия холма он набрел на крошечное озерцо, окруженное большими плоскими камнями. Наверное, они падали сюда с гор много, много лет подряд. Маленькое сверкающее водяное зеркальце в оправе из камней.

Кардинал упал на колени у воды, молитвенно сложил руки, опустил голову на грудь.

— Всемогущий Господь,— взмолился он.— Пусть все будет хорошо. Молю тебя, заклинаю, пусть все будет хорошо!

Глава 52

Казалось, ничего не изменилось в математическом мире. Горохово-зеленый ковер поверхности убегал к далекому горизонту, где встречался с краем купола бледно-сиреневых небес. Кубоиды как будто стояли на обычных местах.

Но все-таки для Теннисона не все было как в прошлый раз. И дело было не в том, что он или кубоиды стояли по-другому, не на тех местах. Дело было в нем самом. Он был одновременно самим собой и кем-то другим или другими.

Первый раз, попав в математический мир вместе с Шептуном, он ощущал его присутствие очень слабо, вернее, большую часть времени вовсе не ощущал. То ли был слишком напуган, чтобы думать о Шептуне, то ли слишком увлечен тем, что видел вокруг. Теперь он совершенно четко знал, что Шептун здесь: ощущал его нежное, мягкое, какое-то пушистое прикосновение. Или это был не Шептун, а кто-то другой, более родной и близкий?

— Джейсон,— проговорила в его сознании Джилл, ставшая его частью. Это было просто потрясающе: они соединились, их тела и сознания слились воедино! — Джейсон, я здесь.

Что-то похожее он испытал прошлой ночью, когда они соединили свои сознания, чтобы впустить Шептуна и излить

друг другу свою скорбь, свое горе, и погрузились в печальные воспоминания о Декере. Но тогда их соединение не чувствовалось так остро, так отчетливо, как сейчас. А теперь он и Джилл были едины, ближе друг другу, чем когда-либо, ближе даже, чем тогда, когда их тела соединялись в любви и нежности.

— Я люблю тебя, Джейсон,— сказала Джилл.— Хотя, наверное, можно было бы и не говорить об этом. Ты знаешь, как я люблю тебя.

Она была права. В словах не было нужды. Она были вместе и прекрасно знали, что думает и чувствует другой.

Пять кубоидов стояли к ним ближе остальных. Остальные выстроились полукругом поодаль.

— Они будут нашими проводниками,— объяснил Шептун.

Один из пятерых оказался старым знакомцем Теннисона — темно-лиловым, с ярко-оранжевыми уравнениями и графиками. Кроме него в компании находился ярко-розовый кубоид с зелеными значками и еще один знакомый — серый в золотистых крапинках с уравнениями и графиками лимонно-желтого цвета.

— А вот и мой приятель,— сказала Джилл, глядя на розово-красный кубоид с лиловыми уравнениями и ядовито-желтыми графиками.

Последний из кубоидов был бледно-зеленый, а уравнения и графики на нем были золотисто-коричневые.

— Они точно знают, куда нам нужно? — спросил Теннисон у Шептуна.— Ты уверен, что они знают, где рай?

— Это место известно им под другим названием. В далеком секторе Галактики существует одно очень знаменитое место. Нам оно неизвестно, но очень-очень знаменитое.

— Это знаменитое место и есть рай?

— Они в этом совершенно уверены,— сказал Шептун.— Там белые башни и шум, который вы зовете музыкой, и широкая золотая лестница, ведущая к башням.

Джилл и Теннисон сделали несколько шагов к кубоидам, те зашевелились и встали по-другому. Когда наши герои подошли к ним совсем близко, двое из кубоидов стояли рядом, а остальные чуть-чуть поодаль.

Розово-красный кубоид повернулся к Джилл и Теннисону, стер с передней поверхности уравнение и стал медленно выписывать новое — очень старательно, так, чтобы успел про-

честь даже тот, кто совсем не был знаком с таким способом коммуникации.

— Мы приветствуем вас,— сказал кубоид.— Готовы ли вы отправиться в путь?

— Шептун,— пробормотал Теннисон.— Шептун!

Ответа не последовало, да и не нужно было никакого ответа. Совершенно ясно, что уравнение прочитал Шептун, а Шептун находился внутри сознания их обоих, поэтому они оба и поняли смысл!

— Вам нечего бояться и делать ничего не придется,— сказал кубоид, медленно рисуя значки на передней поверхности.— Вам нужно просто стоять где стоите. И ничего не делать. Это понятно?

— Понятно,— ответил Шептун, и, когда он произнес это слово, ответ его запечатлелся в виде простого и короткого уравнения на опустевшей передней поверхности розово-красного кубоида.

«Наверное,— подумала Джилл,— это для того, чтобы остальные кубоиды могли понять ответ Шептуна».

«Господи, ну и влипли же мы... Как это все нелепо...» — подумал Теннисон и почувствовал, как на него одновременно заворчали и зашикали Джилл и Шептун, упрекая за цинизм и недоверие.

На поверхности розово-красного кубоида начало появляться новое уравнение, но Теннисон успел понять только первые слова перевода Шептуна, как вдруг они оказались... в раю.

...Они стояли на просторной площади, а вокруг возвышались башни. Торжественная, величавая музыка водопадом струилась вниз с вершин башен, обнимала пришельцев, окутывала мягкой пеленой. Весь мир казался наполненным музыкой. Площадь была вымощена золотом, по крайней мере она была золотого цвета, а башни белые — ослепительно белые. Казалось, из них льется свет. Во всем было ощущение чистоты и святости, но... что-то было не так.

Теннисон покачал головой. Что-то не так, не то... Они стояли посреди площади, звучала дивная музыка, белые величественные башни высились до небес, но кругом не было ни души. Рядом с ними, выстроившись в рядок, стояли кубоиды, над ними порхал Шептун — маленький сверкающий ша-

рик из легких пылинок, но больше никого не было. Рай, судя по всему, был необитаем.

— Что-то не так,— сказала Джилл, отошла от Теннисона и медленно оглядела площадь.— Правда, что-то не так. Во-первых, тут никого нет.

— Во-вторых, тут нет ни одной двери,— добавил Теннисон.— По крайней мере таких дверей, к каким мы привыкли, тут нет. Я вижу только дыры. Нечто вроде громадных мышиных нор, только уж больно они высоко. Футов восемь от земли.

— И окон тоже нет,— заметила Джилл.

По площади пробежал легкий ветерок, и Теннисон невольно поежился от его прикосновения.

Он заметил между башнями узкие проходы. Может быть, это улицы? Если это город, похоже, путешественники находились в самом его центре. Теннисон поднял голову, посмотрел на башни и обнаружил, что они еще выше, чем показалось сначала. Вершин, строго говоря, и видно не было — они терялись в заоблачной дали. Поначалу ему показалось, что строений тут много и каждое из более низких зданий служит опорой, фундаментом для отдельной башни, но теперь стало ясно, что здание всего одно и оно гигантским кольцом окружает площадь. Через равные промежутки по периметру возвышались башни. То, что он принял за узкие улочки между башнями, были, скорее всего, туннели в монолите здания. Материал, из которого были построены здание и башни, был безукоризненно белым — ни единого пятнышка, но на камень не похож. Скорее он напоминал лед, изготовленный из самой чистой на свете воды, и в нем не было ни пузырьков воздуха, ни щепочек, ни пылинок. «Не может быть, чтобы это был лед,— думал Теннисон.— Может, это и не камень, но уж конечно и не лед».

Музыка звучала не переставая. Она была неповторимо прекрасна. Такой музыки не в силах был создать талант человека.

— Не так тут пусто, как кажется,— вдруг сказал Шептун.— На самом деле тут жизнь бьет ключом.

И словно по команде появилась жизнь.

Из одного туннеля показалась огромная голова. Это была голова гигантского червя. Спереди она была плоская, и ее

украшал массивный костяной гребень. По обе стороны от гребня находились большие фасетчатые глаза, а за ними, повыше, торчали длинные тонкие выросты наподобие антенн. Червь высоко поднял голову. Теннисон, с трудом преодолевая страх и отвращение, машинально прикинул, что голова находится футах в шести от пола туннеля.

Червь постепенно выполз наружу: за страшной головой тянулось толстое, длинное тело. Когда добрая половина червя уже была снаружи, он приподнялся над землей и встал на тонкие суставчатые ножки — видимо, проползая по туннелю, он их подогнул. Чудище стало фута на два выше.

Но самое неприятное, что тварь, выползая, все более разворачивалась мордой к тем, кто стоял на площади. Теннисон и Джилл отступили на несколько шагов, а кубоиды не пошевелились — только графики и уравнения забегали на их поверхностях быстрее обычного.

Наконец червь выполз целиком и твердо встал на многочисленные ноги. Длиной он был добрых тридцать футов. Постояв немного, он повернулся и пополз за угол, в другой туннель. Казалось, его движение преследует некую цель. Похоже, он не обратил особого внимания на тех, кто стоял на площади.

Передние ноги червя вновь подогнулись, зацепились за край туннеля, и длинное тело постепенно начало втягиваться внутрь. Джилл и Теннисон, затаив дыхание, смотрели, как червь заползал в туннель.

Когда он исчез, Теннисон облегченно вздохнул.

— Давайте походим, посмотрим,— предложил он.— Поглядим, что тут есть.

Нашли они, однако, немного. Узкие улочки оказались действительно туннелями, проложенными через определенные промежутки в едином монолите нижнего здания. Но все они были закрыты. Внутри, примерно футах в тридцати от входа, находились двери голубого цвета. Теннисон и Джилл толкали изо всех сил, но ни одну открыть не удалось.

— Двери герметические,— сказал Теннисон,— я почти уверен. Нужно только толкнуть посильнее, и они должны открыться. Но у нас сил не хватит.

— Но червь же прополз через такую дверь,— возразила Джилл.

— Боюсь, он посильнее нас с тобой, вместе взятых. И потом, не исключено, что эти двери предназначены именно для червей. Только у них, наверное, и хватает силы открывать их.

— Мы можем быть почти уверены,— сказала Джилл,— что это место — не рай. Но нам нужно вещественное доказательство. Мы не можем просто так вернуться и объявить всем, что это не рай. Эх, была бы у меня камера!

— Нам нельзя было отягощать себя лишним весом,— сказал Шептун.— Мы же не знали, что обнаружим здесь. Мы неслись сюда со скоростью света.

— А что думают об этом местечке наши друзья-кубоиды?

— Они очень удивлены.

— Какое совпадение! — буркнула Джилл.

— Ты не огорчайся,— посоветовал ей Теннисон.— Все равно фотографии никого ни в чем не убедили бы. Сфотографировать можно где угодно. Кроме пачки фотоснимков нужно что-то еще.

Они обошли площадь по кругу, но больше ничего не обнаружили.

— Мы заперты здесь,— сказала Джилл.— Выход отсюда один — через туннели. Смотри-ка, повыше есть еще отверстия. Может быть, они не закрыты дверями. Нужно попросить Шептуна забраться хотя бы в один туннель и поглядеть, что там, по другую сторону. Должно же там что-то быть.

— Думаю, кубоиды тоже могли бы туда перебраться. Умеют же они летать по воздуху,— сказал Теннисон.— Но мне не хотелось бы разделять наш отряд. Почему-то мне кажется, что нам лучше держаться вместе.

В дальнем конце площади из другого туннеля появился еще один червь, как ни в чем не бывало прополз мимо них и исчез в одном из верхних отверстий.

— Что-то не особенно меня тянет в туннель,— поежилась Джилл.— Пока у меня такое впечатление, что ими одни черви и пользуются.

— Да, но, похоже, мы их не очень интересуем.

— Угу. Пока мы снаружи. Но можем заинтересовать, если окажемся внутри.

— Шептун,— сказал Теннисон, не обратив внимания на слова Джилл,— попроси одного из наших любезных проводников немного присесть, чтобы я мог забраться на него. А потом он пусть поднимет меня к отверстию.

— Ну знаешь, если ты пойдешь, то и я пойду,— сказала Джилл.— Я не собираюсь тут оставаться.

— Любой из них с удовольствием поможет,— сообщил Шептун после недолгих переговоров с кубоидами.— Выбирай отверстие, какое тебе больше нравится.

— Все равно,— ответил Теннисон.— Я не стал бы их утруждать, но нам самим туда никак не влезть.

— То, что у тебя над головой, подойдет?

— Вполне.

— Знаете, мои дорогие,— сказала Джилл,— у меня такое чувство, что все мы с ума посходили!

Розово-красный кубоид подошел к стене вплотную и остановился прямо под отверстием. Он начал сжиматься, и вскоре люди вполне могли забраться на него.

— Я подсажу тебя,— сказал Теннисон.— Давай залезай.

— О'кей,— кивнула Джилл.— Надеюсь, что это не так страшно, как кажется.

Он подсадил ее, и она вскарабкалась на верх кубоида.

— Ой, как скользко! — жалобно воскликнула Джилл.— Ужасно. Будто на куске желе стою. Такое чувство, что сейчас провалюсь внутрь и утону. Ой, скользко, мама!

Теннисон разбежался, подпрыгнул и приземлился рядом с ней. Джилл протянула руку и помогла подобраться к ней поближе. Они присели на корточки, крепко держась друг за друга и стараясь сохранить равновесие. Кубоид перестал колебаться и как будто стал даже более твердым. Он медленно стал набирать высоту, вырастать до прежнего размера.

Наконец отверстие туннеля оказалось прямо перед ними. Теннисон неуклюже подпрыгнул, но сумел зацепиться за край отверстия и влезть в него. Протянул руку и помог забраться Джилл.

Они поднялись на ноги и осмотрелись. Отверстие представляло собой туннель, но двери в нем не оказалось, к тому же он был не слишком длинным: не так далеко от входа был виден мерцающий свет.

Пол под ногами был твердый. Джилл и Теннисон, взявшись за руки, пошли вперед. Обернувшись, Джилл увидела, что следом за ними в туннель один за другим протискиваются

пятеро кубоидов и над первым из них порхает облачко алмазной пыли — Шептун.

Добравшись до конца туннеля, они непроизвольно зажмурились от яркого света, заливавшего все вокруг. Туннель переходил в широкую дорогу, вымощенную, по всей видимости, тем же белым материалом, из которого здесь было все построено. Дорога убегала вдаль и тонула в лучах света. Как ни странно, дорога лежала на воздухе, наподобие виадука. По обе стороны от нее уходили ввысь крутые горные вершины, а между ними чернели бездонные пропасти.

Простор открывшегося пейзажа был ограничен высокими строениями, похожими на колонны. Они стояли по обе стороны от дороги, отделяя ее от пропастей. Похоже, колонны были из того же материала, что и дорога, и их белизна тонула в сиянии, исходившем от ее поверхности. Вокруг колонн разноцветной каруселью в странном неритмичном танце вертелись огни всех цветов и оттенков.

«Будто карнавал,— подумал Теннисон, глядя по сторонам.— Фейерверк, тысячи рождественских огней!»

— Погляди-ка,— проговорила Джилл, потянув его за руку,— а вон и один из наших знакомых!

— Где?

— Да вон он! На колонне. Смотри, куда я показываю.

Теннисон посмотрел в указанном направлении, но не сразу разглядел за мелькающими вспышками огней гигантскую сороконожку. Червь взобрался на колонну и висел на ней. Нижними ногами он держался за колонну, а свободными вращал огненное колесо.

— Фонарщики! — изумленно воскликнула Джилл.— Вон они, оказывается, кто! Черви-фонарщики. Это они делают весь этот фейерверк!

— Похоже, ты права,— согласился Теннисон.

— Пойдем,— сказала Джилл немного погодя.— Что-то у меня голова закружилась.

Они поспешили вниз по белой дороге и, ступив на нее, увидели, что на ее поверхности играют отблески огней всех цветов радуги.

Далеко впереди чернело отверстие еще одного туннеля. Когда они подошли поближе, то обнаружили, что у входа их поджидают четыре странных существа. Они представляли

собой черные конусы, абсолютно черные,— их поверхность не отражала света, не блестела, как будто поглощала свет. Конусы стояли на широких основаниях и высотой были примерно футов пять. Они легко передвигались, хотя шума механизмов, которые могли бы обеспечивать их передвижение, слышно не было.

У самого входа в туннель стояла черная платформа на колесах.

Три конусовидных существа встали на край платформы и, когда вся компания подошла поближе, легко подняли их наверх. Джилл первой дошла до другого края платформы и хотела спуститься, но четвертый конус загородил ей дорогу.

— Похоже, они хотят, чтобы мы поехали на этой штуке,— обернувшись, сказала Джилл Теннисону.

Конусы встали по углам платформы, и та плавно двинулась по туннелю. Похоже, конусы служили чем-то вроде двигателей.

Через некоторое время платформа выплыла из туннеля на открытое пространство. Светящихся огнями колонн здесь не было. В разные стороны разбегались дороги. Они пересекались, сходились. Одни дороги, судя по всему, предназначались исключительно для транспортных средств. В основном это были такие же черные платформы, управляемые конусами, но время от времени попадались и другие движущиеся механизмы. Одни из них напоминали больших жуков, другие были похожи на стрелы. Другие дороги, похоже, служили для пешеходного движения. По ним ползали, шагали, прыгали — словом, передвигались всевозможными способами — представители самых невероятных форм жизни. Глядя на эти цепочки живых существ, Теннисон невольно вспомнил капитана «Странника» и его отвращение к инопланетянам. Такое разнообразие форм жизни Теннисону довелось увидеть впервые.

На участках поверхности между дорогами, имевших форму причудливых многоугольников, стояли здания самых разнообразных размеров и очертаний, окруженные полосками зеленых газонов. Создавалось впечатление, что смотришь на настольный макет местности со множеством городов и деревень.

Неожиданно платформа сделала крутой вираж. Путешественники с трудом удержались на ногах. Перескочив на другую дорогу, платформа сразу же влетела в новый туннель. Когда

туннель закончился, они оказались внутри одного из больших зданий. Платформа мягко остановилась — судя по всему, тут была стоянка: рядом стояли еще несколько точно таких же платформ.

Джилл и Теннисон спустились с платформы, следом за ними мягко соскользнули кубоиды, и четыре конуса повели их между платформами и другими машинами к высокому дверному проему.

Они вошли в широкий зал. В конце его на возвышении у стены восседал огромный... пузырь! По обе стороны от возвышения группами стояли конусы. Рядом с пузырем стояло странное существо, напоминавшее небольшой сноп. Из кучи соломы во все стороны торчали тонкие выросты с глазками на концах. Прямо перед пузырем прыгало маленькое существо, напоминавшее осьминога. Всякий раз, когда существо опускалось на пол, оно издавало чавкающий звук, словно на гладкий кухонный стол шлепался кусок печенки.

Конусы вели путешественников вперед. Доведя их до края возвышения, они отошли в сторону.

Пузырь был не просто пузырь. Спереди на его поверхности было углубление, в котором располагалось некое подобие лица. Но трудно было сказать с уверенностью, что это лицо. Секунда — вы видели его, а в следующую секунду оно исчезало, расплывалось, как летучий дым.

— Джейсон,— мысленно обратилась Джилл к Теннисону.— Джейсон, смотри! Помнишь записи, воспоминания Феодосия? Ну те, что я нашла в корзине для бумаг в потайной кладовке?

— Боже мой, да, вижу! — мысленно отозвался Теннисон.— Кардинал писал там про пузыри. Лицо, как летучий дым,— так там и было написано!

Из глубины пузыря раздался скрипучий, неприятный, режущий уши звук. Было ясно, что пузырь хочет что-то им сказать.

— Я ни слова не понимаю,— сказала Джилл.

— Он пытается общаться,— проговорил Шептун.— Это очевидно. Но совершенно непонятно.

— Он сердится на нас, Шептун? — спросила Джилл.— Похоже, он на нас кричит.

— Не думаю,— ответил Шептун.— Он не излучает гнева.

Один из конусов поднялся на возвышение и встал рядом с пузырем. Пузырь проскрипел ему что-то, и конус удалился. Пузырь замолчал. Он продолжал смотреть на путешественников, и, хотя порой дым заволакивал его лицо, они все время чувствовали, что он смотрит на них не отрываясь.

— Я думаю,— сказал Шептун,— хотя и не уверен, что он послал за кем-то, кто может стать переводчиком в разговоре с нами.

Пузырь молчал. Молчали и конусы. Вообще было не похоже, что они способны издавать хоть какие-то звуки. Тишину нарушали только шлепки осьминогоподобного существа, которое продолжало скакать взад-вперед перед пузырем. Глаза существа, похожего на сноп, пристально смотрели на гостей.

Текли минуты. Ничего не происходило. Только шлепал об пол маленький осьминог. Наконец раздались шаги. Так идти мог только человек. Теннисон обернулся.

По залу им навстречу уверенно шагал... Томас Декер.

Глава 53

— Экайер,— строго сказал кардинал Феодосий,— прошу вас, будьте со мной честны до конца.

— Ваше преосвященство, я всегда был с вами честен,— возразил Экайер.

— Если вы хотите сказать, что вы мне никогда не лгали, я с вами согласен. Но вы рассказывали мне не все, что знали. Кое-что скрывали от меня. К примеру, почему вы никогда не рассказывали мне о Шептуне Декера?

— Потому что об этом разговор ни разу не заходил,— ответил Экайер.— И потом, я сам узнал о Шептуне всего несколько дней назад.

— Но Теннисон знал о нем. Задолго до того, как узнали вы.

— Это правда. Но Теннисон был другом Декера.

— И каким же образом он познакомился с Шептуном?

— Он мне сказал, что Шептун сам разыскал его.

— Но сразу он вам об этом не рассказал. Почему он молчал, как вы думаете?

— Видимо, ваше преосвященство, у него было что-то вроде чувства долга перед Декером. Он никому про Шептуна не рассказывал, не только мне. Но и мне он рассказал о нем только после смерти Декера.

— Вы ведь очень близки с Теннисоном. Он вам все рассказывал?

— По крайней мере, мне так казалось, ваше преосвященство.

— А он, случайно, не сообщал вам, что собирается отправиться в рай?

Экайер резко выпрямился на стуле. Мгновение он молча смотрел на кардинала, пытаясь что-то прочесть на его лице, но, увы,— понять что-либо по лицу робота не дано никому. Экайер откинулся на спинку стула.

— Нет,— сказал он.— Ничего не говорил.

— Ну так вот,— сказал кардинал,— случилось так, что он туда отправился. Либо он в пути, либо уже там.

— Ваше преосвященство, простите, но ведь вы не можете этого знать!

— Могу, представьте себе. Мне об этом сказал глухоман. Я многое обдумал, прежде чем пригласить вас к себе. Экайер, нам нужно составить план действий.

— Ваше преосвященство! — взмолился Экайер.— Не так быстро! Вы говорите, вам об этом сказал глухоман? А где вы его разыскали?

— Я ходил к нему. Того, с которым я говорил, я нашел на холмах, повыше хижины Декера.

— И он сказал вам, что Теннисон собирается в рай?

— Он сказал, что Теннисон уже в пути. Не один. Вместе с Джилл и Шептуном. Глухоман сказал, что Шептун нашел дорогу в рай и повел их туда.

— Да-да... Понимаю... Мы говорили о такой возможности...

— Говорили? Мило! А мне — ни слова!

— Ваше преосвященство, рассказывать-то было, честно говоря, нечего. Мы поговорили и решили, что это невозможно.

— Возможно, как видите.

— Теннисона нет на месте уже два дня, но это ничего не доказывает...

— Джилл тоже нет,— добавил кардинал.— Если они не в раю, куда же могли деться? На Харизме не так много мест, где можно было бы спрятаться.

— Не знаю... Не может быть, что они отправились в рай. Во-первых, когда мы об этом говорили, никто из нас понятия не имел, где он может находиться. Мы думали, что если бы удалось вернуть кристаллы с записями наблюдений Мэри...

— Глухоман сказал мне, что им помогли обитатели математического мира.

— Это возможно,— растерянно кивнул Экайер.— Джилл и Теннисон бывали в математическом мире.

— Ну вот видите,— с упреком проговорил кардинал.— И этого вы мне тоже не рассказали. Неужели вам не пришло в голову, что меня это может заинтересовать?

— Ваше преосвященство, вы уверены, что глухоман понимал, о чем говорит? И почему вы решили пойти к нему?

— Экайер, поймите, все эти годы мы жестоко заблуждались относительно глухоманов. Они вовсе не злобные хищники, как утверждают слухи. Вечная беда всех сплетен и слухов — в них слишком мало правды. Тот глухоман, с которым я говорил, принес домой Декера и Губерта. Тогда, на эспланаде, он говорил со мной и Теннисоном. Мы виноваты в том, что так относились к глухоманам. Мы должны были подружиться с ними давным-давно. Было бы гораздо лучше для всех нас, если бы это случилось раньше.

— Значит, вы совершенно уверены в том, что они отправились в рай?

— Уверен,— кивнул Феодосий.— Я верю: глухоман сказал мне правду. Он рассказал мне об этом из дружеских побуждений.

— Господи, но это невозможно, немыслимо! — воскликнул Экайер.— Но... если уж и суждено было такому произойти, Теннисон тот самый человек, кто должен был совершить это. Он — замечательный человек.

— Не спорю. Теперь, надеюсь, вы понимаете, как важно нам подготовиться к их возвращению из рая?

— Вы думаете, они вернутся?

— Уверен. Они сделали это для Ватикана. Хоть они и недавно здесь, однако уже освоились. Теннисон разговаривал с его святейшеством несколько дней назад, и после их беседы

Папа говорил со мной. Теннисон рассказывал ему о монастырях на Древней Земле. Он говорил о том, что здесь, в Ватикане, он нашел для себя нечто подобное. Они вернутся.

— Что же вы собираетесь делать, ваше преосвященство? Если они действительно найдут рай и вернутся...

— Во-первых, теперь я знаю, кто стоял за всей этой богословской кутерьмой. Джон, садовник из больничного сада. Я почти уверен, что он работал на Папу, был его тайным агентом, хотя зачем Папе тайный агент — ума не приложу. Но это не важно. Дальнейшая судьба нашего садовника незавидная. Он будет презренным послушником, мелкой сошкой и останется им навсегда. И не только он.

— Но есть ли вам на кого опереться, ваше преосвященство?

— Пока не на кого, вы правы. Но все может измениться. В один прекрасный день я поговорю с его святейшеством и сообщу ему все, что узнал. И когда он услышит, что мне известно о его тайном агенте, наушнике, когда он узнает, что Джилл и Теннисон скоро вернутся из рая... Конечно, если бы не обнаружение рая, Папа еще долго воздерживался бы от решительных действий. Но когда он узнает об этом...

— Ну а если все это окажется неправдой, ваше преосвященство? Если...

— Тогда мне конец,— *спокойно проговорил Феодосий.*— И вам тоже. Но если мы ничего не предпримем, нам все равно конец. Терять нам с вами нечего.

— Вот тут вы правы. Абсолютно правы.

— Значит, вы пойдете со мной к Папе?

— Конечно,— твердо сказал Экайер, поднимаясь со стула.— Пойдемте.

Когда кардинал встал, Экайер спросил его:

— Как я понял, ваше преосвященство, вы думаете, что рай будет дискредитирован, разоблачен, что он окажется не раем. Но как вы можете быть в этом уверены?

— Понимаете, я решил рискнуть. Если я проиграю, мне, как и Джону, суждено стать презренным послушником до конца моих дней.

— И вы все-таки идете на риск?

— А что мне остается?

Глава 54

До какого-то момента я ясно помню, как все было,— рассказывал Декер.— Помню, как меня сильно стукнуло обо что-то, как я прильнул к иллюминатору, как разглядел внизу самый центр этой планеты, как мне почудилось, что шпили зданий, того и гляди, проткнут меня насквозь, помню, как видел дороги, сбегавшиеся, как спицы колеса, к ободу центра. А вот как я бежал к спасательному катеру, убей бог, припомнить не могу, потому что туда бежал не я, не тот Декер, что сейчас говорит с вами, а настоящий, первый, тот, которым я был когда-то.

— Все сходится,— изумленно проговорил Теннисон.— Этот рассказ я слышал от настоящего, первого Декера. Но он мне не так много рассказал, как вы. Он был человеком неразговорчивым.

— Да и я не такой уж болтун,— признался Декер-II.— Но я так поражен, так рад, что вижу людей, своих сородичей, вот у меня язык и развязался.

Они сидели в уютной комнате, обставленной удобной мебелью, на одном из верхних этажей высокого здания. Пол был покрыт толстым, пушистым ковром. На стенах висели картины.

— Спасибо вам,— сказала Джилл,— что вы разыскали для нас такое уютное местечко. Тут все такое чужое кругом, а здесь мы почти как дома.

— Это было не так легко,— сказал Декер.— Но наш главный пузырь просто помешан на гостеприимстве, а потому заставил меня найти жилище, где вам было бы удобно.

— Пузырь у вас главный?

— Ну да, тот, которого вы уже видели,— кивнул Декер.— С таким странным лицом. Их тут много. Пузырями я их зову только из-за своего невежества. У них есть другое название, но на человеческом языке оно совершенно непроизносимо, а буквальный перевод звучит и вовсе нелепо. Тот пузырь, с которым вы имели честь познакомиться, может считаться моим другом, хотя, пожалуй, по вашим понятиям, дружба у нас не совсем обычная. Это непросто объяснить. Я зову его Смоки — «Дымок», из-за того, что у него такое лицо, вроде дыма, хотя, если разобраться, у всех пузырей точно такие же лица.

Когда я разговариваю с ним, то зову его Смоки. Он-то, бедняга, думает, что это, наверное, красивое человеческое имя. Знал бы он, что это значит, обиделся бы, пожалуй. Ну а заметили существо, похожее на сноп, которое сидело рядом со Смоки?

— Заметил,— кивнул Теннисон.— Он за нами пристально наблюдал.

— Это Сноппи — опять-таки это я его так называю. Ближайший приятель Смоки. Он с ним знаком очень давно. Потому он и ближайший. Я с ним знаком не так давно, поэтому я второй по старшинству друг. Словом, у нас триада. У пузырей не принято существовать в одиночку. У них обязательно формируются триады. Что-то вроде братства, содружества, кровного единства — нет, это не совсем точно, но яснее сказать трудно. А старина Сноппи, наверное, напугал вас? Действительно, вид у него странноватый.

— Да уж,— хмыкнула Джилл.

— Но в общем-то он не так уж плох,— сказал Декер.— Когда познакомишься с ним поближе — очень даже ничего. Тут на таких насмотришься, что он по сравнению с ними — просто свой парень.

— А вы, похоже, тут неплохо устроились?

— Не жалуюсь,— кивнул Декер.— Ко мне хорошо относятся. Поначалу я гадал, на каком положении тут нахожусь. Какую роль мне отвели? Беженец я или, не дай бог, подопытный экземпляр? Честно говоря, я так до сих пор толком и не знаю, кто я тут. Но теперь это меня не так волнует, как сначала. Смоки ко мне относится прекрасно, а остальное ерунда.

— По всей видимости,— сказал Теннисон,— дело было так: пузыри взяли за основу ваш портрет, вернее объемное изображение, то есть не ваш, а настоящего Декера, который был там, на корабле, и создали нового Декера, то есть вас. Но... с такого расстояния? Да еще обшивка корабля...

— Вы должны уяснить,— сказал Декер,— что это не просто съемка. О тонкостях технологии я судить не берусь. То есть принцип мне ясен, но как они это делают на практике, не знаю. В первом приближении это можно сравнить с действием сканера, который давным-давно появился на Земле. Сначала его называли компьютерным томографом и пользовались им в основном для сканирования мозга, в частности для обнаружения опухолей. Потом научились исследовать с его помощью другие органы. Это устройство предназначалось для послойной съемки различных органов. Оно как бы рассекало органы, делило их на слои и делало что-то вроде фотографий, хотя это звучит неуклюже, словом, что-то вроде рентгеновских снимков с различной заранее заданной глубиной съемки. Термин «снимки» тоже далек от истины. Данные передавались в компьютер, который сводил полученные данные воедино и выдавал в виде, удобном для чтения. Вот, пожалуй, таким примитивным образом можно описать то, что умеют делать пузыри. Но главное, что они умеют пользоваться этим принципом на очень больших расстояниях от сканируемого объекта. Получаемые данные могут быть использованы для реконструкции любых видов материи. Мне сказали, что в моем случае, помимо данных о моем организме, они собрали информацию и о корабле. Думаю, информация о корабле до сих пор хранится где-то в файлах, и, если возникнет необходимость, они его запросто реконструируют.

— Но Декер, я имею в виду настоящего Декера,— сказал Теннисон,— выбился из своего времени примерно на двести лет. Так он мне сказал. Спасательный катер сохранял его тело в состоянии искусственного анабиоза, пока разыскивал планету, где Декер мог бы выжить. На поиск такой планеты ушло около двухсот лет. А вы, судя по всему, находитесь здесь не более ста.

— Я об этом никогда не спрашивал,— сказал Декер.— Но мог бы в принципе догадаться. Видимо, пузыри не сразу взялись за мою реконструкцию. У них накоплено колоссальное количество информации. Наверняка некоторые данные хранятся в файлах по нескольку сотен лет. А до кое-каких у них и руки, если можно так выразиться, не доходят.

— Сто лет, говорите? А сколько же вам, простите, было, когда все это случилось? Около сорока, не больше? Не похоже, что вам сто сорок,— мне, по крайней мере, не кажется. Вы выглядите точь-в-точь как тот Декер, с которым я был знаком.

— Ну, судя по всему, дело в том,— сказал Декер,— что пузыри вносят какие-то изменения в собранную информацию. Когда они приступают к воспроизведению организма, они

выкидывают, так сказать, слабые места. Наверное, когда они воссоздавали меня, то могли обнаружить, к примеру, совершенно бесполезный орган — аппендикс. Полагаю, они сочли за лучшее не использовать его в моей новой конструкции. Нашли, допустим, порок сердца — и заменили больной клапан на здоровый. Готов побиться об заклад — у меня нет аппендикса и сердце как новенькое. Наверняка заменены больные и восстановлены недостающие зубы. Ну и так далее — больные почки, кишечник недостаточной длины...

— Выходит, вы бессмертны.

— Ну, я так не думаю, но, наверное, проживу еще достаточно долго. А если что-то вдруг будет не так и понадобится помощь, они наверняка сумеют мне помочь — заменят сердце, или печень, или легкие. Тут со всеми так. Я здесь единственный человек, и у них не было ни малейшего представления о том, что мне нужно для жизни. Но когда я выучил их язык и сумел объяснить, что мне нужно, они предоставили все необходимое — ковры, картины, мебель, пищу, к которой я привык. Они обеспечили меня гораздо большим, чем я просил. Все, что вы тут видите,— их подарки. Стоит только подробно описать, что тебе нужно, и ты получаешь это в лучшем виде. У них существуют такие устройства — конвертеры материи. Это, конечно, не сундучки иллюзионистов, в которые засыпают песок, а вытаскивают букеты цветов, пачки мороженого или колоды карт. Это мощные и потрясающе умные машины.

— Значит, кроме вас, людей тут нет? — спросила Джилл.

— Есть несколько гуманоидов, но это не люди,— ответил Декер.— У них по две руки и ноги, по паре ушей и глаз, один нос и рот, но они не люди. Нельзя, конечно, утверждать, что они чем-то хуже людей. Это не так. Я их знаю, и они знают меня. Мы неплохо ладим. Кое-чем вместе занимаемся. Что-то общее у нас есть. Для каждого из нас общение друг с другом приятнее, чем беседы с говорящим пауком или средоточием мудрости в образе мыльного пузыря.

— А что тут вообще происходит? — поинтересовалась Джилл.— Смахивает, честно говоря, на галактический зоопарк.

— Да,— кивнул Декер,— и это тоже. Но не только. Лучше всего назвать это место Центром исследования Галактики.

В основном принцип деятельности Центра напоминает работу вашего Ватикана, хотя, судя по тому, что вы мне рассказали, подход тут несколько другой, да и мотивы изучения Галактики не совсем одинаковые. Начало всему этому положили пузыри, наверное, миллион лет назад, но сейчас они — только часть проекта. Они по-прежнему стоят во главе Центра, но в процессе поисков они обрели множество партнеров, представителей других цивилизаций, тоже ориентированных на задачу исследования Галактики. Если окинуть все это общим взглядом, проект поистине грандиозный. Все построено на физическом проникновении в различные уголки Галактики и сборе самых разнообразных данных. Когда информация собрана, могут быть воссозданы любые живые формы. Но собирается не только информация, но и фактический материал — артефакты других цивилизаций: машины, постройки, транспортные средства, игрушки, продукты, растения — все, что угодно. В этом смысле, мне кажется, здесь подход к решению проблемы поиска несколько более совершенный, чем в Ватикане. Пока, правда, площадь поиска ограничена единственной Галактикой, но в последнее время все больше разговоров о том, что пора расширить масштабы поисков, вывести их за пределы Галактики.

— А как тут насчет охраны? — спросил Теннисон.— Тут ведь просто «остров сокровищ»! Стоит только кому-нибудь пронюхать, чем вы тут занимаетесь, могут начаться набеги. Ватикан добился относительной безопасности за счет изоляции и строгой секретности в ведении поисков. А тут все делается слишком открыто.

— Понимаете,— сказал Декер.— Когда случилась катастрофа с моим кораблем, вернее с кораблем настоящего Декера, команда была полностью шокирована, и это явно было действием какого-то психологического оружия. Ощущение страха транслировалось на расстоянии, но я не могу объяснить вам, как это было сделано. Я помню, что звучал какой-то страшный голос, который что-то кричал на незнакомом языке, было просто жутко его слышать. Команда, и я в том числе, была так напугана, что ничего, ровным счетом ничего не пыталась предпринять для защиты. Все в страшной панике бросились бежать. Корабль, как мне сказали, разбился в пятидесяти милях отсюда. Даже вашу Слушательницу Мэри сумели здорово

напугать. Я сам об этом ничего не знал, пока вы не рассказали, но теперь мне совершенно ясно, что она была смертельно напугана. Даже если она была здесь не физически, не во плоти, ее заметили. Следовательно, где-то в наших данных есть информация о ней. Пока, наверное, с ней ничего не делали. Наверное, это не представлялось слишком важным.

— Но именно из-за этого мы и попали сюда,— сказала Джилл.

— Понятно. И что следует рассказать Смоки?

— Вам мы рассказали все.

— А что мне рассказать Смоки? Или чего-то не следует ему рассказывать?

— Нам скрывать нечего,— сказал Теннисон.

— Ну и отлично,— улыбнулся Декер.— Мой вам совет: будьте и дальше откровенны. Пузыри и так достаточно заинтригованы, чтобы что-то выведывать. А бояться их не стоит. Правда, поверьте мне, они очень милы, даже по людским меркам. Чужаки, конечно, кто спорит, порой они совершенно непредсказуемы, но не чудовища, уверяю вас. Понимаете, за все время их существования впервые кто-то самостоятельно прибыл сюда. Это их должно очень заинтересовать. Скажите, наверное, ваши странные приятели, ну, эти параллелепипеды, не знаю, как вы их называете, помогли вам?

— Мы называем их кубоидами,— ответила Джилл.— Они очень хорошие.

— Судя по тому интересу, с которым их разглядывал Смоки,— сказал Декер,— пузырям они совершенно незнакомы. Вы знаете, где они обитают?

— Понятия не имеем,— ответил Теннисон.

— Хотите сказать, что имеете возможность контактировать с ними, не зная, где они обитают?

— Да,— коротко ответил Теннисон.

— Но как?

— Послушайте, Декер, мы вам все рассказали без утайки. Оставьте нам один секрет фирмы.

— Идет. Но... послушайте, еще один вопрос. Только один. Мне показалось, что с вами я видел пыльника. Или я не прав?

— Пыльника? — переспросил Теннисон, сделав вид, что не понял, о ком речь.

— Да, пыльника. Маленькую искрящуюся сферу.

— Он прибыл вместе с нами. А теперь куда-то пропал.

— Может быть, он как-то участвовал в контакте с кубоидами?

— Декер, я вас прошу, оставьте нам этот секрет.

— Простите. Конечно. Уговор дороже денег.

— А где наши кубоиды? — спросила Джилл.— Вы знаете, где они сейчас?

— Они остались на стоянке около дома Смоки,— ответил Декер.— Они все-таки очень странные существа. Сгрудились там в кучку, а графики и уравнения на их боках бегают и сверкают всеми цветами радуги. Такая кутерьма — кубоидов ваших просто не разглядеть. Но мне давно пора пожелать вам спокойной ночи. Вам, людям, необходим отдых. Да и у меня завтра много работы.

— У вас тут есть работа?

— Конечно. Тут почти все работают. Можно работать кем угодно, если есть опыт. Я работаю переводчиком. Как ни странно, у меня обнаружились недюжинные способности к иностранным языкам. Я их выучил уже немало. Кроме того, мне приходится заниматься классификацией всяческой дребедени, которую сюда доставляют из разных миров. Ну, я вам говорил — вплоть до игрушек.

— Надеюсь, вы понимаете, что мы не собираемся тут долго задерживаться? — спросила Джилл.

— Этикет,— сказал Декер,— требует, чтобы вы поговорили со Смоки и, пожалуй, еще с некоторыми пузырями. Если вы откажетесь, они очень обидятся. По-моему, вы их очень заинтересовали. Я буду присутствовать на беседе в качестве переводчика.

Глава 55

Попрыгунчик скакал не переставая, издавая мерзкий шлепающий звук. «Шмяк, шмяк, шмяк,— звучало непрестанно.— Шмяк, шмяк, шмяк!»

— Хоть бы ненадолго прекратил свои прыжки,— прошелестел Сноппи.— И что он все скачет как заводной? Присел бы, отдохнул.

— А пусть себе прыгает,— любовно проговорил Смоки.— Вечно ты к нему придираешься.

— Он меня нервирует,— сказал Сноппи.

— А Декера почему-то не нервирует,— возразил Смоки.— Декер на него никогда не жалуется.

— Декеру не приходится столько времени с Попрыгунчиком находиться,— прошуршал Сноппи.— И Декер, кстати, не такой твой близкий друг, как я. Я — твой самый лучший друг. Я все время рядом с тобой. Декер все время бегает туда-сюда. Вот если бы Декеру пришлось жить рядом с Попрыгунчиком, как мне, я бы посмотрел тогда...

«Шмяк»,— прыгнул в очередной раз Попрыгунчик.

— И никогда не останавливается, ни днем ни ночью,— продолжал нудить Сноппи.— Скачет и скачет! А ведь у нас триада — ты, я и Декер. А он нам на что сдался? Нас же было трое, почему же стало четверо, а?

— Да, у нас триада,— сказал Смоки.— И не пытайся меня провоцировать. Думаешь, можешь поймать меня на слове? Ты отлично знаешь, что Попрыгунчик — не один из нас. Для меня он вроде домашней игрушки. Знаешь, я тебе честно скажу: если бы ты не ворчал все время, а Декер подольше оставался бы с нами, не понадобилась бы мне эта зверушка. Но она у меня есть, и я к ней привык, полюбил Попрыгунчика, и...

Сноппи прошипел что-то нечленораздельное.

— Что-что? — переспросил Смоки.— Ну-ка, повтори.

— Я сказал, что ты не просто полюбил его. Ты с ним сроднился, вот что, а я на это не способен, и Декер тоже. Думаешь, почему Декер столько бегает? А потому, что не в силах глядеть на эти бесконечные скачки. «Шмяк, шмяк, шмяк» — сутки напролет. Ни минуты покоя. Просто с ума можно сойти!

— Он принесет нам удачу,— заявил Смоки.— Он не простая зверушка. Он — талисман.

— На что тебе талисман сдался? — жалобно прошелестел Сноппи.— Говоришь тебе, говоришь, а ты все отмахиваешься. Ни на минутку прислушаться не желаешь. Всем жалко тебя. Ты уже всех друзей в Центре растерял. Не хочешь меня послушать, не хочешь... Раз уж ты главный в Центре, надо же что-то делать!

— При чем тут Центр? Разве дело в Центре? Ты со мной, и Декер со мной. Вы за меня, и...

— Ну вот, завел шарманку,— прошипел Сноппи.— И как я с тобой уживаюсь, просто диву даюсь. Доведешь ты нас всех до беды, ох доведешь! Ты и мечтания твои проклятые. Если и Декер от тебя отойдет...

— У Декера есть глаза,— сказал Смоки.— Он видит то же, что и я. А ты...

— Пускай у Декера есть глаза, а у меня зато есть здравый смысл. Я знаю такое, чего Декеру знать не дано.

«Шмяк, шмяк, шмяк»,— скакал Попрыгунчик.

— До сих пор никто никогда не отваживался даже приблизиться к Центру,— продолжал Сноппи.— И не вздумай говорить, будто тебя это ни капельки не тревожит. Помалкиваешь — думаешь, что очень хитрый. Но другие-то тоже не дураки. Они просто ждут, когда ты сделаешь опрометчивый шаг, а потом скинут тебя. Скинут-скинут, не сомневайся, и разделаются с тобой скоренько, даже охнуть не успеешь.

— Когда три существа образуют триаду,— попытался защититься Смоки,— которая является обязательным способом существования для нашего образа жизни — наилучшим способом, как доказал многолетний опыт, они лояльно относятся друг к другу. Они не терзают друг друга, не издеваются, не подшучивают. Они не позволяют себе...

— Это я к тебе не лоялен? Уж так лоялен — лояльней некуда! — возмутился Сноппи.— Я просто стараюсь как могу отвести от нас беду. Почему ты меня не слушаешь?

— Да слушаю я тебя, слушаю... Слушаю без конца.

— Слушаешь, может быть, да не слышишь. Ты просто спятил от своих мечтаний о славе. Здравый смысл тебе уже недоступен. А теперь ты размышляешь о том, как тебе использовать этих пришельцев с наибольшей выгодой для себя. И не говори, пожалуйста, что это не так!

— На их воспроизведение уйдет много времени,— сказал Смоки задумчиво.— Интересно, нельзя ли найти более быстрый метод?

— Да, это скоро не получится,— подтвердил Сноппи.— Слишком много фактов придется учесть.

— Я подумывал, не использовать ли оригиналы,— сказал Смоки,— и не ждать воспроизведения. Но это может ока-

заться небезопасно. Другие, эти, похожие на кубики,— я про них ничего не знаю, но люди — существа чувствительные. А ведь за все то время, что Декер у нас, только эти двое и появились. И все-таки я чувствую сильное искушение...

— Ты рассчитываешь на то, что они идентичны Декеру? Не стоит, честное слово. Это большой риск. Индивидуумы внутри одного вида могут иметь большие различия, и потом, Декера мы подвергли солидной ревизии.

— Советуешь не торопиться?

— Конечно советую.

— Ты вечно советуешь мне быть осторожнее, не рисковать. До чего мне надоела твоя предусмотрительность, если бы ты знал!

— Это ты как хочешь,— прошипел Сноппи.— Просто я привык немножко вперед заглядывать. Посуди сам, разве можешь ты быть уверен, что эти двое похожи на Декера? У них могут оказаться совершенно разные темпераменты, и уровень интеллекта еще неизвестно какой. По одному индивидууму трудно судить, что за птица — человек. Декер, на счастье, оказался существом, способным к сотрудничеству. С ним можно договориться. А эти двое могут такими не оказаться.

— Ладно,— буркнул Смоки,— подождем, поглядим. Уговорил.

«Шмяк! Шмяк! Шмяк!» — скакал Попрыгунчик.

Глава 56

— Ох, не знаю, не знаю...— с сомнением проговорила Джилл и покачала головой.— Этот Декер...

Теннисон прижал палец к губам. Джилл оглядела комнату. Никого и ничего. После ухода Декера они были в полном одиночестве.

— Вот интересно, где Шептуна носит? — спросил Теннисон.— Не похоже на него — совсем нас бросил.

— Может быть, он отыскал своих родственников,— предположила Джилл.— Декер же сказал, что тут есть пыльники. Наверное, болтает с ними. Они ведь так давно не виделись.

— Мне бы хотелось, чтобы он вернулся поскорее,— признался Теннисон.— Мне надо кое о чем спросить его.

— Значит, и ты чувствуешь что-то такое...

— Да, Джилл, чувствую.

Они сели рядышком на диван. Комната как комната, ковер как ковер. Картины на стенах даже казались знакомыми. Если бы мысленно перенести эту комнату в Ватикан, то и там в ней все было бы на месте. Но все-таки было тут что-то чужеродное, пугающее, неприятное.

Теннисон протянул руку, и Джилл взяла его ладонь в свои. Они сидели рядом, держась за руки, словно двое маленьких детей, одинокие, неуверенные в себе, беззащитные перед лицом угрозы, таящейся в уголках чужого пустого дома с привидениями.

Джилл хотела что-то сказать, но Теннисон крепко сжал ее руку. Она сглотнула комок в горле и промолчала. И прошептала мгновение спустя:

— Джейсон, Шептун вернулся. Он снова с нами.

— Шептун! — позвал Теннисон.

— Я здесь,— ответил Шептун.— Простите, что покинул вас. Но я нашел пыльников. Здесь есть пыльники, представляете?

— Иди к нам, Шептун,— позвала Джилл.— Иди скорее. Давай поговорим втроем.

Шептун послушался. Скоро Джилл и Джейсон почувствовали его присутствие в сознании.

— Понимаешь,— начала Джилл,— нам кажется, что тут что-то не так. Декер не тот. Не такой.

— Я не был уверен, что ты это заметила,— сказал Теннисон.— Но могу твердо сказать: Декер не тот, которого я знал в Ватикане. А ты что скажешь, Шептун?

— Он не тот Декер, которого я знал,— согласился Шептун.— Он Декер, но другой.

— И еще он солгал нам,— сказала Джилл.— Сказал, что не знал о Мэри, покуда мы ему не рассказали. Но это ложь. Это невозможно. Центр уделяет огромное внимание своей безопасности. Мэри дважды проникала сюда, не подозревая, что она — шпионка. Она просто делала свое дело. Первый раз они, может быть, ее и упустили, но второй раз они уж точно ее заметили, потому что применили к ней свою систему психологической защиты, чтобы отпугнуть. Конечно, они не

разобрались, кто она такая, потому что кому пришло бы в голову бояться Мэри?

— Да, ты права,— сказал Теннисон.— Наверное, они собрали о ней кое-какую информацию. И наверное, не слишком много. К тому же явно неудовлетворительного качества, поскольку имели дело не с живой Мэри, а с тем, что представляет собой Слушатель, когда отправляется в другие миры и пространства. Но ты права, Джилл. Они знали о ней и кое-что получили-таки. И что бы они ни получили, это наверняка заставило их призадуматься. И судя по тому впечатлению, которое произвел на меня здешний Декер, судя по тому положению, которое он тут занимает, он наверняка должен был знать про это.

— Не наболтали ли мы Декеру лишнего, Джейсон?

— Может быть. Не знаю. Нужно же было что-то ему рассказывать. Может быть, поначалу мы и чересчур много ему рассказали. До того, как я стал примечать, что он какой-то не такой. Я это только почувствовал, не более. Но с Мэри он явно оплошал. Все остальное было в полном порядке, но тут промашку дал. И есть в нем что-то такое, чего не было в прежнем Декере. Ты помнишь, что мы ему рассказали?

— Гораздо лучше я помню, чего мы ему не рассказали. Мы ни словом не обмолвились о роботах. Так что он, по всей видимости, понял, что Ватикан — учреждение, в котором работают люди. Мы не говорили также о религиозном уклоне изысканий. Мы не объясняли ему, откуда взялось название «Ватикан». Мы не говорили ему, что Мэри думала, будто нашла рай. Следовательно, можно надеяться, что он пребывает в убеждении, будто Ватикан — научное учреждение типа здешнего Центра.

— Даже если и так,— вступил в разговор Шептун,— то это его наверняка потрясло. Весь Центр потрясло, я думаю. Представляете себе их удивление: узнать, что в Галактике есть еще один Центр!

— Послушай, но неужели нам действительно удалось попасть сюда так, что они об этом не знали, то есть не знали до тех пор, пока мы, так сказать, не ступили на твердую землю?

— Уверен.

— Но когда мы попали сюда, нас, естественно, обнаружили сразу. Первая же сороконожка о нас сообщила.

— Больше всего меня волнует то, что они уже наверняка сделали наши снимки — как бы ни называлось то, чем они занимаются. Следовательно, сейчас они уже запросто могли реконструировать новых Джилл и Теннисона, кубоиды...

— А слышать нас сейчас они не могут?

— Думаю, нет,— ответил Шептун.

— Но здесь же есть пыльники. Значит, Центру известно, как они ведут себя и как разговаривают?

— Пыльников тут теперь уже мало осталось,— ответил Шептун.— А иногда их тут и совсем нет. Мой народ, по сути дела, к Центру не относится. Они консультируют Центр в случае появления чего-то нового, что может оказаться интересно для них. А что касается воссоздания пыльника, я сомневаюсь, что им это удастся. Ведь мы, в конце концов,— всего лишь беспорядочная масса молекул и атомов.

— Значит, пыльники в каком-то смысле эксплуатируют Центр?

— Можно и так сказать. Сотрудничества, во всяком случае, не было и нет. Мой народ слишком сильно рассеян по Галактике.

— Жаль, что я доверился этому Декеру поначалу,— посетовал Теннисон.— Я так обрадовался, когда его увидел! Увидеть старого друга в таком неожиданном месте... Я говорил с ним как с прежним Декером. И конечно, был слишком откровенен. А потом понял, что этот совсем из другого теста. Любезный такой. Декер сроду таким обходительным не был. И потом, Декер-II солгал несколько раз — я уверен, что солгал. Солгал, что ничего не слыхал о Мэри, солгал, что информация о нем хранилась в файлах лет сто, пока его не воссоздали. А я уверен, что пузыри реконструировали его немедленно. Наверняка они безумно хотели узнать, что за существо свалилось на них из космоса.

— Мне кажется, я понимаю, почему он так изменился здесь,— проговорила Джилл.— Целых сто лет, а скорее всего все двести, он был подвержен воздействию Центра. Он сроднился с этим местом, принял здешние воззрения, впитал здешнюю информацию, философию. Не знаю, есть ли тут какая-то общая философия, но мне почему-то кажется, что есть. Ему кажется, что с ним все в порядке, что он обрел

свое место под солнцем, назначенное судьбой. Он — член... как он это назвал? Триады, кажется? Он в триаде с этим пузырем, которого зовет Смоки. Он и еще этот дурацкий сноп. Декер-II — не тот человек, которым был когда-то. Ему, вероятно, пришлось сильно измениться здесь, чтобы выжить. И нельзя винить его за это. Он делал то, что был вынужден делать. Конечно, Джейсон, он совсем не похож на того Декера, о котором ты мне рассказывал. Твой Декер не пытался приспосабливаться ни к кому и ни к чему. Жил как хотел, и плевать ему было на то, как живут другие.

— Ты сказала «триада»? — спросил Шептун.— Если не ошибаюсь, это значит «три»?

— Да, это значит «три».

— Но ведь их больше, чем три,— сказал Шептун.— Я считать умею. Их четверо.

— Четверо?

— Да, четверо. Еще Попрыгунчик.

— Попрыгунчик. Это что, та штуковина вроде осьминога, которая там все время прыгала?

— Да, это он. Он — часть Сноппи, и Декера, и пузыря.

— О господи...— прошептал Теннисон.— Но откуда тебе это известно?

— Известно. Не знаю откуда, но известно. В общем, пузырь и Попрыгунчик очень тесно связаны друг с другом.

— Давайте попробуем подытожить,— предложил Теннисон.— Мы здесь. Мы нашли это место, и это не рай. Нам нужно вернуться в Ватикан и рассказать, что это не рай. Но как мы можем это доказать? Просто сказать — чепуха, нам никто не поверит. А у нас нет времени околачиваться тут, искать вещественные доказательства.

— Да, нам нужно уходить,— согласилась Джилл.— Шептун, можешь отнести нас домой?

— А как быть с кубоидами?

— За них волноваться не стоит. Они найдут дорогу обратно. Если захотят.

— Думаешь, не захотят? А-а-а... понимаю! Они томились в доме престарелых и в кои-то веки выбрались на свободу.

— Значит, мы должны думать только о себе,— резюмировал Теннисон.— Меня беспокоит только одно: сколько времени уйдет на добывание доказательств и насколько опасно промедление. Как только пузыри воссоздадут другую Джилл и другого меня, они могут нас прикончить. А новыми нами могут воспользоваться, чтобы проложить себе дорожку в Ватикан.

— Но почему обязательно так? — спросила Джилл.— Мы тут сидим, дрожим, боимся пузырей. А может быть, все совсем не так обернется. Ведь этот Центр и Ватикан заняты примерно одним и тем же. А вдруг они захотят объединиться с Ватиканом?

— Представляю, в каком восторге будет Ватикан от подобного альянса! — воскликнул Теннисон.

— Это я так, чтобы успокоиться немножко,— объяснила Джилл.— Ищу соломинку. А чувствую на самом деле то же самое, что и ты. Очень, очень может быть, что они недобрые.

— Во-первых,— сказал Теннисон,— я заметил, что Декер очень заинтересовался нашими Слушателями. Много вопросов о них задавал. Он, правда, разглагольствовал о том, что, дескать, методика сбора информации у Центра более совершенна, чем у Ватикана. Ерунда. Ватикан на много световых лет ушел вперед, и эта шайка пузырей с удовольствием наложила бы свои грязные ру... не знаю что, но наложила бы, на Слушателей.

— Но послушай,— вмешалась Джилл,— они ведь уже давным-давно должны были знать о существовании Ватикана! Задолго до нашего появления. Вспомни записи Феодосия. Там же четко и ясно написано, что разведывательный отряд пузырей посетил Ватикан.

— Да, помню,— согласился Теннисон.— Я об этом думал. И еще о том, что Декер-II рассказал нам о методике сбора данных. Но разведывательных вылазок у пузырей великое множество. Они доставляют в Центр тонны информации. Они просто вынуждены относиться к собранным данным избирательно. Сразу изучают, видимо, только то, что представляется особенно важным. Так что не исключено, что информация о Ватикане до сих пор покоится в файлах памяти нетронутой. Ватикан ведь внешне не слишком впечатляет. Если пузыри до тех пор ни разу не видели роботов, то и не задумывались о том, каковы их возможности и способности. Насколько мне

известно, кроме людей в Галактике ни одна цивилизация роботов не производит. Так что пузырям робот мог показаться просто машиной, грудой металла. Пробыли они на Харизме недолго, так что, скорее всего, это был всего-навсего одноразовый облет планеты. И еще: вспомните, в записях Феодосия сказано, что тот, кто смотрел на него, выражал взглядом искреннее презрение.

— Но это не более чем личное впечатление Феодосия,— возразила Джилл.— Нельзя на это полагаться.

— А я так не думаю. Робот-кардинал должен быть точен и проницателен.

— Хотелось бы верить, что ты прав,— сказала Джилл.

— Ну так что? — спросил Шептун.— Вы хотите сейчас отправиться домой? Я готов перенести вас. Я и сам, честно говоря, не прочь вернуться.

— Мы не можем вернуться просто так,— ответил Теннисон.— Мы обязаны добыть доказательства. Иначе будет просто пустая трата времени. Нам нужно совершенно железное доказательство.

— Вы подвергаете себя опасности,— предупредил Шептун.— В этом месте я чувствую угрозу.

— Как бы хотелось,— сказал Теннисон,— получше разобраться в том, что здесь происходит. Декер утверждает, что здесь — исследовательский центр, и я склонен ему верить. Но главное — мотивы исследований. Большинство исследовательских центров — тех, где работают люди,— добывают знания ради самих знаний. В Ватикане добывание знаний ведется ради достижения веры, исходя из убеждения в том, что вера происходит из знаний. Но есть ведь и другой мотив: добывание знаний ради власти. Боюсь, что побудительный мотив деятельности здешнего Центра именно таков. Декер обмолвился, что они мечтают расширить масштабы исследований за пределы Галактики. Кто знает, может быть, это означает, что их интересуют знания не сами по себе, а только как средство к достижению власти и господства над миром.

— Может быть,— согласилась Джилл.— Но стремление к власти, как правило, предполагает наличие политической организации. Как ты думаешь, управляют ли здесь политическими методами?

— Узнать невозможно,— ответил Теннисон.— А времени выяснить у нас нет. Сама понимаешь.

— Понимаю,— сказала Джилл.— Все понимаю. Понимаю, что нам нужно вернуться с доказательством. И знаю, что именно можно взять с собой. Одну из сороконожек. Если мы принесем с собой сороконожку, богословы вынуждены будут признать, что это не рай. В раю сороконожки не живут.

— Я сожалею,— вмешался Шептун,— но не смогу транспортировать сороконожку. Вес ее превышает мои возможности. У меня сил не хватит.

— Ну хорошо, если это отпадает,— сказала Джилл,— разве нельзя теперь, когда мы знаем, где находится это место, прислать сюда Слушателей? Они добудут доказательства: все будет запечатлено в кристаллах.

— Не пойдет,— покачал головой Теннисон.— В первый раз пузыри упустили Мэри. Она попала сюда, была сражена тем, что увидела, и вернулась еще раз. В первый раз она все увидела мельком, не подробно. При повторном посещении она, вероятно, надеялась, как и мы теперь, добыть какое-нибудь доказательство. Но во второй раз ее тут заметили, поэтому напугали и выгнали. Так что теперь они прекрасно умеют распознавать Слушателей и ни за что не позволят им еще раз сюда проникнуть.

— Эх, если бы мы сами могли записать здесь кристалл...

— Пустой разговор. Мы же не Слушатели.

— Но нас они впустили,— задумчиво проговорила Джилл.— Как же так? Они наверняка впустили нас сами. Могли бы остановить, напугать, выгнать, как Мэри.

— Ты ошибаешься,— сказал Шептун.— Обитатели математического мира внедряются в другие миры не так, как Слушатели. Кубоиды доставили нас сюда без ведома здешних обитателей. Нас заметили, когда мы уже были здесь. Один раз это получилось, но не уверен, что еще раз удастся. Они поймут, что в системе их защиты существует брешь, и предпримут меры.

— Ну что ж...— проговорил Теннисон.— Итог таков: другой возможности попасть сюда не предвидится. В качестве доказательства нам взять с собой нечего. Наше слово — это все, что мы можем унести с собой, а слову нашему богосло-

вы не поверят. К тому же, что бы мы с собой ни принесли, они с пеной у рта будут орать, что мы это взяли не в раю, а подобрали где-нибудь по дороге.

— Хочешь сказать,— спросила Джилл,— что мы зря сюда прибыли?

Что Теннисон мог ответить? «Что ответить?» — спрашивал он себя и не находил ответа. Мог ли их рассказ обо всем, что они тут успели увидеть, помочь Феодосию и его сторонникам продолжить борьбу и удержать богословов от решительных действий? Поможет ли это сохранить Ватикан и Поисковую Программу?

«Если шанс и есть,— думал он,— то очень маленький, слишком ненадежный. И почему нам не пришло в голову продумать все заранее? Разве мы не понимали, что нужно обязательно вернуться с доказательствами? Будь у нас хоть немножко больше времени, мы бы что-нибудь придумали...»

Однако создавалось впечатление, что времени у них крайне мало. Здесь было опасно — почему именно, судить было трудно, но Теннисон ощущал опасность. И Шептун говорил об этом.

«Провал,— думал он.— Полный провал. Мы осуществили свою миссию и с блеском провалились».

Но что он мог сделать? Что могла сделать Джилл? Что могли сделать они все? Гораздо легче было ответить, чего они не могли, не имели права делать. Они не могли позорно, трусливо, поджав хвост, удрать отсюда, по крайней мере пока.

— Если бы мы могли послать хоть какую-то весточку Феодосию...— нарушила молчание Джилл.— Сообщить о том, что мы здесь и что это не рай.

— Я могу доставить весточку,— предложил Шептун.

— Но кому ты ее доставишь? Нет, ведь на Харизме не осталось никого, кто бы тебя услышал. Ни Феодосий, ни Экайер...

— Есть еще глухоманы,— возразил Шептун.— С ними я могу разговаривать. А тот, что живет повыше хижины Декера, может донести весточку Феодосию.

— Но ты нам нужен здесь.

— Я же быстро. Туда и обратно.

— Нет,— твердо сказал Теннисон.— Мы не хотим, чтобы ты уходил даже ненадолго. Ты нам тут можешь понадобиться.

— Ну, тогда... я могу попросить другого пыльника, одного из моих сородичей. Он сделает это для меня. Я забыл, говорил ли вам, что тут есть еще пыльники?

— Да, говорил,— кивнула Джилл.

— Вот и хорошо. Значит, решено, я попрошу одного из них.

Глава 57

Когда явился монах и запинаясь сообщил, что по эспланаде поднимается глухоман, Феодосий поднялся и пошел встретить его.

Выйдя к базилике, Феодосий увидел, что глухоман уже совсем близко. Он подкатился к подножию лестницы, перестал вращаться и опустился на мостовую. Тут же раздался гул, на фоне которого послышались слова:

— Я решил нанести тебе ответный визит,— сообщил он.

— Я вам крайне признателен,— ответил Феодосий.— Это очень любезно с вашей стороны. Нам вообще следует почаще видеться.

— И еще я принес тебе весть,— сказал глухоман.— Мне поручено передать тебе послание, которое мне доставил пыльник.

— Пыльник? Шептун Декера?

— Нет, не Шептун. Другой пыльник. Один из тех, кто давным-давно покинул это место, а теперь он счастливо вернулся домой. Мы уже отчаялись когда-нибудь увидеть хоть одного из них. Мы ведь, как ни странно, считали их своими детьми. Теперь один из них вернулся домой. Мы надеемся, что и другие вернутся.

— Я искренне рад за вас,— сказал Феодосий.— Но вы сказали, что пыльник принес известие.

— Это известие велено передать тебе, кардинал. Теннисон и Джилл добрались до рая, но это не рай.

— Хвала Всевышнему! — воскликнул кардинал.

— Тебе не хотелось, чтобы это был рай?

— Мы, некоторые из нас, всей душой надеялись, что это не так.

— И еще,— добавил глухоман,— Джилл и Теннисон скоро вернутся.

— Когда?

— Скоро,— ответил глухоман.— Они вернутся скоро.

— Прекрасно. Я буду ждать их здесь.

— Я позволил себе,— продолжал глухоман,— назначить место для их встречи. Встреча произойдет здесь, на эспланаде.

— Но как они узнают, что мы будем ждать их именно здесь?

— Пыльник вернулся в это место, в этот не-рай, чтобы сказать им об этом. Я решил, что мы с тобой будем ждать их здесь, чтобы приветствовать.

— Да. Будем ждать.

— У меня достаточно терпения для долгого ожидания.

— И у меня достаточно. И потом, нам нужно о многом поговорить. Я часами готов говорить с вами.

— Прими мои извинения,— сказал глухоман,— но долго говорить по-вашему мне трудно.

— Ну что ж, в таком случае давайте вместе молчать. Может быть, мы сумеем понять друг друга и без слов.

— Прекрасная мысль,— согласился глухоман.— Давай попробуем.

— Если вы не против,— сказал кардинал,— мне хотелось бы сходить за табуретом. Глупо, конечно, что роботу нужен табурет. Но я привык сидеть на табурете. Просто когда я навещал Джилл в библиотеке, я всегда сидел на табурете. Я понимаю, привычка глупая, но...

— Я подожду. Иди за своим табуретом.

Он остался на эспланаде, а Феодосий отправился за табуретом.

Глава 58

Сноппи снова уснул. Он спал подолгу, а может, просто сидел с закрытыми глазами — всеми тринадцатью. Сноппи передвигался так мало и так редко, что, когда глаза его были закрыты, трудно было понять, спит он или просто отгородился от мира.

«Скучно ему»,— подумал Смоки. Порой он чувствовал сильное искушение избавиться от Сноппи, но, поразмыслив, решил, что лучше оставить его при себе. Сноппи был зануда и брюзга, но в мудрости ему отказать было трудно. А уж найти второго такого, как он, и вовсе невозможно. И потом, если уж кто-то с кем-то объединялся в триаду, такую связь разорвать было практически невозможно. На создание безукоризненно сосуществующей триады уходило так много времени, а Сноппи был рядом так давно, что Смоки не мог вспомнить, когда они познакомились.

«Мы соединились друг с другом,— думал Смоки,— проросли друг в друга корнями. Но нет между нами чего-то, хотя бы отдаленно напоминающего настоящую, глубокую привязанность. Мы неделимы потому, что Сноппи ни за что на свете не допустит, чтобы я прогнал его. Ему непременно нужен кто-то, к кому он прилепился бы, а один он не может, совсем не может. Он пропал бы один, вот и держится за меня. Он, конечно, может вечно ворчать, что, дескать, Попрыгунчик надоел ему до смерти своими скачками, он может грозить, что возьмет да уйдет из триады, но он никогда не пойдет на это. Он отлично знает, что триада — главный залог безопасности и уверенности».

«Шмяк, шмяк, шмяк!» — скакал Попрыгунчик.

Сноппи спал, а Декера не было.

«Все время его нет,— жаловался Смоки самому себе,— а с ним интересно беседовать, у него такое богатое воображение, и всегда он так вежлив, обходителен. Но порой волей-неволей засомневаешься в том, что он предан главной идее триады. Оппортунист он,— думал Смоки,— хоть и притворяется. Он, конечно, останется здесь, деваться ему некуда. А если бы появилась возможность, только бы мы его и видели. Но такой возможности у него нет и не предвидится. Я — самый сильный пузырь в Центре,— с гордостью думал Смоки,— самый могущественный, а могущество мое основано на мудрости Сноппи и пронырливости Декера. Я правильно и умно подобрал себе триаду. Но почему же, почему тогда порой меня так раздражают оба партнера? Может быть, когда воссоздадут двух новичков, добавить их к триаде и создать квинтет? Решусь ли я на такое? Удастся ли мне? Это, конечно, будет откровенным нарушением традиции и здравого смысла, и меня

будут беспощадно громить и критиковать на каждом углу, но плевать я хотел на критику. Только вот будет ли это мудро? Три Декера — не многовато ли? Но эти так называемые люди, похоже, сильные и умные, хоть и оппортунисты вроде Декера... Ну-ка, сложим: мудрость Сноппи да оппортунизм трех людей, это что же получится?

Надо хорошенько поразмыслить,— решил он.— Взвесить все "за" и "против"».

«Шмяк, шмяк, шмяк!» — скакал Попрыгунчик.

«Собственно говоря — чего мне бояться? — продолжал размышлять Смоки.— Тетрада у меня фактически уже есть. Пока, по крайней мере, мне удается скрывать это, заявляя всем, что Попрыгунчик всего-навсего забавная игрушка, но если дойдет до дела, я скорее двух других прогоню, а Попрыгунчика себе оставлю. Пока все идет хорошо. Никто ничего не подозревает, и ладно.

Но почему,— думал он,— я так ценю Попрыгунчика? Он вовсе не так мудр, как Сноппи, не так смел, не такой фантазер и изобретатель, как Декер, но именно он дает мне силу и странное ощущение комфорта — такого, какого никто из моих сородичей никогда не знал».

Сноппи все еще спал. Декер не приходил, все конусы ушли, а Смоки сидел один, то есть почти один. Попрыгунчик скакал и скакал, не ведая усталости. Дурацкие кубики, которые прибыли с двумя людьми и пыльником,— сам он пыльника, правда, не видел, но Декер сказал, что он здесь,— сбились в кружок на стоянке и вели между собой беззвучную беседу, яростно сверкая уравнениями и графиками.

«Как все-таки непредсказуемо многообразна Галактика! — думал Смоки.— Сколько в ней форм жизни, и сколько ими выработано понятий! Одни из них совершенно бессмысленны, а в других таятся пугающие возможности. Но во всех этих понятиях можно отыскать логику, и стоит ее только отыскать, каждое из них могло бы быть весьма, весьма полезно».

Центр и был тем самым местом, где можно разгадать смысл любых понятий. Это была цель работы Центра. Но когда загадки будут разгаданы, должен произойти следующий шаг, и заключался он в том, чтобы употребить найденные разгадки на пользу.

«Кому на пользу? А себе! — мысленно хихикнул Смоки.— Лучше себе, чем никому. Я тут один понимаю, что к чему, и смогу сделать как лучше. Со мной Сноппи, и Декер, и Попрыгунчик, который говорит мне, что я все делаю правильно, и я смогу верно применить все знания, которые накоплены в Центре за многие тысячелетия. Да, для себя. А что? Кто-то думает, что меня можно свергнуть, но нет, не выйдет. Только я сумею повернуть все перспективы себе на пользу. Воображаю, как они все будут ошарашены, когда узнают, что я задумал!

Сначала — Галактика. А потом — Вселенная. Сначала —Галактика, потом — Вселенная.

Пускай потом спохватятся, будут вопить, проклинать все на свете. Сами виноваты — упустили кое-что, так, самую малость. А я не упустил. Они слишком горды, слишком самонадеянны, а потому и не способны разглядеть простую истину, не способны даже мысли допустить, что могут ошибаться.

За долгие тысячелетия Центр обнаружил сотни, нет, тысячи религиозных систем. Как ни трудно было, их все-таки изучили. Мало того, были проведены эксперименты, которые с треском провалились: все системы были признаны бессмысленными. Неопровержимо доказали не только то, что все божества ложны, но было сделано гораздо более жесткое заключение: никаких богов не существует вообще — ни слабых, ни сильных, ни истинных, ни ложных. Все религиозные системы были классифицированы как элементарный самообман, самообман добровольный, которым тешили себя слабые цивилизации. Им необходимо было убежище, укрытие от горькой правды реальности, от бесстрастной, неопровержимой истины, которая заключалась в том, что во всей Вселенной никому нет дела до них».

Попрыгунчик шлепнулся на пол прямо перед Смоки и, вместо того чтобы скакать туда-сюда, принялся подпрыгивать на одном месте. «Шмяк, шмяк, шмяк» — прыгал он невысоко и быстро-быстро.

Глядя на него, зачарованный равномерностью однообразного движения, Смоки оставил размышления и почувствовал, как им овладевает невиданное удивление. Удивление переросло в поклонение, подобострастие — все эти чувства соединились внутри него и придали ему силы. Охваченный порывом

чувств, он подумал, что все так и должно быть, что сила и власть должны идти рука об руку с поклонением и страстью. И это порадовало его, потому что власть была нужна ему больше всего на свете. Говорили, будто сила, власть — это зло и осуществлять власть — значит творить зло, но это было не так, и те, кто так говорил, жестоко ошибались. Ошибались, потому что думали, что богов нет. А он нашел свое божество, и оно было его собственным божеством и принадлежало только ему. Настанет день, пробьет час, и его божество даст ему силы, чтобы он смог осуществить свои планы. Когда настанет час сделать решающий шаг, у него будет и сила, и могущество.

«Поклонись мне!» — потребовало божество.

И он поклонился своему божеству. Так был заключен их союз.

«Шмяк! Шмяк! Шмяк!» — запрыгал Попрыгунчик еще резвее.

Глава 59

Смоки восседал на возвышении. Теперь Теннисон разглядел его более внимательно, чем в первый раз, и пришел к выводу, что пузырь — совершенно замечательное существо. Смоки был по-своему красив. Очертаниями он скорее напоминал яйцо, чем идеальную сферу, и его наружная скорлупа — если это была скорлупа — поблескивала, как перламутр, отбрасывая радужные блики. Ямка на обращенной к ним поверхности была затуманена и походила на кусочек неба, которое заволокло дождевыми тучами — серыми, пушистыми,— а когда тучи рассеивались, за ними было видно лицо. Это было смешное, примитивное, карикатурное лицо — так рисуют маленькие дети, которые впервые взяли в руки карандаш.

По одну сторону от Смоки сидел Сноппи, гораздо больше похожий на настоящий сноп, чем на живое существо. Порой среди кучи соломинок нехорошим блеском сверкали многочисленные глазки. По другую сторону стоял Декер-II. Приглядываясь к нему, Теннисон мучительно пытался отыскать в его облике хоть что-то не напоминавшее с такой силой прежнего, настоящего Декера. Но отыскать не мог — это был ожив-

ший Томас Декер. Перед Смоки туда-сюда носился Попрыгунчик.

Вдоль стен комнаты стояли конусы — убийственно черные. «Что за птицы? — подумал Теннисон.— Явно какие-то прислужники. Охранники, наверное... Чушь! Кого охраняют и от кого?»

Внутри сознания Теннисона заговорил Шептун:

— Не оглядывайся. Только что вошли кубоиды.

— Ты хотя бы приблизительно представляешь себе, что происходит? — спросила Шептуна Джилл.

— Не очень,— признался Шептун.— Это аудиенция, но какова ее цель, я пока не понял. У пузыря, похоже, ничего хорошего на уме нет. И еще: следите повнимательней за Попрыгунчиком.

— За Попрыгунчиком? — удивилась Джилл.

— Попрыгунчик тут главный, вот увидите.

Декер обратился к Теннисону:

— Смоки приветствует вас и желает узнать, хорошо ли с вами обращались. Нет ли у вас каких-нибудь пожеланий?

— Обращались с нами хорошо,— ответил Теннисон.— А пожеланий у нас никаких нет.

Пузырь издал утробные, булькающие звуки.

Декер сказал:

— Он говорит, что пыльник должен покинуть помещение. Он не любит пыльников и не хочет, чтобы он тут находился.

— Скажите Смоки, что пыльник останется здесь.

— Позвольте предупредить вас, друг мой,— покачал головой Декер,— что это очень, очень неразумно.

— И тем не менее, прошу вас, переведите ему, что пыльник никуда не уйдет. Он — один из нас.

Декер перевел Смоки сказанное, и пузырь что-то пробурчал. Глаза его сверкнули как молнии, глядя на Теннисона в упор.

— Ему это не нравится,— перевел Декер.— Но в надежде на согласие и плодотворную беседу он позволяет пыльнику остаться.

— Один-ноль в нашу пользу,— прошептала Джилл.— Не так уж он несговорчив и непоколебим.

— Не обольщайся,— посоветовал Теннисон. А вслух сказал: — Благодарю вас. Скажите Смоки, что я его благодарю.

Смоки снова забулькал, и Декер перевел:

— Мы рады, что вы прибыли к нам. Мы всегда рады встрече с новыми друзьями. Задача Центра — сотрудничество со всеми формами жизни в Галактике.

— Мы рады, что оказались здесь,— коротко ответил Теннисон.

Смоки забулькал, Декер перевел:

— А теперь вручите свои верительные грамоты, где указана цель вашего любезного визита.

— У нас нет никаких верительных грамот,— ответил Теннисон.— Мы никого не представляем. Мы прибыли как независимые члены галактического сообщества. Мы обычные путешественники, туристы.

— Тогда, может быть,— перевел Декер очередную серию бульканий,— вы не откажетесь любезно сообщить нам, как вы нас разыскали.

— Нет ничего проще,— улыбнулся Теннисон.— Кому в Галактике не известно могущество и великолепие Центра?

— Он смеется над нами,— пробулькал Смоки Декеру.— Он над нами издевается, хочет нас подразнить!

— Сомневаюсь,— ответил Декер.— Он ведь простой варвар. А у варваров принято так разговаривать.

— Тогда скажите, с какой целью вы прибыли? — спросил Смоки у Теннисона.— Должна же у вас быть какая-то цель.

— Мы просто путешествовали где хотели. Я же сказал — мы туристы. А туристы — народ любознательный. Вот и все.

— Ты слишком резок,— прозвучал в сознании у Теннисона голос Джилл.— Успокойся, не нужно дерзить ему.

— Он хочет выудить информацию,— ответил Теннисон.— А я не собираюсь ему ничего выкладывать. Мне совершенно ясно: он не знает, кто мы, откуда прибыли, и лучше оставить его в неведении на сей счет.

— Друг,— сказал Декер,— вы ведете себя не совсем верно. В знак вежливости и взаимной приязни разумнее было бы давать нам прямые, откровенные ответы.

— Они еще не закончили воссоздание ваших копий,— сообщил Шептун.— Если бы закончили — не задавали бы вам никаких вопросов. Они могли бы получить ответы у воссозданных людей. Однако, похоже, пузырь торопится. Он не хочет ждать результатов воссоздания.

— А я и даю вам совершенно честные и откровенные ответы,— сказал Теннисон.— Если ваш друг желает узнать, где находится наша родная планета, то посоветуйте ему отыскать ее другими средствами, поскольку я ему об этом рассказывать не собираюсь. Если он желает узнать, как мы сюда попали, он сможет выяснить это позднее, побеседовав с нашими дублями, но от нас он ничего не добьется. Если хочет, может потолковать с кубоидами. Может быть, они ему что-нибудь расскажут.

— Зачем вы так? — укорил Теннисона Декер.— Вы же отлично знаете, что мы не умеем разговаривать с этими существами.

— О чем вы там! — пробулькал Смоки.— Ну-ка, Декер, переводи немедленно!

— Тонкости семантики,— ответил Декер.— Не волнуйся, я просто подыскиваю наилучший вариант перевода. Я отвык от человеческой речи. Потерпи.

«Шмяк, шмяк, шмяк! — шлепал по полу Попрыгунчик.— Шмяк, шмяк, шмяк!»

— Не нравится мне все это,— прошелестел Сноппи.— Декер, что, черт подери, происходит? Почему ты не переводишь? Спелся с ними, что ли?

— Заткнись,— отрезал Декер.— Закрой свой соломенный рот.

— Ну вот,— злобно прошипел Сноппи.— Говоришь вам всем, говоришь, а толку — чуть. Декер,— проговорил он заискивающе,— мы же с тобой разумные существа, правда? Надо подумать. Давай отложим пока это дело, успеем еще вернуться к разговору.

— Не желаю ничего никуда откладывать! — вмешался Смоки.— Мне нужны ответы, и немедленно! И есть способы получить их!

— Я не совсем уловил, в чем суть,— сообщил Шептун,— но, похоже, дело осложняется.

— Ну и пусть осложняется,— упрямо проговорил Теннисон.

— Имейте в виду, в случае чего мы можем исчезнуть в любой момент.

— Рано еще,— сказал Теннисон.— Посмотрим, как все обернется... Отдыхай пока.

Попрыгунчик подскакал к Смоки и принялся подпрыгивать на одном месте — вверх-вниз, вверх-вниз, резко, стремительно.

«Шмяк, шмяк, шмяк, шмяк, шмяк, шмяк!»

— Нельзя уходить,— проговорила Джилл.— Нельзя! Рано. У нас нет доказательств. А они нам нужны как воздух!

— Я скажу вам как мужчина мужчине, как человек человеку,— обратился Теннисон к Декеру.— Вы должны меня понять, ведь вы человек, а кроме человека, никто этого не поймет, ни одно существо на свете. Мы дали слово, понимаете? Мы поклялись, что попадем сюда и доставим домой доказательство того, что мы здесь побывали. Дайте нам такое доказательство — чтобы никто не смог усомниться — и отпустите нас. Если вы сделаете это, мы вернемся. Даем вам честное слово, что вернемся и ответим на все ваши вопросы!

— Да вы с ума сошли! — закричал Декер.— Чтобы я в это поверил? И как вы смеете торговаться?

— Декер! — квакнул Смоки.— Переводи! Немедленно! Приказываю тебе, повелеваю! Переводи, а то...

— Они отказываются отвечать на вопросы сейчас,— сказал Декер.— Они предлагают сделку. Договор.

— Что? Что ты сказал? Договор? Кому предлагают? Мне? Со мной торговаться? Да я их...

— А что такого? — прошелестел Сноппи, и глазки его весело засверкали.— Почему бы разумным существам и не поторговаться немножко?

— Не выйдет! — возмущенно булькал Смоки.— Думают провести меня? Самоуверенные варвары!

— Было бы разумно пойти на кое-какие уступки,— посоветовал Декер.— Я знаю людей, потому что сам человек, и я требую, чтобы ты не смел кричать на них и оскорблять их, более того, я требую...

Попрыгунчик скакал все быстрее и стремительнее. Шлепки слились в единый непрерывный звук, заглушавший слова Декера. Все выше и выше скакал Попрыгунчик — вверх-вниз, вверх-вниз, не удаляясь от Смоки, и вдруг Смоки сам стал подпрыгивать! Да-да, подпрыгивать! Не так высоко, не так легко, как Попрыгунчик, но тоже довольно быстро, все выше и выше. Смотреть на это было страшно и противно.

— Думаю,— решительно сказал Шептун,— теперь нам пора.

— Нет! — упрямо отозвался Теннисон.— Нам нужны доказательства. Нельзя возвращаться с пустыми руками!

— Но ты не сможешь добыть никаких доказательств у этих маньяков. В любое мгновение они могут взорваться у нас на глазах.

— Смоки! — кричал Декер, пытаясь перекричать Попрыгунчика.— Смоки, ты не прав! Ты...

— Анафема! — проревел Смоки.— Анафема всем! Всех проклинаю!

— Пора,— еще более твердо сказал Шептун.

Теннисон попытался возразить, но возражать было уже поздно.

Но пока эта дикая сцена еще была у него перед глазами, он успел заметить взгляд, который бросил на него Попрыгунчик: вспышку света, огня, но не горючего, а мертвенно-ледяного...

Глава 60

Слух о том, что происходит нечто чрезвычайное, быстро распространился по Ватикану. «Что-то происходит или вот-вот произойдет!» — говорили одни. «Кардинал Феодосий-то сидит с глухоманом у лестницы возле базилики и ждет чего-то. А чего?» — недоумевали другие. «А это слышали, самое новенькое? Джилл и Теннисон в раю побывали и, того гляди, вернутся! Они принесут добрую весть, весть о том, что это действительно рай. Они скажут нам, что Мэри не ошиблась, что она говорила нам правду!» — ликовали третьи.

Были и такие, кто пытался урезонить чересчур зарвавшихся. «Вы ошибаетесь,— твердили они.— Верить, что кто-то может побывать в раю во плоти,— это же полное противоречие со всеми установками Ватикана! Рай — это великая тайна, рай — не от мира сего, он лучше и выше мира». А некоторые утверждали, что Джилл и Теннисон — посыльные, лазутчики Феодосия и других кардиналов, которые не верят, что рай существует, или не хотят верить. «Что делать? — спрашивали они.— Поверить им — значит распрощаться с поисками знания. Если рай есть, значит, всякие знания — чушь, чепуха,

пыль под ногами, полная никчемность. Найдется рай — и никаких знаний не надо будет никому. Нужна будет только вера».

Садовник Джон спустился по лестнице от базилики и встал перед кардиналом как вкопанный.

— Ваше преосвященство,— процедил он,— вы имели честь беседовать с его святейшеством?

— Имел, имел,— добродушно согласился Феодосий.— У кого из нас больше прав на такую честь, Джон?

— И в разговоре с ним вы обвинили меня в предательстве Ватикана?

— Да,— невозмутимо ответил Феодосий,— я обвинил тебя во вмешательстве в дела, к твоей компетенции не относящиеся.

— Сохранение веры — дело каждого из нас! — крикнул Джон.

— Согласен. А вот кражу кристаллов и убийство ни в чем не повинного человека я бы делом каждого называть не стал,— жестко проговорил Феодосий.

— Вы меня в этом обвиняете?! — взвизгнул Джон.

— И ты имеешь наглость и дерзость отрицать, что был инициатором и лидером богословской смуты? Ты берешься утверждать, что это не ты затеял кутерьму с канонизацией Мэри?

— Это была не смута! — вскричал Джон, мотая головой.— Это была искренняя, честная попытка вернуть Ватикан назад, на тот путь, что вырабатывался в течение стольких лет! Церкви была нужна святая, и я подарил ее Церкви.

— Для меня это была смута,— сказал Феодосий, глядя в глаза Джону.— Ты поднял на дороге соломинку и вознамерился пощекотать ей в носу у Церкви. Ты — самонадеянный тупица. Ты думал, что рассказ безумной женщины поможет тебе осуществить святотатственные замыслы!

— Я бы воспользовался чем угодно,— гордо сказал Джон,— чтобы вернуть Ватикан на путь истины.

Он развернулся и быстро пошел вверх по лестнице, но почти сразу остановился, обернулся и спросил:

— Вы потребовали от его святейшества, чтобы меня понизили в должности и осудили на послушничество, если окажется, что это не рай?

— Именно так,— подтвердил Феодосий.— И будь уверен, я лично прослежу, чтобы это было исполнено.

— Сначала докажите, что это не рай! — выкрикнул Джон.— А не докажете — то же самое будет с вами!

— Полагаю, что ты поменял нас ролями,— спокойно ответил кардинал.— Полагаю, это тебе, а не мне придется доказывать, что место, где побывала Мэри,— рай.

— Как же так вышло, ваше преосвященство, что рай стал вам так ненавистен?

— Ненавистен? Почему — ненавистен? Вовсе нет. Искренне надеюсь, что рай существует. Только не такой, о каком мечтал ты.

Джон резко повернулся и пошел вверх по лестнице, не оглядываясь.

А слухи ползли и ползли...

«Видали? Кардинал Феодосий сидит на табуретке! Где это видано, чтобы кардинал на табуретке сидел? Я слышал, что это наказание, епитимья, что его святейшество наказал Феодосия и теперь он все время будет у всех на глазах на табуретке сидеть, точно вам говорю, не сойти мне с этого места!»

«А глухоман? Глухомана-то зачем принесло? Тут ему делать нечего! Нет, вы посмотрите, сидят рядышком, как закадычные дружки! Подумать только: кардинал, его преосвященство, и хищный зверюга. Ох-ох, не так тут все просто, помяните мое слово...»

Другие возражали: «Не забывай, это же тот самый глухоман, что принес Декера и Губерта домой, и никакой он не зверюга, он умеет разговаривать, я сам слышал. Он добрый».

«Принес домой! — всплескивали руками первые.— А что ему еще оставалось, подумай! Он же сам их, поди, и прикончил, как того молодого доктора!»

Слухи, слухи, слухи...

Ватикан начинал медленно сходить с ума.

Остановились все работы. Вокруг эспланады собирались толпы народа, но центральная часть площади оставалась пустой — почему-то, повинуясь какому-то неясному, необъяснимому инстинкту, все решили, что если что-то и произойдет, то именно здесь. Лестницу, спускавшуюся от базилики, заполнили роботы. Дровосеки, сборщики урожая, пастухи, стригали, операторы паровых котлов — все побросали работу

и собрались здесь. Люди из поселка оставили домашние дела и взобрались на колокольню. Кому-то взбрело в голову раскачать колокола, поднялся трезвон — неритмичный, безумный,— он продолжался до тех пор, пока сам кардинал Феодосий не встал с табуретки и не взбежал по лестнице, чтобы отдать приказ прекратить это безобразие. Пришли даже некоторые из Слушателей, которые крайне редко показывались на людях, но тут и они не выдержали. Поспешно сформированная бригада техников, лишенная всякого руководства, водрузила на фасад базилики громадный видеоэкран и подсоединила его к одной из тех комнат, где Папа давал аудиенции. Через несколько минут на экране появилось бесстрастное, неподвижное лицо Папы. Он молча присоединился к ожидавшим.

Ничего не происходило. Шли часы, а ничего не происходило.

Постепенно шумевшая, гудящая и перешептывающаяся толпа умолкла. Все застыли в ожидании. Казалось, даже солнце в небе остановилось, прервав свой путь к закату. Напряжение росло с каждой минутой.

— Вы не могли ошибиться? — спросил Феодосий у глухомана.— Не было ли в послании ошибки?

— Я передал все как было в послании, слово в слово,— ответил глухоман.

— Значит, что-то случилось,— встревоженно проговорил Феодосий.— Я чувствую, случилось что-то нехорошее.

«Слишком уж я был уверен,— думал он,— что все будет хорошо. Что эти двое вернутся и принесут добрую весть, и в Ватикане все станет по-старому, и прекратится эта кутерьма со святыми и раем...»

Думая так, он пытался успокоить себя, не поддаваться отчаянию.

«Если даже что-то не так, если произошло что-то плохое, это же не навсегда. Я сам и еще кое-кто в Ватикане, пускай нас будет немного, поддержим огонь, который разгорится от искры надежды. Ватикан не погрузится в темную бездну, не погибнут в ней безвозвратно крупицы жизни. Когда-нибудь, через много веков, люди устанут от стерильной святости и вернутся к поискам знания, а это приведет их в конце

концов к истинной вере. Но если когда-нибудь, в далеком будущем, выяснится, что истинной веры на свете не существует, лучше узнать об этом и открыто принять, чем притворяться и двуличничать, утверждая, что такая вера должна быть обязательно».

Кардинал погрузился в раздумья, молитвенно, смиренно склонил голову и вдруг услышал нарастающий звук множества голосов. Резко подняв голову, он увидел то, что видели другие.

На эспланаде, не более чем в ста футах от кардинала, стояли Джилл и Теннисон. Над ними он разглядел мгновенно сверкнувшую и пропавшую вспышку алмазной пыли. «Уж не Шептун ли это?» — подумал кардинал.

Он приподнялся, но тут же снова опустился на табурет. Что-то было не так. Он увидел то, что не разглядел поначалу: перед Джилл и Теннисоном подпрыгивало странное чудище, похожее на маленького осьминога, перевернутого вверх ногами. Подпрыгивая, странное существо издавало противный чавкающий звук.

Теннисон обратился к Шептуну:

— Шептун, что стряслось? Ты что, притащил с собой Попрыгунчика ?

— Понимаешь, я успел схватить его в последнее мгновение,— оправдываясь, ответил Шептун.— Когда он вздумал взорваться там, прямо перед нами, я ухитрился каким-то образом проникнуть к нему в сознание — до тех пор мне это не удавалось, хоть я очень старался. Я вовсе не собирался брать его с собой, но так уж вышло, что он тут.

— Там, в последний момент,— сказала Джилл,— он показался мне громадным и злобным.

— Ну, не знаю,— сказал Шептун, и было похоже, что сказать ему больше нечего.

— Ты знаешь хотя бы, что он такое? — спросил Теннисон.

— Не совсем уверен. Это не так просто объяснить, Смоки думает, что он — божество, которое может ему помочь, и готов платить за эту помощь поклонением. Ведь вы, люди, точно так же относитесь к своим божествам, только, может быть, не так цинично, как Смоки.

— Но он-то кто на самом деле? Действительно божество?

— Кто знает? Смоки так думает. Он считает, что ему удалось заполучить нечто такое, чего нет у других пузырей, и что Попрыгунчик может помочь ему в достижении цели. Он думает, что стоит только найти нужное божество, и можно достичь чего угодно. Насколько я успел разобраться, Попрыгунчика роль божества вполне устраивает. Значит, их уже двое — тех, кто так думает. Сколько нужно тех, кто поверил бы, что божество — это божество, чтобы это стало правдой? Я не знаю.

«Шмяк, шмяк, шмяк!» — скакал Попрыгунчик.

Феодосий встал с табурета и пошел им навстречу. Следом, медленно вращаясь, двигался глухоман. А за ним толпились люди и роботы. Они запрудили лестницу, взобрались на все свободные крыши, встали по обе стороны эспланады. А с фасада базилики на все происходящее взирало непроницаемое лицо Папы.

Феодосий пожал по очереди руки путешественникам: сначала Джилл, потом Теннисону.

— Добро пожаловать домой,— сказал он сердечно.— Рад вас видеть. Позвольте поблагодарить вас за путешествие, которое вы предприняли ради нас.

Попрыгунчик бешеным галопом проскакал вокруг Феодосия и глухомана.

— Позвольте представить вам моего друга глухомана. Вы,— обратился Феодосий к Теннисону,— уже имели удовольствие с ним познакомиться, а вот Джилл видит его впервые.

— Очень приятно,— поклонилась Джилл глухоману и улыбнулась.

Старик издал свою обычную басовую дробь и произнес:

— Польщен. Рад познакомиться с вами и приветствовать ваше возвращение на Харизму.

Толпа, постепенно смыкаясь, образовала тесный полукруг около сцены, где разворачивались события.

— Позвольте поинтересоваться,— сказал Феодосий,— что это за скачущий монстр, которого вы принесли с собой? Это важная особа?

— Ваше преосвященство,— ответил Теннисон.— Я в этом смысле сильно сомневаюсь.

— Тогда зачем он здесь?

— Мы сами не знаем. Он затесался в нашу компанию в суматохе перед отбытием.

— Мы догадываемся, что вы нашли рай Мэри.

— Нашли,— кивнул Теннисон.— И никакой это не рай. Это научный центр наподобие Ватикана. Правда, у нас не было возможности и времени более подробно изучить его деятельность. Похоже, мы не слишком удачно вмешались в тамошнюю внутреннюю политику.

Неожиданно сквозь толпу, расталкивая людей и роботов, прорвался садовник Джон. Теннисон сразу узнал его.

— Доктор Теннисон,— сердито сказал Джон,— что вы можете представить в доказательство того, что место, где вы якобы побывали, не рай?

— Доказательств никаких нет,— ответил Теннисон.— То есть никаких вещественных, документальных доказательств. Нашего слова вам не хватит? Я считал, что для вас должно быть достаточно честного слова человека.

— Ситуация слишком серьезна,— сказал Джон,— чтобы хватило ничем не подтвержденного слова. Даже слова человека. Вы, люди, вообще скоры на слова...

— Джон,— оборвал его Феодосий.— Как ты разговариваешь? Где твое уважение к людям?

— Ваше преосвященство, уважение тут ни при чем. Мы тут все равны.

— Теннисон говорит правду,— прогудел глухоман,— он излучает правду.

— Вы, вероятно, думали,— продолжал Джон, не обращая внимания на глухомана,— что этот пляшущий уродец, которого вы приволокли с собой, может вам помочь, подтвердит достоверность вашего рассказа. Если уж на то пошло, потрудитесь доказать, что это существо — из рая.

— Я вовсе не собирался ничего доказывать,— ответил Теннисон.— Я отлично понимаю, что, возьмись я доказывать, ты тут же обвинил бы меня во лжи и стал утверждать, что я подобрал его где-нибудь по дороге.

— Будьте уверены, не премину,— едко парировал Джон.

Тут толпа издала единый дружный вопль и в страхе, продолжая кричать, отступила.

— Боже милосердный! — воскликнул Феодосий, выпрямившись в полный рост.

Теннисон быстро обернулся и увидел Смоки, Сноппи и Декера-II, выстроившихся в ряд. По обе стороны стояли охранявшие их кубоиды, обитатели математического мира.

— Вот видите, какие они умные! — радостно воскликнул Шептун.— Я же вам говорил, что они еще хоть куда! Они поняли, что у нас тут происходит. А я думал, понимают или не понимают? А ведь, может быть, это и есть то самое доказательство, о котором вы так мечтали?

По эспланаде, приближаясь к месту событий, шел Декер-II.

— Но позвольте! — воскликнул пораженный Феодосий.— Это же... Декер! Этого не может быть. Я лично отслужил по нему заупокойную мессу...

— Ваше преосвященство, успокойтесь,— сказал Теннисон.— Позже я объясню вам, в чем тут дело. Это другой Декер. Не наш. Я понимаю, в это трудно поверить...

Все неподвижно стояли и ждали Декера-II. Теннисон сделал несколько шагов ему навстречу.

— Видимо, это Ватикан? — спросил Декер.

— Он самый,— ответил Теннисон, улыбаясь.— Я рад видеть вас, Томас.

— Не хотелось бы теперь говорить об этом,— сказал Декер, опустив глаза,— но... там, перед вашим отбытием, стало очень плохо. Вы чуть было не погубили нас всех...

— Я?

— Вы имели дело с маньяком,— сказал Декер,— с чужаком-маньяком. Чужаки сами по себе не большой подарок, а уж...

— Но вы были с ним заодно, на его стороне. Как это у вас называется — «триада»?

— Друг мой,— печально промолвил Декер-II, поднимая глаза на Теннисона,— там, где я был все это время, главное — выжить. А чтобы выжить, приходилось делать что попросят. Приходилось приспосабливаться.

— Понятно,— кивнул Теннисон.

— А теперь мне хотелось бы обратиться к самому главному здесь,— сказал Декер.— Вы тут не самый главный, по всей видимости?

— Нет, не главный,— согласился Теннисон.— Главный тут его святейшество — вон он там, на стене, высоко-высоко. Но

я думаю, лучше всего вам поговорить с его преосвященством. Когда будете говорить, обращайтесь к нему «ваше преосвященство». Это не обязательно, но он так любит.

Он взял Декера под руку и подвел к Феодосию.

— Ваше преосвященство,— сказал он.— Это Томас Декер Второй. Он хочет говорить с вами.

— Декер Второй,— сказал кардинал,— вы прибыли к нам довольно бесцеремонно, без предупреждения, но я буду рад выслушать вас.

— Я прошу вас за чужака, бежавшего с родной планеты,— сказал Декер.— Ваше преосвященство, я имею в виду этот пузырь, похожий на яйцо. Я зову его Смоки, хотя у него есть другое имя.

— Мне кажется,— сказал Феодосий,— что я уже видел этого Смоки, а может быть, не его, но одного из его собратьев, много лет назад... А теперь, пожалуйста, оставьте формальности и изложите суть дела.

— Смоки отдает себя на вашу милость, преосвященный,— сказал Декер,— и просит у вас убежища. Он не может вернуться в Центр. Он совершенно бездомное существо и лишился очень высокого положения. Он в полной растерянности.

— Да, дела его, судя по всему, плохи...

— Очень плохи, ваше преосвященство. Он умоляет вас о милости...

— Довольно,— оборвал его Феодосий.— Лучше скажите: то место, откуда он родом, это не рай?

— Насколько я знаю, нет. Я никогда не слышал, чтобы его так называли.

— Вам известно, что одна из наших Слушательниц предпринимала попытку посетить ваш Центр — так вы его называете?

— Да, ваше преосвященство, мы так его называем — Центр галактических исследований. Да, нам известно, что кто-то, похожий по описанию Теннисона на одну из ваших Слушательниц, пытался проникнуть в Центр, но мы его, то есть ее, отпугнули.

Теннисон посмотрел через плечо и заметил, что кубоиды немного расступились, а перед Смоки и Сноппи бешено скачет Попрыгунчик, приближаясь к Смоки.

Наконец, вплотную подобравшись к пузырю, Попрыгунчик принялся скакать перед ним — все выше и быстрее.

— О господи! — простонал Теннисон в ужасе.— Только не это.— Он повернулся и бросился к Смоки и Попрыгунчику.

Позади слышались топот ног и крик Декера:

— Куда ты?! Вернись, безумец! Вернись, слышишь?

Теннисон бежал, не оглядываясь и ничего не слушая. Декер догнал его, на бегу протянул руку, схватил за плечо, рванул к себе. Теннисон попытался удержаться на ногах, закачался на месте, отчаянно стараясь сохранить равновесие. Но это ему не удалось, и он неуклюже повалился на мостовую, больно ударившись плечом, покатился и ткнулся лицом в камень.

А Декер закричал на языке пузырей:

— Нет, Смоки! И не пытайся, слышишь?! Разве тебе мало? Все кончено, хватит! Тебе конец, перестань немедленно!

— Все ты и зверушка твоя проклятая! — зашипел Сноппи, обращаясь к пузырю.— Ты погубишь нас всех! — Выпучив все тринадцать глаз, он крикнул Декеру: — Не подходи к нему! Не подходи! Он с ума сошел! Он хочет...

Декер резко остановился и попятился.

Попрыгунчик вспыхнул и превратился в круг яркого огня. Но пламя было холодным. Даже лежавший ничком на мостовой Теннисон ощутил его обжигающее касание.

И как только это произошло, наступила странная тишина, перекрывшая вопли обезумевшей от ужаса толпы. Тишина и темнота. Теннисон перевернулся на спину, посмотрел в сторону базилики и увидел, как опустившаяся завеса тьмы скрыла лицо его святейшества. Мрак покрыл лестницу и эспланаду, казалось, настала глубокая ночь. Попрыгунчик вспыхнул вновь — и тьма рассеялась. Попрыгунчик больше не скакал и не светился. Он неподвижно валялся на ступенях. Сноппи лежал рядом на боку, а Смоки — лицом к земле. Наконец он пошевелился и пополз вверх по эспланаде — медленно, с трудом. Феодосий и глухоман, не двигаясь, смотрели на ползущий пузырь. Декер бросился к лестнице и поднял Сноппи. Попрыгунчик вяло пошевелился. Декер подскочил к нему, ловко схватил за одно из щупалец и пошел вниз по эспланаде, волоча Попрыгунчика за собой.

Теннисон вскочил, выпрямился. Плечо, которым он ударился о мостовую, болело, пульсирующая боль разливалась по всей руке. Он неловко заковылял вслед за Декером и Сноппи.

— Этот ведь от своего не откажется,— сказал Декер, указывая пальцем на Смоки.— Один из тех фанатиков, которые упорно не желают признавать, что им конец. Валялся уже в грязи, и хоть бы что. Знаешь, какой у него девиз? «Сначала — Галактика, потом — Вселенная»!

— Он безумец,— морщась от боли, выговорил Теннисон.

— Несомненно,— подтвердил Декер.

— И ты был заодно с ним?

— Я же говорил тебе, друг: попытка выжить, только и всего.

Смоки подполз к Феодосию. Он по-прежнему не отрывал лица от земли.

Декер что-то сказал ему, и Смоки что-то вяло проквакал в ответ.

— Я говорил вам, ваше преосвященство, что он готов сдаться. Но я немного поторопился. Возьмите этого несчастного и заприте, да покрепче. Мой вам совет: постарайтесь побыстрее от него избавиться.

— Мы никого не лишаем жизни,— возразил Феодосий.— Для нас всякая жизнь священна. Но мы найдем для него место. А что делать с этим скачущим разбойником?

— Бросьте его туда же, куда и пузырь.

— А другой?

— Сноппи в порядке. Совершенно безопасен. Даже мил по-своему. За него ручаюсь.

— Ну что ж, хорошо. Мы позаботимся о них. А теперь позвольте поблагодарить вас.

— Меня? За что, ваше преосвященство?

— За то, что вы сообщили нам, что одна из наших Слушательниц была изгнана из вашего Центра.

Толпа зароптала, шум голосов становился все громче.

Но тут, перекрывая шум, прогремел могучий голос его святейшества:

— Прошу всех разойтись. На сегодня все закончено. В свое время факты, имеющие отношение к данной ситуации, будут самым тщательным образом рассмотрены и изучены. Результаты будут незамедлительно обнародованы.

Глава 61

Все собрались у Теннисона и расселись в гостиной перед весело пылавшим камином. Теннисон встал, чтобы наполнить стакан Экайеру. Остановившись перед Феодосием, он сказал:

— Прошу простить меня, ваше преосвященство, вы, вероятно, сочтете нас негостеприимными — мы вам ничего не предлагаем, а сами уплетаем сандвичи и поглощаем спиртное.

Кардинал поудобнее устроился на табуретке, которую специально для него Джилл принесла из кухни.

— Мне вполне достаточно того, что я здесь,— ответил Феодосий,— в кругу друзей, у огня. Я ведь не забыл тот вечер, когда я зашел к вам и вы попросили меня остаться.

— И я помню,— кивнул Теннисон.— Тогда вы не смогли задержаться, поскольку нас ожидал его святейшество.

— Да, верно, и представьте — с тех пор я ждал, когда вы меня снова пригласите.

— Вам не нужно ждать приглашения,— улыбнулась Джилл.— Мы всегда рады вам.

— Похоже, все закончилось благополучно,— сказал Экайер.— Теперь можно вернуться к работе. Слушатели могут приступить к своим обязанностям.

— Но его святейшество сказал всем, что официальное решение будет объявлено позднее,— проговорила Джилл.— Как вы думаете, есть ли возможность...

— Никакой,— твердо ответил Феодосий, поняв, о чем она хотела сказать.— Выслушав то, что рассказал Декер Второй, и зная, что Центр был информирован о посещениях Мэри, я склоняюсь к уверенности, что никаких вопросов нет и не будет. Его святейшество, несомненно, принял бы и менее веские доказательства, чем те, которые мы ему предоставили. Он более всех нас был огорчен этой затеей с раем и провозглашением Мэри святой. Вы не должны забывать, что он прежде всего компьютер, хоть и очень сложный. Ни у кого из нас не должно быть сомнений, куда простирается область его интересов.

— Но мне все-таки кажется, что, если бы дошло до дела, он мог бы распорядиться ситуацией не в нашу пользу.

— Нет. Он пошел бы на все, чтобы спасти и сохранить Ватикан. Как и любой из нас. Но вот что не перестает волновать меня... Так называемые пузыри несколько столетий назад обследовали нашу планету.

— Не стоит придавать этому слишком большого значения,— посоветовал Теннисон.— Декер уверил меня в том, что колоссальные массивы информации о множестве разведывательных вылазок подолгу лежат у них в файлах, а в Центр непрерывным потоком поступают все новые и новые данные, так что вероятность, что кому-то придет в голову раскапывать архивы и разыскивать именно эту информацию, слишком мала. Вряд ли теперь они смогут вспомнить, что у них вообще есть отчет о посещении этой планеты.

— Но там ведь остались ваши копии,— возразил кардинал.— Они могут проболтаться, что такая запись в файлах существует. Они могут рассказать им, где мы находимся. Это очень опасно. Просто удивительно, как они до сих пор нас не выследили. Но, увы, придется с этим смириться. Кстати, мы не беззащитны. Мы, правда, никому не говорили об этом, но вы видели собственными глазами, как его святейшество усмирил Попрыгунчика. Демпинг-эффект. Обыкновенное человеческое оружие, давно разработанное. Уничтожает все на своем пути. Но у нас есть и кое-что другое...

— Надо же! — удивленно воскликнул Экайер.— А я об этом ничего не знал!

— И мало кто знает,— сказал Феодосий.— У нас существует установка на использование оружия только в самой чрезвычайной ситуации. Но судя по тому, что рассказывает Декер, пузыри — чрезвычайно порочная и злобная раса. Прошу прощения, может быть, мое сравнение будет не слишком удачно, но я бы сказал, что каждый из них — маленький островок, мечтающий, как бы поскорее стать материком.

— У Смоки были планы захватить Галактику, а потом обрести власть над Вселенной,— сказал Теннисон.— Он, конечно, безумец. Придумал себе маленькое ничтожное божество и собирался использовать его как секретное оружие.

— Но немножко поторопился,— добавила Джилл.— Джейсон, а ведь это ты его поторопил. Скажи честно, ты догадывался, к чему дело идет?

— Совершенно не догадывался. Я просто хитрил. Чувствовал, что он хочет выудить у меня информацию. Видимо, я зашел слишком далеко.

— И совершенно правильно сделал,— улыбнулся Экайер.

— «Маленькое божество» — вы сказали,— задумчиво проговорил Феодосий.— Но маленьких богов не существует. Есть только один Бог, один-единственный Главный Принцип, как его ни назови. Я в этом уверен. Таких вещей, как маленькие боги, не существует. И выдумывать их опасно. «Не сотвори себе кумира» — так гласит великая мудрость.

— Непонятно,— сказала Джилл,— почему это маленькое божество так много значило для Смоки. То могущество, которое он приписывал Попрыгунчику, шло вразрез с бесповоротным убеждением Центра в том, что любая религия, любое вероисповедание бессмысленны и беспочвенны.

— Такие, кто так думает, находятся всегда,— сказал Феодосий.— Стоят перед величием Вселенной обнаженные и гордятся своей наготой. Даже тогда, когда мы в конце концов отыщем ту истинную веру, поискам которой посвятили себя, обязательно найдутся такие, кто станет и ее отрицать. На самом деле их пугает не сама вера, а та дисциплина и самоограничение, которых она требует.

— А что с Декером Вторым? — спросил Экайер.— Что с ним будет?

— Он и Сноппи пока под домашним арестом,— сообщил Феодосий.— Они, похоже, совершенно неопасны, но нам нужно убедиться в этом. Единственный, кого стоит серьезно опасаться, это Смоки, но оттуда, куда мы его поместили, ему непросто убежать.

— Да некуда ему бежать,— улыбнулся Теннисон.— Теперь другие пузыри прекрасно знают о том, что он замышлял, и в Центр он вернуться не осмелится. Просто гениально поступил Шептун, захватив с собой Попрыгунчика! Даже если бы кубоиды вызволили нас оттуда вместе с Декером и Сноппи, Смоки наверняка попытался бы разыскать Попрыгунчика. Не знаю... Непонятно все-таки. Может быть, Шептун все понимал с самого начала? Он, правда, клянется, что у него и в мыслях не было брать с собой Попрыгунчика, но я почему-то не очень в этом уверен. Шептун — существо загадочное, непостижимое...

— Удивительно,— сказал Экайер,— что обитатели математического мира доставили сюда эту троицу. Как вы думаете, почему они это сделали?

— Кто может сказать? — пожала плечами Джилл.— Старички кубоиды оказались проворнее, чем мы думали. У меня такое чувство — не знаю, как сказать,— такое чувство...

— Ну, не тяни, говори, какое у тебя чувство,— поторопил ее Экайер.

— Ну, в общем, мне почему-то кажется, что они способны заглядывать вперед. Предвидеть.

— Нисколько в этом не сомневаюсь,— кивнул Теннисон.— Вот интересно, здесь ли они еще или уже отбыли? Я их потерял.

— Они отбыли,— сказала Джилл.— Куда именно, не знаю. Но я уверена, что, если они нам еще понадобятся, Шептун легко разыщет их.

— Знаете, мне кажется,— задумчиво сказал Феодосий,— что мы вернулись в прежний Ватикан. Мы можем снова начать и продолжать работу. Простите, Джейсон, не могли бы вы налить мне стаканчик того, что вы пьете? Мне хотелось бы сказать тост.

— Но... Ваше преосвященство...

— Я вылью напиток себе на подбородок,— сказал Феодосий,— и сделаю вид, что выпил.

Ошеломленный Теннисон пошел на кухню за чистым стаканом, принес и налил в него виски до краев.

Феодосий взял стакан, встал и высоко поднял его.

— За тех из вас, кто верил до конца!

Все встали и дружно выпили до дна.

Феодосий запрокинул голову и торжественно пролил виски на свой стальной подбородок...

Содержание

МОГИЛЬНИК 5

Перевод с английского К. Королева

ИГРУШКА СУДЬБЫ 157

Перевод с английского А. Козловского

ПЛАНЕТА ШЕКСПИРА 323

Перевод с английского О. Битова

ПРОЕКТ «ВАТИКАН» 495

Перевод с английского Н. Сосновской